

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

**ВЕСТНИК ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ
ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

№ 1 (6), 2021

Научный журнал

**Санкт-Петербург
Издательство СПбДА
2021**

UDC 281.93(066)

The Edition is recommended for publication
by the Publishing Council of the Russian Orthodox Church
IS R21-106-0145

Recommended for publication by the Scientific Council
of St. Petersburg Theological Academy of the Russian Orthodox Church
Protocol No. 07 from April 01, 2021

Editor-in-Chief

Dmitriy Andreevich Karpuk, Candidate of Theology, Assistant Professor, Saint Petersburg Theological Academy.

Editorial Board

Bishop of Peterhof Silouan (Nikitin Sergey Sergeyeovich), Candidate of Theology, Rector of Saint Petersburg Theological Academy.

Metropolitan Kliment of Kaluga and Borovsk (Kapalin German Mikhailovich), Doctor of Historical Sciences, Candidate of Theology, Chairman of Publishing Council of the Russian Orthodox Church, Rector of Kaluga Theological Seminary.

Bishop Seraphim of Istra (Amel'chenkov Vladimir Leonidovich), Candidate of Historical Sciences, Doctor of Theology, Chairman of the Synodal Department for Youth Affairs of the Russian Orthodox Church.

Archpriest Konstantin Aleksandrovich Kostromin, Candidate of Historical Sciences, Candidate of Theology, Assistant Professor, Saint Petersburg Theological Academy.

Archpriest Georgiy (Yuriy) Nikolayevich Mitrofanov, Candidate of Philosophical Sciences, Doctor of Theology, Professor, Saint Petersburg Theological Academy.

Natalia Yuryevna Sukhova, Doctor of Historical Sciences, Doctor of Church History, Professor, St. Tikhon's Orthodox University of Humanities.

Petr Evgen'evich Bukharkin, Doctor of Philological Sciences, Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg Theological Academy.

Aleksey Vladimirovich Petrov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Saint Petersburg Theological Academy.

Mikhail Vital'evich Shkarovskiy, Doctor of Historical Sciences, Professor, Saint Petersburg Theological Academy.

Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy:
scientific journal. – SPb.: Publ. House of SPbTA, 2018 – .

№ 1 (6) . – 2021. – 404 p.

ISSN 2587-8425 (Print)
ISSN 2687-0800 (Online)

© Publishing House of Saint Petersburg
Theological Academy, 2021

УДК 281.93(066)
ББК 86.372.24-3я5
В38

Рекомендовано к публикации
Издательским советом Русской Православной Церкви
ИС P21-106-0145

Рекомендовано к публикации Научным советом
Санкт-Петербургской Духовной Академии Русской Православной Церкви
Протокол № 07 от 01.04.2021 г.

Главный редактор

Дмитрий Андреевич Карпук, кандидат богословия, доцент Санкт-Петербургской духовной академии.

Редакционный совет

Епископ Петергофский Силуан (Никитин Сергей Сергеевич), кандидат богословия, ректор Санкт-Петербургской духовной академии.

Митрополит Калужский и Боровский Климент (Капалин Герман Михайлович), доктор исторических наук, кандидат богословия, председатель Издательского совета Русской Православной Церкви, ректор Калужской духовной семинарии.

Епископ Истринский Серафим (Амельченков Владимир Леонидович), кандидат богословия, доктор теологии, кандидат исторических наук, председатель Синодального отдела по делам молодежи.

Протоиерей Константин Александрович Костромин, кандидат исторических наук, кандидат богословия, доцент Санкт-Петербургской духовной академии.

Протоиерей Георгий (Юрий) Николаевич Митрофанов, кандидат философских наук, доктор богословия, профессор Санкт-Петербургской духовной академии.

Наталья Юрьевна Сухова, доктор исторических наук, доктор церковной истории, профессор Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

Петр Евгеньевич Бухаркин, доктор филологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета и Санкт-Петербургской духовной академии.

Алексей Владимирович Петров, доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургской духовной академии.

Михаил Витальевич Шкаровский, доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургской духовной академии.

В38 Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии : научный журнал. — СПб. : Изд-во СПбДА, 2018– .
№ 1 (6). — 2021. — 404 с.

УДК 281.93(066)
ББК 86.372.24-3я5

ISSN 2587-8425 (Print)
ISSN 2687-0800 (Online)

© Издательство Санкт-Петербургской
Духовной Академии, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции

<i>Д. А. Карпук. Александр Невский vs Духовной Академии, или Несколько слов в качестве предисловия</i>	10
--	----

Интервью

«Все этапы жизни духовной академии я всегда принимал очень близко к сердцу». Неопубликованное интервью 2014 года с заслуженным профессором Санкт-Петербургской духовной академии протоиереем Василием Стойковым (1929–2020).....	14
О римском праве, авоське с катехизисом и маршале Советского Союза Москаленко. Интервью с протоиереем Александром Мининым, выпускником Ленинградской духовной академии.....	20

Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Империя и Церковь»

<i>О. А. Балабейкина. Развитие методики преподавания Закона Божия в Российской империи начала XX в. как направление деятельности православного духовенства: протоиерей Аполлоний Темномеров</i>	31
<i>Г. В. Бежанидзе, А. Г. Фирсов. Обер-прокуроры Святейшего Синода о синодальной системе церковного управления</i>	41
<i>А. Б. Богомолов. Особенности церковного законодательства о сохранении памятников древности России в конце XIX — начале XX века</i>	51
<i>М. А. Дроздова. Религиозный вопрос в политике немецких оккупационных властей на территории Псковской губернии в 1918 г.</i>	69
<i>А. Г. Закржевский. Архиерейские перемещения в контексте бюрократизации и секуляризации церковного управления в первые десятилетия синодального периода</i>	79
<i>Священник Игорь Иванов. Околоцерковная политика Российской империи в придунайских княжествах в конце XVIII — первой половине XIX вв.</i>	87
<i>Протоиерей Михаил Иванов. Состав братии и служителей Святогорского монастыря Псковской епархии в конце XVIII в.</i>	98
<i>В. Б. Казарина. Семейные хроники священнического рода Тихомировых. К 75-летию кончины митрополита Японского Сергия (Тихомирова)</i>	106
<i>Ю. Е. Кондаков. Политическая борьба в духовной сфере по документам из собрания архимандрита Фотия (Спаского; 1792–1838)</i>	123
<i>Священник Антоний Копяев. Церковная публицистика о проблемах хулиганства в Российской империи начала XX в.</i>	140
<i>И. В. Лобанова. Церковно-историческая наука России в синодальную эпоху</i>	147
<i>В. В. Морозан. Материальное обеспечение сельского приходского духовенства Санкт-Петербургской губернии в XIX в.</i>	155
<i>А. А. Назаров. Основные принципы конфессиональной политики правительства Российской империи в отношении инославных исповеданий</i>	171

<i>Священник Павел Овчинников. Создание базы данных духовного сословия Российской империи на основе опубликованных материалов.....</i>	187
<i>М. А. Приходько. Синод и Министерство духовных дел и народного просвещения в 1817–1824 гг.</i>	193
<i>Е. Н. Ропаква. Переписка православных причтов Санкт-Петербургской епархии с органами государственного управления в XIX в.</i>	198
<i>Н. Р. Славнитский. Взаимоотношения комендантов Санкт-Петербургской крепости и Петропавловского собора (вторая половина XIX в.).....</i>	213
<i>М. Е. Смирнова. Обер-прокурор Св. Синода В. К. Саблер и его имение в Тульской губернии</i>	221
<i>А. С. Харчевников. Церковно-общественная и проповедническая деятельность протоиерея Евгения Кондратьева (1868–1938).....</i>	231
<i>М. В. Шкаровский. Русская церковь в Афинах в конце XIX — начале XX вв.....</i>	241

История Санкт-Петербургской епархии

<i>Священник Павел Кадосов. Священник Григорий Михайлов как типичный представитель петербургского приходского духовенства первой половины XVIII в.</i>	254
---	-----

Миссионерская деятельность Русской Православной Церкви

<i>Священник Вячеслав Савинцев, иеромонах Александр (Пименов). Миссионерская деятельность священника Григория Калитинкина среди старообрядцев Сапожковского уезда Рязанской епархии во второй половине XIX в.</i>	262
<i>Диакон Максим Тарасов. Миссионерская и благотворительная деятельность Миссионерского общества в Петербурге среди евреев (1865–1869).....</i>	269
<i>Иеромонах Иоанн (Лудищев). К вопросу о преобразовании Московского Сретенского монастыря в миссионерскую обитель.....</i>	287

История военного и морского духовенства

<i>Священник Георгий Безик. Влияние военного командования и военного духовенства на воспитание личного состава Русской армии в Первой мировой войне</i>	295
---	-----

К 200-летию журнала «Христианское чтение»

<i>Д. А. Карпук. Материальное положение научно-богословских журналов духовных академий в начале XX столетия</i>	308
---	-----

Из жизни академии

<i>Отчет о деятельности Студенческого литургического общества за 2019–2020 учебный год</i>	325
--	-----

Наследие профессоров Санкт-Петербургской духовной академии

<i>Протоиерей Василий Стойков. Чуриковщина, как одна из мистико-рационалистических сект нашего времени. (История и учение).....</i>	329
---	-----

<i>Протоиерей Василий Стойков. Разбор окружного послания Ксеноса</i>	336
<i>Протоиерей Василий Стойков. Исторический образ Яна Гуса (в связи с 550-летием со дня смерти)</i>	347

Некрологи

Протоиерей Адриан Андреевич Должиков (18 мая 1937 – 8 октября 2019).....	358
Протоиерей Александр Васильевич Кудряшов (2 августа 1936 – 27 июня 2020).....	361
Заслуженный профессор протоиерей Аркадий Васильевич Иванов (29 января 1925 – 14 июля 2020)	369
Протоиерей Лев Львович Церпицкий (13 мая 1948 – 25 апреля 2019)	373
Митрополит Исидор (Николай Васильевич Кириченко) (25 мая 1941 – 8 августа 2020)	376
Заслуженный профессор протоиерей Василий Иванович Стойков (22 апреля 1929 – 20 сентября 2020)	385

Отзывы и отклики

«Не будут забыты, не будут утрачены и не растворятся в неизвестности судьбы, труды и достижения наших предшественников». По поводу публикации автобиографии профессора П. С. Смирнова	401
---	-----

CONTENTS

Editor's Word

<i>Dmitry Karpuk</i> . Alexander Nevsky vs the Theological Academy, or A few words as a preface	10
--	----

Interview

“I have always taken all the stages of the spiritual academy’s life very much to heart.” Unpublished 2014 interview with Archpriest Vasily Stoykov (1929-2020), Professor Emeritus of the Saint Petersburg Theological Academy)	14
On Roman law, a string bag with a catechism and Marshal of the Soviet Union Moskalenko. Interview with Archpriest Alexander Minin, a graduate of the Leningrad Theological Academy	20

Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference “Empire and the Church”

<i>O. A. Balabeykina</i> . Development of the Methodology for Teaching the Law of God in the Russian Empire at the Beginning of the 20 th Century as the Direction of Activity of the Orthodox Clergy: Archpriest Apollonius Temnomerov	31
<i>G. V. Bezhanidze, A. G. Firsov</i> . Ober-Procurators of the Holy Synod on the Synodal System of Church Administration.....	41
<i>A. B. Bogomolov</i> . Features of Church Legislation on the Preservation of Antiquities of Russia in the Late 19 th – Early 20 th Centuries	51
<i>M. A. Drozdova</i> . The religious Issue in the Policy of the German Occupation Authorities on the Territory of the Pskov Province in 1918.....	69
<i>A. G. Zakrzhevsky</i> . Episcopal Transfers in the Context of Bureaucratization and Secularization of Church Administration in the First Decades of the Synodal Period.....	79
<i>Priest Igor Ivanov</i> . Church Policy of the Russian Empire in the Danubian Principalities at the end of the 18 th – first half of the 19 th centuries	87
<i>Archpriest Mikhail Ivanov</i> . The Composition of the Brothers and Ministers of the Svyatogorsk Monastery of the Pskov Diocese at the End of the 18 th Century	98
<i>V. B. Kazarina</i> . Family Chronicles of the Clerical Family of the Tikhomirovs. For the 75 th Anniversary of the Repose of Metropolitan Sergius (Tikhomirov) of Japan.....	106
<i>Yu. E. Kondakov</i> . Political Struggle in the Spiritual Sphere According to Documents from the Collection of Archimandrite Photius (Spassky; 1792–1838).....	123
<i>Priest Anthony Kopaev</i> . Church Journalism about the Problems of Hooliganism in the Russian Empire at the Beginning of the 20 th Century	140
<i>I. V. Lobanova</i> . Church-Historical Scholarship in Russia during the Synodal Era	147
<i>V. V. Morozan</i> . Material Support of the Rural Parish Clergy of the St. Petersburg Province in the 19 th Century.....	155
<i>A. A. Nazarov</i> . Basic Principles of the Confessional Policy of the Government of the Russian Empire in Relation to Heterodox Confessions.....	171

<i>Priest Pavel Ovchinnikov. Creation of a Database of the Clergy of the Russian Empire Based on Published Materials</i>	187
<i>M. A. Prikhodko. The Synod and the Ministry of Religious Affairs and Public Education in 1817–1824</i>	193
<i>Ye. N. Ropakova. Correspondence of the Orthodox Clergy of the St. Petersburg Diocese with Government Bodies in the 19th Century</i>	198
<i>N. R. Slavnitsky. The Relationship between the Commandants of the St. Petersburg Fortress and the Peter and Paul Cathedral (Second Half of the 19th Century)</i>	213
<i>M. E. Smirnova. Ober-Procurator of the Holy Synod V. K. Sabler and His Estate in the Tula Province</i>	221
<i>A. S. Kharchevnikov. Ecclesiastical-social and preaching activities of Archpriest Yevgeny Kondratiev (1868–1938)</i>	231
<i>M. V. Shkarovsky. The Russian Church in Athens in the Late 19th – Early 20th Centuries</i>	241

History of the Diocese of Saint Petersburg

<i>Priest Pavel Kadosov. Priest Grigory Mikhailov as a typical representative of the St. Petersburg parish clergy of the first half of the XVIII century</i>	254
--	-----

Missionary activity of the Russian Orthodox Church

<i>Priest Vyacheslav Savintsev, Hieromonk Alexander (Pimenov). The missionary activity of the priest Grigory Kalitinkin among the Old Believers of the Sapozhkovsky district of the Ryazan diocese in the second half of the XIX century</i>	262
<i>Deacon Maxim Tarasov. Missionary and Charitable activities of the Missionary Society in St. Petersburg among the Jews (1865–1869)</i>	269
<i>Hieromonk John (Ludishchev). On the Question of the Transformation of the Moscow Sretensky Monastery into a Missionary Monastery</i>	287

History of the military and naval clergy

<i>Priest George Bezik. Influence of the military command and military clergy on the Education of the Russian Army personnel in the First World War</i>	295
---	-----

On the 200th anniversary of the magazine “Christian Reading”

<i>D. A. Karpuk. The Financial Situation of the Scholarly and Theological Journals of the Theological Academies at the Beginning of the 20th Century</i>	308
---	-----

From the life of the Academy

<i>Report on the activities of the Student Liturgical Society for the 2019–2020 academic year</i>	325
---	-----

The Legacy of the Professors of St. Petersburg Theological Academy

<i>Archpriest Vasily Stoykov. Churikovschina, as one of the mystical-rationalist sects of our time. (History and Teaching)</i>	329
--	-----

<i>Archpriest Vasily Stoykov. Analysis of the Xenos District Message</i>	336
<i>Archpriest Vasily Stoykov. Historical image of Jan Huss (in connection with the 550th anniversary of his death)</i>	347

Obituaries

Archpriest Adrian Andreevich Dolzhikov (May 18, 1937 – October 8, 2019)	358
Archpriest Alexander Vasilyevich Kudryashov (August 2, 1936 – June 27, 2020)	361
Honored Professor Archpriest Arkady Vasilyevich Ivanov (January 29, 1925 – July 14, 2020)	369
Archpriest Lev Lvovich Tserpitsky (May 13, 1948 – April 25, 2019)	373
Metropolitan Isidor (Nikolai Vasilyevich Kirichenko) (May 25, 1941 – August 8, 2020)	376
Honored Professor Archpriest Vasily Ivanovich Stoykov (April 22, 1929 – September 20, 2020)	385

Reviews and Responses

“The fates, labors, and achievements of our predecessors will not be forgotten, lost, or lost in obscurity.” About the publication of the autobiography of Professor P. S. Smirnov	401
--	-----

Александр Невский vs Духовной Академии, или Несколько слов в качестве предисловия

У многих тогда мороз пробежал по коже, у некоторых даже комок подступил к горлу. 8 ноября 2019 г., завершая свою проникновенную проповедь перед гробом заслуженного профессора протоиерея Иоанна Белёвцева, отец Василий Стойков к полной неожиданности для всех произнес: «Вечная тебе память, дорогой отец Иоанн! Прости и прощай! *До встречи!*»¹. Первому проректору академии, заслуженному профессору протоиерею Василию Стойкову тогда было 90 лет. Конечно, многие из присутствовавших в тот момент в академическом храме пусть и про себя, но пожелали дорогому батюшке еще многих лет жизни... Но, к сожалению, не прошло и года, как отец Василий скончался.

Так уж получилось, что буквально за несколько лет академию покинуло целое поколение: протоиерей Иоанн Белёвцев, протоиерей Аркадий Иванов, протоиерей Василий Стойков... А ведь еще так много хотелось у них спросить!.. Все казалось, что не сегодня-завтра обязательно соберем аппаратуру, подберем время и место и обстоятельно поговорим о прошлом, которое для многих является не просто далеким, а очень далеким! Подумать только, отец Василий переступил порог тогда еще Ленинградских духовных школ в 1955 г.! Более 65-ти лет тому назад...

В этом номере «Вестника Исторического общества» впервые публикуется интервью, которое отец Василий дал несколько лет назад тогда еще студенту, а ныне методисту аспирантуры академии Дмитрию Владимировичу Петрову. Кроме того, с этого номера редакция вводит новую рубрику «Наследие профессоров Санкт-Петербургских духовных школ», в которой будут публиковаться подготовленные в свое время, но по тем или иным причинам так и не увидевшие свет статьи, доклады и другие материалы профессоров нашей духовной школы. За советский период таких материалов скопилось довольно много. Причем хранятся эти материалы не в каких-нибудь секретных фондах еще более секретных архивов, а в личных делах и соответствующих фондах академической библиотеки.

Просматривая биографии профессоров — часто заслуженных — Ленинградской духовной академии, у некоторых читателей возникает неожиданный вопрос: а почему эти уважаемые священнослужители являются заслуженными профессорами? Ведь у некоторых из них за многие десятилетия преподавательской работы всего 3 или 4 — иногда чуть больше, иногда даже и меньше — статьи. В эпоху всевозможных ринцев, скопусов и других с каждым днем множущихся наукометрических систем это выглядит по меньшей мере странно. У иных аспирантов к моменту выхода на защиту этих самых публикаций — говорим, конечно, о количестве, не о качестве — порой куда больше.

Конечно, возможностей для публикации у академических исследователей лет 40–50 назад было на порядок меньше. Цензура, редакционная политика, политическая повестка дня редакций немногочисленных богословских журналов вынужденно диктовали свои условия. Однако научно-исследовательская работа велась, что-то публиковалось, что-то в машинописном виде отправлялось в библиотеку, что-то безвозвратно терялось... То, что сохранилось, вне всякого сомнения, важно и значимо для более адекватного и объективного изучения истории отечественной духовно-академической науки. Может быть, там и не было каких-то прорывных исследований, однако работа велась, и велась она в чрезвычайно непростых условиях. В условиях, когда гораздо важнее было не науку продвигать вперед, а передавать базовые сведения по церковному пению и литургике немногочисленным студентам — будущим священнослужителям... Понятно, что статьи, написанные 50–60 лет тому назад,

¹ Заслуженный профессор протоиерей Иоанн Белёвцев [Некролог] // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2020. № 1 (4). С. 429.

не соответствуют сегодняшним правилам и требованиям разного рода веб-ов сайнсов. Поэтому нами было принято решение публиковать эти статьи без аннотаций, ключевых слов, современной историографии и т. п. Выражаем уверенность, что эти памятники отечественного православного богословия в руках нынешних профессионалов оживут и приобретут особый блеск, вес и значение. В настоящем номере публикуем три статьи — две лекции и одну актовую речь — почившего заслуженного профессора протоиерея Василия Стойкова.

Нынешний год ознаменован важными для академии юбилеями. В далеком 1721 г., в скором времени после утверждения «Духовного регламента», предписывающего в каждой епархии иметь духовную школу, в столице, которая должна была подавать пример всем остальным кафедральным городам, было открыто сразу две школы — одна в Александро-Невском монастыре, а другая — по инициативе архиепископа Феофана (Прокоповича) — на Карповке. Последняя прекратила существование в ближайшие годы после кончины своего основателя. Славянская же школа при монастыре, не такая изысканная как феофановская, медленно, но верно развивалась. В начале XIX в. на ее базе было основано сразу три учебных заведения — училище, семинария и академия. У каждого учебного заведения с этого времени был свой путь и своя история. После закрытия в 1918 г. и возобновления в 1946 г. теперь уже Ленинградские духовные школы объединили под своей крышей два учебных заведения — семинарию и академию. Таким образом, в этом году Санкт-Петербургская Духовная Академия торжественно отмечает 300-летие со дня своего основания и 75-летие со дня возрождения. Однако так уж получилось, что в этом году общецерковным юбилеем было объявлено 800-летие со дня рождения князя Александра Невского, святого, имеющего особое значение для Санкт-Петербурга. Поэтому неудивительно, что, если не всё, то большая часть внимания и ресурсов направлены на это торжество. Вот и получается, что 300-летний юбилей духовной академии оказался в тени великого воителя, дипломата, патриота и святого Русской Православной Церкви. Казалось бы, для всех заинтересованных в юбилее академии — это серьезнейший повод для грусти!

Однако некоторое время назад автору этих строк в руки попало дело о возрождении Ленинградских духовных школ, из содержания которого выяснилось, что актовую речь в день официального открытия духовных школ, 14 октября 1946 г., произнес один из талантливейших тогдашних профессоров академии священник Александр Осипов, к сожалению, отрекшийся впоследствии, как известно, от веры и Церкви. Однако в данном случае внимание на себя обратило не это обстоятельство, а тот факт, что актовая речь была посвящена... ратному подвигу святого благоверного князя Александра Невского!² Тогда, в 1946 г., академия, конечно, не праздновала, но именно на тот год приходилась круглая дата — 225-летие со дня ее основания. Вот и получается, что и сейчас Духовная Академия находится не в тени, а под покровительством и заступничеством святого Александра Невского! И пока великий воитель на ратных и дипломатических полях сражений отстаивает интересы Церкви, академические ученые, находящиеся в этой самой тени, могут спокойно заниматься своим главным трудом, не терпящим поспешности и суетливости — развитием богословской / теологической науки.

И еще два слова об одном юбилее, самым непосредственным образом связанном с этой самой богословской / теологической наукой. В текущем году уже исполнилось 200 лет с момента выхода в свет первого номера академического журнала «Христианское чтение». Некоторыми мыслями по поводу этого, вне всякого сомнения, важного юбилея мы уже поделились на страницах самого «Христианского чтения»³. Сейчас же можно высказать несколько иных мыслей — не столь, может быть, радужно-праздничных. С одной стороны, академический журнал свой юбилей встречает

² Архив СПбДА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 30. Открытие Ленинградской Духовной Академии в 1946 г. Л. 16–29.

³ Поздравление от журнала «Вестник Исторического общества» // Христианское чтение. 2021. № 1. С. 17–18.

в боевом строю и рабочем настрое. Словно горные вершины журнал покоряет один индекс за другим, входит в одни элитно-статусные списки за другими⁴. И это не может не радовать, а кого-то даже и вдохновлять.

Однако, с другой стороны, имеются и определенного рода потери. В течение длительного времени редакция журнала выплачивала гонорары... нет, не всем авторам, а только профессорам и преподавателям академии. Нельзя сказать, что после введения этой практики статьи академических наставников переполнили редакционный портфель, однако определенный стимул — когда другие не работали — все-таки был. Несколько лет тому назад этого стимула не стало. Не думаю, что это произошло потому, что преподаватели стали, прошу прощения, богаче... В юбилейный же для себя год «Христианское чтение» вошло с новой, более — надо отдать должное — солидной обложкой, но... в усеченном виде. С этого года в свет будут выходить не шесть, как раньше, а всего лишь четыре номера. Однозначно, для журнала это шаг назад. И особенно печально и грустно, что это произошло именно в юбилейный год, хотя известно, что вопрос об уменьшении числа выходов обсуждался в течение уже нескольких последних лет.

Нет нужды говорить, что все эти оптимизационные сокращения происходят явно не от хорошей жизни. Совершенно очевидно, что там, за завесой и под покровом редакционной жизни, происходят некие неведомые для нас процессы, результаты которых мы видим уже в виде определенных — зачастую вынужденных — решений. Однако чтобы в юбилейный год не говорить о нынешних сложностях, в этом номере «Вестника Исторического общества» публикуется статья редактора журнала о проблемах и трудностях, которые испытывали богословские журналы духовных академий чуть более столетия назад — накануне революционных событий 1917 г. Директор издательства Санкт-Петербургской Духовной Академии, по просьбе которого рабочий вариант этой статьи увидел свет чуть раньше журнальной версии⁵, писал на официальном сайте, что это «не статья — роман»⁶. Романом, конечно, этот опус назвать сложно, но повод для серьезного разговора и таких же размышлений вводимые в научные оборот архивные документы, вне всякого сомнения, дают. Вот только будут ли обсуждать эти вопросы те, от кого зависят судьбы этих самых богословских журналов? Увы, вопрос, к сожалению, скорее всего, риторический...

Теперь несколько слов о содержании журнала. В нынешнем номере в разделе «Интервью» опубликована беседа не только с отцом Василием Стойковым, но и с выпускником нашей академии протоиереем Александром Мининым. Как кажется, интервью оказалось довольно честным, чрезвычайно интересным и весьма информативным для истории академии. За то, что эта беседа состоялась, редакция журнала выражает сердечную благодарность выпускнику академии и члену Исторического общества Олегу Брехову. Редактор журнала и руководитель Общества давно и настойчиво призывал и призывает нынешних студентов брать интервью у выпускников академии прежних лет — своих настоятелей, знакомых священников. И вот, наконец-то, результатом этих увещаний стало первое, и надеемся, не последнее интервью. Хочется верить, что этот пример станет заразительным (хотя в эпоху ковида слово «заразительным» звучит слегка двусмысленно...).

Центральным блоком данного номера «Вестника Исторического общества» являются материалы *Всероссийской научно-практической конференции «Империя и Церковь»*.

⁴ Журнал «Христианское чтение» включен в перечень журналов МГУ // Издательство Санкт-Петербургской духовной академии. URL: https://izdat-spbda.ru/news/article_post/zhurnal-hristianskoe-chtenie-vklyuchen-v-perechen-zhurnalov-mgu (дата обращения 12.04.2021).

⁵ Карпук Д. А. Материальное положение научно-богословских журналов духовных академий в начале XX столетия // Издательство Санкт-Петербургской Духовной Академии. URL: https://izdat-spbda.ru/f/karpuk_d_a_o_zhurnalalah.pdf (дата обращения 12.04.2021).

⁶ Волужков Д. В. Несколько мыслей о наших научных журналах // Издательство Санкт-Петербургской Духовной Академии. URL: <https://izdat-spbda.ru/viewpoint/post/d-v-voluzhkov-neskolkomyslej-o-nashih-nauchnyh-zhurnalalah> (дата обращения 12.04.2021).

Редакция журнала в данном случае искренне благодарит всех участников конференции, которая состоялась в прошлом году, буквально за несколько дней до начала известного карантина. Тогда еще никто и предположить не мог, насколько все серьезно и как долго все это будет продолжаться. О самой конференции и содержании докладов, большая часть которых и представлена в нынешнем номере, информация опубликована в предыдущем номере журнала, посвященном теме «Православие на Дальнем Востоке»⁷. В тот момент, когда пишутся эти строки, полным ходом идет подготовка уже ко второй конференции «Империя и Церковь», посвященной 300-летию Святейшего Правительствующего Синода, проведение которой запланировано на 13–14 мая 2021 г.

В традиционной рубрике журнала «*История Санкт-Петербургской епархии*» наш постоянный автор священник Павел Кадосов представляет очередное свое исследование, посвященное петербургскому духовенству XVIII в. Статья, как и все предыдущие, основана на большом количестве архивных источников и впервые вводимых в научный оборот неопубликованных данных.

Раздел, посвященный *миссионерской деятельности Русской Православной Церкви*, включает три статьи. Одна из них посвящена просветительской деятельности православного духовенства среди старообрядцев в Рязанской губернии в XIX в. Во второй рассматривается попытка проведения миссионерской и благотворительной деятельности отдельных представителей Миссионерского общества в Санкт-Петербурге среди евреев в 1860-х гг. Третья статья посвящена попытке преобразовать Московский Сретенский монастырь в 1919 г. в миссионерскую обитель.

В рубрике «*История военного и морского духовенства*», которая появляется в нашем журнале впервые, публикуется статья о влиянии военного духовенства Русской Православной Церкви на личный состав русской армии в годы Первой мировой войны.

После упомянутой в первой части этого введения рубрики «Наследие профессоров Санкт-Петербургских духовных школ», идет раздел «*Из жизни академии*» с отчетом о деятельности *Студенческого литургического общества* в прошлом учебном году, оказавшемся, как известно, несколько усеченным в связи с переживаемой пандемией.

Увы, не устанем печалиться, но перспектив, что раздел «*Некрологи*» когда-нибудь будет пропущен редакцией журнала, практически нет. В этом номере опубликованы материалы о почивших протоиереях Адриане Должикове, Александре Кудряшове, Аркадии Иванове, Льве Церпицком, Василии Стойкове и митрополите Кубанском Исидоре. Обращает на себя внимание тот факт, что практически все они в разное время были не только выпускниками, но и преподавателями нашей духовной академии.

В рубрике «*Отзывы и отклики*» размещаем письмо нашего читателя и родственника профессора дореволюционной Санкт-Петербургской духовной академии П. С. Смирнова. Отрадно, что отдельные материалы, публикуемые на страницах журнала, приносят определенную пользу и позволяют некоторые семьям узнать о своих корнях.

Завершаем же данное предисловие традиционным приглашением всех желающих к активному участию в жизни «Вестника Исторического общества». Особенно это актуально в юбилейный для Санкт-Петербургской Духовной Академии год.

Д. А. Карпук

⁷ Д. К. Отчет о деятельности Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии в 2019–2020 учебном году // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2020. № 2 (5). С. 311–323.

«ВСЕ ЭТАПЫ ЖИЗНИ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ Я ВСЕГДА ПРИНИМАЛ ОЧЕНЬ БЛИЗКО К СЕРДЦУ»

Неопубликованное интервью 2014 года с заслуженным профессором Санкт-Петербургской духовной академии протоиереем Василием Стойковым (1929–2020)

О жизненном пути с его радостями и трудностями, о различных поколениях студенчества, о служении и преподавании, о кафедре церковно-практических дисциплин и преподаваемой дисциплине «Христианская аскетика и этика» рассказал первый проректор Санкт-Петербургской духовной академии, заслуженный профессор протоиерей Василий Стойков. Беседу в рамках практического задания по дисциплине «Религия и СМИ» в апреле 2014 г. провел магистрант, в настоящее время методист аспирантуры Санкт-Петербургской духовной академии Дмитрий Владимирович Петров.

Отец Василий, расскажите об обстоятельствах Вашего поступления в Санкт-Петербургскую, тогда еще Ленинградскую духовную академию.

Мой путь в академию был довольно простой. В 1948 г. я поступил в Одесскую духовную семинарию. Причем сразу был принят на второй курс или, как тогда говорили,

во второй класс. В 1951 г. закончил семинарию и в числе других выпускников был направлен в Ленинградскую духовную академию. Как видите, это очень простой путь. Так обычно и приходили в академию.

У Вас было стремление остаться в академии или желание служить на приходе?

Я намеревался служить на приходе, поэтому на четвертом курсе академии я принял сан диакона, а потом сан священника. Однако Совет нашей академии решил оставить меня профессорским стипендиатом по кафедре Истории Славянских Церквей. Тогда же Учебный комитет, который возглавлял митрополит Ленинградский Григорий (Чуков), поручил мне заняться преподаванием Истории Славянских Церквей. Это объяснялось тем, что мой наставник профессор протоиерей Василий Верюжский, руководивший моей кандидатской работой, в феврале 1955 г. скончался и кафедра осталась свободной. Меня назначили преподавать четыре часа в неделю на IV курсе академии. Вот так я остался на кафедре.

Кроме того, в течение года мне необходимо было составить стипендиатский отчет о работе над источниками по теме исследования. Действительно, в течение 1955–1956 учебного года я составил конспект лекций по истории Болгарской Православной Церкви. На этом моя деятельность в качестве стипендиата закончилась. Потом на кафедру Истории Славянских Церквей был назначен профессор, направленный из Учебного комитета, а мне было поручено преподавать другие предметы.

Какие именно предметы Вам приходилось преподавать в академии?

Литургику на 3-м и 4-м курсах семинарии. Затем мне довелось преподавать сектоведение, расколоведение, догматическое богословие в семинарии, в академии — гомилетику, патрологию, аскетику... Бывало, что одни преподаватели уходили на пенсию, другие переходили в иные духовные школы (в частности, протоиереи Иоанн Козлов и Андрей Сергеев перешли в Московскую духовную академию), и мне доставались их предметы.

У Вас наверняка сохранилось множество воспоминаний о времени Вашего служения в академии?

Конечно, все этапы жизни духовной академии я всегда принимал очень близко к сердцу. Я просто не мыслил себя вне преподавательской корпорации. Поэтому события, происходившие в академии, всегда были значимы для меня. Разумеется, самые яркие воспоминания связаны с тем периодом, когда нашим правящим архиереем был приснопамятный Никодим (Ротов), митрополит Ленинградский и Новгородский. Тогда он также возглавлял Отдел внешних церковных сношений Московского Патриархата. Его деятельность пришлась на 50–60-ые годы, когда государством на Церковь осуществлялось сильное давление. Советские власти закрывали храмы, старались не допускать священников к служению. Поступление в духовные школы также было ограничено. Их выпускники зачастую не могли устроиться на приход, потому что уполномоченные по делам религии не давали регистрации. Это было весьма непростое время...

С другой стороны, тогда же оживилась научная и учебная жизнь нашей духовной академии. Все это благодаря тому, что в то время ректором был архиепископ Кирилл (Гундяев), нынешний Святейший Патриарх. Десятилетие его ректорства благотворно сказалось и на научной деятельности, и на учебном процессе. Если раньше мы принимали в семинарию только на один курс, то при владыке Кирилле стали принимать 60 человек, т. е. на два параллельных курса. С этого же времени стало постепенно увеличиваться количество поступающих и в академию.

Следует отметить, что в ректорство владыки Кирилла в учебный процесс были включены семинары. Они были весьма основательные. Студентам нужно было в течение месяца готовиться, работать над первоисточниками и святоотеческими творениями, писать тексты рефератов, а потом участвовать в их обсуждении на семинаре.

Что касается научной деятельности, то и здесь жизнь не стояла на месте. Преподаватели академии активно привлекались митрополитом Никодимом к участию в научных конференциях, в частности, совместно с католиками и протестантами. Проводились многочисленные миротворческие конференции. Соответственно, преподавателям необходимо было составлять доклады для участия в этих научных и церковно-общественных мероприятиях, а потом еще и писать на их основе статьи для публикации в «Журнале Московской Патриархии». Несомненно, это был яркий и незабываемый период в жизни нашей духовной школы!

Отец Василий, какие тенденции в жизни академии в настоящее время Вы могли бы отметить?

Сегодня жизнь нашей академии прежде всего определяется теми положениями, которые разрабатываются Учебным комитетом Русской Православной Церкви. Продолжается процесс коренного преобразования духовного образования. Сегодня система духовного образования состоит из бакалавриата, магистратуры и аспирантуры. Эти три ступени прочно вошли в жизнь академии, засвидетельствовали о своей жизнеспособности и дали соответствующие благие результаты. Правда, насколько мне известно, в нашей аспирантуре сейчас не так много желающих обучаться, но, уверен, это направление будет развиваться должным образом.

Вы преподаете на кафедре церковно-практических дисциплин. В чем, по Вашему мнению, значение этой кафедры для процесса духовного образования?

Само собой разумеется, что каждое отделение — богословское, библейское, церковно-историческое и церковно-практическое, а также факультет церковных искусств — имеет свое предназначение и решает свои задачи. Общее у них — дать определенную специализацию учащимся наших духовных школ, чтобы они затем могли быть преподавателями, занимать те или иные должности, трудиться на самых разных церковных поприщах.

Что же касается кафедры церковно-практических дисциплин, то она имеет своей целью готовить пастырей, которые осуществляли бы служение в Церкви, такое, какое нужно в настоящее время. Известно, что сегодня очень много разных направлений в жизни нашей Церкви. Это и пастырское служение в больницах, в тюрьмах, в армии и т. д. Это и чтение лекций в светских высших учебных заведениях, и проведение занятий в школах по Основам православной культуры... Здесь требуется множество специальных знаний, практических навыков, и все это нужно для того, чтобы должным образом осуществлять различные направления пастырской деятельности, связанные с запросами современного общества.

Александрo-Свирский монастырь. 17 апреля 2016 г.

В настоящее время Вы преподаете в магистратуре «Христианскую этику и аскетику». Как бы Вы могли оценить значение этой дисциплины в системе других богословских наук?

Само название данного предмета — «Христианская этика и аскетика» указывает на то, что здесь есть самая тесная связь между этикой и аскетикой. Кроме того, он имеет непосредственное отношение к другим богословским предметам — нравственному, догматическому и пастырскому богословию. Разумеется, «Христианская этика и аскетика» несет в себе прежде всего практическую направленность, поскольку дает священнику возможность ознакомиться с аскетическими воззрениями подвижников, оставивших после себя многочисленные творения — свидетельства о подвиге христианской жизни. Святые отцы-аскеты преподавали наставления не только подвижающимся в монастырях либо в отшельничестве, но и всем вообще христианам. Потому аскетика, как предмет, имеет отношение к каждому человеку, стремящемуся к нравственному совершенству. Аскетика дает определенные указания и наставления, касающиеся того, каким образом заповеди и нравственные требования, данные нам в Божественном Откровении — в частности, в Евангелии, в посланиях апостольских, — возможно претворять в жизнь. Также аскетика учит преодолевать свои недостатки, страсти, пороки, и, в то же время, учит приобретать добродетели. Поэтому это так важно — если будущий священник как следует изучает данный предмет, то он может прилагать те или иные полученные знания к своей собственной духовной жизни. А осуществляя правильно свою духовную жизнь, он уже делится с прихожанами примерами, наставлениями из своего личного и святоотеческого опыта.

Аскетизм — это в первую очередь личный подвиг каждого конкретного человека. Следует понимать аскетизм как в узком, так и в широком смысле. Повторюсь — аскетизм применим не только к монашествующим, но и к каждому вообще христианину. Поэтому тот, кто стремится к нравственному совершенству и спасению, должен знать, по крайней мере, основы аскетики.

Какова, на Ваш взгляд, роль православной аскетики в жизни обычного человека?

Полагаю, аскетика должна быть знакома не только пастырям, но и мирянам, ведь те наставления, которые мы находим у святых отцов, приложимы в жизни каждого человека. Недаром Оптина пустынь, занимавшаяся просветительской и издательской деятельностью, издавала творения святых отцов, которые доступны для понимания каждого христианина. Это, например, «Лествица» преподобного Иоанна Лествичника, поучения аввы Доротея... Между прочим, творения аввы Доротея переиздавались многократно, ибо они были очень популярны в народе. Вообще чтение святых отцов в должном аскетическом направлении несомненно может помочь каждому вдумчивому христианину получить из этих творений необходимые наставления для своей собственной духовной жизни.

Как бы Вы охарактеризовали отношение аскетики к современной психологии?

Полагаю, аскетика тесно связана со святоотеческой психологией, а святоотеческая психология — это психология греха и добродетелей. В этом отношении, конечно же, есть тесная связь с психологией, с той именно психологией, которая заложена в творениях святых отцов и учителей Церкви. Что же касается современной психологии, то она, как известно, имеет разные направления. Думаю, если современная психология соответствует своему названию, т. е. если она признает наличие души, то из такой психологии можно почерпнуть необходимые сведения для того, чтобы сочетать, сравнивать или сопоставлять с теми данными, которые мы находим в святоотеческой психологии.

Отец Василий, что бы Вы сказали о современном студенчестве?

Думаю, будет справедливым вначале несколько слов сказать о тех студентах, которые учились в советские времена. Тогда в академию было очень непросто поступить.

Круглый стол памяти архиеп. Михаила (Мудьюгина).
Книжная гостиная, 26 февраля 2019 г.

Абитуриенты проходили жесткую проверку со стороны властей. Бывали случаи, когда задерживали письма с документами для поступления. Если удавалось пройти одни препятствия, то тогда уполномоченные по делам религии чинили уже другие препоны. В 60-е годы нередки были случаи, когда окончившие семинарию или академию священнослужители не могли устроиться на приходское служение, потому что уполномоченные не давали регистрацию, а без нее невозможно было служить. Архиереи были готовы рукополагать выпускников духовных школ, а уполномоченные не давали им регистрацию... Приходилось прикладывать множество усилий, чтобы преодолевать эти и многие другие препятствия. С другой стороны, преодоление всех этих искусственных преград только укрепляло и закаляло дух учащихся того времени.

Знаете, есть такой подход в агрономии, когда семена готовятся особым образом в холоде, так сказать, закаляются. Такое закаливание необходимо, чтобы обеспечить лучшую всхожесть семян. Потом эти семена дадут и лучший урожай. Наши учащиеся в советские времена, можно сказать, тоже проходили такую своеобразную закалку.

Что же касается современных студентов, то подобных трудностей они, разумеется, не испытывают. Даже, скорее всего, и не представляют, какие препятствия чинились несколько десятков лет тому назад таким же молодым людям, как они. С одной стороны, отсутствие такой закалки в какой-то степени является недостатком нынешней молодежи. С другой — современные студенты имеют качества и преимущества, которых раньше не было. Например, в академию поступают те, кто обучался в воскресных школах, окончил духовные училища либо даже семинарии, и, таким образом, имеют уже определенные знания. Более того, они воцерковлены, что очень важно. Есть и еще один аспект. Сегодня мы все живем в мире новых технологий, новых достижений... Конечно же, это далеко неоднозначно. Поэтому у сегодняшних студентов есть как определенные преимущества — которые, естественно, не должны побуждать к самодовольству и самоуспокоенности, — так и определенные, скажем так, «новые вызовы». В любом случае надо стремиться, прежде всего, к обогащению знаниями, и этим нужно заниматься всю жизнь — с юных лет и до глубокой старости.

Что бы Вы пожелали современным студентам?

Хочется многого пожелать. Не терять понапрасну время, а как можно скорее брать темы для своих выпускных работ и усердно работать над ними. Стремиться как можно больше обогащаться знаниями. Сегодня студенты активно пользуются Интернетом, и это очень хорошо, просто замечательно, что есть такая возможность. Но все же мне хотелось бы пожелать, чтобы студенты непосредственно обращались к творениям святых отцов, чтобы стремились в руках подержать, стремились воспринять это великое наследие, приобщиться к трудам тех, кто переводил святоотеческие труды. Очень хотелось бы, чтобы было живое ощущение общения с книгой, в особенности со святоотеческими творениями. Эти труды являются неисчерпаемым духовным кладом, к которому надо стараться постоянно припадать, чтобы обогащаться знаниями и чувствовать дух святоотеческого богословия. Оно, это богословие, не было отвлеченным, оно всегда было направлено на решение практических, актуальных задач и запросов общества.

О РИМСКОМ ПРАВЕ, АВОСЬКЕ С КАТЕХИЗИСОМ И МАРШАЛЕ СОВЕТСКОГО СОЮЗА МОСКАЛЕНКО

Интервью с протоиереем Александром Мининым, выпускником Ленинградской духовной академии

Отец Александр, чтобы не совершить какой-либо ошибки, я воспользуюсь главным принципом герменевтики: «Пока жив автор, нужно узнать у него самого, кто он такой». Расскажите, пожалуйста, о себе.

Родился я 15 декабря 1940 г. в деревне Новобоженово Кировской области. После войны, в 1948 г. пошел в школу, которую закончил в 1958 г. В 1959 г. меня призвали в армию, где я служил три года. Первый год в Выборге, заканчивал учебный отряд морской авиации, потом два года в Свердловской области, между Нижним Тагилом и Алапаевском, в ракетных войсках. В 1961 г. мы запускали серию ракет в район Тихого океана, испытывали их. При этом присутствовал маршал Советского Союза Кирилл Семенович Москаленко, с которым мы ежедневно встречались на разводе, и он со всеми нами здоровался за руку. Демобилизовался я в 1962 г. Когда пришел из армии, мать была очень больна, и 10 июня 1963 г. я ее похоронил. Отца моего еще в 1941 г. призвали на фронт, где он и погиб.

В 1964 г. я поступил в Ленинградскую духовную семинарию и закончил ее в 1968 г. в возрасте двадцати восьми лет. Владыка Никодим (Ротов), управлявший тогда Ленинградской епархией, вызвал меня и говорит: «Саша, пиши прошение в академию! Тебе передавать ничего не надо, у тебя хорошие оценки». В самом деле, у меня

Интервью с протоиереем Александром Мининым

были всего две четверки, а остальные пятерки. Я прямо у него в кабинете написал прошение. С 1968 по 1972 гг. учился в академии. По окончании получил направление в ту епархию, откуда я и поступал — в Пермскую область к владыке Иоасафу (Овсянникову), которого в 1973 г. перевели на Ростовскую и Новочеркасскую кафедру. Владыка взял меня с собой, попросив помогать ему на первых порах. Мне, признаться, уезжать не хотелось — я знал всю епархию, все знали меня... Однако вот, как приехал я в Ростовскую епархию, так и несу свое пастырское послушание в ней и по сей день. В 1976 г. меня рукоположили в сан диакона, и в том же году, на Воздвижение Животворящего Креста Господня, — уже во пресвитера. Вот так с тех пор уже более сорока лет я несу свое священническое служение.

Расскажите о Вашей жизни в академии во время учебы.

Когда я учился, мы — как и сегодняшние студенты — жили и учились в корпусе под номером семнадцать. Только вот в те годы здание принадлежало академии не полностью, а только правая его часть: с подвала и до самого четвертого этажа. Из левой части академии принадлежал только четвертый этаж, а три оставшихся этажа занимало какое-то училище. Мне кажется, что власти тогда отдали академии весь четвертый этаж лишь затем, чтобы сбросить с себя заботы о крыше.

В те годы было какое-то давление со стороны властей или уже никаких проблем и притеснений не было?

Мы, студенты, во время учебы какого-то давления не чувствовали. Возможно, оно и было, но с этим сталкивалась скорее наша администрация. До студентов ничего такое не доходило и учебе, соответственно, не мешало.

А вот для того, чтобы поступить в академию, приходилось сталкиваться с целым рядом трудностей. Как минимум, это был уполномоченный по делам религий. Люди, занимавшие эту должность, нередко в грубой, вызывающей форме позволяли себе высказываться в адрес желающих поступить в духовную школу. Когда я подал документы для поступления, меня сразу же вызвали на беседу к первому секретарю райкома партии. Когда мы уже все поступили, нам предоставили временную прописку в Ленинграде. В паспортный стол мы не ходили, а вот в военкомат идти пришлось. Там какой-то старший лейтенант, уже в возрасте, принимал каждого отдельно, и с каждым отдельно проводил беседу. Как было с другими, я не знаю, не спрашивал, но, когда

Александр Минин и Анатолий Капинос.
ЛДАиС. Самоподготовка. 1967 г.

Александр Минин. Самоподготовка.
ЛДАиС. 1967 г.

Новочеркасский Вознесенский собор.
Ок. 1985 г.

подошла моя очередь, он сразу начал ругаться: вы, будущие священники, просто работать не хотите, халтурщики, тунеядцы и т. д. Слушать это, сами понимаете, было неприятно. Подумалось: «Молча взять билет и уйти или что-то сказать этому человеку?» Я выбрал второй вариант, и когда старший лейтенант замолчал, начал говорить: «Кто Вам дал право оскорблять меня? Я добросовестно отслужил три года в армии. У меня шестнадцать благодарностей, в том числе одна от маршала Советского Союза Москаленко. Мой отец, защищая Родину, сложил свою голову, мать тяжело работала в тылу, что сказалось на ее здоровье и стало причиной ее ранней смерти. Вы за спиной моего отца себе жизнь сохранили, а теперь издеваетесь над его сыном!..» Он не ожидал такого и даже не нашелся что сказать. Я попрощался с ним, взял свой военный билет и ушел. Вот такую трудность довелось мне испытать.

Стипендия в те времена, говорят, была хорошая. Это так?

Да, это правда. У меня стипендия была двадцать рублей. Большие деньги, особенно если учесть, что мы питались, учились и жили за счет академии. Тем, кто хорошо, т. е. без троек учился, давали дополнительную стипендию — двадцать пять рублей. На четвертом курсе стипендия была уже сорок рублей. Для нас тогдашних это были большие деньги, особенно если учесть, что средняя зарплата в СССР в те годы была около семидесяти рублей. Так что в материальном отношении у нас все было отлично, академия об этом очень радела.

А когда тогдашних студентов благословляли на ношение подрясника?

На четвертом курсе, перед хиротесией во чтеца. Подрясники, как и кители, шили за счет академии.

Были ли в те годы послушания на вахтах или в трапезной?

Послушаний на вахте у нас не было, только в трапезной. Да и то, это делалось скорее для контроля рабочих и поваров, чтобы они продукты, которые выделялись нам, клали в котел, а не себе в сумки. Полы и санузлы мы никогда не мыли, для этого были специальные уборщицы. Наше дело было простым, но и, одновременно, сложным — учиться.

Были ли тогда постоянные послушания?

Да, были. В храме все несли свое послушание, студенты были разделены на богослужебные череды. Я, к примеру, был уставщиком, причем тогда это еще называлось «головщик». Готовил службы, регентовал. Правда, это было уже в годы учебы в академии. Службы, или как мы их называли, «череды», выпадали примерно два раза

в месяц, не больше. В первом и во втором классе пономарили только по будним дням, в третьем классе — по праздникам и воскресеньям.

*Вы также несли иподиаконское послушание у митрополита Никодима (Ротова).
Расскажите об этом.*

Из моего класса у митрополита Никодима иподиаконствовали четыре человека: Владимир Гундяев, ныне патриарх Московский и всея Руси Кирилл, Александр Красиков, Игорь Толстухин и я. Владыка Никодим, сколько я его помню, всегда был спокойным и уравновешенным человеком. Даже если во время службы кто-то, в том числе и священнослужитель, совершал какие-либо ошибки, он никогда их не поправлял во время богослужения. После службы мог что-то сказать, но во время — никогда не повышал голоса.

Нас, своих иподиаконов, владыка часто отправлял помогать гостившим архиереям. Меня при этом обычно ставил старшим иподиаконом и разрешал подбирать ребят для полного иподиаконского состава. Однажды в Великом Новгороде в праздник Воздвижения Креста Господня мне довелось иподиаконствовать у митрополита Антония (Блума). По приходам мы тоже вместе ездили.

Владыка Никодим в те времена был очень занятым человеком — он же возглавлял Отдел внешних церковных сношений. И если сейчас в этом отделе много сотрудников, которые помогают председателю, то тогда помощников, особенно имеющих должное образование, было крайне мало. В связи с этим владыке приходилось все доклады, документы готовить самому. А ведь он, помимо этого, еще управлял епархией! Самым удивительным было то, что он, если надо, мог принимать посетителей даже ночью. У владыки никогда не было четко установленных дней или часов приема.

Новочеркасский Вознесенский собор.
Отец Александр — настоятель собора, третий справа в нижнем ряду

Иерей Александр Минин.
Станица Тацинская. Ок. 1994 г.

Когда он был свободен, к нему мог обратиться абсолютно любой человек. Но такими трудами он, как мне кажется, и подорвал свое здоровье...

Как-то запомнилось, что однажды я даже подстригал владыку! Ему не хотелось звать парикмахера. У владыки были проблемы с кожей из-за сахарного диабета и потому он обратился ко мне...

Я знаю, что в определенных кругах о владыке Никодиме существуют не самые лестные мнения. Это удивительно, ведь зачастую это говорят люди, которые его при жизни не видели и не имели с ним личного общения. По-моему, негативное мнение о нем начало создаваться в годы Поместного Собора 1970 г. После кончины патриарха Алексия I (Симанского) должны были состояться выборы нового Предстоятеля, и кандидатура владыки Никодима была первой. Однако соответствующие органы СССР не хотели, чтобы владыка занимал эту должность, поскольку он был слишком активным человеком и способствовал возрождению Церкви. Поэтому, чтобы как-то объяснить избрание патриархом не отличавшегося особой активностью митрополита Пимена (Извекова),

власти пошли на этот шаг — стала распространяться информация, что владыка Никодим недостойн, потому что общается с католиками и протестантами... Этот информационный вброс не то, чтобы сыграл роль, но свое дело сделал.

Поместный Собор проходил как раз во время Вашей учебы?

Да, и владыка Никодим нас, своих иподиаконов, взял с собой на Собор. Повторюсь, что весь этот негатив вокруг владыки, по моему мнению, был создан искусственно. Люди его любили. Службы владыки всегда проходили при полных храмах.

Кстати, я всегда удивлялся его памяти: владыка знал наизусть множество тропарей, кондаков, мог без труда назвать день поминовения любого святого. Более того, он знал поименно всех студентов, и старался приходить на экзамены, когда был свободен и хорошо себя чувствовал. Наш класс владыка очень любил и всегда старался общаться с нами. На Пасху мы с ним всегда служили в Никольском соборе, который тогда был кафедральным, и после богослужения владыка всегда звал всех священнослужителей и иподиаконов разговляться вместе с ним.

В годы моей учебы о владыке Никодиме ходили слухи, что он экуменист, и, если станет Патриархом, то объединит Православную Церковь с Католической. Когда к нам приезжал митрополит Антоний (Блум), некоторые студенты ему об этом сказали и спросили, что он думает на сей счет. Ответ его был лаконичен: «Даже если бы все архиереи Русской Православной Церкви этого хотели, этого не будет, пока в России правит коммунистический строй».

Вы застали годы ректорства владыки Михаила (Мудьюгина)?

Да, я его застал. Он ведь академию закончил, кажется, в 1964-м или 1965-м... Мы как раз поступили на первый курс, и он — тогда священник — жил у нас

в комнате. Помню, как он после общего завтрака всегда шел в библиотеку, а вечером, уже в комнате, общался с нами на разные богословские темы. К студентам он всегда хорошо относился, с уважением. После того, как отец Михаил защитил свою выпускную работу, он отслужил благодарственный молебен, и мы с курсом на нем пели. В дальнейшем он преподавал в академии, но не у нашего курса.

Спустя два года, в 1966 г. отец Михаил был назначен ректором академии. При нем как раз начали читать Священное Писание на богослужении, то есть Апостол и Ветхозаветные паремии, на русском языке. Потом уже он принял постриг и стал епископом Тихвинским, викарием владыки Никодима.

Владыка Михаил был очень образованным человеком. У него было светское образование — инженер по паровым котлам. Прекрасно знал несколько языков, в том числе немецкий и английский, а также, если не ошибаюсь, немного польский.

Известно, что владыка Никодим спас академию от закрытия, организовав факультет иностранных студентов. Много ли иностранцев училось в годы Вашей учебы?

Вначале Сталин разрешил открыть восемь семинарий, из которых пять были закрыты в годы так называемых «хрущевских гонений». Когда я поступал в 1964 г., в стране было всего три семинарии: Московская, Ленинградская и Одесская, но в последнюю в том году уже запретили принимать студентов. Правда, в ноябре Хрущева

ЛДАиС. Ок. 1965–1966 гг. Первый ряд. Самый крайний справа — Лев Николаевич Парийский, второй справа — ректор протоиерей Михаил Сперанский, третий — епископ Филарет (Вахромеев), четвертый — митрополит Никодим (Ротов), пятый — представитель греческой делегации, шестой — епископ Филарет (Денисенко).

В первом ряду второй слева — Николай Дмитриевич Успенский, во втором ряду справа от него — Владимир Мустафин, а слева от Успенского, также во втором ряду — Владимир Рысин, левее от него (второй ряд, первый слева) — Владимир Гундяев (ныне патриарх Кирилл)

Ок. 1974 г. на архиерейской службе
у владыки Иоасафа (Овсянникова)

отправили на пенсию, и Одесская семинария смогла продолжить работу.

Чтобы не закрыли Ленинградскую духовную академию, владыка Никодим создал факультет иностранных студентов, куда приглашал учиться абитуриентов из разных стран: Эфиопии, Венгрии, Финляндии, было даже из Японии десять человек и двое из Индии. Причем, насколько я помню, изначально японец был один. Ему было одиноко, в силу незнания русского языка не с кем было поговорить. Но это скорее помогало, заставляло его активнее учить наш язык. Когда приехали другие японцы, то держались они своей группой и редко общались на русском языке.

Помимо православных иностранцев, к нам приезжали представители других христианских конфессий. Как-то к нам приехал из Франции один монах бенедиктинского ордена. Он в библиотеке академии что-то искал, и я однажды попросил его помочь мне с домашним заданием — перевести две страницы решений Второго Ватиканского Собора. Он сразу же согласился мне помочь.

Что же касается давления на Церковь, то, судя по действиям, которые предпринимал владыка Никодим, оно действительно было. Я изначально не хотел поступать

в академию, и владыка мне тогда сказал: «Саша, вот ты не будешь поступать, тот не пойдет, другой не пойдет... Не наберем мы студентов, академию закроют, а если потом наступят лучшие времена, открыть ее будет уже сложнее». Я ответил: «Владыка, Вы говорите страшные для меня слова. Если я дальше буду жить с мыслью, что из-за меня пострадала академия, я не смогу даже спокойно спать». Конечно же, я написал прошение на продолжение учебы. Вообще владыка Никодим заботился об академии едва ли не больше, чем ректор и инспектор. Конечно, у него и возможности были другие...

В годы Вашей учебы при академии не было ни регентского отделения, не иконописного. Где же семинаристы находили себе спутниц жизни?

Тут, наверное, все индивидуально. Хотя выход в город и был у нас свободным, но все понимали, что если жениться на ленинградке, то не факт, что она за тобой куда-то поедет. Ведь ты же не знаешь, куда тебя жизнь забросит. К примеру, когда я служил в армии, у нас были офицеры, которые заканчивали академию имени Жуковского в Москве, женились там, после чего их посылали куда-нибудь на Урал. Жены, конечно же, ехали сначала с ними, но, посмотрев месяца два-три на местные условия, бросали их и возвращались в Москву.

Мы часто слышим: времена разные и потому нравы разные. Когда декабристов ссылали в Сибирь, то жены ехали с ними и несли этот крест до конца вместе. Я не говорю, что сейчас все иначе, но много ли найдется девушек, которые готовы со своим мужем поехать в любое место? Поэтому чаще ребята старались искать себе пару в тех местах, откуда они сами родом. Это очень хорошо, что сейчас в академии есть два отделения, где можно найти себе верующую супругу, которая и на приходе

станет верной помощницей: создать хор, преподавать в воскресной школе или даже помочь с росписью храма.

Основным храмом у вас, как и у нас, был храм апостола и евангелиста Иоанна Богослова. А Успенский храм тогда же был открыт?

Да, этот храм владыка Никодим открыл, и художников для его росписи из Москвы привез. Я в нем часто пел. Служить владыка очень любил, а если сам не служил, то просто молился во время службы. Когда Успенский храм открылся, Владимир Гундяев уже принял монашество с именем Кирилл, стал иеромонахом. Он в этом храме служил, я пел в хоре вместе с другими ребятами, а владыка в правом приделе храма молился. Обычно мы вчетвером пели, поскольку храм совсем небольшой, и управлял хором Михаил Ващенко.

Каким был распорядок дня у вас?

Да, я думаю, как и у вас сегодня. В восемь утра молитва, завтрак, потом лекции, обед после третьей лекции, потом самоподготовка, ужин, в десять вечера молитва в храме и отбой. Я ведь прошел военную школу, и после нее в семинарии было привычно и легко. Разница с армией в основном в том, что утром вместо физзарядки молитва, как и вечером вместо вечерней прогулки.

Какими были тогда каникулы?

В семинарии, да и в академии, было так: мы сдавали последний экзамен, заполняли обходной лист, собирали необходимые подписи, печати, получали стипендию

Коленопреклонные молитвы на вечерне в день Пятидесятницы.
Новочеркасский Вознесенский собор. Ок. 1985 г.

Слева направо: Александр Осяк,
владыка Иоасаф (Овсянников),
Александр Минин.
Ростовский Кафедральный Собор.
Ок. 1975 г.

за летние каникулы и уезжали домой. Тогда, конечно, по возвращении в академию никаких справок о том, где нес послушания во время каникул, от нас не требовали. Бюрократии было меньше, а доверия больше. Пасхальных каникул у нас не было, но на летние мы уезжали примерно через две-три недели после Пасхи. Кстати, учебный год у нас начинался не по гражданскому календарю, а по церковному — с 14 сентября. Потом уже владыка Михаил (Мудьюгин), когда стал ректором в 1966 г., ввел начало занятий с 1 сентября.

*Значит, летние каникулы у вас были
целых три месяца?*

Да, три месяца. Зимние начинались примерно с 28–29 декабря и продолжались до Крещения. В Москве обычно студентов делили на две группы, и пока одна отдыхала, вторая оставалась в семинарии, потом менялись. Мы, честно скажу, очень радовались, что у нас была другая практика.

*Кто из преподавателей Вам запом-
нился больше всего?*

Я помню всех своих преподавателей, и в молитвах всегда их поминаю. Начну со Льва Николаевича Парийского. Человек он был очень хороший. Долгое время был у нас инспектором и вел патрологию. Кстати, Лев Николаевич был фактически псаломщиком у патриарха Алексия (Симанского). Пение он, как и патриарх, любил унисонно-старообрядческое.

Также приближенным к патриарху был Михаил Филаретович Русаков, который вел у нас греческий язык. Сам он заканчивал два факультета Санкт-Петербургского университета: археологический и филологический. Михаил Филаретович был культурно очень богатым человеком: устраивал для студентов поездки по Пушкинским местам, местам Достоевского и Некрасова, активно водил студентов в театры, рассказывал о многих памятниках города. Нас всегда удивляло его знание таких подробностей, о которых многие даже не думают. Как-то он привел нас к памятнику Николаю I на Исаакиевской площади. Император сидит верхом на лошади, которая стоит на задних копытах. И Михаил Филаретович начал нам рассказывать, что главной проблемой скульптора было уравновесить памятник. Решить эту проблему удалось, сделав голову коня пустотелой, а хвост залив свинцом для тяжести. Когда он вел нас в театр, то по пути рассказывал, кто какую роль и как будет играть. Удивительно талантливый человек был!

Катехизис у нас вел Дмитрий Дмитриевич Вознесенский, также очень образованный и порядочный человек. Родом он был из Пскова. Его отец был священником, а сам Дмитрий Дмитриевич уже в одиннадцатилетнем возрасте читал на клиросе и помогал отцу на службе. Он был очень музыкален: знал весь обиход, множество различных напевов антифонов, Херувимской и т. д. Женат никогда не был. Нам почему-то всегда казалось, что он по жизни слегка юродствовал. К примеру, любил, если левое ухо зачесалось, через всю голову тянуться к нему правой рукой. Ходил всегда

с авоськой, в которой носил Катехизис святителя Филарета (Дроздова) на славянском языке. Как-то студенты решили скинуться деньгами, кто чем богат, и сделать ему подарок — портфель. Купили, принесли, подарили. А Дмитрий Дмитриевич как ходил с авоськой, так и дальше продолжил ходить... Еще он очень хорошо знал латинский и греческий языки. Рассказывал, что к нему обращались за помощью в переводе латинских текстов студенты из медицинского университета. Умер Дмитрий Дмитриевич 21 мая 1970 г., и я участвовал в его похоронах на Охтинском кладбище.

Помню отца Георгия Тельписа. Он закончил академию в 1964 г., а в следующем уже вел у нас Новый Завет. К лекциям он всегда тщательно готовился, очень ответственно к этому делу подходил. Мы часто видели отца Георгия в библиотеке с кипой бумаг и книг.

Каноническое право у нас вел Павел Пантелеймонович Игнатов. Он заканчивал юридический факультет Санкт-Петербургского университета, если не ошибаюсь, еще до революции. Он нам рассказывал, как работают криминалисты, как готовятся дела для судебного разбирательства, делился своим опытом... К примеру, случай, когда необходимо было изобличить автора анонимного письма. Письмо это содержало множество грамматических ошибок. Подозреваемому стали диктовать тот же самый текст, и он, хоть и старался изменить почерк, но ошибки допустил те же самые. Так его и поймали... Учил нас Павел Пантелеймонович не только каноническому праву, но и римскому, которое прекрасно знал. Рассказывал, что в Римской империи нельзя было в ночное время забирать преступника, потому что ночью творятся лишь темные дела. Нужно, чтобы это все происходило днем и при свидетелях, а не как когда-то в Советском Союзе, когда утром уже не знали, куда ночью пропал человек...

Хорошо помню отца Владимира Сорокина, отца Германа (Тимофеева), который тогда еще был Геннадием. Ректор, при котором я поступал на семинарию — отец Михаил Сперанский. Он родом из Тамбова, в свое время отсидел в сталинских лагерях. Слава Богу, Господь даровал ему долгие годы жизни! Очень простой был

Слева направо: Георгий Колесников, Иван Пулик,
протоиерей Александр Минин, Олег Брехов

Протоиерей Александр Минин и Олег Брехов

человек, доступный и общительный. Однажды, еще в первые годы моего обучения, владыка Иоасаф приехал в академию, и мы втроем — я, владыка и отец ректор — пили чай. Отец Михаил за чаепитием шутил: «Люди всегда находят объяснение для того, чего они хотят. Вот, некий пьяница привязал муху за лапу, сел, смотрит на нее. Она полетела — он выпил за ее отъезд, дернул ее к себе за эту веревочку, она подлетела к нему — выпил за приезд!»

Все это те люди, которые успели застать дореволюционную Санкт-Петербургскую духовную академию, которые помнили ее устои, традиции. Причем, общаться с ними всегда было легко и просто. Разумеется, многие из них были уже весьма преклонного возраста и нужно было искать им замену. Владыка Никодим активно занимался поиском молодых кадров, и, как правило, это были выпускники нашей же академии. Таким образом происходило ее естественное самообновление.

Сейчас, конечно же, если я приду в академию, мало кого увижу из знакомых. Может быть, отца Владимира Мустафина. Мы с ним учились вместе на одном курсе...

Отец Александр, что Вы хотели бы пожелать нынешним студентам академии?

Нынешним студентам академии — как, впрочем, и любым студентам — хочется прежде всего пожелать горячего стремления к учебе. Особенно, когда это духовная школа. Крайне важно, чтобы человек, приняв священный сан, смог ответить на любой вопрос, который ему зададут люди. Чем больше будущий пастырь будет знать, тем легче ему будет общаться с людьми.

Также хотелось бы пожелать, чтобы у всех выпускников Санкт-Петербургской духовной академии оставались об их alma mater лишь самые добрые и теплые воспоминания на всю жизнь.

И напоследок. Как хорошо, что наша академия хранит свои старые добрые традиции. Не каждая духовная школа может этим похвастаться!...

Беседовал соискатель Санкт-Петербургской духовной академии Олег Брехов

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 1 (6)

2021

О. А. Балабейкина

**Развитие методики преподавания Закона Божия
в Российской империи начала XX в. как направление
деятельности православного духовенства:
протоиерей Аполлоний Темномеров**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_1_31

Аннотация: В статье раскрывается тема значимости развития методики преподавания Закона Божия в Российской империи предреволюционных десятилетий. Становление методики преподавания Закона Божия в России имеет длинную историю, которая претерпевала все периоды реорганизации образовательного процесса и актуальна в наши дни. Религиозно-методическое наследие протоиерея Аполлония Темноменова имеет исключительное значение для преподавания Закона Божия, поскольку он был знаком с проблемами преподавания данной дисциплины, будучи не только законоучителем, но и занимая должность церковного чиновника в сфере религиозного образования. Протоиерей Аполлоний Темномеров имел свое видение оптимизации учебного процесса, которое неоднократно декларировал в учебно-методических изданиях. Предложенные им методы и приемы служили основой для преподавателей, которые хотели повысить уровень знаний учащихся. Основная особенность его системы — преподаватель должен реализовывать идею связи учебного материала с реальной духовной жизнью учащихся. Протоиерей Аполлоний Темномеров ставил приоритетными воспитательные цели, при этом дисциплина «Закон Божий» должна была служить, в первую очередь, религиозно-нравственному развитию учащихся.

Ключевые слова: протоиерей Аполлоний Темномеров, Закон Божий, история христианской Церкви, Священное Писание, Новый Завет, законоучитель, богословие, духовная академия.

Об авторе: **Ольга Александровна Балабейкина**

Кандидат географических наук, доцент кафедры региональной экономики и природопользования Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

E-mail: olga8011@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9520-8880>

Ссылка на статью: Балабейкина О. А. Развитие методики преподавания Закона Божия в Российской империи начала XX в. как направление деятельности православного духовенства: протоиерей Аполлоний Темномеров // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 1 (6). С. 31–40.

* Фотографии предоставлены автором.

**HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

Scientific Journal

No. 1 (6)

2021

O. A. Balabeykina

**Development of the Methodology for Teaching the Law of God
in the Russian Empire at the Beginning of the 20th Century
as the Direction of Activity of the Orthodox Clergy:
Archpriest Apollonius Temnomerov**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_1_31

Abstract: The article reveals the topic of the significance of the development of the methodology for teaching the Law of God in the Russian Empire during the pre-revolutionary decades. The formation of the methodology for teaching the Law of God in Russia has a long history, which has undergone all periods of reorganization of the educational process and is relevant today. The religious and methodological heritage of Archpriest Apollonius Temnomerov is of exceptional importance for teaching the Law of God, since he was familiar with the problems of teaching this discipline, being not only a teacher of the law, but also holding the position of a church official in the field of religious education. Archpriest Apollonius Temnomerov had his own vision of optimizing the educational process, which he repeatedly declared in educational and methodological publications. The methods and techniques he proposed served as a basis for teachers who wanted to improve the level of students' knowledge. The main feature of his system is that the teacher must implement the idea of linking the educational material with the real spiritual life of students. Archpriest Apollonius Temnomerov prioritized educational goals, while the discipline the "Law of God" was to serve, first of all, the religious and moral development of students.

Keywords: Archpriest Apollonius Temnomerov, the Law of God, history of the Christian Church, Holy Scripture, New Testament, teacher of the law, theology, theological academy.

About the author: Olga Alexandrovna Balabeykina

Candidate of Geographic Sciences, Associate Professor of the Department of Regional Economics and Environmental Management, St. Petersburg State University of Economics.

E-mail: olga8011@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9520-8880>

Article link: Balabeykina O. A. Development of the Methodology for Teaching the Law of God in the Russian Empire at the Beginning of the 20th Century as the Direction of Activity of the Orthodox Clergy: Archpriest Apollonius Temnomerov. *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2021, no. 1 (6), pp. 31–40.

* Photographs supplied by the author.

Актуальность обращения к вопросам, связанным со становлением методики преподавания Закона Божия в Российской империи, на нынешнем этапе развития общества обусловлена, в первую очередь, остротой и широким кругом проблем, которые стоят перед современными педагогами воскресных школ и учителями православных и светских учебных заведений среднего общего (полного) образования, где ведется преподавание «Основ православной культуры» или иных дисциплин, близких по названию и смысловому содержанию.

В постсоветской России в начале 1990-х гг. вместе со снятием идеологических запретов и ограничений в области свободы вероисповедания и осуществления миссионерской деятельности начался динамичный рост православных приходов, а вместе с ними и детских воскресных школ. Официально возрождение религиозного образования и воспитания в нашей стране ведет отсчет с 1991 г., когда осуществление его стало возможным в «учебных учреждениях негосударственного типа»¹. На тот момент имелись ввиду только воскресные школы и православные гимназии. Практически сразу обозначился, а со временем еще более обострился вопрос организации и содержания занятий в приходских воскресных школах для детей, а также уроков в православных гимназиях. В условиях почти полного отсутствия поначалу учебных программ и методических разработок, обеспечивающих преподавание Закона Божия, педагоги и священники оказались в весьма затруднительной ситуации.

Потребовалось немалое количество времени, чтобы уже на основе опыта первых лет преподавания Закона Божия были созданы и опубликованы труды методического и содержательного характера, направленные на оптимизацию обучения в приходских воскресных школах и светских православных учебных заведениях, служащие подспорьем для педагогов и священнослужителей.

Между тем, опыт разработки методических указаний для преподавания Закона Божия имелся еще Российской империи. Более того, судя по количеству и качеству трудов, авторы которых касались данного вопроса, в отечественной педагогике открывались очень хорошие перспективы для дальнейшего развития означенного направления на высоком научном и практическом уровнях. Реализации серьезных для того времени методических достижений помешали события Октябрьского переворота, повлекшие за собой отделение Церкви от государства, а затем и запрет на религиозное воспитание. Формально предмет «Закон Божий» был удален из школьного образования в начале 1918 г.²

Но важно понимать, что в России в конце XIX — начале XX вв., буквально в последние десятилетия, предшествовавшие революции 1917 г., вопросам методики преподавания Закона Божия стало уделяться особенно пристальное внимание. Период конца XIX — начала XX вв. в Российской империи был ознаменован общественными нестроениями и волнениями, связанными с распространением нигилистических и антирелигиозных воззрений. Для успешной борьбы с последними необходимо было, в том числе, оптимизировать преподавание Закона Божия — важнейшей вероучительной дисциплины, а также разработать методы обучения, позволяющие сделать процесс его изучения живым и интересным. На государственном уровне вопросы религиозного образования, среди прочих важных для Церкви и общества, поднимались в рамках Всероссийского миссионерского съезда в июле 1908 г. Далее, в 1909 г. последовало проведение мероприятия, посвященного обсуждению проблем преподавания Закона Божия. Им стал Всероссийский съезд преподавателей Закона Божия.

Научный и практический интерес к методике преподавания Закона Божия в дореволюционные годы, в первую очередь, был объективирован в трудах священников Евгения Федоровича Сосунцова (Казань) и Аполлония Михайловича Темномерова

¹ Бычкова В. М. Некоторые моменты из истории преподавания Закона Божия в России // Вестник ПСТГУ. Серия 4: Педагогика. Психология. 2009. № 1 (12). С. 19.

² Феранонт (Кашин), митр. Дискуссия 1917 года о преподавании Закона Божия в школах (по материалам Костромской епархии) // Богословский вестник. 2019. № 4 (35). С. 153.

(Санкт-Петербург — Петроград), а также архиепископа Тверского Фаддея (Успенского)³, причисленного к лику святых в сонме священномучеников в конце XX в. Заслуживает упоминания как законоучитель, оставивший значительный след в развитии методики преподавания Закона Божия в дореволюционный период, еще один петербургский священнослужитель — протоиерей Александр Дернов⁴. Были тогда опубликованы и работы некоторых других авторов, но наиболее существенный вклад в развитие обозначенного вопроса внесли именно названные выше деятели Православной Церкви.

Если педагогическому наследию архиепископа Фаддея (Успенского)⁵ и священника Евгения Сосунцова⁶ посвящены отдельные научные статьи, то личность и труды протоиерея Аполлония Темномера только кратко упоминаются в работах историков богословско-педагогической мысли⁷. Между тем, очевидно, что и его биография, и содержание созданных им многочисленных работ, отражающих разные, преимущественно методические, вопросы религиозного образования и воспитания, заслуживают особого внимания исследователя.

Протоиерей Аполлоний Михайлович Темномеров родился в 1867 г. Он происходил из семьи священника Олонецкой губернии и прошел типичный для выходцев из духовенства путь обучения в Петрозаводском духовном училище и Олонецкой духовной семинарии, а затем поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию. Двое из четверых его родных братьев, Василий и Никанор, также окончили Санкт-Петербургскую духовную академию, как и он, были священнослужителями (протоиерей Никанор Темномеров с 1897 г. занимал пост настоятеля Князь-Владимирского собора в Санкт-Петербурге), законоучителями, богословами, православными писателями⁸.

По окончании Санкт-Петербургской духовной академии в 1892 г. со степенью кандидата богословия Аполлоний Темномеров был оставлен в ней в качестве профессорского стипендиата. В 1898 г. состоялась его священническая хиротония, а после — назначение на служение в храм свв. апп. Петра и Павла при Николаевской инженерной академии и училище. С 1899 г. священник Аполлоний Темномеров занимал должность помощника наблюдателя по преподаванию Закона Божия в Санкт-Петербургских начальных училищах. Его послереволюционная биография, как и у большинства священников того времени, трагична. В 1918 г. отец Аполлоний покинул Петроград, чтобы поселиться в нынешнем Краснодарском крае. Известно, что он был одним из ярких сторонников обновленческого движения, но в 1925 г. принес публичное покаяние, за которым последовало присоединение к Патриаршей Церкви. Земной путь протоиерея Аполлония завершился в 1933 г. с арестом и приговором к расстрелу по делу архиепископа Феофила (Богоявленского). Интересно, что одна из его дочерей — Ксения Аполлоновна Темномера (в замужестве Чернихова) пережила блокаду, прожила долгую жизнь и была очень талантливым учителем английского языка.

³ Дивногорцева С. Ю. Историко-педагогическое наследие и опыт школьного православного образования в России // Православие и духовно-нравственное становление личности современника. Материалы международной научно-практической конференции (11–12 декабря 2019 г., Пюхтицкий Успенский монастырь). Куремяэ, Эстония, 2019. С. 110.

⁴ Дернов А. А., *прот.* Методика Закона Божия: Чтения по Закону Божию об истинно-христиан. воспитании: в 3-х ч. 3-е изд., знач. доп., с прил. указ. предм. и имен. СПб., 1913. XVI, 663 с.

⁵ Кирилл (Зинковский), *иером.*, Кузнецова К. В. «Записки по дидактике» священномученика Фаддея Успенского: современное прочтение // Православие и духовно-нравственное становление личности современника. Куремяэ, Эстония, 2019. С. 201–206.

⁶ Рыбина Е. А. Законоучитель Евгений Федорович Сосунцов и его методическое наследие // Педагогические чтения в ННГУ. Сборник научных статей всероссийской научно-практической конференции (10–11 декабря 2015 г., Нижний Новгород — Арзамас). Нижний Новгород — Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2015. С. 32–35.

⁷ Боченков В. В. Как жити, чтобы святу быти // Отечественные записки. 2014. № 5 (62). С. 219.

⁸ Хареева Л. С. Заонежские священники Темномеровы: из истории рода духовных пастырей // Музей-заповедник «Кижы». URL: <http://kizhi.karelia.ru/library/ryabininskie-chteniya-2015/1520.html> (дата обращения 28.11.2020).

Священники Александр Маков, Александр Пурлевский,
Аполлоний Темномеров и диакон Петр Голощапов.
Краснодар. 1920-е гг.

В 1934 г. у нее родилась дочь Елена, родная внучка отца Аполлония. Таланты Елены Яковлевны Черниковой (1934–2018 гг.), как и у ее деда, проявились в области методики преподавания, но не Закона Божия, а школьной географии⁹. Она была кандидатом географических наук, доцентом и много лет преподавала методические дисциплины на географическом факультете РГПУ им. А. И. Герцена.

Прежде чем перейти к анализу содержания методического наследия протоиерея Аполлония Темномерова, следует кратко обозначить, что собой представляла система религиозного образования в тот период. С 1874 г. осуществление итогового контроля над качеством преподавания Закона Божию регламентировалось «Положением о начальных народных училищах» и вменялось епархиальному архиерею¹⁰, но из-за большого объема работы при епархиях непосредственное наблюдение за процессом обучения осуществляли должностные лица, наделенные соответствующими полномочиями.

В конце XIX — начале XX вв., когда должность церковного чиновника в области религиозного образования в столичном городе занимал священник Аполлоний Темномеров, Закон Божий был обязательным для преподавания предметом в любом из начальных и средних учебных заведений. Дисциплина была структурирована и подразделялась на четыре основных раздела — катехизис, Священная история, молитвы, учение о богослужении. История христианской Церкви выступала в качестве дополнительного предмета в средних учебных заведениях¹¹.

На острую проблему, связанную с недостатком методических разработок для успешного обучения данной дисциплине, отец Аполлоний откликнулся в содержании своих неоднократно переизданных еще до революции трудов, среди которых заметное место отводится книге «Методика преподавания Закона Божия»¹².

⁹ Черникова Е. Я. Изучение климата на уроках географии (пособие для учителей). М., 1973. 158 с.

¹⁰ Козлов В. В. Организационное обеспечение обучения Закону Божьему в начальной общеобразовательной школе в Центральном Черноземье в конце XIX — начале XX вв. // Научные ведомости БелГУ. Серия: История. Политология. 2009. № 9 (64). С. 148.

¹¹ Титова Е. Е. Личность законоучителя как важнейший фактор религиозного образования // Светское и духовное культурное наследие как целостная основа формирования личности современника. Шестые Пюхтицкие чтения. Материалы международной научно-практической конференции (11–12 декабря 2017 г., Пюхтицкий Успенский монастырь). Куремая, Эстония, 2019. С. 269.

¹² Темномеров А., прот. Методика преподавания Закона Божия / Сост. пом. глав. наблюдателя за преподаванием Закона Божия в нач. гор. училищах Петрограда. Пг., 1915. [2], II, 296 с.

Темномеров А., прот. Методика преподавания Закона Божия. Пг., 1915

Далее с опорой на ее содержание будет рассмотрена специфика развития методики преподавания Закона Божия в предреволюционной России.

В начале XX в. инспекционные проверки выявляли многочисленные нарушения в процессе преподавания Закона Божия, связанные с формальным и даже небрежным подходом к его осуществлению законоучителями¹³. Поэтому неудивительно, что в первую очередь отец Аполлоний акцентирует внимание на вероучительном значении «Закона Божия», выставляя в приоритет учебным целям воспитательные, говоря, что «знания Закона Божия должны служить христианскому воспитанию»¹⁴. Автор призывает законоучителей к осознанию того, что главной задачей является не изучение Закона Божия — т. е., формальное изложение программного материала с последующим зазубриванием и демонстрированием знаний на экзамене, а *научение* детей Закону Божию. Иными словами, содержание дисциплины и сведения, которые предлагает законоучитель, должны воспитывать сердце и душу христианина.

Анализируя ситуацию в сфере преподавания Закона Божия в период начала XX в., протоиерей Аполлоний Темномеров

выделяет две, с его точки зрения, важнейшие проблемы, негативным образом сказывающиеся на процессе обучения: формализация последнего, с одной стороны, и игнорирование содержания учебной программы в пользу отвлеченного обсуждения вопросов нравственного характера, с другой. Одна из основных мыслей, которую он пытается донести до законоучителей и других читателей, заключается в том, что воспитательные цели должны достигаться именно через содержание программы дисциплины «Закон Божий», не превращая уроки по нему в проповеди или разбор школьных происшествий дисциплинарного характера.

Выделив в качестве основной цель воспитания православного христианина, т. е., по его выражению, «возбуждение и укрепление в детях религиозной жизни по духу Православной Церкви»¹⁵, отец Аполлоний говорит о том, что достижение ее предопределяет высокие нравственные требования к личности самого учителя. В первую очередь, законоучитель сам должен быть глубоко верующим человеком, который не стесняется, в угоду традициям времени, проявлять свою религиозность. В то же время, автор предостерегает от проявлений экзальтированного и даже эпатажного поведения «в выражении религиозной настроенности», справедливо отмечая, что кроме насмешек и отвращения, у детей это вызвать ничего не может. Преподавать Закон Божий необходимо с искренним воодушевлением, которое возможно только в том случае, если сердце самого учителя открыто Христовым истинам и в своих действиях он всегда руководствуется Евангельскими истинами: «Только от сердца сказанное

¹³ Кошина О. В. Законоучитель дореволюционной школы: духовный пастырь или рядовой учитель? // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2017. Т. 17. № 4. С. 65.

¹⁴ Темномеров А., прот. Методика преподавания Закона Божия... С. 1.

¹⁵ Там же. С. 12.

слово находит себе отклик в сердце маленьких слушателей; только чувство может воспламенить чувство»¹⁶. Т. е., основная задача законоучителя — преподавать с таким воодушевлением, выражающимся в яркости, сердечности при изложении учебного материала, чтобы Сам Господь коснулся детских сердец. Автор призывает стремиться к тому, чтобы ученики, увлекаемые искренней верой и знаниями учителя, сами могли прочувствовать значимость для временной и вечной жизни того, о чем говорится в рамках уроков Закона Божия.

К положительным качествам методических работ протоиерея Аполлония Темномерова нужно в первую очередь отнести их практическую ориентированность. Помимо теоретических рассуждений, автор дает практические рекомендации, на которые мог опираться законоучитель того времени. Так, например, уделив большое внимание необходимости посредством продуманной выразительной речи сделать урок интересным, он предостерегает от употребления излишне сложных и витиеватых грамматических конструкций, недоступных пониманию детей из-за их возрастных особенностей.

Одно из важных указаний отца Аполлония сводится к пользе цитирований отрывков из Священного Писания и приоритете их перед вольным пересказом сюжетов. Автор даже приводит для сравнения конкретный пример последнего: «одна хананейская женщина, язычница, шла за Иисусом Христом и громко просила Его об исцелении дочери, в которую вселился злой дух и очень мучил ее»¹⁷, утверждая, что более выразительно и эмоционально прозвучат подлинные слова Евангелия (Мф 15:22), сопровождавшие эту сцену, а значит, больше шансов затронуть струны религиозных чувств детей.

Еще одна важная проблема, которой уделяет внимание отец Аполлоний — культура речи законоучителя. В первую очередь, он говорит о недопустимости употребления грубых и простонародных выражений, а также необдуманных фраз, зачастую даже искажающих смысл представления о Боге или церковном таинстве. Очевидно, что к обязанностям в рамках занимаемой должности церковного чиновника в области религиозного образования протоиерей Аполлоний Темномеров относился не формально, поэтому так ярко приводимые им примеры злоупотреблений последними из уст законоучителей¹⁸: «Бог-Отец изображается в виде старика», «Дева Мария решила навсегда остаться в девушках», «младенца при крещении троекратно окунают в воду» и т. д.

Другой важной ошибкой современных ему законоучителей автор считает замену православной лексики «светской». Так, видимо, в ходе инспекций были выявлены случаи, когда Понтий Пилат учителем по Закону Божию обозначался губернатором Иудеи, хитон Господень назывался вязаной рубашкой, а верующие во Христа объединялись в группу его сторонников или партии¹⁹. Отец Аполлоний находит достойным похвалы стремление адаптировать излагаемый материал для детского восприятия, но предостерегает от таких крайностей, демонстрирующих, как он указывает, неблагоприятное и даже кощунственное отношение к предмету.

При всей значимости профессиональных качеств законоучителя, позволяющих ему образно и ярко излагать материал, самым необходимым остается его любовь к детям. Причем, проявляющаяся в ровном и терпеливом доброжелательном отношении. Профессионализм учителя должен проявляться и в умении грамотно структурировать учебный материал и излагать его с учетом индивидуальных особенностей обучающихся. Под последним отец Аполлоний в первую очередь подразумевает уровень их интеллектуального развития и возрастные характеристики²⁰.

В рассматриваемый период конца XIX — начала XX вв. уровень развития методики ограничивался двумя основными формами обучения: изложение материала

¹⁶ Там же. С. 14.

¹⁷ Там же. С. 19.

¹⁸ Там же. С. 20.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 48.

в форме монолога учителя («излагающая», «ахроматическая») и его предметный диалог с учениками («вопросно-ответная», «эротематическая») ²¹. Последняя из указанных форм подразделяется также на катехизическую и эвристическую. Катехизическая форма диалога нередко употреблялась законоучителями, т. к. существовал учебник по катехизису, содержание которого было обличено в вопросно-ответную форму. Признавая значение всех обозначенных форм в процессе преподавания Закона Божия, протоиерей Аполлоний Темномеров указывал на необходимость развивать у учащихся умение мыслить самостоятельно, а средством для этого он считал более активное использование на уроках эвристических вопросов, особенно в младших классах. В качестве аргумента приводится мнение, что вывод и заключение, к которому ребенок пришел в результате собственного рассуждения, гораздо лучше закрепляется в его памяти и сознании, чем пассивно воспринимаемые знания.

Конкретные практические рекомендации, которые предлагает отец Аполлоний для учителя, начинаются с перечисления структурных элементов программы «Закона Божия», в преподавании которых следует опираться на изложение материала, а далее отдельно тех из них, где лучше всего использовать систему вопросов и ответов. К первым в рассматриваемом учебнике относятся события Священной истории, вероучительные догматы, последование богослужения, обряды и таинства Церкви, значение слов церковного обихода, а ко вторым — рассказы нравственного характера, примеры практической реализации теоретических знаний по Закону Божию в повседневной жизни. Справедливо полагая, что наибольшие затруднения у учителя могут быть связаны с правильной формулировкой вопросов для конструктивной беседы в процессе преподавания, протоиерей Аполлоний Темномеров предлагает ряд советов и предостережений. Последние касаются использования вопросов, уже содержащих потенциальный ответ: «Не завидовал ли кто блаженству прародителей?» и т. п. В качестве альтернативы такого рода вопросам, способствующей, в отличие от них, развитию мыслительных процессов и усвоению фактического материала, автор предлагает следующий пример: «Почему враг рода человеческого не хотел, чтобы люди блаженствовали в раю? Как он достиг того, что Бог изгнал людей из рая?» ²². Кроме того, учителю крайне не рекомендуется при составлении вопросов использовать сложные грамматические конструкции, вводные слова. Вопрос, адресованный детям, должен быть кратким, точным и не допускающим двойной трактовки. Важной рекомендацией является требование к развернутому и полному ответу ученика на вопрос. Но самое ценное в рассматриваемом учебнике по методике преподавания Закона Божия для законоучителя того времени — это многочисленные приводимые примеры конкретных эвристических вопросов и заданий по каждому блоку. Например, для изучения Священного Писания и Предания отец Аполлоний предлагает формулировать их таким образом: «Какие вам известны священные книги Ветхого и Нового Завета? Отыщите в Библии те изречения Священного Писания, которые вы знаете наизусть» ²³.

Очевидно, что законоучителя того времени серьезно нуждались в источниках практических рекомендаций методического характера. Сам отец Аполлоний отмечает многочисленные случаи небрежного отношения к преподаваемому предмету, обусловленного недостаточным уровнем педагогической квалификации либо причинами нравственного характера. Так, им лично в ходе проверок были выявлены недопустимые, но широко распространенные случаи, когда урок по Закону Божию сводится к требованию выучить по учебнику содержание указанных учителем страниц ²⁴. Такой подход не мог способствовать адекватному восприятию детьми учебного материала.

Протоиерей Аполлоний Темномеров справедливо указывал, что в процессе преподавания Закона Божия необходимо развивать грамотность речи учеников, способность логически и самостоятельно мыслить, но главное — суметь привить им основы

²¹ Там же. С. 59.

²² Там же. С. 65.

²³ Там же. С. 71.

²⁴ Там же. С. 75–76.

религиозно-нравственного воспитания, чтобы в дальнейшей жизни они опирались на вероучительные знания, полученные в ходе уроков. Достижение этой цели требует, чтобы религиозные образы прочно закрепились в сознании обучаемых. Известно, что учитывая возрастные особенности психических процессов, также нужно опираться на разные каналы восприятия, где ведущую роль играют слуховой и зрительный. Поэтому отец Аполлоний уделяет отдельное внимание использованию наглядных средств обучения, обозначая, что на тот момент в преподавании Закона Божия наблюдался явный недостаток этого: «В отношении наглядности преподавания Закон Божий стоит далеко позади других предметов и самое сознание необходимости более наглядного, показательного преподавания этого предмета недостаточно глубоко захватило законоучительную среду»²⁵. Использование наглядных средств обучения ограничивалось, по наблюдениям автора, демонстрацией сюжетных картин, отражающих события Священной истории, сопровождаемой комментариями учителя. Отец Аполлоний справедливо указывает, что этого недостаточно и обозначает поиски для расширения вовлекаемых средств наглядности в качестве актуальной проблемы в области методики преподавания для своего времени. Он указывает на то, что наглядными примерами должна быть наполнена речь самого учителя, как и жестикуляция, которую, с его точки зрения, особенно уместно использовать при описании действий, сопровождающих последование богослужения. Осознавая проблему отсутствия наглядных дидактических средств преподавания Закона Божия, отец Аполлоний рекомендует часть уроков проводить в условиях храмового пространства и привлекать учащихся, по мере возможности, к прислуживанию в алтаре.

За общими рекомендациями в рассматриваемом учебнике по методике преподавания Закона Божия следует изложение содержания материала для младших школьников по главным разделам программы. Подробно разъясняется значение текстов молитв, праздничных тропарей, песнопений. Раскрывается значение многих церковнославянских слов, употребляемых в богослужбном обиходе и не используемых в повседневной речи, а потому недоступных для понимания детей младшего школьного возраста. Краткость и емкость в изложении, доступность, понятность материала для детей — важные отличительные достоинства учебника по методике преподавания Закона Божия отца Аполлония.

Протоиерей Аполлоний Темномеров, занимая должность церковного чиновника в области религиозного образования и сам будучи преподавателем Закона Божия, а также талантливым ученым и писателем, внес существенный вклад в развитие методики преподавания обозначенной дисциплины. Его работы содержат ценные рекомендации практического характера, актуальные и в современных условиях, а потому заслуживают дидактического осмысления, анализа и использования на практике, с учетом трансформации общественных процессов и уровня развития технологий.

Источники и литература

1. Боченков В. В. Как жити, чтобы святу быти // Отечественные записки. 2014. № 5 (62). С. 209–229.
2. Бычкова В. М. Некоторые моменты из истории преподавания Закона Божия в России // Вестник ПСТГУ. Серия 4: Педагогика. Психология. 2009. № 1 (12). С. 7–20.
3. Дернов А. А., прот. Методика Закона Божия: Чтения по Закону Божию об истинно-христиан. воспитании: в 3-х ч. 3-е изд., и знач. доп., с прил. указ. предм. и имен. СПб.: Я. Башмаков и К°, 1913. XVI, 663 с.
4. Дивногорцева С. Ю. Историко-педагогическое наследие и опыт школьного православного образования в России // Православие и духовно-нравственное становление

²⁵ Там же. С. 116.

личности современника. Материалы международной научно-практической конференции (11–12 декабря 2019 г., Пюхтицкий Успенский монастырь). Куремяз, Эстония, 2019. С. 108–113.

5. *Кирилл (Зинковский), иером., Кузнецова К. В.* «Записки по дидактике» священномученика Фаддея Успенского: современное прочтение // Православие и духовно-нравственное становление личности современника. Материалы международной научно-практической конференции (11–12 декабря 2019 г., Пюхтицкий Успенский монастырь). Куремяз, Эстония, 2019. С. 201–206.

6. *Козлов В. В.* Организационное обеспечение обучения Закону Божьему в начальной общеобразовательной школе в Центральном Черноземье в конце XIX – начале XX вв. // Научные ведомости БелГУ. Серия: История. Политология. 2009. № 9 (64). С. 148–154.

7. *Кошина О. В.* Законоучитель дореволюционной школы: духовный пастырь или рядовой учитель? // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2017. Т. 17. № 4. С. 63–72.

8. *Рыбина Е. А.* Законоучитель Евгений Федорович Сосунцов и его методическое наследие // Педагогические чтения в ННГУ. Сборник научных статей всероссийской научно-практической конференции (10–11 декабря 2015 г., Нижний Новгород – Арзамас). Нижний Новгород – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2015. С. 32–35.

9. *Темномеров А., прот.* Методика преподавания Закона Божия / Сост. пом. глав. наблюдателя за преподаванием Закона Божия в нач. гор. училищах Петрограда. [2-е изд., доп.]. Пг.: Тип. О-ва распространения религ.-нравств. Просвещения, 1915. [2], II, 296 с.

10. *Титова Е. Е.* Личность законоучителя как важнейший фактор религиозного образования // Светское и духовное культурное наследие как целостная основа формирования личности современника. Шестые Пюхтицкие чтения. Материалы международной научно-практической конференции (11–12 декабря 2017 г., Пюхтицкий Успенский монастырь). Куремяз, Эстония, 2019. С. 269–273.

11. *Ферапонт (Кашин), митр.* Дискуссия 1917 года о преподавании Закона Божия в школах (по материалам Костромской епархии) // Богословский вестник. 2019. № 4 (35). С. 152–166.

12. *Харегова Л. С.* Заонежские священники Темномеры: из истории рода духовных пастырей // Музей-заповедник «Кижы». URL: <http://kizhi.karelia.ru/library/tyabininskieschteniya-2015/1520.html> (дата обращения 28.11.2020).

13. *Чернихова Е. Я.* Изучение климата на уроках географии (пособие для учителей). М.: Просвещение, 1973. 158 с.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 1 (6)

2021

Г. В. Бежанидзе, А. Г. Фирсов

**Обер-прокуроры Святейшего Синода
о синодальной системе церковного управления**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_1_41

Аннотация: Статья посвящена проблеме характеристики положения Церкви в Российской империи. Историография синодального периода, как правило, основана на тезисе о полной подчиненности Церкви государству. Такое мнение появилось в публицистике середины XIX — начала XX вв. и было широко задействовано в исторических исследованиях XIX–XX вв. Начавшаяся в последние десятилетия XX в. активная работа с источниками показала ограниченность концепции «государственного пленения» Церкви. Авторы считают, что важную роль в выработке новых подходов к истории Русской Церкви синодального периода может сыграть реконструкция официальной концепции церковно-государственных отношений. В статье приводятся примеры оценки церковно-государственных отношений обер-прокурорами Святейшего Синода в XIX в., представленные в правительственной документации. В ходе межведомственных разногласий руководители синодального ведомства зачастую апеллировали к тезису о свободе и самостоятельности Церкви, ее исключительном положении, несопоставимым ни с каким другим государственным учреждением. Исход дела мог быть различным, но такая оценка церковно-государственных отношений не подвергалась сомнению, а, значит, признавалась правительством.

Ключевые слова: церковно-государственные отношения, Святейший Синод, обер-прокурор, князь А. Н. Голицын, А. П. Ахматов.

Об авторах: Георгий Вениаминович Бежанидзе

Кандидат богословия, доцент, доцент кафедры общей и русской церковной истории и канонического права Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

E-mail: georgiib@list.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9628-9528>

Андрей Германович Фирсов

Кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры «История, философия, политология и социология» Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I.

E-mail: agfirsov@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6876-5972>

Ссылка на статью: Бежанидзе Г. В., Фирсов А. Г. Обер-прокуроры Святейшего Синода о синодальной системе церковного управления // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 1 (6). С. 41–50.

* Фотографии предоставлены авторами и взяты из открытых источников.

**HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

Scientific Journal

No. 1 (6)

2021

G. V. Bezhanidze, A. G. Firsov

**Ober-Procurators of the Holy Synod
on the Synodal System of Church Administration**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_1_41

Abstract: The article is devoted to the problem of characterizing the position of the Church in the Russian Empire. The historiography of the Synodal Period, as a rule, is based on the thesis of the complete subordination of the Church to the state. This opinion appeared in the journalism of the mid-19th–early 20th centuries and was widely involved in historical research in the 19th–20th centuries. Starting in the last decades of the 20th century, active work with sources showed the limitations of the concept of “state captivity” of the Church. The authors believe that the reconstruction of the official concept of church-state relations can play an important role in developing new approaches to the history of the Russian Church during the Synodal Period. The article provides examples of the assessment of church-state relations by the Ober-Procurators of the Holy Synod in the 19th century, presented in government documents. In the course of interdepartmental disagreements, the heads of the synodal department often appealed to the thesis about the freedom and independence of the Church, its exceptional position, incomparable with any other state institution. The outcome of the case could be different, but such an assessment of church-state relations was not questioned, and, therefore, was recognized by the government.

Keywords: church-state relations, Holy Synod, Chief Prosecutor, Prince A. N. Golitsyn, A. P. Akhmatov.

About the authors: **Georgy Veniaminovich Bezhanidze**

Candidate of Theology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of General and Russian Church History and Canon Law at St. Tikhon’s University for the Humanities.

E-mail: georgiib@list.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9628-9528>

Andrey Germanovich Firsov

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of History, Philosophy, Political Science and Sociology at the Emperor Alexander I St. Petersburg State University of Railways.

E-mail: agfirsov@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6876-5972>

Article link: Bezhanidze G. V., Firsov A. G. Ober-Procurators of the Holy Synod on the Synodal System of Church Administration. *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2021, no. 1 (6), pp. 41–50.

* Photographs supplied by the authors and taken from open sources.

Система церковно-государственных отношений в России в синодальную эпоху (XVIII–XIX вв.) — традиционный объект критики в историко-богословской публицистике и научной литературе. Синодальная эпоха расценивается как время государственного порабощения Церкви. Своеобразным символом государственного давления на Церковь, главным препятствием для ее полноценной жизни и деятельности в общественном мнении стал институт обер-прокуратуры.

Активная разработка этого тезиса начинается еще в середине XIX в. В 1850–1860-х гг. появляются несколько проектов реформы высшего церковного управления, которые в виде записок, мнений и отзывов посылались государю, императрице и обер-прокурору, имели широкое хождение в церковных кругах. Исследователям синодального периода хорошо известен тот резонанс в общественном мнении, который был вызван публикацией в конце XIX — начале XX вв. записок архиепископа Агафангела (Соловьева), А. Н. Муравьева, епископа Никодима (Казанцева). Правда, сами записки стали предметом научного исследования только через столетие. К настоящему времени проведена источниковедческая работа, которая позволила уточнить атрибуцию этих документов, выяснить историю их создания и публикации. В частности, установлено, что известный отзыв святителя Филарета, в котором он упоминает о созыве Собора, дан не на записку Муравьева, а на записку Владимира Жемчужникова; был также обнаружен текст и самой записки, что заставляет скорректировать общую оценку этого документа¹.

Между тем, тезис о подчинении Церкви государством широко использовался в публицистике второй половины XIX — начала XX вв., которая пропагандировала мнение о полном порабощении Русской Церкви государством. «Чем-то прямо чудовищным представляется это торжество темного самовластия над верой совестью правдой, над всем что свято и дорого русскому человеку», — пишет издатель записки архиепископа Агафангела (Соловьева)².

Этот взгляд повлиял на исследования истории синодального периода, написанные в конце XIX — начале XX вв. В достаточно авторитетных работах по истории церковно-государственных отношений синодального периода могли использоваться не аутентичные источники, опубликованные к этому времени, а их тенденциозный пересказ в публицистике³. Так например, несмотря на то, что записки обер-прокурора Св. Синода А. А. Яковлева были опубликованы в 1873 г.⁴, Ф. В. Благовидовым, П. В. Знаменским и И. А. Чистовичем был использован достаточно вольный пересказ

Свт. Филарет (Дроздов),
митрополит Московский

¹ См.: *Безжанидзе Г. В.* Проекты устройства высшего управления Русской Церкви середины XIX в. // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2012. № 5 (48). С. 7–24.

² *Шарапов С.* От издателя // *Агафангел (Соловьев), архиеп.* Пленение Русской Церкви. М., 1906. С. 4.

³ См.: *Благовидов Ф. В.* Обер-прокуроры святейшего Синода в XVIII и в первой половине XIX столетия. Казань, 1900. С. 332–333, 335–338, 341, 343–346; *Чистович И. А.* Руководящие деятели духовного просвещения в России в первой половине текущего столетия. СПб., 1894. С. 13.

⁴ Записки А. А. Яковлева, обер-прокурора Синода в 1803 году // Памятники новой русской истории: Сборник исторических статей и материалов. СПб., 1873. Отдел 2. С. 87–112.

Здание Св. Синода

записок Яковлева, помещенный в журнале «Русский вестник» в 1868 г. под заглавием «Из прошлого»⁵. В этом пересказе борьба Яковлева с Синодом представлена как одобренная императором, в записках же Яковлева нельзя найти оснований для такой характеристики его деятельности. Но на основании статьи «Из прошлого» исследователями был разработан тезис об изменении правительственной политики в отношении Церкви в самом начале царствования императора Александра I, повлиявший на последующую историографию⁶. Критический настрой в оценке церковно-государственных отношений оказался воспринятым в качестве методологического подхода к истории Церкви синодального периода, что, впрочем, объяснимо: исследователи, работавшие в это время, зачастую были активными участниками общественного движения.

Этот подход оказался в полной мере реализован И. К. Смоличем в его «Истории Русской Церкви 1700–1917 гг.», обобщившей дореволюционные исследования синодального периода. Капитальный характер данного труда стал важным фактором превращения общественно-политических настроений в научно-методологическую концепцию, которой стали руководствоваться исследователи конца XX — начала XXI вв.

В большей части работ, посвященных церковной истории XVIII–XIX вв., стало постулироваться полное подчинение Церкви государству со времен Петра I, а обер-прокуратура оценивалась как главный инструмент управления Церковью. Однако работа с источниками, отражавшими реальную церковную жизнь и деятельность, в первую очередь, работу системы церковного управления, заставляла более критично относиться к вкряде бы уже устоявшейся концепции. Уже Грегори Фриз, который едва ли не первым тщательно прорабатывал материалы синодальных архивных фондов, пришел к выводу о необходимости радикального пересмотра существующих подходов к изучению синодального периода⁷.

⁵ См.: Из прошлого // Русский вестник. 1868. Т. 74. [№ 3–4. Март-апрель]. С. 466.

⁶ См.: *Бежанидзе Г. В., Фирсов А. Г.* Обер-прокурор Святейшего Синода А. А. Яковлев и его записки // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2017. № 76. С. 22–36.

⁷ *Фриз Г.* Служанка государства? Переоценка роли Церкви в императорской России // *Его же.* «Губительное благочестие»: Российская Церковь и падение империи: сб. статей. СПб., 2019. С. 19.

Обращаясь к современной российской историографии, можно сделать следующее наблюдение: чем больше внимания исследователь уделяет проблеме функционирования синодального управления, тем сложнее ему делать содержательные выводы, оставаясь в рамках концепции «огосударствления Церкви»⁸. В ряде работ приводятся конкретные исторические материалы, подтверждающие необходимость выработки новых подходов к изучению истории синодального периода⁹.

Решение таких задач невозможно без использования официальной концепции церковно-государственных отношений. Правда, в законодательстве Российской империи система отношений Церкви и государства не была четко прописана. Но в материалах делопроизводства, связанных с жизнью и деятельностью Церкви, можно найти ряд сведений, позволяющих попытаться реконструировать идеологию православного российского государства в XIX в.

В документах Синода встречаются примеры обоснованной критики позиции противников синодальной системы. Митрополит Московский Филарет (Дроздов), на отзыв которому обычно направлялись подобные материалы, не поддерживал тезис о подчинении Церкви государству. «Вам видится светское вмешательство, сдвигающее духовную власть с ее апостольской кафедры и поставляющее себя на место ее, — писал он епископу Никодиму, — правда ли это? Не оскорбляете ли вы сим Святейший Синод, так же как и Государственную власть?»¹⁰. Очевидно, что сам владыка иначе представлял себе баланс церковной и государственной администрации в Российской империи.

Богословское осмысление проблемы церковно-государственных отношений в России представлено в проповедях святителя Филарета Московского, произнесенных в разное время. Синодальный строй оценивался святителем как одно из возможных проявлений «Священного Царства»: объединяемая иерархией и таинствами, в православной стране Церковь составляет целый народ, управляемый богоустановленной государственной властью. Поэтому в таком Царстве нет места спорам о власти между Церковью и государством, вне зависимости от сложившейся церковно-политической системы¹¹.

Как контрастирует позиция святителя Филарета на фоне настроений публицистики, по мнению которой правительство, представленное обер-прокурором, выглядит по отношению к Церкви не лучше, чем советская власть в XX в.! С точки зрения публицистов *modus vivendi* обер-прокуратуры и всей системы церковного управления заключался в том, чтобы всячески унижать Церковь и использовать ее в интересах правительства. Если встать на эту точку зрения, высказывания святителя Филарета являют собой пример редкостного лицемерия и сервиллизма.

Однако в реальности обер-прокуроры оказываются вовсе не такими служителями темных сил, какими их рисовали публицисты. А. Ю. Полунов отметил деятельность в XIX в. ряда обер-прокуроров, названных им «благочестивыми», которые

⁸ См.: *Алексеева С. И.* Святейший Синод в системе высших и центральных государственных учреждений пореформенной России 1856–1904 гг. СПб., 2003; *Римский С. В.* Российская Церковь в эпоху Великих реформ. М., 1999; *Фирсов С. Л.* Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х — 1918 гг.). М., 2002.

⁹ Ср.: «Все позднейшие повествователи о синодальных временах и не пытаются поставить под сомнение эти авторитетные сентенции» (*Крылов Н. С.* Обер-прокуратура и Святейший Синод (1880–1905) // Константин Петрович Победоносцев: мыслитель, ученый, человек. Материалы международной юбилейной научной конференции, посвященной 180-летию со дня рождения и 100-летию со дня кончины К. П. Победоносцева. (Санкт-Петербург, 1–3 июня 2007 г.). СПб., 2007. С. 38). *Полунов А. Ю.* Благочестивые обер-прокуроры, Святейший Синод и иерархия // Святейший Синод в истории российской государственности: сборник материалов всероссийской научной конференции с международным участием. СПб., 2017. С. 131–149.

¹⁰ Письма святителя Филарета, митрополита Московского из архива епископа Никодима (Казанцева) // Филаретовский альманах. Вып. 8. М., 2012. С. 13.

¹¹ См.: *Бежанидзе Г. В.* Концепция союза Церкви и государства святителя Филарета Московского и ее отражение в его деятельности в царствование императора Александра I // Филаретовский альманах. Вып. 13. М., 2017. С. 90–91.

Обер-прокурор Св. Синода
А. П. Ахматов

в силу своих личных воззрений «были близки к Церкви в основах своего мировоззрения», выступали против всех посягательств светской бюрократии на права Церкви, пытавшихся в своих начинаниях выйти за рамки функций государственного контроля над Церковью¹². В официальной документации, связанной с деятельностью этих «благочестивых» обер-прокуроров, мы можем встретить характеристику церковно-государственных отношений, близкую к мыслям святителя Филарета.

Наиболее ярко эта характеристика представлена в документах, связанных с подготовкой бюджетной реформы 1862 г. В ходе этой реформы предполагалось подчинить церковные финансы действию общих правил государственного финансового контроля. Помимо этого, вставал вопрос о церковном или государственном происхождении некоторых капиталов, находившихся в распоряжении Св. Синода¹³. Отстаивая финансовую самостоятельность Церкви, обер-прокуроры А. П. Толстой и А. П. Ахматов в целом ряде записок и докладов, предназначенных для служебного, секретного использования обращали внимание на особый статус Церкви в Российской империи¹⁴.

Во-первых, отрицалась порабощенность Церкви государством со времени Петра I. Существование такого тезиса связывалось с происками «недоброжелателей Церкви», в первую очередь, раскольников¹⁵. Постулировалось, что Церковь занимает в государстве «исключительное положение», обладает свободой, защищенной законодательно, что именно эта свобода и позволяет ей действовать на благо христиан, отмечалось, что «Церковь нигде и никогда не была поставлена наряду с министерствами и прочими гражданскими административными управлениями»¹⁶.

Залогом этой свободы Церкви назывались сакральность царской власти и неподчиненность Синода никаким государственным структурам: «Россия есть единственное государство в Европе, в котором и правительство, и народ вполне признают, что “несть власти, аще не от Бога”. Государь всю законность свою получает от церковного помазания, из чего вытекает, что положение Церкви и отношение ее к самодержавной власти несходно с положением церквей в государствах католических и протестантских <...> Самое то, что контролю и государственному совету внутреннее церковное управление оставалось неподчиненным, показывало самостоятельность церкви и возвышало ее в глазах народа, и сам царь-помазанник являлся как бы естественным природным защитником церкви»¹⁷.

¹² Полунов А. Ю. Благочестивые обер-прокуроры, Святейший Синод и иерархия... С. 134.

¹³ См.: Фирсов А. Г. Православная Церковь и финансовая реформа нач. 60-х гг. XIX века // Герценовские чтения 2001. Актуальные проблемы социальных наук. СПб., 2001. С. 44–46.

¹⁴ См. напр.: Записка обер-прокурора Святейшего Синода «О подчинении капиталов духовного ведомства гражданскому контролю» // РГИА. Ф. 576. Оп. 35. Д. 21. Л. 130–146; Доклад обер-прокурора Святейшего Синода «О капиталах духовного ведомства» от 17 ноября 1859 г. // Там же. Д. 25. Л. 115–120; Отзыв обер-прокурора Святейшего Синода графа Толстого в Государственный совет по вопросу об остатках и специальных средствах по духовному ведомству и о подчинении сумм этого ведомства Государственному контролю // Яснопольский Л. Н. Очерки русского бюджетного права. М., 1912. Приложения. С. 6–62; [Всепопданнейший доклад обер-прокурора Святейшего Синода об оставлении в прежнем положении контроля и хранения сумм духовного ведомства] // Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского по учебным и церковно-государственным вопросам. Т. 5. Ч. 1. М., 1887. С. 361–363. (Об атрибуции документа см.: Фирсов А. Г. «Охранить собственность церковную...»: святитель Филарет (Дроздов) и финансовая реформа 1862 г. // Филаретовский альманах. Вып. 4. М., 2008. С. 155–157).

¹⁵ Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского... Т. 5. Ч. 1. С. 362.

¹⁶ Яснопольский Л. Н. Очерки русского бюджетного права. Приложения... С. 47, 53–54.

¹⁷ Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского... Т. 5. Ч. 1. С. 362.

Во-вторых, в этих записках всячески подчеркивалось самостоятельное и высокое значение Св. Синода, с точки зрения обер-прокурора — это соборная духовная власть, которую невозможно «ставить в одной категории с министерствами и главными управлениями». Подчеркивалось, что Синод «всегда во всех своих действиях давал отчет единой Державной власти», т. е. только царю¹⁸.

В-третьих, единство Церкви и государства, по мнению авторов записок, является одним из главных устоев российской государственности: «Тогда как на Западе, после долгих усилий, светская верховная власть успела в отношении к себе низвести Церковь ... на степень политического установления, у нас, напротив, Православная Церковь, коей судьба неразрывно связана с жизнью, славой и могуществом православной России, не преставала быть твердой опорой Престола, соединяя воедино государя и подданных силою Божественного учения и действием православного благочестия»¹⁹. Обер-прокурор считал, что «самая мысль о подчинении Духовного ведомства светскому контролю может ... внести неискренность в будущие отношения Церкви с Правительством и заменить официальною холодною зависимостью то живое нравственное единение, в котором духовная часть пребывала у нас всегда с гражданскою»²⁰.

В этих записках обер-прокурор Синода выступает в качестве проповедника свободы Церкви, защитника ее исключительного самостоятельного положения, а никак не жандармом и тюремщиком, жестко пресекающим любое проявление самостоятельности. Но даже изложенные в официальных документах эти мысли оставались бы частным мнением благочестивого чиновника, если бы они не возымели действия. Именно благодаря этой аргументации церковные средства были исключены из общегосударственной финансовой системы. Тем самым получается, что обер-прокурор действительно сформулировал официальную позицию самодержавной власти. Этой позиции не могли противоречить законодательные акты, которыми была оформлена бюджетная реформа, как, впрочем, и другие правовые и административные нормы Российской империи.

Такая позиция была присуща не только «благочестивым» А. П. Ахматову и А. П. Толстому. Граф Н. А. Протасов, которому традиционно отводится роль создателя системы подчинения церковного управления бюрократии, за десять лет до Толстого в докладе императору Николаю I так характеризовал начала, «на коих основано правление нашей Церкви»: «только в священной особе помазанника Божия (церковное управление. — *авт.*) сливается с правлением государственным, но никогда и по духу наших законов не зависело от гражданского правительства, всегда сосредотачиваясь в Синоде, как особом высшем духовно-правительственном учреждении. Без сей самостоятельности Синод утратил бы все свое достоинство в глазах духовенства и народа, и после того уже не мог бы служить опорой государственной власти»²¹. И тогда, как и в 1862 году, аргументы обер-прокурора сыграли решающую роль, а, значит, выражали официальную позицию²².

Обер-прокурор Св. Синода
А. П. Толстой

¹⁸ РГИА. Ф. 576. Оп. 35. Д. 25. Л. 115, 119.

¹⁹ Там же. Д. 21. Л. 135.

²⁰ Там же. Д. 25. Л. 119.

²¹ РГИА. Ф. 832. Оп. 1. Д. 27. Л. 5об — 6.

²² См.: Там же. Ф. 576. Оп. 35. Д. 25. Л. 117.

Храм в здании Св. Синода

Показателем реальной самостоятельности Церкви может служить проблема соблюдения государством норм канонического права. Приведем примеры лишь из одной, впрочем, достаточно болезненной сферы пересечения церковных и государственных интересов — брачного права. Как известно, брачные нормы Церкви зачастую противоречат принципам, которыми в вопросах семьи может руководствоваться государство.

В 1810 г. М. М. Сперанским был подготовлен проект брачного законодательства, в котором вопрос о разводе супругов фактически решался без участия Церкви, вопреки издревле существовавшему порядку, согласно которому заключение и расторжение брака было церковной прерогативой. Проект уже вносился в Государственный Совет без согласования со Святейшим Синодом. Тогдашний митрополит Санкт-Петербургский Амвросий (Подобедов) не предложил обсудить проект в Синоде, сочтя его не принципиальным. И только обер-прокурор князь А. Н. Голицын настоял на том, чтобы был предварительный отзыв Святейшего Синода. «Какая же в том надобность?», — возражали Голицыну. «А вот какая, — отвечал Голицын, — положим, что этот закон утвердится Государственным Советом, но впоследствии, дойдя до Святейшего Синода, может случиться в оном какое-нибудь неожиданное сопротивление. Но если бы Синод вздумал протестовать против составленных Вами правил, найдя в утвержденных Вами пунктах какое-нибудь прямое несогласие с Церковью, то, признайтесь, что во всяком случае это будет очень неприятное для Вас событие. И возьмете ли Вы на себя всю ответственность за могущее произойти от того последствия»²³.

Из слов Голицына можно вывести следующие тезисы:

1. Государственное законодательство не может противоречить канонам Православной Церкви;
2. Вопрос о соответствии законодательства канонам — исключительная компетенция Церкви, представляемой Синодом;
3. Следовательно, без согласия Синода не может быть принято постановление, затрагивающее канонические вопросы, как бы этого не хотелось правительству.

Судя по тому, что дело было незамедлительно направлено на рассмотрение Синода и проект после отрицательного заключения Синода был отвергнут, эти тезисы выражали официально признанные принципы церковно-государственных отношений²⁴.

²³ Рассказы кн. А. Н. Голицына. Из записок Ю. Н. Бартенева // Русский архив. 1886. Т. 60. Вып. 5. С. 70–73.

²⁴ Там же. С. 73–74.

Это не означало, что эти принципы на практике не нарушались. В 1865 г. по инициативе министра внутренних дел П. А. Валуева в правительстве обсуждался вопрос об отмене обязательства родителей крестить и воспитывать в православии детей от смешанных браков в Прибалтике. Эта инициатива натолкнулась на сопротивление обер-прокурора А. П. Ахматова. И вновь главным аргументом обер-прокурора стало нарушение в таком случае церковных норм, недопустимое для императора, названного Ахматовым «первым сыном и главным покровителем Православной Церкви»²⁵.

Противостать обер-прокурору в этом случае оказался способен только сам носитель верховной власти. Но и здесь аргументом императора смогло стать только требование выполнить «мою волю»²⁶. Воля монарха была выполнена, но не Синодом и не обер-прокурором, который подал в отставку, навсегда потеряв при этом расположение Александра II. Само же распоряжение по этому вопросу не было опубликовано и не вошло в Полное собрание законов.

Интересно, что при обсуждении вопроса в совещании участвовал протопресвитер дворцового духовенства Василий Бажанов. В начале заседания он высказывался против, но, как написал в дневнике П. А. Валуев, «по мере того как Государь продолжал высказываться в другом смысле оппозиция... Бажанова исчезала. Ахматов один напрягал все усилия»²⁷.

Итак, приведенные сюжеты показывают, что в Российской империи действовала определенная официальная идеология церковно-государственных отношений. Эта идеология не только отводила православию место государственной религии, но и признавала самостоятельность и свободу Церкви. Основные положения этой идеологии коррелировали с православным богословским и каноническим обоснованием церковно-государственных отношений. Эта идеология могла вступать и зачастую вступала в противоречие с государственными интересами. Исход этих противоречий мог быть разным. Государственные интересы могли быть принесены в жертву церковным, но и Церковь могла быть использована как орудие государственной политики.

Главным апологетом этой идеологии приходилось выступать обер-прокурору Святейшего Синода, как государственному служащему, ответственному за дела Православной Церкви, независимо от его личных взглядов. Реконструкция этой идеологии и выработка подходов к оценке роли и значения обер-прокуратуры, как и всей синодальной системы, могут стать важным направлением дальнейших исследований синодального периода истории Русской Церкви.

Источники и литература

Источники

1. Агафангел (Соловьев), архиеп. Пленение Русской Церкви: записка преосвященного Агафангела Волынского и проект всеподданнейшего ходатайства перед Государем Императором. М., 1906.

2. Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел: в 2 т. Т. 2: 1865–1876 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 586, [2] с.

3. Доклад обер-прокурора Святейшего Синода «О капиталах духовного ведомства» от 17 ноября 1859 г. // РГИА. Ф. 576. Оп. 35. Д. 25. Л. 115–120.

4. Записка обер-прокурора Святейшего Синода «О подчинении капиталов духовного ведомства гражданскому контролю» // РГИА. Ф. 576. Оп. 35. Д. 21. Л. 130–146.

²⁵ Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел: в 2 т. Т. 2: 1865–1876 гг. М., 1961. С. 27.

²⁶ Там же. С. 28.

²⁷ Там же. С. 27.

5. Записки А. А. Яковлева, обер-прокурора Синода в 1803 году // Памятники новой русской истории: Сборник исторических статей и материалов. СПб., 1873. Отдел 2. С. 87–112.
6. Из прошлого // Русский вестник. 1868. Т. 74. [№ 3–4. Март-апрель]. С. 438–513.
7. Письма святителя Филарета, митрополита Московского из архива епископа Никодима (Казанцева) / Публикация Г. В. Бежанидзе // Филаретовский альманах. Вып. 8. М., 2012. С. 7–17.
8. По проекту о новой отчетности в капиталах и доходах духовного ведомства // РГИА. Ф. 832. Оп. 1. Д. 27.
9. Рассказы кн. А. Н. Голицына. Из записок Ю. Н. Бартенева // Русский архив. 1886. Т. 60. Вып. 5. С. 52–108.

Литература

10. *Алексеева С. И.* Святейший Синод в системе высших и центральных государственных учреждений пореформенной России 1856–1904 гг. СПб., 2003.
11. *Бежанидзе Г. В.* Проекты устройства высшего управления Русской Церкви середины XIX в. // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2012. № 5 (48). С. 7–24.
12. *Бежанидзе Г. В.* Концепция союза Церкви и государства святителя Филарета Московского и ее отражение в его деятельности в царствование императора Александра I // Филаретовский альманах. Вып. 13. М., 2017. С. 75–103.
13. *Бежанидзе Г. В., Фирсов А. Г.* Обер-прокурор Святейшего Синода А. А. Яковлев и его записки // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2017. № 76. С. 22–36.
14. *Благовидов Ф. В.* Обер-прокуроры святейшего Синода в XVIII и в первой половине XIX столетия. Казань, 1900.
15. *Крылов Н. С.* Обер-прокуратура и Святейший Синод (1880–1905) // Константин Петрович Победоносцев: мыслитель, ученый, человек. Материалы международной юбилейной научной конференции, посвященной 180-летию со дня рождения и 100-летию со дня кончины К. П. Победоносцева. (Санкт-Петербург, 1–3 июня 2007 г.). СПб., 2007. С. 38–47.
16. *Полунов А. Ю.* Благочестивые обер-прокуроры, Святейший Синод и иерархия // Святейший Синод в истории российской государственности: сборник материалов всероссийской научной конференции с международным участием. СПб., 2017. С. 131–149.
17. *Римский С. В.* Российская Церковь в эпоху Великих реформ. М., 1999.
18. *Фирсов А. Г.* Православная Церковь и финансовая реформа нач. 60-х гг. XIX века // Герценовские чтения 2001. Актуальные проблемы социальных наук. СПб., 2001. С. 44–46.
19. *Фирсов А. Г.* «Охранить собственность церковную...»: святитель Филарет (Дроздов) и финансовая реформа 1862 г. // Филаретовский альманах. Вып. 4. М., 2008. С. 147–157.
20. *Фирсов С. Л.* Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х — 1918 гг.). М., 2002.
21. *Фриз Г.* Служанка государства? Переоценка роли Церкви в императорской России // *Его же.* «Губительное благочестие»: Российская Церковь и падение империи: сб. статей. СПб., 2019. С. 17–44.
22. *Чистович И. А.* Руководящие деятели духовного просвещения в России в первой половине текущего столетия. СПб., 1894.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 1 (6)

2021

А. Б. Богомолов

**Особенности церковного законодательства
о сохранении памятников древности России
в конце XIX — начале XX века**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_1_51

Аннотация: Статья посвящена деятельности Русской Церкви в сфере охраны памятников в России в конце XIX — начале XX вв. Рассматриваются особенности церковного законодательства, отмеченные исследователями данной темы: следование в русле государственной политики, ведомственный статус церковных нормативно-правовых актов, защита права собственности Православной Церкви на памятники церковной старины и утилитарный взгляд духовенства на древности как на богослужебные предметы или реликвии веры. Уделяется внимание факторам, которые оказывали влияние на законотворческий процесс, таким как кризис государственно-церковных отношений, глобализация и социальная модернизация. Производится комплексный анализ актов церковного законодательства и управления, а также позиции Святейшего Синода при разработке государственных законов об охране памятников. Дается информация о Русской Церкви как социальном институте, который хранил и развивал религиозную традицию сохранения древностей. Законодательство призвано было отражать интересы православной, большей части населения, касалось большинства памятников церковной старины, отстаивало культурно-религиозный контекст памятника как инструмента духовно-нравственного развития.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, Святейший Синод, архив Синода, церковно-археологические учреждения, охрана памятников, памятники древности, церковная старина, Н. В. Покровский, А. И. Соболевский, А. Н. Львов, К. Я. Здравомыслов.

Об авторе: **Андрей Борисович Богомолов**

Ведущий специалист Российского государственного исторического архива, аспирант Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: k_tm@bk.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6827-5914>

Ссылка на статью: Богомолов А. Б. Особенности церковного законодательства о сохранении памятников древности России в конце XIX — начале XX века // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 1 (6). С. 51–68.

* Фотографии предоставлены автором.

**HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

Scientific Journal

No. 1 (6)

2021

A. B. Bogomolov

**Features of Church Legislation
on the Preservation of Antiquities of Russia
in the Late 19th – Early 20th Centuries**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_1_51

Abstract: The article is devoted to the activities of the Russian Church in the field of protection of monuments in Russia in the late 19th – early 20th centuries. The features of church legislation noted by researchers of this topic are considered: following in the mainstream of state policy, the departmental status of church regulatory legal acts, protection of the ownership by the Orthodox Church of monuments of church antiquity and the utilitarian view of the clergy towards antiquities as religious objects or relics of religion. Attention is paid to the factors that influenced the legislative process, such as the crisis of state-church relations, globalization and social modernization. A comprehensive analysis of acts of church legislation and administration, as well as the position of the Holy Synod in the development of state laws on the protection of monuments, is carried out. Information is given about the Russian Church as a social institution that preserved and developed the religious tradition of preserving antiquities. The legislation was designed to reflect the interests of the Orthodox, the majority of the population, applied to most of the monuments of church antiquity, and defended the cultural and religious context of the monument as an instrument of spiritual and moral development.

Keywords: Russian Orthodox Church, Holy Synod, Synod archives, church-archaeological institutions, protection of monuments, antiquities, church antiquities, N. V. Pokrovsky, A. I. Sobolevsky, A. N. Lvov, K. Ya. Zdravomyslov.

About the author: **Andrey Borisovich Bogomolov**

Leading Specialist of the Russian State Historical Archive, Postgraduate Student of the Institute of History, St. Petersburg State University.

E-mail: k_tm@bk.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6827-5914>

Article link: Bogomolov A. B. Features of Church Legislation on the Preservation of Antiquities of Russia in the Late 19th–Early 20th Centuries. *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2021, no. 1 (6), pp. 51–68.

* Photographs are provided by the author.

Изучение вопросов сохранения древностей¹ в России имеет давнюю историю и в настоящее время не теряет своей актуальности. Принятие первых законов в этой сфере связывают с петровской эпохой. Культура становилась все более светской, решающая роль в жизни общества переходила к дворянству. При этом в XVIII столетии встречалось мало примеров «внимания к памятникам русской старины»². Меры же, предпринятые государством в XVIII — первой половине XIX в., носили, как правило, казуальный характер. На практике причиной нормотворчества становилась какая-либо кризисная ситуация с тем или памятником старины, требующая немедленного разрешения.

«В первой половине XIX в. под лоском европейской культуры стала просматриваться национальная идея»³. Однако на тот момент внимание общества в археологической сфере было обращено, в первую очередь, на античные памятники, расположенные в пределах Российской империи. Возросший после Отечественной войны 1812 г. интерес к культуре России не привел к решительной переоценке отношения к родной старине в широких кругах общества. После I Археологического съезда (1869) проблема законодательства о сохранении древностей и эффективного надзора за его исполнением стала предметом широкой общественной дискуссии. Причем теперь она затрагивала и памятники церковной старины, которые принадлежали Православной Церкви и составляли большую часть известных в рассматриваемый период древностей⁴.

В историографии основное внимание уделяется инициативам светских научных обществ, а также государственным мерам, предпринятым в сфере охраны памятников. Существуют специальные работы, посвященные деятельности Московского археологического общества (МАО), Археологических съездов, Императорской археологической комиссии (ИАК), Министерства внутренних дел (МВД) и др., в которых отражена роль последних в законодательном процессе⁵. О деятельности Православной Церкви по сохранению древностей известно несравнимо меньше⁶. Нормы церковного законодательства и управления в данной области не изучались отдельно, также как и участие Святейшего Синода в разработке соответствующих государственных законов. Отметим в этой связи важность для дальнейших исследований темы издания сборника документов «Сохранение памятников церковной старины в России XVIII — начала XX века», подготовленного Государственным институтом (ГНИИ) реставрации⁷.

¹ В данной статье понятия «памятник», «древность», «старина», а также «памятник древности», «памятник старины» используются как синонимы.

² Формозов А. А. Русское общество и охрана памятников культуры. М., 1990. С. 20–21, 30.

³ Мусин А. Е. Вопиющие камни. Русская церковь и культурное наследие России на рубеже тысячелетий. СПб., 2006. С. 42.

⁴ Дедюхина В. С. Краткий очерк истории становления дела охраны памятников церковной старины в России // Сохранение памятников церковной старины в России XVIII — начала XX века. Сборник документов. М., 1997. С. 3.

⁵ Михеева И. В. Правотворческая деятельность Министерства внутренних дел Российской империи по охране памятников истории и культуры в XIX — начале XX века. Н. Новгород, 2009; Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917). К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / Науч. ред.-сост. А. Е. Мусин, под общей ред. Е. Н. Носова. СПб., 2009; Серых Д. В. Всероссийские Археологические съезды как форма организации отечественной археологической науки во второй половине XIX — начале XX вв. Казань, 2014 и др.

⁶ Комарова И. И. Церковно-археологические учреждения и охрана памятников культуры в России конца XIX — начала XX в. // Археографический ежегодник за 1990 год. М., 1992. С. 83–101; Дедюхина В. С. Краткий очерк истории становления дела охраны памятников церковной старины... С. 3–12; Мусин А. Е. Вопиющие камни. Русская церковь и культурное наследие России на рубеже тысячелетий. СПб., 2006.

⁷ Сохранение памятников церковной старины в России XVIII — начала XX века. Сборник документов. М., 1997.

В указанной литературе, а также вообще литературе, посвященной истории охраны памятников⁸, можно выделить несколько основных особенностей, которые были присущи нормативно-правовым актам церковного происхождения в этой сфере:

1. Подчиненность государству. Синодальное нормотворчество в основном следовало за правительственными указами.

2. Ведомственный характер. Распоряжения «ведомства православного исповедания» касались только подведомственных учреждений, духовенства, а также церковной собственности.

3. Защита права собственности на памятники церковной старины. Это препятствовало принятию государственных законов, касавшихся охраны всех памятников истории и искусства, и «поощряло» дальнейшее небрежное к ним отношение.

4. Утилитарный характер отношения к древностям как к богослужебным предметам и реликвиям веры. Духовенство не понимало исторической и художественной ценности памятников. Храм, иконы, утварь, «использовавшиеся» для богослужения, в заботе об их благолепии искажались, повреждались, переделывались, а вышедшие из обращения — небрежно хранились, продавались, а потому погибали (по меньшей мере для науки).

Такая точка зрения сложилась в обществе еще в дореволюционное время. По мнению Т. П. Сухман, в сфере охраны памятников «обобщение опыта предыдущего законодательства было впервые предпринято членами императорского Московского археологического общества»⁹. При этом изданные МАО в 1911 г. «Материалы по вопросу о сохранении древних памятников, собранные Императорским Московским Археологическим обществом» содержали только один документ церковного происхождения, относящийся к рассматриваемому периоду. Это было определение Святейшего Синода от 20 декабря 1878 г. — 9 января 1879 г., на тексте которого мы остановимся ниже¹⁰. Таким образом, получалось, что церковное законодательство, по мнению археологов, практически не касалось сохранения древних памятников. В то же время это издание, пожалуй, было призвано отразить, прежде всего, деятельность самого МАО и его если не центральное, то значимое место в сфере охраны древностей.

МАО действительно играло важную роль — было инициатором I Археологического съезда и организатором последующих. Но обратимся к тексту письма председателя Общества А. С. Уварова обер-прокурору Синода Д. А. Толстому от 18 декабря 1871 г. В нем автор, в частности, перечисляет действовавшие «узаконения» о сохранении памятников старины. И в этом перечне мы не увидим ни одного нормативно-правового акта, исходящего от Святейшего Синода¹¹. Из поля зрения председателя МАО ускользали (или, возможно, сознательно не принимались в расчет как несущественные) церковные усилия по сохранению памятников церковной старины.

Кроме того, в дореволюционный период появилось большое количество публикаций, рассказывавших об повреждениях и утратах памятников по вине духовенства. Они не содержат анализа церковного законодательства, и, как правило, служат в историографии иллюстрацией к указанным ранее его особенностям. Наиболее ярко это нашло отражение в советской литературе. Так, одной из первых работ, затрагивающих тему законодательства о сохранении древностей, стало исследование А. М. Разгона

⁸ Разгон А. М. Охрана исторических памятников в дореволюционной России (1861–1917) // Труды научно-исследовательского института музееведения. Вып. 1: История музейного дела в СССР: Сборник статей. М., 1957. С. 73–128; Формозов А. А. Очерки по истории русской археологии. М., 1961; *Его же*. Русское общество и охрана памятников культуры. М., 1990; Комарова И. И. Законодательство по охране памятников культуры (историко-правовой аспект). М., 1989; Шалюгин М. С. Государственно-правовая охрана историко-культурного наследия в дореволюционной России: автореф. дис. ... канд. юр. наук. Н. Новгород., 2005 и др.

⁹ Охрана культурного наследия в документах XVII–XX вв. Хрестоматия: в 2 т. Т. I. / С предисл. Т. П. Сухман. М., 2000. С. 3.

¹⁰ Материалы по вопросу о сохранении древних памятников... С. 34–35.

¹¹ Охрана культурного наследия... С. 142–143; РГИА. Ф. 796. Оп. 153. Д. 1695. Л. 2.

Здание Сената и Синода

«Охрана исторических памятников в дореволюционной России (1861–1917 гг.)». Автор достаточно много уделяет места такого рода фактам, опубликованным в журналах «Аполлон», «Зодчий», «Мир искусства», «Старые годы» и др.¹² Однако количество сообщений подобного рода, на наш взгляд, не всегда говорит о качестве фактического материала, требующего отдельного рассмотрения в каждом конкретном случае. В то же время это совсем не означает, что духовенство не было виновато в печальном положении дел с памятниками церковной старины. Но, по нашим наблюдениям, это скорее связано с количественным преобладанием известных древностей в ведении Православной Церкви, чем с «некачественным» духовным сословием и архаичностью «отжившей свой век» религиозной организации.

«Обличать церковнослужителей в варварстве и списывать на них всю вину за гибель древнейших храмов вряд ли правомерно. Духовенство не было оторвано от общества, которое, в своей массе, не осознавало ценности и значимости того или иного памятника»¹³. Нехватка специалистов, недостаток знаний даже у образованного общества, не говоря о духовенстве и простом народе — об этих и других проблемах немало говорилось еще на I Археологическом съезде¹⁴. Как отмечал позже Н. В. Покровский¹⁵, «это был всеобщий русский недочет», особенно заметный в среде интеллигенции и, прежде всего, на местах, в губерниях и уездах. Автор отмечает, что к началу XX в. ситуация улучшилась, т. к. появилась возможность получения археологического образования. Но нельзя назвать «наличность подходящих сил» достаточной¹⁶.

¹² Разгон А. М. Охрана исторических памятников в дореволюционной России... С. 79, 82–89.

¹³ Шалюгин М. С. Государственно-правовая охрана историко-культурного наследия... С. 29–30.

¹⁴ Труды Первого Археологического съезда в Москве. М., 1871. С. XL–LXI, LI–LII.

¹⁵ Покровский Николай Васильевич (1848–1917) — церковный археолог, историк древнехристианского искусства, общественный деятель; выпускник СПбДА (1874), директор Санкт-Петербургского Археологического института (1898–1917), профессор Санкт-Петербургской духовной академии.

¹⁶ Покровский Н. В. О мерах к сохранению памятников церковной старины // Христианское чтение. 1906. № 4. С. 494.

Н. В. Покровский

Вместе с тем А. А. Формозов также отмечает, что назначение той или иной группы людей («класса», духовного сословия и т. п.) виновницей гибели национальных реликвий вряд ли выглядит убедительным. Более того, по мнению исследователя, «средневековые русские храмы дошли до нас потому, что их столетиями оберегала религия»¹⁷. На I Археологическом съезде Ф. И. Буслаев¹⁸ предлагал на научной основе восстановить традиции, бессознательно поддерживаемые духовенством. Возродить то, «что и в старину, без пособий европейской науки, по собственным доморощенным руководствам, понималось довольно точно и ясно»¹⁹. Однако, по замечанию А. А. Формозова, просвещенное российское общество «полностью оторвалось от традиций старой Руси и слилось по своим вкусам с обществом Запада». Допетровская эпоха виделась ему «далекими временами варварства»²⁰. Стоит также отметить, что к периоду романтического отношения к отечественным средневековым памятникам интеллигенция в России пришла позже европейцев. Поэтому, а также в силу других вышеуказанных

причин, археологическое сообщество в своих проектах мер по сохранению древностей предпочитало руководствоваться, в первую очередь, зарубежным опытом.

Обратимся непосредственно к церковному законодательству конца XIX — начала XX века в сфере охраны памятников. Прежде всего, рассмотрим принятые Святейшим Синодом к исследуемому периоду меры. В частности, те из них, реализация которых продолжалась вплоть до 1917 г.

Одним из таких мероприятий было составление церковно-исторических и статистических описаний епархий. Официально начало этому делу было положено определением Святейшего Синода от 6 октября 1850 г. Идея создания описаний принадлежала в начале 1830-х гг. епископу Олонецкому Игнатию (Семенову). До 1850 г. их по самостоятельному почину составляли в Могилевской, Оренбургской, Казанской, Херсонской, Харьковской епархиях²¹. Для достижения поставленной цели согласно специально подготовленной программе собирались сведения из местных епархиальных архивов, библиотек и других церковных учреждений. В числе прочего это были сведения о монастырях, хранящихся в них актах и летописцах (с составлением описи актов и рукописей), о соборах, приходских домовых и других церквях, об иконах, с указанием «замечательных по особенной древности» и т. д. С 1848 по 1916 г. было опубликовано 60 историко-статистических описаний по 42 епархиям²².

В 1864 г. епископ Оренбургский и Уральский Варлаам (Денисов) распорядился о ведении причтами церковью епархии церковных летописей с начала 1865 г.²³ Об этом

¹⁷ Формозов А. А. Русское общество и охрана памятников культуры... С. 3, 12.

¹⁸ Буслаев Федор Иванович (1818–1897) — лингвист, фольклорист, историк литературы и искусства; академик Петербургской АН (1860), профессор Московского университета.

¹⁹ Буслаев Ф. И. О преподавании археологии // Труды Первого Археологического съезда в Москве. М., 1871. Т. 1. С. 78.

²⁰ Формозов А. А. Русское общество и охрана памятников культуры... С. 40.

²¹ Раздорский А. И. Историко-статистические описания епархий Русской православной церкви (1848–1916): Сводный каталог и указатель содержания / С предисл. и примеч. А. И. Раздорского. СПб., 2007. С. 14–16, 579–581.

²² Там же. С. 28, 579–580.

²³ Сохранение памятников церковной старины в России... С. 97–98.

он доложил Синоду, который своим указом № 1881 от 12 октября 1866 г. обратился к епархиальным архиереям «не признают ли они возможным и полезным завести во вверенных им епархиях подобные летописи». В ее исторической части излагалась история храма и прихода. К концу XIX в. ведение церковно-приходских летописей вошло в обязанности приходского священнослужителя²⁴.

27 марта 1853 г. Синодом сделано было распоряжение о ревизии старых описей ризниц церквей и монастырей и составлении новых. Для этого в епархиях были образованы комитеты в подчинении центрального комитета при Святейшем Синоде²⁵. Впоследствии описи неоднократно дополнялись. По распоряжению местных преосвященных проводились ревизии²⁶. Были и соответствующие распоряжения Синода. Так, в определении от 28 апреля — 8 июня 1882 г. епархиальным архиереям указывалось представить обстоятельные сведения по описям 1853 г., «нет ли убыли или прибыли по тем церковным и монастырским предметам, которые внесены в представленные св. Синоду списки, с подробным объяснением причин убыли»²⁷.

1 марта 1868 г. дело о порядке сохранения церковного имущества, древностей и др., составлении к ним описей было передано на заключение Комиссии по описанию Синодального архива²⁸. 19 мая 1868 г. Комиссия признала необходимым епархиальные описания сохранить, а также восстановить деятельность комитетов, как одной из существенных мер к охране памятников церковной старины. Однако дело сохранения древностей было передано на рассмотрение археологических съездов²⁹. Начинается новый этап в истории законодательства в этой области.

21 марта 1869 г. на I Археологическом съезде обсуждался проект мер для сохранения памятников старины, предложенный МАО. Доработанный комиссией из членов Московского и Петербургского археологических обществ проект был одобрен II Археологическим съездом 12 декабря 1871 г. Уже 18 декабря председатель МАО А. С. Уваров в письме министру народного просвещения (занимавшему также должность

Покровский Н. В. Заметки о памятниках псковской церковной старины (обложка)

²⁴ Добренький С. И. Церковно-приходские летописи как исторический источник (Середина XIX — начало XX в.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2006.

²⁵ Сохранение памятников церковной старины в России... С. 86–90; Покровский Н. В. О мерах к сохранению памятников церковной старины... С. 482–483.

²⁶ Сохранение памятников церковной старины в России... С. 107–108, 126–127.

²⁷ Там же. С. 118, 152–153.

²⁸ Комиссия по разбору и описанию Архива Святейшего Синода была учреждена 6 декабря 1865 г. К предметам ведения Комиссии относились: 1) разбор дел архива в хронологическом порядке, составление их научного печатного описания; 2) составление Сборника постановлений и распоряжений Св. Синода; 3) составление описания архива греко-униатских митрополитов; 4) благоустройство состоящей при архиве библиотеки; 5) вопросы научной библиографии. С 1868 г. — «вопросы, касающиеся архивного и археологического дела в епархиях, а также «дело охраны и научной разработки письменных и вещественных памятников древности в духовном ведомстве» (Пятидесятилетие Высочайше утвержденной комиссии по разбору и описанию Архива Святейшего Синода. 1865–1915: Историческая записка. Пг., 1915. С. 12, 20–21).

²⁹ Там же. С. 86–87.

обер-прокурора Святейшего Синода) Д. А. Толстому предложил поддержать это решение съезда. Между прочим, он отмечал, что угроза памятникам древности требует неотложного высочайшего указа, «чтобы впредь до составления окончательного списка памятников местные власти, гражданские и епархиальные, не иначе приступали к поправкам, переделкам и уничтожению древних памятников, как по соглашению с одним из ближайших по месту их нахождения Археологических или исторических обществ, как то: Петербургским, Московским или Одесским»³⁰.

31 января 1873 г. Святейший Синод своим определением поддержал «предположения о мерах к охранению отечественных памятников древности». При этом сообщалось, что при Киевской духовной академии учреждено Церковно-археологическое общество, и выражалась уверенность, что научные общества «найдут полезным вступить в непосредственное сношение с Киевским обществом и найдут в последнем нового сотрудника в стремлении к достижению вышеизложенной цели»³¹.

Для выяснения особенностей церковного законодательства этого периода следует остановиться подробнее на истории Киевского общества. Оно возникло не сразу, первоначально предполагался совершенно другой статус церковно-археологических учреждений при Киевской духовной академии. В 1872 г. был создан музей, который по проекту устава состоял в ведении библиотекаря академии. Тогда как «для приведения в известность памятников церковной древности... и обращения их по возможности в состав музея», а также «для принятия мер к предупреждению утраты памятников для науки» при Совете академии учреждалась Церковно-археологическая комиссия³².

И здесь, как представляется, свою роль сыграло вышеуказанное письмо А. С. Уварова, в котором предлагалось, по сути, узаконить зависимость церковных властей от светских учреждений в вопросах реставрации и ремонта церковных зданий. Святейший Синод вместо предполагаемой Комиссии одобрил образование самостоятельного, независимого от Совета Киевской академии Церковно-археологического общества. Его устав был приближен к уставам научных обществ при университетах. У председателя Общества, ректора академии, появлялся заместитель, который непосредственно занимался текущими его делами и музеем. Был также и свой казначей для учета собственных средств, которые составляли взносы действительных и почетных членов и пожертвования³³.

При этом формальным поводом для замены Комиссии на Общество стало несоответствие Уставу духовных академий 1869 г. В нем указывалось, что утверждение уставов «ученых обществ при Академии» является прерогативой Синода. Создание же музея и комиссии при Совете академии, как резонно предположить, могло рассматриваться как «меры и средства, ведущие к усилению ученой деятельности Академии» и решаться властью епархиального архиерея³⁴. Однако вопросы сохранения древностей выходили за рамки компетенции епархиальной власти. В частности, согласно статье 207 Строительного устава 1857 г., «древний как наружный, так и внутренний вид церкви должен быть сохраняем тщательно, и никакие произвольные поправки и перемены без ведома высшей духовной власти не дозволяются»³⁵. К тому же проблема охраны памятников стала предметом рассмотрения археологических съездов, проводимых под эгидой Министерства народного просвещения.

Вместе с тем при учреждении церковно-археологических музеев при Санкт-Петербургской (1879) и Московской (1880) духовных академиях епархиальные архиереи в своих представлениях в Синод указывали в качестве образца Киевский музей.

³⁰ Охрана культурного наследия в документах... С. 142–143; РГИА. Ф. 796. Оп. 153. Д. 1695. Л. 2–4 об.

³¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 153. Д. 1695. Л. 7–10 об.

³² Там же. Д. 993. Л. 13–14 об.

³³ Там же. Л. 21–26 об., 41–42 об.

³⁴ Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе. Т. XLIV (1869). СПб., 1873. № 47154. С. 550, 555.

³⁵ Сохранение памятников церковной старины в России... С. 93.

Однако никакие самостоятельные общества при этом не создавались. В финансовом отношении музеи находились в полной зависимости от возможностей Совета академии и выделяемых на ее деятельность казенных и специальных средств³⁶. Более того, попытки учредить в 1890-х гг. такое общество при Санкт-Петербургской духовной академии не имели успеха³⁷.

Косвенно влияние письма председателя МАО на решение создать Киевское общество подтверждает и проект «Правил о сохранении исторических памятников» Комиссии при Министерстве народного просвещения во главе с князем А. Б. Лобановым-Ростовским. В него вошли основные положения, выработанные ранее на археологических съездах. При этом в статье 25 проекта Правил Духовное ведомство уравнивалось со всеми прочими правительственными и общественными учреждениями и подчинялось предполагаемой проектом «Императорской Комиссии о сохранении исторических памятников» при Министерстве народного просвещения: «Духовному ведомству, а равно всем прочим Правительственным и общественным учреждениям вменялось в обязанность... без ведома и разрешения Императорской Комиссии не приступать ни к каким изменениям и подновлениям памятников»³⁸.

На фоне усилившейся в XIX в. власти обер-прокурора появление еще одного бюрократического учреждения, разрешающего или запрещающего, думается, не могло найти поддержки ни в Синоде, ни в епархиях. В то же время проектируемый текст статьи не соответствовал положению Духовного ведомства в системе государственных учреждений, на что обратил внимание обер-прокурор Д. А. Толстой. Поэтому, одобрив проект в целом, Святейший Синод внес свою поправку. В статье 25 были «опущены слова “Духовному ведомству”» и добавлено примечание: «По Духовному ведомству местные Епархиальные Начальства предварительно представления на утверждение Св. Синода предположений и относительно отчуждения предметов, имеющих историческое значение, — или работ по исправлению и переделке памятников, имеют сноситься по сему предмету с управлением ближайшего Археологического округа»³⁹.

Вместе с тем само появление вышеуказанной формулировки в проекте Комиссии не вызывает удивления. Как отмечает С. И. Алексеева, положение Святейшего Синода в государственном аппарате Российской империи отличалось двойственностью. Высшее правительствующее учреждение (по Духовному регламенту) фактически все более усваивало статус учреждения центрального — «ведомства православного исповедания»⁴⁰. Таким его воспринимала светская публика и государственные чиновники.

Работа Комиссии князя А. Б. Лобанова-Ростовского в 1876 г. не привела к созданию специального государственного учреждения для сохранения древностей. Советский исследователь А. М. Разгон, обвинявший Синод в стремлении своей поправкой «свести к нулю» реальные права комиссии, отмечал также «сугубо бюрократические начала, на которых предполагалось строить работу органов охраны памятников»⁴¹. Анализируя причины неудачи этого проекта, Н. В. Покровский указывал на то, что «постановка оказалась чрезмерно широкой, не сообразованной ни с наличным положением памятников, ни с наличностью ученых сил, пригодных для целей охраны»⁴². Кроме того, по его словам, «крупным недостатком» законопроекта было смешивание всех

³⁶ РГИА. Ф. 802. Оп. 9. 1879 г. Д. 5. Л. 8–9, 11–11 об., 14–14 об.

³⁷ *Никольский Н.* Проект устава Общества церковной археологии и археологии при С.-Петербургской Духовной Академии и докладная записка, читанные в заседании Совета Академии 28 марта 1894 года. СПб., 1894; Пятидесятилетие Высочайше утвержденной комиссии по разбору и описанию Архива... С. 87.

³⁸ Материалы по вопросу о сохранении древних памятников... С. 40–43.

³⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 153. Д. 1695. Л. 13–14.

⁴⁰ *Алексеева С. И.* Святейший синод в системе высших и центральных государственных учреждений пореформенной России 1856–1904 гг. СПб., 2006. С. 262.

⁴¹ *Разгон А. М.* Охрана исторических памятников в дореволюционной России... С. 116.

⁴² *Покровский Н. В.* О мерах к сохранению памятников церковной старины... С. 493.

памятников (церковных, гражданских, военных) и подчинение их контролю комиссии Министерства народного просвещения. При этом упускалось из вида, что церковные памятники «по большей части находятся доселе в церковно-практическом использовании и не могут быть рассматриваемы, как мертвый инвентарь»⁴³.

Единственным результатом первой попытки создать государственную систему охраны памятников можно считать церковный законодательный акт, ранее упоминаемый нами. Непосредственным поводом для его принятия послужило обращение А. С. Уварова по поводу ремонта, произведенного епархиальным архиереем в Покровской церкви «близ Боголюбова» без разрешения Синода (в нарушение статьи 207 Строительного устава). Святейший Синод определением от 20 декабря 1878 г. — 9 января 1879 г. повторил необходимость соблюдения действующих норм и вместе с тем сообщал «для надлежащего руководства в нужных случаях» об открытии Киевского церковно-археологического общества, которому вверена забота «о сохранении находящихся в ведении епархиальных начальств древностей», а также об одобренном 31 января 1873 г. правиле, которое обязывало «епархиальные власти, чтобы они не иначе приступали к поправкам, переделкам и уничтожению древних памятников, как по соглашению с одним из ближайших к месту их нахождения Археологическим или Историческим обществом, как то: Петербургским, Московским и Одесским»⁴⁴.

Указанное определение Синода в 1883 г. было закреплено в статье 50 Устава духовных консисторий⁴⁵, а в 1900 г. и в статье 95 нового издания Строительного устава⁴⁶. Однако при этом конкретные археологические общества не назывались. Вместе с тем, определением Синода от 22 августа — 5 сентября 1901 г. в Устав Церковно-исторического и археологического общества при Киевской духовной академии было внесено дополнение, более конкретно указывающее право данного Общества принимать «также предложения и поручения о предполагаемых перестройках и реставрации древних церковных зданий и памятников в ближайших местностях»⁴⁷.

В это же время возобновился и прерванный с началом проведения археологических съездов процесс создания системы сохранения церковных древностей в Православной Церкви. В начале 1899 г. в заседаниях Комиссии по описанию Синодального архива была заслушана записка, подготовленная начальником Архива и библиотеки Синода А. Н. Львовым⁴⁸, «О мерах к сохранению и разработке вещественных и письменных памятников, находящихся в духовном ведомстве»⁴⁹. Записка в сокращенном виде была опубликована в «Церковных ведомостях». В ней предлагалось создавать во всех епархиях по образцу губернских ученых архивных комиссий церковно-археологические комитеты, при которых должны были обязательно образовываться музеи или древлехранилища. Приводились также сведения о шестнадцати уже существующих учреждениях подобного рода⁵⁰.

Однако в сокращенной публикации отсутствовало предложение о создании центрального учреждения, которое, обладая «полной научной компетенцией», координировало бы работу местных комитетов и оказывало им необходимую помощь

⁴³ Там же.

⁴⁴ Материалы по вопросу о сохранении древних памятников... С. 34–35.

⁴⁵ Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Третье. Т. III (1883). СПб., 1886. № 1495. С. 118.

⁴⁶ Сохранение памятников церковной старины в России... С. 184–185.

⁴⁷ Там же. С. 116–118, 336–337.

⁴⁸ *Львов Аполлинарий Николаевич* (1848–1901) — историк, архивист, церковный археолог, публицист; выпускник СПбДА (1873) и Санкт-Петербургского Археологического института (1882), делопроизводитель Комиссии по описанию Синодального архива (1881–1901), начальник архива и библиотеки Св. Синода (1889–1901).

⁴⁹ РГИА. Ф. 814. Оп. 1. Д. 183. Л. 117 об.

⁵⁰ *Львов А. Н.* Существующие ныне и желательные в будущем меры охранения и разработки вещественных и письменных памятников, сосредоточенных в духовном ведомстве // Церковные ведомости. 1900. № 30 (неоф.). С. 1189–1203.

и поддержку. Такая «особая церковно-археологическая Комиссия» должна была, по мнению Львова, заниматься подготовкой заключений «по тем археологическим вопросам, которые восходят ныне на разрешение Святейшего Синода». Кроме того, по его мнению, она могла бы задавать должное направление современной церковной жизни «по вопросам церковной архитектуры, орнаментики, иконописи, стенописи, стиля и формы разных церковных принадлежностей и т. п.». Львов предлагал организовать такую комиссию под председательством одного из членов Синода, а в ее состав пригласить ведущих специалистов-археологов⁵¹.

К этому времени в Российской империи уже действовало центральное государственное учреждение, в ведении которого находилась охрана памятников. По Высочайшему повелению 1889 г. следовало «реставрацию монументальных памятников древности производить по предварительному соглашению с Императорской Археологической комиссией и по сношению ее с императорской Академией художеств»⁵². Это положение также вошло в Строительный устав. Проекты ремонта, реставрации и перестройки церквей рассматривались в реставрационных заседаниях ИАК, в которых участвовали также и представители Синода. В то же время имел место конфликт между ИАК и МАО, претендовавшим на расширительное толкование своих полномочий⁵³.

В связи с тем, что Комиссия была не единственным учреждением, которым разрешались вопросы охраны памятников старины, возникали частые недоразумения, связанные с тем, что епархиальные власти, по словам Н. В. Покровского, затруднялись «в выборе компетентного учреждения». Случалось, что ИАК и МАО брались «одновременно за разрешение одного и того же вопроса» и при этом решали его по-разному, увеличивая «церковно-практические затруднения»⁵⁴. Вместе с тем нехватка специалистов приводила к тому, что решения по этим проектам принимались «большей частью на основании заключений случайных представителей археологии, совсем иногда не знакомых с местными памятниками и местными условиями и потребностями церковно-религиозной жизни». Поэтому А. Н. Львов предлагал предварительное изучение и рассмотрение таких дел поручить епархиальным церковно-археологическим комитетам, которые, будучи непосредственно знакомы «со всеми однородными памятниками епархии», могли бы давать более объективное и мотивированное заключение ИАК для принятия окончательного решения⁵⁵.

Кончина председателя Комиссии по описанию Синодального архива А. Ф. Бычкова⁵⁶, а вскоре и А. Н. Львова несколько притормозили дело охраны памятников в ведомстве Святейшего Синода. По всей видимости оно не нашло поддержки у обер-прокурора К. П. Победоносцева, наложившего резолюцию на журнал

Львов А. Н. Из юбилейного издания Комиссии по описанию Син. архива. С. 255.

⁵¹ РГИА. Ф. 814. Оп. 1. Д. 183. Л. 14–14 об.

⁵² Сохранение памятников церковной старины в России... С. 141–142.

⁵³ Императорская Археологическая Комиссия... С. 128–129, 138–141, 938–939.

⁵⁴ Покровский Н. В. О мерах к сохранению памятников церковной старины... С. 480.

⁵⁵ Львов А. Н. Существующие ныне и желательные в будущем меры охранения... С. 1203.

⁵⁶ Бычков Афанасий Федорович (1818–1899) — историк, археограф, палеограф; академик Петербургской АН (1869), директор Императорской Публичной библиотеки (1882–1899), председатель Комиссии по описанию Синодального архива (1866–1900).

Здравомыслов К. Я. Из юбилейного издания Комиссии по описанию Син. архива. С. 271.

Комиссии: «с делом охраны памятников приостановиться»⁵⁷. Между тем Архив Синода в 1903 г. возглавил К. Я. Здравомыслов⁵⁸. Именно сюда вместе с ежегодными отчетами о состоянии консисторских архивов начали поступать из епархий и сведения о церковно-археологических учреждениях.

В 1904 г. были также изменены Правила для Комиссии по описанию Синодального архива. Одной из задач ее деятельности стало «обсуждение архивных и археологических вопросов, предлагаемых на рассмотрение комиссии Синодом и г. обер-прокурором»⁵⁹. С 1906 г. на основе этого учреждения начал формироваться центральный орган для охраны памятников церковной старины — Архивно-археологическая комиссия (ААК). Проекты предназначенных для нее Правил, а также Положение об епархиальных археологических комитетах были опубликованы К. Я. Здравомысловым вместе со сведениями о консисторских архивах и церковно-археологических учрежде-

ниях в епархиях⁶⁰. Они готовились в заседаниях Комиссии по описанию Синодального архива под председательством А. И. Соболевского⁶¹, «при участии почти всех проживающих в г. Санкт-Петербурге видных представителей археологии». ААК предполагалась как общество ученых, с широкой компетенцией и правами. Новые члены этого общества — люди, известные своими трудами в области церковной археологии, истории Церкви и родной старины — утверждались Святейшим Синодом, а не обер-прокурором⁶².

Определением от 25 апреля — 2 мая 1909 г. духовная власть одобрила Правила и Положение⁶³. Однако они не были «повергнуты на высочайшее благовоззрение». В неофициальном заседании Синода 2 октября 1910 г. обер-прокурор устно сообщал, что осуществление синодального постановления встречает затруднения, связанные с тем, что «доселе» оставался «невыясненным в точности тот порядок, коему надлежит следовать при проведении к Высочайшему утверждению известных предположений Духовного Ведомства»⁶⁴. «Затруднения» и «невыясненный порядок» были связаны с новым общим порядком законодательства (через Государственную думу) по новым Основным законам Российской империи 1906 г. При этом в последних

⁵⁷ Пятидесятилетие Высочайше утвержденной комиссии по разбору и описанию Архива... С. 88.

⁵⁸ *Здравомыслов Константин Яковлевич* (1863–1933) — историк, архивист, библиограф; выпускник СПбДА (1887) и Санкт-Петербургского Археологического института (1891), начальник Архива и библиотеки Св. Синода (1903–1918).

⁵⁹ Сохранение памятников церковной старины в России... С. 198–199.

⁶⁰ *Здравомыслов К. Я.* Сведения о консисторских архивах и церковно-археологических учреждениях в епархиях с проектом «Правил Высочайше утвержденной Архивно-археологической комиссии при Святейшем синоде» и «Положения о церковно-археологических комитетах». СПб., 1908.

⁶¹ *Соболевский Алексей Иванович* (1856–1929) — лингвист, палеограф, историк литературы, славист; академик Петербургской АН (1900), профессор Санкт-Петербургского университета (1888–1908) и Санкт-Петербургского Археологического института (1897–1908), председатель Комиссии по описанию Синодального архива (1866–1900).

⁶² РГИА. Ф. 814. Оп. 1. Д. 183. Л. 85–87 об.

⁶³ Сохранение памятников церковной старины в России... С. 238–241.

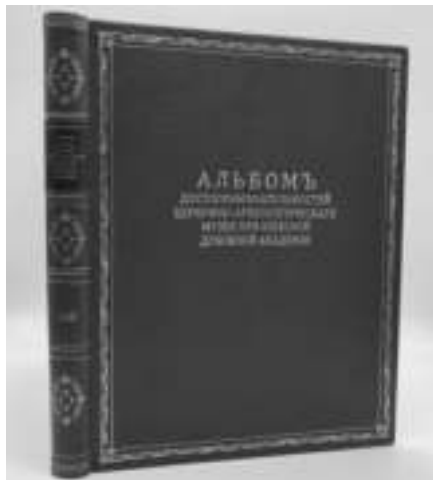
⁶⁴ РГИА. Ф. 814. Оп. 1. Д. 183. Л. 93 об. — 94.

были сохранены в неизменном виде статьи, касавшиеся положения Православной Церкви, ее управления и возможностей законодотворчества. Это порождало различные правовые коллизии⁶⁵.

Разрешить противоречие предполагалось в процессе реформы государственно-церковных отношений. Однако предложенные духовной и светской властью программы преобразований «демонстрировали радикально противоположные подходы и принципы» и не были реализованы до 1917 г.⁶⁶ Также неудачей закончилась попытка решить данную проблему официальным «разъясняющим» постановлением Совета министров, обязательным для Государственной Думы. Принятое правительством решение было половинчатым и практически ничего не изменило⁶⁷.

Для церковного законодательства о сохранении памятников древности это означало, что принятая определением Святейшего Синода система мер не могла быть официально утверждена законом. Она оставалась системой ведомственной, которая, по мнению значительной части образованного общества, и препятствовала эффективной охране памятников. Определенным выражением такой точки зрения стало поданное графиней П. С. Уваровой всеподданнейшее прошение МАО. Председатель Общества «верноподданных молила» императора об объявлении памятников старины, принадлежащих Православной Церкви, «государственной собственностью, без права какого-либо отчуждения, со строжайшей ответственностью всех причастных, начиная с местных преосвященных, за нарушение закона», что являлось, по ее мнению, единственной мерой для их спасения⁶⁸.

Данный вопрос стал предметом рассмотрения Совета министров. Министр юстиции И. Г. Щегловитов отмечал, что лишение Православной Церкви «издревле и на законном основании приобретенного ею имущества» нарушало бы действующие Основные законы Российской империи, охраняющие неприкосновенность частной собственности. Кроме того, подобная мера не вызывалась, по его мнению, «требованиями практической необходимости», потому как в действующем законодательстве уже есть соответствующие постановления и необходимо их неукоснительное соблюдение. По словам обер-прокурора П. П. Извольского, «нет никакой надобности отбирать имущество у церкви», но важно организовать должный надзор. Для этого Православная Церковь и разработала правила для ААК и Положение о епархиальных церковно-археологических комитетах. Совет министров согласился с изложенными мнениями и, вместе с тем, через обер-прокурора просил «Святейший Синод о скорейшем принятии мер к усилению надзора» за сохранностью памятников старины. Стоит также отметить, что И. Г. Щегловитов высказался, по сути, за реализацию таких мер в порядке ведомственного управления⁶⁹.

Альбом достопримечательностей
Церк.-археол. музея

⁶⁵ Флоринский М. Ф. Основные законы 1906 г. и церковное управление в России в период третьей монархии // Вестник ЛГУ. 1980. Вып. 4. № 20. С. 21–26.

⁶⁶ Богомолов А. Б. Государственно-церковные отношения в России в период Думской монархии: правовой цугцванг // Turkish Journal of Russian Studies. 2019. № 1. С. 60–63.

⁶⁷ Богомолов А. Б. Государственная дума и порядок направления законопроектов по Ведомству православного исповедания в 1913–1914 гг. // Таврические чтения–2016: Сборник научных статей. СПб., 2017. Ч. 1. С. 215–220.

⁶⁸ РГАДА. Ф. 814. Оп. 1. Д. 183. Л. 39.

⁶⁹ Особые журналы Совета министров. 1906–1908 гг. / 1908 год. М., 2011. С. 267–269.

Вместе с тем большое значение имело возобновление с 1908 г. подготовки нового закона об охране всех памятников древности. 3 февраля 1909 г. соответствующая Межеведомственная комиссия при Министерстве внутренних дел приступила к работе⁷⁰. Новым обер-прокурором Св. Синода С. М. Лукьяновым было предложено принимаемые Синодом меры в отношении церковных памятников соотносить с организацией Комитета по охране древностей, предполагаемой министерским законопроектом. При этом было решено сохранить Комиссию для описания Синодального архива, а организацию учреждений рядом с ней, предусмотренных проектами Правил для ААК и Положения о епархиальных археологических комитетах, проводить в порядке ведомственного управления⁷¹. В связи с этим, 25 июня 1911 г. Святейший Синод издал циркулярный указ о ежегодной присылке отчетов о деятельности епархиальных церковно-археологических учреждений в эту Комиссию, а также о создании таких учреждений епархиальными архиереями там, где это не было сделано раньше⁷².

В министерский проект, между тем, по настоянию Синода были внесены поправки. Предлагалось, в частности, в губерниях опираться на существующие учреждения, а новые создавать только там, где они отсутствуют. В примечании к этой статье также указывалось, что «если древности губернии имеют по преимуществу церковный характер», то Комитет, прежде всего, предлагал принять обязанности по охране местных древностей епархиальному археологическому учреждению. В таком виде законопроект был утвержден Особым журналом Совета министров 17 марта 1911 г. и внесен в Государственную Думу⁷³. Однако уже в первых заседаниях парламентской комиссии приведенные выше положения исчезли из текста проекта⁷⁴.

Комментируя разработку закона о сохранении древностей, К. Я. Здравомыслов обращал внимание, что в Духовном ведомстве была создана «организация охраны памятников старины», на которую государство «не истратило ни копейки». При этом готово было субсидировать организацию, которая должна создаваться с нуля и стоить, как предполагалось, десятки тысяч рублей ежегодно⁷⁵. А. И. Соболевский также подчеркивал, что без малого 50 лет Церковь создавала древлехранилища и музеи, с 1911 г. обязательные во всех епархиях. Причем рядом с ними «появляются по епархиям специальные церковно-археологические общества», как правило, существующие «на местные епархиальные средства и взносы своих членов, обходясь без поддержки Государственного Казначейства». Стремясь обратить внимание на права Церкви, Соболевский указывал на растущее возмущение существующим натиском «ученых и неученых археологов». По его мнению, в случае принятия думского законопроекта неизбежны были столкновения и борьба, которые быстро приняли бы «острую форму и хронически затяжной характер»⁷⁶.

Закон Государственной Думой так и не был принят. Поэтому ИАК оставалась в России главным учреждением по экспертизе проектов реставрации и ремонта памятников. Комиссией в 1907–1917 гг. было рассмотрено 1498 дел, большинство из которых касалось христианских древностей. Наибольшее количество реставрационных проектов, по наблюдению члена Комиссии П. П. Покрышкина, поступало из Московской, Санкт-Петербургской (Петроградской) и Новгородской епархий⁷⁷.

Вместе с тем к 1915 г. количество дел по ремонту древних церквей, которые получили отрицательный ответ ИАК, становится значительным. Это привело к созданию при Синоде специальной комиссии «по вопросу об устранении затруднений

⁷⁰ Комарова И. И. Законодательство по охране памятников культуры... С. 31–32.

⁷¹ РГИА. Ф. 814. Оп. 1. Д. 183. Л. 93–95 об.

⁷² Сохранение памятников церковной старины... С. 249.

⁷³ Особые журналы Совета министров. 1909–1917 гг. / 1911 год. М., 2002. С. 130–134.

⁷⁴ РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3566. Л. 26–30 об., 33–33 об.

⁷⁵ РГИА. Ф. 814. Оп. 1. Д. 183. Л. 98.

⁷⁶ Соболевский А. И. По поводу думского законопроекта о мерах к охранению памятников древности // Церковные ведомости. 1912. № 23 (неоф.). С. 944, 947.

⁷⁷ Императорская Археологическая Комиссия... С. 939.

при перестройках и ремонтах церквей, имеющих археологическое значение». По мнению членов комиссии, «стоя на научной почве», ИАК часто игнорировала религиозные потребности православных прихожан. В результате многие древние церкви не ремонтировались и в них невозможно было проводить богослужения⁷⁸.

По наблюдению Н. В. Покровского, ИАК решала вопросы со специально-археологической точки зрения. Если же подходить к проблеме комплексно («при более широком взгляде»), то нельзя игнорировать также соображения «церковно-практического характера, равно как и требований экономических, местных условий и проч.». А. Е. Мусин при этом считает, что доклад синодальной комиссии содержал «прямой шантаж и передергивание фактов: церкви остаются без ремонта из-за запретов ИАК»⁷⁹. Однако запреты — это лишь одна сторона медали. Рассмотрение дел в ИАК занимало много времени. По мнению авторов исследования об ИАК, «жалобы на медлительность работы ИАК при реставрации памятников архитектуры были справедливы»⁸⁰. Очевидно также, что запреты и затягивание дел приводили в том числе к тому, что в епархиях начинали ремонтировать и перестраивать без положительного решения ИАК. Последняя же при этом не имела никаких средств «заставить выполнять ее решения»⁸¹.

20 июля 1915 г. Святейший Синод по заключению специальной комиссии издал определение. Указывалось, что, во-первых, в спорных случаях ходатайства по таким делам должны были отправляться высшей духовной власти, которая готовила соответствующие представления императору. Во-вторых, при рассмотрении проектов в заседаниях Техническо-строительного комитета при Хозяйственном управлении Синода надлежало участвовать кроме архитекторов, ответственных за техническую сторону, также специалистам по церковной археологии, назначенным обер-прокурором Св. Синода⁸².

По мнению председателя ИАК А. А. Бобринского, это решение духовной власти отменяло Высочайшее повеление 11 марта 1889 г.⁸³ Отвечая на эти обвинения, Синод обращал внимание на то, что неоднократно подтверждал его действие, а определение от 20 июля 1915 г. касалось рассмотрения только спорных случаев. Кроме того, решение Синода способствует повышению контроля за действиями епархиальных властей и улучшению качества заключений Хозяйственного управления при Синоде по проектам ремонта церквей⁸⁴. Можно сказать, что духовной властью использовались «лазейки в законодательстве, его несовершенство и несогласованность»⁸⁵. Но, применяя некоторые статьи законов (в частности, Уставов строительного и духовных консисторий) и представляя дела по ремонту, перестройке и реставрации церквей на «благовоззрение» императора, Синод тем самым выводил их в сложных случаях из бюрократического и «специально-археологического» ступора.

Соболевский А. И. Из юбилейного издания
Комиссии по описанию
Син. архива. С. 243.

⁷⁸ Сохранение памятников церковной старины... С. 292–293.

⁷⁹ Мусин А. Е. Вопиющие камни. Русская церковь и культурное наследие России... С. 57.

⁸⁰ Императорская Археологическая Комиссия... С. 939.

⁸¹ Покровский Н. В. О мерах к сохранению памятников церковной старины... С. 480.

⁸² Сохранение памятников церковной старины... С. 293–294.

⁸³ Там же. С. 306.

⁸⁴ Там же. С. 303–307.

⁸⁵ Мусин А. Е. Вопиющие камни. Русская церковь и культурное наследие России... С. 58.

Подводя итоги данного исследования церковного законодательства о сохранении памятников древности, заметим, что было бы неправильно делать выводы об его особенностях вне контекста государственно-церковных отношений, а также процессов секуляризации и конфессионализации, связанных с научно-техническим прогрессом и глобализацией. Все это оказывало свое влияние на нормотворчество Церкви и его эффективность.

Основные черты современной системы охраны памятников сложились после 1917 г. Поэтому обращает на себя внимание исследователей деятельность тех «прогрессивных» учреждений, которые получили дальнейшее развитие (структурно и идейно) в советское время. Меры, предпринятые «отжившей свой век» Церковью, на этом фоне могут казаться несущественными. Однако для дореволюционного периода характерна качественно иная ситуация, нежели та, что сложилась позже. Во-первых, большая часть населения принадлежала к православному вероисповеданию. Во-вторых, большинство памятников старины было собственностью духовного ведомства. На них распространялось действие, прежде всего, актов церковного законодательства и управления. В-третьих — самое, пожалуй, главное. Церковное законодательство продолжало и развивало традицию сохранения древностей, в основе которой лежала их религиозная функция. Набиравшая в среде интеллигенции обороты иная точка зрения отказывалась видеть в памятниках церковной старины инструмент духовно-нравственного развития человека и изымала их из культурно-религиозного контекста. Это изъятие стало после 1917 г. характерной чертой государственной политики. Что выразилось и в осуществлении прошения графини П. С. Уваровой и МАО — памятники стали государственной собственностью. Это, однако, не спасло значительную их часть от разрушения и уничтожения. Напротив, нередко именно идеологически чуждый культурно-религиозный контекст становился причиной гибели церковных памятников.

Церковь была не только (и не столько) Ведомством православного исповедания. Она продолжала оставаться социальным институтом, представлявшим интересы православной религиозной общины. Церковь была частью общества и общественных процессов, вырабатывала позицию по тем или иным вопросам, отстаивала ее в бюрократических учреждениях и на научных форумах. Усилия церковных деятелей по сохранению древностей, по меньшей мере, не отставали от забот светского общества. Но они, осваивая научные методы и новые культурные формы, вместе с тем, продолжали и развивали национальную традицию охраны памятников.

Источники и литература

Источники

1. *Здравомыслов К. Я.* Сведения о консисторских архивах и церковно-археологических учреждениях в епархиях с проектом «Правил Высочайше утвержденной Архивно-археологической комиссии при Святейшем синоде» и «Положения о церковно-археологических комитетах». СПб.: Синод. тип., 1908. 36 с.
2. Материалы по вопросу о сохранении древних памятников, собранные Императорским Московским Археологическим обществом. М.: Тип. О-ва распр. полезн. книг, 1911. 62 с.
3. *Никольский Н.* Проект устава Общества церковной археологии и археологии при С.-Петербургской Духовной Академии и докладная записка, читанные в заседании Совета Академии 28 марта 1894 года. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1894. 31 с.
4. Особые журналы Совета министров. 1906–1908 гг. / 1908 год. М.: РОССПЭН, 2011. 659 с.
5. Особые журналы Совета министров. 1909–1917 гг. / 1911 год. М.: РОССПЭН, 2002. 591 с.

6. Охрана культурного наследия в документах XVII–XX вв. Хрестоматия: в 2 т. Т. I / С предисл. Т. П. Сухман. М.: Изд-во «Весь Мир», 2000. 528 с.
7. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе. Т. XLIV (1869). СПб.: Тип. II отделения СЕИВК, 1873. 963 с.
8. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Третье. Т. III (1883). СПб.: Гос. тип., 1886. 998 с.
9. Пятидесятилетие Высочайше утвержденной комиссии по разбору и описанию Архива Святейшего Синода. 1865–1915: Историческая записка. Пг.: Синод. тип., 1915. 454 с.
10. *Раздорский А. И.* Историко-статистические описания епархий Русской православной церкви (1848–1916): Сводный каталог и указатель содержания / Спредисл. и примеч. А. И. Раздорского. СПб.: РНБ, 2007. 960 с.
11. Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 153. Д. 993.
12. РГИА. Ф. 796. Оп. 153. Д. 1695.
13. РГИА. Ф. 802. Оп. 9. 1879 г. Д. 5.
14. РГИА. Ф. 814. Оп. 1. Д. 183.
15. РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3566.
16. Сохранение памятников церковной старины в России XVIII — начала XX века. Сборник документов. М.: Отечество, 1997. 396 с.
17. Труды Первого Археологического съезда в Москве. М.: Син. тип., 1871. СХХ, 318 с.

Литература

18. *Алексеева С. И.* Святейший синод в системе высших и центральных государственных учреждений пореформенной России 1856–1904 гг. СПб.: Наука, 2006. 276 с.
19. *Богомолов А. Б.* Государственная дума и порядок направления законопроектов по Ведомству православного исповедания в 1913–1914 гг. // Таврические чтения–2016: Сборник научных статей. СПб., 2017. Ч. 1. С. 215–220.
20. *Богомолов А. Б.* Государственно-церковные отношения в России в период Думской монархии: правовой цугцванг // Turkish Journal of Russian Studies. 2019. № 1. С. 45–65.
21. *Буслаев Ф. И.* О преподавании археологии // Труды Первого Археологического съезда в Москве. М., 1871. Т. 1. С. 75–82.
22. *Дедюхина В. С.* Краткий очерк истории становления дела охраны памятников церковной старины в России // Сохранение памятников церковной старины в России XVIII — начала XX века. Сборник документов. М.: Отечество, 1997. С. 3–12.
23. *Добренький С. И.* Церковно-приходские летописи как исторический источник (Середина XIX — начало XX в.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2006. 26 с.
24. Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917). К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / Науч. ред.-сост. А. Е. Мусин, под общей ред. Е. Н. Носова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. 1186 с.
25. *Комарова И. И.* Законодательство по охране памятников культуры (историко-правовой аспект). М.: ВНТО Стройиндустрии, 1989. 53 с.
26. *Комарова И. И.* Церковно-археологические учреждения и охрана памятников культуры в России конца XIX — начала XX в. // Археографический ежегодник за 1990 год. М., 1992. С. 83–101.
27. *Львов А. Н.* Существующие ныне и желательные в будущем меры охранения и разработки вещественных и письменных памятников, сосредоточенных в духовном ведомстве // Церковные ведомости. 1900. № 30 (неоф.). С. 1188–1203.
28. *Михеева И. В.* Правотворческая деятельность Министерства внутренних дел Российской империи по охране памятников истории и культуры в XIX — начале XX века. Н. Новгород: Растр-НН, 2009. 156 с.
29. *Мусин А. Е.* Вопиющие камни. Русская церковь и культурное наследие России на рубеже тысячелетий. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. 376 с.
30. *Покровский Н. В.* О мерах к сохранению памятников церковной старины // Христианское чтение. 1906. № 4. С. 471–498.

31. *Разгон А. М.* Охрана исторических памятников в дореволюционной России (1861–1917) // Труды научно-исследовательского института музееведения. Вып. 1: История музейного дела в СССР: Сборник статей. М.: Гос. изд-во культ.-просвет. литературы, 1957. С. 73–128.
32. *Серых Д. В.* Всероссийские Археологические съезды как форма организации отечественной археологической науки во второй половине XIX — начале XX вв. Казань: Отечество, 2014. 188 с.
33. *Соболевский А. И.* По поводу думского законопроекта о мерах к охранению памятников древности // Церковные ведомости. 1912. № 23 (неоф.). С. 943–947.
34. *Флоринский М. Ф.* Основные законы 1906 г. и церковное управление в России в период третьеиюньской монархии // Вестник ЛГУ. 1980. Вып. 4. № 20. С. 21–26.
35. *Формозов А. А.* Очерки по истории русской археологии. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 128 с.
36. *Формозов А. А.* Русское общество и охрана памятников культуры. М.: Советская Россия, 1990. 112 с.
37. *Шалюгин М. С.* Государственно-правовая охрана историко-культурного наследия в дореволюционной России: автореф. дисс. ... канд. юр. наук. Н. Новгород., 2005. 32 с.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 1 (6)

2021

М. А. Дроздова

**Религиозный вопрос
в политике немецких оккупационных властей
на территории Псковской губернии в 1918 г.**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_1_69

Аннотация: В статье на основе анализа архивных документов и материалов периодической печати, издававшейся на оккупированной территории Псковской губернии, прослеживается отношение немецких властей к Русской Православной Церкви. Подчеркивается, что в условиях строжайшего оккупационного режима продолжались богослужения и крестные ходы, осуществлялись отмененные Советской властью выплаты жалования духовенству и преподавателям Закона Божия в учебных заведениях Пскова, оказывалось содействие в деятельности Островского Православного братства. Наряду с этим, религиозный фактор имел место в развитии широкой антисоветской пропаганды и в формировании на оккупированной территории летом-осенью 1918 г. «Псковского отдельного добровольческого корпуса» Северной Армии, что не нашло широкой поддержки ни среди местного населения, ни среди духовенства. Делается вывод, что религиозная политика немецких властей, осуществляемая в условиях жесточайшего оккупационного режима, не смогла сплотить население в борьбе с Советской властью, даже в условиях начавшихся антирелигиозных гонений.

Ключевые слова: Первая мировая война, Псковская губерния, Русская Православная Церковь, архиепископ Евсевий (Гроздов), оккупационный режим, Псковское Областное Управление, Островское Православное братство, антисоветская пропаганда.

Об авторе: **Марина Анатольевна Дроздова**

Кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Псковского государственного университета.

E-mail: drozdova-ma2011@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0483-0004>

Ссылка на статью: Дроздова М. А. Религиозный вопрос в политике немецких оккупационных властей на территории Псковской губернии в 1918 г. // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 1 (6). С. 69–78.

* Фотографии предоставлены автором.

**HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

Scientific Journal

No. 1 (6)

2021

M. A. Drozdova

**The religious Issue
in the Policy of the German Occupation Authorities
on the Territory of the Pskov Province in 1918**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_1_69

Abstract: Based on the analysis of archival documents and materials from periodicals published in the occupied territory of the Pskov Province, the article traces the attitude of the German authorities towards the Russian Orthodox Church. It is emphasized that under the conditions of the strictest occupation regime, divine services and religious processions continued, payments of salaries to the clergy and teachers of the Law of God in educational institutions of Pskov canceled by the Soviet government were carried out, assistance was provided in the activities of the Ostrovsky Orthodox Brotherhood. Along with this, the religious factor was important in the development of widespread anti-Soviet propaganda and in the formation of the Pskov Separate Volunteer Corps of the Northern Army in the occupied territory in the summer and autumn of 1918, which did not find wide support either among the local population or among the clergy. It is concluded that the religious policy of the German authorities, carried out under the conditions of the most severe occupation regime, could not rally the population in the struggle against the Soviet regime, even in the conditions of the beginning of anti-religious persecution.

Keywords: World War I, Pskov Province, Russian Orthodox Church, Archbishop Eusebius (Grozdev), occupation regime, Pskov Regional Administration, Ostrovsky Orthodox Brotherhood, anti-Soviet propaganda.

Об авторе: **Marina Anatolyevna Drozdova**

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Russian History, Pskov State University.

E-mail: drozdova-ma2011@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0483-0004>

Article link: Drozdova M. A. The religious Issue in the Policy of the German Occupation Authorities on the Territory of the Pskov Province in 1918. *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2021, no. 1 (6), pp. 69–78.

* Photographs supplied by the author.

Актуальность темы исследования обусловлена возрастающим интересом к изучению истории Русской Православной Церкви и ее роли в общественно-политической жизни страны в годы Первой мировой войны. В связи с этим недостаточно изученным является вопрос о положении Русской Православной Церкви в условиях оккупационного режима, установленного немецкими войсками на части территории Псковской губернии с 25 февраля по 25 ноября 1918 г., об особенностях религиозной политики немецких оккупационных властей и отношении к этой политике местного населения и духовенства. Источниковую базу исследования составили архивные материалы, в том числе официальные распоряжения и постановления немецких оккупационных властей по г. Пскову и Острову; переписка Псковской учительской семинарии с Церковно-школьным отделом при Совете Управления усиленной 5-й запасной дивизии; требовательные ведомости на выдачу содержания причтам церквей и монастырей г. Пскова и его уезда, назначенное немецкими властями во время оккупации с мая по ноябрь 1918 г. Важное значение имеют материалы периодической печати, издаваемой на оккупированной территории: газеты «Псковский вестник» в г. Пскове и «Моя газета» в г. Острове.

«Псковский вестник» — беспартийная газета, издаваемая в г. Пскове в период германской оккупации. 1918 г. Издатель и ответственный редактор В. В. Волковицкий

В ходе Первой мировой войны в результате активизации военных действий на Восточном фронте в феврале-марте 1918 г. германскими войсками были оккупированы части Псковского, Островского, Опочецкого уездов Псковской губернии, частично Гдовский уезд Петроградской губернии и Люцинский уезд Витебской губернии. В ночь с 24 на 25 февраля 1918 г. германскими войсками был занят город Псков. На занятой территории был установлен строжайший оккупационный режим¹.

Высшая власть находилась в руках немецких военных властей: главнокомандующего 8-й армией генерала Кирхбаха и командующего усиленной 5-й запасной дивизией, расквартированной на территории Псковского, Островского уездов и части Люцинского уезда, генерала от кавалерии фон Штангена. Комендантом города Пскова был назначен полковник Шмидт². Область, оккупированная усиленной 5-й запасной дивизией, стала называться «Псковское Областное Управление». В апреле 1918 г. был образован Совет для решения текущих дел Управления, который состоял из доверенных лиц от гражданского населения. Подчеркивалось, что «командующий усиленной 5-й запасной дивизией может в границах своей власти и по своему усмотрению утвердить или отвергнуть решения Совета Управления»³. Кроме того, при Совете Управления было сформировано шесть отделов: центральный отдел, отдел внутренних

¹ См., напр.: Интервенция на Северо-Западе России, 1917–1920 гг. / [А. Н. Чистиков и др.]; Отв. ред. В. А. Шишкин. СПб., 1995. С. 100–112; Маркова М. Т. Псков и Остров в 1918 г. // Псков. 2007. № 26. С. 137–143; Фрайман А. Л. Крах германской оккупации на Псковщине. Сб. документов / Сост. А. Л. Фрайман. Л., 1939. С. 29–35.

² Государственный архив Псковской области (далее — ГАПО). Ф. Р-744. Оп. 1. Д. 1. Л. 1а.

³ Там же. Л. 4.

дел, финансовый отдел, церковно-школьный отдел, лесной и сельскохозяйственный отдел, юридический отдел⁴.

Церковно-школьный отдел Совета Управления возглавил преподаватель французского языка Псковской мужской гимназии Рудольф Карлович Гутман, лютеранского вероисповедания⁵. Помощником управляющего церковно-школьным отделом стал бывший директор начальных училищ Псковской губернии, помощник попечителя Петроградского учебного округа Елпидифор Михайлович Тихоницкий⁶.

Особое внимание в проводимой на оккупированной территории политике уделялось религиозному вопросу. В Псковской губернии, расположенной на Северо-Западе России, имелись глубокие религиозные традиции. Анализ статистических сведений, представленных в «Обзоре деятельности ведомства православного исповедания за 1915 г.», свидетельствует, что в Псковской епархии насчитывалось 14 монастырей с 297 монашествующими и 582 послушниками и послушницами⁷; 557 церквей, 989 часовен и молитвенных домов⁸. В штате состоял 31 протоиерей, 468 священников, 156 диаконов, 466 псаломщиков⁹. Кроме того, в Псковской губернии действовала духовная семинария, имелись Псковское, Порховское, Великолуцкое и Торопецкое духовные училища, Псковское епархиальное женское училище, более 400 церковных начальных школ¹⁰. В 1915 г. из 1447,1 тыс. общей численности населения губернии¹¹ 1 256 118 являлись лицами православного исповедания¹².

С 1912 г. Псковскую епархию возглавлял епископ Псковский и Порховский Евсевий (Гроздов). Постановлением Святейшего Патриарха и Священного Синода от 12/25 апреля 1918 г. ко дню Св. Пасхи он был возведен в сан архиепископа¹³. Спустя месяц принимается еще одно важное решение в отношении управления церковными делами: в соответствии с постановлением от 7/20 мая 1918 г., Псковский уезд (не оккупированная германскими войсками часть) временно был присоединен к Петроградской епархии, а остальные незанятые немцами уезды Псковской губернии — к Новгородской епархии¹⁴, в ведение митрополита Новгородского Арсения (Стадницкого)¹⁵.

В условиях оккупационного режима, установленного немецкими властями, разрешалось проведение богослужений и крестных ходов. События религиозной жизни отражались на страницах периодической печати. Упоминались богослужения, совершаемые епископом Евсеем в Благовещенском кафедральном соборе. Имели место и храмовые праздники, так, например, «9/22 мая в день празднования памяти святителя Николая Чудотворца справляли свои престольные праздники шесть храмов в городе. Храмы были переполнены молящимися»¹⁶. Кроме того, продолжались существующие еще в дореволюционное время религиозные традиции, например, сообщалось о перенесении святых мощей св. благоверного князя Всеволода Гавриила из Благовещенского в Свято-Троицкий собор¹⁷; в г. Острове «в девятую пятницу после Пасхи 22 июня / 5 июля 1918 г. по примеру прошлых лет состоялся

⁴ Там же. Л. 38.

⁵ О нем см.: *Маркова М. Т.* Такие разные, разные лица... (Учителя мужской гимназии начала XX в.) // Псков. 2008. № 28. С. 158–162.

⁶ Псковский вестник. 1918. 22 июня. С. 4.

⁷ Обзор деятельности ведомства православного исповедания за 1915 г. Пг., 1917. С. 4–5.

⁸ Там же. С. 6–7.

⁹ Там же. С. 24.

¹⁰ Там же. С. 61.

¹¹ Статистический ежегодник России. 1915. (Год двенадцатый). Издание центрального статистического комитета МВД. Пг., 1916. С. 43.

¹² Обзор деятельности ведомства православного исповедания за 1915 г.... С. 26.

¹³ Церковные ведомости. 1918. № 17–18. С. 104.

¹⁴ Там же. № 23–24. С. 182.

¹⁵ Псковский вестник. 1918. 23 июня. С. 4.

¹⁶ Там же. 24 мая. С. 4.

¹⁷ Там же. 10 мая. С. 4.

крестный ход из Спасо-Казанского женского монастыря в п. Елины»¹⁸ и др.

Одним из проявлений оккупационного режима являлось введение ограничений на передвижение населения, в том числе запрещалось нахождение на улицах города в ночное время с 11 ч. вечера до 5 утра. Все же, накануне одного из главных праздников верующих, Пасхи, жителям города было разрешено выходить на улицу ночью с 2 на 3 мая в четверг до 1 часа ночи и с 3 на 4 мая в пятницу с 12 часов ночи¹⁹. По случаю Пасхального богослужения в ночь с 4 на 5 мая комендант Шмидт разрешил гражданскому населению движение по улицам в течение всей ночи²⁰. Еще одно ограничение касалось передвижения по железной дороге, для чего необходимо было предоставить разрешительное свидетельство. В отношении духовенства предусматривались некоторые послабления. Отмечалось, что «для беспрепятственного исполнения пастырских обязанностей уездный начальник может бесплатно выдавать духовным лицам требуемые (проездные) разрешения без ограничения дорог, сроком до 6 мес. и продлить их через каждые 3 мес., сделав об этом на свидетельстве соответствующую пометку»²¹. Однако подчеркивалось, что это разрешение «может быть отобрано во всякое время»²².

На оккупированной территории были восстановлены отмененные Советской властью выплаты жалования причтам церквей и личному составу монастырей г. Пскова и его уезда. Предусматривались следующие выплаты: священнику — 36 руб. 75 коп., диакону — 18 руб. 37 коп., псаломщику — 12 руб. 25 коп. Миссионеру Псковской епархии священнику Сергию Ефимову — 41 руб. 70 коп. Однако не всегда данное жалование выплачивалось своевременно. В январе 1919 г., уже после освобождения Пскова от немецких войск казначей Псковской духовной консистории сообщал о невыданном по разным причинам жаловании духовенству Псковской оккупированной области. Если за май, июнь, июль, август данная сумма была незначительной и составляла 36 руб. 75 коп. за каждый месяц, то начиная с сентября сумма не выданного жалования значительно возросла: причтам церквей г. Пскова за сентябрь — 275 руб. 62 коп., за октябрь — 235 руб. 60 коп., за ноябрь — 867 руб. 97 коп.; миссионеру священнику Сергию Ефимову за ноябрь — 41 руб. 70 коп.; составу монастырей за ноябрь — 296 руб. 43 коп. Итого: 1864 руб. 32 коп. По Псковскому уезду общая сумма не выданного жалования составила 2062 руб. 49 коп., а всего по г. Пскову и Псковскому уезду — 3926 руб. 81 коп.²³

В период немецкой оккупации в г. Пскове также осуществлялись отмененные Советской властью выплаты на содержание преподавателей Закона Божия. Так, например, после смерти 5 июня 1918 г. законоучителя Псковской учительской семинарии протоиерея Александра Васильевича Юпашевского директор семинарии обратился с просьбой к начальнику Церковно-школьного отдела «оказать помощь семье покойного в пять человек, которая осталась без всяких средств к существованию <...>. Выдать пособие в размере жалования покойного за июнь месяц, т. е. 436 руб. 17 коп. Это пособие дало бы время сыновьям покойного найти работу и тем спасти себя и своих двух младших сестер от неизбежного голода»²⁴. Церковно-школьный отдел оказал содействие семье скончавшегося законоучителя, которой было разрешено

Епископ Псковский
и Порховский
Евсевий (Гроздов)

¹⁸ Моя газета. 1918. 12 июля. С. 4.

¹⁹ Псковский вестник. 1918. 3 мая. С. 1.

²⁰ Там же. 16 апреля. С. 1.

²¹ ГАПО. Ф. Р-744. Оп. 1. Д. 1. Л. 23.

²² Там же.

²³ ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 6656. Л. 1.

²⁴ ГАПО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 242. Л. 14.

Благовещенский и Троицкий Соборы Псковского Кремля. 1918 г.

выдать жалование отца за июнь месяц и в июле месяце пособие в размере месячного оклада²⁵.

На вакантную должность законоучителя в семинарию поступили прошения от инспектора Псковского женского епархиального училища протоиерея Георгия Преображенского, бывшего губернского наблюдателя за церковно-приходскими училищами протоиерея Иоанна Литвинского, бывшего уездного наблюдателя протоиерея Владимира Востокова, законоучителя Валдайской женской учительской семинарии священника Иоанна Коведяева, настоятеля церкви Ильинской женской общины протоиерея Алексея Фаворского и безприходного священника учителя Сергия Никифоровского.

Педагогический Совет поддержал кандидатуру протоиерея Владимира Востокова, руководствуясь следующими причинами: «Знание о. Востоковым школьного дела, т. к. он в течение нескольких лет был наблюдателем церковно-приходских школ; самые лучшие ответы о нем как о бывшем настоятеле Покровской церкви в г. Пскове; хорошие ответы о нем, как о законоучителе и человеке»²⁶. Однако в условиях оккупации Пскова «как определение на службу, так и увольнение служащих могло последовать лишь с утверждения командира 5-й запасной дивизии»²⁷ или Председателя совета управления, т. е. назначение на должность без согласования с Церковно-школьным отделом становилось невозможным. Вновь назначенным законоучителем семинарии с 1-го сентября стал протоиерей Иоанн Литвинский.

Наряду с преподаванием Закона Божия для лиц православного вероисповедания в октябре 1918 г. рассматривался вопрос о введении обязательного преподавания Закона Божия для лиц лютеранского, римско-католического и еврейского исповедания

²⁵ Там же. Л. 34.

²⁶ Там же. Л. 46.

²⁷ Там же. Л. 47.

во всех учебных заведениях г. Пскова. Предполагалось приглашение законоучителей за счет областной казны и устройство по возможности сводных уроков в однородных школах. Был утвержден и штат преподавателей: пастор Карл Буш как штатный законоучитель евангелическо-лютеранского вероисповедания с месячным окладом содержания в 424 мар. 72 пф.; ксендз Владислав Стефанович, законоучитель римско-католического вероисповедания с месячным окладом содержания в 191 мар. 78 пф.; Давид Пунко — законоучитель иудейского вероисповедания с месячным окладом содержания в 179 мар.²⁸

Еще одним важнейшим направлением деятельности немецких оккупационных властей стала поддержка Островского православного братства, председателем которого являлся священник Владимир Панов. Братство было образовано еще в декабре 1917 г. с целью «создать единство христианского духа, очистить и укрепить совесть верующих»²⁹. В принятом 21 января 1918 г. Уставе были определены следующие задачи: «Братство в своей деятельности: защищает общественное положение православной веры и церкви, права православного духовенства и церковного имущества; заботится о религиозно-нравственном просвещении народа; оказывает материальную помощь нуждающимся»³⁰. В структуре Братства первоначально насчитывалось четыре кружка: проповеднический, благотворительный, церковно-богослужебно-певческий и народно-просветительный.

На одном из заседаний Островского православного братства в июле 1918 г. должен был присутствовать архиепископ Евсевий, во время своего трехдневного пребывания в г. Острове. Тогда же предполагался уездный съезд духовенства, церковных старост и представителей приходских советов семи оккупированных волостей Островского уезда для разрешения и обсуждения текущих церковных вопросов, который не состоялся в связи с болезнью архиепископа Евсевия.

Особое значение в общественно-политической жизни этого периода имел благотворительный кружок Островского православного братства, целью которого являлось «оказание посильной христианской помощи всем нуждающимся и, прежде всего, членам Братства»³¹. Среди источников финансирования назывались следующие: «а) из годового членского взноса не менее 3-х руб.; б) сборов во время собраний в случае немедленной помощи; в) благотворительных вечеров, лекций, концертов и т. д.; г) от продажи свечей, возжигаемых на общих собраниях Братства и д) единовременных кружечных сборов и пожертвований натурой и деньгами»³². Так, например, кружечный сбор, устроенный в пользу бедных города 12 марта дал 608 руб., пасхальный сбор на «красное яичко» дал 980 руб. 90 коп. В целом, благотворительный кружок с начала своей деятельности до 20 июля выдал единовременных пособий разным лицам на сумму 3273 руб. 11 коп; ржаной муки и печеного хлеба — 3 п. 11 фун.; картофеля — 9 п.; сухих овощей — 26 фун.³³

Однако широкая благотворительная деятельность Островского православного братства в условиях оккупационного режима и нарастающего продовольственного кризиса могла осуществляться только с разрешения и поддержки немецких властей и представителей немецкой администрации. Так, например, на очередном собрании Братства председателем священником В. Пановым было доложено, что градоначальником г. Острова «предоставлено в распоряжение Братства 2 п. сахару по 10 руб. фунт для раздачи беднейшему населению города по усмотрению Братства. Собрание постановило поручить дело раздачи сахару с тем, чтобы сахар получали самые беднейшие люди и особенно больные и слабые дети бедняков-родителей»³⁴.

²⁸ Там же. Л. 123.

²⁹ Моя газета. 1918. 24 июля. С. 2.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ Там же.

³⁴ Там же. 28 июля. С. 4.

Благотворительный кружок Островского православного братства занимался оказанием помощи военнопленным, возвращающимся на Родину на пути их следования через ст. Остров. С разрешения германских властей население города оповещалось об ожидающемся прибытии поезда с военнопленными десятью ударами колокола. Первый поезд с военнопленными, которым была оказана помощь, прошел через ст. Остров 15 июня. К 20 июля комиссия оказания помощи военнопленным, которую возглавлял священник А. Лавровский, встретила 15 поездов с общим числом пленных свыше 6000 человек, которым она раздала хлеба — 54 пуда, молока — 2455 бутылок, яиц — 4202 штук, творогу — 2 пуда 6 ф., масла — 37 ф., мяса — 28 ф., сухарей — 27 ф., папирос — 130 пачек, табаку — 5 ф.»³⁵.

Германские власти оказали помощь и образованному 31 марта 1918 г. сельскохозяйственному кружку Островского православного братства, передав в его распоряжение проволоку, лопаты, топоры и другие необходимые орудия. С разрешения германских властей по инициативе Братства было издано несколько воззваний и листков: «Призыв Островского Православного Братства ко всем православным христианам Островского уезда»; «Памятка об Островском Православном Братстве пленным воинам, возвращающимся на Родину» и «Голос старого пастыря о бедствиях современной жизни».

Следует отметить, что религиозный фактор приобретал важное значение и в осуществлении антисоветской пропаганды. На страницах издаваемых на оккупированной территории газет целенаправленно публиковались сообщения, освещающие репрессивные меры, проводимые Советской властью в отношении Церкви. Так, например, сообщалось о реквизициях в Елизаровском монастыре Псковской губернии, о расстреле священнослужителей, о начавшемся процессе закрытия домовых церквей и социализации монастырей. Такие сообщения имели не только региональный, но и общероссийский характер. Антирелигиозной политике Советской власти противопоставлялась «терпимая» религиозная политика немецких оккупационных властей. Наиболее ярким примером является публикация Изотова, в которой отмечалось: «Православные люди Пскова не могут забыть, что “большевики”, т. е. представители Советской власти, запрещали совершать крестные ходы и молиться Богу и угрожали расстрелом из пулеметов и ружей за молитву православных Богу. С приходом же немцев в Псков — религия стала свободна, мы имеем право молиться Богу и наши храмы пользуются со стороны немцев уважением и предупредительным отношением к религиозному чувству православного русского народа»³⁶.

Религиозный фактор имел место и при формировании на оккупированной территории летом-осенью 1918 г. по инициативе немецких властей «Псковского отдельного добровольческого корпуса» Северной, а позднее Северо-Западной белогвардейской армии. В одном из воззваний говорилось: «Записывайтесь в Северную Армию для спасения Отечества и религии, а также добытого трудами добра, объединяйтесь под сенью Святой Троицы»³⁷. Тем не менее, сформировать значительную армию из антисоветских элементов не удалось³⁸.

Настроения, господствующие в обществе в этот период времени, достаточно ярко переданы в статье П. Кохманского «Единственный путь», опубликованной в последнем номере московской газеты «Фонарь» от 12 (25) марта 1918 г.: «Сейчас в каждом из нас как бы два человека. Один, ненавидя большевиков по личным или государственным мотивам и не чувствуя в силах свергнуть их путем междоусобной борьбы жаждет прихода немцев, чтобы ими и через них освободиться от ненавистной разлагающей все и вся власти, другой — ненавидя немцев, восстает в душе перед мыслью безропотно им подчиниться, прекрасно сознавая, что в конечном счете добра от них

³⁵ Там же.

³⁶ Псковский вестник. 1918. 26 мая. С. 3.

³⁷ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 2. Д. 9. Л. 70.

³⁸ См., напр.: *Богомазов Н. И.* Начальный этап Белого движения на Северо-Западе России. 1918 г.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. СПб., 2011. 25 с.

ждать не приходится. Как быть, как определить свое внутреннее отношение и внешнее поведение в виду надвигающихся на нас новых и трагических событий? <...> Ничего за время революции не изменилось и не должно измениться в отношении немцев. Они были вековыми врагами славянства и остались таковыми, и наш патриотический долг этого не забывать ни при каких обстоятельствах»³⁹. 25 ноября 1918 г. Псков был освобожден от немецких войск.

Можно привести и другие косвенные факты, свидетельствующие о том, что религиозная политика немецких оккупационных властей не нашла широкой поддержки ни среди духовенства, ни среди местного населения. Так, например, на страницах газеты «Псковский вестник» отмечалось, что «состоявшийся 16/24 мая крестный ход кругом крепостных стен города с местночтимыми иконами и копией иконы чудотворного образа Спасителя, находящегося в Елеазаровском монастыре, сопровождало не более десятка священнослужителей»⁴⁰, при этом по результатам переписи численности населения г. Пскова к 1 мая составляла 40100 чел., не включая лиц, принадлежащих к составу германской армии. Кроме того, к концу мая значительно возрастает количество вакансий в приходах г. Пскова и Псковского уезда, замещение которых становилось затруднительным. Так, например, имелись священнические вакансии в Димитриевской церкви г. Пскова⁴¹, погостах Верхний Мост, Демяницы и Кулье; вакансии диакона — в Загорской единоверческой церкви, погостах Верхний Мост и Мелетово; псаломнические вакансии — в Николаевской церкви на Великолуцкой ул; в Петропавловском Соборе; в погостах Чирски, Авинчице, Демяницы, Куова, Камно, Колбижицы, Сенно, Верхний Остров и др.⁴²

Таким образом, «терпимая» религиозная политика немецких властей, осуществляемая в условиях, когда на неоккупированной территории началась реализация декрета об отделении Церкви от государства, закрытие домовых церквей и духовных учебных заведений, не достигла ожидаемых результатов, т. к. главной ее сутью стала антисоветская пропаганда и развитие широкого белогвардейского движения.

Источники и литература

Источники

1. Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. 39. Оп. 1. Д. 6656.
2. ГАПО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 242.
3. ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 2. Д. 9.
4. ГАПО. Ф. Р-744. Оп. 1. Д. 1.
5. Моя газета. 1918. 12 июля, 24 июля, 28 июля.
6. Обзор деятельности ведомства православного исповедания за 1915 г. Пг.: Синодальная типография, 1917. 145 с.
7. Прибавления к Церковным ведомостям. 1918. № 13–14.
8. Псковский вестник. 1918. 16 апреля, 3 мая, 10 мая, 24 мая, 26 мая, 29 мая, 7 июня, 22 июня, 23 июня.
9. Статистический ежегодник России. 1915. (Год двенадцатый). Издание центрального статистического комитета МВД. Пг., 1916.
10. Фрайман А. Л. Крах германской оккупации на Псковщине. Сб. документов / Сост. А. Л. Фрайман. Л.: Лениздат, 1939. 270 с.
11. Церковные ведомости. 1918. № 17–18; № 23–24.

³⁹ Прибавления к Церковным ведомостям. 1918. № 13–14. С. 471.

⁴⁰ Псковский вестник. 1918. 7 июня. С. 4.

⁴¹ ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 6656. Л. 2.

⁴² Псковский вестник. 1918. 29 мая. С. 4.

Литература

12. *Богомазов Н. И.* Начальный этап Белого движения на Северо-Западе России. 1918 г.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, 2011. 25 с.
13. Интервенция на Северо-Западе России, 1917–1920 гг. / [А. Н. Чистиков и др.]; Отв. ред. В. А. Шишкин. СПб.: Наука, 1995. 393 с.
14. *Маркова М. Т.* Такие разные, разные лица... (Учителя мужской гимназии начала XX в.) // Псков. 2008. № 28. С. 158–162.
15. *Маркова М. Т.* Псков и Остров в 1918 г. // Псков. 2007. № 26. С. 137–143.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 1 (6)

2021

А. Г. Закржевский

**Архиерейские перемещения в контексте бюрократизации
и секуляризации церковного управления
в первые десятилетия синодального периода**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_1_79

Аннотация: Перемещения епископов с кафедры на кафедру стали заметным явлением в Русской Церкви уже к 30-м годам XVIII в. Вызванные к жизни политикой, проводимой государством по отношению ко всему русскому духовенству, перемещения архиереев были следствием усиления бюрократизации административной жизни Церкви, при которой в церковное управление переносились принципы и методы, характерные для светских органов власти. При этом архиерейские переводы еще не стали проводиться специально с целью ослабить влияние епископата, как это начало происходить в XIX в., а пока были только инструментом решения текущих проблем, возникающих в сфере отношений государства и Церкви.

Ключевые слова: архиерейские перемещения, Святейший Правительствующий Синод, синодальный период, бюрократизация, секуляризация, отношения государства и Церкви.

Об авторе: **Александр Геннадьевич Закржевский**

Кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургского национального исследовательского Академического университета имени Ж. И. Алфёрова Российской академии наук.

E-mail: korzh350@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1889-5653>

Ссылка на статью: Закржевский А. Г. Архиерейские перемещения в контексте бюрократизации и секуляризации церковного управления в первые десятилетия синодального периода // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 1 (6). С. 79–86.

* Изображения взяты из открытых источников.

**HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

Scientific Journal

No. 1 (6)

2021

A. G. Zakrzhevsky

**Episcopal Transfers in the Context of Bureaucratization
and Secularization of Church Administration
in the First Decades of the Synodal Period**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_1_79

Abstract: The transfer of bishops from see to see became a noticeable phenomenon in the Russian Church by the 1730s. Brought to life by the policy pursued by the state in relation to the entire Russian clergy, the transfer of bishops was a consequence of the intensification of bureaucratization of the administrative life of the Church, under which principles and methods characteristic of secular authorities were transferred to church administration. At the same time, episcopal transfers have not yet begun to be carried out specifically with the aim of weakening the influence of the episcopate, as was the case in the nineteenth century, but so far were only a tool for solving current problems arising in the sphere of relations between the state and the Church.

Keywords: episcopal transfers, Most Holy Governing Synod, Synodal Period, bureaucratization, secularization, relations between the state and the Church.

About the author: **Alexander Gennadievich Zakrzhevsky**

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Zh. I. Alferov St. Petersburg National Research Academic University of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: korz350@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1889-5653>

Article link: Zakrzhevsky A. G. Episcopal Transfers in the Context of Bureaucratization and Secularization of Church Administration in the First Decades of the Synodal Period. *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2021, no. 1 (6), pp. 79–86.

* Images are taken from open sources.

XVIII век — один из завершающих этапов долгого процесса подчинения Церкви государству. Русская Церковь, как и все русское общество, изменялась, в ней появлялись новые явления и тенденции. Упразднение патриаршества и введение синодального правления были далеко не единственными новшествами в русской церковной жизни. Одним из таких новых явлений стали перемещения епископов с кафедры на кафедру.

Необходимо оговориться, что архиерейские перемещения в России были известны и ранее. Так, еще в XIII в., в 1299 г. митрополит Максим перевел епископа Симеона из Владимира в Ростов и сам стал управлять Владимирской епархией¹, или в более позднее время, в 1682 г., указом патриарха Иоакима Крутицкий митрополит Варсонофий² был переведен в Тверь, а через некоторое время обратно на Крутицы. Однако все случаи перевода епископов из епархии в другую епархию до XVIII в. можно считать экстраординарными. Только лишь в синодальный период об архиерейских перемещениях можно говорить как о заметном историческом явлении.

Статистические данные о перемещениях в XVIII в. тоже могут служить своеобразной иллюстрацией к политике, проводимой государственной машиной в отношении архиерейского сословия и Церкви в целом. Так, из 184 архиереев, поставленных с 1721 по 1801 гг., 122 епископа (или 66% от общего числа) были перемещены с кафедры на кафедру. Такие же данные по царствованиям дают ещё более яркую иллюстрацию: из числа поставленных епископов при Петре I были подвергнуты переводу 37% иерархов, при Екатерине I (вместе с Петром I) — 40%, при Анне Иоанновне — 44%, при Елизавете — 41%, при Екатерине II — 62,5%, при Павле — 89%. Налицо постоянный, если не считать елизаветинское царствование, рост количества архиерейских перемещений. Однако было бы не вполне правильно при рассмотрении архиерейских переводов руководствоваться только вышеприведенными данными, поскольку они учитывают и те перемещения, которые произошли при Павле в 1801 г. Их интересно сравнить с данными, полученными при простом подсчете перемещений, случившихся в то или иное царствование. При Петре Великом с 1700 по 1725 гг. было перемещено 18 архиереев, при Екатерине I произошло 5 перемещений, при Петре II — 0, при Анне Иоанновне и в период регентств — 17, при Елизавете их было 26, при Петре III — 5, при Екатерине II — 49 и при Павле — 28. Таким образом, можно сказать, что, например, в последние 25 лет царствования Петра I на год приходилось примерно 0,7 перемещений, в царствование Анны Иоанновны — 1,7, в правление Елизаветы — 1,3, при Екатерине II — 1,5 и при Павле — 5,6.

Приведенные выше количественные данные по перемещениям являются в достаточной мере объективными показателями колебаний правительственной политики по отношению к высшим церковным кругам и всей Церкви в целом. При этом стоит учитывать и субъективный фактор. Так, данные по елизаветинскому царствованию служат ещё одним доказательством благожелательного отношения к духовенству дочери Петра Великого. Резкий скачок перемещений при Павле можно объяснить, в частности, недоброжелательным отношением нового императора к иерархам, прославившимся в екатерининское царствование, либо желанием Павла путем «перетряски» высшего духовенства укрепиться на троне.

Пагубность архиерейских перемещений для внутренней жизни Церкви подчеркивали многие авторы, исследовавшие ситуацию в Русской Церкви в XVIII в.³ Видимо, осознавали это и в те времена. В 1749 г. появилась на свет резолюция Синода, которая должна была препятствовать переводам епископов. Основываясь на том, что «многими святых отец правилами переводы архиерейские из одной епархии в другую

¹ Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. 2-е изд. / Под ред. И. Ф. Карского. Вып. 3. Приложения: Продолжение Суздальской летописи по Академическому списку. Указатели. Л., 1928. Стб. 528.

² *Евдокимов И.* Каталог преосвященных Архиереев Тверских. Тверь, 1888. С. 19.

³ См., напр.: *Смолич И. К.* История Русской Церкви. 1700–1917. // История Русской Церкви. Кн. 8. Ч. 1. М., 1996.

крепко запрещены...» и перемещения, случавшиеся в России до этого, проводились только «из нижней степени на вышнюю», Синод постановляет «не избирать... (на вакантные кафедры. — А. З.) преосвященных архиереев, которые имеют свои епархии... или от епархий своих отказались...»⁴. Однако, несмотря на сопротивлении, количество перемещений росло, они проводились все чаще и чаще, а резолюция Синода 1749 г. осталась гласом вопиющего в пустыне и была вскоре забыта. Почему же все усилия синодалов по прекращению переводов епископов оказывались тщетными, ведь Синод мог использовать всю мощь государственного аппарата для исполнения своего решения? Но государство не помогло Церкви. Подобное невнимание государства к церковным проблемам не может не навести на мысль о некоей его причастности к архиерейским перемещениям и даже заинтересованности в них. Как же связаны государственная политика по отношению к духовенству и Церкви и перемещения?

Каноническая основа перемещений очень слаба. Точнее говоря, её фактически не существует, «так как епископ считается женихом церкви, в которую поставлен, и... следовательно, связь между епископом и вверенною ему церковью представляется неразрывною, которая должна существовать до конца его жизни...»⁵. Поэтому всяческие перемещения возбраняются. Это запрещение неоднократно повторялось на Вселенских и Поместных Соборах. Против переходов епископов направлены, в частности, 15-е правило I Вселенского, 5-е правило IV Вселенского, 21-е правило Антиохийского и 1-е правило Сардикийского Соборов⁶. 1-е правило Сардикийского Собора прямо называет причину подобных желаний епископов — желание большей славы и власти⁷. Для оправдания перемещений есть только одна маленькая лазейка в виде 14-го Апостольского Правила, которое гласит, что «не позволительно епископу оставлять свою епархию и во иную преходити, ... разве когда будеть некоторая вина благословная. И сие [творити] не по своему произволу, но по суду многихъ епископовъ и по сильнейшему оубеждению»⁸. Крайнюю нужду (вину), естественно, можно толковать совершенно по-разному и применительно к ситуации. Поэтому причины перевода того или иного епископа обычно и не упоминались в указах. В просмотренных документах, связанных с архиерейскими переводами, лишь однажды был указан мотив для перемещения (и притом в некоторой степени уважительный). В 1738 г. Синод, действуя по указу 1730 г., согласно которому в Синоде должно было быть четыре архиерея, а всего — девять персон, предложил императрице Анне Иоанновне в синодальные члены епископа Вятского Киприана «и за дальностью Вятской епархии для близости перевести его в другую из близких к Санкт-Петербургу»⁹. Анна согласилась с мнением Синода, но конкретных предложений синодалы в этом докладе не представили, и дело затягивалось. Лишь в следующем году на Высочайшее имя поступили новые предложения, и Анна Иоанновна подписала новый доклад, где предлагалось провести «рокировку епископов»: епископа Киприана перевести в Коломну, а епископа Вениамина из Коломны в Вятку¹⁰.

В начале синодального периода церковные власти не могли ещё одобрять перемещений, о чем можно судить по жесткой резолюции Синода на прошение епископа Варлаама (Леницкого). 10 июня 1721 г. владыка Варлаам прислал в Синод доношение с просьбой перевести его из Суздаля в какую-нибудь другую епархию¹¹. Свою просьбу епископ аргументировал многими бедами, которые свалились на него после назначения в Суздаль. Ещё до его приезда в Суздале случился большой пожар, от которого

⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 27. Д. 304. Л. 36 об.

⁵ *Никодим (Милаш), еп.* Православное церковное право. СПб., 1897. С. 370–371.

⁶ Правила Святых Соборов Вселенских и Поместных и Святых Отцов. Сергиев Посад, 1996. С. 37, 55, 160, 173.

⁷ Там же. С. 173.

⁸ Там же. С. 17.

⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 19. Д. 570. Л. 2.

¹⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 20. Д. 201. Л. 1.

¹¹ ПСПиР. Т. 1. № 168. С. 218.

серьёзно пострадали постройки архиерейского дома и собор. Необходимых денег в архиерейской казне на восстановление всего разрушенного не было, и епископ писал в Синод, что он вынужден жить «в великой нужде и печали» в домовом селе Красном¹². Синод пригрозил епископу Варлааму лишением сана за подобные прошения, сославшись как раз на 1-е правило Сардикийского Собора. Однако по прошествии нескольких лет владыка Варлаам был переведен в Коломенскую епархию. Такие действия духовного начальства не могли не сказаться на дисциплине иерархов, и на протяжении первой половины XVIII в. в Синод поступали прошения архиереев о переводе (или, наоборот, не-перевод) их в другие епархии. Например, в 1735 г. епископ Арсений (Берло), перемещенный из Переяславля в Белгород, написал в Синод прошение об оставлении его на Переяславльской кафедре¹³.

Перемещения епископов порождали в XVIII в. также массу других неудобств, кроме постоянных просьб архиереев. Переводя иерархов из епархий, имевших разные степени в диптихе, Синод должен был постоянно указывать, в каком облачении должен служить тот или иной перемещенный епископ на новом месте. Очень часто это задевало престиж архиерея. Когда в 1730 г. епископа Варлаама (Леницкого) перевели из Астрахани в Переяславль, епископу было указано, чтобы он совершал богослужение «в одеждах таковых же как и преждние там архиереи священнодействовали неотменно»¹⁴. Через некоторое время епископ Варлаам — и так уязвленный тем, что его перевели на викарную кафедру, каковой считалась Переяславльская — прислал в Синод прошение о том, чтобы ему было позволено совершать служение в саккосе, как до этого в Астрахани¹⁵.

Другой подобный случай произошел в 1737 г., когда на вакантную Устюжскую кафедру назначили архимандрита Луку (Конашевича). Синод не знал, в каких облачениях должен служить новопоставленный епископ, поскольку его предшественник Лаврентий (Горка) получил саккос, так как изначально был посвящен в Астрахань, считавшейся митрополией. Будучи впоследствии переведенным в Устюг, епископ Лаврентий продолжал облачаться в саккос. Для разрешения подобного казуса потребовалась резолюция Кабинета за подписью А. И. Остермана и А. М. Черкасского, разрешающая владыке Луке носить саккос, как делал его предшественник¹⁶. Видимо, в конце концов государственная власть просто устала решать подобные вопросы, которые порождали значительную бумажную переписку и ненужные склоки, и епископы, вне зависимости от степени епархии, получили право облачения в саккос.

Частые перемещения постоянно порождали для епископов соблазн оказаться на более богатой или более высокой кафедре. Для этого иерархи прибегали к помощи высоких светских покровителей, т. е. воздействовали на Синод окольными путями интриг. Вероятно, по этой причине затягивалось решение Синода, принятое в 1738 г.,

Епископ Лука (Конашевич)
(† 1758)

¹² Там же. С. 218.

¹³ РГИА. Ф. 796. Оп. 16. Д. 347. Л. 27 об. — 28.

¹⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 11. Д. 241. Л. 3 об.

¹⁵ ПСПиР. Т. 7. № 2415. С. 205.

¹⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 18. Д. 180. Л. 18 об. — 19 об.

Епископ Лаврентий (Горка)
(1671–1737)

о переводе епископа Киприана в более близкую к Санкт-Петербургу епархию. Поскольку в близких к столицам епархиях вакансий не было, исполнение этого решения было возможно только с обменом кафедрами. Архиереи, естественно, не испытывали большого желания меняться кафедрами с епископом Киприаном и ехать в глухую Вятку.

Помимо мелких неприятностей, связанных с переводами, случались и более сложные коллизии. Так, при переводе архиереи во многих случаях должны были ехать в Москву или Петербург для объявления указа. Огромные дорожные расходы по содержанию свиты, ризницы, найму подвод тяжким грузом ложились на казну архиерейского дома, подрывая и без того трудное материальное положение архиерейских хозяйств. Подчас приехавшие с переводимым архиереем служащие архиерейских домов надолго оставались в столицах, не имея разрешения и материальных возможностей возвратиться в свои епархии. Типичной выглядит история Григория Семенова и Дмитрия Дианова, которые приехали в Москву вместе со своим епископом Варлаамом (Ле-

ницким). Служителям следовало дожидаться нового архиерея, но после перевода епископа Варлаама в Переяславль Астраханская епархия осталась вакантной. Г. Семенов и Д. Дианов проживали в Москве, претерпевая нужду. Они не имели ни паспорта на обратный путь, ни жалованья, о чем дважды информировали Синод¹⁷.

Помимо проблем со служителями архиерейских домов синодальная власть столкнулась с проблемой передачи полномочий от одного епископа к другому. Неясными здесь были два момента: когда переводимый епископ должен перестать титуловаться старым титулом и воспринять титул своей новой епархии, и с какого момента времени он не мог участвовать в управлении его прежней епархии. Вопрос этот имел не только практическое значение для решения насущных задач епархиального управления, но и затрагивал каноническую сферу, поскольку епископы в Православной Церкви не могут вмешиваться в дела чужих епархий. Поэтому все решения епископом каких-либо епархиальных дел после получения известий о переводе могли рассматриваться как вмешательство в дела чужой епархии и, соответственно, как нарушение канонов. Такой казус и возник в 1738 г. при переводе епископа Луки из Устюга в Казань. Дело началось донесением самого епископа Луки о поставлении им архимандритов в некоторые монастыри. Из этого донесения следовало, что владыка Лука производил поставление, когда ему уже было известно о своем переводе: «производство в архимандриты» произошло 9 мая, а рапорт о получении указа датирован 18 апреля¹⁸. К тому же под донесением епископ подписался титулом «Устюжский».

В свое оправдание епископ Лука писал в Синод о том, что он уже давно решил поставить тех архимандритов, но по болезни не сделал этого. Ко времени отправления донесения Лука ещё «не разменялся» служителями с ново назначенным на Устюжскую кафедру епископом Гавриилом и продолжал считать себя не Казанским, а Устюжским архиереем. Именно этим объяснял епископ «свое подписание Устюжским»

¹⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 11. Д. 241. Л. 11 — 11 об.

¹⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 19. Д. 305. Л. 2.

в донесении¹⁹. По ходу разбирательства обнаружилось ещё некоторые «вины» епископа Луки, которому и без них грозило извержение из сана, однако владыка Лука был Высочайше прощен в 1740 г. по указу от 14 февраля²⁰. Главным последствием этого дела стоит считать то, что, епископы, на примере владыки Луки, сделав выводы, предпочли при перемещениях титуловаться новым титулом сразу по получении указа из Синода и не решать никаких дел. Если же какие-то мелкие решения и принимались (в большом хозяйстве это практически неизбежно), то сведения о них, конечно же, не поступали в Синод.

Официально проблема передачи полномочий при перемещениях в дальнейшем решилась достаточно просто: епископ одной епархии становился правящим архиереем другой при пении уставных многолетий после оглашения указа в Синоде. Перемещаемый епископ титуловался новым титулом и, соответственно, становился владыкой в своей новой епархии. Вероятно, это произошло где-то в первой половине 50-х годов, поскольку в деле 1755 г. о переводе епископов Луки и Гавриила, в результате которого епископ Лука оказался в Белгородской, а владыка Гавриил в Казанской епархиях, имеется специальная приписка о том, что перед прочтением указа епископа Гавриила именовать «Коломенский и Коширский», а по объявлении указа в пении многолетия именовать уже «Казанский и Свияжский»²¹. После 1755 г. подобная практика передачи канонических полномочий путем перемены титулования стала обычным делом.

Таким образом, перемещения архиереев из епархии в епархию стали заметным фактором русской церковной жизни уже к 30-м гг. XVIII столетия далеко не случайно. Они были вызваны к жизни политикой, проводимой государством по отношению ко всему русскому духовенству, желавшему видеть Церковь полностью включенной в государственную систему. Перемещения есть следствие бюрократизации административной жизни Церкви. Правда, архиерейские переводы еще не стали проводиться специально с целью ослабить архиерейское влияние и не дать епископу «сжиться» с епархией и паствой, как это случалось в XIX в. при К. П. Победоносцеве²². Однако уже в XVIII в. государство в лице Синода стремилось решать некоторые проблемы церковной жизни при помощи перемещений. Так, перевод из центральной в отдаленную епархию мог быть наказанием, как это было, например, в случае с переводом епископа Лаврентия (Горки) из Рязани в Вятку «за некоторые предрезности»²³. Еще чаще перемещение архиерея в другую епархию было следствием какого-либо конфликта с местными властями. Таковым образом Синод пытался разрешить конфликтные ситуации, например, в 1730 г. при ссоре епископа Варлаама (Леницкого) с астраханским вице-губернатором²⁴. Аналогичным образом закончилась и ссора

Архиепископ Варлаам (Леницкий)
(† 1741)

¹⁹ Там же. Л. 12 об. — 13.

²⁰ Там же. Л. 158.

²¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 36. Д. 368. Л. 7.

²² Смолич И. К. История Русской Церкви... С. 403.

²³ РГИА. Ф. 796. Оп. 18. Д. 180. Л. 22 об. — 23 об.

²⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 10. Д. 223. Л. 20.

Вятского епископа с местным воеводой в 1745–1746 гг.²⁵ Данные действия государства по разрешению различных проблем неканоническими методами способствовали фактическому узаконению перемещений и превращению их уже в XIX в. в рядовое явление церковной жизни.

Источники и литература

1. *Евдокимов И.* Каталог преосвященных Архиереев Тверских. Тверь, 1888.
2. *Никодим (Милаш), еп.* Православное церковное право. СПб., 1897.
3. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. Т. 1. СПб., 1830; Т. 7. СПб., 1830.
4. Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. 2-е изд. / Под ред. И. Ф. Карского. Вып. 3. Приложения: Продолжение Суздальской летописи по Академическому списку. Указатели. Л., 1928.
5. Правила Святых Соборов Вселенских и Поместных и Святых Отцов. Сергиев Посад, 1996.
6. РГИА. Ф. 796. Оп. 10. Д. 223.
7. РГИА. Ф. 796. Оп. 11. Д. 241.
8. РГИА. Ф. 796. Оп. 16. Д. 347.
9. РГИА. Ф. 796. Оп. 18. Д. 180.
10. РГИА. Ф. 796. Оп. 19. Д. 305.
11. РГИА. Ф. 796. Оп. 19. Д. 570.
12. РГИА. Ф. 796. Оп. 20. Д. 201.
13. РГИА. Ф. 796. Оп. 26. Д. 2.
14. РГИА. Ф. 796. Оп. 27. Д. 304.
15. РГИА. Ф. 796. Оп. 36. Д. 368.
16. *Смолич И. К.* История Русской Церкви. 1700–1917 // История Русской Церкви. Кн. 8. Ч. 1. М., 1996.

²⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 26. Д. 2. Л. 192.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 1 (6)

2021

Священник Игорь Иванов

**Околоцерковная политика Российской империи
в придунайских княжествах
в конце XVIII — первой половине XIX вв.**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_1_87

Аннотация: Статья представляет собой текст доклада, прочитанного на Научно-практической конференции «Империя и Церковь», проходившей 12–13 марта 2020 г. в Санкт-Петербургской духовной академии. В докладе рассматриваются основные этапы помощи Российской империи Дунайским княжествам в деле освобождения их от ига Османской империи в конце XVIII — первой половине XIX вв. Особое внимание уделяется защите православного населения на территориях Валахии и Молдавии, а также разным аспектам дипломатического и политического урегулирования религиозных конфликтов. Также рассматривается деятельность митрополита Гавриила (Бэнулеску-Бодони) в деле сближения российского и румынского народов.

Ключевые слова: Российская империя, Валахия, Молдавия, Бессарабия, Дунайские княжества, русско-турецкие войны, православие, Православная Церковь, митрополит Гавриил (Бэнулеску-Бодони), история Румынии.

Об авторе: **Священник Игорь Анатольевич Иванов**

Кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков, доцент кафедры богословия, Санкт-Петербургская духовная академия.

E-mail: igivan74@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0749-8238>

Ссылка на статью: Иванов И., свящ. Околоцерковная политика Российской империи в придунайских княжествах в конце XVIII — первой половине XIX вв. // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 1 (6). С. 87–97.

* Фотографии взяты из открытых источников и предоставлены автором.

**HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

Scientific Journal

No. 1 (6)

2021

Priest Igor Ivanov

**Church Policy of the Russian Empire
in the Danubian Principalities
at the end of the 18th – first half of the 19th centuries**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_1_87

Abstract: The article is the text of a report read at the Scientific and Practical Conference “Empire and the Church”, held on March 12–13, 2020 at the St. Petersburg Theological Academy. The report examines the main stages of the assistance of the Russian Empire to the Danubian principalities in liberating them from the yoke of the Ottoman Empire at the end of the 18th – first half of the 19th centuries. Particular attention is paid to the protection of the Orthodox population in the territories of Wallachia and Moldova, as well as to various aspects of the diplomatic and political settlement of religious conflicts. The activity of metropolitan Gavril Bănulescu-Bodoni in the rapprochement of the Russian and Romanian peoples is also considered.

Keywords: Russian Empire, Wallachia, Moldavia, Bessarabia, Danube principalities, Russian-Turkish wars, Orthodoxy, Orthodox Church, metropolitan Gavril Bănulescu-Bodoni, history of Romania.

About the author: **Priest Igor Anatolyevich Ivanov**

Candidate of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Foreign Languages, Associate Professor, Department of Theology, St. Petersburg Theological Academy.

E-mail: igivan74@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0749-8238>

Article link: Ivanov I., priest. Church Policy of the Russian Empire in the Danubian Principalities at the end of the 18th – first half of the 19th centuries. *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2021, no. 1 (6), pp. 87–97.

* Photos are taken from open sources.

В историографии традиционно под термином Дунайские (или Придунайские) княжества понимаются территории княжеств Валахия и Молдавия, существовавших в XIV–XIX вв. Впервые этот термин был введен в обиход после подписания Кючук-Кайнарджийского мирного договора 1774 г.

Предваряя статью, нужно сказать, что в связи с тяжелым положением после утраты независимости¹ княжество Молдова регулярно обращало свои взоры на Восток с просьбами к сильным русским правителям о покровительстве.

Так, молдавский господарь Штефан Георгица 18 марта 1654 г. и 15 марта 1656 г. просил царя Алексея Михайловича избавить Молдову от турецкого ига и принять ее в подданство России. Такую же просьбу повторил и другой Молдавский господарь Штефан Петричейку в 1674 г. В 1709 г. молдавский господарь Димитрий Кантемир вместе с Валашским господарем и будущим святым исповедником Константином Брынковяну обратился к Всероссийскому императору Петру Великому с просьбой о поддержке.

По этому поводу исследователь С. Суляк пишет следующее: «В 1656 г. молдавский господарь посылает в Москву посольство во главе с митрополитом Гедеоном для переговоров о принятии в российское подданство. К сожалению, внешнеполитические причины помешали довести намеченное до конца. С просьбой о принятии в русское подданство обращалась Молдавия и позже: в 1674 г. — молдавский господарь Стефан Петричейку, в 1684 г. — боярство и духовенство страны, в 1701 г. — господарь Константин Дука. Договор Димитрия Кантемира с Петром I, подписанный 13 апреля 1711 г. в Луцке, повторял в основном пункты соглашения 1656 г. Впоследствии в результате многочисленных русско-турецких войн (1735–1739, 1768–1774, 1787–1791, 1806–1812, 1828–1829, 1877–1878) Россия смогла оказать помощь православным народам в освобождении от турецкого ига. Активное участие в этих войнах в рядах русской армии принимали уроженцы Молдавского княжества»².

Отметим здесь, что, согласно договору Димитрия Кантемира с Петром I, Молдавское княжество должно было вступить в русское подданство, сохраняя статус независимого, суверенного государства и прежних обычаев внутри страны. Сохранялись и привилегии молдавских бояр. Господарский престол закреплялся за династией Кантемиров. Молдавскому княжеству возвращались земли, захваченные Турцией и превращённые в райи, страна освобождалась от турецкой дани. Договор после обнародования встретил поддержку всего молдавского населения. Лишь небольшая группа бояр была против разрыва с Турцией. Договор Кантемира был выгоден для Молдавии, так как в случае его претворения в жизнь страна освобождалась от турецкого гнета, отделялась от движущейся к упадку Турции и присоединялась к находящейся в то время на подъеме России.

К сожалению, Россия потерпела фиаско в этом дерзком проекте, хотя, вероятно, царь Петр I уверенно рассчитывал на победу, лично отправившись в молдавский поход с армией, которую возглавлял генерал-фельдмаршал Б. П. Шереметев. Так сложилось, что на р. Прут 38-тысячная русская армия была прижата к правому берегу 120-тысячной турецкой армией и 70-тысячной конницей крымских татар. Решительное сопротивление русских заставило турецкого командующего заключить мирное соглашение, по которому русская армия смогла выйти из окружения ценой уступки Турции ранее завоеванного в 1696 г. Азова и побережья Азовского моря. По окончании Прутского похода Димитрий Кантемир с 1000 молдавских бояр прибыл в Россию и получил княжеское достоинство Российской империи с титулом светлости, значительную пенсию, села Димитровка, Кантемировка и иные имения в нынешней Орловской области, а также право жизни и смерти над прибывшими с ним в Россию молдаванами.

¹ В 1538 г. княжество Молдова оказалась в полной зависимости от Османской империи, которой она вынуждена была платить дань. Турецкий султан Сулейман I Великолепный завоевал молдавские крепости Килию и Аккерман. В том же столетии к Турции отошла и Бендерская крепость. Молдавия лишилась самостоятельности и более 300 лет находилась под турецким игом.

² Суляк С. Молдавия и Русский Мир: возможно ли возвращение? // Русин. 2012. № 3 (29). С. 7.

Мемориальная доска в с. Кючук-Кайнарджи

Негативным последствием провала Прутского похода стало ухудшение отношений румын и молдаван с Османской империей: турки с 1716 г. князьями и воеводами в Валахию и Молдову стали назначать греков-фанариотов, которые стремились создать на их территориях своеобразное «греческое царство», насаждая греческую культуру.

Как уже отмечалось, Россия вела войны с Турцией на протяжении всего XVIII в., но ключевым моментом в их череде стала победа и договор от 10 (21) июля³ 1774 г. Согласно Кючук-Кайнарджийскому миру, за Россией признавалось право защиты и покровительства христиан в Дунайских княжествах. Политически Молдова и Валахия признавались автономными княжествами и переходили под покровительство России. Молдавские представители в Константинополе получили дипломатическую неприкосновенность. Порта обещала не покушаться на свободу христианского вероисповедания. Условия договора не могли быть отменены султаном или его преемниками. Мирный договор предусматривал и учреждение российского консульства.

Что касается церковно-государственных вопросов⁴, в Кючук-Кайнарджийском договоре⁵ были особо оговорены следующие пункты в артикуле 16, свидетельствующие о российском покровительстве христианам дунайских княжеств:

2. Не препятствовать, каким бы то образом ни было, исповеданию христианского закона совершенно свободному, так как созиданию церковей новых и поправлению старых, как то прежде сего было.
3. Возвратить монастырям и прочим партикулярным людям земли и владения, прежде сего им принадлежащие, и которые потом против всей справедливости были у них отняты, около Браилова, Хотина, Бендер и прочих, и ныне раями называемых.
4. Признавать и почитать духовенство с должным оному чину отличием.
9. Позволяет князьям сих двух княжеств каждому со своей стороны иметь при Блистательной Порте поверенного в делах из христиан греческого закона, которые

³ День чествования Казанской иконы Божией Матери.

⁴ См., напр.: *Васильев А.* Слово на заключение мира России с Оттоманскою Портою в 1774 году / Публ. [и примеч.] *Н. Л. Зубовой* // *Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М., 1994. [Т.] I. С. 9–12.*

⁵ Здесь и далее тексты договоров и манифестов приводятся по открытым источникам в Интернете без указания URL в связи с чрезмерным объемом его строк.

будут бдеть о делах, до помянутых княжеств касающихся, и будут Блистательной Портой благосклонно трактованы и в малости их почитаемы, однако ж людьми, народным правом пользующимися, то есть никакому насилию не подверженными. 10. Соглашается также, чтоб по обстоятельствам сих княжеств министры российского императорского двора, при Блистательной Порте находящиеся, могли говорить в пользу сих двух княжеств, и обещает внимать оным с сходственным к дружеским и почтительным державам уважением.

Затем последовала вторая война России с Турцией (1787–1791), победа в которой была увенчана Яским трактатом, который подтверждал условия прежнего договора, а также устанавливал двухлетнюю льготу румынам относительно податей. Кроме того, еще в ходе этой войны Святейший Синод Русской Церкви учредил Молдово-Влахийскую экзархию, Местоблюстителем которой был назначен архиепископ Арсений (Серебряников). А в 1792 г. митрополитом Молдово-Влахийским с титулом экзарха Молдавии, Валахии и Бессарабии стал румын по национальности — владыка Гавриил (Бэнулеску-Бодони)⁶, хотя в 1793 г. он был переведен на Екатеринославскую кафедру с формальным сохранением за ним титула экзарха⁷.

Что касается предпосылок к Русско-турецкой войне 1806–1812 гг., то поводом к войне стали отставки в августе 1803 г. правителей Молдавии Александра Музури и Валахии Константина Ипсиланти, поскольку тогда по русско-турецким договорам назначение и смещение правителей Дунайских княжеств должно было согласовываться с российским правительством.

В конце 1807 г. Наполеон предложил план сохранения за Россией Дунайских княжеств в обмен на Силезию, но одновременно выдвигал идею франко-австрийского союза для сдерживания России на Балканах. В 1808 г. на встрече в Эрфурте Наполеон признал право России на княжества взамен на обещание поддержать Францию в случае конфликта с Австрией. Фактически во время этой войны в течение четырех лет (1808–1812) русские войска полностью контролировали территорию Молдавского и Валахского княжеств. Более того, сами румыны расценивали это присутствие русских на их землях весьма позитивно, видя в проекте присоединения к России возможность избавления от турецкого ига и фанариотского засилья. Эти стремления последовательно выражал Молдавский митрополит Вениамин (Костаки), подавший адрес⁸ императору Александру I, в котором были такие строки: «Истреби несносное правление, дышащее угнетением бедному сему народу. Соедини правление земли сей с богохранимой державой твоей...»⁹. В итоге 27 марта 1808 г. по решению Святейшего Синода румынские епархии были временно присоединены к Российской Православной Церкви, а митрополит Гавриил (Бэнулеску-Бодони)¹⁰ был вновь назначен экзархом Молдавии, Валахии и Бессарабии.

Митрополит Гавриил
(Бэнулеску-Бодони)

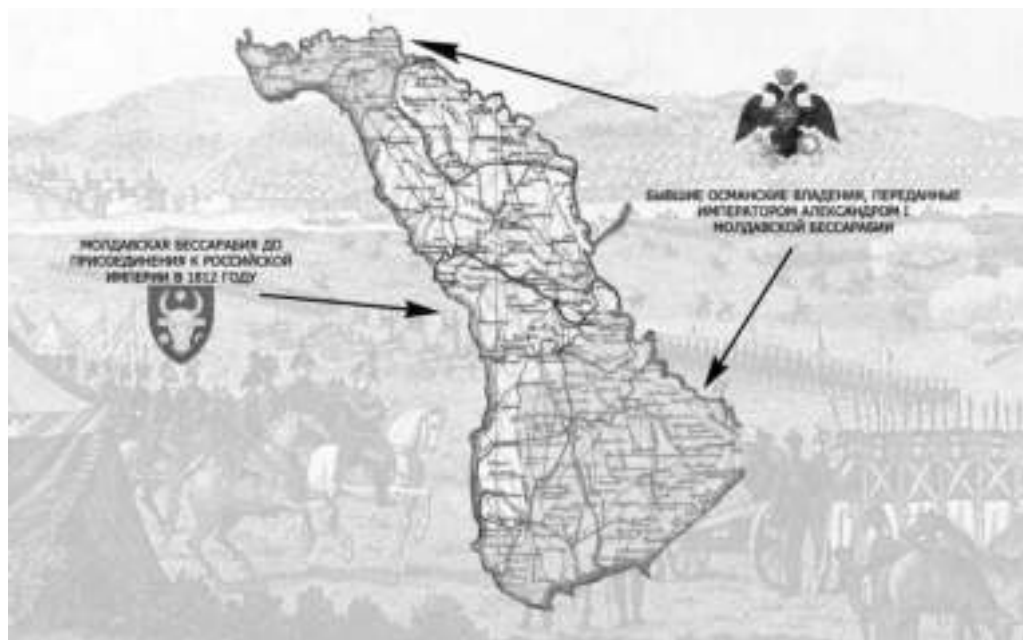
⁶ 15 июля 2016 г. решением Священного Синода Русской Православной Церкви причислен к лику святых для местного почитания в Молдавии.

⁷ См.: Шкаровский М. В. Православные Церкви Юго-Восточной Европы между двумя мировыми войнами (1918–1939 гг.). М., 2019. С. 232.

⁸ Этот адрес был подписан также и двадцатью знатными румынскими боярами.

⁹ Цит. по: Шкаровский М. В. Православные Церкви Юго-Восточной Европы... С. 233.

¹⁰ В 1813–1821 гг. он — первый российский митрополит Кишиневский и Хотинский. По его инициативе открылась Кишиневская духовная семинария, были восстановлены и построены около 200 храмов, основана экзаршеская типография, сыгравшая большую роль в распространении

Территориальные изменения Молдавской Бессарабии после Русско-турецкой войны 1806–1812 гг.

А уже после окончания военных действий 16 (28) мая 1812 г. в Бухаресте был подписан мирный договор, завершивший русско-турецкую войну 1806–1812 гг. Согласно четвёртой статье, Порты уступала России восточную часть Молдавского княжества — территорию Пруто-Днестровского междуречья, которая позже стала называться Бессарабией. Остальная часть княжества осталась под турецким господством. Граница между Россией и Портой была установлена по реке Прут. Бухарестский договор обеспечивал привилегии Дунайских княжеств, предоставленные им русско-турецкими договорами 1774, 1791 и 1802 гг. Кроме того, Турция обязалась на два года освободить население княжеств от налогов. Тем не менее, в декабре 1813 г. молдаване опять обратились к России с прошением о покровительстве. Основные положения договора были подтверждены 25 сентября (7 октября) 1826 г. Аккерманской конвенцией.

Как отмечает в своей статье В. Содоль, «уже титулование Гавриила Бэнулеску-Бодони экзархом Молдо-Влахийским подразумевало приобретение особого правового статуса церковной организации края в составе Русской Церкви. В дальнейшем на сравнительно длительный срок (вплоть до 1830-х гг.) Кишиневско-Хотинская епархия пользовалась значительной степенью самостоятельности. Более того, после подписания Бухарестского мира экономическое положение институтов православной

церковной литературы, в том числе, на молдавском языке. Митрополит Гавриил поддерживал введение в молдавских монастырях общежития, ориентируясь на опыт преп. Паисия (Величковского), с которым был лично знаком. При нем была проведена справа молдавских богослужебных книг и основано бессарабское отделение Российского библейского общества, которое издало исправленный текст Библии на молдавском языке. В Кишиневской типографии увидели свет 31 богослужебные книги: Литургиер (Служебник), Псалтире (Псалтырь), Минеи (Минеи), Молитвенник (Требник), Часослов и др. Со дня основания типографии до смерти митрополита Гавриила, на протяжении 7 лет, в Кишиневской типографии были отпечатаны 19 450 экземпляров книг. При нем в дунайских княжествах действовало 407 монастырей. Более подробно о нем см.: *Ириней (Тафуния), иезум.* Митрополит Гавриил (Бэнулеску-Бодони) и основанная им Кишиневско-Хотинская епархия: дис. ... канд. б. б/м, б/г.; *Fuștei N.* Издательская деятельность митрополита Гавриила Бэнулеску-Бодони // *Codrul Cosminului*, ann. XIX. 2013. № 1. P. 25–46.

церкви в крае улучшилось. По окончании войны, на основании Бухарестского мира, за духовенством была сохранена земельная собственность»¹¹.

При этом стоит особо подчеркнуть, что в указе 1817 г. были даны особые льготы заграничным монастырям: «имения, состоящие во владении заграничных монастырей, не подлежат никакому изъятию и на основании [Бухарестского] трактата пользуются такою же свободой, какая дарована прочим частным владельцам»¹². За местными монастырями и церквями также сохранились все права и льготы, которые у них были до 1812 г. В «Уставе образования Бессарабской области» (1818 г.) также подтверждалось, что «духовенство господствующей греко-восточной религии будет пользоваться всеми теми привилегиями и фундушми, достоянию церковному посвященными, какие приобрело оно по грамотам молдавского правительства..., и что всякое имущество, принадлежащее собственно церквам и монастырям Бессарабской области всех вообще вероисповеданий, как-то села, деревни, хутора, рыбные ловли и другого рода пожертвования, грамотами или записями утвержденные, остаются вечно их собственностью и охраняемы будут на правах казенного имущества»¹³.

Таким образом, религиозные учреждения края получили благоприятную возможность для своего социально-экономического развития: в Бессарабии духовенство не только сохранило свои земли, но и значительно их расширило. В течение первой половины XIX в. землевладения местных монастырей возросли с 30 тыс. до 66,5 тыс. десятин¹⁴. К 70-м гг. XIX ст. монастырское землевладение в крае составляло свыше 311 тыс. десятин земли.

Укажем здесь характерные особенности Бухарестского договора как имеющего определенную религиозную составляющую:

Титул: Трактат, заключенный в Бухаресте 16 мая 1812 года. Во имя Господа всемогущего!

Статья 7. ...христиане, имеющие владения в землях, Российскому двору уступленных, а также и те, кои, будучи уроженцы сих самих земель, находятся теперь в других местах оттоманских, могут, буде пожелают, перейти и поселиться в упомянутых уступленных землях, с их семействами и имуществом...

Статья 9. Все военнопленные, как мужского так и женского пола, какого бы они народа и состояния ни были, находящиеся в обеих империях, должны, вскоре по размене ратификаций сего мирного трактата, возвращены и выданы быть без малейшего выкупа или платежа, выключая однако христиан, принявших по собственной их воле веру магометанскую в областях Блистательной Порты, и магометан, также по совершенному их желанию принявших веру христианскую в областях империи Российской.

Интересен тот факт, что после ратификации договора адмирал П. В. Чичагов предложил императору двинуть войска в Далмацию, Адриатику и Швейцарию с целью основания на Балканах Славянской империи под российской эгидой. В условиях неминуемой войны с Францией Александр I использовал угрозу воплощения этого плана для дипломатического давления на Австрию, добившись от австрийского правительства обещания держать свои силы в резерве при нападении Наполеона на Россию.

Следующий этап развития российского покровительства Придунайским княжествам был связан с победой в Русско-турецкой войне 1828–1829 гг.¹⁵, даровавшей

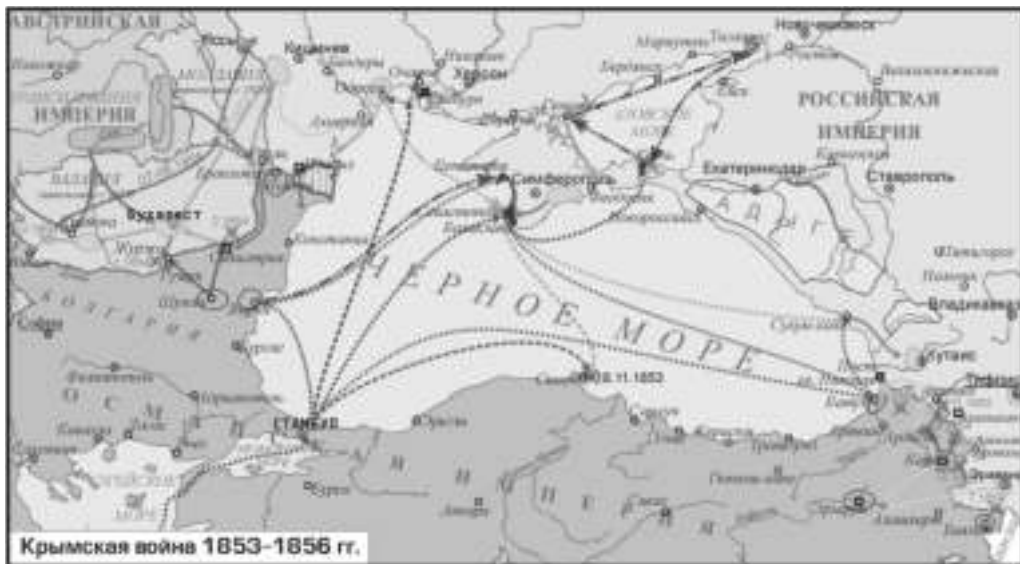
¹¹ Содоля В. 1812 г. в судьбе Православной Церкви Молдавии // Русин. 2012. № 4 (30). С. 51.

¹² Цит. по: Сымботяну К. И. Социально-экономическое развитие монастырских вотчин Бессарабии в 1812–1873 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кишинев, 1969. С. 19.

¹³ Там же. С. 20.

¹⁴ Там же. С. 22.

¹⁵ Непосредственным поводом к войне послужило восстание греков против Турции и подписанный Россией, Англией и Францией 24 июня (6 июля) 1827 г. в Лондоне договор о помощи грекам в их борьбе против турецкого гнёта. 8 (20) октября 1827 г. султан объявил об отказе

Крымская война 1853–1856 гг.

Валахии, Молдавии и Сербии автономию согласно Адрианопольскому мирному договору от 14 сентября 1829 г. Отметим, что до 1834 г. Валахия фактически находилась под прямым российским управлением. В 1831 г. в ней был введен в действие «Органический статут»¹⁶, составленный генералом графом П. Д. Киселевым. Характерен тот факт, что в XIX в. много будущих румынских архиереев училось в российских духовных академиях.

Последний — и самый драматический — этап связан с событиями и итогами Крымской войны (1853–1856), которая стала внешним выражением дипломатического противостояния ведущих держав Европы, стремящихся нивелировать действия России по покровительству православным народам в Восточной Европе. Очевидно, что религиозные мотивы православных царей просвещенными европейцами воспринимались сугубо как прикрытие политической и экономической экспансии¹⁷ «северного варвара», о которой, на самом деле, и речи быть не могло в контексте международного права¹⁸.

от Аккерманской конвенции 1826 г., гарантировавшей предоставление автономии Сербии, Молдавии и Валахии, и призвал к «священной войне» против России. Император Николай I объявил, что готов удержаться от войны, если Турция обеспечит прежние договоры и исполнит требования союзников. Ответа не последовало, 14 (26) апреля 1828 г. Россия объявила войну Турции и победила ее через год.

¹⁶ По сути, это была первая румынская конституция.

¹⁷ На самом деле, именно Великобритания экспортировала зерновые из княжеств Молдавии и Валахии, в силу чего ее правительство и не желало, чтобы Российская империя удерживала под контролем эти территории, а, значит, и стратегические поставки пшеницы в королевство. Другой целью войны было стремление помешать России установить контроль над Дарданеллами и закрыть ей доступ в Средиземное море.

¹⁸ В ходе дипломатического конфликта с Францией по вопросу контроля над церковью Рождества Христова в Вифлееме Россия, оказывая давление на Турцию, повела свои войска к границам Турции через Молдавию и Валахию, находившихся под протекторатом России по условиям Адрианопольского мирного договора. На этот демарш отреагировал 9 октября 1853 г. турецкий главнокомандующий Омер-паша, предложив в 15 дней вывести русские войска из Дунайских княжеств. Еще до истечения назначенного срока, 22 октября, в условиях мира, англо-французская морская армада, дежурившая у входа в Дарданеллы, вошла в Проливы, нарушив конвенцию 1841 г. 23 октября турки атаковали русские позиции по Дунаю и в Закавказье. 2 ноября

Вот характерный момент: обосновывая активные действия британской армии в Крымской войне, в марте 1854 г. британский министр иностранных дел лорд Г. Д. Т. Палмерстон вручил членам кабинета меморандум, в котором, по замечанию В. Н. Виноградова, со свойственным ему размахом переkreпил карту Европы: «Аландские острова и Финляндия возвращаются Швеции. Некоторые из немецких провинций России на Балтике уступаются Пруссии. Польское королевство восстанавливается как барьер между Германией и Россией. Молдавия, Валахия и устье Дуная передаются Австрии. Ломбардия и Венеция освобождаются от австрийского правления и либо превращаются в независимые государства, либо входят в Пьемонт. Крым, Черкесия и Грузия отбираются у России; Крым и Грузия передаются Турции; Черкесия объявляется независимой или соединяется с султаном узамы сюзеренитета»¹⁹.

Что касается религиозных аспектов российского покровительства Православию за пределами империи, то они отчетливо видны в царском манифесте 1853 г.:

Манифест от 14/26 июня 1853 г. «О движении Российских войск в Придунайские княжества»

БОЖЬЮ МИЛОСТИЮ МЫ, НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ, ИМПЕРАТОР и САМОДЕРЖЕЦ
ВСЕРОССИЙСКИЙ, и прочая, и прочая, и прочая

Объявляем всенародно:

Известно любезным Нашим верноподданным, что защита Православия была искони обетом блаженных предков наших.

С того самого времени, когда Всевышнему Промыслу угодно было вручить Нам наследственный Престол, охранение сих святых обязанностей, с ним неразлучных, было постоянно предметом заботливости и попечений наших; и они, имея основанием достославный Кайнарджийский Договор, подтвержденный последующими торжественными трактатами с Оттоманской Портой, всегда направлены были к обеспечению прав Церкви Православной.

Но, к крайнему прискорбию, в последнее время, вопреки всех усилий наших защитить неприкосновенность прав и преимуществ нашей Православной Церкви, многие самопроизвольные действия Порты нарушали сии права и грозили, наконец, совершенным ниспровержением всего увековеченного порядка, столь Православию драгоценного.

Старания наши удержать Порту от подобных действий остались тщетными, и даже торжественно данное Нам самим султаном слово было вскоре вероломно нарушено.

Истощив все убеждения и с ними все меры миролюбивого удовлетворения справедливых наших требований, признали Мы необходимым двинуть войска наши в Придунайские княжества, дабы доказать Порте, к чему может вести ее упорство. Но и теперь не намерены Мы начинать войны; занятием княжеств Мы хотим иметь в руках наших такой залог, который бы во всяком случае ручался Нам в восстановлении наших прав.

Не завоеваний ищем Мы; в них Россия не нуждается. Мы ищем удовлетворения справедливого права, столь явно нарушенного. Мы и теперь готовы остановить движение наших войск, если Оттоманская Порта обяжется свято соблюдать неприкосновенность Православной Церкви. Но если упорство и ослепление хотят противного, тогда, призвав Бога на помощь, Ему предоставим решить спор наш и, с полной надеждой на Всемогущую Десницу, пойдем вперед — за веру Православную.

(26 октября по ст. ст.) император Николай I подписал манифест о войне. 18 (30) ноября эскадра вице-адмирала П. С. Нахимова, ворвавшись на Синопский рейд, в последнем в истории сражении парусного флота уничтожила крупный отряд турецких кораблей (7 фрегатов, 3 корвета, 2 парохода, небольшие суда).

¹⁹ Цит. по: Виноградов В. Н. Британский лев на Босфоре. М., 1991. С. 99.

Дан в Петергофе в 14-й день июня месяца в лето от Рождества Христова тысяча восемьсот пятьдесят третьье, Царствования же Нашего в двадцать восьмое.

Икона св. митрополита Гавриила

После окончания Крымской войны и ограничения российского участия в дальнейшем устроении придунайских княжеств семь европейских держав договорились положить конец русско-турецкому противостоянию в придунайских княжествах. 26 февраля 1856 г. Наполеон III открывает Парижский конгресс²⁰, участники которого лишают Россию трех уездов на юге Бессарабии, открывающих ей доступ к устью Дуная. Вместе с тем принимается решение предоставить Молдове и Валахии гарантии суверенитета. Специально созванные для этого своеобразные парламенты в Бухаресте и Яссах требуют объединить оба княжества под общим названием «Румыния» и призвать для управления ими монарха из иностранного королевского дома. Это требование формально объясняется стремлением положить конец борьбе боярских группировок за власть, которая парализовала политическую жизнь в княжествах, и прекратить вмешательство великих держав, которые якобы пользовались этими междоусобицами.

В 1859 г. единым господарем и князем Румынии был избран поддержанный Францией полковник Александр Куза. В 1862 г. в Бухаресте было созвано Национальное собрание и создано единое правительство, которое, как отмечает М. В. Шкаровский, «практически сразу же начало активно вмешиваться в церковные дела. В 1863 г. была проведена секуляризация всего монастырского имущества, доходы от которого включены в государственный бюджет, около 30 обителей закрыты. Государство постепенно взяло на себя такие, прежде церковные, функции как образование, правосудие, социальная помощь, акты гражданского состояния»²¹. Но это уже было начало иной истории — истории королевства Румыния.

Источники и литература

1. *Васильев А.* Слово на заключение мира России с Оттоманскою Портою в 1774 году / Публ. [и примеч.] *Н. Л. Зубовой* // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. [Т.] I. С. 9–12.
2. *Виноградов В. Н.* Британский лев на Босфоре. М.: Наука, 1991.
3. *Иринеи (Гафуня), игум.* Митрополит Гавриил (Бэнулеску-Бодони) и основанная им Кишиневско-Хотинская епархия: дис. ... канд. б. б/м, б/г.
4. *Содоль В.* 1812 г. в судьбе Православной Церкви Молдавии // Русин. 2012. № 4 (30). С. 49–55.

²⁰ В нем участвовали полномочные представители России, Франции, Англии, Австрии, Сардинии, Оттоманской империи, а также Пруссии.

²¹ *Шкаровский М. В.* Православные Церкви Юго-Восточной Европы... С. 235.

5. Суляк С. Молдавия и Русский Мир: возможно ли возвращение? // Русин. 2012. № 3 (29). С. 5–32.
6. Сымботяну К. И. Социально-экономическое развитие монастырских вотчин Бессарабии в 1812–1873 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кишинев, 1969.
7. Шкаровский М. В. Православные Церкви Юго-Восточной Европы между двумя мировыми войнами (1918–1939 гг.). Москва: Познание, 2019.
8. Fuștei N. Издательская деятельность митрополита Гавриила Бэнулеску-Бодони // Codrul Cosminului, ann. XIX. 2013. № 1. P. 25–46.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 1 (6)

2021

Протоиерей Михаил Иванов

**Состав братии и служителей
Святогорского монастыря
Псковской епархии в конце XVIII в.**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_1_98

Аннотация: Святогорский монастырь Псковской епархии некогда был знаменит на всю Россию своими явленными чудотворными иконами Богородицы (1563–1569 гг.). В настоящее время обитель больше известна как место погребения А. С. Пушкина. В советский период исследователи, писавшие об обители, были ограничены определенными идеологическими рамками, и проявляли большей частью внимание к монастырю как месту, неразрывно связанному с именем великого поэта. Основным доступным исследованием, проливающим свет на страницы истории монастыря, является работа игумена Иоанна (Мазь) «Описание Святогорского Успенского монастыря Псковской епархии» (Псков, 1899). Если говорить о синодальном периоде, то в этой работе отец Иоанн ограничился краткими сведениями об истории обители. В данной статье делается попытка дополнить приведенные отцом Иоанном сведения об игуменах и насельниках монастыря в конце XVIII в. на основании архивных материалов фонда Святогорского монастыря, хранящегося в Государственном архиве Псковской области (ГАПО. Ф. 328) и нуждающегося в обстоятельном и систематическом изучении.

Ключевые слова: Святогорский монастырь, игумен Иоанн (Мазь), игумен Созонт (Заклинский), игумен Моисей, русское монашество.

Об авторе: **Протоиерей Михаил Владимирович Иванов**

Соискатель Санкт-Петербургской духовной академии, настоятель Казанской церкви п. Пушкинские Горы, Псковской обл.

E-mail: pushgory1@ya.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2725-4452>

Ссылка на статью: Иванов М., прот. Состав братии и служителей Святогорского монастыря Псковской епархии в конце XVIII в. // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 1 (6). С. 98–105.

* Фотографии и изображения предоставлены автором.

**HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

Scientific Journal

No. 1 (6)

2021

Archpriest Mikhail Ivanov

**The Composition of the Brothers and Ministers
of the Svyatogorsk Monastery
of the Pskov Diocese at the End of the 18th Century**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_1_98

Abstract: The Svyatogorsk Monastery of the Pskov Diocese was once famous throughout Russia for its miraculous icons of the Mother of God (1563–1569). Currently, the monastery is better known as the burial place of A. S. Pushkin. During the Soviet period, researchers who wrote about the monastery were limited by certain ideological frameworks, and mostly paid attention to the monastery as a place inextricably linked with the name of the great poet. The main available research that sheds light on the pages of the history of the monastery is the work of Hegumen John (Maz') *Description of the Svyatogorsk Dormition Monastery of the Pskov Diocese* (Pskov, 1899). In describing the Synodal period in this work Fr. John limited himself to brief information about the history of the monastery. This article attempts to supplement the information given by Fr. John about the abbots and monks of the monastery at the end of the 18th century on the basis of archival materials from the Svyatogorsk Monastery collection, preserved in the State Archives of the Pskov Region (GAPO. collection 328) and in need of a thorough and systematic study.

Keywords: Svyatogorsk Monastery, Abbot John (Maz'), Abbot Sozont (Zaklinsky), Abbot Moses, Russian monasticism.

About the author: **Archpriest Mikhail Vladimirovich Ivanov**

Graduate Student at St. Petersburg Theological Academy, Rector of the Kazan Church in the Village of Pushkinskie Gory, Pskov Region.

E-mail: pushgory1@ya.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2725-4452>

Article link: Ivanov M., archpriest. The Composition of the Brothers and Ministers of the Svyatogorsk Monastery of the Pskov Diocese at the End of the 18th Century. *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2021, no. 1 (6), pp. 98–105.

Основным опубликованным источником, из которого можно почерпнуть сведения по истории Святогорского монастыря Псковской (ныне Великолукской) епархии, является работа игумена Иоанна (Мазь) «Описание Святогорского Успенского монастыря Псковской епархии», изданная в г. Пскове еще в 1899 г. Отец Иоанн в начале своего исследования кратко описывает историю возникновения обители: явления чудотворных икон Богородицы 1563–1569 гг. и основание монастыря по указу царя Иоанна IV в 1569 г. В третьей главе своего «Описания» автор сравнивает первоначальный монастырь с современным ему, приводя некоторые сведения о численности братии и служителей, рассказывая о святынях обители и местных празднованиях.

В Государственном архиве Псковской области (фонд № 328) в настоящее время находится обширная подборка документов, относящихся к истории Святогорского монастыря Псковской епархии. Данный фонд содержит реестры корреспонденции, деловую переписку, описи имущества, различные ведомости и отчеты. К сожалению, документация слабо систематизирована, и часто дела содержат материал, не имеющий отношения к наименованию документа. Тем не менее, само собой разумеется, что документы являются ценным источником сведений об обители. Можно согласиться с мнением А. В. Спичак, выраженным исследовательницей по поводу анализа приходской церковной документации: «Комплекс документов приходских церквей отражает едва ли не все стороны жизни и деятельности православного населения — как причта, так и прихожан, свидетельствуя о разнообразных социальных, демографических и миграционных процессах. Такие документы могут быть использованы для углубленного изучения истории региона, отдельных населенных пунктов, жизни их населения и отдельных лиц»¹. Архивные материалы фонда Святогорского монастыря также освещают все стороны жизни обители в XIX в., некоторая часть дел относится к середине и к концу XVIII в. Так, интересные сведения удалось получить при анализе дела «Рапорты настоятеля монастыря в Псковскую духовную консисторию. Списки служителей монастыря за 1788–1802, 1809, 1811 гг.». Материалы дела позволяют пролить свет на некоторые факты из жизни настоятелей и братии, определить состав братии и служителей обители в конце XVIII в.²

В рассматриваемый период Святогорским монастырем управляли два игумена: Созонт (Заклинский, 1780–1789) и Моисей (1798–1804; 1805–1808). В ведомости за 1787 г. среди насельников монастыря помимо игумена указан казначей иеромонах Корнилий, а вместо четырех иеромонахов, положенных по штату, наличествовало лишь два: иеромонахи Феофан и Феофилакт. Должности двух других замещали священник Михаил Иванов, направленный в монастырь как кандидат для пострижения, и священник Евфимий Михайлов, принятый в число братии. Иеродиакон замещали священник Евдоким Михайлов и вдовый диакон Гаврила Михайлов, также находящиеся в числе братии. Пономарем служил монах Геннадий. Всего монашествующих насчитывалось пять человек, а со вдовыми священниками и диаконами всего в обители было девять священнослужителей. Для замещения штатных должностей недоставало трех человек: просфорника, ключника и чашника³.

Кроме братии в монастыре трудились т. н. «служители», которые обслуживали все хозяйство обители, расположенное рядом с ней. До 1764 г. обитель имела обширные земельные угодья, где трудились 655 крестьян, а кроме них имелось и 26 служителей монастыря⁴. В 1788 г., согласно ведомости, в обители насчитывалось девять служителей: подьячий Павел Тимофеев, а также простые служители: Петр Михайлов, Петр Григорьев, Иван Григорьев, Галактион Васильев, Илья Алексеев, Евдоким Иванов, Филипп Петров, Алексей Алексеев. Возраст их в документе не зафиксирован. Правда, имеются сведения о восьми их малолетних сыновьях, с указанием возраста. Данные

¹ Спичак А. В. Эволюция документирования деятельности приходских церквей Тобольской епархии в XVIII — начале XX веков: дисс. ... канд. ист. наук. Нижневартовск, 2016. С. 278.

² ГАПО. Ф. 328. Оп. 1. Д. 26.

³ Там же. Л. 1 об. — 2.

⁴ РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Д. 702. Л. 17.

Святогорский монастырь.
Литография П. Александрова по рисунку И. Иванова. 1838 г.

были записаны по материалам предыдущей подушной переписи. Все служители являлись жителями слободы Тоболенец, расположенной неподалеку⁵.

В 1788 г. иеромонах Феофилакт самочинно ушел из монастыря, поэтому монашествующих осталось всего четыре человека. Пономарем числился священник Михаил Иванов, просфорником — присланный в монастырь отставной сержант псковской губернской роты Семен Шаловмяков. Ключника и чашника по-прежнему не было. Таким образом, в монастыре проживало всего десять насельников, в том числе четверо монашествующих⁶.

Число служителей в этом году не изменилось, часть из них проживали в богородицкой губе слободки Тоболенец, а шестеро — в Воронежской части вотчины Святогорского монастыря. Благодаря этой информации выясняется, что в данный период рядом с обителью существовали, по крайней мере, две жилых области, которые различались территориально: богородицкая губа слободки Тоболенец и Воронежская часть вотчины монастыря. Данный факт имеет важное значение в контексте возможного восстановления исторического названия п. Пушкинские Горы.

В ведомости перечислены все малолетние дети служителей монастыря мужского пола, которых насчитывалось восемь человек. В основном в семье служителей было по одному сыну, у одного из них двое сыновей, и одна семья не имели детей мужского пола⁷. Особое значение в данном случае имел учет детей как потенциальных плательщиков оклада, поскольку среди простого народа существовала практика скрывать подлежащих налогообложению душ с целью уклонения от уплаты подушного оклада.

Из «Ведомости о монашествующих монастыря за 1789 г.» известно, что в этом году назначен новый настоятель обители игумен Моисей, являвшийся духовником Псковского правящего архиерея: «Игумен Моисей во оный монастырь произведен из иеромонаха, Вашего духовника Его переосвященства в Санктпитебурге, в домовый Крестовой церкви, в 1789 месяца майя 13 дня»⁸. Примечательно, что одновременно с этим в тексте имеется прежняя запись об игумене Созонте, предшественнике отца Моисея. Возможно, приведенную запись сделали уже после увольнения игумена Созонта и прибытия нового настоятеля обители.

⁵ ГАПО. Ф. 328. Оп. 1. Д. 26. Л. 5 об. — 6.

⁶ Там же. Л. 4 об.

⁷ Там же. Л. 5 об. — 6.

⁸ Там же. Л. 6 об. — 7.

Святогорский монастырь.
Акварель неизвестного художника. Первая половина XIX в.

Кроме настоятеля игумена Моисея, в обители числился всего один иеромонах Порфирий, место других замещали вдовые священники Евдоким Иванов и Михаил Иванов. Вместо двух иеродиаконов имелся один вдовый диакон Гаврила Михайлов. Пономаря, ключника, чашника и просфорника не было. Таким образом, в 1789 г. в монастыре было лишь два монаха. Не были замещены должности казначея, одного иеромонаха, одного иеродиакона, а также пономаря, просфорника, ключника и чашника⁹. Во второй половине 1789 г. не хватало семи человек. В 1789 г. в списках отсутствует иеромонах Феофилакт, о котором в ведомости за предыдущий год упоминалось: «в октябре удалился из обители и неизвестно где находится»¹⁰. Игумен Иоанн в своем «Описании» по этому поводу отмечал: «в 1781 году был получен указ Консистории от 15 марта за № 328, коим велено: «иеромонаха Феофилакта за разные ругательные слова и драку посадить в большую цепь, и содержать его в оном монастыре до недели вай в той цепи безвыпускно, а сверх того, чтобы ему сие его преступление было чувствительно и быть ему в черных монастырских трудах»¹¹. «Черные монастырские труды» предполагали тяжелую физическую работу, например, выемку и транспортировку грунта. По-видимому, отец Феофилакт часто бывал наказуем за свои проступки, и в 1788 г. самовольно ушел из обители. Более в ведомостях он не фигурирует.

В ведомости служителей за 1789 г. содержится список, включающий девять взрослых служителей, у которых было девять малолетних детей-мальчиков. Причем среди служителей также есть нарушитель закона Алексей Алексеев, который за воровство отдан в рекруты в 1788 г. Вместо него был избран другой, из числа служительских детей¹². Упоминание об избрании в служители может свидетельствовать о более легком положении служителей монастыря по отношению к остальным крестьянам.

Таким образом, начало деятельности вновь назначенного в мае 1789 г. игумена Моисея проходило в условиях нехватки монашествующих в обители, при наличии нарушителей закона из числа братии и служителей. Кому-то нужно было исполнять обязанности казначея, иеродьякона, пономаря, ключника, просфорника, чашника. В таких условиях это могли быть оставшиеся клирики обители и служители. Так

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. Л. 4 об.

¹¹ Иоанн, игум. Описание Святогорского Успенского монастыря Псковской епархии. Псков, 1899. С. 106–107.

¹² ГАПО. Ф. 328. Оп. 1. Д. 26. Л. 6 об. — 7.

как из двенадцати положенных по штату человек имелось всего пять, нагрузка на каждого насельника возрастала, естественно, более чем вдвое. При наличии только двух монашествующих, включая игумена, в рассматриваемый период не могло быть и речи о налаженной монашеской жизни в Святогорской обители. Проведение торжественных богослужений также невозможно, поскольку в числе клира был лишь один иеродиакон.

К сожалению, в имеющихся документах нет сведений о возрасте насельников и служителей, об их поведении и способностях к послушанию. В обитель часто посылаются вдовы немолодые священнослужители, которые не всегда были готовы связать свою жизнь с монашеским подвигом, однако указами консистории их отправляли в монастыри. Перед отцом игуменом стояли задачи обеспечения жизнедеятельности обители, повышения уровня дисциплины и ответственности служащих в ней людей, также необходимо было пополнять штат братии.

1 декабря 1798 г. игумен монастыря получил указ консистории № 2027 с приложением новой формы ведомости, где необходимо было также оценить поведение монашествующих и способность их к прохождению послушаний. Теперь необходимо было указывать следующие данные: возраст, национальность («нацию»), чин, краткие биографические сведения. Ведомости, заполненные по указанной форме, позволяют пролить свет на биографии насельников обители до их поступления в монастырь, а также на их поведение в обители. 15 декабря 1800 г. отец Моисей представил рапорт с приложением заполненной по новой форме ведомости в Псковскую духовную консисторию¹³. Из этой сохранившейся ведомости мы узнаем более подробные сведения о братии Святогорского монастыря.

Казначей иеромонах Антоний, 54-х лет от роду, русский, сын священника, был пострижен в монашество в Святогорском монастыре в 1774 г. В том же году рукоположен во иеромонаха. Находился на послушании житенного в псковском архиерейском доме, откуда переведен в Крыпецкий монастырь этой же епархией строителем. Затем был переведен в Святогорский монастырь, назначен казначеем¹⁴. Сведения о способности к послушаниям и поведении находим в деле № 31, где об иеромонахе Антонии игумен написал: «Исправен в своем служении»¹⁵.

Интересна судьба иеромонаха Ионы, 78 лет от роду, турка по национальности. В малолетнем возрасте он был приведен русскими солдатами из Оттоманской порты. В монашество был пострижен в Псковском Гремячем монастыре в 1761 г., посвящен в иеромонаха в 1783 г. в Псково-Печерском монастыре. Послушание проходил в архиерейском доме, затем был ключником в Санкт-Петербурге на псковском подворье, потом в Александро-Невском монастыре клиросным, переведен в Святогорский монастырь в иеромонашеской должности. О его послушаниях и возможностях отмечено: «престарел и болезнь имеет в ногах и во всем теле и отправляет священнослужение совсем опасно».

Прочих иеромонахов и иеродиаконков замещали, как это бывало и раньше, вдовы священнослужители. Вдовый священник Корнилий Родионов, 61 года, русский, из священнической семьи, в монашество не был пострижен. Проходил послушание диаконом и священником в погосте Арше, отсюда переведен в Святогорский монастырь на должность священника. Вдовый священник Иван Петров, 70 лет, русский, из монастырских служительских детей, находился сначала на послушании священником в пригороде Ворониче, после чего переведен в Святогорский монастырь. Вдовый священник Давид Григорьев, 65 лет, русский, из священнической семьи, проходил послушание диаконом и затем священником в Гривском погосте, откуда направлен в Святогорскую обитель. Вдовый диакон Гаврила Михайлов, 70 лет, русской нации, сын дьячка, проходил послушание диаконом в пригороде Ворониче при Егорьевской церкви и отсюда был переведен в Спасо-Мирожской монастырь, потом в Святогорский монастырь диаконом. Вдовый диакон Семен Исаков, 67 лет, русский, сын

¹³ Там же. Л. 8–10.

¹⁴ Там же. Л. 8 об. — 9.

¹⁵ ГАПО. Ф. 328. Оп. 1. Д. 31. Л. 118.

Повесть о явлении чудотворных икон
Пресвяты Владычицы нашей Богородицы
и Приснодевы Марии
во области града Пскова на Синичьи горе,
иже ныне зовома Святая гора*

ского района и других деревень, расположенных рядом.) Просфирник Алексей Иванов, 78 лет, русский, из монастырских служительских детей, проходил послушание пономарем в Санкт-Петербурге при домовая церкви, отсюда переведен по болезни в псковскую Архангельскую богадельню, далее — в Святогорский монастырь. На момент составления ведомости находился на ключницкой должности¹⁶.

Как видно из ведомости, в 1800 г. в обители жительствоваало четверо монашествующих. Появился казначей. Обращает на себя внимание тот факт, что один из братии — 78-летний турок, из числа детей, приведенных русскими военными с Русско-турецкой войны 1735–1739 гг. Также в обители появляется образованный и относительно молодой 39-летний монах Агафоник, учившийся в семинарии и находившийся на светской службе, а позднее поступивший в обитель. Нужно отметить, что штат обители был полностью заполнен, хотя собственно монашествующих было немного и многие штатные должности были заняты «бельцами» и вдовым духовенством. Однако из двенадцати человек могли нести послушания лишь семь, остальные же неспособны к служению по старости и болезням¹⁷. Удалось также установить, руководствуясь архивными документами, имена восьми служителей монастыря в 1789 г. Это Иван Григорьев, Илья Алексеев, Василий Стефанов, Евдоким Иванов, Никита Григорьев, Петр Данилов, Петр Филиппов, Павел Петров¹⁸. Они помогали насельникам обители нести служение.

¹⁶ Там же. Л. 118 об.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Л. 118.

* НБУ им. Вернадского. Институт рукописи. Ф. 312 (Киево-Софийский собор. Собрание рукописных книг XV–XIX вв.). №99/100 in 4 (Рукописный сборник XVII в. Из библиотеки митр. Евгения (Болховитинова)). Л. 260 (из архива автора)

пономаря, проходил послушание диаконом в Жадрицком погосте. Оттуда был переведен и находился в Антоновом монастыре Новгородской епархии до перевода в Спасский монастырь той же епархии. Затем последовал перевод в Святогорский монастырь на диаконскую должность.

Чашник монах Агафоник, 39 лет, русский, из священнической семьи, в монашество был пострижен в Святогорском монастыре в 1800 г. До этого учился в Новгородской семинарии и дошел до риторического класса. Потом был исключен из семинарии и определен в город Олонец копиистом к стряпческим делам, затем был подканцеляристом и канцеляристом. Далее последовал перевод в Святогорский монастырь, где исполнял клиросное послушание. Пономарь Емельян Харлампиев, 70 лет, русский, происходил из монастырских служительских детей. Проходил послушание пономарем в Печанском погосте, оттуда переведен в Святогорский монастырь. (Погост Печане ныне известен своим кладбищем и восстановленной Троицкой часовней на месте церкви. Сейчас на этом месте находится лишь кладбище д. Васильевское Пушкиногорского района и других деревень, расположенных рядом.)

В ходе изучения архивных документов удалось дополнить сведения, приводимые игуменом Иоанном (Мазь) в «Описании Святогорского монастыря Псковской епархии». В частности, получены новые сведения биографического характера об игумене Моисее и ранее неизвестные данные о насельниках монастыря в период с 1787 по 1800 гг. Сведения об именах насельников и служителей монастыря имеют значение для их молитвенного поминовения в обители.

Из материалов дела видно, что насельники монастыря до поступления в обитель в основном проходили послушания на территории современной Псковской области, некоторые учились и трудились в других городах, игумены обители проходили обучение в столице. Политика государства, преследующая утилитарные цели — когда в монастыри на проживание посылались лица, не стремящиеся принять монашеский постриг и не чувствующие к нему призвания, — приводила к расстройству монашеской жизни, что просматривается и на примере Святогорской обители. Долгое время на монашеских должностях находились вдовы священнослужителей, в том числе и престарелые. Документы свидетельствуют, что постриги над ними не совершались, также периодически встречаются сообщения о нарушениях дисциплины. Данную ситуацию всячески пытались изменить игумены.

Источники и литература

1. ГАПО. Ф. 328. Оп. 1. Д. 26. Рапорты настоятеля монастыря в Псковскую духовную консисторию. Списки служителей монастыря за 1788–1802, 1809, 1811 гг.
2. ГАПО. Ф. 328. Оп. 1. Д. 31. Переписка настоятеля монастыря с Псковской духовной консисторией о приходе и расходе денежных сумм, о восстановлении Воскресенской церкви и других постройках за 1789–1804 годы.
3. *Иоанн, игум.* Описание Святогорского Успенского монастыря Псковской епархии. Псков, 1899.
4. РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Д. 702. Описи Успенского Святогорского монастыря Воронежского уезда. Российский государственный архив древних актов.
5. *Спичак А. В.* Эволюция документирования деятельности приходских церквей Тобольской епархии в XVIII — начале XX веков: дисс. ... канд. ист. наук. Рос. гос. гуманитар. ун-т (РГГУ). Нижневартовск, 2016.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 1 (6)

2021

В. Б. Казарина

**Семейные хроники священнического рода Тихомировых.
К 75-летию кончины митрополита Японского
Сергия (Тихомирова)**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_1_106

Аннотация: В статье собраны некоторые факты из родословной митрополита Японского Сергия (Тихомирова), уточнены многие даты и имена, прослежены родственные и дружеские связи. Приводятся семейные воспоминания, фотографии из семейного архива.

Ключевые слова: святитель Николай Японский, митрополит Сергий (Тихомиров), Санкт-Петербургская духовная академия, Новгородская духовная семинария, новгородское приходское духовенство, родословная Тихомировых, Тогатовых, Философовых, Николаевских, Полетаевых.

Об авторе: **Вера Борисовна Казарина**

Кандидат искусствоведения, член Союза художников России, руководитель мастерской «Покров» Константино-Еленинского женского монастыря СПб епархии, редактор издательства СПб государственного академического института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина при РАХ.

E-mail: vera-kazarina@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7343-6089>

Ссылка на статью: Казарина В. Б. Семейные хроники священнического рода Тихомировых. К 75-летию кончины митрополита Японского Сергия (Тихомирова) // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 1 (6). С. 106–122.

* Фотографии предоставлены автором.

**HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

Scientific Journal

No. 1 (6)

2021

V. B. Kazarina

**Family Chronicles of the Clerical Family of the Tikhomirows.
For the 75th Anniversary of the Repose
of Metropolitan Sergius (Tikhomirov) of Japan**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_1_106

Abstract: The article contains some facts from the genealogy of Metropolitan Sergius (Tikhomirov) of Japan, clarifying many dates and names, and tracing family and friendship ties. Family memories and photographs from the family archive are provided.

Keywords: St. Nicholas of Japan, Metropolitan Sergius (Tikhomirov), St. Petersburg Theological Academy, Novgorod Theological Seminary, Novgorod parish clergy, genealogy of the Tikhomirows, Togatovs, Filosofovs, Nikolaevskys, Poletaevs.

About the author: **Vera Borisovna Kazarina**

Candidate of Art History, member of the Union of Artists of Russia, head of the “Pokrov” workshop of the Sts. Constantine and Helen Convent of the St. Petersburg Diocese, editor of the publishing house of the I. E. Repin St. Petersburg State Academic Institute of Painting, Sculpture and Architecture at the Russian Academy of Arts.

E-mail: vera-kazarina@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7343-6089>

Article link: Kazarina V. B. Family Chronicles of the Clerical Family of the Tikhomirows. For the 75th Anniversary of the Repose of Metropolitan Sergius (Tikhomirov) of Japan. *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2021, no. 1 (6), pp. 106–122.

* Photographs courtesy of the author.

Митрополит Сергей (Тихомиров), преемник архиепископа Николая (Касаткина) в Японской духовной миссии, происходил из священнического рода Тихомировых Новгородской губернии. Собирая сведения о своих предках (моя прабабушка была младшей сестрой владыки), считаю необходимым зафиксировать семейные воспоминания, которые отражают эпоху конца XIX — начала XX вв., а также ветви родословного древа.

Протоиерей
Алексей Лаврентьевич Тихомиров

Отец будущего митрополита Алексей Лаврентьевич был сыном дьячка с погоста Хреплё Батецкого района Новгородской области¹. Вообще, Батецкий район в истории семьи играет заметную роль. Отец Алексей родился в Хреплё, служил в Гузях, его сын Виктор уже после революции жил на погосте Саблё, старший сын Александр служил в Спасско-Ямском. Все эти населенные пункты находились в Новгородском благочинии.

Сведения о погосте Хреплё — месте, которое мы можем считать родовым гнездом Тихомировых — подчерпнуты из магистерской диссертации владыки Сергея, труда, научная значимость которого до сих пор не устарела². В разделе описания погостов Водской пятины владыка Сергей упоминает и погост Успенский-Хрепельский, который был небольшим по земельным угодьям и весьма тесным соседними³. Храм Успения Божией Матери был приписан к Аркажскому монастырю (Новгородскому), так как часть погоста состояла в дворцовой волости. В 1764 году монастырь был упразднен, чему предшествовала опись имущества и строений, которые были немногочисленны⁴. Помещиками Хрепельского погоста были Иван Гагарин, Алексей, Борис и Яков Федоровичи Новоключеновы.

По описанию Хреплёвского погоста (название его происходит от речки Хреплёлки) 1916 г., каменный храм Успения Пресвятой Богородицы выстроен в 1889 г., перестроен в 1904 г. В 1915 г. настоятелем был Иоанн Евгеньевич Николаевский⁵, сын священника Рукинской церкви Кирилловского уезда. В 1878 году он исполнил должность псаломщика в чине дьячка в Михайло-Архангельской церкви, 1804 г. постройки, Елеазаро-Раменского прихода⁶. Интересно отметить, что семейные воспоминания говорят о том, что Николаевские были в родстве с Тихомировыми. Хрепле-Погост, как он тогда назывался, относился к 6-му Новгородскому благочинию. В середине XX века в Тихвине, где тогда жила семья моей бабушки, жил на покое отец Николай

¹ Благодарю Александра Александровича Бовкало, любезно предоставившего архивную справку об Алексее Тихомирове: № 12. Алексей Тихомиров, Новгородского уезда Хрепельской церкви умершего дьячка Лаврентия Федорова сын. См.: 1. ЦГИА СПб. Ф. 277. Оп. 1. Д. 2249.

² *Сергий (Тихомиров), еп.* Черты церковно-приходского и монастырского быта в Писцовой Книге Водской пятины 1500 года (в связи с общими условиями жизни). СПб.: Тип. М. И. Акинфеева, 1905. 598 с.

³ Там же. С. 389.

⁴ ГАВО. Ф. 1067. Оп. 1. Д. 204.

⁵ Булин С. Приходы и духовенство Новгородской епархии на 1916 г. Сведения по современной территории Новгородской области // Проза. ру. URL: <https://proza.ru/2015/10/03/2043> (дата обращения: 05.09.2020).

⁶ Сивеня Д. С. Приходское духовенство Новгородской епархии во второй половине XIX века. М., 2019. С. 570.

Николаевский, который приходился дальним родственником. В 1904 г. в Покровской церкви Дементievского прихода, построенной в 1816 г., числился священником Николай Евгеньевич Николаевский, сын священника Рукинской церкви Кирилловского уезда⁷. В 1915 г. отец Николай священствовал в Сясьской Ильинской церкви, построенной в 1846 г.⁸ Его отец Евгений Иванович Николаевский (1844–1878) в 1866–1878 гг. был настоятелем Рукинской Воскресенской церкви, построенной в 1822 г. Новгородскую духовную семинарию он окончил в 1865 г. А уже его отец был смотрителем Белозерского духовного училища. Женат отец Евгений был на Анне Андреевне (1849–1866 (?)). Брат отца Евгения — Иван Иванович Николаевский (1837 — 19 февраля 1894) служил в Кирилловском уезде в Горичком женском монастыре, в 1878 г. был помощником настоятеля Введенского храма, до этого в 1866 г. служил в Звозской Николаевской церкви Кирилловского уезда. Женат был на Миропии Петровне (1842–1866).

Александра Васильевна
Тихомирова, супруга протоиерея
Алексия Тихомирова

Согласно семейному преданию, прапрадед был сыном бедного сельского дьячка, родился в 1827 г. Бедность подчеркивали фразой, что бегал он до 12-ти лет в одной рубашке (т. е. не было даже штанов). Но, тем не менее, Алексей Лаврентьевич (его дед — Федор) поступил и окончил Новгородскую духовную семинарию. Именно в духовном учреждении и была присвоена будущему отцу Алексию фамилия Тихомиров, вероятно, характеризовавшая его как человека тихого нрава и мирного устройства, ставшая впоследствии родовой фамилией. По окончании по первому разряду низшего отделения семинарии, в 1852 г. он женился на девице Александре Васильевне, сироте поповского сословия, которая воспитывалась при Свято-Духовом монастыре (?) в Новгороде. Древнейший новгородский монастырь к этому времени имел статус женского, при нем был приют. Александру Васильевну выдали замуж и дали за ней приданое. Первые годы служения отца Алексия прошли в стенах этого монастыря⁹. С 1866 г. его перевели настоятельствовать в приход села Гузи, современного Тесово-Нетьльского района Новгородской области¹⁰, где он проживал до своей кончины. Опираясь на вышеупомянутый текст С. Булина¹¹, можно увидеть, что в селе Гузи был каменный храм Покрова Божией Матери 1866 г. постройки, а на кладбище — деревянный во имя Преображения Господня, выстроенный уже тщанием отца Алексия, за что он в 1904 г. получил право ношения второго наперстного креста. Относились храмы к 6-му Новгородскому благочинию.

Отец Алексей прожил всю жизнь в Гузях, был законоучителем, весьма уважаемым пастырем. Моя мама Мария Леонидовна Мохова в конце 1970-х гг. посещала это место, искала могилы прадеда и прабабушки. Она тогда рассказала мне, что кладбище

⁷ Там же. С. 556.

⁸ Там же. С. 461.

⁹ Семейная память сохранила название монастыря, в котором служил после семинарии отец Алексей — Свято-Духов. У Д. С. Сивени отмечается, что там служил помощником настоятеля Алексей Тихомиров, но в 1877 г., и он предполагает, что это был Алексей Прокопьевич, а не Лаврентьевич (Там же. С. 46). Не имея архивных данных, сейчас трудно сказать точно, однако, судя по тому, что за эти годы других Тихомировых, служащих в монастырях, в Новгороде нет, предполагаю, что все-таки это Алексей Лаврентьевич.

¹⁰ Там же. С. 85. Указано, что настоятелем Гузской Покровской церкви с 1866 по 1904 гг. числился Алексей Лаврентьевич Тихомиров, а с 1915 г. — Иоанн Алексеевич Шарецкий.

¹¹ Булин С. Приходы и духовенство Новгородской епархии...

Протоиерей Алексей Тихомиров на фоне села Гузи

Семейная фотография Тихомировых.
Слева направо: Татьяна Алексеевна,
матушка Александра Васильевна,
Виктор Алексеевич, Сергей Алексеевич
(будущий митрополит Сергей)

было запущенное, могилы найти было невозможно. Тогда она обратилась к местным старушкам. Собрались те, кто еще помнил отца Алексея. Мама показала его фотографию, и они, плача, стали прикладываться к ней. Старушки показали места захоронений, которые мама позднее привела в порядок, установила кресты и прикрепила на них фотографии. Показали ей и дом священнослужителей. Изначально их было два: зимний, небольшой (он был сожжен немцами во время войны) и летний, большой. Последний пережил войну, в нем и жили уцелевшие жители сожженной немцами деревни.

В браке с Александрой Васильевной у отца Алексея родилось семеро детей. Точность дат еще предстоит уточнить, но здесь они более выверенные, чем в других источниках. Расположим имена по старшинству: Александр (1864 (?) — 1916), Мария (†1879), Татьяна (1868–1884), Сергей (03/16.06.1871 — 10.08.1945), Виктор (22.02.1873 — 23.03.1938)¹², Олимпиада (07.08.1875 — 06.1959), Иоанн (01.1880 — 1929/30)¹³.

Протоиерей Алексей с матушкой пользовались большим уважением жителей села и окрестных деревень. Даже после революции батюшка приходил в местную школу

¹² Архивная справка ФСБ России Управление по Новгородской области от 25.04.2003 на основании дела арх. №№ 1а/13486 и 1а/2139, выданная Дядищеву Владимиру Михайловичу.

¹³ Дата рождения взята из Протокола допроса. Дата смерти условная, после осуждения за контрреволюционную деятельность отец Иоанн на место ссылки в Соловецкий лагерь не прибыл, по всей видимости, умер по дороге. См.: Протокола допроса в ПП ОГПУ в ЛВО от 19.08.1929.

Фотографии из семейного альбома Владимира Михайловича Дядищева (внука отца Иоанна).
Протоиерей Алексей Лаврентьевич Тихомиров с протоиереем Иоанном Алексеевичем
Тихомировым и его сыном Виктором. Матушка Александра Васильевна Тихомирова
с протоиереем Иоанном Алексеевичем и его сыном Виктором

и со строгостью проверял знания по Закону Божьему. Во время послереволюционного голода его сильно поддерживали местные крестьяне. А ручей, рядом с которым когда-то стоял их дом, проданный в 70-е годы прошлого столетия на вывоз в соседнюю деревню, до сих пор называют Поповским.

В 1916 г. отца Алексея отправили на покой и прислали нового настоятеля — Ивана Алексеевича Шарецкого, семья которого поселилась в церковном доме, в котором изначально жили Тихомировы, что привело к трагическому конфликту между матушками. Этого искушения Александра Васильевна не вынесла, у нее случился инсульт. Хорошо то, что новая матушка успела испросить прощения за резкость, и они успели примириться. Матушка Александра умерла в 1916 г. Дети к этому времени давно все разлетелись из родного гнезда, и отец Алексей до самой смерти в 1924 г. жил один. В сенях стоял заготовленный гроб. Стоял он там много лет, поэтому в нем уже стали хранить яблоки. На похороны отца Алексея съехались все сыновья и множество родственников. В селе вспоминали, что это было последнее в селе после революции такое большое собрание духовенства.

Старший сын — Александр Алексеевич, о нем пока известно очень мало. Предположительно он родился в 1864 г., т. е. еще в Новгороде, окончил Новгородскую духовную семинарию по первому разряду в 1885 г.¹⁴ Женат был на Марии, которая умерла в первых родах. Пока документов с упоминанием отца Александра найдено не много. Имеются данные лишь в списке выпускников за 1885 г. и в исследовании Д. С. Сивеня¹⁵, где он указан священником Спасско-Ямского с 1904 по 1915 гг. Далее, согласно семейным сведениям, он был уволен за штат за чрезмерное пристрастие к спиртному (родные говорили, что он не смог оправиться после ранней смерти

¹⁴ Новгородская духовная семинария. Списки выпускников // Сайт А. А. Бовкало. URL: <https://petergen.com/bovkalov/duhov/novgorodsem.html> (дата обращения 05.09.2020).

¹⁵ Сивеня Д. С. Приходское духовенство Новгородской епархии... С. 105.

горячо любимой жены) и переведен на исправление в Тихвин в Успенский монастырь, где умер в 1916 г. и был похоронен на братском кладбище. Участь этого кладбища была в советское время печальна — его сравняли с землей и устроили футбольное поле. Помню, когда бывала ребенком у бабушки в гостях — а жили мы у самого монастыря, у Табор, — это поле тянулось от главного входа к церкви «На крыльчке».

Следующим ребенком была Мария, умершая в младенчестве от туберкулеза. Затем родилась Татьяна, которая тоже рано умерла от туберкулеза, в возрасте 16 лет. Четвертым ребенком в семье был будущий митрополит Сергей (Тихомиров). Крещен он был во имя св. прп. Сергия Валаамского, а покровителем в монашестве для него стал св. прп. Сергий Радонежский¹⁶. Капитальный труд по истории православия в Японии и служению митрополита написан для защиты магистерской диссертации протоиереем Георгием Николаевичем Преображенским, родственником владыки со стороны Анны Преображенской, жены младшего брата митрополита Сергия отца Иоанна Тихомирова. Этой линией родства мы не будем касаться в этой статье, ввиду ее исчерпывающего исследования протоиереем Николаем Ивановичем Преображенским и Александром Александровичем Бовкало.

Будущий митрополит Сергей в 1892 г. окончил Новгородскую духовную семинарию, в 1895 г. во время учебы в Санкт-Петербургской духовной академии пострижен в монашество и рукоположен в иеромонаха, в 1896 г. окончил академию с присвоением степени кандидата богословия с правом соискания степени магистра без нового устного

испытания¹⁷. В 1899 г. возведен в сан архимандрита и определен ректором Санкт-Петербургской духовной семинарии. Вместе с будущим владыкой курс закончил Василий Дмитриевич Быстров, будущий архиепископ Феофан, который был его близким другом. В будущем через младшего брата владыки отца Иоанна они породнились. Последний женился на снохе отца Феофана — Анне Васильевне Преображенской. Вторым другом и однокашником владыки был Дмитрий Львович Тогатов, которого он познакомил со своей младшей сестрой Олимпиадой, моей прабабушкой.

О дальнейшем служении Церкви митрополита Сергея

написано уже достаточно много¹⁸, но пока его жизнь и служение еще имеет много темных пятен и по-прежнему нуждается в более полных исследованиях. Задачей же

Архиепископ Сергей Японский (Тихомиров).
Фотография в виде открытки,
присланная сестре Олимпиаде Алексеевне в 1930 г.

¹⁶ Преображенский Г. Н., прот. Проповедь православия в Японии: митрополит Японский Сергей (Тихомиров): дисс. на соиск. степени магистра богословия. СПб., 2013. С. 7.

¹⁷ Выпускники Санкт-Петербургской духовной академии 1814–1892, 1894, 1896–1917 гг. // Сайт А. А. Бовкало. URL: <https://petergen.com/bovkalov/duhov/spbda.html> (дата обращения 05.09.2020).

¹⁸ См.: Горбунов И. Г. «Все я потерял, но не потерял одного — веры в Бога». Архипастырская и духовно-просветительская деятельность митрополита Сергия (Тихомирова). К 75-летию со дня кончины // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2020. № 2 (5). С. 186–208; Карпук Д. А. Церковно-административная деятельность митрополита Сергия (Тихомирова) в период ректорства в Санкт-Петербургской духовной академии (1905–1908) // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2020. № 2 (5). С. 209–224.

этой статьи является освещение семейных преданий и введение в научный оборот информации о родственных связях митрополита Японского Сергия (Тихомирова).

Владыку Сергия любили в семье, он был для всех заботливым старшим братом. У всех детей моей прабабушки он был крестным отцом. Он устроил семейную судьбу своих младших сестры и брата, помогал им материально, а когда уже опасался даже писать на Родину, чтобы не скомпрометировать родных зарубежной перепиской (после 1937 г.), то за всех горячо молился. Молитва митрополита Сергия спасала их во время Великой Отечественной войны. Моя мама вспоминала, что во время тяжелого времени эвакуации из блокадного Ленинграда в прифронтовой Куйбышев, семья часто находилась на грани голодной смерти. Тогда бабушке или прабабушке снился ночью владыка, и утром приходила неожиданная спасающая помощь.

Родные вспоминали, что владыка Сергей был большим постником. Семья прабабушки жила в Тихвине, и, когда на торжества в монастырь приезжал епископ Сергей, то на монастырской праздничной трапезе, будучи человеком деликатным, он лишь делал вид, что вкушает, на самом же деле прятал в салфетку те яства, которые считал для себя скоромными.

В 1905 г. он был удостоен степени магистра богословия, а 6 ноября того же года состоялась его хиротония в епископа Ямбургского, викария Санкт-Петербургской епархии, после чего он был назначен ректором Санкт-Петербургской духовной академии. Почему в 1908 г. он был отправлен в Японскую духовную миссию? В то время это называлось почетной ссылкой. В семье осталось предание, что было на это две причины. Первая — он пошел на поводу академистов и отпел лейтенанта П. П. Шмидта как убиенного, что имело негативный политический оттенок. Вторая причина — дело Григория Распутина. Дело в том, что ко Двору «старца» привели будущий митрополит и его ближайший друг, в то время негласный духовник царской семьи епископ Феофан (Быстров), восхитившись духовными дарованиями Григория. Однако со временем они оценили это явление, как отрицательное, что губительно сказалось на их собственных карьерах. В семье бытовала легенда, что Распутин прибыл к владыке, просил принять, но получил отказ. Служители просили владыку этого не делать, мол, Григорий принят при Дворе. На что последовал резкий ответ: «Ну, пусть и шляется по дворам!» Возможно, это и имело место, однако, скорее всего, подлинной причиной явилось то, что в управлении хозяйством духовной академии епископ Сергей легкомысленно доверился эконому М. Успенскому, результатом чего стала крупная растрата, и позор казнокрадства пал на владыку¹⁹.

Японская миссия и по своей удаленности, и климату была очень трудным местом. Святитель Николай (Касаткин), будучи необыкновенным по человеческим меркам проповедником православия в Стране Восходящего солнца, подвижнические труды которого до сих пор вызывают восхищение, не мог найти продолжателей своего дела²⁰. В Миссию, по недосмотру со стороны Св. Синода, часто присылались неблагонадежные служители. Практически никто не задерживался надолго, даже будущий патриарх Сергей (Страгородский) не смог долго вынести служения в Миссии. Нехорошая молва опередила епископа Сергия в Японии, и владыка Николай встретил его настороженно. Однако это первое заочное негативное впечатление владыки Николая о преосвященном Сергии (Тихомирове) вскоре, при их личном общении, начала изменяться к лучшему, хотя некоторая настороженность еще оставалась. «До Литургии зашел в комнату Преосвященного Сергия, уже убранную им привезенными

¹⁹ Благодарим за проведенное исследование этого непростого вопроса протоиерея Николая Преображенского, вскрывшего истинные причины почетной ссылки, ибо «неудобная» правда лучше «благочестивой» лжи.

²⁰ См.: Карпук Д. А. История взаимоотношений святителя Николая Японского с Санкт-Петербургскими митрополитами (1860–1912) // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2018. № 2. С. 130–138; Горбунов И. Г. Миссионерский путь священномученика Андроника (Никольского) // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2019. № 1 (3). С. 211–217..

Виктор Алексеевич
Тихомиров с супругой
Валентиной Никандровной
(в девичестве Сахаровой)

Виктор Алексеевич и Валентина Никандровна
Тихомировы на погосте Саблѣ
с детьми протоиерея Иоанна Алексеевича Тихомирова

с собой вещами: божица сияет прекрасными образами, столы альбомами, адресами и разными другими подношениями ему; образа тоже почти все — подношения ему от разных мест и лиц, где или с которыми он служил. Я изумлен был памятниками любви, оказанной ему так ясно и так многими. Вероятно, для привлечения сей любви немало послужили и растроченные им суммы Санкт-Петербургской Семинарии и Академии; но не все же это; несомненно, больше того послужили к приобретению любви прекрасные качества его души; и я значительно изменил о нем мнение, навеянное письмами о нем из России. Кстати, он, рассказывая о разных интригах против него и против Митрополита Антония (Вадковского), который очень покровительствовал ему, прослезился»²¹. Одно из таких приношений сохранилось в нашей семье — мельхиоровое блюдо с дарственной надписью: «От благодарных трезвенников отцу Сергию (Тихомирову) в день тезоименитства». Это подарок с первого места служения владыки — храма Воскресения Христова у Варшавского вокзала.

Вскоре стало ясно, что епископ Сергей — истинный христианин, что его усердие и подвижничество доказали это, а его неумение распоряжаться деньгами происходило не от алчности, а от доверчивости, из-за чего он готов был отдать деньги любому просящему. Святитель Николай, передавая владыке дела миссии, старался его от расточительности постепенно отучивать.

Следующий ребенком Тихомировых, на два года младше владыки, был Виктор. Он также сначала учился в Новгородской духовной семинарии, Санкт-Петербургскую духовную академию закончил со степенью кандидата богословия в 1897 г., через год после старшего брата и будущего зятя Дмитрия Львовича Тогатова. Женится Виктор Алексеевич на двоюродной сестре Валентине Никандровне Сахаровой. По причине брака с близкой родственницей он не был рукоположен, да и детей у них не было. Валентина Никандровна происходила также из священнической семьи, причем у нас сохранилась фотография, где она запечатлена с родителями (отец на фотографии — с наперстным крестом). Она была крестной матерью моей мамы. Виктор Алексеевич служил в Новгородской духовной семинарии до самого ее закрытия, а потом жил на погосте Саблѣ Батецкого района Новгородской области, где имел хорошее хозяйство. После ареста в 1929 г. младшего брата отца Иоанна, его пятеро младших несовершеннолетних детей сначала были на попечении моей прабабушки и бабушки

²¹ Дневники святого Николая Японского: в 5 т. / Сост. К. Накамура. Т. 5. СПб.: Гиперион, 2004. С. 399–400.

(они жили тогда все рядом в Ленинграде на Васильевском острове). Но, поскольку семья была бедной и прокормить их не было возможности, то Виктор Алексеевич забрал всех детей к себе.

Это не осталось без внимания властей. Первый раз его арестовали 15 марта 1933 г.²² по обвинению в контрреволюционной деятельности. Согласно семейным воспоминаниям, это дело было заведено от зависти соседей. У Виктора Алексеевича был большой яблоневый сад, что им не нравилось. Тогда, 23 мая, его отпустили. Однако в следующий раз, когда его арестовали, 3 марта 1938 г., обвинив в участии в контрреволюционной эсеровско-повстанческой организации, в ведении активной контрреволюционной агитации и восхвалении фашизма Японии (это уже, конечно, из-за брата — митрополита Сергея, его братьев обвиняют в пособничестве Японии, а его в Японии — в пособничестве России), статью уголовного кодекса ему даже не инкриминировали. Конвейер работал быстро — 20 марта его приговорили к расстрелу, 23 марта расстреляли в подвале Большого дома на Литейном и захоронили в братской могиле на Левашовской пустоши. 9 июля 1956 г. он был реабилитирован. Валентина Никандровна одна продолжала воспитывать детей отца Иоанна. Зная о бедственном положении семьи, Патриарх Алексий I (Симанский) назначил ей пенсию от патриархии, поскольку близко знал Виктора Алексеевича, когда тот служил под его началом в Новгородской семинарии. Умерла Валентина Никандровна в Москве, уже после войны, у одного из детей отца Иоанна.

Следующим ребенком в семье была моя прабабушка Олимпиада Алексеевна, в семье ее звали Липочкой. Она училась в первом женском училище для девиц духовного сословия, основанном в Царском Селе в 1843 г.²³ Это было образцовое учебное учреждение, и мне в детстве рассказывали о том, как прабабушка там училась. Задача училища была выпускать «образованных матушек», которым преподавали как общеобразовательные предметы, так и учили вести хозяйство, давали необходимые медицинские и гигиенические знания, следили за дисциплиной и воспитанием. У нас сохранилась фотография директора училища княгини Софьи Нарышкиной, которая подарила ее Липочке с благопожелательной надписью. В училище внимательно следили за осанкой и тем, кто сутулился, привязывали доску к спине. В результате моя прабабушка даже в старости имела величавый силуэт.

Прабабушку с будущим супругом Дмитрием Львовичем Тогатовым (1871 (?) — 1939) познакомил старший брат, будущий владыка Сергей. Повенчались они в 1896 г., после окончания учебы Дмитрия в Санкт-Петербургской духовной академии. После этого его отправили служить преподавателем в Архангельское духовное училище и семинарию. Затем он был определен инспектором Тихвинского духовного училища, где долгое время и жила вся семья. Духовное училище — в его здании в советское время располагалась областная больница, где волей случая я появилась на свет, как оказалось, в бывшей детской своей бабушки — находилось около Успенского монастыря. В нем же была и казенная квартира инспектора. У нас сохранилось дружеское общение через несколько поколений со Скородумовыми. По-видимому, дружба началась у Дмитрия Львовича с отцом Василием, который в 10-летнем возрасте

Олимпиада Алексеевна
Тихомирова
(в замужестве Тогатова)

²² Справка о реабилитации, выданная ФСБ России Управление по Новгородской области в нуку отца Иоанна Дядищеву Владимиру Михайловичу 25.04.2003 № Д-49.

²³ История Новгородского епархиального училища. Женское духовное образование в России (вторая половина XIX — начала XX века) // Школьный виртуальный музей. URL: <http://museum.5322s16.edusite.ru/p11aa1.html> (дата обращения 05.09.2020).

Дмитрий Львович Тогатов

привез учиться из села Ребовичи Тихвинского уезда своего сына Ивана, будущего архиепископа Буэнос-Айресского и Аргентинского²⁴. Затем уже дружили мои родные с потомками его сестры Марии.

Дмитрий Львович Тогатов родился в селе Богородском Череповецкого уезда Новгородской епархии (ныне Вологодская область), что находится недалеко от Кирилло-Белозерского монастыря. Село Богородское 1-го Череповецкого округа имело две церкви. Первая — Успения Богородицы, деревянная, построена в 1893 г., на месте старой и ветхой, существовавшей с 1739 г. Вторая — была выстроена в камне на средства прихожан в 1772 г. и освящена в честь Рождества Христова, с приделами Святителя Леонтия Ростовского и Космы и Дамиана²⁵. Отец — Лев Васильевич Тогатов (1826 — 03/16.06.1903)²⁶, в 1878 г. числился пономарем, исполняющим должность псаломщика в Богородской Успенской церкви²⁷. У Льва Васильевича, по всей видимости, были братья Павел и Василий (?).

Павел Васильевич Тогатов (род. 1838 (?) — 16/29.09.1898) — выпускник 1859 г. по 2-му разряду Новгородской духовной семинарии²⁸, настоятель Дмитриевской церкви, построенной в 1841 г. в селе Замощье Новгородского уезда Новгородского благочиния, в 1866–1877 гг. Умер заштатным священником в приходе Троицкой церкви 1660 г. постройки села Паозерского Новгородского благочиния, куда, чтобы материально поддержать дядю, был определен на службу его племянник Николай Львович Тогатов (1862–1933)²⁹.

Теперь несколько слов о детях Льва Васильевича Тогатова. Старшим был Александр Львович (1854 (?) — ?). Он окончил по 2-му разряду Новгородскую духовную семинарию в 1875 г.³⁰ Служил в качестве исполняющего должность псаломщика в Череповце в Воскресенско-Христорождественском соборе³¹ (1895–1897)³², построенном в 1752 г. игуменом Иларионом. Служил еще (годы не указаны) помощником настоятеля в приходе, состоящем из двух храмов — Покровской церкви, постройки 1810 г., и Параскевинской, 1809 г. постройки, в Нилободовском селе Кирилловского уезда. С ним же исполняющим должность псаломщика служил его сын Василий Тогатов. В 1904, 1905–1910 гг. числился священником Скорбященской церкви в слободе Чужбое и Леонтьевской в с. Ножеме (постройки 1780 г.).

На сегодня известны два сына отца Александра. Василий родился в 1877 г. и почил 15/26 июля 1900 г., окончил курс в Новгородской духовной семинарии. Похоронен на кладбище Успенской Богородской церкви Череповецкого уезда, о чем сохранились сведения в метрической книге³³. Известен еще один сын — Иоанн Александрович

²⁴ Архиепископ Иоасаф (Скородумов) // Holy Trinity Orthodox Mission. URL: http://www.fatheralexander.org/booklets/russian/archbishop_ioasaf_skorodumov.htm (дата обращения 05.09.2020).

²⁵ См.: ГАВО. Ф. 1067. Оп. 1. Д. 204.

²⁶ См.: ГАВО. Ф. 496. Оп. 66. Д. 410.

²⁷ Сивеня Д. С. Приходское духовенство Новгородской епархии... С. 555.

²⁸ Новгородская духовная семинария. Списки выпускников // Сайт А. А. Бовкало. URL: <https://petergen.com/bovkalov/duhov/novgorodsem.html> (дата обращения 05.09.2020).

²⁹ Сивеня Д. С. Приходское духовенство Новгородской епархии... С. 66, 72.

³⁰ Новгородская духовная семинария. Списки выпускников // Сайт А. А. Бовкало. URL: <https://petergen.com/bovkalov/duhov/novgorodsem.html> (дата обращения 05.09.2020).

³¹ Сивеня Д. С. Приходское духовенство Новгородской епархии... С. 553.

³² Воскресенско-Христорождественский собор // URL: http://belolikovi.narod.ru/sv_bel_u_6.htm (дата обращения 05.09.2020).

³³ Метрические книги Успенской Богородской церкви за 1889–1898 гг. и 1899–1905 гг. // URL: http://belolikovi.narod.ru/sv_bel_u_6.htm (дата обращения 05.09.2020).

Тогатов (20.01/03.02.1880 — 1930(?)), вписанный в книгу памяти Новгородской области. Родился отец Иоанн в деревне Поповка Кирилловского уезда Новгородской губернии. Учителем в Аркажской школе грамоты Новгородского уезда. С 8 апреля 1899 г. исполнял должность псаломщика Долгослободской церкви Череповецкого уезда. Женился 11 февраля 1900 г. на дочери диакона Александре Яковлевне Виноградовой, работавшей учительницей в Абакановской земской школе того же уезда. После свадьбы она работала в Долгослободской школе. С 15 октября 1904 г. Иоанн Александрович переведен псаломщиком в Парфеновскую женскую общину, которую «удочерила» игуменья Леушинская Таисия (Солопова). Там же он был рукоположен во диакона. 15 ноября 1909 г. рукоположен во иереи и приписан к Вещеезерской церкви Кирилловского уезда. В 1915 г., по сведениям, собранным Д. С. Сивеней, был священником Ильинской церкви в с. Коротец, построенной в 1820 г., и Богоявленской в с. Вещезере, перестроенной в 1830 г. Записано так: «В 1915 году священник Вещезерской Благовещенской церкви Иоанн Александрович Тогатов (1880–1930)»³⁴. 1 июня 1916 г. переведен в Охонскую Троицкую церковь Устюженского уезда. В 1915–1916 гг. был помощником благочинного. Здесь он и прожил до своего ареста 19 февраля 1930 г., 5 марта был приговорен к 5-ти годам исправительно-трудовых лагерей, откуда уже не вернулся. 31 июля 1989 г. реабилитирован.

Предположительно вторым сыном Льва Васильевича был Алексей Львович (1856–1915), окончивший Новгородскую духовную семинарию по первому разряду в 1879 г.³⁵ В Свинордской (ныне село Невское) Успенской каменной церкви, постройки 1848 г., в 1882, 1890 и с 1904 по 1915 гг.³⁶ он числился священником. Был женат на Капитолине Павловне (1857–1882), сестре Марии Павловны (1845–1882), жены священника той же церкви отца Василия Воинова (†1877). Их дочь Александра Алексеевна родилась в 1881 г. и умерла через год в 1882 г. Алексей Львович в 1916 г. числился благочинным 3-го Старорусского округа³⁷.

Следующий сын — Николай Львович — родился в 1862 г.³⁸, окончил в 1882 г. Новгородскую духовную семинарию по 1-му разряду и был определен на службу в Кирилловское духовное училище преподавателем русского, латинского и церковнославянского языков, что для того времени было делом не вполне обычным. Такого рода назначения делались для выпускников духовных академий и лишь со степенью не ниже кандидата богословия. Будучи дьячком, он исполнял должность псаломщика в Варваринской церкви села Вонозеро и Николаевской в селе Хмелезере Тихвинского уезда Новгородской губернии³⁹ в 1878 (?) г. В 1882 г. был благочинным 3-го округа Кирилловского уезда. 29 мая 1889 года приписан священником Вогнемской церкви. С 20 августа 1898 г. перешел на должность настоятеля в Троицкую церковь Паозерска на Ильмень-озере. Служил там до репрессий. В 1933 г. был с супругой в списке лишенцев⁴⁰. Во время Великой Отечественной войны с опасностью для жизни спасал людей, пряча их в своем доме, поэтому одна из улиц деревни носит его имя (Ракомское сельское поселение, вблизи Новгорода на Ильмени). У отца Николая было девять детей. В дальнейшем судьба их рода была связана с Гатчиной.

В списках выпускников Новгородской духовной семинарии числится Петр Тогатов (1866 (?) — ?). Он мог быть либо младшим сыном, либо племянником Льва

³⁴ Сивеня Д. С. Приходское духовенство Новгородской епархии... С. 664.

³⁵ Новгородская духовная семинария. Списки выпускников // Сайт А. А. Бовкало. URL: <https://petergen.com/bovkalov/duhov/novgorodsem.html> (дата обращения 05.09.2020).

³⁶ Сивеня Д. С. Приходское духовенство Новгородской епархии... С. 155.

³⁷ Булин С. Приходы и духовенство Новгородской епархии...

³⁸ Священнослужители Вологодской области в годы войны // URL: <https://vk.com/@-186935640-svyaschennosluzhiteli-vologodskoi-oblasti-v-gody-voinyu-prot> (дата обращения 05.09.2020).

³⁹ Сивеня Д. С. Приходское духовенство Новгородской епархии... С. 473.

⁴⁰ Возвращенные имена. Книга памяти России // URL: <http://vizz.nlr.ru/person/book/novg/20/1090> (дата обращения 05.09.2020).

Дети Дмитрия Львовича
и Олимпиады Алексеевны
Тогатовых. Слева направо:

Ольга Дмитриевна (в замужестве
Уланова), Екатерина Дмитриевна
(в замужестве Раstopчина),
Мария Дмитриевна
(в замужестве Устинова),
Сергей Дмитриевич Тогатов

Васильевича. В сентябре 1890 г. он числится диаконем Иоанно-Яковлевской церкви в Менюшено. Новгородскую семинарию окончил в 1887 г. по 3-му разряду⁴¹. В 1904 г. служил псаломщиком Сутокской Рождества Пресвятой Богородицы церкви⁴².

В Богородице-Рождественской церкви с. Семеновом Раменье, построенной в 1809 г., в 1904–1914 гг. служил священником Виктор Васильевич Тогатов⁴³, с 1916 г. — за штатом. Супруга — Александра Тимофеевна Тогатова. Дети: Екатерина (род. 23/24.11.1904), Мария (род. 23.03.1907), Петр (род. 31.05.1909). Предположительно племянник Льва Васильевича. В 1905–1907, 1910, 1916 гг. служил священником в Белозерском уезде храме Богородице-Рождественском с. Заболотье, построенном в 1783 г. и Благовещенском в с. Карголоме, построенном в 1796 г. Записан как Виктор Васильевич Тогатов, сын псаломщика Нилободоской церкви Кирилловского уезда⁴⁴.

Василий Тогатов числится в списке выпускников Новгородской духовной семинарии за 1899 г., назначенный к переэкзаменовке по латыни. В 1904 г. из Новгородской духовной семинарии увольняется по прошению Алексей Тогатов. В 1917 г. переводится в 6-й класс с переэкзаменовкой по истории раскола Николай Тогатов, а в третий класс по второму

разряду — Сергей Тогатов. Все это, по-видимому, племянники Льва Васильевича.

Вернемся к семье моего прадеда Дмитрия Львовича. У них с Олимпиадой Алексеевной было четверо детей. Ольга Дмитриевна (в замужестве Уланова), Екатерина Дмитриевна (в замужестве Раstopчина), Мария Дмитриевна (в замужестве Устинова, моя бабушка), Сергей Дмитриевич. Все дети были крестниками митрополита Сергия (Тихомирова), а сын и назван был в его честь. Последние годы жизни Дмитрий Львович жил в Петрозаводске вместе с сыном, где последний работал журналистом. Там и похоронен на городском кладбище.

Следует упомянуть еще об одной родственной фамилии — Философовых. К сожалению, пока не удалось выяснить место пересечения ветвей родословного древа. Моя бабушка росла вместе с Марией Михайловной Философовой (в замужестве Беляевой), которая была ее двоюродной или троюродной сестрой. Ее семья жила на погосте Дыми под Тихвином. Для получения образования она поступила в Тихвинскую женскую гимназию, поэтому жила в семье моей бабушки. Они были ровесницами, сидели в гимназии за одной партой и потом всю жизнь были очень близки. О Философовых сохранились у нас только те сведения, которые помнила Марина Васильевна Беляева, дочь Марии Михайловны Философовой, последней в роду, кто помнил семейное родословие. Она рассказывала о своем прадеде Николае Иосифовиче (?) Философове,

⁴¹ Новгородская духовная семинария. Списки выпускников // Сайт А. А. Бовкало. URL: <https://petergen.com/bovkalo/duhov/novgorodsem.html> (дата обращения 05.09.2020).

⁴² Генеалогический форум ВГД. Сутокская церковь Рождества Пресвятой Богородицы // URL: <https://forum.vgd.ru/post/2554/81044/p2313328.htm?hlt=%D0%A6%D0%B5%D1%80%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D1%8C+%D1%80%D0%BE%D0%B6%D0%B4%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B0+%D1%81%D0%B2%D1%8F%D1%82%D0%BE%D0%B3%D0%BE+%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%B4%D1%82%D0%B5%D1%87%D0%B8> (дата обращения 05.09.2020).

⁴³ Сивеня Д. С. Приходское духовенство Новгородской епархии... С. 621.

⁴⁴ Там же. С. 597.

считая, что он был настоятелем собора Сергия Радонежского всея артиллерии в Санкт-Петербурге. Однако, по всей видимости, это был его брат Иоанн Философов, окончивший Новгородскую духовную семинарию в 1859 г. по первому разряду. В сведениях о приходском новгородском духовенстве Николай Иосифович (?) в 1878 г. числится исполняющим должность псаломщика Параскевинской церкви села Пятницкого Боровического уезда Новгородской области. У Николая Иосифовича было три сына: Михаил Николаевич (1865–1919), окончивший Новгородскую семинарию в 1887 г. по второму разряду⁴⁵; Николай Николаевич (1867 (?) – 1900), дата окончания – 1889 г.⁴⁶; Александр (?) Николаевич (1876–1898).

Протоиерей Михаил служил с 1904 по 1919 гг. в Николаевской церкви Тихвинского уезда, где было два деревянных храма – Николаевский, 1792 г. постройки, и пророка Божия Илии, 1796 г. постройки. Женат был на Клавдии Михайловне Полетаевой, дочери священника. Ее отец Михаил Федорович Полетаев числится в списке окончивших НДС за 1857 г. по второму разряду⁴⁷. В 1864, 1865 и 1872 гг. в Белозерском уезде в Николаевской церкви Тумбажско-Базегского прихода был священником⁴⁸.

Его брат – Алексей Федорович Полетаев (1840–1913). В 1861 г. окончил Новгородскую духовную семинарию по второму разряду. В 1866 г. числился священником Мондомской Сретенской, постройки 1763 г., церкви Белозерского уезда⁴⁹. С 1877 по 1904 гг. был настоятелем деревянной Успенской Выставской церкви, построенной в 1866 г. Его супруга – Анна Васильевна (1845–1882). Их дети: Елизавета Алексеевна (1864–1882); Мария Алексеевна (1865–1882); Агния Алексеевна (1867–1882); Евгений Алексеевич (1869–1915) – в 1904 г. служил священником в Нивской деревянной Тихвинской церкви 1864 г. постройки, священник Марфинской церкви

Погост Дыми в 1960-х годах

Протоиерей Михаил Николаевич Философов с супругой Клавдией Михайловной Философовой (в девичестве Полетаевой). Видны следы разделения фотографии на две части, во времена гонений эти две половинки для безопасности хранились в разных семьях

⁴⁵ Новгородская духовная семинария. Списки выпускников // Сайт А. А. Бовкало. URL: <https://petergen.com/bovkalov/duhov/novgorodsem.html> (дата обращения 05.09.2020).

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Сивеня Д. С. Приходское духовенство Новгородской епархии... С. 604.

⁴⁹ Там же. С. 601.

Александр Михайлович
Философов в начале
Первой мировой войны

Иерей Василий
Михайлович Философов
в форме семинариста

Серафима Михайловна
Философова

Старорусского уезда, затем служил в 1915 г. в Успенской Выставской; Авенир Алексеевич (1871–1929) — в 1915 г. священник Ивановской Иоанно-Богословской церкви, 1866 г. постройки, Новгородского уезда, Ивановской церкви Старорусского уезда; Екатерина Алексеевна (1873–1882); Алексей Алексеевич (1875–1904) — священник Нивской Тихвинской церкви Старорусского уезда, в 1904 году деревянной Марфинской Спаса Нерукотворного Образа церкви Старорусского уезда, построенной в 1866 г.; Анна Алексеевна (1878–1882)⁵⁰.

Еще один брат отца Михаила — Николай Федорович Полетаев, был настоятелем в 1866–1878 гг. в Казанской Мозолевской церкви, построенной помещиком Колотовым в 1802 г. в Тихвинском уезде. В 1876 г. был награжден набедренником.

Зимой 1919 г. отец Михаил поехал во время вьюги в деревню Галично причащать и соборовать умирающего, после чего заболел воспалением легких. По мнению семьи, его в больнице г. Тихвина по распоряжению властей специально «залечили», и он умер. У отца Михаила с матушкой было четыре сына и две дочери. Старший — Александр, родился в 1890 г.

Следующий сын — Василий (1897–1939), окончил Новгородскую духовную семинарию в 1917 г. После смерти отца занял место настоятеля, имел пятерых детей. В 1938 г. арестован по 58-й статье и отправлен на Соловки. Жена, уничтожив семейный архив, бежала вместе с детьми в Бокситогорск, следы его семьи затерялись. Уже после войны сокамерник отца Василия нашел родственников и рассказал, что в 1939 г. Василия Михайловича со множеством духовенства погрузили на баржу и затопили в Баренцевом море.

Третий сын — Николай Николаевич (1899–1939), также учился в Новгородской духовной семинарии, но не был рукоположен, служил на золотых приисках на Кавказе, убит разбойниками под г. Грозным. Четвертый сын — Сергей Михайлович (1910–1987), был лесником в с. Ухтома на Белом озере. Дочь — Серафима (1897–1977), получила образование в Новгородском женском епархиальном училище, открытом 1 ноября 1874 г. определением Св. Синода (утверждено императором Александром III 25 января 1875 г.) в Деревяницком женском монастыре⁵¹.

⁵⁰ Там же. С. 206–207.

⁵¹ История Новгородского епархиального училища. Женское духовное образование в России (вторая половина XIX — начала XX века) // Школьный виртуальный музей. URL: <http://museum.5322s16.edusite.ru/p11aa1.html> (дата обращения 05.09.2020).

Выпускная фотография Серафимы Михайловны Философовой
из Деревяницкого епархиального училища в 1914 г.

Мать Марии Васильевны Беляевой, от которой получены сведения о Философовых — Мария Михайловна, урожденная Философова (25.12.1901/07.01.1902 — 1976 (?)) закончила Тихвинскую женскую гимназию (после 1917 г. — I Трудовая советская школа II ступени) в 1919 г. В замужестве Беляева.

Исследование родственных связей далеко еще не окончено — предстоит большая архивная работа по уточнению дат, родства, мест службы и других данных нескольких ветвей фамилии. Из нитей родства складывается красочное полотно эпохи, когда Российская держава была в зените своего могущества, а быт был патриархальный и освященный христианством. Священство составляло сословие, которое пронизывали родственные и дружеские связи. Нам же, потомкам, достались в наследство имена и фамилии славных тружеников на духовной ниве Отечества.

Источники и литература

1. Архивная справка ФСБ России Управление по Новгородской области от 25.04.2003 на основании дела арх. №№ 1а/13486 и 1а/2139, выданная Дядищеву Владимиру Михайловичу.
2. Архиепископ Иоасаф (Скородумов) // Holy Trinity Orthodox Mission. URL: http://www.fatheralexander.org/booklets/russian/archbishop_ioasaf_skorodumov.htm (дата обращения 05.09.2020).
3. Булин С. Приходы и духовенство Новгородской епархии на 1916 г. Сведения по современной территории Новгородской области // Проза. ру. URL: <https://proza.ru/2015/10/03/2043> (дата обращения 05.09.2020).
4. Возвращенные имена. Книга памяти России // URL: <http://vizz.nlr.ru/person/book/povg/20/1090> (дата обращения 05.09.2020).
5. Воскресенско-Христорождественский собор // URL: http://belolikovi.narod.ru/sv_bel_u_6.htm (дата обращения 05.09.2020).

6. Выпускники Санкт-Петербургской духовной академии 1814–1892, 1894, 1896–1917 гг. // Сайт А. А. Бовкало. URL: <https://petergen.com/bovkalov/duhov/spbda.html> (дата обращения 05.09.2020).
7. ГАВО. Ф. 1067. Оп. 1. Д. 204. Ведомость о церкви за 1921 год.
8. ГАВО. Ф. 496. Оп. 66. Д. 410.
9. Генеалогический форум ВГД. Сутокская церковь Рождества Пресвятой Богородицы // URL: <https://forum.vgd.ru/post/2554/81044/p2313328.htm?hlt=%D0%A6%D0%B5%D1%80%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D1%8C+%D1%80%D0%BE%D0%B6%D0%B4%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B0+%D1%81%D0%B2%D1%8F%D1%82%D0%BE%D0%B3%D0%BE+%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%B4%D1%82%D0%B5%D1%87%D0%B8> (дата обращения 05.09.2020).
10. Горбунов И. Г. «Все я потерял, но не потерял одного — веры в Бога». Архипастырская и духовно-просветительская деятельность митрополита Сергия (Тихомирова). К 75-летию со дня кончины // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2020. № 2 (5). С. 186–208.
11. Горбунов И. Г. Миссионерский путь священномученика Андроника (Никольского) // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2019. № 1 (3). С. 211–217.
12. Дневники святого Николая Японского: в 5 т. / Сост. К. Накамура. Т. 5. СПб.: Гиперион, 2004.
13. Карпук Д. А. История взаимоотношений святителя Николая Японского с Санкт-Петербургскими митрополитами (1860–1912) // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2018. № 2. С. 130–138.
14. Карпук Д. А. Церковно-административная деятельность митрополита Сергия (Тихомирова) в период ректорства в Санкт-Петербургской духовной академии (1905–1908) // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2020. № 2 (5). С. 209–224.
15. Метрические книги Успенской Богородской церкви за 1889–1898 гг. и 1899–1905 гг. // URL: http://belolikovi.narod.ru/sv_bel_u_6.htm (дата обращения 05.09.2020).
16. Новгородская духовная семинария. Списки выпускников // Сайт А. А. Бовкало. URL: <https://petergen.com/bovkalov/duhov/novgorodsem.html> (дата обращения 05.09.2020).
17. Преображенский Г. Н., прот. Проповедь православия в Японии: митрополит Японский Сергей (Тихомиров): дисс. на соиск. степени магистра богословия. СПб., 2013.
18. Протокола допроса в ПП ОГПУ в ЛВО от 19.08.1929.
19. Священнослужители Вологодской области в годы войны // URL: <https://vk.com/@-186935640-svyaschennosluzhiteli-vologodskoi-oblasti-v-gody-voiny-prot> (дата обращения: 05.09.2020).
20. Сергий (Тихомиров), еп. Черты церковно-приходского и монастырского быта в Писцовой Книге Водской пятины 1500 года (в связи с общими условиями жизни). СПб.: Тип. М. И. Акинфеева, 1905. 598 с.
21. Сивеня Д. С. Приходское духовенство Новгородской епархии во второй половине XIX века. М.: Изд. «Золотое сечение», 2019. 754 с.
22. Справка о реабилитации, выданная ФСБ России Управление по Новгородской области внуку отца Иоанна Дядищеву Владимиру Михайловичу 25.04.2003 № Д-49.
23. ЦГИА СПб. Ф. 277. Оп. 1. Д. 2249. Разрядные списки выпускников Новгородской ДС за 185½ год. Низшее отделение. Первый класс.
24. История Новгородского епархиального училища. Женское духовное образование в России (вторая половина XIX — начала XX века) // Школьный виртуальный музей. URL: <http://museum.5322s16.edusite.ru/p11aa1.html> (дата обращения 05.09.2020).

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 1 (6)

2021

Ю. Е. Кондаков

**Политическая борьба в духовной сфере
по документам из собрания
архимандрита Фотия (Спасского; 1792–1838)**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_1_123

Аннотация: Политическая борьба, в которой принял участие архимандрит Фотий (Спасский), была описана им в автобиографии. Это произведение было составлено в 1831–1833 гг. В РГИА обнаружено четыре тома документов, принадлежавших отцу Фотию. Они стали основой для написания автобиографии. Это материалы 1824–1832 гг. В собрание вошли личные документы архимандрита Фотия, послания и письма митрополита Серафима (Глаголевского), А. А. Аракчеева, А. С. Шишкова, митрополита Филарета (Дроздова), анонимные записки и статьи. Многие из этих документов были переданы императору Александру I и повлияли на изменения во внутренней политике. В первом томе были собраны материалы, относящиеся к обвинению и реабилитации епископа Пензенского и Саратовского Иннокентия (Смирнова), борьбе русской православной оппозиции против Библейского общества и сочинениям архиепископа Филарета (Дроздова). Во второй том вошли документы, связанные с борьбой против «вредных» книг и по «Делу Госснера». Третий том включает материалы, направленные против сект. Четвертый том был связан непосредственно с деятельностью архимандрита Фотия в 1825–1832 гг. Понимая важность политических событий, в которые он был вовлечен, отец Фотий начал собирать документы и копировать их. Пока обнаружены два полных комплекта и два отдельных тома собрания. Архимандрит Фотий довел свою автобиографию до 1825 г. Была подготовлена и ещё одна книга автобиографии за 1826–1832 гг. Ей отец Фотий занимался в последние годы жизни, но окончить так и не успел. Четырёхтомный сборник документов ещё раз подтверждает высокую достоверность и научную важность автобиографии архимандрита Фотия.

Ключевые слова: архив, документы, архимандрит Фотий (Спасский), Святейший Синод, политическая борьба, духовная сфера, Александр I, А. Н. Голицын, монастырь, духовенство.

Об авторе: **Юрий Евгеньевич Кондаков**

Доктор исторических наук, доцент, профессор Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.

E-mail: urakon@rambler.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9284-3632>

Ссылка на статью: Кондаков Ю. Е. Политическая борьба в духовной сфере по документам из собрания архимандрита Фотия (Спасского; 1792–1838) // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 1 (6). С. 123–139.

* Изображения взяты из открытых источников.

**HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

Scientific Journal

No. 1 (6)

2021

Yu. E. Kondakov

**Political Struggle in the Spiritual Sphere
According to Documents from the Collection
of Archimandrite Photius (Spassky; 1792–1838)**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_1_123

Abstract: The political struggle in which Archimandrite Photius (Spassky) took part was described by him in his autobiography. This work was composed in 1831–1833. Four volumes of documents belonging to Fr. Photius were found in RGIA. They became the basis for writing an autobiography. These are materials from 1824–1832. The collection includes personal documents of Archimandrite Photius, messages and letters from Metropolitan Seraphim (Glagolevsky), A. A. Arakcheev, A. S. Shishkov, Metropolitan Philaret (Drozdov), anonymous notes and articles. Many of these documents were passed on to Emperor Alexander I and influenced changes in domestic politics. The first volume contains materials related to the accusation and rehabilitation of Bishop Innocent (Smirnov) of Penza and Saratov, the struggle of the Russian Orthodox opposition against the Bible Society, and the writings of Archbishop Philaret (Drozdov). The second volume includes documents related to the fight against “harmful” books and the “Gossner Case”. The third volume includes materials directed against sects. The fourth volume was directly related to the activities of Archimandrite Photius in 1825–1832. Realizing the importance of the political events in which he was involved, Father Photius began to collect documents and copy them. So far, two complete sets and two separate volumes of the collection have been discovered. Archimandrite Photius brought his autobiography to 1825. Another autobiography book for 1826–1832 was prepared. Father Photius worked on it in the last years of his life, but did not manage to finish it. The four-volume collection of documents once again confirms the high reliability and scholarly importance of the autobiography of Archimandrite Photius.

Keywords: archives, documents, Archimandrite Photius (Spassky), Holy Synod, political struggle, spiritual sphere, Alexander I, A. N. Golitsyn, monastery, clergy.

About the author: **Yuri Evgenievich Kondakov**

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the A. I. Herzen Russian State Pedagogical University.

E-mail: urakon@rambler.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9284-3632>

Article link: Kondakov Yu. E. Political Struggle in the Spiritual Sphere According to Documents from the Collection of Archimandrite Photius (Spassky; 1792–1838). *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2021, no. 1 (6), pp. 123–139.

* Images are taken from open sources.

Архимандрит Юрьева монастыря Фотий (П. Н. Спасский, 1792–1838) был участником политического движения русской православной оппозиции. Движение ставило своей задачей защиту Православной Церкви и российской монархии от пагубных явлений, проникающих в страну из-за рубежа. Было сделано несколько попыток довести до Александра I недовольство оппозиционеров политикой главы духовной сферы министра А. Н. Голицына. Но император этим жалобам не внял. Вслед за своим наставником епископом Иннокентием (Смирновым) в 1820 г. архимандрит Фотий был выслан из Санкт-Петербурга.

В 1821 г. духовной дочерью архимандрита Фотия стала графиня А. А. Орлова-Чесменская. Её поддержка позволила отцу Фотию вернуться к политической деятельности. В 1822 г. архимандрит Фотий получил аудиенцию у императора. Александр I переложил на уже известного в обществе архимандрита Фотия ответственность за указ о закрытии мasonicких лож и тайных обществ. В 1824 г. русская православная оппозиция повела новое наступление. Митрополит Серафим и архимандрит Фотий подали Александру I жалобы, в которых критиковалось издание вредных книг. При поддержке А. А. Аракчеева и А. С. Шишкова им удалось добиться отстранения от власти А. Н. Голицына и расформирования его министерства. При Николае I оппозиция распалась, но архимандрит Фотий продолжал действовать в одиночку. Его активность не нравилась духовным и светским властям. Юрьев монастырь был взят под надзор. В последние годы жизни отец Фотий отошёл от политической деятельности и занимался только монастырем. Его поведение граничило с юродством и вызывало постоянные нарекания митрополита Серафима и vicарных епископов¹. Многие дореволюционные и современные исследователи положительно оценивали политическую деятельность отца Фотия.

Архимандрит Фотий оставил большое рукописное наследие. Самым важным его произведением является автобиография. Наряду с воспоминаниями адмирала А. С. Шишкова автобиография отца Фотия содержит описание борьбы русской православной оппозиции против духовно-религиозной политики Александра I. Третья книга автобиографии основана на важных документах, иллюстрирующих внутриполитическую борьбу, иногда они даются в полном объеме. Библиотека Юрьева монастыря содержала большое количество документов и книг. В 1856 г. архимандрит Макарий сделал подробную опись этой библиотеки. Он указывал, что всего, согласно описи, там находилось 1146 книг. Из них 243 оставил после себя отец Фотий, 137 перешли по завещанию А. А. Орловой-Чесменской и 298 оставил С. А. Ширинский-Шихматов, в 1828 г. поселившийся в монастыре. Архимандрит Макарий перечислял некоторые книги и документы отца Фотия: 1) Листок с последними словами архимандрита Фотия; 2) «Житие блаженного Иннокентия епископа Пензенского и Саратовского»; 3) «Огласительное богословие»; 4) «Книга святых всех, како их святые иконы и св. образа иконописцам и живописцам подобает писать»; 5) Сочинения священно-архимандрита Фотия в 24 книгах и тетрадях. По словам архимандрита Макария: «В них заключены поучительные слова, письма к графине А. А. Орловой-Чесменской,

русь еретики еретики?

Архимандрит Фотий (Спасский)

¹ Кондаков Ю. Е. Архимандрит Фотий (1792–1838) и его время. СПб., 2000.

Князь Александр Николаевич Голицын

послания к ней и другим лицам, и разные благочестивые повествования, в коих является дух архимандрита, ревновавшего о вере православной»².

К сожалению, архимандрит Макарий не сделал росписи «Сочинений священно-архимандрита Фотия в 24 книгах и тетрадях». Это привело к ошибке, продолжавшейся до начала XXI в. Проблема состоит в том, что после отца Фотия осталось несколько вариантов его автобиографии и большая коллекция документов, на основании которых она писалась. Документы сопровождалась собственноручными комментариями отца Фотия, некоторые из которых были включены в автобиографию. До сегодняшнего дня исследователи путали комментарии документов с текстом автобиографии. Сегодня удалось обнаружить коллекцию документов отца Фотия и разобраться, как она соотносится с автобиографией архимандрита.

Архимандрит Фотий не был самым просвещенным из членов русской православной оппозиции, но именно он сохранил документальное наследие этого движения.

Осознавая важность своей миссии по защите Церкви и государства, отец Фотий начал собирать документы, иллюстрирующие эту деятельность. Надо полагать, что дело не обошлось без помощи чиновников и литераторов, участников русской православной оппозиции. Архимандрит Фотий копировал свои послания Александру I и документы, которые передавал царю. К коллекции прибавлялись материалы, полученные от А. С. Шишкова и М. Л. Магницкого. Существенно дополнить собрание мог С. А. Ширинский-Шихматов, с 1828 по 1834 гг. живший в Юрьевом монастыре. Последние документы коллекции относились к 1832 г. Всего было собрано свыше 400 листов материала. Архимандрит Фотий снабдил документы своими комментариями. Документы использовались при составлении автобиографии отца Фотия, некоторые из них целиком вошли в последнюю, третью, книгу автобиографии, посвященную 1824–1825 гг.

Большинство своих произведений архимандрит Фотий копировал и рассылал своим последователям. Также он поступил и с коллекцией документов. Сегодня имеются сведения о двух полных собраниях (немного отличающихся по составу) и ещё двух отдельных томах. Первоначально коллекция хранилась, как набор документов, но в разное время была сброшюрована в книги. Получатели документов отца Фотия сшивали их в различном порядке, поэтому состав книг был различен. В разное время описание документов коллекции попадало в печать, публиковались её фрагменты. Иногда авторы публикаций принимали этот материал за автобиографию отца Фотия.

Со второй половины XIX в. публикации автобиографии архимандрита Фотия и её отрывков чередовались с публикациями документов. Основой первых публикаций в 1868 г. стала копия автобиографии, хранившаяся в Троице-Сергиевой Лавре³. В том же году вышла статья О. М. Бодянского «Из записок Фотия архимандрита новгородского Юрьева монастыря». В предисловии автор указывал, что после отца Фотия в Юрьевском монастыре остались четыре книги записок «Историческое повествование о делах Церкви Христовой и Веры Православной, Архимандрита Фотия.

² Макарий (Миролюбов), архим. Описание Новгородского Юрьева монастыря. СПб., 1862. С. 71.

³ Сушков Н. В. О записках Юрьева архимандрита Фотия // Чтения в обществе истории и древностей российских. 1869. Кн. 3. С. 196.

1824» и рукопись «Тайна». Из них Бодянский предлагал выписки. Как из количества книг (четыре), так и из содержания самой статьи очевидно, что Бодянский цитировал не автобиографию архимандрита Фотия, а его комментарии к сборнику документов и книге «Тайна» (также сборник документов за 1824–1825 гг.)⁴. В 1869 г. в «Русском архиве» была помещена статья «Из записок Фотия 1822 год». Автор указывал, что отрывок из автобиографии он получил от лица, принадлежавшего к духовному ведомству⁵. В 1873 г. П. И. Мельников напечатал в «Русском архиве» отрывок «Из записок Юрьевского архимандрита Фотия о скопцах, хлыстах и других тайных сектах в Петербурге в 1819 году». И это снова был отрывок из автобиографии. В 1878 г. С. И. Миропольский использовал в своем исследовании «Фотий Спасский Юрьевский архимандрит» документы отца Фотия. Среди них была автобиография отца Фотия в трех книгах и «Собрание актов революционных и других бумаг в копиях, которые были в действии против еретиков и отступников во время действия архимандрита Фотия за церковь православную в 1822, 1824, 1825 и 1826 годах и прочие времена в двух книгах». Миропольский кратко пересказывал автобиографию архимандрита Фотия и цитировал некоторые документы «Собрания».

Графиня А. А. Орлова-Чесменская

С 1894 по 1896 гг. полный текст автобиографии архимандрита Фотия был помещен В. И. Жмакиным в «Русской старине». Описание двухтомного сборника документов архимандрита Фотия было опубликовано в 1880 г. М. И. Лилеевым. В отдельном издании Лилеев описывал книги, хранящиеся в библиотеке Черниговской семинарии, куда входили и документы отца Фотия. Их обзор давался и в отдельной журнальной публикации. В нее вошло описание «Сказания о житии Иннокентия епископа Пензенского и Саратовского», «Огласительного богословия», автобиографии архимандрита Фотия и двухтомного сборника документов, ставших ее основой. Лилеев давал перечень документов, упоминая, что они снабжены комментариями архимандрита Фотия⁶. В 2013 г. В. В. Улыбин прибавил часть комментариев архимандрита Фотия к документам 1826–1832 гг. к переизданию автобиографии⁷.

Сведения об обстоятельствах написания архимандритом Фотием своей автобиографии содержатся в его письмах отцу Иоакиму и отцу Иакову (последнего архимандрит Фотий называл «историографом»). Можно предположить, что это выпускники Санкт-Петербургской духовной академии, историки Церкви протоиерей Иоаким Семенович Кочетов (1789–1854) и архиепископ Иаков (1792–1850, в миру — Иосиф Иванович Вечерков). Кроме переписки дальнейших следов их сотрудничества с отцом Фотием не обнаружено. От отца Иакова архимандрит Фотий мог получить сведения о российских сектах и раскольниках, содержащиеся в его сборниках документов. Церковным ученым было небезопасно поддерживать отношения с отцом Фотием,

⁴ Бодянский О. М. Из записок Фотия архимандрита новгородского Юрьева монастыря // Чтения в обществе истории и древностей российских. 1868. Кн. 1. С. 250–273.

⁵ Из записок Фотия 1822 год // Русский архив. 1960. Т. 1. С. 929–944.

⁶ Лилеев М. И. Подробное описание рукописных сочинений юрьевского архимандрита Фотия, хранящихся в Черниговской Семинарской библиотеке // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских. 1880. Кн. 1. С. 3–12.

⁷ Автобиография архимандрита Фотия (Спасского). СПб., 2013. С. 325–372.

Епископ Иаков (Вечерков)

неоднократно в 30-х годах оказывающимся в центре скандалов. Не удивительно, что их общение было сведено к минимуму, а возможно, носило и односторонней характер.

7 октября 1830 г. архимандрит Фотий писал отцу Иакову о своих литературных трудах. Он сообщал, что занимается сортировкой писем А. А. Орловой-Чесменской, раскладывая их по годам. Архимандрит Фотий писал, что в его распоряжении находится ряд исторических материалов: книга с описанием жизни епископа Пензенского и Саратовского Иннокентия, 11-я книга с письмами митрополита Серафима и секретными предствлениями императору, 13-я книга писем графа А. А. Аракчеева, 14-я книга писем митрополитов Московского Филарета и Киевского Евгения, 15-я книга с разбором еретических книг, изданных после 1817 г. Отец Фотий упоминал о каком-то «описании собственноручном», которое сейчас находится в руках митрополита Серафима, А. Н. Голицына и А. А. Аракчеева,

с которого он не успел «ни подлинников возвратить, ни копий сделать». Действительно, упомянутые сборники были в распоряжении отца Фотия⁸. «Описание собственноручное» может быть сборником документов «Тайна», сохранившимся в нескольких списках.

Архимандрит Фотий интриговал своего корреспондента тем, что много мог бы рассказать, но ему запретил Александр I. Он еще раз упоминал «описание собственноручное», где «в составе всех частей все то описано: что я видел, слышал, делал или подлинники или копии читал»⁹. Архимандрит Фотий предлагал отцу Иакову план сотрудничества. Он предполагал писать записки каждый день и отсылать их отцу Иакову для редактирования. Архимандрит Фотий хотел, чтобы отец Иаков присылал ему вопросы, ответы на которые и составили бы автобиографию с 1817 г. Отец Фотий считал важным начать именно с этого года, так как с этого момента «он начал подвизаться за дело веры», против книг, издаваемых в светских типографиях, катехизиса, тайных обществ, Библейского общества. Архимандрит Фотий просил отца Иакова отдавать его письма в переписку и копии отсылать назад для правки. Будущие сотрудники, не доверяя почте, планировали связываться через «верного человека». Отец Фотий указывал, что считает нужным описать с 1817 по 1830 гг. и далее¹⁰. В том же фонде сохранилась книга писем архимандрита Фотия, являющаяся первым по времени обнаруженным вариантом его автобиографии. Вероятно, письма отсылались отцу Иакову, а потом были возвращены обратно, но без правки.

11 ноября 1830 г. архимандрит Фотий отправил секретное послание к протоиерею Иоакиму. Он писал: «Давно я побуждаем был написать повествование о неких вещах, собывшихся в лета мои и в очах моих, или мало или вовсе неизвестных... Многие дела самые важные касающиеся особенно до Святой Православной Церкви и до Отечества по части веры и благочестия были: поскольку важны сами по себе, сколько малоизвестны по тайной связи действия в тайных и немногих лицах избранных одних Божьих». Таким образом, отец Фотий определял себя в число избранных и считал

⁸ Книги и послания Фотия, перечень сочинений // РГБ ОР. Ф. 219. Кар. 1. Д. 4. Л. 1–2.

⁹ Письма Фотия к протоиерею Иакову // Письма к различным лицам // РГБ. ОР. Ф. 219. Кар. 129. Д. 3. Л. 199–200.

¹⁰ Там же. Л. 205.

своим долгом сохранить память о тайных событиях и борьбе в защиту Церкви. Архимандрит Фотий сообщал, что он давно желал написать автобиографию, но был не учен и решил «унести все это в гроб», но, в конце концов, он оказался «умолен от рода неких избранных Божьих немногих»¹¹, в том числе и протоиерея Иоакима, часто просившего описать события 1824 г.¹²

Написание автобиографии, по примеру древних житий, архимандрит Фотий обладал таинственностью. Он сообщал отцу Иоакиму, что сегодня ему в церкви было откровение и он решил писать, как в свое время преподобный Феодор Студит, «во славу умяляющегося монашества». Из письма видно, что планы отца Фотия расширились, в октябре он хотел начать писать с 1817 г., теперь: «братья святой обители молят писать с начала и до конца все мне известное с юности». «Доколе проживу, дотеле напишу по силе и возможности», — заканчивал свое послание отец Фотий¹³.

Первая запись автобиографии архимандрита Фотия датируется 18 ноября 1830 г. В этот день были написаны начальные два листа. Впоследствии, под пером переписчика, эти страницы автобиографии превратились в «Повесть о рождении»¹⁴. В первой редакции дата рождения Фотия давалась так: «От сотворения твари и первозданного Адама при обращении индиктиона 14, лета 7300, а от воплощения Бога Слова, индикта 10, вокруг солнца 20, а луны 14, июня в погосте Св. Петра на первой неделе в пяток в благополучное царствование Екатерины II». Как и было условлено с отцом Иаковом, последующая автобиография писалась в виде писем, некоторые из которых объединялись и переписывались как отдельные главы. Следующая часть, оконченная 7 декабря 1830 г., в отредактированном варианте получила название «Повесть Фотия духовной дочери девице Анне, како был его восход... с начала до конца»¹⁵. Описание обрывалось на отъезде отца Фотия из Новгорода в Санкт-Петербургскую духовную академию.

Архимандрит Фотий работал над своей автобиографией с 18 ноября 1830 г. по 12 марта 1833 г. (при этом 1831 г. и большую часть 1832 г. был перерыв в трудах). Всего было написано 61 письмо. До какого времени продолжалось сотрудничество с протоиереем Иаковом, неизвестно (возможно, письма и вообще не отсылались). Никаких следов его участия в работе не сохранилось. До 12 декабря 1830 г. отец Фотий писал письма каждый день и довел повествование до 1817 г. С 20 января 1831 года по 31 января 1831 г. отец Фотий написал семь писем и закончил главу автобиографии, окончившуюся его высылкой из Санкт-Петербурга в 1820 г. С февраля 1831 г. по 29 сентября 1832 г. архимандрит Фотий автобиографией не занимался. Его отвлекли события, связанные с исцелением бесноватых, породившие альтернативные варианты биографии: «Плачевная повесть о искушении во все дни живота»¹⁶ и «Брань или искушение во все дни»¹⁷.

С октября по ноябрь 1832 г. архимандрит Фотий написал 33 письма, доведя повествование до лета 1824 г. Он закончил труд в марте 1833 г, когда были дописаны последние четыре письма. Таким образом, на написание автобиографии архимандрит Фотий потратил немногим более двух месяцев (всего 61 письмо). Большая их часть была написана в ноябре-январе 1830–1831 г. и октябре-ноябре 1832 г. Письма были сведены в книгу с железными застежками из 338 листов под названием «Повесть архимандрита Фотия его духовной дочери графине А. А. Орловой-Чесменской»¹⁸. Письма писались быстрым неразборчивым почерком, на полях архимандрит Фотий делал пометки, вошедшие при публикации в «Русской старине» в описание глав.

¹¹ Письмо Фотия к протоиерею Иоакиму // Письма к различным лицам // РГБ. ОР. Ф. 758. Кар. 4. Д. 39. Л. 69.

¹² Там же. Л. 70.

¹³ Там же. Л. 73.

¹⁴ Повесть о рождении // РГБ. ОР. Ф. 219. Кар. 102. Д. 29.

¹⁵ Повесть Фотия духовной дочери девице Анне // РГБ. ОР. Ф. 758. Кар. 1. Д. 1.

¹⁶ Плачевная повесть // РГАДА. Ф. 1208. Оп. 3. Д. 102.

¹⁷ Брань или искушение во все дни // РГАДА. Ф. 1208. Оп. 3. Д. 105.

¹⁸ Повесть архимандрита Фотия его духовной дочери // РГБ ОР. Ф. 219. Кар. 103. Д. 1.

Архиепископ Иннокентий (Борисов)

Самое удивительное, что этот наспех написанный труд практически не подвергся последующей редакторской правке. Возможно, основанием писем была уже составленная автобиография, в литературном оформлении которой принял участие С. А. Ширинский-Шихматов. Подобное мистифицирование, предание чудесного ореола простым вещам было в стиле отца Фотия. Сохранились рассказы о его подготовленных предсказаниях, дарении денег, спрятанных в пирожок и т. д.

В фонде 219 Отдела рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ) хранится два экземпляра трех книг автобиографии архимандрита Фотия. Первый экземпляр он редактировал в 1834 г. Начал архимандрит Фотий с третьего, наиболее важного, тома (1824 г.), который был отредактирован 28 марта 1834 г., первый том — 9 июля 1834 г. После редактирования переписчик вносил изменения, переписывая

том на белом. Правка отца Фотия не носила принципиального характера. Фактически текст 1830–1833 гг. был оставлен без изменений. Лишь в некоторых местах были вставлены предложения и, очень редко, абзацы, не влияющие на общее содержание. К особенностям литературного творчества архимандрита Фотия надо отнести то, что он легко редактировал документы. Он не стеснялся дополнять даже послания царю после их отправки (многократные дополнения можно увидеть при сравнении с оригиналами, сохранившимся в фонде «Его императорского величества канцелярии»). Самым существенным дополнением к первому варианту автобиографии стали три страницы, прибавленные к последнему тому: «Об освещении церкви в Великом Ново-граде во имя Спаса Нерукотворного», «О потопе, бывшем в С.-Петербурге», «О новой секте войска Донского». Хотя впоследствии архимандрит Фотий и написал главы автобиографии, относящиеся к царствованию Николая I, но к основному тексту они не были присоединены. Автобиография, опубликованная в «Русской старине», имела лишь незначительные отличия от автографа 1830–1833 гг.

Очевидно, что лица, окружавшие архимандрита Фотия, придавали его автобиографии сакральный характер и считали недопустимым искажать или дополнять ее содержание. Для себя А. А. Орлова-Чесменская сохранила автограф автобиографии. В конце 30-х годов отец Фотий решил продолжить работу над автобиографией и довести её до 1832 г. Однако закончить эту работу было не суждено.

Попытка продолжить составление автобиографии была связана с архиепископом Херсонским Иннокентием (И. А. Борисов, 1800–1857). Письма архимандрита Фотия к владыке Иннокентию, опубликованные Н. И. Барсовым, относятся к последним годам жизни отца Фотия. При этом первое письмо архимандрита Фотия датируется 1829 г., когда профессор Санкт-Петербургской духовной академии, тогда еще архимандрит Иннокентий был удостоен степени доктора богословия. Их переписка продолжилась после перехода отца Иннокентия в Киевскую духовную академию. В это время отец Фотий посылал владыке Иннокентию книги, видимо, нужные для его научных трудов. Как с единомышленником, архимандрит Фотий обсуждал с отцом Иннокентием реформу монашества в России, к которой относился крайне негативно¹⁹.

¹⁹ Барсов Н. И. Письма архимандрита Новгородского Юрьева монастыря Фотия к Иннокентию Херсонскому // Христианское чтение. 1887. № 11–12. С. 727.

Третье письмо относится к 1836 г., остальные к 1837 г. Похоже, что за год до смерти отец Фотий решил возобновить работу над своей автобиографией, и в этом деле ему мог оказать помощь ученый богослов епископ Иннокентий. Именно в его коллекции сохранились две книги документов, присланные архимандритом Фотием и снабженные его комментариями. Их описание было опубликовано М. И. Лилеевым в 1880 г.²⁰

В письме от 7 января 1837 г. архимандрит Фотий условился с владыкой Иннокентием о том, что будет писать ему дважды в неделю. Епископ Иннокентий должен был сшивать письма архимандрита Фотия и раз в месяц или год возвращать их ему²¹. Отец Фотий предлагал владыке Иннокентию задавать вопросы о прошедших событиях, и он будет на них письменно отвечать²². Приблизительно на тех же условиях в 1830 г. отец Фотий планировал высылать свою автобиографию протоиерею Иакову. К сожалению, написать продолжение автобиографии архимандрит Фотий не успел, остались лишь его комментарии к документам 1824–1832 гг. О материалах, присылаемых владыке Иннокентию, отец Фотий просил никому не говорить и не в коем случае не публиковать с именем автора. Архимандрит Фотий выполнил свое обещание анонимности, поскольку при его жизни не было опубликовано не одного произведения, помеченного его именем. Отец Фотий обещал прислать владыке Иннокентию «книгу посланий первых неких». Это мог быть сборник документов 1824 г. «Тайна». Кроме того, отец Фотий отослал на отзыв две свои книги. Архимандрит Фотий сообщал, что за 12 лет собрал 12 книг «собственноручных на хранение данных», но в 1832 г. их сжег. Эти книги содержали множество посланий за 1820–1831 гг., «много было в них о делах православия и происшествия провозглашенного в те времена отступления от веры и духовного министерства». При этом, что-то сохранилось и собрано в копиях, находится у отца Фотия и А. А. Орловой-Чесменской. Архимандрит Фотий обещал владыке Иннокентию присылать письма под номерами²³. В действительности сохранился список из 16-ти книг отца Фотия, некоторые из которых уцелели от сожжения. В сборнике документов отца Фотия за 1824–1832 гг. многие из них помечены номерами (часто эти номера совпадают с оглавлением двух книг документов отца Фотия, приведенных М. И. Лилеевым). Вероятно, они пересылались владыке Иннокентию с соответствующими комментариями архимандрита Фотия. Из них владыка Иннокентий составил две книги, сохранившиеся в библиотеке Черниговской семинарии. В одном из следующих писем архимандрит Фотий упоминал «Записки на книгу Бытия»²⁴ (находится в первом томе сборника М. И. Лилеева, страница 76–89).

В седьмом письме от 10 февраля 1837 г. архимандрит Фотий опять возвращался к их договоренностям с владыкой Иннокентием. «Ты просишь старых крошек упавших от трапезы у меня, но не стоит крохами угощать тебя Златоуста нашего», — писал отец Фотий. Он посылал владыке Иннокентию свое «Огласительное богословие» «мало, просто, чисто» и обещал скоро прислать «Послания на пользу души» (избранные письма к А. А. Орловой-Чесменской). Кроме того, архимандрит Фотий упоминал и другой свой труд: «Похвала Пресвятой Богородицы» в 200 листов с описанием 120 чудес²⁵. 27 февраля 1837 г. отец Фотий писал, что «Послания» 1820–1823 гг. отданы в переплет, а «Похвала» уже написана и переплетена²⁶. Последнее датированное письмо относится к 26 января 1838 г. Архимандрит Фотий сообщает, что так слаб, что хорошо не может заточить пера²⁷. Через месяц отец Фотий скончался.

²⁰ Лилеев М. И. Подробное описание рукописных сочинений юрьевского архимандрита Фотия, хранящихся в Черниговской Семинарской библиотеке... С. 1–18.

²¹ Барсов Н. И. Письма архимандрита Новгородского Юрьева монастыря Фотия к Иннокентию Херсонскому... С. 732.

²² Там же. С. 733.

²³ Там же. С. 734.

²⁴ Там же. С. 736.

²⁵ Там же. С. 741.

²⁶ Там же. С. 752.

²⁷ Там же. С. 755.

Архимандрит Фотий писал архиепископу Иннокентию о том, что в 1832 г. сжег свои сочинения. Тогда могла быть уничтожена часть переписки отца Фотия и первый вариант его автобиографии. При этом много документов отца Фотия сохранилось у других лиц, в том числе у А. А. Орловой-Чесменской. Собранию документов, также как и нескольким спискам автобиографии архимандрита Фотия, посчастливилось уцелеть. Двухтомный сборник, описанный М. И. Лилеевым в 1880 г., сохранился. Из библиотеки Черниговской семинарии он был передан в Музей революции, а оттуда — в Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ныне он хранится в фонде Юрьева монастыря (Ф. 1208. Оп. 3. Д. 95, 96). Собрание документов архимандрита Фотия из четырех томов вместе с частью библиотеки Юрьева монастыря осело в архиве Св. Синода (РГИА. Ф. 834. Рукописи Св. Синода), где и хранится до сих пор. Судя по росписям исследователей, документы архимандрита Фотия привлекали внимание с 1977 г. Первый том просматривали девять человек, при этом до четвертой части дошли только четверо, и это было впервые сделано только в 1991 г. Публикаций, посвященных этому собранию, обнаружить не удалось.

Неизвестно, когда и кем, но замысел архимандрита Фотия продолжить свою автобиографию был воплощен. Среди документов Санкт-Петербургского митрополита Палладия (1827–1898) сохранилась «Автобиография архимандрита Фотия. 1826–1832 годы»²⁸. Это хорошо оформленная писарская копия. Туда вошли комментарии и записки отца Фотия, хранящиеся в четвертом томе «Сборника документов по делам церкви, религии и государства архимандрита Фотия, бывшего настоятеля Новгородского Юрьева монастыря» (РГИА), кроме первых 11 страниц. В полном объеме (58 листов) это продолжение автобиографии архимандрита Фотия было опубликовано В. В. Улыбиным в 2013 г. в качестве приложения к основному тексту «Автобиографии архимандрита Фотия»²⁹.

Ещё одна копия части документов Фотия хранится в РГАДА. Это «Книга 4. Историческое повествование о делах церкви православной и веры 1824 лето». До сих пор в литературе эта копия документов не упоминалась. В состав сборника входят документы:

С. 1–6. О новой секте в Донском войске возникшей для содействия реформации и революции 1824 год.

С. 6–15. Выписки из книги «Острый серп».

С. 16. Отречение есаула Е. Н. Котельникова.

С. 17–19. О блаженном Иннокентии исповеднике веры православной.

С. 20–23. Дело о реабилитации книги «Беседы на гробе младенца».

С. 24. О Российском библейском обществе, вредности его и уничтожении.

С. 30–46. Доклады о Библейском обществе митрополита Серафима и А. С. Шишкова.

С. 47. О секте духоносцев.

С. 48–65. О переводе Св. Писания на русский язык.

С. 74–80. Выписка из окружного послания Папы Льва XII.

С. 81–96. Разбор некоторых мест перевода Евангелия на русское наречие.

С. 97–108. О Катехизисе Филарета.

С. 109–120. Переписка митрополита Серафима, А. С. Шишкова и Филарета по поводу Катехизиса.

С. 120–140. Отрывки из «Записок на книгу Бытия».

С. 140. Краткое примечание ан книгу «Разговор между испытывающим и уверенным о православии»³⁰.

Два комплекта документов архимандрита Фотия (четырёхтомный в РГИА и двухтомный в РГАДА) имеют некоторые несовпадения. Например, в сборнике РГИА отсутствуют: «О так называемом новом Божиим киоте мистическом Боровиковского (Лилеев. Т. 2. Л. 113), «Две скопческие духовные песни» (Лилеев. Т. 2. Л. 245),

²⁸ 1826–1832. Автобиография архимандрита Фотия // Архив СПбИИ РАН. Ф. 154. Оп. 1. Д. 45.

²⁹ Автобиографии архимандрита Фотия (Спасского). СПб., 2013. С. 327–372.

³⁰ Опись рукописей библиотеки Юрьева монастыря // РГАДА. Ф. 1208. Оп. 3. Д. 116.

«Нравственный катехизис для истинных скопцов» (Лилеев. Т. 2. Л. 247). В собрании РГАДА недостает заключительных документов из четвертого тома собрания РГИА (относящихся к полемике вокруг нового закона о монашестве) и ограничениях информации недостаточно. Оба комплекта документов снабжены собственноручными комментариями отца Фотия. В томах РГАДА — 469 страниц, в сборниках РГИА — 438 страниц.

Неизвестен принцип, по которому архимандритом Фотием подбирались документы в томах собрания. При этом можно проследить некоторые особенности каждого тома. В первом томе были собраны материалы, относящиеся к обвинению и реабилитации епископа Пензенского и Саратовского Иннокентия (Смирнова), борьбе русской православной оппозиции против Библейского общества и сочинениям архиепископа Филарета (Дроздова). Во второй том вошли документы, связанные с борьбой против «вредных» книг и по «Делу Госснера». В третий том вошли материалы, направленные против сект. Четвертый том был связан непосредственно с деятельностью архимандрита Фотия в 1825–1832 гг. Он содержал большое количество собственноручных комментариев и записок отца Фотия. В то время, как первые три тома частично использовались для написания его автобиографии, четвертый том можно рассматривать как её продолжение.

В публикации М. И. Лилеева двухтомное собрание документов архимандрита Фотия озаглавлено следующим образом: «Собрание актов революционных и других бумаг в копиях, которые были в действии против еретиков и отступников во время действия архимандрита Фотия за церковь православную в 1822, 1824, 1825 и 1826 годах и прочие времена. Оные бумаги заключают в себе или ереси или нечестия, или опровержения, и были представляемы при особых посланиях и представлениях на Высочайшее усмотрение». Четырехтомное собрание в РГИА (Ф. 834. Оп. 4. Д. 1220, 1221, 1222, 1223) в описи называется так: «Сборник документов по делам церкви, религии и государства архимандрита Фотия, бывшего настоятеля Новгородского Юрьева монастыря» (Ч. 1. 1824–1831 (92 л.). Ч. 2. 1825 (116 л.). Ч. 3. 1824–1825 (149 л.). Ч. 4. 1825–1832 (81 л.). В самих сборниках документов названий томов нет. На обложке первого тома заглавие: «Сбор разных актов и бумаг к делам церкви и веры и государства относящихся, в годину стояния за православие о. Архимандрита Фотия в 1824, 25, 26, 27, 28, 29, 30 и 31 годах». Судя по типу и цвету картона, обложка к сборникам документов сделана уже в РГИА.

Часть 1.

С. 1. О Блаженном Иннокентии исповеднике веры православной и книги его. Записка Фотия.

С. 2. Указ 24 февраля 1819 года об осуждении книги «Беседа на гробе младенца».

С. 3. Комментарий Фотия.

С. 4. Письмо А. С. Шишкова к Александру I о книге «Беседа на гробе младенца», август 1824 года.

С. 5. Отзыв митрополита Серафима и двух цензоров о книге «Беседа на гробе младенца».

С. 6. Указ министру народного просвещения о запрещении книг на духовные темы не прошедших духовной цензуры, 17 ноября 1824 года.

С. 7. Комментарий Фотия.

С. 8–9. О Библейском российском обществе и о вредностях его, и о уничтожении.

С. 10–11. Доклад митрополита Серафима Александру I о духоносцах, 11 декабря 1824 года.

С. 10. Комментарий Фотия.

С. 12–13. Письмо митрополита Серафима к Александру I о Библейском обществе.

С. 13. Комментарий Фотия.

С. 14. 1824 лето. О Библейском обществе. Записка Фотия.

С. 15–29. Краткое историческое обозрение цели, хода и последствий учреждения Библейского общества в России (дается по годам).

- С. 30–31. Комментарий Фотия.
- С. 32–44. Записка А. С. Шишкова о переводе Св. Писания.
- С. 43. Письмо А. С. Шишкова к А. А. Аракчееву о необходимости приостановки работы Библейского общества.
- С. 45. Выписка из французской книги, изданной в Париже названной «Желания на 1825 год».
- С. 46. Записка Фотия о Библейском обществе.
- С. 47. Комментарий Фотия.
- С. 48. Выписка из Английских ведомостей Библейского общества, 1817 год (на английском языке).
- С. 49. Комментарий Фотия.
- С. 50. Копия отношения к министру о нежелательности въезда в Россию группы колонистов, которые ожидают Апокалипсиса и хотят восстановить храм в Иерусалиме.
- С. 51. Комментарий Фотия о сектах.
- С. 52–55. Выписка из окружного послания папы Льва XII о Библейских обществах, 3 мая 24 года (с параллельным переводом).
- С. 56. Записка Фотия о переводе Священных Писаний на простонародный язык.
- С. 57. 1824 лето. Записка Фотия о Катехизисе Филарета и прочих его сочинениях.
- С. 58–61. О Кратком катехизисе Православной Кафолической Восточной Греко-Российской Церкви.
- С. 62–67. Братские примечания на книгу «Христианский катехизис».
- С. 68. Отношение А. С. Шишкова к митрополиту Серафиму, 21 ноября 1824 года.
- С. 68–70. Письмо архиепископа Филарета (Дроздова) к митрополиту Серафиму.
- С. 70. Второе письмо архиепископа Филарета (Дроздова) к митрополиту Серафиму, 13 декабря 1824 года.
- С. 71–72. Письмо митрополита Серафим к архиепископу Филарету (Дроздову) о Катехизисе.
- С. 73. Комментарий Фотия.
- С. 74. Стихи на французском языке.
- С. 75. Стих на русском языке о гуляющей мысли.
- С. 76–89. Отрывки из записок на «Книгу Бытия» с присовокуплением замечаний, показывающий дух автора сих записей.
- С. 90–93. Краткие примечания на книгу «Разговор между испытуемым и уверенным о православии Восточной греко-российской церкви»³¹.

Часть 2.

- С. 2. Лето 1825. О книгах разных сочинениях против веры Православной, Церкви и Веры и отечественному благоденствию весьма вредных. Записка Фотия.
- С. 3. Указ Св. Синоду Екатерины II 27 июня 1787 года, о продаже книг до веры относящихся.
- С. 4. Выписка из указа 1802 года о духовной цензуре.
- С. 5–8. Список книг противных Святой Православной Вере Христовой и Правительству, изданных или вторично или вновь с 1817 по 1824 год на российском языке, противу всех законов, прав и постановлений.
- С. 9–10. Отношение А. С. Шишкова к митрополиту Серафиму о вредных книгах.
- С. 11–16. Реестр книгам, приложенным при отношении (10 книг).
- С. 17. Комментарий Фотия о действиях митрополита Серафима по вредным книгам.
- С. 18. Указ Александра I Св. Синоду 1825 года с приказом рассмотреть книги, вышедшие без одобрения духовной цензуры.
- С. 19–36. Рассмотрение книги под названием «Воззвание к человекам о последованиях внутренним учению духа Христова».

³¹ РГИА. Ф. 834. Оп 4. Д. 1220.

- С. 37. Комментарий Фотия о «Деле Госснера».
- С. 38. Указ Александра I князю А. Н. Голицыну 25 апреля 1824 года.
- С. 39–50. О рассмотрении книги учение Госснерова (отзыв А. С. Шишкова).
- С. 51–65. Мнения сенаторов о книге толкования Госснера еретика, безбожника на «Евангелие от Матфея».
- С. 65. Комментарий Фотия.
- С. 66–89. Печатная записка из дела о бывшем директоре департамента народного просвещения Попове.
- С. 90–116. Рукописное продолжение дела Попова³².

Часть 3.

- С. 2. Записка Фотия о книгах и сочинениях Гион.
- С. 3–4. Ответ Босюэта к г. Ментенон (перевод с французского) Шалон 6 июля 1694 года. О книгах Гион.
- С. 5. Записка о книгах г-ж Гион.
- С. 6–13. О квиетизме и учении опаснейшем, излагаемом Гион из жизни Босюэта.
- С. 14–15. Замечания митрополита Серафима на сочинения Гион 8 мая 1824 года.
- С. 16. Записка Фотия о Фесслере пасторе ... расстриге и карбонарии зловредном.
- С. 17. Иллюминатство есть зловреднейшая и пагубнейшая секта...
- С. 18–22. Отрывок из записки профессора Фесслера о греческой философии у римлян и ее перехождении в философию христианскую.
- С. 22–23. Комментарий Фотия.
- С. 23–35. Замечания на конспект наук философских Фесслера (епископа Феофилакта).
- С. 36–37. Записка Фотия. Секта лжепророков или Татариневой.
- С. 38–39. Отречение Козьмы Семенова от секты лжепророков под ведением Татариневой состоящей.
- С. 39–40. Комментарий Фотия.
- С. 41. Записка Фотия о масонах совершенных антихристах.
- С. 42–43. Обзорение от кого особенно, каким образом, когда и через кого возникло общество в России богоборное.
- С. 44. Записка Фотия об английских миссионерах и методистах, посланцах сатаны.
- С. 45–57. Перечень из истории Английских и Американских методистов называющих себя иллюминатами 1814 год, ч. 1.
- С. 57. Записка Фотия о методистах.
- С. 58. Документ на французском, выписка из журнала 18 июня 1825 года.
- С. 59. Выписка из того же журнала.
- С. 60–61. Об обществе или секте карбонариев.
- С. 62–63. Примечания на книгу «Обзорение женеvских богословских прений» профессора Шеневерия.
- С. 64. Статья из журнала «Пустынный в России», т. 2. Париж 1829 год. О религии.
- С. 65–69. Лето 1824. О некоей секте в донском войске возникшей для содействия реформации и революции.
- С. 70–77. Из книги «Начатки с Богом острого серпа в Золотом Венце» с записками, некоторых мест так как в подлиннике написаны, с включением же некоторых слов для пояснения 10 декабря 1824 года.
- С. 77. Комментарий Фотия.
- С. 78. Отречение от секты Е. Н. Котельникова 19 декабря 1824 года.
- С. 79. Повеление Александра I по делу Котельникова.
- С. 80. Записка Фотия о секте духоносцев и особенно еретическом есауле Е. Н. Котельникове.
- С. 81–91. Письма Котельникова к Фотию 1825 года.

³² РГИА. Ф. 834. Оп 4. Д. 1221.

- С. 91. Комментарий Фотия.
- С. 92–93. Письмо Фотия к А. А. Аракчееву 10 марта 1825 года о Е. Н. Котельникове.
- С. 94–95. Письмо митрополита Серафима к А. А. Аракчееву 4 мая 1825 года.
- С. 96. Комментарий Фотия о Котельникове.
- С. 97–120. Объяснения Котельникова настоятелю Соловецкого монастыря Досифею.
- С. 121–22 Нечто о гернгутерах из напечатанной в 1815 году книги «Победная повесть».
- С. 123. Комментарий Фотия об Антихристах.
- С. 124–127. Ближайший перевод мест из «Real Encyclopedie» на которые ссылается Г. М.
- С. 128. Комментарий Фотия о банкирах.
- С. 129–136. Записка архимандрита Фотия против мнения фактора и его денежной операции, по секрету.
- С. 135. Предоставляемые выгоды и удобства (статьи на французском и на русском языках).
- С. 137. Записка Фотия о расколах.
- С. 138–141. Краткое обозрение существующих в российском государстве различных раскольничьих ересей, 1824 г.
- С. 142. О расколах о пропаганде методистов в России, 12 июня 1824 г.
- С. 145–148. Статья из французского журнала о секте духоборов, 14 марта 1817 г.
- С. 149. Комментарий Фотия³³.

Часть 4.

- С. 2. Записка Фотия о благоволении императора Александра I к исправлению дел по православию и ко благу Св. Церкви и государства.
- С. 3–4. Записка Фотия об отъезде в Таганрог и кончине Александра I.
- С. 5. 1825 год. Записка Фотия о восшествии на престол императора Николая I.
- С. 7. Лето 1825. Записка Фотия о награждении св. архимандрита Фотия панагией за православие.
- С. 8–9. Отношение митрополита Серафима к графу А. А. Аракчееву о награждении Фотия панагией, 17 января 1825 года.
- С. 10. Отношение А. А. Аракчеева к митрополиту Серафиму о панагии от Александра I, 31 января 1825 года.
- С. 11. Записка Фотия. Историческое повествование лето 1826. О следственной комиссии над врагами церкви и царства русского, нечестивцами.
- С. 12–22. «Тайна». Письмо Фотия к Николаю I 4 февраля 1826 года (копия).
- С. 23. Комментарий Фотия.
- С. 24. Записка Фотия о погребении тела Александра I. На другой стороне страницы: О войне с Турцией.
- С. 256. Указ о закрытии Библейского общества, 13 апреля 1826 года.
- С. 26–27. Выписка из бумаги обнародованной в мае месяце 1817 года печатанной в типографии Греча. О 30-м годичном собрании Библейского общества в Лондоне.
- С. 28–29. Записка Фотия о совершенном уничтожении Российского библейского общества; о поступках московского митрополита Филарета; о неприятии архиерейства Фотием; об утверждении архимандрита Фотия навсегда в Юрьевом монастыре.
- С. 30. 1827 лето. Записка Фотия: было великое искушение Фотию за православие.
- С. 31. Правительственные правила в Юрьевский монастырь.
- С. 32. Комментарий Фотия 3 мая 1827 года.
- С. 33. Письмо епископа старорусского Моисея к архимандриту Фотию о новых правилах для Юрьевского монастыря, 18 мая 1827 года.
- С. 35–42. Ответ Фотия епископу старорусскому Моисею, 23 мая 1827 года.
- С. 43–44. Записка Фотия о новых правилах.

³³ РГИА. Ф. 834. Оп 4. Д. 1222.

- С. 45–49. О еретической деятельности иеромонаха Лампида.
 С. 50–55. Воззвания иеромонаха Лампида, 26 августа 1830 года.
 С. 56. Комментарий Фотия о Лампиде.
 С. 57. Лето 1828. Комментарий Фотия.
 С. 58. Лето 1829. Комментарий Фотия.
 С. 60. Лето 1830. Записка Фотия о холере в России.
 С. 61. Записка Фотия о новой секте под руководством Лампида.
 С. 62. Записка Фотия о нападении нечестивом на монахов в России.
 С. 63. Лето 1831. Комментарий Фотия.
 С. 64. Письмо митрополита Серафима к Николаю I в защиту монашествующих, 4 января 1831 года.
 С. 65–75. Рассмотрение новых законоположений о монашествующих.
 С. 76–77. Правила о принятии в монастыри.
 С. 78. Записка Фотия о начавшейся в 1829 году болезни.
 С. 79. Комментарий Фотия о составлении комитета по рассмотрению законов о монашествующих. О возмущении в новгородских военных поселениях во время холеры.
 С. 80–81. Указ о монашествующих 28 июня 1832 года (копия в Юрьевский монастырь)³⁴.

Впервые описанная четырехтомная коллекция документов архимандрита Фотия дает богатый материал для изучения его наследия. Не будучи историком, отец Фотий смог оценить всю важность политической борьбы, в которой он принял участие. Кроме своих собственных посланий царю он собирал и копировал документы других участников движения русской православной оппозиции. Этот богатый архивный материал стал основой автобиографии архимандрита Фотия. Такая серьезная документальная база еще раз подтверждает высокую достоверность и научную важность автобиографии.

Как и любые воспоминания, автобиография субъективна. Не всегда представляя всю сложность борьбы, архимандрит Фотий отводил в ней решающее место себе. По этой причине его послания царю вошли в автобиографию в полном объеме. Другим документам повезло меньше — на них строился текст повествования, и часто без ссылки на источники. Только рассмотрев и проанализировав весь массив сохранившихся документов, можно оценить деятельность движения русской православной оппозиции. Кроме Фотия Александру I передавали послания митрополит Серафим, А. С. Шишков, М. Л. Магницкий, А. А. Аракчеев, С. И. Смирнов. Их документы отложились в собрании архимандрита Фотия. Спектр наступления русской православной оппозиции был очень широк. По сути, это была вся духовно-религиозная политика Александра I, проводившаяся через князя А. Н. Голицына. Критике оппозиционеров подвергалось книгоиздание, правительственное покровительство сектам и масонским ломам, деятельность Библейского общества, перевод на русский язык Библии и молитв, традиционно читаемых на церковно-славянском языке. Неудивительно, что Александр I вынужден был реагировать на такую массивную атаку и корректировать религиозный курс. В собрание отца Фотия входят документы, относящиеся и к царствованию Николая I. Все они относятся к деятельности самого архимандрита. Русская православная оппозиция в это время прекращает своё существование, и отец Фотий оказывается изолированным в Юрьевом монастыре.

Любопытно, что два комплекта документов архимандрита Фотия (РГИА и РГАДА) не совпадают по своему составу. Более того, в собраниях отсутствуют многие документы, которые были в распоряжении оппозиционеров. В коллекции Фотия вообще нет книг С. И. Смирнова, большинства материалов из «Дела Госснера», записки М. Л. Магницкого (недавно обнаруженной в РГИА), где он предлагал к запрету список из около 300 книг. В то же время, в коллекции архимандрита Фотия есть аналитическая записка о масонстве, где достаточно реалистично описывается роль последователей

³⁴ РГИА. Ф. 834. Оп 4. Д. 1223.

Н. И. Новикова (розенкрейцеров) в масонском движении. Содержание записки никак не отразилось в автобиографии отца Фотия. Можно предполагать, что виновником такого умолчания является митрополит Серафим, воспитанник «Дружеского ученого общества». Как показывают вновь обнаруженные материалы, именно владыка Серафим остановил издание антимасонских книг С. И. Смирнова. Таким образом, документы отца Фотия позволяют делать выводы о противоречиях и разных интересах участников движения русской православной оппозиции.

Документы коллекции архимандрита Фотия сопровождаются его собственноручными комментариями. Часть из них была прибавлена к автобиографии. Это очень лаконичные, чаще всего короткие записки. Лишь в редких случаях они занимают пару страниц. Комментарии отца Фотия сводятся к краткой аннотации к тексту, к которому они приложены. Никаких выводов или заключений архимандрит Фотий не делает, нового материала не дает. Это совершенно не похоже на первые книги автобиографии, где есть анализ ситуации и выводы. Возможно, отец Фотий делал эти комментарии в последние годы жизни, когда находился в плохой физической и душевной форме. Это также может свидетельствовать об участии других лиц в составлении и литературном редактировании автобиографии архимандрита Фотия.

Источники и литература

Российский государственный исторический архив (РГИА).

1. Сборник документов по делам церкви, религии и государства архимандрита Фотия, бывшего настоятеля Новгородского Юрьева монастыря. Ч. 1. 1824–1831 // РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 1220.
2. Сборник документов по делам церкви, религии и государства архимандрита Фотия, бывшего настоятеля Новгородского Юрьева монастыря. Ч. 2. 1825 // РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 1221.
3. Сборник документов по делам церкви, религии и государства архимандрита Фотия, бывшего настоятеля Новгородского Юрьева монастыря. Ч. 3. 1824–1825 // РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 1222.
4. Сборник документов по делам церкви, религии и государства архимандрита Фотия, бывшего настоятеля Новгородского Юрьева монастыря. Ч. 4. 1825–1832 // РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 1223.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА).

5. Брань или искушение во все дни // РГАДА. Ф. 1208. Оп. 3. Д. 105.
6. Опись рукописей библиотеки Юрьева монастыря // РГАДА. Ф. 1208. Оп. 3. Д. 116.
7. Плачевная повесть // РГАДА. Ф. 1208. Оп. 3. Д. 102.

Российская государственная библиотека (РГБ).

8. Книги и послания Фотия, перечень сочинений // РГБ ОР. Ф. 219. Кар. 1. Д. 4.
9. Письма Фотия к протоиерею Иакову // Письма к различным лицам // РГБ ОР. Ф. 219. Кар. 129. Д. 3.
10. Письмо Фотия к протоиерею Иоакиму // Письма к различным лицам // РГБ ОР. Ф. 758. Кар. 4. Д. 39.
11. Повесть архимандрита Фотия его духовной дочери // РГБ ОР. Ф. 219. Кар. 103. Д. 1.
12. Повесть о рождении // РГБ ОР. Ф. 219. Кар. 102. Д. 29.
13. Повесть Фотия духовной дочери девице Анне // РГБ ОР. Ф. 758. Кар. 1. Д. 1.

14. 1826–1832. Автобиография архимандрита Фотия // Архив СПбИИ РАН. Ф. 154. Оп. 1. Д. 45.
15. Автобиографии архимандрита Фотия (Спасского). СПб.: Аллетейя, 2013.
16. Макарий (Миролюбов), архим. Описание Новгородского Юрьева монастыря. СПб., 1862.
17. Бодянский О.М. Из записок Фотия архимандрита новгородского Юрьева монастыря // Чтения в обществе истории и древностей российских. 1868. Кн. 1. С. 250–273.
18. Из записок Фотия 1822 год // Русский архив. 1960. Т. 1. С. 929–944.
19. Кондаков Ю.Е. Архимандрит Фотий (1792–1838) и его время. СПб.: Нестор, 2000.
20. Лилеев М.И. Подробное описание рукописных сочинений юрьевского архимандрита Фотия, хранящихся в Черниговской Семинарской библиотеке // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских. 1880. Кн. 1. С. 3–18.
21. Барсов Н.И. Письма архимандрита Новгородского Юрьева монастыря Фотия к Иннокентию Херсонскому // Христианское чтение. 1887. № 11–12. С. 722–764.
22. Сушков Н.В. О записках Юрьева архимандрита Фотия // Чтения в обществе истории и древностей российских. 1869. Кн. 3. С. 186–202.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 1 (6)

2021

Священник Антоний Копаев

**Церковная публицистика о проблемах хулиганства
в Российской империи начала XX в.**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_1_140

Аннотация: В статье рассматривается одно из наиболее тревожных явлений общественной жизни Российской империи начала XX в. — распространявшееся с небывалой силой хулиганство, которое не могло не волновать общественность, в том числе и церковную. Авторы различных церковных периодических изданий всячески пытались донести до своих читателей всю опасность этого пагубного явления. Немаловажным было и установление причин проявления хулиганства в русских городах и деревнях. Как представляется, основной причиной распространения подобных явлений стало разрушение многовекового уклада жизни русского человека, русского крестьянина. Далеко не все могли приспособиться к новой жизни в городах. Поэтому, выражаясь языком религиозной публицистики, наиболее слабые духом соблазнялись и шли на преступления. Также, юридически статус «хулиганства» был не определен, что создавало трудности и для государства, и для Церкви.

Ключевые слова: девиантное поведение, хулиганство, Первая русская революция, десакрализация, меры борьбы с хулиганством, религиозный упадок.

Об авторе: **Священник Антоний Сергеевич Копаев**

Магистр теологии, аспирант кафедры церковной истории Санкт-Петербургской духовной академии.

E-mail: kopaeanton@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1547-874X>

Ссылка на статью: Копаев А., свящ. Церковная публицистика о проблемах хулиганства в Российской империи начала XX в. // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 1 (6). С. 140–146.

* Изображения предоставлены автором.

**HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

Scientific Journal

No. 1 (6)

2021

Priest Anthony Kopaev

**Church Journalism about the Problems of Hooliganism
in the Russian Empire at the Beginning of the 20th Century**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_1_140

Abstract: The article examines one of the most alarming phenomena in the social life of the Russian Empire at the beginning of the 20th century – hooliganism spreading with unprecedented force, which could not but worry the public, including the church. The authors of various church periodicals tried in every possible way to convey to their readers the full danger of this pernicious phenomenon. It was also important to establish the reasons for the manifestation of hooliganism in Russian cities and villages. It seems that the main reason for the spread of such phenomena was the destruction of the centuries-old way of life of the Russian person, the Russian peasant. Not everyone could adapt to the new life in the cities. Therefore, in the language of religious journalism, the weakest in spirit were tempted and committed crimes. Also, the status of “hooliganism” was not legally defined, which created difficulties for both the state and the Church.

Keywords: deviant behavior, hooliganism, the first Russian revolution, desacralization, measures to combat hooliganism, religious decline.

About the author: **Priest Anthony Sergeevich Kopaev**

Master of Theology, graduate student of the Department of Church History at the St. Petersburg Theological Academy.

E-mail: kopaevanton@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1547-874X>

Article link: Kopaev A., priest. Church Journalism about the Problems of Hooliganism in the Russian Empire at the Beginning of the 20th Century. *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2021, no. 1 (6), pp. 140–146.

* Images supplied by the author.

В рассматриваемый хронологический период, а именно в предреволюционное десятилетие, происходили колоссальные изменения в представлениях о морали и психологии людей, заслуживающие особого внимания исследователя. Эти, по своей сути, революционные изменения выразились в разных формах и проявлениях, в частности, в девиантном поведении, которое может быть охарактеризовано двояко. С одной стороны, это поступки, действия человека, не соответствующие официально или фактически сложившимся в данном обществе (социальной группе) нормам и ожиданиям. С другой, — это социальное явление, выражающееся в относительно массовых и устойчивых формах человеческой деятельности, не соответствующих официально установленным или фактически сложившимся в данном обществе нормам и ожиданиям¹. Среди различных форм девиаций, таких как пьянство, проституция, самоубийства, наркотизм (наркомания), особое место занимало распространявшееся с небывалой силой хулиганство.

Начиная рассмотрение вопроса о хулиганстве в Российской империи начала XX столетия, необходимо выяснить, каким было определение этого понятия на тот период времени, когда оно стало употребляться. Сами слова «хулиган» и «хулиганство» являются относительно новыми. В конце XIX в., в 1892 г. был издан приказ петербургского градоначальника В. В. фон Валя, предписывающий всем органам полиции принять решительные меры борьбы против бесчинствовавших в столице «хулиганов», под которыми тогда разумелись действующие шайки уличных насильников². Слово «хулиган» как оформленный термин не встречается ни в одном словаре и лексиконе до 1909 г., когда определение слова «хулиган» было дано в малом энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона. Слово это английского происхождения, означающее уличного бродягу, прыткого на скандалы и безобразия, а также тип вырождения низших слоев городского населения³. Однако на страницах церковной периодики упоминание о хулиганстве отмечено несколькими годами ранее. С. Л. Фирсов связывает его появление с началом Первой русской революции. По его мнению, в отечественной прессе хулиганство стало рассматриваться в качестве одного из наиболее тревожных симптомов нравственного нездоровья российского общества, показателя морально-психологического кризиса, переживавшегося тогда страной⁴.

Современник и свидетель тех событий, киевский священник протоиерей Клавдий Фоменко писал о том, что хулиганство всплыло наружу именно в 1905 г. Ему принадлежит следующее определение понятия хулиганства: это «явление сложных условий русской обыденной жизни, и месть за прошлое крепостничество, и озлобленное чадо тех, кто причислил себя к “безработным”, оно в родстве с пролетариатом. Хулиганство есть полное отрицание общественно-государственного порядка»⁵. Те же самые мысли о том, что проблемы начались с революционных потрясений начала XX столетия, имеются и в «Церковном вестнике», в статье под названием «Болезнь нашего времени». Её автор отмечает, что «во время Первой русской революции все было направлено к материализации общества, неизбежно приведшей к религиозному упадку. Игра на чувственной стороне развратила народ, показала ему “сладость” удовольствий такого рода. И в погоне за последними человек не брезгует уже никакими средствами, вплоть до убийства. А если сюда присоединить слабость надзора, отсутствие предупредительных полицейских мер, то хулиганство высоко подняло свою голову»⁶. Все

¹ Девиантность и социальный контроль в России (XIX–XX вв.): тенденции и социологическое осмысление. СПб., 2000. С. 12.

² Шапошников В. Н. Хулиганы и хулиганство в России. Аспект истории и литературы XX века. М., 2000. С. 5.

³ Хулиган // Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона // Викитека. URL: <https://ru.wikisource.org/wiki/МЭСБЕ/Хулиган> (дата обращения 15.09.2020).

⁴ Фирсов С. Л. Экспроприация совести. Хулиганство как социальное явление // Звезда. 1997. № 9. С. 23.

⁵ Фоменко К., *прот.* Хулиганство // Киевские епархиальные ведомости. 1913. № 40. С. 1028.

⁶ Болезнь нашего времени // Церковный вестник. 1912. № 32. С. 986.

эти потрясения в обществе после Первой русской революции, по мнению В. В. Розанова, протекали где-то и как-то параллельно хулиганству⁷.

Конечно, было бы неверно усматривать причину хулиганства только в Первой русской революции, потому как проблема эта связана со многими факторами. По мнению С. Л. Фирсова, события 1905–1907 гг. были своего рода импульсом для тех процессов, которые происходили и ранее, но в «глубине». «Старый мир» с его традициями и укладом уходил в прошлое, а на его место приходила неизвестность.

Необразованный человек, вышедший за пределы своего «мира» и столкнувшийся с иной жизнью, с иными ее темпами, ценностями и стереотипами, совершенно закономерно воспринимал лишь то, что он мог воспринимать, и лишь так, как он мог воспринимать. Некритическое принятие новых ценностей, стремление быть похожим на тех, кого он только что увидел в городе, характеризовало поведение деревенского молодого человека, вышедшего в буквальном смысле «из другого мира»⁸. Вообще, эта проблема быстрого распространения хулиганства, особенно в сельской местности, среди деревенской молодежи, не могла не тревожить современников.

Одним из немаловажных факторов, способствовавших росту хулиганства, считался процесс десаκραлизации личности, вызванный крушением земельного крестьянского хозяйства⁹. Если учесть тот факт, что подавляющее большинство жителей империи составляли крестьяне, то можно предполагать, в связи с кризисными явлениями в крестьянской среде, соответствующие масштабы хулиганства. На этот счет имеются свидетельства современников, отмечавших факты нападения на священнослужителей. Наряду с мелким хулиганством, таким как порча огородов, колодцев, ульев с пчелами, имели место и тяжелые преступления, среди которых, например, убийство 74-летнего священника, отказавшего хулиганам в выпивке¹⁰.

В попытке понять причины такого явления как хулиганство могут оказаться полезными архивные данные, а именно «Отчет о состоянии Санкт-Петербургской епархии за 1911 год». Согласно нему, одной из причин упадка нравственности деревенской молодежи являются «отлучки молодых людей на заработки, где они подвергались влиянию безрелигиозной и безнравственной жизни и развращались безбожной и анархической пропагандой»¹¹. В самом деле, процесс адаптации сельского населения в городах был весьма непростым, что приводило к появлению из среды бывших сельских жителей неблагонадежных элементов, составлявших большую часть хулиганов в городах.

Церковь предлагала свои возможные варианты выхода из сложившейся непростой ситуации с хулиганством. На приходском уровне предлагалось организовывать духовные и материальные интересы «трудящейся массы» в автономные приходские союзы¹². Как представляется, данное предложение со стороны Церкви могло бы быть эффективным, но с определенной группой людей, — тех, кто, по крайней мере, не был равнодушен к религии, однако таковых среди хулиганов было немного. Если учитывать тот факт, что число порывающих с Церковью становилось все больше, становится

Чистая совесть ота „Тисель“

— Чистая, только чистая совесть хулиганов!.

⁷ Розанов В. В. Мимолетное. 1915 год // Русская идея. М., 1992. С. 285.

⁸ Фирсов С. Л. Православная Церковь и государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России. СПб., 1996. С. 60.

⁹ В. И. Преступность и приход // Церковный вестник. 1906. № 50. Стлб. 1635.

¹⁰ Болезнь нашего времени... Стлб. 985.

¹¹ Росийский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 442. Д. 2473. Л. 285–286. Цит. по: Фирсов С. Л. Православная Церковь и государство... С. 61.

¹² В. И. Преступность и приход // Церковный вестник. 1906. № 50. Стлб. 1636.

Герои нашего времени.

Хулиган (Юнг), Та да е...—паша Дин.

понятным, что решение проблемы при помощи только приходов и приходских союзов было неэффективно. Следовало искать другие способы выхода из сложившейся ситуации, и искать на более высоком уровне, как церковном, так и государственном.

Определенная работа в этом направлении проводилась. В 1912 г. было созвано специальное совещание губернаторов для выработки мероприятий по борьбе с хулиганством. При министре внутренних дел Н. А. Маклакове были изданы Временные правила для борьбы с хулиганством¹³.

Данный вопрос обсуждался в церковной печати, с этой же целью собирались епархиальные съезды духовенства. Так, например, в Саратовской епархии в 1912 г. был проведен съезд духовенства, на котором рассматривались меры по борьбе с хулиганством. Предложенные способы сводились к следующим пунктам: 1) единение пастырей между собой в этом деле; 2) собственный пример высоконравственной жизни; 3) открытие обществ трезвости и вообще борьба с алкоголизмом, как имеющим близкую связь с хулиганством; 4) забота о религиозно-нравственном развитии детей в школе; 5) церковная проповедь, направленная против хулиганства; 6) воздействие на родителей через приходские советы; 7) распространение противохулиганской литературы¹⁴.

Находились и те, кто считал данные меры борьбы малоэффективными и неспособными повлиять на причины проблемы. Например, П. Никольский в своей статье «Одна из мер в борьбе с хулиганством» говорит о том, что «эти меры носят в основном карательный и принудительный характер, и не вызывают особого доверия. Хулиганство есть, по мнению автора, обнаружение страшной внутренней болезни общества, которую следует лечить внутренними же средствами»¹⁵. То, о чем пишет П. Никольский, представляет немалый интерес, и с педагогической точки зрения является более эффективным. Он, в частности, предлагает привлекать подростков, прошедших начальную школу, к активному самообразованию и самовоспитанию. Обычные способы внешкольного образования — чтения, воскресные школы, внебюджетные собеседования, — по мнению автора статьи, мало полезны для массы подрастающего населения постольку, поскольку при них подросток является пассивным зрителем и слушателем, а после них выходит с неизрасходованным запасом сил и энергии. Необходимо так поставить внешкольное образование, считал П. Никольский, чтобы подросток нашел в нем выход избытку этой энергии¹⁶.

В середине 1913 г. партия октябристов выступила с инициативой о внесении в Государственную Думу законодательного предложения против хулиганства, которое бы ужесточило наказание за «истребление или порчу межевых знаков, гербов, надписей, объявлений, памятников, за учинение шума, крика, бесчинства, драки, за произнесение на улицах городов, селений и других публичных местах ругательных и непристойных выражений, за вторжение в чужое жилище, усадьбу или сад с намерением учинить беспокойство или тревогу, за нарушение порядка в публичных собраниях, за появление в публичных местах в состоянии явного опьянения, за бесстыдное или соединенное с соблазном публичное действие, за причинение домашним животным напрасных мучений, за засаривание рек, каналов, колодцев и т. д. Далее предложено повесить наказание за оскорбление действием родителей детей

¹³ Шапошников В. Н. Хулиганы и хулиганство в России... С. 27.

¹⁴ К борьбе с хулиганством // Церковный вестник. 1912. № 48. Стлб. 1524.

¹⁵ Никольский П. Одна из мер в борьбе с хулиганством // Церковный вестник. 1913. № 33. Стлб. 1030.

¹⁶ Там же. Стлб. 1031.

Хулиганы Санкт-Петербурга играют в орлянку на деньги.
Фотография Карла Буллы. Около 1910 г.
© J. P. Getty Museum

и за неповиновение родительской власти, за причинение побоев и других насильственных действий, влекущих за собой смерть и прочее»¹⁷.

Однако это законодательное предложение так и не стало законом. Трудно не согласиться с тем, что причина этого заключалась в размытости точного юридического определения понятия хулиганства и, следовательно, признании возможности угрожать наказанием за совершение действий, заранее законом не определенных. Именно данное обстоятельство и не позволило Государственной Думе обсудить вопрос о хулиганстве, тем более, что юридически корректно это было невозможно сделать¹⁸.

Очевидно, что проблема хулиганства как нарастающего явления в рассматриваемом нами периоде была достаточно серьезной и неоднозначной. Основная проблема заключается здесь именно в том, что Церковь, к сожалению, несмотря на свои многочисленные периодические издания и другие весомые ресурсы, оказалась не готова адекватно и эффективно отвечать на эти абсолютно новые и неожиданные вызовы, связанные с «десакрализацией личности» и ломкой «старого мира», появившиеся в истории России начала трагичного XX столетия.

Источники и литература

1. Болезнь нашего времени // Церковный вестник. 1912. № 32. Стлб. 985–987.
2. В. И. Преступность и приход // Церковный вестник. 1906. № 50. Стлб. 1631–1640.
3. Девиантность и социальный контроль в России (XIX–XX вв.): тенденции и социологическое осмысление. СПб., 2000.
4. Законодательные мероприятия против хулиганства // Церковный вестник. 1913. № 6. Стлб. 177–178.
5. К борьбе с хулиганством // Церковный вестник. 1912. № 48. Стлб. 1524.

¹⁷ Законодательные мероприятия против хулиганства // Церковный вестник. 1913. № 6. Стлб. 177–178.

¹⁸ Фирсов С. Л. Православная Церковь и государство... С. 57.

6. Хулиган // Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона // Викитека. URL: <https://ru.wikisource.org/wiki/МЭСБЕ/Хулиган> (дата обращения 15.09.2020).
7. *Никольский П.* Одна из мер в борьбе с хулиганством // Церковный вестник. 1913. № 33. Стлб. 1030–1032.
8. *Розанов В. В.* Мимолетное. 1915 год // Русская идея. М., 1992.
9. *Фирсов С. Л.* Православная Церковь и государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России. СПб., 1996.
10. *Фирсов С. Л.* Экспроприация совести. Хулиганство как социальное явление // Звезда. 1997. № 9. С. 178–187.
11. *Фоменко К., прот.* Хулиганство // Киевские епархиальные ведомости. 1913. № 40. С. 1026–1028.
12. *Шапошников В. Н.* Хулиганы и хулиганство в России. Аспект истории и литературы XX века. М., 2000.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 1 (6)

2021

И. В. Лобанова

**Церковно-историческая наука России
в синодальную эпоху**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_1_147

Аннотация: В статье исследуется феномен русской церковно-исторической науки синодального периода. Рассматриваются историографические концепции церковных историков А. П. Лебедева и М. Б. Мелиоранского, критически освещающие современное им состояние церковно-исторической науки, а также путь её развития. Анализируются факторы, как способствовавшие развитию, так и препятствовавшие становлению церковной истории как учебной и научной дисциплины. Особо выделяется фактор сословной замкнутости духовных школ, имевшей место вплоть до 70-х годов XIX в., а также обязательной конфессиональной принадлежности к Православию, как ограничивающие рамки исследования для учёного, занимающегося церковно-исторической проблематикой в синодальный период. Отмечена роль государства и синодальной реформы в формировании системы духовного образования и подготовки научных кадров. Сделан вывод о двойственности и неоднозначности указанных факторов для развития церковно-исторической науки в рассматриваемый период и безусловной ценности созданной ею научной базы.

Ключевые слова: синодальный период, церковно-историческая наука, история Русской Церкви, учёное монашество, духовная школа в России XIX в., церковная историография, духовное сословие, церковная история.

Об авторе: **Ирина Владимировна Лобанова**

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН.

E-mail: lobanova_irina@ro.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9079-5606>

Ссылка на статью: Лобанова И. В. Церковно-историческая наука России в синодальную эпоху // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 1 (6). С. 147–154.

* Фотографии взяты из открытых источников.

**HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

Scientific Journal

No. 1 (6)

2021

I. V. Lobanova

**Church-Historical Scholarship in Russia
during the Synodal Era**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_1_147

Abstract: The article examines the phenomenon of Russian church-historical scholarship during the Synodal Period. The historiographic concepts of church historians A. P. Lebedev and M. B. Melioransky, critically illuminating the contemporary state of church history scholarship, as well as the path of its development, are considered. The factors that both contributed to the development and hindered the formation of church history as an educational and scholarly discipline are analyzed. The factor of class isolation of theological schools, which was the case up to the 1870s, as well as the obligatory confessional affiliation to Orthodoxy, is especially prominent, as a limiting framework for research for a historian dealing with church-historical problems during the Synodal Period. The role of the state and the Synodal reform in the formation of the system of theological education and training of research personnel is noted. A conclusion is made about the duality and ambiguity of these factors for the development of church history scholarship in the period under consideration and the absolute value of the scholarly base created by it.

Keywords: Synodal Period, church history scholarship, history of the Russian Church, scholarly monasticism, theological school in Russia in the 19th century, church historiography, clergy, church history.

About the author: **Irina Vladimirovna Lobanova**

Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: lobanova_irina@ro.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9079-5606>

Article link: Lobanova I. V. Church-Historical Scholarship in Russia during the Synodal Era. *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2021, no. 1 (6), pp. 147–154.

* Photos are taken from open sources.

В начале XX столетия церковный историк А. П. Лебедев сетовал на то, что в Российской империи нет достойной церковно-исторической науки, а то, что есть, либо скопировано у немцев, либо не дотягивает до их уровня¹. Нам сейчас странно это читать, потому что для современного учёного пореформенный период, рубеж веков и предреволюционное десятилетие — это время расцвета церковной истории и сопутствующих дисциплин: церковной археологии, патристики, библеистики. К этому моменту уже существовала многотомная «История Русской Церкви» митрополита Макария (Булгакова), в светских университетах появились кафедры общей церковной истории, при духовных академиях работали церковно-археологические кабинеты, издавались научные журналы по церковно-исторической тематике², регулярно защищались диссертации по церковной истории, проводились совместные с Академией наук раскопки в Палестине, издавались источники по истории Церкви, окончательно оформилась специализация основных направлений в науке³, а главное, именно в тот момент жили и трудились на ниве церковной истории по-настоящему крупные учёные и существовали уже целые научные школы со своими традициями и задачами.

Возможно, причина излишне критического отношения А. П. Лебедева к современной ему церковно-исторической науке кроется в том, что он смотрел изнутри, и его опыт был окрашен негативными впечатлениями от общей атмосферы духовных школ того времени, а также невысоким положением не только церковной науки, но и духовенства и духовного образования в общественном сознании. На эту мысль наталкивает и тот факт, что Лебедев в этих своих взглядах был не одинок. Похожие выводы делал, например, Б. М. Мелиоранский в статье, написанной для словаря Брокгауза и Ефрона. Этот талантливый, но рано скончавшийся учёный⁴ вообще очень широко понимал церковно-историческую науку. В частности, он ставил знак равенства между церковной историей и церковным преданием, благодаря чему относил к научной полемике и споры о церковных землях, и дискуссии о ересях строгольников и жидовствующих, и литературу, возникшую вокруг обсуждения Брестской унии, исправления обрядов и старообрядческого раскола. Такой подход позволял ему заключить, что «в XVIII в. церковно-исторические знания в России сравнительно с XVII в. пришли скорее в упадок, чем поднялись, несмотря на умножение духовных училищ, а потом, постепенно, и академий»⁵. Исходя из этого, Б. М. Мелиоранский, уже вполне согласно с А. П. Лебедевым, для XVIII в. называл только одну крупную фигуру в церковно-исторической науке — митрополита Платона (Левшина), а для начала XIX в. — киевского митрополита Евгения (Болховитинова). Также как и Лебедев, он подчёркивал невыгодное положение отечественной церковно-исторической науки синодального периода по сравнению с западной. «Религиозное оживление, охватившее всю Европу после 1815 г., — писал Б. М. Мелиоранский, — создало на Западе историческую богословскую школу, в которой церковная история приобрела наконец полную самостоятельность особой научной дисциплины. В русской церковно-исторической науке этот

¹ Лебедев А. П. Церковная историография в главных её представителях с IV до XX вв. СПб., 2001. С. 397.

² Первым церковным журналом, издававшимся на протяжении почти 100 лет, был журнал Санкт-Петербургской духовной академии «Христианское чтение» (1821–1917 гг.). Киевская духовная академия с 1860 г. начинает издавать «Труды Киевской духовной академии». В издательской деятельности принимали участие также Московская духовная («Богословский Вестник») и Казанская духовная академии («Православный собеседник») — всего четыре академии выпускали 19 периодических изданий.

³ Имеется ввиду разделение на кафедры: древней церковной истории, библейской истории, русской церковной истории и новой церковной истории Запада.

⁴ Его краткую биографию можно посмотреть здесь: Карманов Е. А. Памяти церковного историка проф. Б. М. Мелиоранского (к 55-летию со дня кончины) // Журнал Московской Патриархии. 1961. № 12. С. 61–68.

⁵ Мелиоранский Б. М. Церковная история // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона // Википедия. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/ЭСБЕ/Россия/Русская_наука/Церковная_история (дата обращения 10.10.2020).

Профессор
Алексей Петрович Лебедев
(1845–1908)

благоприятный поворот долго не мог сказаться с полной силой и ясностью: в деятелях чисто научного духа недостаток не было, но господствовавший режим стремился удержать их в старой, вероисповедно-полюемической колее и заставить служить целям официальной народности и официального православия»⁶.

Таким образом, М. Б. Мелиоранский и А. П. Лебедев указывают на две причины слабого, по их мнению, развития российской церковно-исторической науки XIX столетия: её ярко-выраженную конфессиональность и зависимость (соответственно реалиям синодальной эпохи) от государственной цензуры, а также невысокий уровень преподавания истории Церкви в духовных школах того времени.

И первое, и второе щедро подтверждают документы и свидетельства современников. Так Б. В. Титлинов в своей работе, посвящённой духовным школам в России XIX в., приводит данные, указывающие на пренебрежительное отношение к церковной истории даже в духовных академиях

в течение всей первой половины этого столетия. Титлинов сообщает, что, например, в Санкт-Петербургской духовной академии до 1851 г. русская церковная история преподавалась в соединении с общей церковной и русской гражданской историей. В 1851 г. она была выделена в самостоятельную дисциплину, но чтение этого курса было возложено на преподавателя русской гражданской истории. В 1857 г. этот курс был разделён между двумя наставниками по хронологическому принципу: до и после Великой схизмы. В Московской духовной академии ещё в 1844 г. библейская история была отделена от курса общей церковной истории, но преподавал её учитель греческого языка. История Русской Церкви здесь была отделена от кафедры общей истории в 1858 г. В Казанской духовной академии русская церковная и общая история до 1844 г. читались вместе, потом были разделены, но спустя четыре года две кафедры снова были слиты в одну. В Московской академии до 1844 г. вся история читалась одним преподавателем, а после в отдельный курс была выделена история русская⁷.

О качестве этого преподавания рассказывают мемуары современников. И. С. Никитин в «Дневнике семинариста», который, несмотря на художественную форму, опирается на совершенно реальные факты из семинарской юности автора, описывает урок истории в Воронежской семинарии, где он учился в сороковые годы XIX в.: «Что за милый человек наш Яков Иванович, профессор, читающий нам русскую историю! Он смотрит на исполнение своей обязанности как на что-то священное и в этом отношении заслуживает безукоризненную похвалу. В класс он приходит своевременно, спустя две-три минуты после звонка, при чтении молитвы молится усердно и, плотно запахнув свою поношенную шубу, скромно садится за стол. И вот развязывает свой клетчатый платок, и мы видим его неизменного спутника, можно сказать, его верного друга — старую, почтенной толщины книгу, в прочном кожаном переплёте, с красным обрезом. Яков Иванович вынимает из кармана очки, дышит на них, протирает платком и осторожно надевает на свой нос. Всё это делается не спеша, не как-нибудь: сейчас видишь, что человек приступает к исполнению трудной обязанности, к решению великой задачи. “Гм!.. гм!..” — откашливается муж, поседевший в науке, и развёртывает книгу именно там, где нужно. Ошибиться ему нельзя, потому что недочитанная страница каждый раз закладывается продолговатой,

⁶ Там же.

⁷ Титлинов Б. В. Духовная школа в России в XIX столетии. Вып. 2. Протасовская эпоха и формы 60-х годов. Вильна, 1909. С. 81.

нарочно для этого вырезанною бумажкою, место же, где ударом звонка было закончено чтение, отмечается слегка карандашом, который вытирается потом резиною. Как видите, всё рассчитано благоразумно и строго. И начинается тихое, мерное чтение. Читает он полчаса, читает час, порою снова протирает очки, — вероятно, глаза несчастного подёргиваются туманом, — и опять без умолку читает. И нет ему никакого дела до окружающей его жизни точно так же, как никому из окружающих его нет до него ни малейшей нужды. Ученики занимаются тем, что им нравится или что они считают для себя более полезным. Некоторые ведут рассказы о своих взаимных похождениях и проказах, некоторые переписывают лекции по главному предмету, а некоторые сидят за романами. <...> Если чей-нибудь неосторожный возглас или смех прервёт мирное чтение почтенного наставника, он поднимает свои вооружённые глаза на окружающую его молодёжь и громко скажет: “Пожалуйста, не мешайте мне читать!..”⁸. По свидетельству И. С. Никитина, читал Яков Иванович своим ученикам книгу В. Н. Татищева, сочинённую за сотню лет до этого.

Профессор
Борис Михайлович Мелиоранский
(1870–1906)

Разумеется, вышеописанное не могло происходить без попустительства начальства, а начальству такой предмет, как история Церкви, казался тогда неважным. А ведь церковная история вплоть до 70-х годов XIX в. изучалась и преподавалась только в духовных учебных заведениях. Этот факт также не способствовал развитию церковно-исторической науки хотя бы потому, что дети духовенства, поступая в духовное училище, семинарию или академию, преследовали исключительно практические цели, им было не до отвлечённых предметов. Известный «летописец» бурсацкой жизни Н. Г. Помяловский вспоминал, что «науки были: божественные, которые ныне называются богословскими, и внешние, которые ныне называются светскими. Одни... отрицали только внешние науки и с усердием занимались законом Божиим, священной историей, церковным уставом и церковным пением. Эти специально готовились в дьячки и пономари»⁹. Знание церковной истории оказывалось в этой системе ценностей обременительным и ненужным. И. С. Никитин в том же «Дневнике семинариста» приводит свой разговор с крестьянином, который пытается дознаться у поповского сына, какая польза от тех наук, что он изучает в семинарии. Попович проигрывает в этом споре, потому что никакого практического применения богословию или древним языкам придумать не может. Таким образом, в качестве фактора, сдерживающего развитие церковно-исторической науки в синодальный период, следует указать и длительную сословную замкнутость духовных школ.

Что же касается такого важного для свободного развития науки фактора как конфессиональная принадлежность учёного, то здесь можно вспомнить Б. В. Титлинова или Н. Ф. Каптерева, которых обвиняли в очернительстве, пособничестве раскольникам и предательстве интересов Православия, подменяя научную дискуссию выискиванием злонамеренных искажений исторической действительности, якобы в угоду врагам Церкви¹⁰. Было ли двуверстие принято русскими от греков вместе с верой,

⁸ Никитин И. С. Дневник семинариста // Миражи. М., 1988. С. 147–149.

⁹ Помяловский Н. Г. Очерки бурсы // Мещанское счастье. Молотов. Очерки бурсы. М., 1988. С. 324.

¹⁰ Лобанова И. В. История старообрядческого раскола: наука и политика в работах церковных историков Н. И. Субботина и Н. Ф. Каптерева // VII Барташевские чтения. Материалы Международной научной конференции, посвященной 330-летию со дня рождения В. Н. Татищева,

или нет, духовную цензуру не интересовало. Аргументы, которые могли стать оружием в руках раскольников, изначально признавались вредными, вне зависимости от их научности и доказательной базы. В такой ситуации не помогало ни мнение научного сообщества, ни интеграция духовных дисциплин в светскую науку и светские университеты, хотя последнее несомненно способствовало росту интереса к церковной истории и притоку свежих научных кадров в церковную науку. Тот же М. Б. Мелиоранский пришёл в Санкт-Петербургскую духовную академию из Петербургского университета, где начал специализироваться по истории Церкви.

Наверное, со временем размыкание сословных рамок способствовало бы ещё большему расцвету церковно-исторической науки, — мы этого не узнаем. В реальности же пореформенного периода синодальной эпохи сословность накладывала отпечаток некоторой второсортности на церковных учёных и их самосознание. Известный русский философ В. С. Соловьёв, который проучился в Московской духовной академии целый год, с досадой замечал о своих сокурсниках, что «они сами весьма низко ценят себя и своё дело, и никак не могут поверить, чтобы постороннему человеку, дворянину и кандидату университета, могла прийти фантазия заниматься богословскими науками»¹¹. О том же говорит и Мелиоранский: «С вступлением на престол императора Александра II внешние условия стали гораздо благоприятнее, особенно после издания устава духовных академий 1874 г.»¹² Русская церковно-историческая наука остается православной, но деятели ее начинают чаще и живее отзываться на течения западной науки, и стремятся усвоить общеисторический метод, сблизиться с русскими светскими историками. Впрочем, в этом отношении и до сих пор дело еще не доведено до желанного положения; между прочим, этому содействовал и личный характер некоторых из деятелей русской церковно-исторической науки — их крайняя скромность и замкнутость, их крайне недоверчивое отношение к результатам собственных исследований, к собственным взглядам и теориям. Все знавшие, напр., проф. прот. Горского говорят, что по его печатным трудам нельзя и понятия себе составить об обилии его знаний и глубине его исторического понимания»¹³.

Итак, три фактора сдерживали развитие церковно-исторической науки синодального периода: конфессиональные рамки, которых обязаны были держаться исследователи, сословность духовных школ и низкий уровень подготовки в духовных училищах и семинариях. Всё это закреплялось системой церковно-государственных отношений, предельно чётко обозначенных синодальной реформой. Однако парадокс в том, что именно синодальная реформа заставила Церковь осознать себя как гражданский институт, который, собственно, и может быть предметом научного исследования. Именно бюрократическая унификация сделала возможным создание и введение общего курса церковной истории в программу духовных школ. Как ни старался митрополит Платон (Левшин) поставить историю Церкви в ряд обязательных и важных предметов для изучения слушателями духовной академии, его энтузиазма хватило только на подведомственное ему учебное заведение. Даже с подачи государства введение курса церковной истории в программу духовных школ шло туго. Так, епископ Иннокентий (Смирнов), автор одного из первых учебных пособий по общей церковной истории «Начертание церковной истории от библейских времён до XVIII века», изданного в 1817 г. в Петербурге, честно признавался в предисловии к своему труду, что за написание этого учебника его заставило взяться исключительно распоряжение начальства.

Личная инициатива не приветствовалась, творчество считалось прямо недопустимым — большинство известных нам мемуаристов, не сговариваясь, вспоминают из своей семинарской жизни именно это. Митрополит Вениамин (Федченков) и много

200-летию со дня рождения С. А. Гедеонова, 175-летию со дня рождения В. О. Ключевского. Липецк, 2016. С. 190–194.

¹¹ Письма Владимира Сергеевича Соловьёва / Под ред. Э. Л. Радлова. Т. 3. СПб., 1911. С. 105.

¹² В эпоху императора Александра II устав духовных академий был принят в 1869 г.

¹³ Мелиоранский Б. М. Церковная история...

лет спустя с уважением вспоминал своего товарища по семинарии, который учебник по основному богословию в 90 страниц знал наизусть¹⁴. Умение воспроизводить по памяти без рассуждений содержание одобренных цензурой учебных пособий считалось особой доблестью для семинариста, однако явно не способствовало развитию такого необходимого для учёного качества как умение критически оценивать источник. Откуда же взялись в Русской Церкви такие научные светила, как протоиерей Александр Горский, Н. Н. Глубоковский, В. В. Болотов, Е. Е. Голубинский, А. А. Оленицкий, А. П. Доброклонский и П. В. Знаменский? Ведь склонность и одарённость необходимо развивать. Думается, что здесь не обошлось без третьей силы, а именно без учёного монашества, в руки которого постепенно перешло управление духовным образованием. Вспомним митрополита Филарета (Дроздова), который воспитал такого замечательного учёного как протоиерей Александр Горский, который в свою очередь реализовался как педагог и стал наставником для Е. Е. Голубинского и Н. Ф. Каптерева. Вспомним Московского митрополита Макария (Булгакова) — автора фундаментальной многотомной «Истории Русской Церкви», который несколько лет был ректором Санкт-Петербургской духовной академии.

Наверное, если бы не учёное монашество, церковно-историческая наука не сумела бы подняться в синодальный период так высоко. Это был особый вид подвижничества. Из среды учёного монашества вышли самые маститые церковные историки. Можно предположить, что для них не существовало внутреннего противоречия между верой и наукой, так что конфессиональные рамки не были им тесны. Они не страдали от своей причастности к «кутейникам», поскольку выбрали для себя Церковь как единственное своё прибежище. Им не нужно было бороться с синодальной системой, поскольку они стали её частью. Конечно, это утрированный портрет представителя учёного монашества, но в какой-то мере каждое из этих качеств было присуще и митрополиту Филарету (Дроздову), и архиепископу Сергию (Спасскому), и митрополиту Евгению (Болховитинову), и митрополиту Арсению (Стадницкому). Роль этих иерархов в истории церковно-исторической науки в который раз демонстрирует значение личности, вокруг которой собираются таланты и энтузиасты. У каждого из них найдутся протеже и последователи, которые в свою очередь создавали научную школу и научную традицию, как уже упомянутый профессор протоиерей Александр Горский.

Таким образом, нельзя отрицать, что в сфере духовного образования государством в рамках синодальной системы был наведён относительный порядок, который был необходим для того, чтобы появились условия для систематизации исторического знания и появились стимулы это знание преумножать и развивать. Без государственной поддержки энтузиазм отдельных личностей и их таланты остались бы неостребованы. Но невозможно также игнорировать, что синодальная система, выполнив эту свою историческую задачу, стала препятствовать свободному развитию церковно-исторической науки. Церковная история, окрепнув, обратила свой критический взгляд против неё и многое сделала для того, чтобы её разрушить. Однако вместе с синодальной системой исчезла и материальная база для подготовки новых научных кадров. Церковная наука отправилась в эмиграцию и постаралась сохранить для нас наследие, как мы теперь понимаем, золотого века русской церковной истории.

Источники и литература

1. Вениамин (Федченков), митр. Россия между верой и безверием. М., 2003.
2. Карманов Е. А. Памяти церковного историка проф. Б. М. Мелиоранского (к 55-летию со дня кончины) // Журнал Московской Патриархии. 1961. № 12. С. 61–68.

¹⁴ Вениамин (Федченков), митр. Россия между верой и безверием. М., 2003. С. 113.

3. *Лебедев А. П.* Церковная историография в главных её представителях с IV до XX в. СПб., 2001.
4. *Мелиоранский Б. М.* Церковная история // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона // Википедия. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/ЭСБЕ/Россия/Русская_наука/Церковная_история (дата обращения 10.10.2020).
5. *Никитин И. С.* Дневник семинариста // Миражи. М., 1988.
6. Письма Владимира Сергеевича Соловьёва / Под ред. Э. Л. Радлова. Т. 3. СПб., 1911.
7. *Помяловский Н. Г.* Очерки бursы // Мещанское счастье. Молотов. Очерки бursы. М., 1988.
8. *Титлинов Б. В.* Духовная школа в России в XIX столетии. Вып. 2. Протасовская эпоха и реформы 60-х годов. Вильна, 1909.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 1 (6)

2021

В. В. Морозан

**Материальное обеспечение
сельского приходского духовенства
Санкт-Петербургской губернии в XIX в.**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_1_155

Аннотация: Статья посвящена малоизученной теме материального обеспечения сельского приходского духовенства Санкт-Петербургской губернии в XIX в. На основе архивных документов предпринята попытка проанализировать материальное положение духовенства указанной губернии после ряда мер, принятых правительством в 1830–1840-е гг. по улучшению их денежного обеспечения. Основное внимание уделено пореформенным годам, когда уровень материального обеспечения духовенства был одним из самых высоких в XIX в. Также рассматривается квартирный вопрос и степень земельного обеспечения причтов. Несомненно, что это тема крайне сложная, требующая более детального и широкого исследования. По этой причине в рамках одной статьи рассмотреть все аспекты материального обеспечения сельского духовенства невозможно. Однако представленный материал дает возможность оценить в общих чертах, каким было это обеспечение. Приведенные в работе цифровые показатели убедительно доказывают, что сельское духовенство испытывало значительные материальные трудности, которые ему так и не удалось преодолеть до конца XIX столетия.

Ключевые слова: духовенство, причт, казенное жалование, жилищное обеспечение, штатное расписание.

Об авторе: **Владимир Васильевич Морозан**

Доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: v_moga@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4312-0566>

Ссылка на статью: Морозан В. В. Материальное обеспечение сельского приходского духовенства Санкт-Петербургской губернии в XIX в. // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 1 (6). С. 155–170.

* Фотографии взяты из открытых источников.

**HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

Scientific Journal

No. 1 (6)

2021

V. V. Morozan

**Material Support of the Rural Parish Clergy
of the St. Petersburg Province
in the 19th Century**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_1_155

Abstract: The article is devoted to the poorly studied topic of material support of the rural parish clergy of the St. Petersburg province in the 19th century. On the basis of archival documents, an attempt was made to analyze the material situation of the clergy of this province after a number of measures taken by the government in the 1830s–1840s to improve their financial support. Principal attention is paid to the post-reform years, when the level of material support of the clergy was one of the highest for the 19th century. The housing issue and the degree of land provision for clergy are also considered. There is no doubt that this topic is extremely complex, requiring more detailed and extensive research. For this reason, it is impossible to consider all aspects of the material support of the rural clergy within the framework of one article. However, the material presented makes it possible to assess in general terms what this security was. The numerical indicators presented in the work convincingly prove that the rural clergy experienced significant material difficulties, which they did not manage to overcome until the end of the 19th century.

Keywords: clergy, government salaries, housing, staffing.

About the author: Vladimir Vasilievich Morozan

Doctor of Historical Sciences, Professor of St. Petersburg State University.

E-mail: v_moga@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4312-0566>

Article link: Morozan V.V. Material Support of the Rural Parish Clergy of the St. Petersburg Province in the 19th Century. *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2021, no. 1 (6), pp. 155–170.

* Photographs are taken from open sources.

Введение

Экономическое положение Русской Церкви и ее духовенства — давний предмет исторического исследования в отечественной историографии. Дореволюционная литература полна разнообразными работами по данной теме, содержащими разные оценки финансового и хозяйственного состояния как отдельных епархий, так и Церкви в целом¹. Однако наиболее продуктивным временем в освоении исследуемой нами темы оказались последние три десятилетия. Перечисление вышедших в свет работ заняло бы значительную часть настоящей статьи. В частности, крайне интересны труды Е. В. Болонкиной, Т. А. Катциной, В. И. Федорченко, Н. А. Ершовой, А. В. Ключаревой, Б. Н. Миронова и других современных исследователей². Примечательно, что среди отечественных исследователей не было и нет единой оценки благосостояния духовенства. Одни полагают, что положение этого сословия было относительно удовлетворительным, указывая на постепенный рост доходов приходских церковно- и священнослужителей. Другие считают, что значительная часть духовенства была обделена материальными благами, нередко с трудом обеспечивая себя и свои семьи. Автор настоящей статьи солидарен с мнением последней группы, полагая, что власти недостаточно внимательно относились к нуждам духовенства, вопреки тем мерам, которые предпринимались на протяжении XIX в. Очевидно, основной причиной разобщенности в оценках материального положения церковно- и священнослужителей является неравномерное распределение материальных благ среди приходского духовенства. Учитывая, что исследователи концентрируют свое внимание на отдельных епархиях, в которых уровень благополучия отмеченной сословной группы разный, то и оценки не всегда совпадают. Кроме того, экономическое положение духовенства значительную часть епархий России

¹ Вопрос об обеспечении духовенства в России казенным жалованьем // *Приходская жизнь*. 1916. № 10. С. 595–597; *Кильчевский В.* Богатства и доходы духовенства. СПб., 1908; *Ростиславов Д. И.* Опыт исследования об имуществе и доходах наших монастырей. СПб., 1876.

² *Болонкина Е. В., Катцина Т. А., Федорченко В. И.* Материальное положение православного приходского духовенства Енисейской губернии (1820–1861 гг.) // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2012. № 9 (23). в 2 ч. Ч. I. С. 44–47; *Гончаров Ю. М.* Материальное положение городского духовенства Сибири во второй половине XIX — начале XX вв. // *Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири: Четвертые научные чтения памяти профессора А. П. Бородавкина*. Барнаул, 2003. Кн. 2. С. 184–188; *Его же.* Материальное положение православного белого духовенства в городах Тобольской губернии в середине XIX — начале XX в. // *Известия Алтайского государственного университета*. 2010. № 4–1. С. 63–66; *Ершова Н. А.* Приходское духовенство Петербургской епархии в XVIII веке: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1992; *Калашников Д. Н.* «Молитесь чаще, нам прибыли больше!»: к вопросу о материальном обеспечении приходского духовенства во второй половине XIX — начале XX в. // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2010. № 10 (191). Сер. 1: История. С. 129–135; *Ключарева А. В.* Жизнедеятельность православного прихода в русской провинции в 1881–1917 гг. (по материалам Тульской епархии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Орел, 2009; *Конюченко А. И.* Материальная сторона быта православного приходского духовенства (на примере Оренбургской епархии в XIX — начале XX в.) // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2003. № 2 (16). Сер. 1: История. С. 29–43; *Мангилёва А. В.* Материальное положение духовенства по данным клировых ведомостей Верхотурского уезда за 1808 и 1818 гг. // *Известия Уральского государственного университета*. Сер. 2: Гуманитарные науки 2007. № 53. С. 153–161; *Ее же.* Уральское заводское духовенство в начале XIX в. (по материалам клировой ведомости Екатеринбургского уезда за 1809 г.) // *Вестник церковной истории*. 2007. № 1 (5). С. 198–218; *Миронов Б. Н.* Жизненный уровень российского приходского православного духовенства в императорской России // *Исторический журнал: научные исследования*. 2015. № 1 (25). С. 65–80; *Саотеева Н. В.* Экономическое положение сельского духовенства в начале XX в. // *Вопросы истории*. 2008. № 11. С. 136–139; *Шадрин А. В.* Прецеденты назначения жалования донскому духовенству в XIX в.: к проблеме материального обеспечения духовного сословия в Российской империи // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2012. № 7–3. С. 213–217.

остается малоизученным или вовсе не исследованным, что осложняет объективный анализ данного вопроса в целом.

Анализ

Материальное обеспечение приходского духовенства Русской Церкви во все времена императорского периода не отличалось равномерностью и достаточностью. Распределение денежного довольствия и земли имело не только региональные особенности, но и внутренние епархиальные различия. В одних епархиях обеспечение земель имело удовлетворительный характер, а само приходское духовенство активно использовало имевшиеся земельные угодья в хозяйственных целях. В других местах причты были обделены достаточным вниманием местных властей, которые с неохотой предоставляли положенные по закону земельные площади. Нередко такие приходы не обеспечивались и казенным жалованием, что и без того осложняло материальное положение духовенства. Вместе с тем были епархии, где земельное обеспечение было не только достаточным, но и подкрепленным казенным денежным содержанием. Наблюдалось существенное различие в благосостоянии приходского городского духовенства и сельского.

Вышесказанное можно применить и в отношении Санкт-Петербургской епархии, где материальное положение местного приходского духовенства было разным. Неравномерность распределения материальных благ сложилась еще со времен создания этого церковно-территориального управления. Применимо к рассматриваемому нами периоду, к наихудшим временам по материальному обеспечению приходского духовенства можно отнести начало XIX в. В это время подавляющее число приходов было лишено казенного содержания. Очевидно, в наиболее выгодном положении находилось то духовенство, которое служило при полковых, придворных и казенных церквях. Они получали разное по уровню жалование, однако выплаты производились, в основном, регулярно каждый месяц. Вместе с тем, это денежное содержание было все же недостаточным.

Справедливости ради отметим, что церковные и светские власти предпринимали определенные усилия к исправлению положения дел в Санкт-Петербургской губернии. Первые шаги по обеспечению ряда приходов жалованием были предприняты в 1737 г. В частности, впервые такие оклады были установлены для духовенства Исаакиевского, Петропавловского и Троице-Петровского соборов. Вообще, предпринимаемые усилия отличались некоторым «пристрастным» отношением к тем или иным приходам. Несомненно, в лучшем положении оказалось городское духовенство, как по степени внимания властей, так и благодаря среды своей деятельности. В городах прихожан было значительно больше, чем в сельской местности. В частности, в 1800 г. в Санкт-Петербурге проживало более 220 тыс. человек. Кроме того, городские прихожане были более щедры при оплате церковных треб, чаще жертвовали в пользу церкви. Несомненно, городские жители были материально более обеспечены, чем деревенский люд. Всего в начале XIX в. в епархии состояло около 106 приходов, из которых 26 располагались в Петербурге и около 80 в остальной части губернии. Среди уездных приходов большинство находилось в Санкт-Петербургском, Шлиссельбургском и Царскосельском уездах³. Таким образом, в первой трети XIX в. сложилась зримая диспропорция в системе денежного содержания духовенства, когда значительная часть городских церковно- и священнослужителей обеспечивалась казенным жалованием. Кроме того, они еще сохранили право использовать для своих нужд и часть получаемого дохода от церковных треб и арендных статей, в то время как подавляющее большинство сельского духовенства продолжало жить за счет прихожан и церковной земли. Предпринятая в 1830 г. попытка расширить число финансируемых из казны приходов не имела

³ Краткий исторический очерк С.-Петербургской епархии с 1770 г. до позднейшего времени (1770–1883) // Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. СПб., 1884. Вып. 9. С. 9.

Карта Санкт-Петербургской епархии конца XIX в.

успеха, так как выделяемые ежегодно на эти цели дополнительные 500 тыс. руб. не могли удовлетворить все потребности Церкви.

Ощутимые перемены в деле материального обеспечения приходского духовенства произошли с утверждением 15 мая 1843 г. нового штатного расписания для сельских церквей Санкт-Петербургской губернии. С того времени Св. Синоду ежегодно ассигновывался 1 млн. руб. на содержание духовенства. Эти средства были выделены на нужды ряда епархий, в который вошла и Санкт-Петербургская губерния⁴. Определенную роль в пересмотре финансовой политики Синода сыграл и поток постоянных жалоб со стороны духовенства. С отмеченного года общие церковные доходы епархии были сконцентрированы в одну общую сумму и направлены на содержание сельских церковно- и священнослужителей. Размер жалования определялся классом того или иного причта, который разделялся на 6 категорий, следовательно, на 6 ставок окладов. В тех приходах, где число прихожан составляло от 2 тыс. до 3 тыс. лиц мужского пола, оклады были наивысшими, причисленными к 1-му классу. К примеру, к приходу по уровню казенного содержания 1-го класса и церковным доходам был причислен причт Вшельского погоста Лужского уезда. В 1863 г. приход состоял из 2444 мужчин и 2926 женщин. Местная Георгиевская церковь была построена в 1796 г. силами крестьян. Состав ее причта не был постоянным, меняясь то в сторону увеличения, то в сторону уменьшения. До 1827 г. в ней служили два священника, затем число их увеличилось до трех, а с 1844 г. вновь было уменьшено до двух, один из которых состоял настоятелем прихода, а другой его помощником. Менялся состав и других членов прихода. Таким образом, доходы церковно- и священнослужителей не были стабильными. В начале 1860-х гг.

⁴ Всеподданнейшая записка обер-прокурора Св. Синода. 15 февраля 1880 г. // РГИА. Ф. 804. Оп. 1 (1 раз). Д. 175а. Л. 10.

сумма жалования на весь причт по штату составляла 810 руб. (два священника получали по 240 руб. в год, диакон 100 руб., два дьячка по 70 руб., пономарь 60 руб., просвирия 30 руб.) Доходы за осуществление треб, за молебны, за упокоение и другие поступления доходили до 400 руб., из которых священники получали по 100 руб., диакон 68 руб., три причетника по 44 руб. До 1843 г. приход владел небольшим участком земли, который не мог обеспечить весь причт. Некоторые из его членов пользовались за определенную плату крестьянскими угодьями. Так, священник Симеон Григорьев был крупным пчеловодом, получая существенный доход от продажи меда. К 1860-м гг. причт был обеспечен 36 дес. земли, что существенно улучшило его материальное положение. Впрочем, сами члены причта землю не обрабатывали, а нанимали работников из числа крестьян. Священник, имея 15 дес. земли из общей площади, платил по 30 руб. за вспашку и посев⁵. Некоторые разводили на своих участках фруктовые сады. Квартиры и отопление оплачивали сами члены причта, кроме диакона, который жил в церковном доме. В 1863 г. это место занимал Василий Лебедев. Примечательно, что прихожане прекратили исправления обязанностей по руги, как только причт стал получать казенное жалование⁶. Нес приход еще и побочные расходы, связанные с содержанием ушедшего на покой священника и родных умерших. Так, священник Григорий Рыбин отдавал своему тестю, бывшему священнику, ежегодно по 50 руб., а священник Мокий Шутозерский выплачивал священнической вдове по 15 руб. в год. Вдове священника Хмельницкого, отслужившего 35 лет, причт отчислял по 35 руб. в год. Две священнические дочери получали 20 руб. в год, а вдова дьячка 15 руб.⁷ В 1867 г. священник Мокий Шутозерский был по старости выведен за штат, а его содержание легло на плечи других членов прихода, главным образом, на его приемника Иоанна Медведского.

Указанный приход не был типичным для всей Петербургской епархии. Напротив, немалая часть ее причтов все еще продолжала оставаться без жалования и после 1843 г. Кроме того, у части сельского духовенства, получавшего казенное жалование, материальное положение ухудшилось, так как помещики и местные власти стали запрещать священникам брать плату за требы, мотивируя свой запрет тем, что духовенству стали выплачивать денежное содержание. Самыми ощутимыми ударами по благополучию духовенства стали частые срывы выплат жалования. Нередко годовое содержание причтов сокращалось вдвое. При этом недоимки часто недоплачивались, а неполное жалование выдавалось несвоевременно.

Таким образом, установленные размеры казенного жалования по штатному расписанию 1843 г. в Санкт-Петербургской епархии на практике во многих случаях не соответствовали действительным выплатам. В частности, в 1863 г. полные оклады по всем 6 классам в сельских приходах Петербургской губернии получили всего 8 священников, 3 диакона, 7 дьячков, 5 пономарей и 4 просвири. Общая сумма их жалования составляла 2800 руб.⁸ Остальным церковно- и священнослужителям жалование не доплачивали. Некоторым причтам уменьшали оклад по причине имевшихся у них других источников содержания. Были приходы, не причисленные к классным окладам, которые получали произвольные размеры жалования. Всего в 1863 г. в Санкт-Петербургской губернии было 204 сельских самостоятельных прихода. На жалование всего духовенства из казны были ассигнованы 101 060 руб. 42 коп. Из них на содержание сельских причтов формально отводилось чуть более 73 тыс. руб.⁹ Однако в действительности значительная часть выделенных средств до духовенства не доходила.

Например, можно обрисовать материальное положение уже упомянутого диакона Василия Лебедева. Его полное годовое денежное содержание составляло 168 руб.

⁵ Краткий исторический очерк С.-Петербургской епархии... С. 441.

⁶ Рапорт благочинного, города Луги Екатерининского собора протоиерея Андрея Ласкина. 27 мая 1863 г. // РГИА. Ф. 804. Оп. 1 (3 раз.). Д. 349. Л. 294.

⁷ Там же.

⁸ Общее обозрение средств содержания сельских причтов С.-Петербургской губернии // РГИА. Ф. 804. Оп. 1 (1 раз.). Д. 49. Л. 275 об.

⁹ Там же. Л. 275.

Очевидно, что оно было неудовлетворительным. Отчасти недостаток содержания компенсировался казенным жильем. Право проживать в церковном доме он получил благодаря наставничеству в приходской школе. Она находилась непосредственно в церковном доме. Проживая в нем, диакон был обязан исполнять функции церковного истопника, а в качестве наставника учить детей письму и чтению, преподавать Закон Божий, священную историю и правила арифметики. В 1863 г. в школе обучались 16 мальчиков и одна девочка. За эти труды он не получал дополнительного денежного вознаграждения.

Между тем жизнь в сельской местности требовала немалых расходов. По сведениям протоиерея Андрея Ласкина, на продукты питания при проживании в сельской местности церковно- и священнослужители тратили в день не менее 20 коп. на взрослого человека и не менее 10 коп. на малолетнего. В целом, взрослому необходимо было по 6 руб. в месяц или по 72 руб. в год, а малолетнему соответственно 3 и 36 руб.¹⁰ Впрочем, благодаря огороду многие священники тратили меньше средств на еду, что позволяло сэкономить деньги на покупку одежды и другие нужды. Исходя из вышеперечисленных затрат на содержание семьи священника можно прийти к выводу, что диакон Василий Лебедев с трудом сводил концы с концами. А ведь необходимо было и дом построить и детям дать хорошее образование. По данным того же протоиерея Андрея Ласкина, постройка достойного дома обходилась деревенскому священнику в Лужском уезде примерно в 1 тыс. руб.¹¹

Отметим, что многие церковно- и священнослужители использовали предоставленные им земельные площади лишь частично под огороды. Остальная часть угодий сдавалась в аренду или вовсе пустовала. По данным священника Ильи Быстрова, на обработку его земельного участка из 2000 кв. саженей он потратил в 1862 г. до 150 руб. На ремонт сельскохозяйственных орудий, наем сторожа и постройку изгороди, наем пастуха для рогатого скота, содержание рабочего и прочие расходы ушло еще около 195 руб.¹² Всего он израсходовал на хозяйство и содержание семьи в 1862 г. 920 руб. Между тем его жалование составляло 410 руб. 26 коп. От земельных угодий он получал до 350 руб. дохода, а от «добровольных приложений», как он писал, 83 руб. Таким образом, его общие доходы составили 906 руб. 26 коп. Судя по дефициту его бюджета, ему не всегда удавалось «выйти с прибылью». Еще сложнее оказалось тем, кто был причислен к низшему, 6 классу. Причты этой категории состояли всего лишь из священников и дьячков, и получали по 150 и 70 руб. в год соответственно.

Отмечая бедственное положение многих приходских церковно- и священнослужителей, нельзя не упомянуть и о благополучных местах в Санкт-Петербургской епархии. Их было немного и сосредоточены они были в уездных городах. К таковым приходом можно отнести Царскосельский Екатерининский собор с его многочисленными

Митрополит
Новгородский и Санкт-Петербургский
Исидор (Никольский)

¹⁰ Рапорт благочинного, города Луги Екатерининского собора протоиерея Андрея Ласкина... Л. 293.

¹¹ Там же.

¹² Записка священника церкви Воскресения Христова Передольского погоста Лужского уезда Ильи Быстрова // Там же. Л. 300.

прихожанами. В 1862 г. в их числе были 414 мужчин военного звания и 315 женщин, членов их семей, 115 гражданских чинов мужского пола и 118 женщин, 354 мужчин и 452 женщины из купцов, мещан и ремесленников. Наконец, еще 458 мужчин и 226 женщин относились ко всякому рабочему люду из других губерний, приезжавшему на заработки. Благодаря столь большому числу прихожан доходы местного причта были весьма значительными. Так, ключарь получал годовое содержание в размере 500 руб. в качестве казенного жалования и до 300 руб. от исполнения разных треб. За наем квартиры ему выделяли 142 руб. 82 коп., еще 50 руб. на дрова и 178 руб. за хлеб. Два священника получали по 342 руб. казенного жалования, и до 300 руб. от треб каждый. За наем квартир им ассигновывали по 142 руб. 84 коп., на дрова по 50 руб., а за хлеб 140 руб. 50 коп. Диакон получал 252 руб. 96 коп. жалования, и до 200 руб. от треб. За наем квартиры ему давали 142 руб. 82 коп., на дрова — 40 руб., а за хлеб 101 руб. 60 коп. Два дьячка получали по 161 руб. 16 коп. жалования, и до 100 руб. от треб каждый. За наем квартиры 142 руб. 60 коп., на дрова — 60 руб., за хлеб 87 руб. 4 коп. Два пономаря имели ежегодно 158 руб. 38 коп. жалования и до 100 руб. от треб каждый. За наем квартиры им выдавали по 142 руб. 82 коп., на дрова — 40 руб., за хлеб 65 руб. 28 коп. Просвирие выплачивали 68 руб. 36 коп. жалования, а за наем квартиры 57 руб. 12 коп., еще 25 руб. на дрова и 16 руб. 35 коп. за хлеб¹³. Несмотря на такие доходы, духовенство этого причта в начале 1860-х гг. регулярно отсылало епархиальному начальству жалобы на дороговизну квартир в Царском Селе. По их словам, им не хватало квартирных денег, что приводило к необходимости доплачивать из своих средств деньги на наем жилья. В середине отмеченного десятилетия члены этого причта смогли убедить епархиальные власти в необходимости купить для них дом с достаточным количеством квартир.

Неудовлетворительное материальное положение вынуждало членов некоторых причтов использовать все возможности для добычи необходимых денежных средств и продуктов питания. К примеру, такими настойчивыми оказались священники с. Тайцы Царскосельского уезда. После 1843 г. в этом уезде крестьяне были освобождены от необходимости исполнять ругу, в том числе и прихожане церкви св. благоверного князя Александра Невского. По словам настоятеля этого храма священника Дмитрия Шишова, некоторое время крестьяне еще поставляли духовенству небольшое количество зерна, сена, дров, но с годами все меньше и меньше¹⁴. Однако члены этого причта, как и некоторых других, не хотели отказываться от ранее получаемых материальных благ. Как правило, духовенство таких церквей в осенние дни, часто в непогоду, разделяли свой приход на сектора и отправлялись за нужными продуктами. Используя свой транспорт, они прибывали в ту или иную деревню. Имея при себе помощников из числа прихожан с мешками, они начинали ходить от дома к дому, чтобы добыть свою долю «былых материальных благ». В основном, они требовали от крестьян, якобы, свою законную часть зернового хлеба. Правда, эта процедура редко обходилась без ругани и взаимных упреков. Священники, недовольные отказом крестьян выполнить «свой долг» в полной мере, или вовсе отказом выплачивать ругу, часто прибегали к угрозам. В частности, обещали крестьянам не причащать их или не венчать их детей. Нередко, утомившись чтением нравоучений, священники были вынуждены уйти ни с чем. Бывали случаи, когда весть о начавшемся походе священников за продуктами становилась известной крестьянам и те, чтобы избежать с ним встречи, покидали свои дома. При этом их жены и вовсе отказывались обсуждать какие-либо дела без мужей. Таким образом, чтобы получить нужные им продукты, священники были вынуждены унижаться. Впрочем, и после этих неудач они домогались своей доли у крестьян, не списывая с них несобранную ругу. По праздникам они вновь отправлялись к должникам за продуктами, требуя с них неуплаченный долг. Конфликты на этой

¹³ Ведомость о способах содержания причтов Царскосельских епархиальных церквей и о прихожанах тех церквей 1863 г. // РГИА. Ф. 804. Оп. 1 (1 раз.). Д. 238. Л. 2–5.

¹⁴ Рапорт священника Александровской церкви с. Тайцы Царскосельского уезда Дмитрия Шишова. 1863 г. // Там же. Л. 75.

почве порой доходили до крайностей, когда священник отказывался отпевать покойного родственника должника, венчать или крестить его детей. Это приводило к жалобам на священников, которые оказывались крайними в лице своих начальников.

Практике сбора продуктов часто не одобряли местные помещики, в особенности те, которые поддерживали причты деньгами и жильем. Так, духовенство Александровской церкви с. Тайцы в отмеченное время получало помимо небольшого казенного жалования доплату от местного помещика: священник 171 руб. 42 коп., а дьячок 64 руб. 28 коп. в год. Им же местный землевладелец предоставил и жилье. Впрочем, учитывая низкий доход от требоисполнения, который редко превосходил 50 руб. в год, при отсутствии достаточной земли (приход имел 1 дес.), вряд ли можно было считать материальное положение священника и дьяка этого прихода достаточным для безбедной жизни.

Между тем, принципы неравного содержания духовенства из казенных сумм основывались на убеждении церковных и светских властей, что многие причты имели иные источники дохода. Впрочем, этот факт не подвергался сомнению и исследователями. Действительно, многие причоды жили за счет исполнения треб, доходов с капиталов, земельных угодий и прочих источников. При этом духовенство на протяжении всего императорского периода России жаловалось на недостаток всех этих средств, обращаясь к своим епархиальным начальникам с просьбами о предоставлении казенного содержания или увеличении его размеров. Рассматривая сведения о доходах от исполнения треб, можно все же прийти к выводу, что этих средств для благополучной жизни духовенства и их семей было крайне недостаточно. Ниже мы приводим статистические данные по доходам причтов от отмеченных обрядов.

Таблица 1

Полученные доходы за разные требы причтами Санкт-Петербургской епархии в 1862 г.¹⁵

Полученные доходы (руб.)	С.-Петербургский уез.	Гдовский уез.	Лужский уез.	Новоладожский уез.	Петергофский уез.	Царско-сельский уез.	Шлиссельбургский уез.	Ямбургский уез.	Итого
Менее 50 руб. в год	-	-	2	-	-	-	-	-	2
От 50 до 100	-	11	10	9	1	2	3	4	40
От 100 до 200	2	16	17	15	-	8	-	1	59
От 200 до 300	1	8	9	13	4	3	4	5	47
От 300 до 400	4	-	-	6	2	1	2	1	16
От 400 до 500	-	3	1	1	1	1	-	-	7
От 500 до 600	1	-	-	3	1	-	-	1	6
От 600 до 700	1	1	1	-	2	1	-	2	8
От 700 до 800	1	3	1	-	-	1	1	-	7
От 800 до 900	-	-	-	1	2	-	1	-	4
От 900 до 1000	2	-	-	1	-	1	-	-	4
От 1000 до 1100	-	-	1	-	-	-	-	-	1
От 1100 до 1200	-	-	1	-	-	-	-	-	1
До 1600	1	-	-	-	-	-	-	-	1
До 2000	-	-	-	-	-	-	1	-	1
Итого	13	43	42	49	13	18	12	14	204

Приведенные в таблице 1 сведения показывают, что 171 приход имел доходы менее 500 руб. в год. Из указанной суммы часть денег расходовалась на содержание храма,

¹⁵ Общее обозрение средств содержания сельских причтов С.-Петербургской губернии // РГИА. Ф. 804. Оп. 1 (1 раз.). Д. 49. Л. 276.

что снижало денежное довольствие причта, часть отчислялась на общие епархиальные нужды. Нет сомнения, что полученные средства от исполнения треб не могли в полной мере обеспечить жизненные потребности духовенства этих причтов и их семей. Следует иметь в виду, что церковно- и священнослужители в большинстве своем были многодетны. Деньги требовались не только на пропитание, но и на содержание квартир и домов, обучение детей, одежду и прочие расходы.

Возможно, полученные от треб доходы были бы достаточны, если бы духовенство обеспечивалось необходимым размером казенного содержания. Однако такого рода жалование получали не все причты. Так, согласно справке епархиального начальства 1863 г., из 49 причтов Новоладожского уезда жалование по окладу 1 класса должен был получать 1 причт, по окладу 2 класса — 2 причта, по окладу 3 класса — 4 причта, по окладу 4 класса — 19 причтов, по окладу 5 класса — 10 и еще 10 причтов имели жалование по 6 классу¹⁶. Так, средний общий оклад священника и дьячка по последнему классу должен был составлять 132 руб. в год. Однако, как отмечалось выше, на деле размер жалования духовенству часто не соответствовал штатному расписанию 1843 г. Из отмеченных 49 причтов Новоладожского уезда три прихода вовсе были лишены епархиального денежного содержания.

Неравномерной была и обеспеченность причтов землей. Так, в 1863 г. из 204 самостоятельных церквей Санкт-Петербургской губернии 20 приходов не имели земли. Еще 55 владели недостаточными по закону участками, т. е. менее 33 дес. земли. 39 церквей имели равную, установленную законом, площадь земли в 33 дес., а 36 приходов — 36 дес. земли. 46 церквей были обеспечены землей от 40 до 100 дес., 3 имели по 150 дес., 2 — по 248 дес., 3 — по 336 дес., 1 — 811 дес.¹⁷ В таблице 2 приведены сведения о земельном обеспечении церквей Санкт-Петербургской епархии в 1863 г.

Таблица 2

Площадь церковной земли, которой могли пользоваться причты отдельных уездов Санкт-Петербургской губернии¹⁸

Площадь земли	С.-Петербургский	Гдовский	Лужский	Новоладожский	Петергофский	Царско-сельский	Шлиссельбургский	Ямбургский	Итого
Не имели земли	5	3	-	2	1	6	3	-	20
Менее 33 дес.	5	9	6	17	3	9	2	4	55
33 дес.	2	6	5	12	3	2	4	5	39
36 дес.	-	10	13	6	3	-	-	3	35
41 дес.	-	5	2	2	2	-	3	1	15
50 дес.	-	1	3	1	-	1	-	-	6
55 дес.	1	2	4	1	-	-	-	-	8
60 дес.	-	2	2	3	-	-	-	1	8
73 дес.	-	1	1	2	-	-	-	-	4
93 дес.	-	1	2	1	1	-	-	1	5
150 дес.	-	1	2	-	-	-	-	-	3
248 дес.	-	-	1	1	-	-	-	-	2
336 дес.	-	1	1	1	-	-	-	-	3
811 дес.	-	1	-	-	-	-	-	-	1
Всего церквей	13	43	42	49	13	18	12	14	204

¹⁶ Там же. Л. 275 об.

¹⁷ Там же Л. 276 об.

¹⁸ Там же.

Тяжелое положение сложилось в первой половине XIX в. и с обеспечением сельского духовенства жильем. Из 204 сельских причтов Санкт-Петербургской губернии 104-м не было предоставлено жилье. Духовенство еще 30 приходов имело неудовлетворительные жилищные условия. В таблицах 3 и 4 приводятся сведения о квартирном обеспечении священно-церковнослужителей на 1863 г. и кем жилье отапливалось.

Таблица 3
Обеспеченность бесплатным жильем сельских причтов на 1863 г.¹⁹

От кого получили жилье	С.-Петербургский	Гдовский	Лужский.	Новоладожский	Петергофский	Царско-сельский	Шлиссельбургский	Ямбургский	Итого
Не имели бесплатного жилья									
-	-	24	30	32	6	3	1	8	104
Имели недостаточное жилье									
В церковных домах	-	5	2	4	-	1	3	2	17
От прихожан	-	3	2	3	2	-	1	2	13
От казны	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Итого		8	4	7	2	1	4	4	30
Имели достаточное жилье									
В церковных домах	5	7	5	6	1	3	4	1	32
От прихожан	4	4	3	4	2	4	3	1	25
От казны	4	-	-	-	2	7	-	-	13
Итого	13	11	8	10	5	14	7	2	70
Всего	13	43	42	49	13	18	12	14	204

Таблица 4
Источник обеспечения отопления жилья сельского духовенства в Санкт-Петербургской губернии в 1863 г.²⁰

Кто обеспечивал отопление жилья	С.-Петербургский	Гдовский	Лужский.	Новоладожский	Петергофский	Царско-сельский	Шлиссельбургский	Ямбургский	Итого
Не получали бесплатного отопления									
-	-	26	22	29	6	1	8	10	102
Получали частично бесплатное отопление									
От прихожан	-	2	3	5	1	4	-	-	15
От казны	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Итого		2	3	5	1	4	-	-	15
Имели достаточное бесплатное отопление									
От церкви	4	7	8	7	-	2	1	2	31
От прихожан	4	8	9	8	4	4	3	2	42
От казны	5	-	-	-	2	7	-	-	14
Итого	13	15	17	15	6	13	4	4	87
Всего	13	43	42	49	13	18	12	14	204

Как видно из приведенных в таблицах 3 и 4 данных, половина сельского духовенства была вынуждена нанимать жилье за собственный счет. Подавляющему

¹⁹ Там же. Л. 277.

²⁰ Там же.

большинству из них приходилось оплачивать и отопление арендуемых помещений. Лишь в двух случаях причтам компенсировали расходы на покупку дров. Примечательно, что в 1863 г. епархиальные власти провели опрос среди духовенства Санкт-Петербургской губернии об их материальном положении. Представленные записки были полны жалоб на неудовлетворительное обеспечение сельской части церковно- и священнослужителей. В частности, благочинный Василий Фаворский в своем рапорте от 18 мая 1863 г. так описывал положение причта Благовещенской церкви в селе Кузмине Царскосельского уезда: «По штату высочайше утвержденному 1843 г. означенная церковь и причт принадлежат к 3-му разряду. Жалование, положенное по штату неудовлетворительно и доходы скудны, между тем приход состоит между двумя городами и, естественно, требует от членов причта большей за собой опрятности и чистоты. Земли ни пахотной, ни сенокосной причт не имеет, и вознаграждение за землю не получает. Для помещения причта хотя и устроены два церковных каменных дома, но они, во-первых, старые и сырые, а во-вторых, ремонт их не исправен и отопление неудовлетворительно, ибо на отопление квартир причта выдаются из сельского приказа священнику только на 8 сажень дрова по 4 руб. 60 коп., а всего 36 руб. 80 к. Диакону на 6 сажень 27 р. 60 к., дьячкам и просвирне на 4 саж. по 18 руб. 40 к. серебром. Руги не было и нет. Никаких добровольных пожертвований и приношений причт не получал. Ближайшая церковь находилась в 7 верстах.

Из сказанного выше видно, что неудовлетворительность нынешних средств содержания причта признается почти во всем. Так, священник, по-видимому, получая гораздо более других членов причта, должен терпеть недостаток в самом для него необходимом. Пользуясь готовой сырой и холодной квартирой, получает только на 8 сажень дров для отопления. Школа для крестьянских детей находилась в самом селе в наемном доме. Однако священник, имевший семинарское образование, не получал вознаграждение за преподавание закона Божьего и за смотрительство. Школа содержалась самими крестьянами»²¹.

Читая рапорт священника Василия Фаворского, все же следует иметь в виду, что настоятель Благовещенской церкви в селе Кузмине не был самым обделенным среди духовенства. Его годовой доход, считая жалование и выплаты от исполнения треб, составлял 636 руб. Диакон получал 327 руб. в год, а дьячок 188 руб.²² К примеру, причт Николаевской церкви с. Медолицкое Лужского уезда, также причисленный по штату к 3-му классу, не имел иных доходов, кроме жалования. Оно же по штату составляло для всего причта 333 руб. 20 коп. Из них священник получал 176 руб. 40 коп., дьячок 68 руб. 60 коп., пономарь 58 руб. 80 коп. и просвирня 29 руб. 40 коп.²³ Усадебной земли эта церковь не имела. Духовенство построило своими силами нужный ему дом на земле помещицы Аполлинии Николаевны Тиран. Хотя на это священнослужители получили ее разрешение, со временем помещица стала вести себя не столь доброжелательно, постепенно отбирая у духовенства части придомовых земель. Дрова на отопление членам причта приходилось покупать у помещицы, так как при проведении реформы крестьянам лесных угодий не досталось. До назначения жалования причт получал ругу. Она состояла в том, что каждый прихожанин, имевший жену, выделял причту ежегодно по одной меры ржи и одной меры овса. Но с 1843 г. крестьяне перестали исполнять эти обязательства. Вообще в Санкт-Петербургской губернии ругой имели право пользоваться 50 причтов: 1 в Санкт-Петербургском уезде, 14 в Гдовском уезде, 8 в Новолодожском уезде, 12 в Петергофском уезде, 1 в Царскосельском уезде, 2 в Шлиссельбургском уезде и 12 в Ямбургском уезде²⁴.

²¹ Рапорт благочинного, священника Василия Фаворского 18 мая 1863 г. // РГИА. Ф. 804. Оп. 1 (1 раз.). Д. 238. Л. 20–22.

²² Там же. Л. 17.

²³ Сведения священно-церковнослужителей С.-Петербургской епархии, Лужского уезда, с. Медолицкой. Николаевской церкви // РГИА. Ф. 804. Оп. 1 (3 раз.). Д. 349. Л. 324

²⁴ Общее обозрение средств содержания сельских причтов С.-Петербургской губернии... Л. 277 об.

Несомненно, к наиболее благополучным приходам можно было причислить те, которые по штату 1843 г. получали содержания по 1-му классу. Однако и там наблюдался недостаток в средствах к существованию. Так, причт Георгиевской церкви Вшельского погоста Лужского уезда получал жалование в размере 810 руб. в год. Из них двум священникам было положено получать по 240 руб., диакону 100 руб., двум дьячкам по 70 руб., пономарю 60 руб. и просвирне 30 руб. Кроме того, они делили между собой около 400 руб. от треб. Земельными угодьями в размере 36 дес. духовенство не пользовалось, сдавая их крестьянам за $\frac{1}{5}$ урожая. Однако, по словам настоятеля храма священника Григория Рыбина, зерна до нового урожая им не хватало²⁵. Приходилось покупать зерно у соседнего помещика.

Отметим, что после освобождения крестьян Положением 19 февраля 1861 г. намечалось некоторое ухудшение материального обеспечения церковно- и священнослужителей. В этой связи 28 июля 1862 г. было учреждено Особое присутствие по делам православного духовенства, которому поручено было изыскать способы улучшения его материального обеспечения. Вслед за этим 14 апреля 1863 г. подобные присутствия были учреждены в отдельных губерниях. Помимо разных вопросов, присутствия должны были организовывать церковно-приходские попечительства и братства, с возложением на них обязанностей изыскивать способы и источники содержания духовенства. Они же занимались сбором информации о положении приходского духовенства и их нуждах.

Чтобы собрать объективные данные о положении дел в Санкт-Петербургской губернии, митрополит Исидор (Никольский) поручил 17 марта 1863 г. епископу Ревельскому Леонтию (Лебединскому) письменно опросить местное духовенство и составить свои предложения. В частности, он должен был представить свое мнение о «личных гражданских правах и преимуществах духовенства в семейном и сословном состоянии»²⁶. Из представленной по этому поводу записки епископа Леонтия следовало, что в отношении семейных прав духовенства он ничего не предлагал, так как «не находил ничего, требовавшего изменения или дополнения к существовавшим постановлениям»²⁷. Что касается сословных прав, то среди прочих епископ предлагал освободить церковно- и священнослужителей от необходимости подавать о себе и о своих семьях ревизские сказки, освободить их недвижимое имущество от общественных повинностей и сборов, позволить их детям поступать во все учебные заведения империи, распространить на членов семей духовенства право передвижения по стране наравне со священнослужителями. В отношении собранных епископом Леонтием анкет приходского духовенства об их материальном положении и способах его улучшения каких-либо действий предпринято не было. К несчастью для духовенства, они остались без должного внимания. Очевидно, причиной тому было назначение 20 декабря 1863 г. Леонтия (Лебединского) епископом Подольским и Брацлавским.

Впрочем, определенную систематизацию присланных анкет епископ Леонтий все же провел. В частности, он составил сводку претензий духовенства Петербурга к властям относительно выделяемых средств на их содержание: «1) в недостаточности этих средств для большей части причтов, особенно при постоянно возвышающейся дороговизне на все жизненные потребности; 2) в неопределенности, раздробленности и случайности получаемых доходов; 3) в тяжести обязательств, по которым большая часть духовных лиц выдают значительные пособия вдовам и сиротам своих предшественников; 4) в неопределенности числа членов причта,

²⁵ Ответы священника Григория Рыбина на извлеченные из программы вопросы, составленные высочайше утвержденным присутствием по делам православного духовенства о материальном положении священно-церковнослужителей // РГИА. Ф. 804. Оп. 1 (3 раз.). Д. 349. Л. 294.

²⁶ Записка митрополита Новгородского и С.-Петербургского Исидора в Комитет по улучшению быта духовенства. 1 октября 1863 г. // РГИА. Ф. 804. Оп. 1 (1 раз.). Д. 49. Л. 1.

²⁷ Записка епископа Леонтия о мерах к улучшению быта духовенства С.-Петербургской епархии // Там же. Л. 4.

которое иногда увеличивается несоответственно средствам прихода; 5) в недостатке определенного обеспечения в случае болезни, старости духовных лиц и для сиротствующих семейств их; 6) в неравномерности средств содержания в различных приходах, побуждающей к искательству перемещения от одного прихода к другому; 7) в затруднении воспитания детей в учебных заведениях на собственном иждивении родителей; 8) в постоянном и повсеместном вмешательстве в отправлении приходских треб причтов казенных заведений и монахов, проживающих при архиерейских подворьях и монастырских часовнях»²⁸. Эти претензии во многом схожи с требованиями сельского приходского духовенства.

В целом, Главное присутствие по делам православного духовенства к концу 1863 г. практически прекратило активную деятельность, обретя чисто бюрократический характер. В частности, негативную оценку его работе дал в 1880 г. обер-прокурор Св. Синода Д. А. Толстой. «Таким образом, — писал он, — вопрос об общем улучшении быта духовенства, так быстро подвигавшийся к своему разрешению с 1842 по 1860 год, с этого времени (1863) бывшим присутствием по делам православного духовенства не подвинут вперед ни на шаг. Были только частные случаи, вызываемые особыми обстоятельствами, в которых Св. Синод вынуждался испрашивать к отпуску из казны особых сумм на содержание духовенства в некоторых местах»²⁹. Среди успехов Особого присутствия, пожалуй, можно отнести его предложение по упорядочению приходских штатов, которое было утверждено 16 апреля 1869 г.

Между тем в начале 1880-х гг. те сельские священники Санкт-Петербургской губернии, которые были обеспечены казенным содержанием, продолжали получать не более 150 руб. в год, диаконы до 100 руб., а причетники до 70 руб. Лишь после 1893 г. в Петербургской губернии стали переводить все сельское духовенство на казенное содержание, а также увеличивать жалование тем причтам, которые уже его получали. Предполагалось довести жалование священника до 600 руб. в год, а псаломщика до 200 руб. Правда, этот процесс не был одномоментным, а растянулся почти на полтора десятилетия. Ждавшие этого многие годы священники жаловались обер-прокурору К. П. Победоносцеву на задержку обещанных выплат. В частности, об этом с сожалением писали члены причта Троицкой церкви с. Василькова, Новоладожского уез. «В 1893 г., указом Духовной консистории предписано было причтам С.-Петербургской епархии дать сведения о получаемом содержании, на предмет увеличения оного из высочайше пожалованных на воспособление духовенству сумм. При сем Консисторией было пояснено, что причты наиболее нуждающиеся должны быть представлены отдельно, так как содержание им будет увеличено с будущего 1894 года. Во исполнении этого распоряжения, представлен был к немедленному же увеличению жалования и причт Троицкой церкви с. Василькова, Новоладожского уезда, как имеющий всего 90 дворов беднейших прихожан-крестьян и получающий крайне незначительный доход (до 180 р. священник и до 60 р. псаломщик). Но прошел и 94 год, проходит и 95-й, получили уже прибавку к содержанию и причты сравнительно обеспеченные (как напр. Синявинский, Шлиссельбургского уезда, где священник, помимо доходов и казенного жалования, получают еще ежегодно 350 р. процентов с так-называемого зиновьевского капитала), а причт Васильковской церкви остается все в прежней беспомощности»³⁰.

О срыве платежей писал и псаломщик Спасской церкви с. Глобичкой, Петергофского уезда Федор Ключарев. Он жаловался, что ему надлежало доплатить добавочные 61 руб. 74 к. к его скудному жалованию с февраля 1896 г. Однако год уже шел к концу, а доплаты

²⁸ Свод ответов и предположений причтов г. С.-Петербурга на вопросы высочайше учрежденного присутствия по делам православного духовенства и мнение об оных Духовной консистории // Там же. Л. 32.

²⁹ Всеподданнейшая записка обер-прокурора Св. Синода. 15 февраля 1880 г. // РГИА. Ф. 804. Оп. 1 (1 раз.). Д. 175а. Л. 15.

³⁰ Прошение священника Михаила Позерского и псаломщика Виктора Спасского. 8 ноября 1895 г. // РГИА. Ф. 799. Оп. 14. Д. 362 Л. 29.

все не было. 19 ноября 1896 г. он вновь просил выдать ему означенные деньги, указывая на то, что ему необходимо было содержать свою семью и обучать детей³¹.

Заключение

Следует отметить, что намеченные в 1893 г. размеры штатных окладов причтам не только запоздали, но уже и не соответствовали времени. Для достаточного материального обеспечения духовенства требовался более высокий размер заработной платы. По условиям сельской жизни в Санкт-Петербургской епархии из живущих в ближайших от столицы селениях священников можно было признать достаточным обеспеченными только тех, кто получал не менее 1200 руб. в год. Среди проживавших в более отдаленных местах благополучными можно было считать тех, кто имел жалование не менее 1000 руб. По мнению епархиальных властей, такие же критерии по уровню благосостояния можно было применять и к псаломщикам, если они получали 400 и 300 руб. соответственно. Но таких в Петербургской епархии, по их же мнению, было весьма мало. При этом следует учесть, что к концу первого десятилетия XX в. из 312 церквей губернии продолжали не получать казенного жалования еще 47 причтов³². Из многочисленных проблем сельского духовенства Санкт-Петербургской епархии к началу XX в. был решен лишь квартирный вопрос. Практически все церковно- и священнослужители этой категории имели жилье. Безусловно, предпринятые меры по улучшению быта местного духовенства после 1893 г. и попытки перевести его на казенное содержание имели положительные результаты. Однако в целом решить в полной мере все имевшиеся проблемы правительство так и не смогло, вопреки многим заявлениям. Сельское приходское духовенство продолжало оставаться самой малоимущей частью церковно- и священнослужителей Русской Церкви.

Источники и литература

Неопубликованные источники

Российский государственный исторический архив

1. О соображении и мнении на предмет улучшения быта духовенства С.-Петербургской епархии // РГИА. Ф. 804. Оп. 1 (1 раз.). Д. 49.
2. Об открытии новых приходов и о назначении содержания причтам С.-Петербургской епархии за 1893–1898 гг. // РГИА. Ф. 799. Оп. 14. Д. 362.
3. Об открытии новых приходов, изменениях в составе причтов и назначении причтам содержания по С.-Петербургской епархии за 1901–1902 гг. // РГИА. Ф. 799. Оп. 15. Д. 9.
4. По вопросам о ссудах и заведывании приходских попечительств денежными церковными средствами // РГИА. Ф. 804. Оп. 1 (1 раз.). Д. 175а.
5. Сведения, доставленные от духовенства разных уездов С.-Петербургской епархии. Ф. 804. Оп. 1 (1 раз.). Д. 238.
6. Сведения, доставленные от духовенства уездов: Новолодожского, Гдовского и Лужского по С.-Петербургской епархии // РГИА. Ф. 804. Оп. 1 (3 раз.). Д. 349.

Литература

7. Болонкина Е. В., Катцина Т. А., Федорченко В. И. Материальное положение православного приходского духовенства Енисейской губернии (1820–1861 гг.) // Исторические,

³¹ Прошение псаломщика Спасской церкви с. Глобичкой Петергофского уезда Федора Ключарева 19 ноября 1896 г. // РГИА. Ф. 799. Оп. 15. Д. 9. Л. 45.

³² Справками для комиссии по исполнению государственной росписи // РГИА. Ф. 799. Оп. 15. Д. 1055. Л. 163.

философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 9 (23): в 2 ч. Ч. I. С. 44–47.

8. *Гончаров Ю. М.* Материальное положение городского духовенства Сибири во второй половине XIX — начале XX вв. // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири: Четвертые научные чтения памяти профессора А. П. Бородавкина. Барнаул, 2003. Кн. 2. С. 184–188.

9. *Гончаров Ю. М.* Материальное положение православного белого духовенства в городах Тобольской губернии в середине XIX — начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 4–1. С. 63–66.

10. *Ершова Н. А.* Приходское духовенство Петербургской епархии в XVIII веке: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1992. 16 с.

11. *Калашиников Д. Н.* «Молитесь чаще, нам прибыли больше!»: к вопросу о материальном обеспечении приходского духовенства во второй половине XIX — начале XX в. // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 10 (191). Сер. 1: История. С. 129–135.

12. *Ключарева А. В.* Жизнедеятельность православного прихода в русской провинции в 1881–1917 гг. (по материалам Тульской епархии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Орел, 2009. 23 с.

13. *Кильчевский В.* Богатства и доходы духовенства. СПб.: Работник, 1908. 46 с.

14. *Конюченко А. И.* Материальная сторона быта православного приходского духовенства (на примере Оренбургской епархии в XIX — начале XX в.) // Вестник Челябинского государственного университета. 2003. № 2 (16). Сер. 1: История. С. 29–43.

15. Краткий исторический очерк С.-Петербургской епархии с 1770 г. до позднейшего времени (1770–1883) // Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. СПб., 1884. Вып. 9.

16. *Мангилёва А. В.* Материальное положение духовенства по данным клировых ведомостей Верхотурского уезда за 1808 и 1818 гг. // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки 2007. № 53. С. 153–161.

17. *Мангилёва А. В.* Уральское заводское духовенство в начале XIX в. (по материалам клировой ведомости Екатеринбургского уезда за 1809 г.) // Вестник церковной истории. 2007. № 1 (5). С. 198–218

18. *Миронов Б. Н.* Жизненный уровень российского приходского православного духовенства в императорской России // Исторический журнал: научные исследования. 2015. № 1 (25). С. 65–80.

19. *Ростиславов Д. И.* Опыт исследования об имуществе и доходах наших монастырей. СПб.: Тип. Мор. м-ва, 1876. [4], 396 с.; 22.

20. *Савотеева Н. В.* Экономическое положение сельского духовенства в начале XX в. // Вопросы истории. 2008. № 11. С. 136–139.

21. *Шадрин А. В.* Прецеденты назначения жалования донскому духовенству в XIX в.: к проблеме материального обеспечения духовного сословия в Российской империи // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 7–3. С. 213–217.

ВЕСТНИК ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ

Научный журнал

№ 1 (6)

2021

А. А. Назаров

Основные принципы конфессиональной политики правительства Российской империи в отношении инославных исповеданий

DOI 10.47132/2587-8425_2021_1_171

Аннотация: В статье исследуется конфессиональная политика Российской империи по отношению к Римско-Католической, Евангелическо-Лютеранской и Евангелическо-Реформатской Церквам, носящая дифференцированный характер. По сравнению с Католической Церковью отношение к Лютеранской и Реформатской Церквам было более благожелательным. Конфессиональная политика зависела от исторических событий, наличия или отсутствия межцерковных противоречий, лояльности представителей той или иной конфессии по отношению к политике российских властей, а также взаимоотношений между странами католического и протестантского мира с Российской империей. Основные принципы конфессиональной политики в отношении Римско-Католической Церкви и Протестантских Церквей были сформулированы Екатериной II и Николаем I. Для протестантских Церквей было разработано унифицированное законодательство и единая система конфессионального управления. В результате лютеранские регионы Российской империи стали центром политической стабильности.

Ключевые слова: конфессиональная политика, органы конфессионального управления, правительство Российской империи, Екатерина II, Николай I, Римско-Католическая Церковь, Римско-Католическая Духовная коллегия, Конкордат 1847 г., Евангелическо-Лютеранская Церковь, Генеральная Евангелическо-Лютеранская консистория, Евангелическо-Реформатская Церковь.

Об авторе: **Андрей Александрович Назаров**

Кандидат экономических наук, доцент кафедры документоведения, истории и права Института инновационных технологий и государственного управления МИРЭА – Российского технологического университета.

E-mail: 2360562@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1499-0784>

Ссылка на статью: Назаров А. А. Основные принципы конфессиональной политики правительства Российской империи в отношении инославных исповеданий // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 1 (6). С. 171–186.

* Фотографии взяты из открытых источников.

**HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

Scientific Journal

No. 1 (6)

2021

A. A. Nazarov

**Basic Principles of the Confessional Policy
of the Government of the Russian Empire
in Relation to Heterodox Confessions**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_1_171

Abstract: The article examines the confessional policy of the Russian Empire in relation to the Roman Catholic, Evangelical Lutheran and Evangelical Reformed Churches, which was quite varied. Compared to the Roman Catholic Church, the attitude towards the Lutheran and Reformed Churches was more favorable. Confessional policy depended on historical events, the presence or absence of interchurch contradictions, the loyalty of representatives of a particular confession to the policy of the Russian authorities, as well as the relationship between the countries of the Roman Catholic and Protestant world with the Russian Empire. The basic principles of confessional policy towards the Roman Catholic Church and the Protestant Churches were formulated by Catherine II and Nicholas I. For the Protestant Churches, unified legislation and a unified system of confessional governance were developed. As a result, the Lutheran regions of the Russian Empire became the center of political stability.

Keywords: confessional policy, confessional administration bodies, government of the Russian Empire, Catherine II, Nicholas I, Roman Catholic Church, Roman Catholic Spiritual College, Concordat of 1847, Evangelical Lutheran Church, General Evangelical Lutheran Consistory, Evangelical Reformed Church.

About the author: **Andrey Aleksandrovich Nazarov**

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Documentation, History and Law of the Institute of Innovative Technologies and Public Administration of Moscow Technological University.

E-mail: 2360562@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1499-0784>

Article link: Nazarov A. A. Basic Principles of the Confessional Policy of the Government of the Russian Empire in Relation to Heterodox Confessions. *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2021, no. 1 (6), pp. 171–186.

* Photographs are taken from open sources.

Конфессиональная политика Российской империи по отношению к западным христианским Церквам носила дифференцированный характер. Она зависела от исторических событий, наличия или отсутствия межцерковных противоречий, лояльности представителей той или иной конфессии по отношению к политике российских властей, взаимоотношений стран католического и протестантского мира с Российской империей.

На политику российского правительства по отношению к Римско-Католической Церкви влияли многовековые противоречия между Западным и Восточным христианством. Другим фактором, определявшим конфессиональную политику, были конфликты между Россией и католическим Западом. Такими конфликтами были Крестовые походы на Русь, стремление подчинить Русскую Церковь Римскому папе после подписания Флорентийской унии 1439 г., попытка ликвидировать православие на Украине и в Белоруссии после подписания Брестской унии 1596 г., поддержка Римом и Польшей самозванцев в период Смутного времени и многовековое противостояние России и Запада. Эти события в Московской Руси привели к установлению ограничений на въезд католиков, запрету на строительство костёлов, к свертыванию внешнеэкономических связей с католическими странами в XVI–XVII вв. Ограничения для католиков были сняты лишь в период правления Петра I.

По сравнению с католиками, по отношению к лютеранам в России традиционно проводилась более благожелательная политика. На это влияло отсутствие исторических противоречий между Православной и Лютеранской Церквами и меньшая склонность протестантов к прозелитизму.

Первые протестанты эмигрировали в Россию из Западной Европы в период религиозных войн XVI–XVII вв. Большинство протестантов было лютеранского исповедания. Лютеране находили здесь обстановку религиозной терпимости. Они поступали на государственную службу, вели торговую и промышленную деятельность, имели возможность строить церкви, создавать религиозные общины. Протестантские общины были созданы во многих городах России: Москве, Владимире, Архангельске, Костроме, Угличе, Нижнем Новгороде, Твери, Казани, Серпухове, Ярославле, Вологде, Холмогорах, Пскове, Новгороде и Белгороде. Ограничения, установленные для протестантов, были необременительными: запрещалось заключение брака с православными, приобретение крепостных и любая форма религиозной пропаганды. В случае перехода в Православие эти ограничения отменялись.

Численность инославных христиан стала быстро возрастать в результате политики Петра I, массовой миграции из Западной Европы и вхождения в состав империи Лифляндии и Эстляндии. 16 апреля 1702 г. Петр I подписал Манифест «О вызове иностранцев в Россию, с обещанием им свободы вероисповедания». Миграционная политика Петра I была ориентирована на христианское население Западной Европы. Положения Манифеста о свободе вероисповедания действовали только по отношению к этим группам населения. Купцы, офицеры, ремесленники и художники, которые объявляли на границе о своем желании поступить на службу или переселиться в Россию, доставлялись в Москву, с гарантией обеспечения их безопасности в пути следования. Манифест подтвердил свободу вероисповедания для протестантов и католиков: «И понеже здесь в столице Нашей уже введено свободное отправление всех других, хотя с Нашею Церковью несогласных Христианских сект; того ради и оное сим вновь подтверждается. И так Мы крепко того станем смотреть, чтобы по прежнему обычаю никто как в своем публичном, так и частном отпадении богослужения обеспокоен не был, но при оном содержан и против всякого помешательства защищен был»¹.

Основные принципы политики по отношению к Римско-Католической Церкви были сформулированы в период правления Екатерины II. Численность российских католиков и греко-католиков увеличилась в то время в результате расширения территории империи в западном направлении. Новая ситуация привела к необходимости

¹ Полное собрание законов Российской империи. Т. 4. № 1910. СПб., 1830. С. 194.

Архиепископ Могилёвский
Станислав Богуш-Сестренцевич
(1731–1826)

разработать новую конфессиональную политику в отношении Римско-Католической Церкви. Екатерина II поставила цель создать автономную, максимально независимую от папы национальную Католическую Церковь. Была разработана система мер, резко снижающих степень влияния Римской курии на российских католиков, а также законодательство, регулировавшее деятельность Римско-Католической Церкви и католического духовенства на территории империи. Был ограничен доступ зарубежного духовенства в Россию. Было запрещено прямое действие булл Римского понтифика и любых других нормативно-правовых актов Римской курии на территории России.

Новая конфессиональная политика была разработана после первого раздела Речи Посполитой. 14 декабря 1772 г. Екатерина II подписала указ об организации религиозного управления на присоединённой территории. Буллы папы и других зарубежных структур Католической Церкви не подлежали обнародованию и не имели юридической силы до их утверждения императрицей.

«Хотя Католицикаго Епископа ныне еще нет, но он вскоре быть имеет, которому мы поручаем все Римско-Католицкие монастыри и церкви в Духовное правление,

и сверх того Церкви Римско-Католицикаго закона, находящиеся в разных городах всей нашей империи»². По настоянию Екатерины II Виленский римско-католический епископ И. Масальский обратился в Рим с просьбой о назначении викария для организации управления на отошедшей к России территории. В октябре 1773 г. варшавский нунций посвятил С. Богуш-Сестренцевича в епископы и объявил о его назначении викарием. Однако создание викариатства, по замыслу императрицы, было лишь первым шагом в создании национальной системы управления Католической Церкви. 6 февраля 1774 г. Екатерина подписала указ о создании вместо викариатства Белорусского епископства: «За благо мы рассудили не токмо все оные части епископств бывших католицких совокупить в одну епархию католицкую, но и к ней причислить как в столичных, так и в других городах империи нашей находящиеся кирки, и по разным местам в дальнем расстоянии живущее их Римско-Католическое духовенство. Оною же епархию Мы наименовали епархию Белорусскою католическою, учредя в ней Епископа Католического и при нем Консистирию»³. Консистерии были предоставлены административные и судебные функции. Возглавить новую епархию было поручено «избранному Нами почтенному Станиславу Сестренцевич де Богуш, бывшему епископу Мальскому канонику Виленскому и Кавалеру ордена Польскаго Станислава»⁴.

В 1782 г. императрица преобразовала Белорусское епископство в Могилёвское архиепископство. Управление делами Католической Церкви на всей территории Российской империи было передано архиепископу Могилевскому и его консистории: «В губернском городе Могилеве повелеваем отныне быть Архиепископству Римского исповедания, заключая в Епархии сего Архиепископа все приходы и монастыри,

² Полное собрание законов Российской империи. Т. 19. № 13922. СПб., 1830. С. 688.

³ Там же. Т. 19. № 14122. С. 913.

⁴ Там же. С. 914.

как в Могилевском и Полоцком наместничествах, так и в обеих наших Столицах и во всех местах Российской империи»⁵. При архиепископе была учреждена Могилевская римско-католическая консистория. В ведение Могилевской консистории были переданы хозяйственные и судебные дела. Дела католического духовенства были изъяты из ведения Юстиц-коллегии Лифляндских и Эстляндских дел. Преобразование епископства в архиепископство постфактум было признано в булле папы Пия VI и в декабре 1783 г. было передано нунцием Джованни Аркетти. Архиепископу Сестренцевичу и его преемникам была предоставлена власть «над всем римско-католическим духовенством и церквями, обретающихся в России и других странах от империи зависящих»⁶. Папский нунций возвёл С. Сестренцевича в звание архиепископа.

В период правления Павла I в 1797 г. при юстиц-коллегии Лифляндских, Эстляндских и Финляндских дел был создан Департамент римско-католических дел. В 1798 г. после завершения разделов Польши для унификации административных и епархиальных границ была проведена епархиальная реформа и учреждены пять новых римско-католических диоцезов: Виленское, Самогитское, Луцкое, Каменецкое и Минское епископства.

Могилевская епархия была преобразована в архиепархию. Она стала самой большой католической епархией в мире: в её состав вошла большая часть Российской империи, за исключением западных губерний. Архиепископ Могилевский С. Сестренцевич был посвящён в митрополиты. Все епархиальные архиереи были подчинены архиепископу Могилевскому. «Архиепископу Могилевскому именоваться Архиепископом-Митрополитом и имея все те наружные отличности, которые по обрядам Римской церкви в том преимущественном сане и месте свойственны, пользоваться и теми правами, кои только могут быть присвоены ему, не токмо по его Епархии, но и относительно к другим единоверным Епископствам, как единственному Архиепископу Митрополиту той церкви в России»⁷.

Реформы Павла I были постфактум закреплены в 1798 г. актом Лоренцо Литты, нунция папы Пия VI в России. 3 ноября 1798 г. был принят Регламент для церквей и монастырей Римско-Католического исповедания в Российской империи. Регламент значительно расширял по сравнению с другими странами полномочия российских епархиальных епископов. В российских католических епархиях было введено единоначалие епископов. В их ведение перешло не только приходское, но и монашеское духовенство. В ведение архиереев были переданы находящиеся на территории епархии монастыри действующих католических орденов: францисканцев, иезуитов, капуцинов, доминиканцев, кармелитов, иоаннитов, августинцев, бенедиктинцев и др. В регламенте были установлены права и обязанности архиереев и монашеского духовенства. Была подтверждена независимость российских монастырей от власти генералов монашеских орденов, расположенных в Риме. «Все ордены католические и монашеские обоюбого пола и какого бы звания не были, без изъятия подчиняются архиепископу и епископам, каждому в своей епархии»⁸. В 1801 г. Сенат разработал «Положение для духовного и церковного Правительства Римско-Католического закона». Департамент римско-католических дел был преобразован в Римско-Католическую духовную коллегию. Был принят штат коллегии. Она состояла из архиепископа-митрополита, двух членов (один из епископов, а другой из прелатов) и шести заседателей от епархий из числа прелатов и каноников, по одному от каждой епархии, а так же прокурора, двух секретарей, переводчика и экзекутора. Возглавил коллегию архиепископ-митрополит Могилевский. Кандидаты на должности членов Духовной коллегии выдвигались на заседании самой коллегии. Список кандидатов рассматривал министр внутренних дел, который затем передавал его со своим мнением о выдвинутых кандидатах на утверждение императору.

⁵ Там же. Т. 21. № 15326. С. 383.

⁶ РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 35. Л. 99 об.

⁷ Полное собрание законов Российской империи. Т. 25. № 18504. СПб., 1830. С. 223–224

⁸ РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 137. Л. 39.

Граф Дмитрий Николаевич Блудов
(1785–1864)

Заседатели Римско-Католической духовной коллегии представляли все католические епархии империи. Заседатели избирались на специальном собрании епархиального капитула из числа прелатов и каноников епархии сроком на три года. При духовной коллегии была учреждена канцелярия во главе с секретарём. В штат духовной коллегии был введён прокурор. Прокурор осуществлял надзор за ведением дел и решениями коллегии. В случае несогласия с решением коллегии прокурор выносил протест. Отчёт о решённых в коллегии делах прокурор представлял министру внутренних дел.

Римско-Католическая духовная коллегия как высшая апелляционная инстанция рассматривала апелляции на решения епархиальных судов, бракоразводные дела, жалобы на архиереев. «В случае же апелляции по делам вершимым в консисториях оные переносятся не к Архиерею, но в Департамент для церковных дел Римского закона в столице нашей учреждённый»⁹. В результате учреждения Римско-Католической духовной коллегии произошло ограничение полномочий епископов в сфере духовного судопроизводства. Римско-Католическая ду-

ховная коллегия следила за правильным и успешным течением дел в епархиальных консисториях, представляла правительству предложения епархиального начальства Католической Церкви. Духовная коллегия собирала сведения о церквях, монастырях, духовенстве, учебных заведениях, движимых и недвижимых имуществах.

После восстания 1830–1831 гг. в Царстве Польском и в Западных губерниях Министерство внутренних дел провело реформу католических монастырей, вследствие активного участия католических монахов в этих событиях. Хотя в России католические монастыри находились в ведении епархиальных архиереев, тем не менее, сохранялась параллельная система управления со стороны провинциалов — представителей пребывающих в Риме генералов монашеских орденов. Для предотвращения зарубежного влияния в 1842 г. было принято решение о замене провинциалов визитаторами из представителей белого духовенства. Во всеподданнейшем докладе Д. Н. Блудова от 19 ноября 1842 г. были определены полномочия визитаторов: «Сии сановники должны непосредственно заведовать всеми монастырями в епархиях под главным управлением епархиальных начальств и присутствовать в местных консисториях. Уже с ними обязаны будут сношаться начальники орденов по делам, касающимся монастырей»¹⁰. Был установлен контроль за визитаторами со стороны Министерства внутренних дел. Кандидаты на должности визитаторов представлялись духовной коллегией на утверждение министра внутренних дел. Введение должности визитаторов усилило влияние епархиальных епископов на монашеские ордена.

Серьёзные изменения конфессиональной политики произошли после заключения конкордата с Римской курией. 17 декабря 1845 г. во время пребывания Николая I

⁹ Там же. Л. 38.

¹⁰ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 1076. Л. 20.

в Риме состоялась встреча императора и папы Григория XVI. Папа передал императору записку, в которой были изложены «желаемые курией реформы в смысле расширения власти епископов в отношении консисторий, семинарий и духовенства, восстановления значения монастырей и связи их при посредстве провинциалов с генералами орденов, находящимися в Риме, предоставления свободы сношений католиков со Св. Престолом»¹¹.

Для проведения переговоров и подготовки проекта соглашения в Рим был направлен Д. Н. Блудов. По результатам переговоров 22 июля 1847 г. был заключён конкордат, в котором российское правительство пошло на ряд уступок Римской курии. Полномочия епархиальных архиереев были усилены за счёт сокращения полномочий епархиальных консисторий и Римско-Католической духовной коллегии. В наибольшей степени изменили систему конфессионального управления следующие условия конкордата: «1) в полной независимости римско-католических епископов от Коллегии; 2) в излишестве против действительной надобности епархий, приходов, монастырей и костёлов, число коих было определено договором; 3) в совершенном подчинении римско-католических духовных заведений власти епископов с устранением всякого контроля Правительственной власти»¹².

Функции Духовной коллегии были сведены «до учреждения, посредствующего между правительством и епископами и ведающего исключительно дела имущественные»¹³. После конкордата полномочия Духовной коллегии заключались в представлении правительству предложений епархиального начальства, надзоре за ведением дел в епархиальных консисториях, управлении Вспомогательным и Ремонтным капиталом, ревизии финансовых отчётов консисторий, контроле над оборотом церковного имущества. Конкордат внёс изменения в порядок назначения архиепископа-митрополита, епархиальных епископов и епископов-суффраганов. Со времён императрицы Екатерины II епископы назначались императором и лишь затем представлялись на утверждение понтифику. Его отказ утвердить представленную кандидатуру приводил к появлению «наименованных» епископов, не прошедших канонического утверждения. После заключения Конкордата 1847 г. было введено предварительное утверждение кандидатур папой. Заключение Конкордата привело к усилению влияния католического духовенства и росту сепаратизма в Западных губерниях и Царстве Польском, поскольку епископы попытались восстановить утраченное влияние католического духовенства путём ряда демонстративных мероприятий. Так, например, назначенный Виленским епископом В. Жилинский потребовал от городских властей организовать встречу его в соответствии с правилами встречи субделегатов Святого Апостольского Престола. По требованию католического епископа на городской заставе его должны были ждать полицейские чиновники, учащиеся учебных заведений и члены городских цехов «и сопроводить его до собора под балдахином вслед за папскою буллою, несомую на подушках»¹⁴. Этот случай был рассмотрен на заседании МВД, на котором министр внутренних дел Л. А. Перовский признал, что епископ

Папа Григорий XVI (1765–1846)

¹¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 1. Л. 90 об.

¹² РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 41. Л. 43 об.

¹³ РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 1. Л. 24.

¹⁴ РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 137. Л. 192 об.

сознался в своей ошибке, сказав, что он это сделал по недоразумению. «Но из изъяснений его заметно было, что он, не взирая на свою благонамеренность, был в сем случае увлечён пробудившимся в латинском духовенстве желанием возвратить прежнее свое владычество в Западном крае»¹⁵.

Несмотря на усилия российского правительства, значительная часть населения и католического духовенства Западных губерний и Царства Польского придерживалась антироссийских позиций.

Разительным образом от этих настроений отличалась позиция населения лютеранских регионов и лютеранского духовенства. Отметим, что антироссийские настроения отсутствовали даже у бывших шведских военнопленных. Российское правительство делало всё возможное, чтобы превратить для шведов Россию в новое Отечество. После завершения Северной войны в 1721 г. император Петр I издал «Манифест о призыве шведов на службу и о позволении им в Российском Государстве по учинении присяги селиться, вступать в супружество, приобретать недвижимую собственность, заниматься торговлею и промыслами». В случае принятия присяги шведские дворяне могли приобрести российское дворянство и поступить на государственную службу. Представители других сословий могли записаться в купечество, заниматься медициной, горным делом, преподавательской и научной деятельностью. Всем гарантировалась свобода вероисповедания. «Наконец, обнадеживаем Мы всех таковых новых подданных, во всех случаях, Нашею милостию и высокою протекцию таким образом, что они, дети их потомки в природной своей вере пребудут, собственные кирхи и пасторов содержать могут и все те привилегии получить имеют, которые Мы прочим чужеземцам уже пожаловали, или впредь пожалуем»¹⁶.

В интересах шведских лютеран Петр I добился разрешения заключения межконфессиональных браков. В течение веков на Руси условием заключения брака с католиком или протестантом был переход новообращенного в Православие. Император предложил духовенству венчать запрещенные ранее межконфессиональные браки. 23 июня 1721 г. был принят указ «О дозволении находящимся в Сибирской губернии шведским пленникам вступать в браки с православными без перемены исповедуемой ими веры». Новообращенным ставилось условие: рожденные в таком браке дети должны были быть крещены в Православной Церкви и воспитаны в православных традициях. Любые попытки, направленные на убеждение своих супругов или детей перейти в лютеранство, не допускались и наказывались. Пётр I также предложил изменить правила перехода протестантов в Православие. Поддержку в этом вопросе он получил от константинопольского патриарха Иеремии. Константинополь дал разрешение на принятие лютеран и реформатов в Православие без перекрещивания: «От ереси лютеранских и кальвинских не перекрещивать приходящих — токмо помазанием святого мира делать совершенными христианами»¹⁷.

В период правления императрицы Екатерины II численность протестантов значительно возросла в результате массовой миграции из Западной Европы, а также территориального расширения империи. В состав Российской империи вошли Курляндия (1795) и, при императоре Александре I, Финляндия (1809).

22 июля 1763 г. императрица подписала манифест «О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых губерниях они пожелают и о дарованных им правах». Подтверждалась свобода вероисповедания: «Всем прибывшим в империю нашу на поселение иметь свободное отправление веры по их уставам и обрядам беспрепятственно; а желающим, не в городах, но особыми на поросших землях поселиться колониями и местечками, строить церкви и колокольни, имея потребное число притом пасторов и прочих церковнослужителей, исключая одно построение монастырей»¹⁸.

¹⁵ Там же. Л. 193.

¹⁶ Полное собрание законов Российской империи. Т. 6. № 3778. СПб., 1830. С. 386.

¹⁷ Цыпин В., *прот.* Церковное право. М., 1994. С. 410.

¹⁸ Полное собрание законов Российской империи. Т. 16. № 11880. СПб., 1830. С. 313–314.

Иностранцы получали беспроцентные ссуды на обустройство хозяйством сроком на 10 лет, бесплатные земельные наделы из государственного фонда, освобождение от уплаты податей сроком от 5 до 30 лет, в зависимости от места проживания. С целью оказания содействия переселению иностранцев была учреждена Канцелярия опекунов иностранных колонистов во главе с графом Г. Г. Орловым. На канцелярию была возложена организация вызова, переезда и обустройства колонистов христианского вероисповедания из стран Западной Европы. Среди колонистов преобладали немцы, голландцы и шведы лютеранского исповедания. Колонии были объединены в округа по конфессиональному признаку: лютеранские и реформатские.

Крупнейшими протестантскими Церквями Российской империи были Евангелическо-Лютеранская и Евангелическо-Реформатская Церкви. Значительную долю среди переселенцев из Западной Европы составляли колонисты, входившие в протестантские секты. В феврале 1764 г. был опубликован указ «О дозволении выходить и селиться в России обществу братства Евангелического Августинского исповедания». Члены этого братства были известны как Богемские братья или гернгутеры. Гернгутеры создали поселения в Прибалтийских губерниях и в Саратовской губернии. В 1787 г. было объявлено о вызове в Россию меннонитов, которым были выделены земли (по 65 десятин) в Екатеринославской губернии.

Постоянный рост численности протестантов делал необходимой унификацию системы управления протестантскими общинами. Управление протестантскими Церквями и общинами традиционно было сосредоточено на региональном уровне. На территории Северо-Западных губерний действовала сложившаяся в регионе в ливонский и шведский периоды система консисториального управления. Управление делами лютеранских Церквей находилось в ведении Лифляндской, Дерптской, Перновской, Эстляндской, Эзелъской, Курляндской, Виленской, Нарвской, Выборгской и Фридрихсгамской Евангелическо-лютеранских консисторий. Существовала также необходимость конфессионального законодательства. Даже в Прибалтийских губерниях в разных консисториальных округах конфессиональное право существенно различалось. Правовое положение Церквей регулировалось нормами Курляндского церковного устава 1570 г., Лифляндского церковного устава 1634 г. и Шведского церковного устава 1686 г. Наряду с уставами в Лифляндии действовали Привилегии польского короля Сигизмунда Августа от 15 ноября 1561 г. Дополняли церковные уставы положения Ништадского мирного договора 1721 г. и других мирных договоров. «Этими привилегиями и мирными трактатами было торжественно обещанно неприкосновенное сохранение Аугсбургского исповедания, поддержание его церквей, школ и богоугодных учреждений, содержание консисторий и, наконец, вспомоществование и производство пенсий проповедникам и их семействам из доходов государства»¹⁹.

Правовое положение тех протестантов, которые проживали во внутренних российских губерниях, как правило, устанавливалось в императорских манифестах и указах. Петербургская Евангелическо-реформатская община в своей деятельности руководствовалась манифестом Екатерины II от 11 мая 1778 г. «Об учреждениях, относящихся к восстановлению согласия между членами Реформатской церкви Французской и Немецкой наций». Правовое положение протестантской общины гернгутеров регламентировалось указом Екатерины II от 25 февраля 1764 г. Братское общество Аугсбургского исповедания обладало не только автономией, но и отправляло «судопроизводство соответственно собственной своей юрисдикцией»²⁰.

В немецких колониях, расположенных в Поволжье, было принято «в церковных делах Евангелического исповедания в России держаться Королевского Шведского церковного уложения, коли оно не противно государственным узаконениям»²¹. Евангелическо-Реформатская Церковь в Литве действовала на основе норм польского «диссидентского права» — Варшавского трактата 1768 г.

¹⁹ РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 615. Л. 102.

²⁰ РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 941. Л. 23 об.

²¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 6. Д. 12. Л. 3 об.

Отсутствие центральных органов управления и унифицированного конфессионального законодательства затрудняло процесс управления протестантскими общинами. В связи с этим в XVIII в. российское правительство постоянно поднимало вопрос о централизации системы управления протестантских Церквей. Однако централизации мешал ряд обстоятельств: отличия в устройстве Церквей разных протестантских конфессий, национальные отличия в устройстве Евангелическо-Лютеранских Церквей. Вследствие этого политика унификации и централизации в XVIII в. не имела особого успеха.

Первую попытку централизовать управление лютеранской Церковью предпринял Петр I. В 1711 г. он назначил пастора Московского лютеранского собора свв. Петра и Павла Бертольда Вагнеция суперинтендентом всех лютеранских общин. Б. Вагнеций разработал единый устав для всех лютеранских общин России. Однако вследствие внутрицерковных противоречий устав не был принят. В период правления Анны Иоанновны удалось централизовать систему духовного судопроизводства. Апелляционным судом по духовным делам протестантов стала Юстиц-коллегия Лифляндских и Эстляндских дел.

Новый этап централизации системы управления протестантских Церквей начался в 1817 г. после создания «сугубого министерства» — Министерства духовных дел и народного просвещения. Сначала был образован единый евангелический приход г. Архангельска. В этом приходе были объединены лютеранская и реформатская общины. После проведения 20 октября 1817 г. совместной протестантской службы в ознаменовании 300-летия Реформации в петербургской церкви св. Петра у императора Александра I возникла идея создания объединённой протестантской Церкви. Эта идея была отражена в указе от 7 января 1818 г. где было дано Высочайшее «соизволение на представление Президента барона Корфа, чтобы отныне именовались Протестантские исповедания Евангелическою церковью»²².

Среди протестантов различных конфессий этот указ вызвал большое недоумение. В связи с этим 18 марта 1818 г. министр духовных дел и народного просвещения князь А. Н. Голицын сделал по этому поводу специальное заявление. Было объявлено, что данный указ императора «не запрещает употреблять различные наименования исповеданий, особенно в таком случае, когда общее наименование Евангелический показалось бы кому-нибудь предосудительным»²³.

В рамках объединения протестантских Церквей, 20 июля 1819 г. Александр I учредил Государственную Евангелическую генеральную консисторию. Президентом консистории был назначен генерал-лейтенант граф К. А. Ливен, а вице-президентом статский советник П. П. Пезаровиус. Была учреждена должность епископа евангелических Церквей, «под особенным надзором которого должны были состоять отныне все Евангелические церкви и все духовенство оных в России»²⁴.

Первым епископом был назначен пастор З. Сигнеус. Епископ и президент консистории должны были возглавить процесс объединения протестантских Церквей. Однако эта попытка встретила противодействие снизу.

Против намеченного объединения в 1819 г. выступили евангелическо-реформатские общины Западных губерний. По свидетельству Д. Н. Блудова, «Литовский Реформатский Синод ходатайствовал в Министерство духовных дел об оставлении устройства дел Реформатских общин в Литве на прежнем основании и о неподчинении Синода Генеральной консистории»²⁵. Вследствие этого правительству удалось провести объединение лютеран и реформатов лишь в некоторых регионах. В 1820 г. реформатский приход Митавы был подчинён Курляндской лютеранской консистории «при условии, чтобы проповедник и двое церковных старшин присутствовали в Курляндской консистории при рассмотрении в ней дел

²² Полное собрание законов Российской империи. Т. 35. № 27217. СПб., 1830. С. 254.

²³ РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 4. Л. 41.

²⁴ Полное собрание законов Российской империи. Т. 36. № 27896. СПб., 1830. С. 315.

²⁵ РГИА. Ф. 821. Оп. 4. Д. 4. Л. 4.

реформатских»²⁶. В 1824 г. удалось достичь аналогичного соглашения о передаче управления реформатских приходов Лифляндии в ведение Рижской лютеранской консистории. Условием соглашения было вхождение в состав консистории реформатского пастора и старшины общины.

Процесс объединения был закреплён 15 июля 1830 г. в положении Комитета министров «О порядке управления реформатскими обществами». Особая система управления Евангелическо-Реформатской Церкви была сохранена лишь в Белоруссии и Литве. Управление кальвинистскими приходами в этих регионах было возложено на Виленский евангелическо-реформатский Синод. Высшим органом административного управления стала Виленская евангелическо-реформатская коллегия, состоявшая из светского президента, духовного вице-президента и шести членов (трех светских и трех духовных).

В других губерниях Российской империи реформатские приходы были включены в систему консисториального управления Евангелическо-Лютеранской Церкви. Для рассмотрения дел, затрагивающих интересы Евангелическо-Реформатской Церкви в региональных консисториях были созданы специальные Реформатские заседания. При проведении Реформатских заседаний проводилось частичное изменение состава консистории: лютеранские пасторы заменялись реформатскими пасторами и старшинами.

Важным направлением реформы Церквей протестантского исповедания стало принятие в декабре 1832 г. устава Евангелическо-Лютеранской Церкви. В уставе были закреплены основы учения Церкви, порядок проведения богослужения и совершения таинств. Был установлен порядок избрания, утверждения и назначения на духовные должности, были установлены права и обязанности церковных попечителей и церковных старост, членов церковного причта, проповедников, окружных пробстов, суперинтендентов, генерал-суперинтендентов, прокурора, вице-президента и президента Генеральной евангелическо-лютеранской консистории и других должностных лиц. В уставе были закреплены контрольные, административные и финансовые полномочия Генеральной и окружных евангелическо-лютеранских консисторий. Были установлены правила материального и пенсионного обеспечения светских и духовных должностных лиц, правила социального обеспечения вдов и сирот проповедников, правила выплаты должностным лицам прогонных и суточных денег. Был установлен порядок использования и оборота движимого и недвижимого имущества, порядок использования денежных средств, правила ведения приходно-расходных книг, порядок финансовой отчетности. Генеральную евангелическо-лютеранскую консисторию возглавили светский президент и духовный вице-президент. Президент и вице-президент назначались императором. Кандидаты на должности двух светских членов Генеральной консистории выдвигались местными органами власти (Лифляндской, Эстляндской и Эзельской Ландартскими коллегиями, Курляндским Обер-Гофгерихтом, Рижским и Ревельским магистратами). Кандидаты от округов, где лютеране составляли меньшинство населения (Московского и Санкт-Петербургского) представлялись соответствующими консисториями. Выдвижение на должности духовных членов Генеральной консистории проводилось окружными консисториями из числа пасторов. Император утверждал кандидатов с учетом мнения генерал-губернатора, окружных консисторий и Генеральной консистории. Генеральная консистория обладала контрольными, надзорными, финансовыми, хозяйственными, судебными и административными полномочиями. Она также утверждала тексты богослужения. Надзор за действиями Генеральной консистории осуществлял назначаемый по решению Сената прокурор, который контролировал деятельность Генеральной консистории и провинциальных консисторий, наблюдал за порядком управления имуществом лютеранских Церквей. По судебным делам прокурор отчитывался перед Министерством юстиции, а по всем остальным — перед Министерством внутренних дел. О своей

²⁶ Там же. Л. 27 об.

деятельности Генеральная евангелическо-лютеранская консистория отчитывалась перед Департаментом духовных дел иностранных исповеданий. Генеральная консистория ежегодно представляла следующие документы: послужные списки духовенства, ведомость родившихся, умерших и вступивших в брак, ведомость о состоянии имущества, отчёт о состоянии дел в местных консисториях, ведомость о состоянии касс проповеднических вдов и сирот, ведомость о полученных штрафных денег и об употреблении их.

В уставе Евангелическо-Лютеранской Церкви 1832 г. было закреплено деление Российской империи на восемь лютеранских консисториальных округов: Московский, Санкт-Петербургский, Лифляндский, Эстляндский, Курляндский, Рижский, Ревельский и Эзельский. В Санкт-Петербургский консисториальный округ были включены северные и западные губернии, а в состав Московского округа — центральные, восточные и южные губернии Российской империи. Консисториальные округа, в свою очередь, делились на округа, объединявшие несколько приходов во главе с пробстами. Управление консисториальными округами было возложено на евангелическо-лютеранские консистории. Окружные консистории возглавляли светский президент и духовный вице-президент. Президенты Санкт-Петербургской и Московской консисторий назначались императором. Президенты остзейских консисторий утверждались императором из числа двух избранных кандидатов. Должность духовного вице-президента занимал генерал-суперинтендент. Генерал-суперинтенденты Лифляндский, Курляндский, Эстляндский и суперинтендент Эзельский избирались местным дворянством. Суперинтенденты Рижский и Ревельский избирались магистратами городов, а генерал-суперинтенденты Санкт-Петербургский и Московский — Генеральной консисторией Евангелическо-Лютеранской Церкви. После выборов два кандидата на должность генерал-суперинтендента представлялись на Высочайшее утверждение. На окружные консистории было возложено наблюдение за кассами для вспомоществования пасторским вдовам и сиротам, проведение контроля над проведением визитаций, ежемесячная проверка прохождения денежных сумм, ежегодное представление в казённые палаты финансовых отчётов, представление в Министерство внутренних дел сведений о церковном строительстве. В уставе был также закреплён порядок формирования представительных органов Церкви — периодически собираемых лютеранских синодов для рассмотрения богословских, социальных и хозяйственных дел.

Последовательная политика по отношению к протестантским Церквям дала соответствующие результаты. Было разработано унифицированное законодательство и единая система конфессионального управления. Лютеранские регионы Российской империи стали центром политической стабильности. В тоже время отказ от принципов, разработанных правительством Екатериной II, и либерализация конфессиональной политики по отношению к католицизму, в конечном счёте, привели к дестабилизации политической ситуации в Западных губерниях империи и в Царстве Польском.

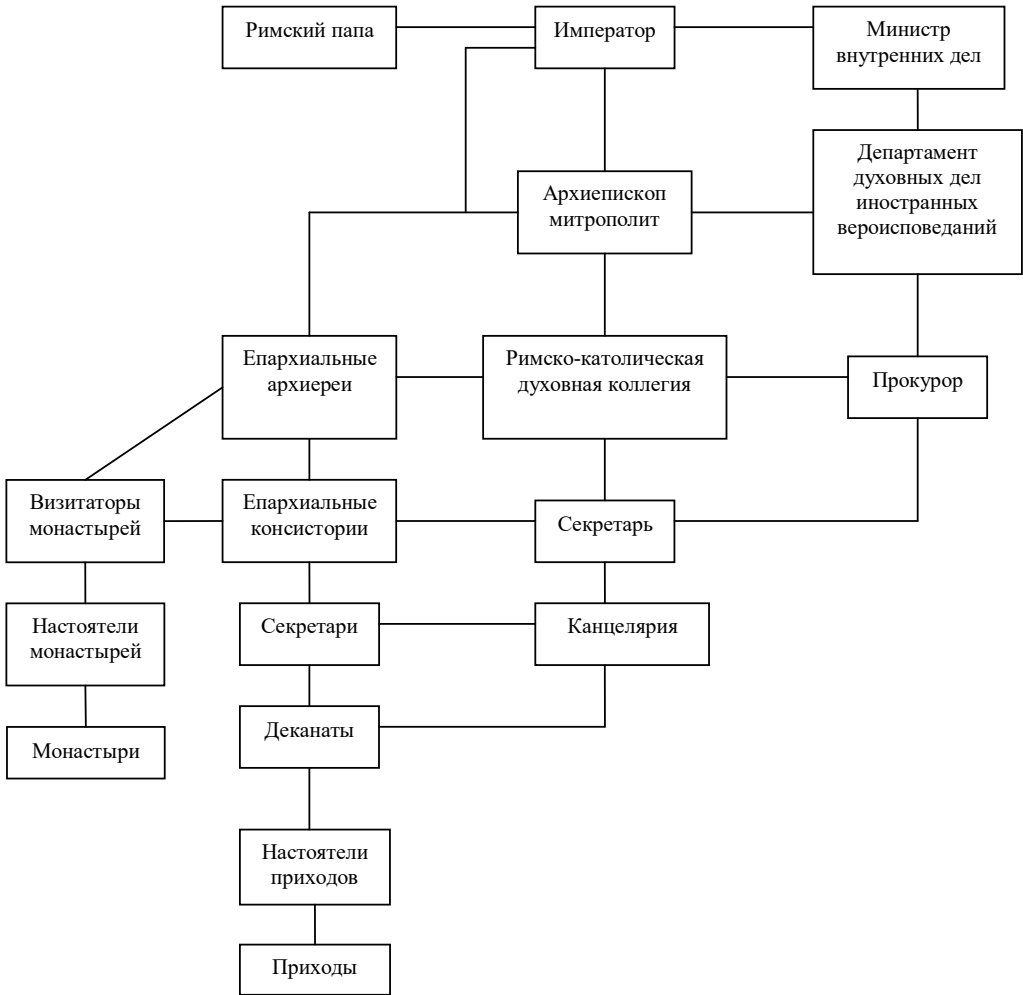
Источники и литература

1. Полное собрание законов Российской империи. Т. 4. СПб.: Тип. 2 Отделения Собственной Его императорского Величества канцелярии, 1830.
2. Полное собрание законов Российской империи. Т. 6. СПб.: Тип. Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830.
3. Полное собрание законов Российской империи. Т. 16. СПб.: Типография Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830.
4. Полное собрание законов Российской империи. Т. 19. СПб.: Тип. 2 Отделения Собственной Его императорского Величества канцелярии, 1830.
5. Полное собрание законов Российской империи. Т. 21. СПб.: Тип. 2 Отделения Собственной Его императорского Величества канцелярии, 1830.

6. Полное собрание законов Российской империи. Т. 25. СПб.: Тип. 2 Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. 1830.
7. Полное собрание законов Российской империи. Т. 35. СПб.: Типография Собственной Его Величества канцелярии, 1830.
8. Полное собрание законов Российской империи. Т. 36. СПб.: Типография Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830.
9. РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 1076.
10. РГИА. Ф. 821. Оп. 4. Д. 4.
11. РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 615.
12. РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 941.
13. РГИА. Ф. 821. Оп. 6. Д. 12.
14. РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 1.
15. РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 137.
16. РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 35.
17. РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 41.
18. *Цыпин В., прот.* Церковное право. М.: Круглый стол по религиозному образованию в Русской Православной Церкви, 1994.

Схема 1

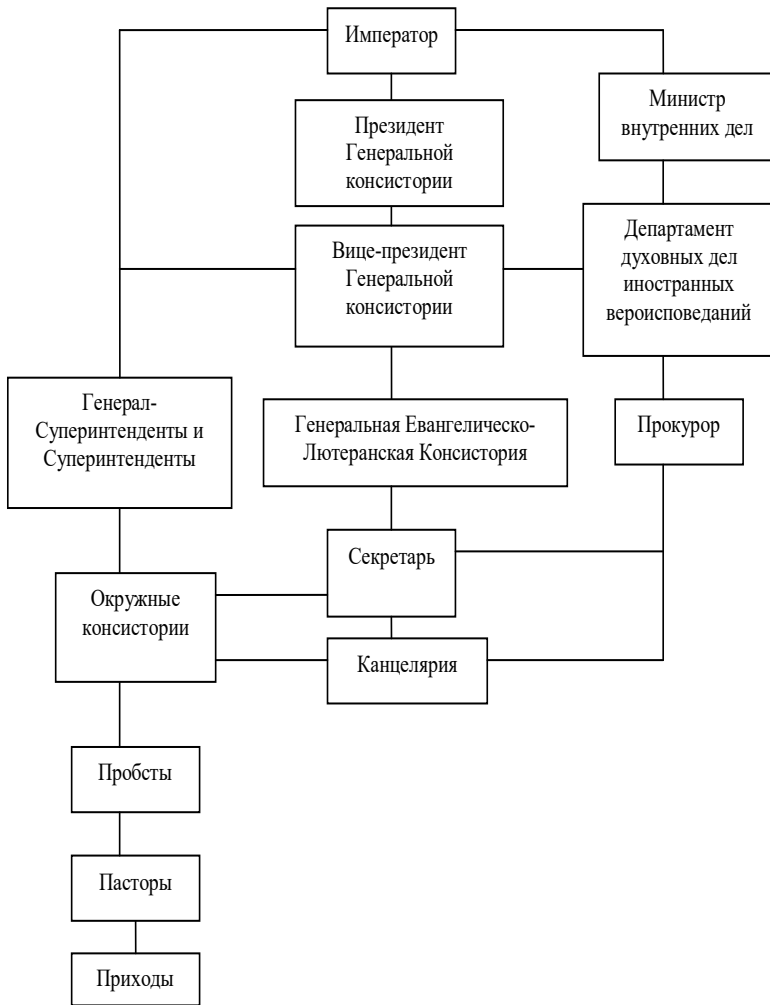
Структура управления Римско-Католической Церковью

© Авторский Архив Назарова А. А.

Схема 2

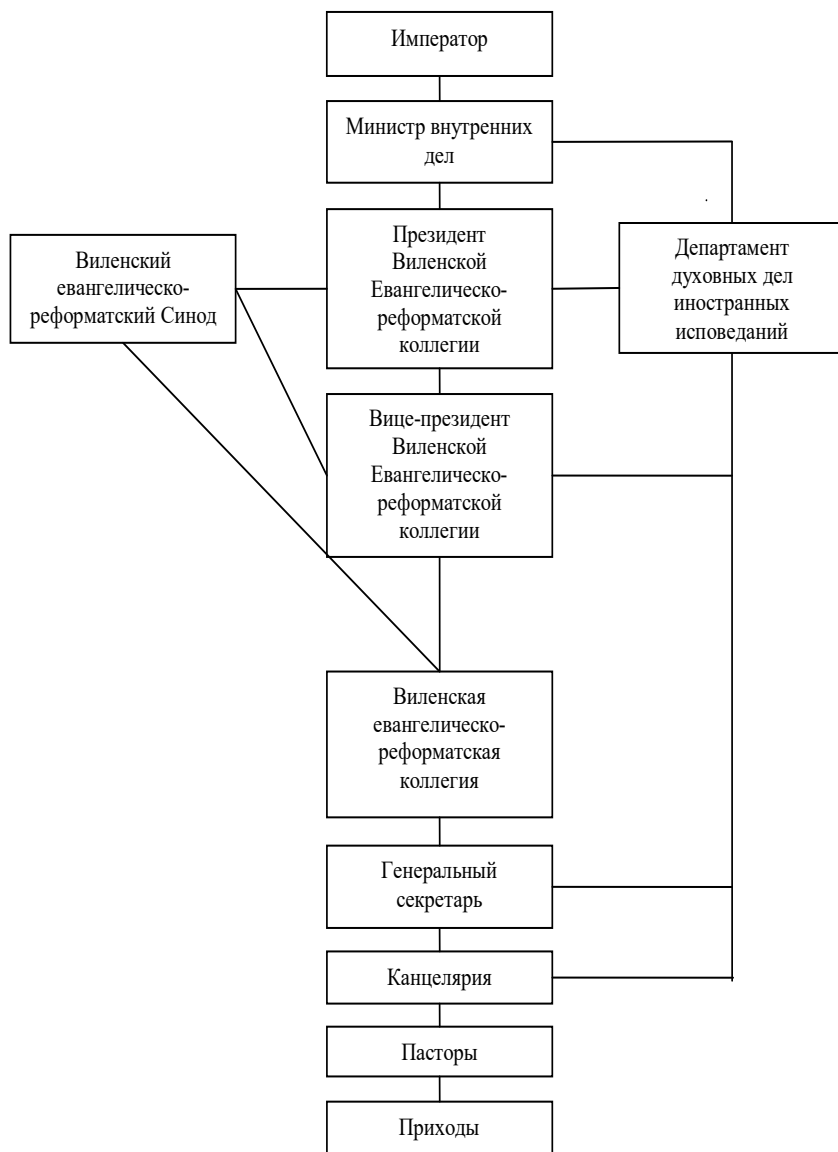
Структура управления Евангелическо-Лютеранской Церковью

© Авторский Архив Назарова А. А.

Схема 3

Структура управления Евангелическо-Реформатской Церкви в Западных губерниях

© Авторский Архив Назарова А. А.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 1 (6)

2021

Священник Павел Овчинников

**Создание базы данных
духовного сословия Российской империи
на основе опубликованных материалов**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_1_187

Аннотация: На протяжении нескольких лет научная группа под руководством автора статьи занимается сбором и систематизацией биографической информации представителей духовного сословия в пределах Российской империи. Хронологические рамки работы охватывают период от начала XIX в. до 1917 г. В данной работе используются новаторские методы компьютерного моделирования и обработки метаданных, которые еще несколько лет назад не могли быть реализованы. Данную работу можно назвать междисциплинарной, а значит, ее итоги будут интересны не только в узкой среде специалистов, занимающихся историей Русской Православной Церкви, но и в академической университетской среде. Итогом работы станет электронная база данных, доступная любому пользователю из любой точки мира и позволяющая в режиме реального времени и в понятной визуальной форме получать выборки по любому региону и населенному пункту, дате, социальному или образовательному цензу, составу семьи, наградам и др.

Ключевые слова: база данных, Русская Православная Церковь, Российская империя, духовное сословие, платформа, новые технологии, генеалогия, биографии, научная группа.

Об авторе: **Священник Павел Андреевич Овчинников**

Магистр теологии, соискатель аспирантуры ОЦАД, клирик Санкт-Петербургской епархии.

E-mail: pabloooo@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3382-4175>

Ссылка на статью: Овчинников П., свящ. Создание базы данных духовного сословия Российской империи на основе опубликованных материалов // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 1 (6). С. 187–192.

* Фотографии взяты из открытых источников.

**HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

Scientific Journal

No. 1 (6)

2021

Priest Pavel Ovchinnikov

**Creation of a Database
of the Clergy of the Russian Empire
Based on Published Materials**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_1_187

Abstract: For several years, a research group led by the author of the article has been collecting and systematizing biographical information of representatives of the clergy within the Russian Empire. The chronological framework of the work covers the period from the beginning of the 19th century until 1917. This work uses innovative methods of computer modeling and metadata processing, which could not have been implemented a few years ago. This work can be called interdisciplinary, which means that its results will be interesting not only in a narrow circle of specialists dealing with the history of the Russian Orthodox Church, but also in the academic university environment. The result of the work will be an electronic database, accessible to any user from anywhere in the world and allowing in real time and in an understandable visual form to receive samples for any region and locality, date, social or educational qualification, family composition, awards, etc.

Keywords: database, Russian Orthodox Church, Russian Empire, clergy, platform, new technologies, genealogy, biographies, scientific group.

About the author: **Priest Pavel Andreevich Ovchinnikov**

Master of Theology, postgraduate student at the Sts. Cyril and Methodius Institute for Post-Graduate Studies, clergyman of the St. Petersburg Diocese.

E-mail: pabloooo@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3382-4175>

Article link: Ovchinnikov P., priest. Creation of a Database of the Clergy of the Russian Empire Based on Published Materials. *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2021, no. 1 (6), pp. 187–192.

* Photographs are taken from open sources.

Духовенство Русской Православной Церкви составляло одну — пусть и немногочисленную — из самых образованных частей населения Российской империи. Многие священно- и церковнослужители вели свою родословную с царских времен, и их предки служили перед престолом Божиим на протяжении столетий. Научная группа под руководством автора статьи работает над тем, чтобы собрать на одной платформе информацию о православных священнослужителях Российской империи, членах их семей, а также представителях рода — потомках и предках. Предпринятое начинание по систематизации сведений охватывает широкий хронологический период, позволяет изучить персоналии духовенства, проследить генеалогию их семей. Широкая география проекта позволяет увидеть данные не по узкому региону или приходской единице (пусть даже отдельной епархии), а в рамках всей Российской империи по состоянию до 1917 г.

С начала 1990-х гг. идет процесс возрождения храмов и монастырей, что является важным процессом восстановления исторической правды. Одновременно с этим работа историка по возрождению памяти о людях, которые несли свое служение перед престолом Божиим, также является важным процессом возрождения той самой исторической правды. Кто-то работает с камнем и тем служит Христу, а кто-то работает с архивными документами и это — его приношение. На текущий момент нет научно обоснованных данных о количестве православного духовенства до 1917 г. Крайне затруднительно также изучать отдельные семьи духовенства по причине их переселения и расселения в разные регионы, иногда весьма отдаленные, а также выхода из духовного сословия и смены рода занятий. В условиях доступности большого количества информации в сети Интернет, источники продолжают быть трудно-достижимы, не распознаны в удобочитаемом виде, следовательно, поиск необходимой информации требует от пользователя большого количества времени. Это касается поиска как отдельной персоналии, так и воссоздания списка священнослужителей отдельного прихода, уезда или епархии.

Идея создания базы данных возникла после работы над списком воспитанников Воронежской духовной семинарии, где автору статьи довелось быть руководителем научной группы. Теперь принципы работы и опыт, полученный ранее, оказалось возможным транслировать на больший регион и с большими задачами¹.

Работа по созданию базы данных осуществляется при поддержке Центра генеалогии «Семейная реликвия» (с). Несмотря на большие масштабы и задачи проекта, задействовано на постоянной основе лишь два человека: руководитель проекта и штатный координатор проекта. По мере роста компании можно будет говорить об увеличении штата за счет штатных или внештатных сотрудников.

На данный момент информация размещается в таблицах Microsoft Excel. Данные о священнослужителях Российской империи с начала XIX в. и не далее 1917 г. отбираются и вносятся в отдельные файлы. После длительной дискуссии было решено, что не представляется возможным строить работу на архивных материалах, а нужно сосредоточиться только на опубликованной литературе. Если допустить еще архивные источники, то работа никогда не будет окончена. Поэтому в настоящее время используются только опубликованные источники и литература. Это могут быть издания

Логотип Центра генеалогии
«Семейная реликвия»

¹ Выпускники Воронежской духовной семинарии 1745–2015 гг.: материалы к биографическому справочнику / Отв. ред. П. А. Овчинников. Воронеж: Издательский отдел Воронежской православной духовной семинарии, 2015. 384 с.

дореволюционные или изданные не так давно. Некоторые из них опубликованы в сети Интернет, другие доступны только в архивных или библиотечных хранилищах. В обязательном порядке при внесении каждой персоналии указываются источник.

Примеры источников.

1. Отсканированные документы, созданные до 1917 г.:

- Адрес-календарь Смоленской епархии с историческими и церковно-практическими указаниями²;
- Справочник для духовенства по Тульской епархии³ и т. п.

2. Научные работы современных исследователей, написанные на основе архивных документов:

- *Шадрин А. В.* Духовенство Донской епархии 1908–1919 годы⁴;
- Приходское духовенство Новгородской епархии во второй половине XIX в.⁵ и др.

В настоящее время ведется работа с программистом по созданию платформы для размещения информации. Поскольку имеется необходимость учесть много особенностей и задач данной базы данных, работа может продлиться еще несколько месяцев. Научная группа не торопится с анонсированием готового решения, так как необходимо до конца понять и учесть все возможности.

Сейчас в базе данных около 70000 записей.

Вносятся следующие данные:

- личные данные священнослужителя (ФИО, происхождение, сан, год рождения / возраст, год смерти / последнего упоминания, образование);
- место служения (епархия, уезд, населенный пункт, церковь). Мест служения может быть несколько;
- данные о прежних местах служения (оконченное образовательное учреждение, год рукоположения во диакона / священника, место служения и с какого года);
- информация о наградах;
- данные об образовании (доступно внесение трех образовательных учреждений);
- данные о семье (ФИО жены, количество детей, их ФИО и год рождения, информация о местах их служения), если таковая информация обнаружена;
- данные об источнике информации (место хранения, год).

Для большей безопасности информации используется хранение на нескольких носителях, в том числе в облачном хранилище Google Cloud.

Для выполнения рутинной работы, т. е. внесения данных в таблицы, привлекаются удаленные исполнители через специальные сервисы (*Work-zilla.com*). Для них составляется подробная инструкция по заполнению и создается образец таблицы для внесения информации. После выполнения работы исполнителем она проверяется куратором проекта и может быть возвращена на доработку. Далее полученный документ загружается на Google Cloud. В процессе работы с различными исполнителями отбираются лучшие и в дальнейшем повторно привлекаются для выполнения подобных заданий.

Среди неминуемых ошибок при внесении информации наблюдаются следующие: написание территориальных единиц (населенных пунктов, уездов и др.), разночтение при написании профессий, написание или неверный расчёт дат жизни. Некоторые

² Адрес-календарь Смоленской епархии с историческими и церковно-практическими указаниями / Сост. свящ. Александр Санковский. Смоленск: Паровая типо-лит. Я. Н. Подземского, 1897.

³ Справочник для духовенства по Тульской епархии. Тула: Типография Н. К. Коньшевой, 1914.

⁴ *Шадрин А. В.* Духовенство Донской епархии 1908–1919 годы // Вестник Ростовского Генеалогического общества. Вып. 3. Ростов-на-Дону, 2012. С. 4–294.

⁵ *Сивеня Д. С.* Приходское духовенство Новгородской епархии во второй половине XIX в. М., 2019. 754 с.

ошибки удастся устранить на стадии внесения информации. Написание имен приводится по современным правилам русского языка: Димитрий-Дмитрий, Иоанн-Иван, Симеон-Семен и т. д. Вне всякого сомнения, вся информация должна быть стандартизирована и унифицирована.

В ходе работы с программистом удалось решить вопрос с минимизацией ошибок при внесении должностей, чинов, наград, имен, названий учебных заведений, губерний и уездов. Это сделано с помощью создания справочников с исчерпывающим списком. Оператор при внесении информации может только выбрать из предложенного списка. Когда встречается новое название, которого не было в базе, то оно вносится в ручном режиме в справочник и дальше все работает по принципу выбора из списка.

Вопрос территориально-административного деления Российской империи (изменение названий и границ волостей, уездов и губерний) не до конца прояснен в отечественной историографии. Это означает, что внесение списка населенных пунктов в базу данных не представляется возможным. К сожалению, это повлечет за собой ошибки, исправление которых будет возможно только в момент широкого использования платформы.

Большой радостью для исследователей будет знать то, что в рамках данной работы удалось описать не только основную персоналию, но также связать его с предками, что удалось объединить разрозненные персоналии в категорию «Семья», а значит, становится возможным использовать базу данных в генеалогических целях.

Платформой для практического пользования базы служат облачные решения «Oracle cloud». Учитывая, что пользоваться базой данных будут разные категории людей с разным уровнем компьютерной грамотности и понимания принципов и задач данной работы, предусмотрены различные категории доступа (ролей) при работе с информацией в базе. У некоторых пользователей будет доступ к редактированию информации, а у большинства только к просмотру и получению различного рода выгрузок или статистики. Пока не решен вопрос с адаптацией данной базы под международные стандарты.

Как только будет завершено создание платформы, в нее будет не только загружена вся имеющаяся информация и открыт доступ к ней, но также состоится регистрация базы данных в Роспатенте. Считаем, что охрана авторских прав не менее важна, чем создание самой базы.

Задачи, которые решает база данных:

1. Можно использовать как евразийскую базу для поиска информации о священно- и церковнослужителях в границах Российской империи.
2. Можно использовать как евразийскую базу для поиска информации о православных приходах в границах Российской империи.
3. Проводить статистические анализы данных и сравнивать информацию по епархиям, регионам, приходам, годам, образованию и др.
4. Можно изучать социальный, образовательный уровень духовного сословия, получить усредненные данные по отдельной епархии или всей Русской Церкви.
5. Устанавливать родственные связи между священнослужителями в разных регионах.
6. Расширять диапазон базы данных, как вверх по хронологии, так и вниз.
7. Дополнять базу данных фотографиями и копиями документов.
8. Аккумулировать и конкретизировать информацию обо всем духовном сословии Российской империи на одном ресурсе и платформе.
9. В дальнейшем получится привязать персоналии к местам служения через ресурсы вроде temples.ru или etomesto.ru.

Источники и литература

1. Адрес-календарь Смоленской епархии с историческими и церковно-практическими указаниями / Сост. свящ. Александр Санковский. Смоленск: Паровая типо-лит. Я. Н. Подземского, 1897.
2. Выпускники Воронежской духовной семинарии 1745–2015 гг.: материалы к биографическому справочнику / Отв. ред. П. А. Овчинников. Воронеж: Издательский отдел Воронежской православной духовной семинарии, 2015. 384 с.
3. *Сивеня Д. С.* Приходское духовенство Новгородской епархии во второй половине XIX в. М., 2019. 754 с.
4. Справочник для духовенства по Тульской епархии. Тула: Типография Н. К. Коньшевой, 1914.
5. *Шадрина А. В.* Духовенство Донской епархии 1908–1919 годы // Вестник Ростовского Генеалогического общества. Вып. 3. Ростов-на-Дону, 2012. С. 4–294.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 1 (6)

2021

М. А. Приходько

**Синод и Министерство духовных дел
и народного просвещения в 1817–1824 гг.**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_1_193

Аннотация: Статья посвящена реформированию управления сферами образования и религии, предпринятому в Российской империи в XIX в. — в 1817–1824 гг. Реформа затронула Св. Синод, внеся изменения в вертикаль управления религиозными делами. Была предпринята попытка административной реорганизации высшего органа Русской Церкви и учреждения комплексного Министерства духовных дел и народного просвещения, ведавшего образованием и делами всех религий Российской империи. Объединение столь разных сфер управления, в конечном итоге, обусловило неудачу реорганизации и возвращение государственного управления данными сферами в первоначальное положение. Статья развивает положения доклада, сделанного на Международной научной конференции «Святейший Синод в истории российской государственности» в г. Санкт-Петербурге 26 мая 2016 г.

Ключевые слова: Российская империя, Синод, министерства, государственная система, государственное управление, религиозное управление, религия, просвещение, иностранные исповедания, реорганизация.

Об авторе: **Михаил Анатольевич Приходько**

кандидат юридических наук, доцент кафедры истории государства и права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА).

E-mail: mprihod@list.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5746-7144>

Ссылка на статью: Приходько М. А. Синод и Министерство духовных дел и народного просвещения в 1817–1824 гг. // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 1 (6). С. 193–197.

* Фотографии предоставлены автором.

**HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

Scientific Journal

No. 1 (6)

2021

M. A. Prikhodko

**The Synod and the Ministry of Religious Affairs
and Public Education in 1817–1824**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_1_193

Abstract: The article is devoted to the reform of the management of the spheres of education and religion, undertaken in the Russian Empire in the 19th century, between 1817 and 1824. The reform affected the Holy Synod, introducing changes in the structure of administration of religious affairs. An attempt was made to administratively reorganize the supreme body of the Russian Church and to establish an integrated Ministry of Religious Affairs and Public Education, in charge of education and affairs of all religions of the Russian Empire. The unification of such different spheres of government ultimately led to the failure of the reorganization and the return of the state administration of these spheres to its original position. The article develops the provisions of the report made at the International Scientific Conference “The Holy Synod in the History of Russian Statehood” in St. Petersburg on May 26, 2016.

Keywords: Russian Empire, Synod, ministries, state system, public administration, religious administration, religion, education, foreign confessions, reorganization.

About the author: **Mikhail Anatolyevich Prikhodko**

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of History of State and Law of the O. E. Kutafin Moscow State Legal University.

E-mail: mprihod@list.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5746-7144>

Article link: Prikhodko M. A. The Synod and the Ministry of Religious Affairs and Public Education in 1817–1824. *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2021, no. 1 (6), pp. 193–197.

* Photographs provided by the author.

Как известно, важной предпосылкой к началу изменений в сфере религиозного управления в Российской империи стало присоединение Царства Польского в 1815 г. и связанный с ним переход в число российских подданных польского населения, преимущественно католического вероисповедания.

Все это повысило внимание императора Александра I к сфере управления иностранными исповеданиями и породило, в конечном итоге, радикальную идею объединения Главного управления духовными делами иностранных исповеданий (далее — ГУДДИИ) и Министерства народного просвещения (далее — МНП).

Одним из следствий этого было назначение в 1816 г. обер-прокурора Св. Синода А. Н. Голицына исполняющим обязанности министра народного просвещения¹ с сохранением за ним должностей обер-прокурора и главноуправляющего духовными делами иностранных исповеданий, с сосредоточением в его руках, помимо управления всеми религиозными конфессиями, еще и управления духовным и светским образованием.

Дальнейшие изменения в сфере религиозного управления были связаны с поручением императором А. Н. Голицыну составления проекта «Учреждения» вверенного его управления, т. е. слияния части дел Св. Синода, ГУДДИИ и МНП в одно ведомство и, тем самым, внесения изменений в вертикаль управления религиозными делами.

В августе 1817 г. готовый проект «Учреждения» поступил на рассмотрение Государственного совета². В Общем собрании Государственного совета 10 сентября 1817 г. проект был одобрен во всех частях³. 5 октября 1817 г. проект был представлен к Высочайшему подписанию⁴. 24 октября 1817 г. император утвердил «Учреждение Министерства духовных дел и народного просвещения»⁵. Так было образовано новое центральное государственное учреждение — Министерство духовных дел и народного просвещения (далее — МДДиНП).

В соответствии с «Учреждением Министерства духовных дел и народного просвещения» данное объединенное Министерство состояло из Департамента духовных дел, Департамента народного просвещения и Главного правления училищ⁶. Духовные дела Св. Синода и бывшего ГУДДИИ вошли в компетенцию Департамента духовных дел, ведавшего духовными делами всех вероисповеданий. В тексте правового акта это было определено следующим образом: «Суть вообще дела по части Духовной всех религий, как различных вероисповеданий Христианских, так и прочих всякого рода»⁷. Тем самым на практике предпринималась реорганизация Св. Синода, так как фактически высшее

Император Александр I.
Портрет Дж. Доу. 1830 г.
Из собрания ГМЗ Петергоф

¹ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1162. Оп. 6. Д. 124. Л. 50об.-51.

² Там же. Ф. 1149. Оп. 1. Д. 24. Л. 1-1 об.

³ Там же. Л. 77.

⁴ Там же. Л. 77 об.

⁵ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. (далее — ПСЗ-1). Т. 34. СПб., 1830. № 27106. С. 814-834.

⁶ Там же. С. 815. § 3.

⁷ Там же. § 4.

А. Н. Голицын.
Портрет К. П. Брюллова. 1840 г.
Из собрания ГЭ

государственное учреждение (Св. Синод) подчинялось (по ряду дел) центральному государственному учреждению (МДДиНП), что дополнительно бюрократически обострялось уходом в 1817 г. А. Н. Голицына с должности обер-прокурора Св. Синода и назначением нового обер-прокурора П. С. Мещерского (1817 (вступил в должность в 1818 г.) — 1833).

Департамент духовных дел разделялся на четыре отделения: 1) по делам греко-российского вероисповедания; 2) по делам римско-католического, греко-унитского и армянского вероисповеданий; 3) по делам всех протестантских вероисповеданий; 4) по делам еврейских, магометанских и других нехристианских вероисповеданий⁸.

Еще одним департаментом МДДиНП был Департамент народного просвещения, осуществлявший общее руководство и контроль

за деятельностью учебных и научных заведений в империи. Он состоял из четырех отделений: 1) по Главному правлению училищ; 2) училищное; 3) особых заведений; 4) хозяйственное⁹.

Кратковременная история МДДиНП в 1817–1824 гг. не содержит каких-либо значительных новаций в сфере управления религиозными делами. Отдельные изменения касались главным образом внутренней, структурной организации ряда конкретных иностранных исповеданий, а не всей сферы управления. Из них нужно отметить следующие: учреждение Комиссии для надзора над римско-католическим духовенством и его имуществом в 1817 г.¹⁰, отделение лютеранского Консистоориального заседания от Юстиц-коллегии Лифляндских и Эстляндских дел и принятие решения об учреждении Евангелической генеральной консистории¹¹, учреждение временной Комиссии для образования Государственной евангелической генеральной консистории в 1820 г.¹², а также поручение в 1821 г. епископу Сигнеусу составления проекта о лучшем устройстве евангелического исповедания¹³.

В 1824 г. МДДиНП было упразднено¹⁴. Причинами столь непродолжительной деятельности Министерства духовных дел и народного просвещения были сразу несколько обстоятельств:

- Противодействие работе министра духовных дел и народного просвещения А. Н. Голицына со стороны православной оппозиции (митрополит Серафим (Глаголевский), архимандрит Фотий (Спасский)) и др., а также консервативно настроенной части общества (А. С. Шишков, М. Л. Магницкий и др.), недовольных понижением роли Св. Синода и Русской Церкви;
- Политическая борьба за влияние на императора Александра I между А. А. Аракчеевым и А. Н. Голицыным;

⁸ Там же. § 7.

⁹ Там же. С. 820. § 42.

¹⁰ Тихонов А. К. Власти и католическое население России в XVIII–XIX веках // Вопросы истории. 2004. № 3. С. 142.

¹¹ ПСЗ–1. Т. 36. СПб., 1830. № 27896. С. 314–315; № 27897. С. 315–316.

¹² РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 222. Л. 597–597 об.

¹³ Неустров А. Н. О евангелическо-лютеранской церкви в Российской империи. СПб., 1856. С. 14.

¹⁴ ПСЗ–1. Т. 39. СПб., 1830. № 29914. С. 319.

- Изменения во внешнеполитической ситуации, связанные с кризисом единства в рамках Священного Союза, вынудившие императора Александра I отказаться от идеи объединения всех христиан;
- Субъективные изменения в религиозных взглядах императора Александра I, вызвавшие его постепенный поворот от идей «общевропейской» внеконфессиональной религии и мистицизма к официальному православию¹⁵;
- Функциональное дублирование в деятельности МДДиНП и Св. Синода¹⁶.

Указ от 15 мая 1824 г. «О производстве дел Святейшего Синода в том же порядке, в каком они находились до назначения министра духовных дел» предписывал: «делам Святейшего Правительствующего Синода до назначения министра духовных дел иметь то же течение, в каком они находились до учреждения сего Министерства 24 октября 1817 г.»¹⁷. Наряду с этим данные слова из правового акта прямо указывали на реорганизацию (изменения в порядке производства дел) Св. Синода, предпринимаемую в 1817–1824 гг.

Реализация Указа от 15 мая 1824 г. означала на практике упразднение Министерства духовных дел и народного просвещения, воссоздание Министерства народного просвещения и Главного управления духовных дел иностранных исповеданий и восстановление вертикали управления религиозными делами Российской империи. Тем самым МНП и ГУДДИИ вновь выделялись в самостоятельные ведомства, правда, пока под единым руководством министра народного просвещения и главноуправляющего духовными делами иностранных исповеданий А. С. Шишкова, а Св. Синод оставался под руководством обер-прокурора П. С. Мещерского.

Таким образом, попытка реорганизации Св. Синода в полной мере оказалась неудачной, а временной отрезок 1817–1824 гг. имеет важное значение для истории Русской Церкви и государственно-конфессиональных отношений в Российской империи в целом.

Источники и литература

1. Кондаков Ю. Е. Государство и православная церковь в России: эволюция отношений в первой половине XIX века. СПб., 2003.
2. Неустров А. Н. О евангелическо-лютеранской церкви в Российской империи. СПб., 1856.
3. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. СПб., 1830. Т. 34. СПб., 1830. 621 с.
4. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. СПб., 1830. Т. 36. СПб., 1830. 456 с.
5. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. СПб., 1830. Т. 39. СПб., 1830. 465 с.
6. РГИА. Ф. 1149. Оп. 1. Д. 24. 78 л.
7. РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 124. 63 л.
8. РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 222. 203 л.
9. Тихонов А. К. Власти и католическое население России в XVIII–XIX веках // Вопросы истории. 2004. № 3. С. 140–146.
10. Шапов Я. Н., Васильева О. Ю., Зырянов П. Н., Ковальчук А. В., Кучумов В. А., Яковенко С. Г. Христианские вероисповедания и государственная власть в России в XVIII – первой половине XX века // Отечественная история. 1998. № 3. С. 155–163.

¹⁵ Шапов Я. Н., Васильева О. Ю., Зырянов П. Н., Ковальчук А. В., Кучумов В. А., Яковенко С. Г. Христианские вероисповедания и государственная власть в России в XVIII – первой половине XX века // Отечественная история. 1998. № 3. С. 157.

¹⁶ Кондаков Ю. Е. Государство и православная церковь в России: эволюция отношений в первой половине XIX века. СПб., 2003. С. 251, 356.

¹⁷ ПСЗ–1. Т. 39. СПб., 1830. № 29914. С. 319.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 1 (6)

2021

Е. Н. Ропаква

**Переписка православных причтов
Санкт-Петербургской епархии
с органами государственного управления в XIX в.**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_1_198

Аннотация: В статье рассматриваются примеры использования данных метрических книг приходского собора в городе Шлиссельбурге (Санкт-Петербургская епархия). На основе комплекса неопубликованных документов XIX столетия изучена переписка причта собора с государственными учреждениями и частными лицами. Также рассмотрены случаи предоставления метрических документов в судебные органы.

Ключевые слова: Санкт-Петербургская епархия, Шлиссельбургский уезд, православный причт, делопроизводственные документы, статистический учет населения, метрические записи.

Об авторе: **Елена Николаевна Ропаква**

Кандидат исторических наук, главный библиотекарь Российской национальной библиотеки.

E-mail: re.poslanie@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8251-5272>

Ссылка на статью: Ропаква Е. Н. Переписка православных причтов Санкт-Петербургской епархии с органами государственного управления в XIX в. // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 1 (6). С. 198–212.

* Иллюстрации предоставлены автором.

**HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

Scientific Journal

No. 1 (6)

2021

Ye. N. Ropakova

**Correspondence of the Orthodox Clergy
of the St. Petersburg Diocese
with Government Bodies in the 19th Century**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_1_198

Abstract: The article examines examples of using the data of the metric books of the parish cathedral in the city of Schlüsselburg (St. Petersburg Diocese). On the basis of a complex of unpublished documents of the 19th century, the correspondence of the clergymen of the cathedral with state institutions and individuals was studied. The cases of submission of metric documents to the judicial authorities are also considered.

Keywords: St. Petersburg Diocese, Schlüsselburg District, Orthodox clergy, chancery documents, population statistics, metric records.

About the author: **Elena Nikolaevna Ropakova**

Candidate of Historical Sciences, Chief Librarian at the National Library of Russia.

E-mail: re.poslanie@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8251-5272>

Article link: Ropakova Ye. N. Correspondence of the Orthodox Clergy of the St. Petersburg Diocese with Government Bodies in the 19th Century. *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2021, no. 1 (6), pp. 198–212.

* Photographs are provided by the author.

Среди документов архива Петербургской духовной консистории и отдельных церквей епархии дореволюционной России, хранящихся в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб), встречается много делопроизводственных материалов. В первую очередь, внутренние и распорядительные документы самой консистории, отчеты о состоянии епархии и приходов, просительные документы на имя митрополита Петербургского, переписка причтов приходских церквей с консисторией, а также их донесения и рапорты. С другой стороны, документы отражают переписку с органами государственного управления и Министерства внутренних дел. В большинстве случаев подобные единичные письма сохранились в фондах различных церквей Санкт-Петербургской епархии. Однако фонд Шлиссельбургского Благовещенского собора за XIX в. предоставляет нам возможность изучить различные аспекты такой переписки.

Уездный город Шлиссельбург располагался при истоке Невы из Ладожского озера в 60 верстах от Санкт-Петербурга. Город находился на левом берегу Невы, при соединении

ее с Приладожскими каналами, «в низменной песчаной местности, открытой холодным ветрам с озера». В городе было два православных храма — единоверческая церковь и Благовещенский собор, гостиный двор, ситценабивная фабрика (свыше 1000 чел.), больница; два министерских училища — одно мужское трехклассное, где обучались 112 мальчиков (начало XX в.), и женское одноклассное, в котором было 67 учениц. Торговое значение Шлиссельбурга

Город Шлиссельбург на открытке начала XX в.

было «ничтожно», город оживал «только в навигационное время», когда проходили караваны судов, шедших в Петербург с Мариинской системы и с Ладожского озера. «Доходы города в 1900 г. составляли 33.950 р., расходы 34.364 р.». Причем на городское общественное управление расходовалось 10%, а «на народное образование не более 2,5% (свед. 1897 г.)»¹.

Каменный храм Благовещения Пресвятой Богородицы города Шлиссельбурга был построен в 1764 г. Приход собора, по сведениям на конец XVIII в., состоял «из 727 лиц мужского и 793 женского пола. Дворов было 275»² (1.520 душ обоего пола). По указателю соборов и церквей 1867 г. — дворов было 330, «душ м. п. 1437, ж. п. 1202, обоего 2.639»³. К концу XIX в. прихожан в городе с приписанными к приходу деревнях (Шереметьевке, Черной Речке, Марвине и Липках) было 339 дворов, «1862 муж. п. и 1774 жен. п.» (3.636 д. об. п.). Причт состоял из протоиерея, священника, диакона и двух псаломщиков⁴. По сословному составу, например, на 1882 год население города Шлиссельбурга распределялось следующим образом: дворян — 91 д. об. п., духовенства — 18,

¹ Д. Р. Шлиссельбург // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1903. Т. 39а. С. 706, 707.

² Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. Вып. 8. СПб., 1884. С. 268.

³ Справочный указатель соборов и церквей Санкт-Петербургской епархии и состоящих при них священнослужителей и приходов с предварительным обозрением состава епархиального управления за 1867 г. СПб., 1867. С. 111.

⁴ Памятная книга по Санкт-Петербургской епархии. СПб., 1899. С. 210, 211.

почетных граждан — 1 м. п., купцов — 15 д. об. п., мещан — 4.726, крестьян — 422, военного сословия — войск — 142 м. п., отставных, запасных и семейства солдат — 89 д. об. п., иностранных подданных — 36, всего — 5.540 д. об. п.⁵

Из фонда Благовещенского собора⁶ было выбрано дело, в котором сохранились метрические документы, переписка причта, паспорта. Отметим, что исследуемые документы в большинстве своем являются подлинными документами. При этом не всегда входящие письма местных органов государственного управления, МВД или здравоохранения имели *фирменные* бланки. Это могли быть и тетрадные листы с реквизитами учреждения в виде чернильного штампа или написанные от руки, что, скорее, указывает на рутинный характер переписки.

Прежде всего мы рассмотрим комплект документов, относящихся к сбору статистических данных. «Потребность в статистических данных ощущалась всегда, во всех устроенных государствах...», — писал в своей книге А. Бушен. Статистические сведения, по мнению автора, были необходимы в государственном управлении, ибо «без достаточного знания государственных сил, слагающихся из числа людей, их нравственного и материального состояния» невозможно было успешно управлять государством⁷.

В России велись несколько текущих списков народонаселения: а) *списки по состояниям*, например, для дворянства потомственного — родословные книги, для православного духовенства — консисториальные списки, для городских сословий — т. н. обывательские книги; б) с фискальной целью — *окладные книги* для домовладельцев, и для городского и сельского податных сословий; в) *полицейские списки* для городов, которые были связаны с имевшейся тогда паспортной системой, системой адресных и иных билетов, видов на жительство. С 1722 г. в России была принята метрическая регистрация, которая производилась посредством духовенства. Метрики велись по приходам⁸, в них регистрировались сведения о рождении (в том числе и незаконнорожденных), браке, смерти⁹. Копии с метрических книг ежегодно доставлялись в духовную консисторию. В свою очередь, до 1857 г. к 1-му февраля «начальники губерний» были обязаны командировать в консисторию благонадежного чиновника для извлечения из метрических документов сведений о числе родившихся, умерших и сочетавшихся браком. В дальнейшем сведения о населении представлялись из губерний ежегодно к 1-му марта в виде таблиц, форма которых была разработана Центральным статистическим комитетом¹⁰.

⁵ Памятная книжка С.-Петербургской губернии на 1882 г. СПб., 1882. С. 6–7.

⁶ ЦГИА СПб. Ф. 737. Собор Благовещения Пресвятой Богородицы город Шлиссельбург, 1733–1923 гг. Оп. 1–11.

⁷ Бушен А. Об устройстве источников статистики населения в России. СПб., 1864. С. 7.

⁸ За образец был взят опыт Швеции. Еще в 1686 г. правительство «предписало общим церковным законом строгую однообразность и аккуратность в ведении пасторских или приходских списков». Приходское духовенство в Швеции имело «огромные права сословные и корпорационные, но исполняющие зато, кроме духовных своих обязанностей, и обязанности гражданские». Государство было разделено на 2.368 приходов, составляющих статистическую единицу. Духовенство вело 5 книг «с целью чисто церковною». Важнейшая из них — это книга текущего контроля населения (домовые списки), форма которых была установлена еще в XVI в. Списки велись по домам, куда входили все лица, принадлежавшие к одному хозяйству: имя, сословие или занятие, год и место рождения, семейное состояние, время прибытия в приход, смерть, степень образования, степень религиозности, поведение (замечания о наказании за воровство и другие гражданские преступления), выбытие. Копии с книг раз в пять лет представлялись в Статистический Совет (Бушен А. Об устройстве... С. 18–20).

⁹ «Среднее число на участок в 5.000 д. приходится ежегодно сделать 422 записи и в том числе 250 рождений, 118 смертей и 54 брака» (Бушен А. Об устройстве... С. 102).

¹⁰ В 1803 г. в составе канцелярии МВД, получившей название Департамента внутренних дел, было учреждено Общество дворян, которое должно было заниматься в том числе и систематизацией сведений о каждой губернии для составления общей статистики государства. В 1811 г. уже Департамент исполнительной полиции рассматривал губернские отчеты и вел

Однако, обратившись к документам Благовещенского собора г. Шлиссельбурга, мы видим, что священнику Иоанну Студийскому приходилось самому представлять необходимые сведения помимо консистории. В 1841 г. шлиссельбургский городничий обратился к священнику с письмом (от 13 декабря), в котором говорилось, что «для составления мною годового отчета о состоянии города Шлиссельбурга за 1841 год, — я покорнейше прошу Ваше Священство, непременно ко 2-му Января будущего 1842 года, доставить ко мне следующие сведения». Требовалось указать число родившихся («мужска пола и женска»), умерших и «браком сочетавшихся», а также «о числе церковнослужителей и причетников каждый пол особо»¹¹. На запрос городничего сохранился черновик ответного письма священника от 2 января: «Его Высокоблагородию господину Шлиссельбургскому Городничему. В следствие отношения Вашего от 13го Декабря прошлаго 1841го года за № 4017м сим приводится Вам в известность, что в городе Шлиссельбурге в течении прошлаго 1841го года по метрической книге Благовещенской церкви имелось: 1) родившихся мужеска пола 31, женска 30, обоего 61 человек. Незаконнорожденных не состоит; умерших мужеска пола 69, женска 33, обоего 102 человек. Браком сочетавшихся 19 пар. 2) Священноцерковнослужителей при градской Благовещенской церкви находится Священников 2. Дякон 1. Дьячков и Пономарей 3. Священноцерковнослужительских жен 4. Детей мужескаго пола 7 (из коих четыре обучаются в училищах и три живут при отцах), женскаго пола 5ть»¹².

В 1847 г. количество необходимых сведений прибавилось. Шлиссельбургское Городническое правление от 28 ноября «на основании Высшаго повеления, изъясненнаго в предписаниях г. Санктпетербургскаго Гражданскаго Губернатора, сие правление обязано представить Его Превосходительству годовой отчет о состоянии города Шлиссельбурга, за 1847 год, отнюдь не позже 10 числа Января будущего 1848 года, а потому для составления упомянутого отчета, Правление покорнейше просит Вас, Милостивый Государь, непременно ко 2 числу Января 1848 года, доставить в сие правление следующие сведения за 1847 год...». Помимо статистики родившихся и умерших и вступивших в брак прихожан, а также священно- и церковнослужителей и их семей, следовало прояснить: «Из числа родившихся сколько было незаконнорожденных обоего пола. Какого возраста людей смерть похищала преимущественно. Сколько умерло младенцев: не достигших одного года — 00, от одного до 5ти лет — 00, а также и стариков свыше 60 лет — 00. Браком сочетавшихся — 00 пар. 3.) Сколько было родившихся двойнев, тройнев и так далее и от кого именно. — и 4.) Сколько в течении года приняли православное исповедание из евреев, католиков и прочих исповеданий, отделив каждое исповедание и пол»¹³.

В документах имеются черновики двух ответных писем от священника. В 1847 г. («Декабря», но числа нет): «... сим приводится Вам в известность что 1.) в городе Шлиссельбурге при Церкви Благовещения Пресвятыя Богородицы в течении 1847 года имелось а) родившихся мужескаго пола 46, женска 41, обоего 87 человек. Из коих незаконнорожденных было мужескаго 4, женскаго 4, обоего 8. б) Бракосочетавшихся 6 пар. 2) Священно и церковнослужителей... Священников 2, Дякон 1, Дьячков и Пономарей 3. Жен их 4. Детей мужеска пола 3, женска 3. 3) родившихся двойников было — у коллежскаго регистратора Федора Трофимова Свинцова и у солдатской жены вдове Натальи Лаврентьевой. Тройников не было. 4) Смерть похищала преимущественно в младенческом возрасте, недоживших одного года 22, от 1го до 5ти лет 11, от 5 до 60 — 56, свыше 60 лет — 22. 5) Присоединившихся к православной церкви

статистику. Новые штаты МВД 1834 г. включали 9 сотрудников Статистического отделения. В 1858 г. в рамках МВД создается Центральный статистический комитет. Этот комитет МВД из коллегиального органа в 1863 г. был преобразован в Статистический совет, составленный из представителей разных министерств и ведомств.

¹¹ ЦГИА СПб. Ф. 737. Оп. 11. Д. 21. Л. 24.

¹² Там же. Л. 25.

¹³ Там же. Л. 29.

в течении 1847 года было: из Лютеран одна, из Католиков одна. Из Евреев 3 мужескаго пола»¹⁴. В 1851 г. родившихся было 44 мужского пола, 44 женского, «из коих незаконнорожденных было мужеска 2, женска 7, обоего 9». Вступили в брак 25 пар. Умерших обоего пола 106, двойни родились у государственной крестьянки Марфы Дмитриевой, государственного крестьянина Андрея Парфенова, коллежского асессора Александра Николаева Ильинского и у петербургского мещанина Алексея Козлова. «Смерть похищала преимущественно в среднем возрасте — недостигших одного года обоего пола 21. От 1го до 5ти лет 19. — от 5ти до 60ти 49. Выше 60ти лет 17ть обоего пола». Присоединившихся к Православной Церкви из других исповеданий не было¹⁵.

По Положению 1837 г. «О земской полиции» для «соблюдения тишины и порядка» в штат земского суда (полицейского места в уезде) дополнительно вводились новые заседатели, которые заведовали уездными участками или станами — становые приставы¹⁶. Им также требовались сведения о движении населения. Так в 1857 г. Пристав 1 стана Н. Крушинин 25 ноября 1857 г. писал, что «к составлению статистических сведений о состоянии вверенного мне стана за проходящий 1857 год покорнейше прошу сообщить мне сведения никак не позже 15 числа наступающего Декабря месяца, а именно: 1е) сколько было браков лиц вверенного мне стана а) холостых с девицами, б) холостых с вдовами, в) вдовцов с девицами, г) вдовцов со вдовами. 2е) сколько родилось детей мужескаго пола, сколько женскаго, двойников, тройников, уродов...», а также обращенных из других вероисповеданий и число умерших¹⁷. В ответе священника Григория Кесарева отмечалось, что в деревнях 1го стана Липке и Марьино, которые состояли в приходе Шлиссельбургской Благовещенской церкви, в течение года родилось 7 мужского, 9 женского пола, незаконнорожденных не было, а «двойников, тройников и уродов не было. Браком сочеталось — холостых с девицами 1, вдовцев с девицами 2, всего 4 пары. — Умерло до 1 года мужеска 1, женска 5, от 1 до 5 лет мужеска 1, женска 1, от 5 до 10 лет мужеска 2, от 25 до 30 лет женска 1, от 70 до 75 лет мужеска 1. Присоединившихся к Православной церкви... не было»¹⁸.

Помимо кратких статистических сведений причту Благовещенского собора приходилось кропотливо работать над заполнением присланных таблиц для Санкт-Петербургского губернского комитета. Например, в 1882 г. священнику Григорию Кесареву необходимо было предоставить статистические сведения за 10 лет — с 1871 по 1881 гг. Причем сведения приводились не только за весь приход — г. Шлиссельбурга

Фотография Богоявленского собора
в начале XX в.

¹⁴ Там же. Л. 30.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Становые приставы назначались губернатором из числа кандидатов, представленных уездным дворянским собранием, они были обязаны проживать на своем участке, для этого им выделялись средства на приобретение жилья. В подчинении становых приставов находились сотские и десятские, выбираемые от 100–200 и 10–20 крестьянских дворов соответственно, которые должны были еженедельно являться на квартиру станового пристава с докладом о всех происшествиях в их селах.

¹⁷ ЦГИА СПб. Ф. 737. Оп. 11. Д. 21. Л. 31.

¹⁸ Там же.

Современный вид Богоявленского собора

и близлежащих деревень (Липки, Шереметьевка, Марьино, Черная Речка), но и *иноприходных* сел (Путилово, Синявино, Ивановское) и деревень (Бугры, Замошье, Турышкино и Большая Жарновка и др.)¹⁹. Помимо количества браков, рождений, умерших, следовало указать из умерших «моложе 5 лет» и «старше 5 лет», а также преобладающие болезни.

Для местного учреждения здравоохранения²⁰, согласно просьбе уездного врача Соловьева (письмо от 11 ноября 1868 г.) следовало «... доставить ... никак не позже 3го Декабря, по приложенной форме, сведения для медицинской статистики о численности прихода с 1го Декабря 1867 г. по 1е Декабря 1868 года»²¹.

Таким образом, ежегодно в декабре и январе, как свидетельствуют другие документы, причту Шлиссельбургского собора приходилось не только копировать метрические книги своего прихода за прошедший год, но и не один раз переписывать содержащиеся в них сведения для дальнейшей статистической обработки различными органами городского управления и правопорядка. Необходимость учитывать общее количество населения и его движение возникла, например, при организации губерний России (200–300 тыс. человек), или организации патрульно-постовой службы полиции в городах, где полицейские команды определялись численностью из расчета 5 полицейских на 2 тыс. жителей и 10 полицейских во главе с унтер-офицером на 5 тыс. жителей.

Поэтому, когда Колтушское волостное правление²² обратилось 14 мая 1875 г. к причту Собора «... вследствие экстренного требования г. Шлиссельбургским уездным исправником... о доставлении в оное в самом непродолжительном времени именного

¹⁹ Там же. Л. 68–77.

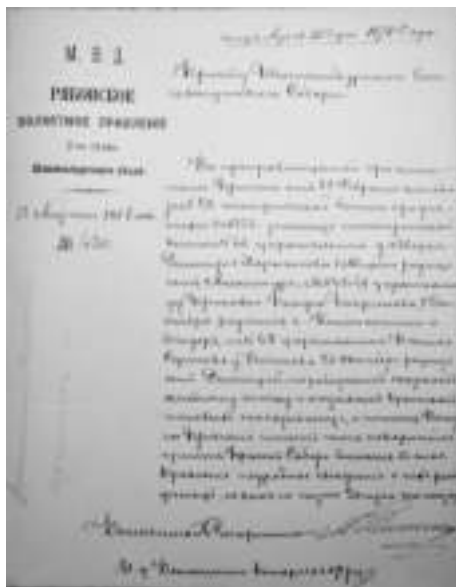
²⁰ В 1811 г. был издан манифест «Общее учреждение министерств», согласно которому при новом Министерстве полиции учреждался Медицинский департамент, который занимался устройством медицинского управления и общими вопросами народного здравоохранения, заготовкой фармацевтических материалов и казенными аптеками. Этот департамент остался и после реформ МВД в 1836 г.

²¹ ЦГИА СПб. Ф. 737. Оп. 11. Д. 21. Л. 26.

²² Волостное правление — орган местного крестьянского самоуправления в России во второй половине XIX — начале XX вв. Состояло из волостного старшины, сельских старост и волостного писаря, избравшихся волостным сходом.

списка о всех умерших после 10й ревизии, то есть с 1858 года по настоящее время, крестьянах Колтушской волости деревень Шереметьевки и Черной речки» с обозначением времени смерти, протоиерей Иоанн Студийский уведомил их, «что делать выписки и справки из метрических книг Собора по требованиям Волостных правлений и других сословий» за такой длительный срок (16 лет) без особого предписания епархиального начальства «причт не считает себя обязанным». И так как наводить выписки и справки в церковном архиве представлялось самим просящим, «... а потому не благоугодно ли будет Колтушскому Волостному правлению по отношению своим к причту собора от 14го мая за № 836 и от 30го октября за № 1551м, и от 4го декабря за № 1731м, сего 1875 года для получения... нужных сведений командировать в собор... человека, который бы при члене причта мог сам собрать нужные сведения и в будущее время в подобных случаях поступать также»²³.

Однако необходимые для составления рекрутских списков метрические свидетельства крестьян Рябовской волости деревни Морья были причтом предоставлены в январе 1871 г. По Уставу духовных консисторий 1841 г. духовным правлениям разрешалось выдавать выписки из метрических книг только в одном случае: «по требованиям отдельных Рекрутских присутствий, для удостоверения о годах людей, поступающих в военную службу»²⁴. В письме Рябовского волостного правления напротив упомянутых в нем фамилий карандашом были сделаны пометки причта о возрасте крестьян: «... 1., Павлу Иванову — 23, 2., Алексею Николаеву — 25, 3., Александру Николаеву — 19, 4., Михайле Карпову — 20, 5., Михайле Андрееву — 20»²⁵. В данном случае важна также дата письма — 7 января, поскольку призывнику должно было быть 20 лет к 1-му января того года, когда производился набор²⁶.

Письмо Рябовского волостного правления
1876 г.

²³ ЦГИА СПб. Ф. 737. Оп. 11. Д. 21. Л. 37, 38.

²⁴ ПСЗ. 2-е собр. Т. XVI. Отд. 1. № 14409. С. 254.

²⁵ Там же. Л. 44.

²⁶ Рекрутская повинность до 1874 г. распространялась на податное население — крестьян, мещан и др. «В каждом участке, при каждом наборе, призываются к жеребью из молодых крестьян, считающихся в наличных и от рекрутской повинности неизъятых..., все те коим по 1 января того года, в котором набор объявлен, исполнилось от роду двадцать лет» (См.: Положение о жеребьевом порядке отправления рекрутской повинности в участках государственных крестьян и других поселян ведомства государственных имуществ. СПб., 1854. С. 8). Рекрутские наборы в мирное время по Уставу 1831 г. назначались ежегодно по очередным губерниям и областям, которые были распределены по двум полосам — западной (куда входила Санкт-Петербургская губерния) и восточной. В стране были образованы рекрутские участки, исполнявшие рекрутскую повинность по числу лиц мужского пола, записанных по итогам ревизии. Число рекрутов в обыкновенные наборы составляло до 7 чел. с тысячи душ (и более 10 рекрутов с тысячи душ при чрезвычайных наборах). По Уставу о воинской повинности 1874 г. «... мужское население без различия состояний, подлежит воинской повинности». Поступление на службу по призывам решал жребий, который вынимался «единожды на всю жизнь». И к жребию призывались ежегодно «один только возраст населения, именно молодые люди, которым к 1-му января того года, когда набор производится, минуло двадцать лет от роду». Сам призыв производился с 1-го ноября по 15-е декабря. Общий срок службы в сухопутных войсках

Свидетельство о рождении
1868 г.

Позднее то же Рябовское волостное правление просило сведения о конкретных крестьянах села Ириновки: «... сыновьям Герасима Сидорова: 1., Николаю по ревизии 27 лет (карандашом указан 1843 г.), 2., Павлу 18 лет (1851 г.); Николая Григорьева: 3., Василию 25 (1844 г.), 4., Михайле 20 (1849 г.); Николая Гаврилова: 5., Никите 25 лет (1844 г.), 6., Михаилу 20 лет; [села] Морья: 7., Андрею Никитину Рогову — 25»²⁷. Отметим, что в соответствии с Уставом о воинской повинности в каждом селении рекрутского участка после объявления Манифеста о рекрутском наборе именно сельский староста (или старшина) приступал к составлению «списков всем молодым людям своего селения, которые по летам..., должны быть призваны к жеребью...»²⁸. Поэтому любое несоответствие в списках с выписками из метрических книг требовало подтверждения. Как это случилось в апреле 1876 г., когда уже после получения необходимых сведений для составления рекрутских списков Рябовское волостное правление второй раз

обратилось к причту Богоявленского собора. Выяснилось, что некоторых молодых людей, 1855 года рождения, «по ревизским сказкам, семейному списку и отзывам крестьян таковых не оказалось»²⁹.

Факт того, что ранее подобные запросы о родившихся в 1855 г. молодых людях причт собора получал в 1876 г. подтверждается письмом упомянутого выше Колтушского волостного правления. Волостной старшина Я. Хайми в феврале того же года просил «... поспешить доставлением в оное метрической выписи, по форме, требуемой уставом о новой воинской повинности о родившихся в 1855 году крестьянах Колтушской волости, деревень Черной Речки и Шереметьевки, или сведений о том, что родившихся в показанном 1855 году по означенным двум деревням не имеется»³⁰.

Шлиссельбургская Городская управа 26 февраля 1897 г. просила «о скорейшей высылке метрических выписей о родившихся мещанах за 1870 г., так как таковые необходимы ввиду скорого представления призывных списков»³¹. Иногда сведения по воинской повинности приходилось просить дважды. Так, в 1900 г. Ивановское волостное правление Шлиссельбургского уезда в письме от 6 марта просило ускорить исполнение присланного ранее 11 декабря прошлого года просьбу «... относительно присылки метрических выписей на лиц крестьянского сословия сей волости подлежащих в текущем году к призыву»³².

составлял 6 лет действительной службы и 9 лет в запасе (См.: Устав о воинской повинности, высочайше утвержденный 1-го января 1874 г. Вятка, 1874. С. 8, 9, 10).

²⁷ ЦГИА СПб. Ф. 737. Оп. 11. Д. 21. Л. 51.

²⁸ Положение о жеребьевом порядке... С. 17.

²⁹ ЦГИА СПб. Ф. 737. Оп. 11. Д. 21. Л. 33а. «§ 114. Рекрутския очереди семейств учитываются по особенному списку, именуемому *очередным*. § 115. Очередной список мещан составляется Думою...» (См.: Устав рекрутский. СПб., 1831. С. 28).

³⁰ ЦГИА СПб. Ф. 737. Оп. 11. Д. 21. Л. 33.

³¹ Там же. Л. 63.

³² Там же Л. 10. «§ 130. Примечание. 4) Надзор за правильным составлением и дополнениями очередного списка принадлежит в участке Рекрутскому старосте, в волости Волостному Правлению...» (См.: Устав рекрутский... С. 31).

Как мы видим, отсутствие *свидетельств* о рождении (браке или смерти) у прихожан после прохождения таинств и обрядов было сопряжено с необходимостью при различных жизненных ситуациях обращаться в свою приходскую церковь за выписками из метрических книг. По Уставу духовных консисторий 1841 г. метрические свидетельства выдавались из консисторий беспрепятственно лицам, «относящимся к свободным состояниям» — о времени его рождения и крещения, родителям о рождении, крещении и кончине детей, опекунам о рождении и крещении детей, не имевших родителей³³. Например, в июне 1865 г. вдова штатного писаря Шлиссельбургской Команды внутренней стражи Ивана Семёнова Марфа Ивановна подала протоиерею собора Иоанну Студийскому прошение. Ей необходимо было иметь метрическое свидетельство о рождении и крещении дочери Елены «для представления С.-Петербургскому Военскому начальству о выдаче книжки на получение денежного пособия из Казны, на содержание и воспитание малолетней моей Елены, почему имею честь покорнейше просить Ваше Высокопреподобие сделать со своей стороны зависящее распоряжение о написании на простой бумаге нужной метрики и выдать таковую мне...»³⁴. Обращаем внимание, что выписки из метрических книг, сделанные по узаконенной форме, облагались гербовым сбором (маркой). Но здесь требовалось простое свидетельство. Как и в случае со свидетельством, выданным в октябре 1859 г. (за № 183-м), о том, что «Санкт-Петербургской Епархии города Шлиссельбурга церкви Пресвятыя Богородицы в метрической книге значится, что умершаго в 1858м году Декабря 1го дня, служившаго в военнорабочей № 5 роты 111го отделения 1го округа Путей сообщения у отставнаго рядоваго Матфея Иванова Бартусевича и жены его вдовы Виктории Залановичевой — родился сын ВАСИЛИЙ, который молитован тысяча восемьсот пятьдесят девятаго года Апреля девятаго, а крещен того же месяца десятаго числа. При крещении его восприемниками были: 111го отделения 1го округа Путей сообщения 5й военнорабочей роты рядовой Кондрат Григорьев, а также роты рядоваго Василия Фомина жена Марья Иванова; в чем с приложением церковной печати и свидетельствуется. Октября 21го дня 1859го года. — Шлиссельбургской градской Благовещенской церкви...» и далее следовали подписи причта и печать красного сургуча Собора³⁵. Подобное свидетельство можно видеть на ил. 5, где подтверждаются сведения о рождении в 1868 г. дочери Елизаветы у рядоваго Лаврентия Филипова Рылова и его жены Марии Дементьевой.

Официальные учреждения, которым необходимо было по возникшим особым делам иметь также выписки из метрических книг, должны были в письменном виде

Пример Метрической выписки
1892 г.

³³ ПСЗ. 2-е собр. Т. XVI. Отд. 1. № 14409. С. 254. В Уставе духовных консисторий 1883 г. уже уточняется, что метрические свидетельства выдаются из консистории «всем лицам», причем «возраст, дающий право на заявление формального характера о выдаче метрических свидетельств, должен быть признаваем, на общем основании, 17-летний» (См.: Устав Духовных консисторий. СПб., 1883. С. 98, 99).

³⁴ ЦГИА СПб. Ф. 737. Оп. 11. Д. 21. Л. 8.

³⁵ Там же. Л. 3.

Обложка Метрической выписки
1896 г.

обратиться к причту собора. В августе 1875 г. Шлиссельбургский Сиротский суд³⁶ посылает причту письмо, в котором «... покорнейше просит причт Богоявленскаго Собора доставить в оный выписку из Метрических книг о рождении и крещении дочери умершего С.-Петербургскаго мещанина Ивана Евстратова Марии»³⁷.

В июле 1899 г. управляющий Сестрорецкой таможенной обратился к настоятелю Благовещенскаго собора прислать метрическое свидетельство о рождении и крещении сына прикомандированного к упомянутой таможене досмотрщика Шлиссельбургской таможи Ильи Злыгостева. С письмом была *препровождена* одна гербовая марка «80 коп. достоинства и паспорт означеннаго Злыгостева за № 451 и увольнительный билет за № 1/71». Настоятеля просили «об изготовлении таковаго метрическаго свидетельства, а равно об учинении надписи о рождении сына Злыгостева Михаила на прилагаемых двух документах, каковыя вместе с метрическим свидетельством»³⁸. Прибыть в Шлиссельбург лично Злыгостев не мог, «так как служебныя обязанности его не позволяют ему отлучиться от места прикомандирования».

Выписка из метрической книги о «крещении дочери кр[естьянской] дев[ицы] Олонецкой губ., Каргопольскаго уезд[да], Панфиловской вол[ости], дер. Барановской, Евфросинии Афанасьевой Агапитовой — Надежды, род[ившейся] 12 Сентября 1900 г.» потребовалась Правлению Императорскаго Санкт-Петербургскаго Воспитательнаго дома. Такие выписки с надписью «в Воспитательный Дом» от гербового сбора были освобождены³⁹.

В фонде также сохранились несколько документов, которые относились к судебным делам. Например, судебный следователь Санкт-Петербургскаго окружнаго суда по Шлиссельбургскому уезду в марте 1897 г. запросил «метрическую выписку о крещении ребенка «Анны», родившейся в Феврале с. г. от незамужней крестьянки деревни Шереметьевки, Колтушской волости Александры Николаевой»⁴⁰. Или запрос из правления Мужскаго благотворительно-тюремнаго комитета, который занимался розыском документов мальчика Антона. Он пребывал в Александровском приюте арестантских детей, «... приблизительно 10 лет, сын Шлиссельбургской мещанской девицы Марии Петровой Евграфовой, за смертью которой мальчик оставался

³⁶ Сиротский суд — учреждение, которое заведовало опекой над лицами городских сословий (купцов и мещан), учреждался при каждом городском магистрате. С 1818 г. Сиротскому суду предоставлена была опека над сиротами личных дворян, с 1892 г. заведовал опекунскими и сиротскими делами купцов, мещан и цеховых, а также личных дворян и разночинцев. К ведомству сиротскаго суда принадлежали дела попечения о малолетних сиротах и вдовах, и об их имении и делах. Суд состоял из членов, избиравшихся на 3 года частными собраниями купеческаго, мещанскаго и ремесленнаго сословий под председательством городского головы.

³⁷ ЦГИА СПб. Ф. 737. Оп. 11. Д. 21. Л. 36.

³⁸ Там же. Л. 64.

³⁹ Там же. Л. 40.

⁴⁰ Там же. Л. 62.

Метрическая выпись 1896 г.

у мещанина Василия Иванова Швейцера, впоследствии арестованного в Рождественском полицейском доме»⁴¹. Поиск необходимых справок не приводил к положительному результату. Только после того, как сумели разыскать крестного отца мальчика Николая Федоровича Милькова, «который объяснил, что мальчик Антон родился в Шлиссельбурге в зимнее время в 1891 или 1892 г..., крещен в Шлиссельбургском Соборе при нем как восприемнике от купели», Правление Комитета обратилось к отцу настоятелю «... с покорнейшею просьбою не отказать в доставлении в сей Комитет..., по возможности в непродолжительном времени, метрической выписи о рождении и крещении Антона, по крестному отцу Николаю, причем не требовать гербового на выпись сбора по совершенной бедности Милькова, при том большого и семейного человека»⁴². Судя по отметке причта, письмо с метрикой было сразу же выслано в Правление.

Как мы видим, отсутствие привычных для нас свидетельств и регистрационных документов у прихожан вынуждало их при необходимости обращаться в приходской храм за различными выписками из архива. При этом, в зависимости от важности решаемого вопроса, прихожане могли получить Свидетельство без уплаты пошлины на простом листе бумаги. Но оно должно было быть засвидетельствовано печатью церкви и подписями всех членов причта. Или же приходилось оформлять документы узаконенной формы с уплатой гербового сбора⁴³. В случае, если метрическое свидетельство было выдано «по требованию какого-либо начальственного места и лица», но оно позднее потребовалось самому частному лицу, то повторного свидетельства не выдавали, а «просителю предоставляется испрашивать себе обратно откуда следует то свидетельство, которое из Консистории выдано, или копию с него, от того места, в которое оно свидетельство сообщено»⁴⁴.

Обратимся еще к одному аспекту взаимодействия приходского духовенства с органами государственного управления, связанным с паспортной системой. Паспорт, с одной стороны, это документ, который удостоверяет личность предьявителя, с другой — это разрешительный документ, дающий право передвижения по стране.

⁴¹ Там же. Л. 16.

⁴² Там же.

⁴³ Гербовый сбор — пошлина, взимаемая государством с разного рода документов и актов посредством обязательного употребления заранее оплаченной государству гербовой бумаги или путем наложения особых гербовых марок.

⁴⁴ Устав Духовных консисторий... С. 99.

Письмо Императорского
С.-Петербургского Воспитательного
дома 1900 г.

Так, в 1853 г. из III-го отделения 1-го Округа Путей сообщения был выдан паспорт «... умершаго младшаго унтера офицера Афонасия Федотова, жене вдове Мавре Ивановой, для прожития во всех Российских городах где пожелает, от роду ныне 44 года, приметам: роста средняго, лицом бела, глаза серыя, волосы на голове и бровях темнорусыя, нос курнос, особых примет не имеет»⁴⁵. Для нас важны две записи, сделанные на обороте документа. Первая, в которой говорится о назначении пенсии: «... Мавре Ивановой, назначено в ежегодную пенсию в размере пятидесяти восьми коп. серебром из Главнаго Казначейства...». И вторая: «№ 21й. Означенная в сем паспорте вдова Мавра Иванова волею Божиею помре 19го Генваря, — Тело ея отпето по Христианскому обряду и предано земле на Шлиссельбургском Градском кладбище сего 1872 года Генваря 22го числа; в чем с приложением церковной печати и свидетельствуется. Генваря 22 дня 1872 года. Шлиссельбургскаго Благовещенскаго Собора: Протоиерей Иоанн Студийский (сургучная печать собора)»⁴⁶.

5 января 1893 г. крестьянину Шлиссельбургского уезда Путиловской волости деревни Новая Петру Потапову Трусову было выдано свидетельство «в том, что он на основании 112 статьи устава о паспортах отпущен для прокормления себя работами в своем уезде на 30ти верстовом расстоянии сроком на шесть месяцев»⁴⁷. После истечения этого срока он обязан был «явиться обратно в жительство, в противном сие случаи он должен состоять бротякою. В чем Килозский сельский староста своим подписом с приложением печати удостоверяет»⁴⁸. Петру Трусову было 20 лет, рост — средний, лицо чистое, особенных примет не имел. Однако в свою деревню он уже не вернулся. На обороте документа имеется запись: «Означенный в сем Свидетельстве крестьянин Петр Потапов Трусов сего тысяча восемьсот девяносто третьяго года Сентября пятнадцатаго дня волею Божиею помер и того же Сентября 16 числа, по Отношению Шлиссельбургской городской больницы от 15 Сентября 1893 г. за № 514, по Православному чиноположению погребен на Шлиссельбургском городском кладбище. В чем подписом с приложением церковной печати удостоверяется»⁴⁹. Необходимость фиксации смерти помимо метрических книг приходским причтом на паспортах, билетах, свидетельствах подтверждается как раз подобным отношением из больницы, о котором говорилось в предыдущем документе. В апреле 1871 г. протоиерею Богоявленского собора Иоанну Студийскому было направлено письмо от имени смотрителя больницы Б. Богословского: «Препровождая при сем билет за № 2872 безсрочно-отпускнаго 5 Флотскаго Экипажа квартирмейстра Августина Михайлова Клевинскаго,

⁴⁵ ЦГИА СПб. Ф. 737. Оп. 11. Д. 21. Л. 41.

⁴⁶ Там же. Л. 41 об.

⁴⁷ Там же. Л. 60.

⁴⁸ Сельский староста «в пределах сельского общественного управления» мог выдавать крестьянам и дворовым людям, приписанным к волости, «по истребовании подлежащих удостоверений и с соблюдением установленного порядка, свидетельства, как для получения теми крестьянами и дворовыми паспортов и билетов на отлучки, так и для перехода их в другие общества и сословия» (См: ПСЗ. 2-е собр. Т. XXXVI. Отд. 1. № 36657. СПб., 1863. С. 153).

⁴⁹ ЦГИА СПб. Ф. 373. Оп. 11. Д. 21. Л. 60 об.

покорнейше прошу сделать на нем надлежащее удостоверение о смерти покойного, который умер в больнице Путей сообщения 11 Апреля 1871 года от чахотки, а равно пожаловать в больницы и предать земле покойного, который как видно из билета от роду 47 лет»⁵⁰.

В том же 1871 г. в январе месяце Шлиссельбургское уездное полицейское управление прислало «... в причт Благовещенского собора Паспорт крестьянина Новгородской губернии Волдайсакого уезда Ивана Степанова Сютина» и просило «учинить на оном надпись о смерти его Сютина и о предании его земле в конце Ноября месяца 1870 года на Преображенском кладбище и возвратить затем в Управление»⁵¹.

Таким образом, рассмотрев ряд документов из фонда Шлиссельбургской Богоявленской церкви, мы можем отметить несколько особенностей во взаимоотношениях государственных органов и частных лиц с приходским причтом. Помимо своих прямых богослужебных и пастырских обязанностей православный причт выполнял целый ряд *государственных функций*, хотя и опосредованно. Прежде всего — как учреждение, где регистрировались и в дальнейшем хранились акты гражданского состояния. Ведение и хранение метрических книг были под постоянным вниманием верховной власти и духовного начальства и неоднократно регулировались законами и указами. Безусловно, имели место различные нарушения и погрешности со стороны духовенства при внесении необходимых данных в метрические книги. Однако в дореволюционной России сведения, которые содержались в этих книгах, были самыми постоянными и основными источниками для дальнейшего анализа состояния и движения народонаселения страны различными статистическими учреждениями, в нашем случае — от управления городом (и столицей) до волостного правления.

Отсутствие метрических документов у прихожан приводило к задержкам в решении различных вопросов. В нашем случае приход Богоявленского собора концентрировался в самом городе и ближайших селах и деревнях. Но в Санкт-Петербургской епархии было много приходов, где прихожане жили и в 40 верстах от своего храма, а от консистории в Петербурге — и в паре сотен верст.

Исследование документов Благовещенского собора показало, что круг упомянутых здесь фактов *встроенности* приходских причтов в систему государственных учреждений может быть расширен.

Паспорт вдовы
Мавры Ивановой Федотовой

Источники и литература

1. Бушен А. Об устройстве источников статистики населения в России. СПб., 1864.
2. Д. Р. Шлиссельбург // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1903. Т. 39а. С. 706–709.

⁵⁰ Там же. Л. 55–55 об.

⁵¹ Там же. Л. 52.

3. Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. Вып. 8. СПб., 1884.
4. Памятная книга по Санкт-Петербургской епархии. СПб., 1899.
5. Памятная книжка С.-Петербургской губернии на 1882 г. СПб., 1882.
6. Полное собрание законов Российской империи. 2-е собр. Т. XVI. Отд. 1. СПб., 1842.
7. Полное собрание законов Российской империи. 2-е собр. Т. XXXVI. Отд. 1. СПб., 1863.
8. Положение о жеребьевом порядке отправления рекрутской повинности в участках государственных крестьян и других поселян ведомства государственных имуществ». СПб., 1854.
9. Справочный указатель соборов и церквей Санкт-Петербургской епархии и состоящих при них священнослужителей и приходов с предварительным обозрением состава епархиального управления за 1867 г. СПб., 1867.
10. Устав Духовных консисторий. СПб., 1883.
11. Устав о воинской повинности, высочайше утвержденный 1-го января 1874 г. Вятка, 1874.
12. Устав рекрутский. СПб., 1831.
13. ЦГИА СПб. Ф. 737. Оп. 11. Д. 21. Метрические документы; документы причта и прихожан (виды на жительство, паспорта, удостоверения, увольнительные).

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 1 (6)

2021

Н. Р. Славнитский

**Взаимоотношения комендантов
Санкт-Петербургской крепости
и Петропавловского собора
(вторая половина XIX в.)**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_1_213

Аннотация: В статье на основе документальных материалов комендантского управления Санкт-Петербургской крепости рассмотрен вопрос о взаимоотношениях между комендантами крепости и настоятелями Петропавловского собора. Анализ документов позволил сделать вывод, что коменданты крепости в рассматриваемый период являлись должностными лицами, которые координировали деятельность различных структур (как церковных, так и светских), занимавшихся вопросами, связанными с Петропавловским собором. Отношения комендантов с настоятелями были минимальными (по крайней мере, официально), — обращения комендантов к настоятелям зафиксированы лишь перед богослужениями, проходившим в присутствии императоров, а также в экстраординарных случаях (в том числе — перед казнью государственных преступников в крепости). В то же время следует отметить, что именно настоятели провожали комендантов в последний путь, — комендантов крепости, скончавшихся на этом посту, хоронили на комендантском кладбище (рядом с Петропавловским собором) и отпевали в соборе в присутствии настоятелей.

Ключевые слова: Санкт-Петербургская крепость, Петропавловский собор, комендантское кладбище, придворное духовенство, императорская фамилия, министерство императорского двора, Н. Д. Корсаков, И. С. Ганецкий, Е. И. Майдель, А. В. Эллис.

Об авторе: **Николай Равильевич Славнитский**

Кандидат исторических наук, архивист научно-ведомственного архива Государственного музея истории Санкт-Петербурга.

E-mail: slavnitiski@bk.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1590-9423>

Ссылка на статью: Славнитский Н. Р. Взаимоотношения комендантов Санкт-Петербургской крепости и Петропавловского собора (вторая половина XIX в.) // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 1 (6). С. 213–220.

* Фотографии предоставлены автором.

**HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

Scientific Journal

No. 1 (6)

2021

N. R. Slavnitsky

**The Relationship between the Commandants
of the St. Petersburg Fortress
and the Peter and Paul Cathedral
(Second Half of the 19th Century)**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_1_213

Abstract: Based on the documentary materials of the commandant administration of the St. Petersburg Fortress, the article examines the relationship between the commandants of the fortress and the rectors of the Peter and Paul Cathedral. An analysis of the documents allowed us to conclude that the commandants of the fortress in the period under review were officials who coordinated the activities of various structures (both church and secular) dealing with issues related to the Sts. Peter and Paul Cathedral. The relations of the commandants with the abbots were minimal (at least officially) – the appeals of the commandants to the abbots were recorded only before services that were held in the presence of the emperors, as well as in extraordinary cases (including before the execution of state criminals in the fortress). At the same time, it should be noted that it was the abbots who saw off the commandants on their last journey – the commandants of the fortress who died in this post were buried in the commandant's cemetery (next to the Sts. Peter and Paul Cathedral) and funeral services in the cathedral in the presence of the abbots.

Keywords: St. Petersburg Fortress, Sts. Peter and Paul Cathedral, commandant cemetery, court clergy, imperial family, ministry of the imperial court, N. D. Korsakov, I. S. Ganetsky, E. I. Maydel, A. V. Ellis.

About the author: **Nikolay Ravilievich Slavnitsky**

Candidate of Historical Sciences, archivist of the Scientific and Departmental archive of the State Museum of the History of St. Petersburg.

E-mail: slavnitski@bk.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1590-9423>

Article link: Slavnitsky N. R. The Relationship between the Commandants of the St. Petersburg Fortress and the Peter and Paul Cathedral (Second Half of the 19th Century). *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2021, no. 1 (6), pp. 213–220.

* Photographs provided by the author.

Петропавловский собор среди храмов российской столицы занимал особое место. Во-первых, он являлся усыпальницей членов императорского дома. Естественно, комендантам приходилось принимать участие в погребениях Романовых. Разумеется, в соборе регулярно проводились панихиды по почившим в Бозе членам царствующего дома, и проходили они нередко в присутствии Романовых.

Во-вторых, собор находился в самом центре Санкт-Петербургской крепости — военного объекта, в котором находился постоянный гарнизон. На коменданта крепости и вверенные ему части была возложена охрана Петропавловского собора¹.

Комендантами Санкт-Петербургской крепости в рассматриваемый период являлись:

В 1852–1862 гг. — генерал от инфантерии К. Е. Мандерштерн (1785–1862), участник Наполеоновских войн, являвшийся в 1839–1852 гг. комендантом Риги.

В 1862–1869 гг. — инженер-генерал А. Ф. Сорокин (1795–1869), служивший большую часть жизни по инженерной части, принимавший участие в русско-турецкой войне 1828–1829 гг., в годы Крымской войны являвшийся комендантом Свеаборга (ему довелось защищать эти укрепления от нападения англо-французского флота).

В 1869–1876 гг. — генерал от кавалерии Н. Д. Корсаков (1799–1876), тоже принимавший участие в Русско-турецкой войне, а с 1830-х годов служивший по комендантской части — сначала плац-майором в Павловске, затем в той же должности в Петергофе, а в 1843–1869 гг. он являлся комендантом Петергофа.

В 1876–1881 гг. — генерал от инфантерии Е. И. Майдель (1817–1881), который большую часть службы провел на Кавказе.

В 1881–1887 гг. — генерал от инфантерии И. С. Ганецкий (1810–1887), один из героев Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. (в то время он командовал Гренадерским корпусом).

В 1887–1896 гг. — генерал от инфантерии В. Н. Вережкин (1821–1896), тоже командовавший корпусом в период Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

В 1896–1907 гг. — генерал от инфантерии А. В. Эллис (1825–1907), также неоднократно отличившийся в сражениях Русско-турецкой войны в должности командира бригады.

В 1907–1912 гг. — генерал от инфантерии К. В. Комаров (1832–1912), еще один герой русско-турецкой войны, который особенно прославился при штурме Карса в ноябре 1877 г., а после войны служивший по комендантской части — сначала комендантом Ивангородской крепости, затем комендантом Варшавской крепости.

В 1912–1914 гг. — генерал от инфантерии В. Н. Данилов (1852–1914), герой Русско-японской войны, получивший тогда прозвище «генерал от нападения», а позже командовавший Гвардейским корпусом.

В 1914–1916 гг. — генерал от инфантерии А. Е. Зальца.

Все они были боевыми, заслуженными генералами, и должность коменданта Санкт-Петербургской крепости в какой-то степени воспринималась, скорее, почетной, нежели боевой. Тем не менее, все они исполняли свои обязанности добросовестно и старались действовать энергично. Это касалось и их обязанностей в связи с содержанием Петропавловского собора.

В 1858 г. Петропавловский собор утратил свои кафедральные функции в связи с «возвышением» Исаакиевского собора, что повлекло за собой и изменение штатного расписания. С этого времени в соборе имелись: настоятель, ключарь, два священника (вместо четырех) и два диакона (протодиакона по штату не полагалось), четыре дьячка (вместо пяти), четыре пономаря (вместо пяти), три звонаря и просвирия. В 1859 г. здание Петропавловского собора из епархиального подчинения перешло в ведение Придворной строительной конторы Министерства Императорского двора, а указом Александра III от 7 апреля 1883 г. причт, имущество и архив были переданы

¹ Подр. см.: Барабанова А. И., Вершеская М. В. Охрана Петропавловского собора в XIX — начале XX века // Краеведческие записки. Вып. 2. СПб., 1994. С. 301–304.

Петропавловская крепость. Современный вид

в Придворное ведомство, что и определило характер богослужебной практики. Последнее изменение штата имело место в 1902 г., когда упразднились должности дьячков, пономарей, звонарей и просвирни, а вместо них появился протоиерей и четыре псаломщика².

Штат Петропавловского собора находился в ведении заведующего придворным духовенством. Именно он предлагал императору тех или иных людей на освобождавшиеся должности и после высочайшего одобрения сообщал об этом коменданту крепости. В частности, в июне 1888 г. заведующий придворным духовенством направил генералу В. Н. Вережкину отношение: «Имею честь уведомить, что на вакансию священника при находящемся в вверенной Вашему Высокопревосходительству Санкт-Петербургской крепости Петропавловском придворном соборе, открывшемуся по случаю смерти протоиерея Флоринского, с высочайшего соизволения определен мною 25 сего июня священник Христорождественской что на Песках церкви и законоучитель августейших детей государя великого князя Владимира Александровича, кандидат богословия Александр Дернов»³.

Соответственно, в рассматриваемый период собор стал, главным образом, усыпальницей Романовых. В дни рождений, тезоименитств и в дни кончины членов императорской фамилии, похороненных в Петропавловском соборе, проводились богослужения⁴. Об этих церемониях коменданту, как правило, сообщал ключарь⁵. В отдельных случаях, когда богослужения совершал митрополит, комендант получал

² Дружинкина Н. Г. К истории Петропавловского собора // Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга. Вып. 10. СПб., 2005. С. 85.

³ РГИА. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 2291. Л. 27.

⁴ Флоринский Д. Историко-статистическое описание Санкт-Петербургского Петропавловского собора. СПб., 1857. С. 89.

⁵ РГИА. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 1625. Л. 2, 4, 6, 18, 40, 49, 51.

Петропавловский собор. Современный вид

сообщение об этом от Санкт-Петербургского обер-полицмейстера⁶. После этого комендант крепости сам обращался к настоятелю собора. К примеру, генерал Н. Д. Корсаков 4 декабря 1871 г. сообщил настоятелю: «Завтра 5 декабря в 12 часов дня в Петропавловском соборе имеет быть панихида высочайшим государя императора присутствии. Озабочиваясь, чтобы к означенному времени Петропавловский собор был совершенно свободен от публики и приготовлен к совершению высочайшей панихиды, я прошу Ваше Высокопреподобие сделать распоряжение, чтобы имеющие быть завтра в Соборе литургия по случаю воскресного дня была окончена к 11 часам утра»⁷. В тех случаях, когда на службе не было императора (но присутствовал кто-либо из великих князей), богослужения совершал заведующий придворным духовенством⁸.

По вопросам, касавшимся ремонтных работ и содержания здания собора, коменданты крепости сносились, чаще всего, со строительной конторой министерства императорского двора⁹. Причем это касалось и таких вопросов, как перемещение образов с одного места на другое. В подобных случаях обязательно запрашивали высочайшее соизволение (то есть разрешение императора), и доклад об этом императору делал министр, который затем сообщал коменданту о разрешении¹⁰. Настоятеля Петропавловского собора в таких случаях не спрашивали, по крайней мере, официально.

Точно так же с министерством согласовывали и надписи на гробницах членов императорской фамилии¹¹.

⁶ Там же. Л. 43.

⁷ Там же. Л. 47.

⁸ Санкт-Петербургские ведомости. 1903. № 39, 19 февраля. С. 4; № 138. 23 мая. С. 3; Русский инвалид. 1907. № 257. 26 ноября. С. 3.

⁹ РГИА. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 2072. Л. 21.

¹⁰ РГИА. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 736. Л. 1 и об.; Д. 2072. Л. 45.

¹¹ РГИА. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 2291. Л. 4 об., 14, 18.

Наиболее пристальное внимание Петропавловскому собору уделял генерал от инфантерии И. С. Ганецкий. В какой-то степени сказалось то, что он был назначен на эту должность вскоре после похорон императора Александра II, когда многие столичные (и не только) жители стали часто бывать на могиле царя-освободителя. Осенью 1881 г. Иван Степанович занимался надзором за ремонтными работами, осуществлявшимися на средства старосты П. И. Губонина. Из письма министра императорского двора коменданту 28 сентября 1881 г. хорошо виден механизм запуска этих работ: «В ответ на рапорт вашего высокопревосходительства предместнику моему от 5 августа о работах производимых для восстановления благолепия внутренности Петропавловского собора ктиторов его действительным статским советником Губониным, имею честь уведомить вас, что государь император высочайше повелеть изволил, допустить продолжение сих работ до будущего ноября месяца. Технологический же надзор за означенными работами поручен строительной конторе Министерства императорского двора»¹². То есть староста выступил с инициативой проведения работ и обратился с этим к коменданту, а И. С. Ганецкий, в свою очередь, — к министру императорского двора. В дальнейшем комендант держал ход работ под своим личным контролем и вникал во все мелочи. Вся переписка о работах по-прежнему шла через него.

В апреле 1883 г. министр императорского двора сообщил И. С. Ганецкому о том, что «государь император высочайше повелеть соизволил: Петропавловский собор с причтом передать из Епархиального ведомства в ведение Министерства императорского двора, должность же старосты Собора упразднить». Здесь нам интересен также и следующий момент из письма: «О таковой высочайшей воле, сообщенной мною вместе с сим Санкт-Петербургскому митрополиту, Управляющему Придворным духовенством и обер-гофмаршалу, имею честь уведомить ваше высокопревосходительство, для надлежащего исполнения»¹³. Опять же вынуждены констатировать, что настоятель Петропавловского собора в документе не упоминается.

В январе 1884 г. И. С. Ганецкий обратился к настоятелю собора с отношением, связанным с уведомлением из Кабинета его императорского величества о том, что в Петропавловский собор ассигновано 1530 руб. на ладан и свечи для могил императора Николая I и его предков, а также на масло и лампаду к образу при гробнице великой княгини Александры Николаевны. Так как ответственность за сбережение казенных сумм лежала на ктиторе собора, комендант просил настоятеля впредь принимать такие суммы только в присутствии ктитора. При этом он сделал оговорку: «Что же касается денег, составляющих личное содержание причта, то они могут быть принимаемы лишь лицами причта по вашему усмотрению и ответственности за последствия»¹⁴.

Таким образом получается, что обращения комендантов к настоятелям происходили лишь в экстраординарных случаях.

К таковым относится и казнь государственных преступников, которая была произведена на стене Иоанновского рavelина крепости 4 ноября 1880 г. Накануне казни генерал Е. И. Майдель обратился к настоятелю с просьбой «принять на себя труд или поручить кому-либо из священников Собора напутствование и сопровождение их до места казни»¹⁵.

Отметим также один любопытный случай, связанный с содержанием заключенных. В ноябре 1856 г. Департаментом полиции были арестованы В. И. Иохельсон и О. Г. Павелко, которые были доставлены в тюрьму Трубецкого бастиона¹⁶. Ольгу Григорьевну Павелко вскоре перевели в Дом предварительного заключения, и в феврале 1886 г. она обратилась с ходатайством о разрешении ей вступить в брак с Вениамином Иохельсоном¹⁷. Для этого В. И. Иохельсону необходимо было перейти в православие,

¹² РГИА. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 2072. Л. 20.

¹³ РГИА. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 2014. Л. 34, 55.

¹⁴ РГИА. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 2109. Л. 2.

¹⁵ РГИА. Ф. 1280. Оп. 1. Д. 486. Л. 15.

¹⁶ РГИА. Ф. 1280. Оп. 1. Д. 569. Л. 56, 62.

¹⁷ РГИА. Ф. 1280. Оп. 1. Д. 591. Л. 1.

и для подготовки к крещению к нему с ведома и согласия Департамента полиции был допущен священнослужитель Петропавловского собора¹⁸. Результат этих бесед оказался весьма неожиданным — 6 апреля В. И. Иохельсон написал через коменданта крепости в Департамент полиции, что он принял решение принять крещение по лютеранскому обряду, так как «некоторые учения православной церкви оказались совершенно недопустимыми моему пониманию»¹⁹. Это решение вызвало небольшую переписку между комендантом и настоятелем Петропавловского собора, в которой священнослужитель подробно изложил, каким образом проходила подготовка к крещению²⁰, а в мае 1886 г. в крепость был направлен лютеранский пастор²¹.

Еще одной функцией комендантов крепости с конца XIX столетия становились посещения крепости и собора зарубежными делегациями. Эти посещения, естественно, согласовывали с ними²², а в тех случаях, когда приезжали высочайшие особы иностранных государств, коменданты сами встречали их²³. Порой они заботились и том, чтобы помещение выглядело соответствующим образом. К примеру, А. В. Эллис писал в июле 1897 г. начальнику дворцового управления: «Перед приходом в Петропавловский собор императора австрийского для украшения собора были присланы ковры довольно ветхие и пестрые, из которых пришлось выкраивать куски, для застилки пола.

В настоящее время в виду предполагаемого посещения Петропавловского собора 27 июля императором германским и в августе месяце президента Французской республики крайне было бы желательным убрать пол в Соборе однообразными и вполне приличными коврами.

Не найдете ли вы, ваше превосходительство, возможным прислать для этой цели большой ковер, употреблявшийся при последних печальных церемониях, с вырезанным по середине квадратом, который можно свободно закрыть другим, по величине квадрата, ковром»²⁴. Дворцовое ведомство по получении этого письма сделало соответствующее распоряжение²⁵.

По сути дела, именно коменданты крепости в рассматриваемый период являлись должностными лицами, которые координировали деятельность различных структур (как церковных, так и светских), занимавшихся вопросами, связанными с Петропавловским собором. При этом отношения комендантов с настоятелями были минимальными (по крайней мере, официально).

Необходимо также отметить одну церемонию, связанную с комендантами, в которой настоятели Петропавловского собора принимали участие. Как уже отмечалось выше, на пост коменданта назначали заслуженных и немолодых генералов, и все они в рассматриваемый период находились в должности до самой кончины. Хоронили их на комендантском кладбище в крепости, а отпевали в Петропавловском соборе (и делал это причт собора во главе с настоятелем)²⁶, так как почти все они были православного вероисповедания. Исключением из перечисленных выше являлся только лютеранин Е. И. Майдель, но и его решили отпевать дважды — сначала была отслужена православная панихида, затем гроб с телом вынесли в Петропавловскую лютеранскую церковь, а после этого вернули в крепость²⁷. Таким образом, настоятели собора неизменно провожали комендантов крепости в их последний путь.

¹⁸ Там же. Л. 5-6.

¹⁹ Там же. Л. 14.

²⁰ Там же. Л. 10-12.

²¹ Там же. Л. 15.

²² РГИА. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 2476. Л. 13.

²³ Русский инвалид. 1902. № 42. 20 февраля. С. 3; Там же. 1903. № 3. 4 января. С. 2

²⁴ РГИА. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 2826. Л. 99.

²⁵ Там же. Л. 102.

²⁶ РГИА. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 2778. Л. 5; Русский инвалид. 1912. № 278. 20 декабря. С. 3.

²⁷ РГИА. Ф. 1280. Оп. 1. Д. 2052. Л. 14.

Источники и литература

Источники

1. РГИА. Ф. 1280. Оп. 1. Д. 2052. Дело о болезни и смерти коменданта Майделя.
2. РГИА. Ф. 1280. Оп. 1. Д. 486. Дело о приведении в исполнение приговора над Пресняковым и Квятковским.
3. РГИА. Ф. 1280. Оп. 1. Д. 591. О принятии православия обвиняемым в государственном преступлении евреем Иохельсоном и о вступлении его в брак с Ольгой Павелко.
4. РГИА. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 1625. О панихидах, совершаемых в Петропавловском соборе.
5. РГИА. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 2014. Переписка о Петропавловском соборе, о священнослужителях оного и о передаче оного в ведение министерства императорского двора.
6. РГИА. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 2072. Дело о возобновлении внутренности храма Петропавловского собора.
7. РГИА. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 2109. Переписка о Петропавловском соборе.
8. РГИА. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 2291. Переписка о Петропавловском соборе.
9. РГИА. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 2778. О смерти коменданта Санкт-Петербургской крепости генерала от инфантерии Веревкина.
10. РГИА. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 2826. Переписка о Петропавловском соборе, о празднике преполовения, о панихидах.
11. РГИА. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 736. Дело о замечаниях, сделанных императором при посещении 25 июня Петропавловского собора, в орлах вышитых на покрывах гробниц императорской фамилии.
12. Русский инвалид. 1902. № 42. 20 февраля; 1903. № 3. 4 января; 1907. № 257. 26 ноября; 1912. № 278. 20 декабря.
13. Санкт-Петербургские ведомости. 1903. № 39, 19 февраля; № 138. 23 мая.

Литература

14. *Барабанова А. И., Вершевская М. В.* Охрана Петропавловского собора в XIX — начале XX века // Краеведческие записки. Вып. 2. СПб., 1994. С. 301–304.
15. *Дружинкина Н. Г.* К истории Петропавловского собора // Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга. Вып. 10. СПб., 2005. С. 79–88.
16. *Флоринский Д.* Историко-статистическое описание Санкт-Петербургского Петропавловского собора. СПб., 1857.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 1 (6)

2021

М. Е. Смирнова

**Обер-прокурор Св. Синода В. К. Саблер
и его имение в Тульской губернии**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_1_221

Аннотация: В статье даны сведения об основных периодах жизни обер-прокурора Святейшего Синода Владимира Карловича Саблера, его служении в Св. Синоде и об имении в Тульской губернии, где В. К. Саблер организовал ставшую известной не только в России, но и за ее пределами женскую церковно-учительскую школу.

Ключевые слова: обер-прокурор, Св. Синод, В. К. Саблер, храм апостола и евангелиста Иоанна Богослова, село Богословское, женская церковно-учительская школа в Тульской губернии.

Об авторе: **Марина Евгеньевна Смирнова**

Председатель Благотворительного Фонда им. Владимира Саблера.

E-mail: vifinia@rambler.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9256-9744>

Ссылка на статью: Смирнова М. Е. Обер-прокурор Св. Синода В. К. Саблер и его имение в Тульской губернии // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 1 (6). С. 221–230.

* Фотографии предоставлены автором.

HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY

Scientific Journal

No. 1 (6)

2021

M. E. Smirnova

**Ober-Procurator of the Holy Synod V.K. Sabler
and His Estate in the Tula Province**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_1_221

Abstract: The article provides information about the main periods of the life of the Ober Procurator of the Holy Synod Vladimir Karlovich Sabler, his service in the Holy Synod and the estate in the Tula province, where V.K. Sabler organized a women's church teacher's school.

Keywords: Ober-Procurator, Holy Synod, V. K. Sabler, Church of the Apostle and Evangelist John the Theologian, village Bogoslovskoe, women's church teacher's school in the Tula province.

About the author: **Marina Evgenievna Smirnova**

Chairman of the Vladimir Sabler Charitable Foundation.

E-mail: vifinia@rambler.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9256-9744>

Article link: Smirnova M. E. Ober-Procurator of the Holy Synod V.K. Sabler and His Estate in the Tula Province. *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2021, no. 1 (6), pp. 221–230.

* Photographs courtesy of the author.

9 сентября 2019 г. исполнилось 90 лет со дня кончины выдающегося церковного и государственного деятеля Российской империи В. К. Саблера.

Владимир Карлович, потомок эстляндского пасторского рода, родился 13 ноября, в день памяти апостола и евангелиста Иоанна Златоуста, 1845 г. в Москве в дворянской семье. В возрасте 17 лет, в 1863 г., он поступил на юридический факультет Императорского Московского университета. По окончании учебы в университете, в 1869 г., молодой юрист приобрел недалеко от родового имения в Тульской области деревню Тетерки.

После сдачи в 1872 г. магистерской диссертации и публикации исследования «О значении давности в уголовном праве» Владимир Саблер был утвержден в степени магистра уголовного права и определен доцентом Московского университета, где он стал читать лекции по уголовному судоустройству и судопроизводству¹.

Во время недолгой профессорской деятельности в университете талантливый молодой юрист в 1873 г. был приглашен на службу в Министерство юстиции с причислением к министерству. Последовал переезд в Санкт-Петербург. Вскоре Саблер был назначен во Второе отделение Собственной Канцелярии Его Императорского Величества. В это же время Владимир Карлович был приглашен на пост управляющего делами Императорского женского патриотического общества, которое возглавляла великая княгиня Екатерина Михайловна. В столице Владимир Карлович венчался с Ольгой Андреевной Заблочки-Десятковской. У четы Саблеров в Петербурге родилось три сына: Святослав, Георгий и Сергей.

Владимир Карлович был замечен как талантливый юрист Константином Петровичем Победоносцевым, который предложил ему службу в духовном ведомстве. 18 ноября 1881 г. Саблер назначается на должность юрисконсульта при Святейшем Правительствующем Синоде. В 1885 г. Владимир Карлович был избран и утвержден помощником председателя Совета при Святейшем Синоде для заведования церковно-приходскими школами.

В декабре 1886 г. на квартире у Саблера Кронштадтский протоиерей Иоанн Сергиев встречался с губернатором Эстляндской губернии князем Сергеем Владимировичем Шаховским, обсуждая организацию эстляндского общества в Петербурге. Владимир Карлович и священник Павел Кульбуш – впоследствии епископ Ревельский Платон, причисленный к лику святых новомучеников российских – стали попечителями Санкт-Петербургского общества образования и призрения малолетних сирот обоего пола эстонского происхождения.

На территории Троицкого прихода, на углу Среднего проспекта и Наличной улицы, благотворительное общество вспоможения бедным в приходе церкви Пресвятой Троицы в Галерной гавани под председательством Владимира Карловича построило здание, где разместились богадельня, детский приют, приходская школа с хорошо оборудованным залом для духовных бесед. Был открыт дом трудолюбия для мальчиков-подростков.

В своем поместье, в Тетерках, в 1897 г. Владимир Карлович организовал небольшую одноклассную школу,

Здание на углу Среднего проспекта и Наличной улицы в Санкт-Петербурге

¹ См.: Шиллов Д. Н. Государственные деятели Российской империи. 1802–1917: биографический справочник. СПб., 2001.

Обер-прокурор Святейшего Синода
В. К. Саблер.
Фонд им. В. Саблера

в которую поступили учиться 22 мальчика и 46 девочек. В школе учились в основном крестьянские дети. Посланцы Владимира Карловича разъезжали по деревням и отыскивали способных детей из крестьянских семей, которые затем учились за казенный счет. Когда была организована школа, один благотворитель пожертвовал 4000 руб. на сооружение в Тетерках храма. По его желанию храм был посвящен святому апостолу и евангелисту Иоанну Богослову.

Строительство деревянной церкви по проекту академика архитектуры Михаила Тимофеевича Преображенского началось в январе 1898 г. В день преставления апостола и евангелиста Иоанна Богослова, 26 сентября 1898 г., церковь была освящена. 10 июля 1898 г. указом императора деревня Тетерки была переименована в село Богословское. За несколько лет в селе Богословском образовалось 5 типов, существовавших в то время церковно-приходских школ: одноклассные мужская и женская, смешанная двухклассная, женская двухклассная и жен-

ская церковно-учительская. На поступление в церковно-учительскую школу уже в 1903 г. был большой конкурс: на 25 вакантных мест подали прошение 120 девочек².

18 июля 1904 г., через год после прославления во святых преподобного Серафима Саровского, накануне дня его памяти, храм Иоанна Богослова обогатился святынями: иконой преподобного Серафима, написанной в Серафимо-Дивеевском монастыре, бронзовым ковчегом с одеждой преподобного, крестом, частицей гробницы преподобного и его изображением на камне. К деревянному храму Иоанна Богослова был пристроен придел, освященный в честь святого Серафима Саровского. Вероятно, это был первый престол после прославления преподобного. Святыни старца Серафима прибыли на станцию «Кашира» из Москвы 17 июля, а 19 июля была совершена торжественная литургия в храме Иоанна Богослова.

6 мая 1902 г. Владимир Карлович Саблер награжден орденом Александра Невского, в мае 1905 г. получил звание действительного тайного советника. В это время Владимир Карлович выступил сторонником созыва Поместного собора Русской Церкви и восстановления патриаршества. Прослужив в Св. Синоде более 20 лет, 7 апреля 1905 г. Саблер подал в отставку из духовного ведомства и был назначен членом Государственного Совета, в котором служил до 1917 г. Как известно, Константин Петрович Победоносцев был против восстановления патриаршества. В этом заключалось главное расхождение Саблера и Победоносцева.

В школьном городке Богословского села, кроме здания церковно-учительской школы, в это время были построены больница, пчеловодная, молочная и кузня. Десять лет в Богословском деревянном храме шли богослужения. Однако 5 декабря 1908 г. случилась трагедия — храм сгорел. Вскоре академик архитектуры Михаил Тимофеевич Преображенский составил новый план церкви, который был рассмотрен и утвержден Техническим строительным комитетом при Хозяйственном управлении Св. Синода. Прихожане храма Иоанна Богослова начали собирать средства на строительство нового храма. Свою лепту внесли император Николай II, который пожертвовал 3 тыс. рублей, и его супруга Александра Федоровна, пожертвовавшая 1 тыс. рублей.

² См.: Руднев М. Н. Богословская женская церковно-учительская школа. Пг., 1915.

Рукодельный класс в женской церковно-учительской школе.
Из книги: Руднев М. Н. Богословская женская церковно-учительская школа. Пг., 1915 г.

В попечительский совет школы входили 17 почетных членов. Кроме самого Владимира Карловича — митрополит Киевский и Галицкий Владимир (Богоявленский), священномученик; митрополит Петроградский и Ладожский Питирим (Окнов); архиепископ Ставропольский и Екатеринодарский Агафодор (Преображенский); архимандрит Московского Свято-Даниловского монастыря Иоаким (Хромов); духовник Их Императорских Величеств протоиерей Александр Петрович Васильев и другие лица³. К 1911 г. в селе Богословском был выстроен и освящен теперь уже каменный храм Иоанна Богослова. При создании проекта его автор М. Т. Преображенский обратился к наследию зодчества Древней Руси.

В 1910 г. Владимир Карлович был награждён алмазными знаками к ордену святого Александра Невского. В это же время Саблер вернулся в Св. Синод, но теперь уже на должность обер-прокурора. В церковных кругах это назначение было воспринято положительно. Публицист Михаил Осипович Меньшиков писал в своих «Письмах к ближним» следующее: «Духовенство и верующие миряне приветствуют возвращение господина Саблера, между прочим, как сторонника церковного собора и великой реставрации православия. Сбудутся ли эти надежды? Если сбудутся, то, может быть, одним русским святым, хотя немецкого происхождения, станет когда-нибудь больше...»⁴.

Здание церковно-учительской школы со стороны домового храма Введения Пресвятой Богородицы во храм. Из книги: Руднев М. Н. Богословская женская церковно-учительская школа. Пг., 1915 г.

³ См.: Савич И. О. Очерки жизни Богословской церковно-учительской школы Каширского уезда (из личных воспоминаний и впечатлений). Тула, 1910.

⁴ Меньшиков М. О. Политика Церкви // Литература и жизнь. URL: http://dugward.ru/library/menshikov/menshikov_politika_cerkvi.html (дата обращения 12.12.2020).

Каменный храм апостола и евангелиста Иоанна Богослова, построенный в 1911 г. Из книги: *Руднев М. Н. Богословская женская церковно-учительская школа. Пг., 1915 г.*

1 сентября 1914 г. в резиденции обер-прокурора Св. Синода в Петербурге (Литейный проспект, 62) по благословию митрополита Владимира был открыт Синодальный лазарет на 100 коек имени царевича Алексея Николаевича. Сам же Владимир Карлович со своей семьей переехал в наемный дом. Известно, например, что 18 октября из Алексеевского лазарета были выписаны 8 раненых солдат. Проститься с ними

Семья Саблера. Стоят Сергей, Георгий, Ольга Андреевна. Сидят Святослав, Стефанида Васильевна, Владимир Карлович. Кронштадт. Семейный архив Н. В. Воробьева-Десятовского. Печатается впервые

В 1912 г., в период избирательной кампании в Государственную Думу 4-го созыва, Владимир Карлович впервые организовал активное участие духовенства в выборах. Было создано особое предвыборное Синодальное бюро, а также епархиальные избирательные комитеты. Тем самым обер-прокурор способствовал усилению правового крыла в Думе. Саблер выступал против религиозного равноправия, свободной проповеди вер и допустимости «безрелигиозного состояния».

Что же касается школы, то она развивались. В 1914 г. в своем дневнике император Николай II записал: «28 июня. Суббота. ... В 2 1/2 поехал с Алекс и Ольгой в Большой дворец, где Саблер представил нам 110 учительниц церковно-приходских школ. Они пропели нам несколько молитв разных напевов и светских песен...»⁵. После этого концерта императрица Александра Федоровна подарила каждой участнице хора серебряный образок Иверской иконы Божией Матери. После начала Первой мировой войны с Германией в школу стали принимать девочек-сирот — дочерей погибших на поле брани воинов.

приехал лично обер-прокурор и священник Порфирий Десницкий, который и окормлял этот лазарет.

За время, когда Саблер находился в должности обер-прокурора Св. Синода, в лике святых были прославлены святитель Иоасаф Белгородский, Святейший Патриарх Ермоген, святитель Питирим, епископ Тамбовский. Владимир Карлович приложил немало усилий и для канонизации последнего святого, прославленного в царское время — святителя Иоанна Тобольского. В мае 1915 г. Владимир Карлович был награжден орденом Святого Владимира 1-й степени, а уже в июле того же года он был уволен от должности обер-прокурора Св. Синода, оставшись

⁵ Император Николай II. Дневник за 1914 г. // RUS†SKY. URL: <http://www.rus-sky.com/history/library/diaris/1914.htm> (дата обращения 12.12.2020).

членом Государственного Совета, статс-секретарем и сенатором.

В это же время, под влиянием антигерманских настроений в обществе, Владимир Карлович подал прошение о смене своей фамилии, которая была похожа на немецкую, и взял часть девичьей фамилии жены Ольги Андреевны Заблоцкой-Десятовской. С 20 ноября 1915 г. ему, его детям и их потомству было разрешено именоваться Десятовскими.

Последнее упоминание о Саблере в «Тульских епархиальных ведомостях» относится к осени 1915 г. В заметке о служении правящего архиерея говорилось следующее: «25 сентября всенощную с литией, акафистом и величанием св. апостолу и евангелисту Иоанну Богослову владыка служил в церкви села Богословского по случаю храмового праздника. Вольные высокие голоса воспитанниц, свободно варьирующих на высоких нотах, наполняли церковь, а великолепные напевы с канонархом умиляли души богомольцев, среди которых был попечитель школы Владимир Карлович Саблер с двумя своими сыновьями»⁶.

Известно, что 31 января 1916 г. императрица Александра Федоровна приняла попечительство над Богословской церковно-учительской школой.

Незадолго до Октябрьской революции, 9 октября 1917 г., Владимир Карлович с супругой Ольгой Андреевной и старшим сыном Святославом выехали на юг, на Кубань, где поселились в станице Лабинской. Как только власть в стране перешла к большевикам, немедленно назначенные комиссары отдали приказание отобрать оружие у казачьих соединений и арестовать наиболее видных влиятельных казаков и священников.

В числе арестованных в станице Лабинской был и Владимир Карлович Десятовский. После двух дней ареста его освободили из-под стражи, но затем, 27 марта 1918 г., по телеграмме из Москвы, как «царского опричника» и «махрового реакционера», вновь арестовали. Под усиленным конвоем он был отправлен этапом в Москву во Всероссийскую чрезвычайную комиссию (ВЧК), куда он был доставлен 24 апреля⁷.

После недолгого пребывания в заключении чрезвычайная следственная комиссия «за отсутствием состава преступления» освободила Саблера-Десятовского из тюрьмы на поруки.

Вскоре его средний сын Георгий, как белый офицер, вместе со священномучеником протоиереем Философом Орнатским и еще 30 заключенными офицерами был расстрелян в Кронштадте. После гибели среднего сына Владимир Карлович, совершенно устранившись от церковных дел и будучи лишенным всяких гражданских прав, проживал в Москве, в Большом Толстовском (ныне Карманицком) переулке в доме 2/5, в квартире 29 на четвертом этаже. В 1921 г. он переселился на Малый Толстовский переулок, ныне Переулок Каменная Слобода, в дом 2, в квартиру 7 на втором этаже.

25 августа того же 1921 г. Владимир Карлович был арестован за нарушение паспортного режима из-за переезда на новый адрес без разрешения на то властей,

В. К. Саблер.

Из дела о нарушении паспортного режима за 25 августа 1921 г. Печатается впервые

⁶ Алявдин Н., свящ. Епархиальная хроника // Тульские епархиальные ведомости. Часть неоф. 1915. № 38–39. С. 540.

⁷ Красный террор в годы гражданской войны. По материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков / Ред.-сост. Ю. Г. Фельштинский. Лондон, 1992. С. 151.

Письмо Сергея Владимировича Десятовского из Челябинска 2 сентября 1930 г. брату Святославу Владимировичу Десятовскому. Из семейного архива Н. В. Воробьева-Десятовского. Печатается впервые

О последних часах жизни Владимира Карловича известно из письма Сергея Владимировича Святославу Владимировичу. Письмо было написано из Челябинска через год после смерти Саблера: «Безграничная любовь Его к нам продолжает укреплять нас. За последнюю неделю я вижу Его очень часто во сне; при этом вижу Его значительно более молодым. Ясно вспоминаю я ряд переживаний в прошлом году. Особенно ярко встают в моей памяти день 26-го и ночь на 27 августа. До конца проявлявшееся желание никого не затруднять, делать все самому. Наступившее около 4 часов успокоение, долгое рукопожатие с Тобю и мною, а затем Он тихо выпустил наши руки, глаза были наполовину закрыты, мы приподняли Его и уложили поудобнее. И — так Он совершенно тихо уснул. В 10 ч. 07м. (если судить по моменту остановки Его часов) Он тихо отошел...»¹⁰.

В ноябре 1932 г., по окончании ссылки, Святослав Владимирович приехал в Ленинград, где получил работу в Гидрологическом институте в должности редактора гидрологического справочника. Однако уже 13 января 1933 г. он был арестован как руководитель контрорганизации. По постановлению ОГПУ от 28 февраля 1933 г. Десятовский Святослав Владимирович был приговорен к высшей мере наказания — расстрелу, но по ходатайству его супруги, обратившейся за помощью к Максиму Горькому, согласно постановлению коллегии ОГПУ от 21 апреля 1933 г. расстрел был заменен лишением свободы сроком на 10 лет. Но до Сиблага Святослав Владимирович уже

⁸ ЦА ФСБ РФ. Д. Н-367.

⁹ Запись ОЗАГС г. Твери и Тверской обл. № 1042 от 10 сентября 1929 г.

¹⁰ Письмо Сергея Владимировича Десятовского из Челябинска 2 сентября 1930 г. брату Святославу Владимировичу Десятовскому // Из семейного архива Н. В. Воробьева-Десятовского.

и только 21 октября 1921 г. он был освобожден, а дело было прекращено.

В ноябре–декабре 1925 г. были арестованы десятки архиереев во главе с Патриаршим Местоблюстителем митрополитом Петром (Полянским). Среди арестованных был и В.К. Саблер, по-прежнему проживавший в Карманицком переулке. После следствия Владимиру Карловичу было предъявлено обвинение в том, что он «сообщал сведения о движении заграничных монархистов «даниловцам» (так называемый Даниловский Синод), информировал о том же митрополита Петра, давал директивы владыке Петру по вопросам церковно-политического характера, как лично, так и при посредничестве «даниловцев», инструктировал последних в антисоветской деятельности». Владимира Карловича приговорили к 3 годам лишения права проживания в 6 крупных городах страны с их областями, с прикреплением к месту жительства. Местом ссылки Владимир Карлович избрал Тверь, где жил на улице Желябова в доме № 5⁸. Есть сведения, что в Твери он принял священство. К концу срока ссылки Владимир Карлович тяжело заболел и 9 сентября 1929 г. умер от рака кишечника на 84 году жизни⁹.

не доехал — он умер в тверской тюрьме от побоев и истощения.

17 октября 1937 г. тройка НКВД приговорила Сергея Владимировича Десятовского к расстрелу. 21 октября приговор был приведен в исполнение на Бутовском полигоне под Москвой.

В год, когда умер Владимир Карлович, был закрыт и храм Иоанна Богослова. Колокола сняли, сбросили, разбили. В скором времени в храме сделали машинно-тракторную станцию, затем склад, столярные и слесарные учебные мастерские. В 80-е годы храм опустел, и сами же жители села Богословского стали растаскивать его по кирпичам на свои дачи. Тогда же при помощи крана сняли надвратную большую чугунную икону Иоанна Богослова и куда-то увезли. Удивительно, но свое название село, пережив советское лихолетье, сохранило. Дом Саблера в селе Богословском после Великой Отечественной войны дал приют около 20-и семьям. Дом был двухэтажный, деревянный, с верандой на втором этаже, с прекрасными изразцовыми печами, толстыми ковровыми покрытиями на полу. Впоследствии местные власти решили его снести, не потрудившись сохранить историческое здание.

Сельскохозяйственный техникум, который был организован в 1919 г. на базе Богословской церковно-учительской школы, использовал ее хозяйство до 60-х годов. То, что было сделано при Саблере, было сделано крепко, надежно, с любовью и ответственностью. В 90-е годы сельскохозяйственный техникум был переименован в аграрный колледж.

Здание более чем столетней давности отвечало всем современным требованиям. Но сейчас и храм Иоанна Богослова, и здание церковно-учительской школы пустуют и разрушаются. Здесь можно было бы возродить школу, подобную той, которую основал Владимир Карлович и, конечно же, восстановить храм Иоанна Богослова. Здания, построенные Саблером в селе Богословском, являются историческими и архитектурными памятниками. В июне 2015 г., в год, когда исполнилось 170 лет со дня рождения Владимира Карловича, в Тульской области образован Благотворительный фонд им. Владимира Саблера по воссозданию памятников истории и архитектуры села Богословского.

На данный момент Фонд пока собрал недостаточно средств¹¹, чтобы создать хотя бы план реконструкции храма, и пока, к сожалению, по ликам святых, изображенных на стенах храма Иоанна Богослова, стекают капли воды от дождей и снега...

Остатки росписей в храме
Иоанна Богослова в селе Богословском.
Автор фотографии С. Н. Коровяев

¹¹ Реквизиты благотворительного Фонда имени Владимира Саблера: ИНН/КПП 7136025397/713601001. ОАО «СБЕРБАНК РОССИИ». Р/с 4070381093800002121. БИК 044525225.

Источники и литература

1. *Алявдин Н., священник*. Епархиальная хроника // Тульские епархиальные ведомости. Часть неоф. 1915. № 38–39. С. 539–543.
2. Запись ОЗАГС г. Твери и Тверской обл. № 1042 от 10 сентября 1929 г.
3. Красный террор в годы гражданской войны. По материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков / Ред.-сост. Ю. Г. Фельштинский. Лондон, 1992.
4. *Меньшиков М. О.* Из писем к ближним. Политика Церкви. Издание Директ-Медиа, 2014.
5. *Меньшиков М. О.* Политика Церкви // Литература и жизнь. URL: http://dugward.ru/library/menshikov/menshikov_politika_cerkvi.html (дата обращения 12.12.2020).
6. Письмо Сергея Владимировича Десятковского из Челябинска 2 сентября 1930 г. брату Святославу Владимировичу Десятковскому // Из семейного архива Н. В. Воробьева-Десятковского.
7. *Руднев М. Н.* Богословская женская церковно-учительская школа. Пг., 1915.
8. *Савич И. О.* Очерки жизни Богословской церковно-учительской школы Каширского уезда: (из личных воспоминаний и впечатлений). Тула, 1910.
9. ЦА ФСБ РФ. Д. Н-367.
10. *Шилов Д. Н.* Государственные деятели Российской империи. 1802–1917: биографический справочник. СПб., 2001.
11. Император Николай II. Дневник за 1914 г. // RUS†SKY. URL: <http://www.rus-sky.com/history/library/diaris/1914.htm> (дата обращения 12.12.2020).

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 1 (6)

2021

А. С. Харчевников

**Церковно-общественная и проповедническая деятельность
протоиерея Евгения Кондратьева (1868–1938)**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_1_231

Аннотация: В статье рассматривается церковно-общественная и проповедническая деятельность протоиерея Евгения Кондратьева, выпускника Санкт-Петербургской духовной академии 1892 г. Отец Евгений в 1892–1894 гг. служил в Санкт-Петербурге в церкви прип. Сергия Радонежского при Громовском детском приюте, в 1894–1909 гг. — в церкви во имя Успения Пресвятой Богородицы на Сенной площади. С 1900 г. он был бессменным и деятельным секретарем Общества вспоможения бедным при Спасо-Сенновской церкви. Последним местом служения протоиерея Евгения Кондратьева стал храм св. Иова Многострадального на Волковском кладбище. Для раскрытия заявленной темы привлечены проповеди отца Евгения, опубликованные на страницах журнала «Известия по Санкт-Петербургской епархии». Особое внимание уделено деятельности отца Евгения в советский период, а также обстоятельствам его ареста и мученической кончины в 1938 г.

Ключевые слова: Санкт-Петербургская епархия, «Известия по Петроградской епархии», Общество религиозно-нравственного просвещения в духе православной церкви, Всероссийское Александро-Невское Братство трезвости, Санкт-Петербургская духовная академия, митрополит Вениамин (Казанский), протоиерей Евгений Кондратьев.

Об авторе: **Алексей Сергеевич Харчевников**

Бакалавр геологии, студент I курса магистратуры института истории социальных наук РГПУ им. А. И. Герцена.

E-mail: has2298@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8180-0426>

Ссылка на статью: Харчевников А. С. Церковно-общественная и проповедническая деятельность протоиерея Евгения Кондратьева (1868–1938) // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 1 (6). С. 231–240.

* Фотографии предоставлены автором.

**HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

Scientific Journal

No. 1 (6)

2021

A. S. Kharchevnikov

**Ecclesiastical-social and preaching activities
of Archpriest Yevgeny Kondratiev (1868–1938)**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_1_231

Abstract: The article deals with the church-social and preaching activities of Archpriest Yevgeny Kondratiev, a graduate of the St. Petersburg Theological Academy in 1892. Father Yevgeny served in St. Petersburg in the church of St. Petersburg in 1892–1894. St. Sergius of Radonezh at the Gromovo orphanage, in 1894–1909 – in the Church of the Dormition of the Most Holy Theotokos on Sennaya Square. Since 1900, he was the permanent and active secretary of the Society for Helping the Poor at the Church of the Saviour-Sennovskiy. The last place of service of Archpriest Yevgeny Kondratiev was the church of St. Nicholas. Job the Long-suffering at the Volkov cemetery. For the disclosure of the stated topic, the sermons of Father Eugene, published on the pages of the journal «Izvestiya po Saint-Petersburg Diocese», are involved. Special attention is paid to the activities of Father Yevgeny during the Soviet period, as well as the circumstances of his arrest and martyrdom in 1938.

Keywords: St. Petersburg Diocese, «News of the Petrograd Diocese», Society of Religious and Moral Education in the spirit of the Orthodox Church, All-Russian Alexander Nevsky Brotherhood of Sobriety, St. Petersburg Theological Academy, Metropolitan Veniamin (Kazan), Archpriest Yevgeny Kondratyev.

About the author: **Alexey Sergeevich Kharchevnikov**

Bachelor of Theology, 1st year masters' student at the Institute of History and Social Sciences of the A. I. Herzen Russian State Pedagogical University.

E-mail: has2298@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8180-0426>

Article link: Kharchevnikov A. S. Ecclesiastical-social and preaching activities of Archpriest Yevgeny Kondratiev (1868–1938). *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2021, no. 1 (6), pp. 231–240.

* Photographs supplied by the author.

Протоиерей Евгений Михайлович Кондратьев родился 20 января 1867 г. в Санкт-Петербурге. В 1888 г. он закончил Санкт-Петербургскую духовную семинарию, продолжив образование в Санкт-Петербургской духовной академии, которую закончил в 1892 г. со степенью кандидата богословия. 2 октября 1892 г., в возрасте 24-х лет, будущий пастырь венчался на Глафире Алексеевне Петровой, и через несколько дней, 11 октября, епископом Антонием (Вадковским) был рукоположен в диакона в церкви Двенадцати апостолов при духовной академии. Через 5 дней, 16 октября 1892 г., состоялась иерейская хиротония в Исидоровской церкви Александро-Невской лавры. Хиротонию совершил архиепископ Холмско-Варшавский Флавиан (Городецкий).

Первым местом служения отцу Евгению была определена церковь прп. Сергия Радонежского при Громовском детском приюте (1892–1894 гг.). С 1894 по 1909 гг. отец Евгений служил в церкви во имя Успения Пресвятой Богородицы на Сенной площади. Известно, что с 1900 г. он был бессменным и деятельным секретарем Общества вспоможения бедным при Спасо-Сенновской церкви. Последним его местом служения стал храм св. Иова Многострадального на Волковском кладбище. С 1918 г. отец Евгений преподавал на одногодичных пастырских богословских курсах¹. В 1917 г. он пережил страшную трагедию. Его старший сын Михаил, выпускник Морского корпуса, блестящий офицер, мичман, плававший на «Петропавловске», отказался подписать обязательства исполнять распоряжения Совета рабочих и солдатских депутатов города Гельсингфорса и был зверски убит матросами-революционерами.

Протоиерей Евгений отличался удивительными ораторскими способностями. Отчасти такой вывод можно сделать по тому факту, что слова, произнесенные им в разных случаях с церковного амвона, очень часто публиковались на страницах журнала «Известия по Санкт-Петербургской епархии». Часть проповедей или небольших слов были изданы отдельными книгами, состоящими, правда, всего из нескольких страниц.

Так, одно из ранних его слов было посвящено смерти матери. Речь протоиерея Евгения у гроба матери начинается его обращением к почившей: «Не слову, а печали и плачу здесь место, — но прости, дорогая, что я смею говорить перед твоим гробом! Слова и мысли о твоей жизни, надеюсь я, уменьшают нашу горькую печаль». Продолжая, отец Евгений говорит: «В последние дни в мучительном состоянии болезни мы слышали от тебя одно постоянно: “Слава Богу”. Как же страшно звучали эти слова в искаженных болезнью устах!»². Далее отец Евгений, пересилив свою внутреннюю печаль, обращается в своем слове к собравшимся со словами утешения и напоминает речь апостола Павла относительно веры православных людей в воскресение и вечную жизнь (1 Фес 4:13–15).

Нужно отметить, что довольно большое количество опубликованных слов протоиерея Евгения было сказано на заупокойных богослужениях. Это и слово при погребении протоиерея Иоанна Образцова³, и слово перед панихидой по Димитрию Лаврентьевичу Парфенову⁴, и речь над гробом Александра Дмитриевича Воденикова⁵ и др. Помимо речей и слов на заупокойных богослужениях, у отца Евгения имеется и отдельное поучение под названием: «Не забывай о смерти»⁶. В целом, каждая его речь, слово или поучение на данную тему заключали в себе христианский призыв

¹ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 879. Оп. 1. Д. 102. Л. 15–18 об.

² Кондратьев Е., *прот.* Слово, произнесенное священником Громовского детского св. Сергия приюта Евгением Кондратьевым пред гробом матери. СПб., 1892. С. 1.

³ См.: Кондратьев Е., *прот.* Слово при погребении о. протоиерея Иоанна Яковлевича Образцова. СПб., 1903. 3 с.

⁴ См.: Кондратьев Е., *прот.* Слово пред панихидой по Димитрие Лаврентьевиче Парфенове // Известия по Петроградской епархии. 1915. № 43/44. С. 13–14.

⁵ См.: Кондратьев Е., *прот.* Речь над гробом Александра Дмитриевича Воденикова // Известия по С.-Петербургской епархии. 1905. № 1/2. Отд. неофиц. С. 14–17.

⁶ Кондратьев Е., *прот.* Не забывай о смерти. СПб., 1909. 4 с.

Протоиерей Евгений Кондратьев за работой.
Из семейного архива Кондратьевых

не бояться смерти. «Нет другого пути в светлую область небесного царства, — говорил протоиерей Евгений, — так только через смерть; но все же во все времена ужасно явление смерти, ужасен этот переход от земли в иной мир, и содрогается человек при этом ужасе, плачет и рыдает, видя “во гробе лежащую по образу Божию созданную нашу красоту безобразну, бесславну, неимущую вида (самогласен на отпевании)”»⁷.

В конце XIX в. в Петербурге было учреждено Общество распространения религиозно-нравственного просвещения в духе православной Церкви⁸. Инициатива открытия обще-

ства исходила от столичного духовенства и мирян. Общество должно было заниматься внебогослужебным проповедничеством, проводить беседы «главным образом, в святых храмах, а затем в общественных залах, на заводах, фабриках, в тюрьмах и частных домах»⁹. На протяжении всего своего существования, с 1881 по 1918 гг., Общество объединяло лучших пастырей столицы и мирян, среди которых был и отец Евгений. С 1905 по 1918 гг. он являлся казначеем и заведующим конторой, книжным складом и типографией Общества.

В 1915 г., на 34-ю годовщину открытия Общества, отец Евгений, говоря торжественное слово, следующим образом определил задачу, которая стояла перед этой организацией: «Наша задача — распространять свет православия, силу и дух его, пред коими сами собою рассеваются всякая тьма и неправда. Наши мечты — укреплять людей в вере православной, в любви к православной церкви»¹⁰.

Протоиерей Евгений также имел отношение к Всероссийскому Александровскому Братству трезвости. В одной из своих работ он описал историю создания Братства и обстоятельство его отделения от Общества религиозно-нравственного просвещения в духе православной Церкви¹¹. Об основателе Братства священнике Александре Рождественском отец Евгений говорил следующее: «О. Александр — личность

⁷ Кондратьев Е., *прот.* Слово при погребении о. протоиерея Иоанна Яковлевича Образцова. СПб., 1903. С. 1.

⁸ См.: Тарасов И., *свящ.* История учреждения в Петербурге Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе православной Церкви // Христианское чтение. 2015. № 5. С. 164–174.

⁹ Отчет о деятельности «Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви» за первый год его существования 1881–82 г. с краткими замечаниями о самом образовании Общества. СПб., 1882. С. 2.

¹⁰ Кондратьев Е., *прот.* Слово на 34 годовщину Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе православной церкви, о служении церкви православной чад ее в распространении истины православия // Известия по Петроградской епархии. 1915. № 20. С. 5–7.

¹¹ См.: Кондратьев Е., *прот.* Высочайше утвержденное Общество религиозно-нравственного просвещения в духе православной церкви и Всероссийское Александровское Братство трезвости // Известия по Петроградской епархии. 1915. № 11/12. С. 10–15. См. также: Карлук Д. А. Путиловская церковь святителя Николая Чудотворца и мученицы цариды Александры: история, традиции, современность. Н. Новгород: Союзполиграф, 2020. С. 151–162.

Протоиерей Евгений Кондратьев с членами семьи.
Из семейного архива Кондратьевых

редкая, можно сказать, исключительная. Человек ума тонкого пронизательного, всегда верного взгляда, энергии изумительной, при этом нежного чистого сердца. <...> Ни критика, ни нарекания, ни препятствия, всегда естественные и неизбежные во всяком новом и высоком деле, его не смущали. Он видел то, чего не видали другие, и смело, решительно и твердо пошел своей дорогой»¹². В 1915 г. в «Известиях по Петроградской епархии» была опубликована статья отца Евгения под названием: «Годовое собрание Всероссийского Александро-Невского Братства трезвости»¹³.

Сам отец Евгений, принимавший активное участие в деятельности Братства, не раз издавал труды по борьбе с пьянством. В статье «Покайтесь!» он приводил довольно плачевную статистику состояния русского народа в начале XX столетия: «Никакие войны, никакие стихийные бедствия не поражают народ так глубоко и так страшно, как водка и пьянство. <...> От водки и пьянства в России насчитывается 200.000 сумасшедших, 100.000 идиотов, 100.000 эпилептиков, т. е. страдающих припадками, и цифры эти чрезвычайно быстро возрастают. Из 3.055.000 умирающих ежегодно детей 2.000.000 умирает от пьянства их родителей»¹⁴.

Как мы знаем, «18 июля 1914 года, когда стало ясно, что Россия будет участвовать в войне, император Николай II предоставил право местным органам самоуправления по их усмотрению и под их ответственность закрывать алкогольную торговлю. И в течение трех дней по всей России торговля алкоголем была почти полностью прекращена»¹⁵. Отец Евгений, поддерживавший это распоряжение, указывал на его плодотворные плоды: «Но вот, к великому счастью и к спасению нашему, повелением государя

¹² Кондратьев Е., *прот.* Высочайше утвержденное Общество религиозно нравственного просвещения в духе православной церкви и Всероссийское Александро-Невское Братство трезвости // Известия по Петроградской епархии. 1915. № 11/12. С. 10.

¹³ См. подр.: Кондратьев Е., *прот.* Годовое собрание Всероссийского Александро-Невского Братства трезвости // Известия по Петроградской епархии. 1915. № 21. С. 5–6.

¹⁴ Кондратьев Е., *прот.* Покайтесь! // Известия по Петроградской епархии. 1915. № 5/6. С. 11.

¹⁵ Маюров А. Н. Сухой закон в Российской Империи — РСФСР (1914–1920 гг.) // Сайт Института экономических стратегий. URL: <http://www.inesnet.ru/2014/06/suxoj-zakon-v-rossijskoj-imperii-rsfsr-1914-1920-gg/> (дата обращения 07.10.2020).

Митрополит Петроградский и Ладожский Владимир (Богоявленский) в столовой церковно-приходского лазарета. В числе сопровождающих протоиерей Евгений Кондратьев (слева от митрополита). Петроград, 4 марта 1915 г. Источник: Известия по Петроградской епархии. 1915. № 11/12. С. 9

закрылась, наконец, смрадная бездна, заливавшая народ вином и страданиями. Отрезвились люди, очнулись, пришли в себя»¹⁶.

Отец Евгений в другом своем труде «Проповедь трезвости» отмечал, что помимо пьянства большое отрицательное воздействие оказывают азартные игры: «Но есть сообщения со многих мест, что вместо пьянства быстро возрастает в народе другая губительная страсть — азартная игра в карты». Он разъяснял всю опасность этой страсти и призывал пастырей просвещать людей.

В период со 2 декабря 1914 г. по 23 декабря 1917 гг. протоиерей Евгений Кондратьев являлся редактором журнала «Известия по Петроградской епархии» (вместе с протоиереем П. Слободским) и журнала «Воскресный благовест»¹⁷. За этот период на страницах журналов было опубликовано большое количество его статей. Так, например, можно выделить различные поздравления тем или иным клирикам с круглыми датами со дня рождения или служения. Данные материалы демонстрируют, что отец Евгений с большой проникновенностью видел в том или ином священно- или церковнослужителе удивительные качества, независимые от того, какое положение он занимал — был ли это архиерей или заштатный диакон какого-то храма. Отец Евгений с большой христианской любовью писал о жизни клириков. В качестве примера можно привести отрывок из одной его заметки-поздравления, посвященной штатному диакону притча Волковско-кладбищенских церквей Павлу Васильевичу Смирнову. В статье говорится: «Присутствующий один из протоиереев, приветствуя со своей стороны юбиляра, сказал приблизительно следующее: “Бывает, летом в лесу или в поле, вдруг внезапно попадешь в полосу чудного благоухания, остановишься, с наслаждением вдыхая в себя аромат, ищешь глазами цветочек, его источающий, — не находишь: так он мал, не виден. То же бывает в жизни. Есть люди в высшей степени скромные,

¹⁶ Кондратьев Е., *прот.* Покайтесь!... С. 11.

¹⁷ См.: Андреев Г. Л. Христианские периодические издания на русском языке 1801–1917. Библиографический указатель в трех томах / Отв. ред. А. Н. Троицкий. Т. 1. А–М. N.Y.: Norman Ross Publ. Inc., 1998. С. 64, 130–131.

совсем незаметные, но всегда приятно ощутить на себе их влияние. К числу таких, несомненно, принадлежит многоуважаемый о. Павел Васильевич. Сколько, например, богомольцев наших храмов получали прекрасное настроение, не отдавая себе, может быть, отчета в причинах его. Разберитесь — окажется, что это результат благолепной благоговейнейшей службы о. диакона»¹⁸. Конечно, несложно догадаться, кто из присутствующих клириков Волковского кладбища говорил данные слова.

Отдельной темой в трудах отца Евгения можно выделить вопрос о приходском богослужении и, в целом, о приходской жизни. На станицах «Известий...» в разных номерах за 1915 г. вышло шесть частей его размышлений на тему «К вопросу о порядках в приходских храмах». В одной из них отец Евгений описывает тягостную картину беспорядков, происходящих во время причащения: «Наступает время причащения, и толпа с каждой минутой становится все плотней, как-то стихийно надвигаясь вперед, задние надавливают на передних, теснота доходит до того, что стоящим решительно невозможно пошевелить рукою, в передних рядах нет сил переносить, раздаются крики, стон, и все чаще и громче, шум стоит над толпой»¹⁹. Отец Евгений в своей статье не только объясняет причину всего этого, но и призывает церковных пастырей, в первую очередь, приучать народ к порядку посредством церковной проповеди. Далее в размышлениях отец Евгений затрагивает вопрос о приходской исповеди: «Едва ли что другое в приходских храмах совершается в таких тяжелых и ненормальных условиях, как исповедь»²⁰. В последующих частях отец Евгений рассматривает вопросы, возникающие в связи с совершением таинств крещения и венчания в приходских церквях.

Помимо размышлений о приходской жизни, отец Евгений писал заметки или целые статьи, посвященные тем или иным текущим событиям из современной церковно-общественной жизни. Одна из заметок была написана по случаю избрания епископа Вениамина (Казанского) на Петроградскую кафедру. Описывая процесс избрания, отец Евгений обратил внимание на качества новоизбранного владыки: «Человек безупречного прошлого, спокойный, ровный, преосвященный Вениамин первый из Петроградских епископов изъездил и частью даже обошел всю епархию, побывав во всех ее самых далеких и глухих приходах. Для петроградского населения преосвященный Вениамин стал своим епископом. Всегда был дорог он и петроградскому духовенству»²¹.

Начавшиеся революционные события 1917 г. вначале пошатнули, а затем и разрушили Российскую империю. На фоне катастрофических по своим последствиям событий пастырь Церкви заявлял, что «кафедра церковная отнюдь не должна быть использована в смысле проведения в народ той или иной формы правления». По мнению отца Евгения, и в частной жизни «священнику лучше бы избегать всяких политических партий»²².

Уже через несколько лет после начала страшных событий, в 1921 г., протоиерей Евгений был первый раз арестован, но «вскоре отпущен «под личную и имущественную ответственность порядка 500 человек, не побоявшихся подписать ходатайство об освобождении священника»²³.

¹⁸ Кондратьев Е., *прот.* К вопросу о порядках в приходских храмах // Известия по С.-Петербургской епархии. 1904. № 12. Отд. неоф. С. 1.

¹⁹ Там же. С. 6.

²⁰ Кондратьев Е., *прот.* К вопросу о порядках в приходских храмах // Известия по С.-Петербургской епархии. 1904. № 13. Отд. неоф. С. 1.

²¹ Кондратьев Е., *прот.* Первый свободно избранный Петроградский архипастырь // Известия по Петроградской епархии. 1917. № 21/23. С. 14. О выборах Петроградского архиерея в 1917 г. и роли печати в освещении этого события см.: Карпук Д. А. «Всероссийский церковно-общественный вестник» до и время Поместного Собора: к вопросу о роли и значении официальной церковной периодики в 1917 г. // Всероссийский Собор 1917–1918 гг. и современность. Материалы научной конференции / Сост. архим. Симеон (Томачинский). Курск, 2018. С. 33–36.

²² Кондратьев Е., *прот.* Свободная Россия // Известия по Петроградской епархии. 1917. № 9/10. С. 7.

²³ Кондратьев Евгений Михайлович, протоиерей // Сайт «Духовенство Русской Православной Церкви в XX веке». URL: <https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/person/9588/> (дата обращения 07.10.2020).

Протоиерей Евгений Кондратьев.
1930-е гг. Из семейного архива
Кондратьевых

В двадцатые годы отец Евгений неоднократно участвовал в религиозных диспутах. Воспоминание об одном из таких диспутов, состоявшемся между обновленцами и «тихоновцами» в Филармонии в январе 1928 г., записано Анатолием Красновым-Левитиным. Обновленцев на данном мероприятии представлял обновленческий «митрополит» Александр Введенский, а «староцерковников» — протоиерей Евгений, которого Анатолий Эммануилович ошибочно назвал «бывшим ректором Петербургской Духовной Семинарии»²⁴.

Вначале выступил Введенский, который рассказывал о цезарепапизме и процитировал слова императора Юстиниана, обращенные к епископам: «Моя воля — вот ваш канон». Введенский заявил, что «церковь не должна быть “музеем”, где все тщательно запротоколировано, проинвентаризировано и покрыто вековой пылью. “Откройте окна, впустите свежий воздух, пусть ворвется в церковь солнечный свет”, — исступленно требовал он»²⁵.

Далее слово было предоставлено протоиерею Евгению, который заявил, обращаясь к Введенскому: «Вы не отказались от политики, а переменяли политику. Спросите любую из наших женщин, кто вы такие. Она вам ответит кратко: “красные попы”. (Смех, аплодисменты. Улыбаются и Введенский.)

«Вы не отказались от подчинения государству, а лишь переменяли хозяина»²⁶. После этого отец Евгений процитировал слова епископа Антонина (Грановского), председателя обновленческого Собора: «Собственно говоря, это не был Собор в церковно-каноническом смысле, а просто стачка попов»²⁷. Отец Евгений также огласил циркуляр Введенского, в котором тот рекомендовал епархиальным архиереям в случае необходимости «обращаться к органам власти для принятия административных мер против староцерковников»²⁸.

Завершился диспут, по воспоминаниям А. Э. Краснова-Левитина, следующим образом: «Последним на диспуте выступил Лонгинов, один из самых ярких безбожников, редактор хулиганской газеты “Безбожник у станка”. Он закончил свою речь грубой тирадой: “Я сегодня выбивал свои брюки и от них пошло облако пыли. Еще больше пыли пойдет от вас, церковников, когда мы начнем скоро вас как следует бить”»²⁹. Нужно заметить, что в 30-е годы «выбиватель пыли» был арестован и провел в лагерях около 20-ти лет³⁰.

22 февраля 1938 г. протоиерей Евгений Кондратьев был арестован, а 10 марта того же года приговорен по ст. 58–10 УК РСФСР тройкой при УНКВД по Ленинградской области к высшей мере наказания с конфискацией имущества. Приговор был приведен в исполнение через 2 дня, предположительно, в Левашовской пустоши³¹.

²⁴ Краснов-Левитин А. Лихие годы 1925–1941. Воспоминания: в 3 ч. Ч. 1. Париж, 1977. С. 140.

²⁵ Там же. С. 140.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. С. 141.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ См. подробнее: Кондратьев Евгений Михайлович, протоиерей // Сайт «Духовенство Русской Православной Церкви в XX веке». URL: <https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/person/9588/> (дата обращения 07.10.2020).

Подводя итог краткому жизнеописанию протоиерея Евгения, хотелось бы сказать о неравнодушии горячего сердца человека, который в меру своих сил откликнулся на самые животрепещущие проблемы русского общества, полагая свой талант проповедника на сохранение в народе и обществе того светлого, праведного образа жизни, который испокон веков заботливо насаждался облеченным властью вязать и решить духовенством. Рассмотрев лишь малую часть трудов протоиерея Евгения Кондратьева, следует признать, что изучение наследия протоиерея Евгения, безусловно, нуждается в глубоком исследовании, тем более, что жизнь пока что малоизвестного, но, по сути своей, выдающегося пастыря русского народа увенчалась мученической кончиной ради Христа и Его святой гонимой Церкви.

Источники и литература

1. *Андреев Г. Л.* Христианские периодические издания на русском языке 1801–1917. Библиографический указатель: в 3 т. / Отв. ред. А. Н. Троицкий. Т. 1. А–М. N.Y.: Norman Ross Publ. Inc., 1998.

2. *Карпук Д. А.* «Всероссийский церковно-общественный вестник» до и время Поместного Собора: к вопросу о роли и значении официальной церковной периодики в 1917 г. // Всероссийский Собор 1917–1918 гг. и современность. Материалы научной конференции / Сост. архим. Симеон (Томачинский). Курск, 2018. С. 17–57.

3. *Карпук Д. А.* Путиловская церковь святителя Николая Чудотворца и мученицы царицы Александры: история, традиции, современность. Н. Новгород: Союзполиграф, 2020. 604 с., ил.

4. *Кондратьев Е., прот.* К вопросу о порядках в приходских храмах // Известия по Санкт-Петербургской епархии. 1904. № 12. Отд. неоф. С. 1–6; № 13. Отд. неоф. С. 1–6; № 14. Отд. неоф. С. 1–6; № 15. Отд. неоф. С. 1–8; № 16. Отд. неоф. С. 1–7; № 19. Отд. неоф. С. 6–11.

5. *Кондратьев Е., прот.* Высочайше утвержденное Общество религиозно нравственного просвещения в духе православной церкви и Всероссийское Александро-Невское Братство трезвости // Известия по Петроградской епархии. 1915. № 11/12. С. 10–15.

6. *Кондратьев Е., прот.* Годовое собрание Всероссийского Александро-Невского Братства трезвости // Известия по Петроградской епархии. 1915. № 21. С. 5–6.

7. *Кондратьев Е., прот.* Не забывай о смерти. СПб., 1909. 4 с.

8. *Кондратьев Е., прот.* Первый свободно избранный Петроградский архипастырь // Известия по Петроградской епархии. 1917. № 21/23. С. 13–14

9. *Кондратьев Е., прот.* Покайтесь! // Известия по Петроградской епархии. 1915. № 5/6. С. 10–11.

10. *Кондратьев Е., прот.* Речь над гробом Александра Дмитриевича Воденикова // Известия по С.-Петербургской епархии. 1905. № 1/2. Отд. неоф. С. 14–17.

11. *Кондратьев Е., прот.* Свободная Россия // Известия по Петроградской епархии. 1917. № 9/10. С. 6–7.

12. *Кондратьев Е., прот.* Слово на 34 годовщину Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе православной церкви, о служении церкви православной чад ее в распространении истины православия // Известия по Петроградской епархии. 1915. № 20. С. 5–7.

13. *Кондратьев Е., прот.* Слово пред панихидой по Димитрие Лаврентьевиче Парфенове // Известия по Петроградской епархии. 1915. № 43/44. С. 13–14.

14. *Кондратьев Е., прот.* Слово при погребении о. протоиерея Иоанна Яковлевича Образцова. СПб., 1903. 3 с.

15. *Кондратьев Е., прот.* Слово, произнесенное священником Громовского детского св. Сергия приюта Евгением Кондратьевым пред гробом матери. СПб., 1892. 3 с.

16. Кондратьев Евгений Михайлович, протоиерей // Сайт «Духовенство Русской Православной Церкви в XX веке» URL: <https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/person/9588/> (дата обращения 07.10.2020).
17. *Краснов-Левитин А.* Лихие годы 1925–1941. Воспоминания: в 3 ч. Ч. 1. Париж, 1977. 456 с.
18. *Маюров А. Н.* Сухой закон в Российской Империи — РСФСР (1914–1920 гг.) // Сайт Института экономических стратегий. URL: <http://www.inesnet.ru/2014/06/suxoj-zakon-v-gossijskoj-imperii-rsfsr-1914-1920-gg/> (дата обращения 07.10.2020).
19. Отчет о деятельности «Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви» за первый год его существования 1881–82 г. с краткими замечаниями о самом образовании Общества. СПб., 1882. 35 с.
20. *Тарасов И., свящ.* История учреждения в Петербурге Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе православной Церкви // Христианское чтение. 2015. № 5. С. 164–174.
21. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 879. Оп. 1. Д. 102.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 1 (6)

2021

М. В. Шкаровский

**Русская церковь в Афинах
в конце XIX — начале XX вв.**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_1_241

Аннотация: Община Свято-Троицкой церкви в Афинах более 150 лет была центром русской церковной жизни в Греции. История этого храма очень богата, причем особый интерес представляет период конца XIX — начала XX вв., когда Свято-Троицкий храм являлся центром русской колонии в Афинах и играл заметную роль в развитии отношений Элладской Православной Церкви с Русской Церковью. Настоятелями храма в указанный период служил целый ряд известных церковных деятелей — будущие епископы Михаил (Грибановский), Арсений (Тимофеев), Иоанникий (Ефремов), Леонтий (фон Вимпфен), будущий Патриарх Московский и всея Руси Сергей (Страгородский) и др. В написании статьи использованы материалы Российского государственного исторического архива, а также двух церковных архивов в Греции. Актуальность рассматриваемой теме придает проблема сложных взаимоотношений в настоящее время Элладской и Русской Церквей.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, Патриарх Сергей (Страгородский), епископ Михаил (Грибановский), Элладская Православная Церковь, Афины, Греция, Свято-Троицкая церковь, настоятели, община, приходская жизнь.

Об авторе: **Михаил Витальевич Шкаровский**

Доктор исторических наук, профессор кафедры церковной истории Санкт-Петербургской духовной академии.

E-mail: shkarovs@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1918-5319>

Ссылка на статью: Шкаровский М.В. Русская церковь в Афинах в конце XIX — начале XX вв. // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 1 (6). С. 241–253.

* Фотографии предоставлены автором.

**HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

Scientific Journal

No. 1 (6)

2021

M. V. Shkarovsky

**The Russian Church in Athens
in the Late 19th – Early 20th Centuries**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_1_241

Abstract: The community of the Holy Trinity Church in Athens has been the center of Russian church life in Greece for over 150 years. The history of this temple is very rich, and of particular interest is the period of the late 19th – early 20th centuries, when the Holy Trinity Church was the center of the Russian colony in Athens and played a significant role in the development of relations between the Greek Orthodox Church and the Russian Church. A number of well-known church figures served as the rectors of the church during this period – the future bishops Mikhail (Gribanovsky), Arseny (Timofeev), Ioanniky (Efremov), Leonty (von Wimpfen), the future Patriarch of Moscow and All Russia Sergius (Stragorodsky), and others. The article relies on materials from the Russian State Historical Archives, as well as from two church archives in Greece. The relevance of the topic under consideration is evident given the problem of the complex relationship between the Greek and Russian Churches today.

Keywords: Russian Orthodox Church, Patriarch Sergius (Stragorodsky), Bishop Michael (Gribanovsky), Greek Orthodox Church, Athens, Greece, Holy Trinity Church, abbots, community, parish life.

About the author: **Mikhail Vitalievich Shkarovsky**

Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Church History at St. Petersburg Theological Academy.

E-mail: shkarovs@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1918-5319>

Article link: Shkarovsky M.V. The Russian Church in Athens in the Late 19th – Early 20th Centuries. *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2021, no. 1 (6), pp. 241–253.

* Photographs provided by the author.

Община Свято-Троицкой церкви в Афинах более 150 лет была центром русской церковной жизни в Греции. История этого храма очень богата и представляет несомненный интерес. В XIX — начале XX вв. отношения Элладской Православной Церкви с Русской Церковью отличалась особой близостью и широтой. В это время российская посольская Свято-Троицкая церковь играла заметную роль в их развитии. Она была устроена на развалинах древнего византийского храма «Никодим» в 1851–1855 гг. и в последующие десятилетия являлась центром русской колонии в Афинах. Особенный интерес представляет период конца XIX — начала XX вв.

Значительной фигурой среди настоятелей Свято-Троицкой церкви в это время был известный богослов архимандрит Михаил (в миру Михаил Михайлович Грибановский, 1856–1898), исходатайствовавший свое назначение с 27 августа 1890 г. в Афины в связи с тяжелым воспалением легких, потребовавшим перемены климата. Он являлся старшим братом будущего Первоиерарха Русской Православной Церкви за границей митрополита Анастасия (Грибановского) и послужил прообразом героя рассказа А. П. Чехова «Архиерей». Отец Михаил окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, защитил магистерскую диссертацию и в сане архимандрита служил инспектором своей alma mater. Он являлся одним из первых — после долгого перерыва — профессоров академии, имевших монашеский постриг. Современники считали его неформальным вождем «монашеской дружины», куда входило несколько студентов и преподавателей — будущих иерархов, следовавших примеру архимандрита Михаила.

Однако возраставшие нагрузки отразились на здоровье отца Михаила, врачи советовали ему сменить климат. 22 августа 1890 г. архимандрит был уволен по прошению от должности инспектора академии и указом Святейшего Синода с 27 августа назначен настоятелем русской посольской церкви в Афинах. В конце октября 1890 г. он прибыл в столицу Греции. В это время российским посланником в стране был опытный дипломат Михаил Константинович Ону, назначенный чрезвычайным посланником и полномочным министром при короле эллинов указом императора Александра III от 15 ноября 1889 г.¹ М. К. Ону служил в Афинах вплоть до своей кончины 20 мая 1901 г., став другом отца Михаила.

Произошедшее вскоре после приезда знакомство архимандрита с лицами Греческого двора и российского посольства имело для него важное значение. 12 декабря 1890 г., всего через полтора месяца после прибытия в Афины отец Михаил тяжело заболел брюшным тифом с воспалением легких и плевритом, два раза он был на краю смерти. Спасла его помощь новых знакомых, в том числе королевы эллинов Ольги Константиновны и российского посланника М. К. Ону. К больному были приглашены лучшие врачи Греческого двора, которые приняли все возможные меры. Близко знавшие отца Михаила обер-прокурор Святейшего Синода Константин Петрович Победоносцев и его супруга постоянно обменивались телеграммами с врачами и российским посланником. В результате архимандрит выздоровел.²

В Афинах отец Михаил составил сборник статей, заключавших в себе размышления над Евангелием, вышедший уже после его возвращения в Россию. Этот сборник

Архимандрит Михаил
(Грибановский). 1890–1894 г.
Предоставлена
И. Л. Жалниной-Василькиоти

¹ РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 916. Л. 23.

² Михаил (Грибановский), *еп.* Сочинения, письма, жизнеописание. М., 2011. С. 758.

Свято-Троицкая церковь. Гравюра XIX в.
Предоставлена И. Л. Жалниной-Василькиоти

стал ярким событием в богословской литературе того времени. До сих пор книга «Над Евангелием», полная, по выражению протоиерея Георгия Флоровского, «какого-то весеннего света», является выдающимся произведением, как по оригинальности метода толкования Евангелия, так и по содержанию. Она несколько раз переиздавалась, как до революции 1917 г., так и в наше время, и заслуженно принесла автору большую известность в качестве духовного писателя³.

В своей повседневной жизни отец Михаил придерживался заранее установленно-го порядка. Вставал он всегда в 6 часов утра. Утренняя молитва продолжалась около часа, после чего архимандрит всегда читал дневное Евангелие и по поводу прочитанного письменно излагал свои мысли. Затем он приводил эти заметки в систему, перепечатывал и раздавал их знакомым. Так постепенно и был составлен сборник статей, заключавших в себе размышления, вызванные чтением Евангелия. После чтения отец Михаил пил чай, затем все время до обеда (в 12 часов) занимался научными трудами. После до двух часов дня он отдыхал и далее до 17 часов проводил в прогулке, причем всегда брал с собою газету или журнал. Гулял он в основном — с разрешения королевы Ольги Константиновны — по королевскому парку. После вечернего чая, до 22 часов, отец Михаил продолжал заниматься научными трудами. В целом годы службы в Афинах для архимандрита были временем продуктивных занятий его любимыми науками. Сохранилось множество заметок, сделанных им на кусочках бумаги и распределенных по алфавиту, в порядке вопросов из основного или догматического богословия и Священного Писания. Также отец Михаил занимался астрономией⁴.

В праздничные и воскресные дни после литургии у настоятеля собирались его почитатели. Среди них были российский посланник М. К. Ону с семьей, другие служащие посольства, секретарь королевы эллинов Н. Н. Философов, посещавшие с научными целями Грецию и в течение нескольких лет жившие здесь ученые: филолог,

³ Михаил (Грибановский), еп. Над Евангелием. СПб., 1896, 1898, 1911; Полтава, 1911; М., 2004.

⁴ Михаил (Грибановский), еп. Сочинения, письма, жизнеописание... С. 758–759.

профессор В. И. Модестов; историк, приват-доцент, позднее профессор Санкт-Петербургского университета А. А. Павловский; филолог, приват-доцент Новороссийского университета С. А. Селиванов; ученый секретарь Русского археологического института в Константинополе Р. Х. Лепер; также археолог Бобров, контр-адмирал Ф. К. Авелан с офицерами, русские артисты, гастролировавшие в Греции, и др. Таким образом, в Афинах отец Михаил был своеобразным центром, вокруг которого собирались русские жители города, интересовавшиеся богословием и светской наукой. В последний год пребывания в Афинах архимандрит устраивал в своей квартире раз в неделю религиозно-нравственные собеседования. Зал, где они проходили, был всегда переполнен, особенно активно посещали эти собрания русские моряки и дипломатический корпус. На все вопросы отец Михаил давал подробные объяснения, иногда носившие характер лекции и продолжавшиеся несколько часов⁵.

В свободное время отец Михаил устраивал со своими друзьями загородные прогулки к морю. Летом он на несколько месяцев уезжал в Россию. В конце 1892 г. отец Михаил опять серьезно заболел, но удачное лечение и заботливый уход спасли умиравшего архимандрита. К лету 1893 г. он настолько окреп, что смог совершить поездку на Святую Землю, где пробыл около месяца. Впечатления от этого паломничества архимандрит отразил в письмах к своим знакомым, опубликованных еще в начале XX в.⁶

Следует также упомянуть, что во время настоятельства отца Михаила, 4 ноября 1890 г., церковь Пресвятой Троицы в ходе своей заграничной поездки посетил наследник престола Николай Александрович (будущий император Николай II). 4 ноября Греческая королева, цесаревич, великий князь Георгий Александрович, великий князь Павел Александрович с супругою принцессой греческой и датской Александрой Георгиевной присутствовали со свитами на богослужении в русской церкви⁷. С середины 1893 г. отец Михаил стал тяготиться своим слишком спокойным, по его представлениям, пребыванием в Афинах. В своих письмах он все чаще писал о необходимости послужить России⁸.

Так как состояние здоровья архимандрита улучшилось, в 1894 г. он был назначен кандидатом в викарные епископы и 6 августа 1894 г. хиротонисан в Санкт-Петербурге во епископа Прилуцкого, викария Полтавской епархии⁹. 30 ноября 1895 г. преосвященный Михаил был назначен епископом Каширским, викарием Тульской епархии, а в январе 1897 г. — епископом Таврическим и Симферопольским. 19 августа 1898 г. в Симферополе после продолжительной и тяжелой болезни туберкулезом он скончался¹⁰. Владыка Михаил был ярким и оригинальным церковным мыслителем, одним из вдохновителей возрождения патриаршества в Русской Церкви, замечательно глубоким и психологичным экзегетом, толкователем Евангелия.

После отца Михаила настоятелем Свято-Троицкой церкви служил архимандрит Сергей (в миру Иван Николаевич Страгородский, 1867–1944), избранный спустя почти полвека Патриархом Московским и всея Руси. В мае 1890 г. в сане иеромонаха он окончил Санкт-Петербургскую духовную академию со степенью кандидата богословия и в июле 1893 г. был избран исполняющим должность ее доцента по кафедре Священного Писания Ветхого Завета. 13 декабря 1893 г. отец Сергей был перемещен на должность инспектора Московской духовной академии, а 21 сентября 1894 г. назначен настоятелем русской церкви в Афинах с возведением в сан архимандрита. 17 октября 1894 г. архимандрит Сергей выехал из Сергиева Посада в Афины.

⁵ Там же. С. 759–760.

⁶ *Михаил (Грибановский), еп.* Письма преосвященного Михаила, почившего епископа Таврического. Симферополь: Тавр. губ. тип., 1910. С. 211–229.

⁷ Политическое обозрение // Нива. 1890. № 46. С. 1163.

⁸ *Михаил (Грибановский), еп.* Письма... С. 177.

⁹ Церковные Ведомости. 1894. № 29. С. 271.

¹⁰ *Губонин М. Е.* Современники о Патриархе Тихоне. М., 2007. Т. I. С. 169; Русские храмы и обители в Европе. СПб., 2003. С. 115–117.

В столице Греции будущий патриарх провел три года, именно тут 14 июня 1895 г. его удостоили степени магистра богословия за диссертацию «Православное учение о спасении». В своей работе отец Сергей опирался на труды известных русских богословов свт. Феофана Затворника и свт. Тихона Задонского¹¹.

3 сентября 1897 г. по решению Святейшего Синода отец Сергей был назначен в Японию, в качестве помощника начальника духовной миссии св. равноап. архиепископа Николая (Касаткина). Летом 1899 г. архимандрит вернулся в Россию — сначала на пост ректора Санкт-Петербургской семинарии, затем (с 6 октября 1899 г.) — инспектора Санкт-Петербургской духовной академии, а с 24 января 1901 г. — ее ректора. В дальнейшем владыка Сергей возглавлял ряд епархий и в сентябре 1943 г. был избран Святейшим Патриархом Московским и всея Руси¹².

С осени 1897 по 1900 гг. настоятелем Свято-Троицкого храма был архимандрит Арсений (в миру Аполлон Петрович Тимофеев, при рождении Алихан-бек-мурза). Он окончил Императорский Гатчинский сиротский институт и в 1890 г. — Санкт-Петербургскую духовную академию, в том же году был пострижен в монашество и рукоположен в сан иеродиакона и иеромонаха. В 1897 г. архимандрит Арсений с поста ректора Вологодской духовной семинарии был перемещен настоятелем церкви при российском посольстве в Афинах¹³.

Определением от 27 августа — 2 сентября Святейший Синод признал полезным назначить отца Арсения на должность настоятеля в Афины в связи с перемещением архимандрита Сергия (Страгородского) в Японию и запросить Министерство иностранных дел, не встречается ли препятствий с его стороны. 3 сентября обер-прокурор запросил об этом МИД, и 13 сентября канцелярия обер-прокурора информировала Синод о сообщении товарища министра иностранных дел об отсутствии препятствий. Определением от 17 сентября 1897 г. Святейший Синод назначил архимандрита Арсения настоятелем, а Хозяйственное управление Синода распорядилось выдать ему прогонные деньги на проезд в Афины¹⁴. Отец Арсений служил в столице Греции около трех лет — до ноября 1900 г. В дальнейшем он занимал ряд кафедр, в частности, 30 июля 1914 г. был назначен епископом Омским и Павлодарским. 4 июня 1915 г. владыка Арсений ушел на покой, проживал в г. Арзамасе, где и скончался предположительно в 1917 г.¹⁵

В начале XX в. настоятелем русской церкви в Афинах несколько лет служил архимандрит Иоанникий (в миру Иван Ефремов, 1863–1914). Он с 1899 г. служил ректором Тверской духовной семинарии и 17 ноября 1900 г. был назначен настоятелем Свято-Троицкой церкви с ежегодным жалованием 2500 руб.¹⁶ В состав причта посольского храма в это время (с 1899 г.) также входил с жалованием 1500 руб. диакон Иоанн Щелкунов, выпускник философского факультета Копенгагенского университета, а также псаломщик и регент церковного хора Петр Иванов, с 1886 г. работавший по вольному найму в Афинах. В 1889 г. он занял штатную должность псаломщика Свято-Троицкой церкви с жалованием 1000 рублей. Все члены причта проживали в церковном доме. При храме имелся русский хор из пяти певчих, прежде штатный, а с 1882 г. служивший по вольному найму. На содержание церкви ежегодно ассигновалось 2000 руб.¹⁷

Согласно сохранившейся в архиве русской Свято-Троицкой церкви «Книги для записей брачных обысков церкви миссии в Афинах», в храме периодически совершались

¹¹ Фомин С. В. Страж Дома Господня. Патриарх Московский и Всея Руси Сергей Страгородский. М., 2003. С. 12–13.

¹² См.: Тихон (Затекин), архим. Рожденный на Земле Нижегородской. Патриарх Сергей. Нижний Новгород, 2007.

¹³ Журнал Московской Патриархии. 1960. № 8. С. 62.

¹⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 178. Д. 3612. Л. 1–3.

¹⁵ Состав Святейшего Правительственного Всероссийского Синода и Российской церковной иерархии на 1917 год. Пг., 1917. С. 362–363.

¹⁶ Мальцев А. П. Православные церкви и русские учреждения за границей. СПб., 1906. С. 16.

¹⁷ Там же.

тайнства венчания. Так, в 1902 г. в нем венчались запасной рядовой лейб-гвардии Кирасирского Его Величества полка П. И. Белый и лютеранка из Ревеля Ю. Фаулбаум; в 1903 г. венчались греческий подданный Д. Кирьякидис, служащий аптекарем при русской больнице королевы эллинов Ольги Константиновны, и сестра милосердия той же больницы В. И. Вальницкая. 24 ноября 1905 г. в церкви венчались вице-консул России на о. Сира И. А. Вутзин-Свинарич и греческая подданная К. М. Свигала. После освящения Свято-Ольгинской церкви при русском госпитале обряды венчания стали совершать и там¹⁸.

Отец Иоанникий стал свидетелем событий в Греции, связанных с попыткой королевы Ольги перевести Евангелия на современный греческий язык, более доступный и понятный, по ее мнению, простому народу¹⁹. Прослужив в Афинах более четырех лет, архимандрит Иоанникий к весне 1905 г. был отозван в Россию, где 3 июля того же года хиротонисан в Курске во епископа Белгородского, викария Курской епархии. 15 ноября 1913 г. епископ Иоанникий был уволен на покой по болезни, и 10 января 1914 г. скончался в Молчанском монастыре г. Путивля²⁰.

9 марта 1905 г. товарищ министра иностранных дел А. Д. Оболенский написал обер-прокурору Святейшего Синода В. К. Саблеру о том, что министерство не возражает против назначения на освободившуюся вакансию настоятеля посольской церкви в Афинах заместника Брянского Свенского Свято-Успенского монастыря архимандрита Анатолия (Юггера), и 10 марта Синод по указу императора Николая II принял определение об этом назначении²¹.

Однако отец Анатолий недолго прослужил в Афинах. У него возник серьезный конфликт с российским посланником в Греции Ю. Н. Щербачевым, который уже 21 февраля 1906 г. написал в Министерство иностранных дел о необходимости отозвать архимандрита в Россию. 7 марта об этом же указал в своем отношении обер-прокурору Синода товарищ министра А. Д. Оболенский²².

В свою очередь, отец Анатолий 16 марта отправил телеграмму митрополиту Санкт-Петербургскому и Ладожскому Антонию (Вадковскому), в которой писал: «Представленный к увольнению псаломщик Иванов доселе пятый месяц без дела. Продолжает сидеть в Афинах. Нравственный вред. При таких условиях служить не могу»²³. 20 марта архимандрит отправил владыке Антонию письмо с жалобой на служившего в Свято-Ольгинском храме при российском военно-морском госпитале в Пирее греческого иеромонаха Софрония (Дуки), который, несмотря на запрет Афинского митрополита, совершал обряд венчания русских офицеров и приглашал для совершения треб вне госпиталя проживавшего в Афинах заштатного диакона Порфирия Юрьева, устранив штатного диакона Свято-Троицкой церкви Иоанна Шелкунова. Наконец, 23 марта отец Анатолий написал Санкт-Петербургскому митрополиту о своем прямом конфликте с посланником Ю. Н. Щербачевым, запретившем проводить в Свято-Троицком храме, несмотря на желание настоятеля, сбор средств в пользу Императорского Палестинского общества²⁴.

Вскоре после этого, 28 марта, владыка Антоний уведомил А. Д. Оболенского, что он не возражает против возвращения архимандрита в Россию, так как тот и сам не хотел бы оставаться. 15 апреля 1906 г. Святейший Синод определил уволить отца Анатолия с отправлением его в распоряжение архиепископа Херсонского, а новым настоятелем Свято-Троицкой церкви назначить инспектора Курской

¹⁸ Архив русской церкви в Афинах (АРЦ). XIV Книга для записей в оную брачных обысков церкви миссии в Афинах 1902–1923.

¹⁹ Соколовская О. В. Греческая королева Ольга Константиновна. Под молотом судьбы. М., 2011. С. 95–100.

²⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 186. Д. 5829. Л. 2.

²¹ Там же. Л. 1–2.

²² Там же. Л. 6.

²³ Там же. Л. 11.

²⁴ Там же. Л. 11–13.

Русская церковь в Афинах. 1960-е гг.
Предоставлена И. Л. Жалниной-Василькиоти

духовной семинарии игумена Леонтия (фон Вимпфен) с возведением его в сан архимандрита²⁵.

Правда, это определение вызвало существенное недовольство прихожан. 15 мая они подали коллективное обращение в Синод, в котором писали, что русская колония в Афинах поражена увольнением настоятеля, и просили разъяснить его причины. Прихожане свидетельствовали о «глубоко религиозной и строгой монашеской жизни» отца Анатолия и отмечали: «Мы проникнуты благоговением от его прекрасной службы в храме Божиим и также от его поучительных и редко талантливых проповедей». В обращении также указывалось, что богослужения настоятеля в русской церкви очень нравились неоднократно присутствовавшим на них греческому королю Георгу и королеве Ольге. Письмо подписали 30 прихожан и диакон Иоанн Щелкунов, но наибольшую активность проявила духовная дочь архимандрита Анатолия (Юггера) графиня Екатерина Евгеньевна Капнист. В дальнейшем она еще дважды лично обращалась по этому поводу в Святейший Синод, пока его члены не приняли специальное определение — разъяснить Е. Е. Капнист ситуацию²⁶.

В конце XIX — начале XX вв. число русских прихожан Свято-Троицкой церкви составляло лишь несколько десятков человек, в частности, в 1905–1906 гг. — около 50 человек²⁷. Русская колония состояла из окружения королевы эллинов Ольги, дипломатов с семьями, священников русских церквей, жен и детей офицеров российского флота, медицинского персонала русских больниц, сотрудников Афинского отделения Русского археологического института в Константинополе, журналистов и предпринимателей. Позднее к ним прибавились и русские дворы великих князей Павла Александровича и Георгия Михайловича, женившихся на греческих принцессах Александре и Марии, а также двор великой княгини Елены Владимировны, жены греческого принца Николая Георгиевича. Члены русской колонии венчались в Свято-Троицкой

²⁵ Там же. Л. 8, 10–10 об.

²⁶ Там же. Л. 14–16.

²⁷ Мальцев А. П. Православные церкви и русские учреждения за границей... С. 16.

церкви, крестили детей, отпевали усопших. Греческие газеты в подробностях описывали торжественность и грандиозность проводимых треб. В 1894 г. в церкви состоялась панихида по генерал-лейтенанту князю М. А. Катакузину, в 1896 г. здесь отпевали русского контр-адмирала Л. К. Калогераса, в 1901 г. — провожали в последний путь российского императорского посланника М. К. Ону и др.²⁸ Часто вместе с королевой Ольгой храм посещали ее супруг король Эллады Георг I и дети — греческие и датские принцы и принцессы Константин, Георгий, Николай, Мария, Андрей, Христофор.

С весны 1906 г. по лето 1914 г. настоятелем русской церкви в Афинах служил архимандрит Леонтий (в миру Владимир Федорович фон Вимпфен, 1873–1919). Он происходил из рода немецких баронов, окончил Казанскую духовную академию и служил инспектором Курской семинарии. В Афины отец Леонтий прибыл 23 сентября 1906 г. Помимо службы в посольской церкви, он по несколько раз в год служил панихиды по всем похороненным на русском кладбище в Пирее, в апреле 1907 г. — отслужил литургию на миноносцах № 212 и 213, отходивших в Россию. Совершал отец Леонтий литургии и таинства бракосочетания в церкви при русской больнице в Пирее (1907 г.). В 1908 г. он участвовал в возложении крестов на сестер милосердия в русском госпитале, отслужив литургию и обратившись к ним с яркой речью.

22 января 1909 г. в созданной и опекаемой королевой Ольгой больнице Благовещение в центре Афин у нее на руках скончался капитан 2-го ранга, участник Цусимского сражения, кавалер ордена святого Георгия IV степени, командир канонерской лодки «Хивинец» П. П. Дурново, сын председателя Санкт-Петербургской городской думы. В день его кончины отцом Леонтием в больнице была совершена панихида, а после переноса тела в церковь вечером того же дня отслужена заупокойная всенощная. 26, 27, 28 и 29 января в церкви, где был выставлен для прощания гроб с телом Дурново, отец Леонтий каждый день совершал панихиды по покойному. 30 января, после отпевания, траурная процессия вместе со священником и королевой Ольгой из Свято-Троицкой церкви пешком направилась в порт Пирей, где стоял «Хивинец».

8 ноября 1910 г., в день праздника Уральского казачьего войска, о. Леонтий совершил молебен св. Архистратигу Михаилу и прочим бесплотным Силам на канонерской лодке «Уралец» в присутствии императорского посланника и членов посольства. В декабре того же года он отслужил вечернюю молитву на броненосном крейсере 1-го ранга «Аврора» перед устройством на нем елки для нижних чинов. Обладая ярким ораторским даром, отец Леонтий почти на всех службах произносил речи, публиковавшиеся позднее в синодальных типографиях Курска и Казани.

Регулярно королевской семье Греции наносили визиты родственники из России. Так, 2 мая 1909 г. на всенощной в Свято-Троицком храме присутствовала прибывшая в Афины вдовствующая императрица Мария Федоровна. Служба в храме во время посещения царственных особ проходила особенно торжественно. Специально для этих случаев в церкви был особый набор святых сосудов — серебряный с финифтевыми образками, осыпанными стразами. Но и в дни обычных, не праздничных богослужений, убранство церкви удивляло своим богатством. Храму принадлежала многочисленная серебряная с позолотой церковная утварь, серебряные подсвечники и канделябры, усыпанные драгоценными камнями золотые наперсные кресты, Евангелия в серебряных окладах; шитые золотом и серебром митры с эмалевыми и серебряными образками, усыпанные полудрагоценными камнями, богатое бархатное или парчовое облачение священников.

Помимо фресок, написанных при сооружении храма, в нем было более 50 храмовых икон XVIII — начала XX вв. с золотыми и серебряными окладами или ризами, многие в киотах. Под уникальную библиотеку, основание которой положил архимандрит Антонин (Капустин) и продолжили следующие настоятели, были заказаны дубовые шкафы. В церкви висели портреты императора Николая II, императрицы

²⁸ Жалнина-Василькиоти И. Л. Родной земли комок сухой. Русский некрополь в Греции. М., 2012. С. 16–17.

Александры Федоровны, настоятелей в дубовых рамках под стеклом, редкие фотографии самого храма.

Речь, произнесенная настоятелем архимандритом Леонтием 22 января 1911 г. при отпевании бывшего командира мореходной канонерской лодки «Черноморец» капитана 1-го ранга Д. К. Селезнева, хорошо передает атмосферу душевности и любви, которая царила среди русских в Греции²⁹. Свято-Троицкая церковь была также местом проведения служб, связанных с тезоименитством или с панихидами по членам Российского императорского дома, на которых присутствовали члены греческого королевского дома, политики, иностранные дипломаты. В церковном приделе свт. Николая была королевская ложа, за ней — ложа секретарей и фрейлин королей и королев, а в приделе св. Никодима — дипломатическая. В конце XIX — начале XX вв. храм снаружи был окружен красивой металлической решеткой, специально для него отлитой на заводе в Санкт-Петербурге³⁰.

На период, когда отец Леонтий служил настоятелем посольского храма пришлось две войны, в которых участвовал Греция: Первая и Вторая Балканские войны (1912–1913). В это время русские оказывали ей разнообразную поддержку. Отец Леонтий был любим королевой Ольгой, которая принимала активное участие в его судьбе. «Так давно здесь не было такого достойного, почтенного, симпатичного священника», — писала она в письме генералу А. А. Кирееву в Россию. И далее, хлопоча о его возвращении на родину, отмечала: «У о. Леонтия постоянные нелады со здоровьем и здешним посланником, у которого очень тяжелый характер. Ю. Н. Щербачев бездушно придерживается устава и не входит в положение архимандрита, отказывая ему в самых необходимых, благоразумных ходатайствах»³¹.

Имея при королевском дворце домовую церковь, в которой служил греческий притч и хор, в некоторых исключительных случаях — как, например, крестины 30 января 1908 г. ребенка русского военного атташе Артамонова — королева приглашала настоятелей посольской церкви, в частности отца Леонтия. Русский храм был «душой» российской колонии и ниточкой, связывающей прихожан с Родиной. Именно в нем Ольга Константиновна ежегодно поминала усопших родителей — великого князя Константина Николаевича и великую княгиню Александру Иосифовну, деда — императора Николая I, брата Вячеслава Константиновича и дядю — императора Александра II, заказывала службы за здоровье членов Российского императорского Дома.

Отец Леонтий был рядом с королевой Ольгой в дни горя, постигшего ее 18 марта 1913 г. В Салониках анархистом был убит ее муж король Георг I. Его отпели в Благовещенском соборе Афин 3 апреля. Богослужение совершали 50 архиереев, в том числе настоятель русского храма³². Королем Греции 18 марта был объявлен старший сын Георга I и королевы Ольги принц Константин. После этих событий в 1914 г. королева Ольга уехала к родственникам в Россию, как она думала, ненадолго, однако начавшаяся Первая мировая война на много лет разлучила ее с Грецией и детьми. В 1914 г. вернулся в Россию и отец Леонтий. Вскоре после приезда из Афин, 28 сентября 1914 г., он был хиротонисан во епископа Чебоксарского, затем служил епископом Ереванским, Кустанайским, Петровским и Енотаевским. Владыка Леонтий был расстрелян большевиками в Астрахани летом 1919 г.

С осени 1914 г. настоятелем Свято-Троицкой церкви служил выпускник Московской духовной академии архимандрит Сергей (в миру Николай Федорович Дабич, 1877–1927). В 1911 г. он принял монашеский постриг, в 1912 г. был рукоположен в иеромонахи, а в 1914 г. возведен в сан архимандрита и назначен в Свято-Троицкую

²⁹ См.: *Леонтий, архим.* Слово при отпевании командира мореходной канонерской лодки «Черноморец» капитана 1-го ранга Д. К. Селезнева. Курск, 1911.

³⁰ Русские храмы и обители в Европе... С. 116

³¹ *Соколовская О. В., Чуркина И. В.* Переписка греческой королевы Ольги Константиновны Романовой с генералом А. А. Киреевым. 1877–1909 // *Славяноведение*. 1996. № 4. С. 72.

³² *Правительственный Вестник*. 1913. № 65. 21 марта (3 апреля). С. 4.

церковь³³. Служа в Афинах, отец Сергей активно помогал не только своим прихожанам, но и русским инокам на Афоне. Так настоятель Свято-Пантелеимоновского монастыря игумен Мисаил (Сапегин) 8 июня 1915 г. отправил архимандриту письмо с выражением благодарности за оказанную обители помощь в годы войны и приглашением посетить ее³⁴.

Отцу Сергию пришлось пережить на своем посту Первую мировую войну, разрыв дипломатических связей с Россией по инициативе Греции после революции 1917 г. и гражданскую войну на Родине. Правда, в 1916 г. настоятелем Свято-Троицкой церкви оказался назначен прежний настоятель русского посольского храма в Константинополе архимандрит Ювеналий (Машковский), однако в Афины он приехать не смог. Таким образом, настоятелем Свято-Троицкой церкви остался архимандрит Сергей. Диаконом в храме в это время служил Михаил Макаров, псаломщиком — Николай Минин³⁵.

После начала Первой мировой войны через Афины в Россию уехали некоторые члены Русской духовной миссии в Святой Земле, которых турецкие власти изгнали из Иерусалима. Значительная помощь им была оказана архимандритом Сергием. 1 декабря 1914 г. в Афины приехали первые члены Миссии: иеромонах Виктор, учитель палестинских школ Е. Воловин, послушник Константин и монах Виталий, которые поселились в квартире архимандрита. Правда, первые двое через пять дней уехали в Египет, Константин сразу поехал на Афон, но отец Виталий жил в Афинах более пяти месяцев, до 7 мая 1915 г., занимаясь пением в Свято-Троицкой церкви при будничном служении литургии. Монах Виталий был оставлен в распоряжении архимандрита Сергия указом Святейшего Синода от 28 января 1915 г., а в мае отправлен в Александрию (Египет)³⁶.

19 декабря в Афины прибыли сразу 37 человек братии Русской духовной миссии в Святой Земле: 8 иеромонахов, 3 иеродиакона, 4 монаха, 15 послушников, регент Андрей Переверзев и 6 певчих. Из них иеромонах Фотий и иеродиакон Серафим оставались при Свято-Троицкой церкви для совершения треб и охраны ризницы, живя в квартире архимандрита Сергия до 21 февраля 1915 г., затем уехали в Александрию. Остальные были временно размещены в гостинице в Пирее — их необходимо было вернуть на Родину. Кроме того, российский генеральный консул в Салониках поручил отцу Сергию доставить в Россию еще 10 человек: 9 послушников и иеромонаха³⁷. Приехавшим были куплены одежда и обувь.

На все это требовались значительные средства. 19 декабря обер-прокурор В. К. Саблер отправил архимандриту Сергию через Министерство иностранных дел 2000 рублей, которые довольно быстро переслали в Афины. Определением от 19 декабря 1914 — 2 января 1915 гг. Святейший Синод утвердил этот расход. 26 декабря обер-прокурор повторно выделил такую же сумму³⁸. Однако эти деньги пришли в Афины с большим запозданием, только через несколько месяцев. 29 декабря 1914 г. в сопровождении архимандрита Сергия и его послушника в Россию из Афин выехал 41 член Иерусалимской миссии³⁹. Отец Сергей благополучно провез порученных ему иноков и мирян по маршруту Греция — Сербия — Болгария — Румыния в Одессу, где оставил братию на попечение насельников местных афонских подворий, а сам выехал

³³ Ниввер А. Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в Западной и Центральной Европе. 1920–1995. Биографический справочник. М., 2007. С. 432–433.

³⁴ Архив русского Пантелеимонова монастыря на Афоне (АРПМА). Оп. 44. Д. 14. Док. 3818. Л. 19–20.

³⁵ АРЦ. XIV Книга для записей в оную брачных обысков церкви миссии в Афинах 1902–1923...

³⁶ РГИА. Ф. 801. Оп. 1. Д. 641. Л. 8.

³⁷ Там же. Л. 10.

³⁸ Там же. Л. 3–4.

³⁹ Кудрявцева В. П. Православные монастыри и Первая мировая война // Линтула. Сборник научных статей. СПб., 2014. Вып. 7. С. 95.

в Петроград, где пробыл несколько недель. Так как расходы архимандрита значительно превышали полученные им ранее 2000 рублей, В. К. Саблер 16 января 1915 г. приказал выдать ему еще 730 рублей. 21 января отец Сергей получил их, дав обязательство представить письменный финансовый отчет⁴⁰.

На обратном пути архимандрит 7–10 февраля находился в Софии, где по поручению Святейшего Синода провел переговоры с архиереями Болгарского экзархата. 12 февраля он вернулся в Афины, где с этого дня около недели принимал 11 членов Русской Духовной Миссии в Америке. 18 мая 1915 г. отец Сергей отправил в Хозяйственное управление Синода финансовый отчет с приложением расходных документов, из которого следовало, что всего было затрачено 3299 руб., а получено 2730 руб.⁴¹ 19 июня отчет был передан для ревизии в Контроль при Синоде. Только к 7 августа настоятель получил через Российскую дипломатическую миссию в Афинах посланные ему по линии МИДа в начале января еще 2000 рублей. Результаты ревизии оказались положительными, отчет в основном утвердили⁴².

Так как после закрытия всех русских храмов на территории Османской империи и Болгарии архимандрит Сергей остался единственным русским настоятелем в Восточном Средиземноморье, то в 1916 г. он регулярно посылал Святейшему Синоду донесения не только о церковных делах в Греции, но и на Ближнем Востоке⁴³. Настоятель афинского посольского храма старался оказывать и другое содействие своей Родине вплоть до Октябрьского переворота 1917 г., прервавшего связи общины Свято-Троицкой церкви с Россией.

На развитие церковной жизни в Греции в годы Первой мировой войны сильное влияние оказывала сложная политическая ситуация, в которой находилась страна. После вступления 14 октября 1915 г. в войну Болгарии, в Грецию хлынул поток сербских беженцев. Увеличившаяся в связи с этими событиями в Афинах сербская диаспора, не имевшая своей собственной церкви, стала прихожанами Свято-Троицкого храма. В 1916 г. в нем состоялось три таинства венчания сербских подданных.

Вместе с архимандритом Сергием (Дабичем) в храме в 1916 г. периодически служили: иеромонах афонской Крестовоздвиженской келии Серафим, отец Дамаскин, диакон Михаил Макаров, отец Имелиан, отец Иерофей, иеромонахи афонского Андреевского скита Софроний и Флорентий, иеромонах афонского Ильинского скита Пахомий, иеромонах афонской келии св. Саввы Варсонофий, сербские священники Емануил Пиперкович и Вениамин Таушанович – сербский архиерейский наместник⁴⁴. В Свято-Троицком храме неоднократно в феврале–апреле 1916 г. вместе с отцом Сергием служил епископ Варнава (Росич), будущий патриарх Сербский. В храме начали совершать панихиды по погибшим русским и сербским воинам, братьям по оружию на Македонском (Салоникском) фронте.

Так же, как и при предыдущих настоятелях, отец Сергей исповедовал и причащал Святых таинств в русской больнице в Пирее и в больнице Благовещения в Афинах, служил панихиды на Пирейском русском кладбище и литургии в Свято-Ольгинской церкви. В 1916 г. Свято-Троицкая церковь на летнее время не закрывалась. Внимательно следя за событиями на Македонском фронте, члены притча служили литургии по поводу важных побед, таких, как взятие русскими бригадами г. Монастыря.

Однако вследствие обстоятельств военного времени и осложнений в политических делах в Греции, согласно полученному из России распоряжению богослужения в Свято-Троицкой церкви прекратились с 21 ноября 1916 г. Церковный притч вместе с афинской русской колонией был размещен на афонском корабле, где находился до 18 декабря того же года, когда пароход отбыл в Италию. Под нужды греческой армии была передана русская больница в Пирее. С 23 декабря 1916 г. по 17 марта

⁴⁰ РГИА. Ф. 801. Оп. 1. Д. 641. Л. 5, 11.

⁴¹ Там же. Л. 11, 17–18.

⁴² Там же. Л. 96.

⁴³ Там же. Ф. 796. Оп. 203 (6 отд.). Д. 33а. Л. 1–39.

⁴⁴ Там же Л. 3–20.

1917 г. архимандрит Сергей совершал богослужения в русской посольской церкви Рима, а также в русской и сербской церквях в Ницце. Богослужения в русской церкви Афин возобновились 25 марта 1917 г. В храме начали служить отец Сергей (Дабич) и диакон Михаил Макаров, другие ранее совершавшие богослужения в Свято-Троицкой церкви священнослужители в Грецию не вернулись. Архимандрит Сергей оставался настоятелем до 1920 г.⁴⁵, позднее этот пост занимали в основном представители первой волны русской эмиграции. С 1917 г. русский храм в Афинах уже не закрывался, хотя в послереволюционный период и перешел в юрисдикцию Элладской Православной Церкви. Его активная церковная жизнь продолжается и в настоящее время.

Источники и литература

1. Архив русского Пантелеимонова монастыря на Афоне. Оп. 44. Д. 14. Док. 3818.
2. Архив русской церкви в Афинах. XIV Книга для записей в онную брачных обысков церкви миссии в Афинах 1902–1923.
3. Губонин М. Е. Современники о Патриархе Тихоне. М., 2007. Т. I.
4. Жалнина-Василькиоти И. Л. Родной земли комок сухой. Русский некрополь в Греции. М., 2012.
5. Журнал Московской Патриархии. 1960. № 8.
6. Кудрявцева В. П. Православные монастыри и Первая мировая война // Линтула. Сборник научных статей. СПб., 2014. Вып. 7. С. 92–97.
7. Леонтий, архим. Слово при отпевании командира мореходной канонерской лодки «Черноморец» капитана 1-го ранга Д. К. Селезнева. Курск, 1911.
8. Мальцев А. П. Православные церкви и русские учреждения за границей. СПб., 1906.
9. Михаил (Грибановский), еп. Над Евангелием. СПб., 1896, 1898, 1911; Полтава, 1911; М., 2004.
10. Михаил (Грибановский), еп. Письма преосвященного Михаила, почившего епископа Таврического. Симферополь: Тавр. губ. тип., 1910. 230 с.
11. Михаил (Грибановский), еп. Сочинения, письма, жизнеописание. М., 2011.
12. Нивьер А. Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в Западной и Центральной Европе. 1920–1995. Биографический справочник. М., 2007.
13. Политическое обозрение // Нива. 1890. № 46. С. 1163.
14. Правительственный Вестник. 1913. № 65. 21 марта (3 апреля). С. 4.
15. Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 178. Д. 3612; Оп. 186. Д. 5829; Оп. 203 (6 отд.). Д. 33а; Ф. 801. Оп. 1. Д. 641; Ф. 1329. Оп. 1. Д. 916.
16. Русские храмы и обители в Европе. СПб., 2003.
17. Соколовская О. В. Греческая королева Ольга Константиновна. Под молотом судьбы. М., 2011.
18. Соколовская О. В., Чуркина И. В. Переписка греческой королевы Ольги Константиновны Романовой с генералом А. А. Киреевым. 1877–1909 // Славяноведение. 1996. № 4. С. 70–79.
19. Состав Святейшего Правительственного Всероссийского Синода и Российской церковной иерархии на 1917 год. Пг., 1917.
20. Тихон (Затекин), архим. Рожденный на Земле Нижегородской. Патриарх Сергей. Нижний Новгород, 2007.
21. Фомин С. В. Страж Дома Господня. Патриарх Московский и Всея Руси Сергей Старгородский. М., 2003.
22. Церковные Ведомости. 1894. № 29. С. 271.

⁴⁵ Нивьер А. Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции... С. 433.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 1 (6)

2021

Священник Павел Кадосов

**Священник Григорий Михайлов как типичный
представитель петербургского приходского духовенства
первой половины XVIII в.**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_1_254

Аннотация: Статья посвящена одному из первых представителей петербургского духовенства, священнику Григорию Михайлову (ок. 1692–1746), чья судьба является типичной для петербургского клирика первой половины XVIII в. На его примере можно проследить механизм появления священнослужителей в новой столице, пути их взаимоотношений со священноначалием до и после установления синодальной системы, отметить особенности церковного служения в Санкт-Петербурге в рассматриваемую эпоху. За годы столичного служения отец Григорий сменил три прихода — собственно городской, при церкви Рождества Пресвятой Богородицы на Петербургском острове, и два пригородных — Ильинской церкви на Пороховых и Рождества Иоанна Предтечи в Ямской слободе. С именем священника Григория связана ранняя история чтимого списка Казанской иконы Божией Матери, впоследствии одной из главных святынь Петербурга. В 1727 г., во время погребения императрицы Екатерины I, отец Григорий участвовал в чтении Евангелия над гробом. На последнем месте служения он прославился как «ревнитель благочестия и чистоты нравов», что было редкой характеристикой для петербургского священника той эпохи.

Ключевые слова: архиепископ Феодосий (Яновский), священник Григорий Михайлов, священник Михаил Григорьев, священник Леонтий Гурьев, священник Илья Афанасьев, священник Евтихий Ильин, храм святого пророка Божия Илии на Пороховых (Санкт-Петербург), храм Рождества Иоанна Предтечи в Ямской слободе (Санкт-Петербург), храм Введения Пресвятой Богородицы на Сретенке (Москва), храм Воскресения Христова в Хомутове (Москва).

Об авторе: **Священник Павел Викторович Кадосов**

Магистр богословия, клирик храма Преображения Господня в Лесном в Санкт-Петербурге.

E-mail: pavel-kadosov@yandex.ru.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9633-4800>

Ссылка на статью: Кадосов П., свящ. Священник Григорий Михайлов как типичный представитель петербургского приходского духовенства первой половины XVIII в. // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 1 (6). С. 254–261.

* Фотографии предоставлены автором.

**HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

Scientific Journal

No. 1 (6)

2021

Priest Pavel Kadosov

**Priest Grigory Mikhailov as a typical representative
of the St. Petersburg parish clergy
of the first half of the XVIII century**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_1_254

Abstract: The article is devoted to one of the first representatives of the St. Petersburg clergy, Priest Grigory Mikhailov (c. 1692–1746), whose fate is typical for the St. Petersburg cleric of the first half of the XVIII century. Using his example, we can trace the mechanism of the appearance of the clergy in the new capital, the ways of their relations with the clergy before and after the establishment of the synodal system, and note the peculiarities of the church service in St. Petersburg in this era. During the years of his metropolitan ministry, Father Gregory changed three parishes — the city proper, at the Church of the Nativity of the Most Holy Theotokos on St. Petersburg Island, and two suburban ones — the Elijah Church on Porokhovye and the Nativity of John the Baptist in Yamskaya Sloboda. The name of the priest Gregory is associated with the early history of the venerated list of the Kazan Icon of the Mother of God, later one of the main shrines of St. Petersburg. In 1727, during the burial of the Empress Catherine I, Father Gregory participated in the reading of the Gospel over the coffin. At the last place of service, he became famous as a «zealot of piety and purity of morals», which was a rare characteristic for a St. Petersburg priest of that era.

Keywords: Archbishop Theodosius (Yanovsky), Priest Grigory Mikhailov, Priest Mikhail Grigoriev, Priest Leontiy Guryev, Priest Ilya Afanasyev, Priest Evtihiy Ilyin, Church of the Holy Prophet of God Elijah on Porokhovye (St. Petersburg), Church of the Nativity of John the Baptist in Yamskaya Sloboda (St. Petersburg), Church of the Introduction of the Most Holy Theotokos on Sretenka (Moscow), Church of the Resurrection of Christ in Khomutov (Moscow).

About the author: **Priest Pavel Viktorovich Kadosov**

Master of Theology, cleric of the Church of the Transfiguration of the Lord in Lesnoy in St. Petersburg.

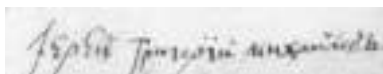
E-mail: pavel-kadosov@yandex.ru.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9633-4800>

Article link: Kadosov P., priest. Priest Grigory Mikhailov as a typical representative of the St. Petersburg parish clergy of the first half of the XVIII century. *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2021, no. 1 (6), pp. 254–261.

* Photographs supplied by the author.

Биография священника Григория Михайлова, служившего в Северной столице в 1718–1746 гг., ярко иллюстрирует жизнь первых поколений петербургских священнослужителей, проходившую в условиях «эпохи перемен» — становления нового, sinoдального периода русской церковной истории.

Автограф священника Григория Михайлова. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 10. Л. 434. Кадр 427

Священник Григорий родился около 1692 г. (точные даты рождения в документах первой половины XVIII в. не указывались, но обратившись к разным источникам, мы можем сделать подобный вывод). Будущий пастырь был родом из Москвы: «отец его служил при церкви Тихвинской иконы Пресвятой Богородицы, что близ Новодевичьего монастыря». Сам Григорий Михайлов

в 1709–1713 гг. исполнял обязанности пономаря «при церкви Введения Пресвятой Богородицы, что на Сретенке», а затем был определен «в священники к Воскресенской церкви в Хомутове за Москвой-рекой на место его умершего тестя священника Леонтия Гурьева». «Определение» состоялось по благословиению патриаршего местоблюстителя, Рязанского митрополита Стефана (Яворского), от которого отец Григорий получил и священническую грамоту¹. Вероятнее всего, рукоположение также совершил владыка Стефан.

На примере данной ситуации мы видим, что еще до петровской реформы в среде духовенства присутствовала практика передачи приходских мест по наследству. Кроме того, духовенство к началу XVIII в. было уже вполне замкнутым сословием (отец и тесть героя статьи также были священниками).

Что касается появления отца Григория в Петербурге, то доподлинно известно лишь то, что он «в августе 1718 г., когда его отец, священник Михаил Григорьев, был в Рязанском полку, прибыл в Петербург, а в Хомутове остался товарищ его Иван Петров»². Не слишком понятно, на каком основании произошла перемена места служения, и почему упоминается отец священника.

Если позиция московского священноначалия в источнике не прописана, то в Петербурге священник Григорий сразу получил «официальное определение», хотя и не зафиксированное документально. «По словесному бывшего Александроневского монастыря архимандрита Федоса приказу, служил в церкви Рождества Пресвятой Богородицы, что на Санкт-Петербургском острове»³. Эта информация позволяет нам понять, каково было положение дел в Петербурге и окрестностях до учреждения Св. Синода, в период фактического управления церковными делами столицы архимандрита Феодосия (Яновского).

Священник Григорий стал первым известным по имени настоятелем храма, с которым связана история чтимого списка Казанской иконы Пресвятой Богородицы — одной из главных святынь Петербурга⁴. Стоит отметить, что в XVIII в. термин «настоятель» не употреблялся по отношению к приходскому клирику, официально отец Григорий был «первенствующим священником».

Точно известно, что именно при отце Григории, в 1721 г., по распоряжению того же Феодосия (Яновского), уже архиепископа Новгородского, Казанскую икону перенесли из церкви Рождества Богородицы в расположенный неподалеку Троицкий собор — главный столичный храм того времени, где святыня находилась до 1727 г., после чего ее возвратили на прежнее место⁵.

¹ Об определении священников к пороховым заводам, в Абовский гренадерский полк, в Казанскую церковь Тосненского Яма и в артиллерийский полк // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 151. Л. 19, 20 об.

² Там же. Л. 19.

³ Там же.

⁴ Казанский кафедральный собор. СПб.: Арт Деко, 2011. С. 14.

⁵ Там же.

В 1722 г. священник Григорий Михайлов был переведен в новопостроенную церковь в честь святого пророка Божия Илии на Пороховых «указом Его Императорского Величества, приговором Вашего Святейшества, по челобитной служителей Охтинских пороховых заводов»⁶. В нескольких словах документа раскрывается система назначения служителей церкви в XVIII в. Под «Вашим Святейшеством» подразумевается Св. Синод, к членам которого и обращен цитируемый доклад Тиунской конторы. Формальный «императорский указ» требовался для любого церковного назначения и подчеркивал связь Русской Церкви с государством. Также показательно, что в описываемое время еще играла роль позиция прихожан, выраженная в «челобитной».

В тот период Пороховые были отдаленным столичным предместьем, однако Ильинский храм с полным основанием можно считать петербургским. В этом качестве он фигурировал в документах рассматриваемого периода⁷, а в 1741 г. вошел в состав 3-го благочиннического округа столицы, который охватывал территорию по обе стороны Невы — Литейную сторону и Охту⁸.

Во время служения на Пороховых отцу Григорию пришлось столкнуться с материальной нуждой. К приходу относилось пятьдесят дворов, священник получал «по жалованью мастеровых учеников с рубля по алтыну», на что было «пропитаться ему невозможно». В марте 1727 г. он предпринял попытку получить более доходный приход, попросившись священником в «полевую артиллерию» вместо умершего священника Ильи Афанасьева, которого называет своим родным дядей (очевидно, по материнской линии, т. к. отчества отца Ильи и отца Михаила Григорьева, чьим сыном священник Григорий, не совпадают). Свою просьбу священник Григорий объяснял необходимостью воспитать детей покойного священника, в чем он дал обязательство («сирот поить и кормить»)⁹. Здесь мы видим пример уже устоявшейся традиции наследования мест и, что важно, обеспечение этим путем ближайших родственников покойного. Также примечательно, что отец Григорий решал данную проблему через Канцелярию Главную артиллерии, поскольку пороховой завод, при котором он служил, был военным предприятием. Это обстоятельство, на наш взгляд, вполне могло быть предпосылкой грядущего официального разделения духовенства на военное и епархиальное.

Несмотря на все старания, священник Григорий не смог добиться желаемого перевода. Впрочем, вскоре он и без того получил возможность немного поправить свое материальное положение. Дело в том, что 6 мая того же 1727 г. умерла императрица Екатерина I, а 16 мая состоялся перенос ее тела в Петропавловский собор и погребение¹⁰. Ильинский священник входил в число «попов», участвующих в выносе тела и чтении Евангелия над гробом, за что получил из Кабинета Его Императорского Величества семь рублей пятьдесят копеек¹¹. Такая сумма относительно жалования священника была довольно крупной.

⁶ Об определении священников к пороховым заводам, в Абовский гренадерский полк, в Казанскую церковь Тосненского Яма и в артиллерийский полк // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 151. Л. 19.

⁷ О предписании священнослужителей во время торжественных богослужений стоять чинно, не разговаривая // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1564. Л. 1 об.—8 об.; О наведении счетной комиссией справки и о числившихся в 1727 г при церквях Иоаннопредтеченской в Ямской слободе и Ильинской при Охтинских пороховых заводах священниках // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1560.

⁸ О назначении благочинных священников для наблюдения за поведением священнослужителей, исполнением ими своих обязанностей // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 2142. Л. 1 об., 6 об.

⁹ Об определении священников к пороховым заводам, в Абовский гренадерский полк, в Казанскую церковь Тосненского Яма и в артиллерийский полк // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 151. Л. 19, 20 об., 23–24.

¹⁰ Логунова М. О. Печальные ритуалы императорской России. М.: Изд-во Центрполиграф, 2011. С. 114, 116.

¹¹ О наведении счетной комиссией справки и о числившихся в 1727 г при церквях Иоаннопредтеченской в Ямской слободе и Ильинской при Охтинских пороховых заводах священниках // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1560. Л. 4 об.

Храм св. пророка Божия Илии на Пороховых
во время служения священника Григория Михайлова
(Богданов А. И. Описание о построении Санкт-Петербурга
с самого его начала по ныне. СПб., 1752)

В 1730-е гг. отец Григорий продолжал служить на Пороховых. В 1732 г. он совершил поездку в Нарву к своему отцу иерею Михаилу Григорьеву, который состоял там «при 2-м Московском полку, в самой древней старости», чтобы «со оным свидеться и принять оного благословение»¹². В эпоху, когда при местах службы находились «неотлучно», даже кратковременное путешествие для приходского священника было целым событием. Возможно, поездка в Нарву стала единственным выездом отца Григория за пределы ближайших петербургских окрестностей за все двадцать восемь лет его служения там.

В начале 1740-х гг. иерей Григорий Михайлов был переведен к церкви в честь Рождества св. Иоанна Предтечи в Ямской слободе. «Историко-статистические сведения» сообщают, что перевод состоялся в 1742 г.¹³ Однако в материалах синодального архива указано другое число — 6 июня 1741 г. Именно в этот день священник Михайлов «словесно объявил» командиру Охтинских пороховых заводов, что «по указу Его Императорского Величества и по определению Святейшего Синода» ему «велено быть» при Ямской церкви, «куда отбыл того же июня 6-го»¹⁴.

Новый священник в Ильинскую церковь был назначен только два с половиной месяца спустя, 18-го августа 1741 г.¹⁵ Им стал иерей Евтихий Ильин, двоюродный брат отца Григория (сын вышеупомянутого артиллерийского «попа» Ильи Афанасьева¹⁶), что стало очередным подтверждением передачи приходского места по наследству или в пределах одной семьи.

¹² О разрешении священнику Ильинской церкви при Охтинских пороховых заводах Григорию Михайлову на поездку в город Нарву // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 995. Л. 1.

¹³ Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии: Вып. 7-й. СПб., 1883. С. 159.

¹⁴ По доношению Канцелярии Главной Артиллерии, о назначении священника к Ильинской на Охтинских пороховых заводах церкви // РГИА. Ф. 796. Оп. 22. Д. 416. Л. 1.

¹⁵ Подлинные указы Санкт-Петербургского Духовного Правления, об определении на места разных лиц // РГИА. Ф. 796. Оп. 22. Д. 129.

¹⁶ Об определении сына священника Евстафия Ильина в Сергиевскую церковь при Артиллерийской слободе пономарем // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1014. Л. 2. В заголовке дела Евтихий Ильин ошибочно назван Евстафием.

Назначение священника Григория в Ямскую слободу также не было случайным. Несмотря на географическую удаленность от Пороховых, у него были давние связи с ямским духовенством. В 1727 г. отец Григорий вместе с священником Ямской церкви Иоанном Макаровым участвовал в вышеупомянутом погребении императрицы Екатерины, а просфорня Иоанно-Рождественского прихода Татьяна Гаврилова в 1736 г. стала восприемницей при крещении дочери священника Григория Христины¹⁷. Скорее всего, эта женщина была тещей священника и бабушкой своей крестницы, так как отчества ее детей совпадают с довольно редким отчеством жены отца Григория¹⁸.

Данное родство могло иметь отношение к переводу иерея Григория Михайлова в Ямскую слободу, но основным поводом для перемещения пастыря послужило следующее обстоятельство. Престарелый священник Ингерманландского полка Симеон Иванов, как написано в документе, «ушел в отставку», а на его место заступил клирик Ямской церкви иерей Илларион Андреев. Освободившееся место Андреева было предоставлено отцу Григорию Михайлову¹⁹.

В Ямской Иоанновской церкви прошли последние годы служения священника Григория. Также как и Ильинский, этот храм, несмотря на пригородное расположение, относился к петербургским и входил в состав 4-го благочиннического округа столицы²⁰.

Как уже говорилось выше, в памяти прихожан отец Григорий Михайлов остался как ревнитель благочестия и блюститель чистоты нравов. Подобная характеристика резко выделяет его на общем малокультурном фоне петербургского духовенства того времени²¹.

В 1747 г. пастырь был «показан в числе умерших»²². Между тем, в метрических книгах Ямской церкви за 1746 и 1747 гг. сведения о смерти священника Григория отсутствуют. Год кончины священника помогает определить то, что последнее документальное упоминание о совершении священником треб относится к сентябрю 1746 г.²³, а исповедная ведомость прихода за этот же год называет жену отца Григория вдовой²⁴. Именно на основании этих сведений мы делаем вывод, что скончался священник именно в 1746 г.

Последние годы в приходе Ямской церкви с семьей отца Григория жил его престарелый отец, пребывающий на покое священник Михаил Григорьев, которому было суждено пережить сына. Жена отца Григория, Зиновия Леонтьева, была дочерью вышеупомянутого московского священника. Что касается детей, то по именам известны четверо: Иван, Мария, Ирина и Христина. Иван (†1725)²⁵ и Мария (ок. 1731–1737)²⁶

¹⁷ Метрическая книга храма Св. пророка Божия Илии при Охтинских пороховых заводах за 1736 г. // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 3. Л. 622 об. Кадр 633.

¹⁸ Исповедная ведомость храма Рождества Св. Иоанна Предтечи в Ямской слободе за 1738 г. // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 112. Д. 13. Ч. 2. Л. 263 об.; Исповедная ведомость храма Рождества Св. Иоанна Предтечи в Ямской слободе за 1741 г. // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 112. Д. 37. Л. 1 об.; Исповедная ведомость храма Рождества Св. Иоанна Предтечи в Ямской слободе за 1746 г. // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 112. Д. 66. Л. 801.

¹⁹ По доношению генерала Ушакова, о назначении в Ингерманландский полк священника // РГИА. Ф. 796. Оп. 22. Д. 231. Л. 1, 3 об.–4.

²⁰ О назначении благочинных священников для наблюдения за поведением священнослужителей, исполнением ими своих обязанностей // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 2142. Л. 1 об.

²¹ Паничкин А. Ф., *прот.* Приходское духовенство Санкт-Петербургской епархии в XVIII в. // Клио. 2016. № 5 (113). С. 160.

²² Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии... С. 159.

²³ Метрическая книга храма Рождества Св. Иоанна Предтечи в Ямской слободе за 1746 г. // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 20. Л. 306.

²⁴ Исповедная ведомость храма Рождества Св. Иоанна Предтечи в Ямской слободе за 1746 г. // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 112. Д. 66. Л. 801.

²⁵ Метрическая книга храма Св. пророка Божия Илии при Охтинских пороховых заводах за 1725 г. // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 770. Л. 396, 398.

²⁶ Метрическая книга храма Св. пророка Божия Илии при Охтинских пороховых заводах за 1737 г. // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 5. Л. 357.

умерли в детстве (высокая детская смертность была обычным явлением вплоть до начала XX в.). Ирина и Христина впоследствии жили с матерью и дедом в Ямской слободе²⁷.

Об Ирине Григорьевне известно, что она вступила в брак внутри духовного сословия, в 1748 г. выйдя замуж за студента Александро-Невской семинарии Егора (Георгия) Федоровича Балашева²⁸.

Также следует отметить, что в Ямском приходе семья отца Григория держала прислугу — «работницу Анну Иванову», 17-ти лет²⁹. Это было отражением обычной в те времена практики. Начиная как минимум с 1730-х гг. священники каждого более-менее большого петербургского прихода имели слуг.

В судьбе иерея Григория Михайлова отражаются как явления, характерные для духовенства его эпохи в целом (выделение духовенства в особое сословие, передача приходских мест по наследству, плотный бюрократический контроль над церковной жизнью), так и типично «петербургские» особенности жизни клириков. К последним относятся «затягивание» в строящийся город «церковников» из других краев (в первую очередь, из бывшей столицы Москвы), участие духовенства даже самых бедных приходов в знаковых для Российской империи событиях, существенное улучшение уровня жизни священников к 1740-м гг. Можно говорить о жизненном пути отца Григория как о типичном явлении эпохи.

Особняком стоит редкий для Петербурга той поры факт высокой репутации священника и доброй памяти о нем среди прихожан Ямского прихода. В качестве интересного и весьма ценного исторического свидетельства можно выделить упоминание о том, что до установления синодального периода назначение клирика могло совершаться по «словесному приказу» священноначалия. Это обстоятельство объясняет бедность письменных источников по церковной истории Петербурга до 1722 г. и подчеркивает контраст между порядками патриаршего и синодального периодов, с характерным для последнего тотальным бюрократическим контролем за жизнью духовенства.

Источники и литература

Неопубликованные источники

*Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796.
Канцелярия Синода*

1. По доношению генерала Ушакова, о назначении в Ингерманландский полк священника // РГИА. Ф. 796. Оп. 22. Д. 231.
2. По доношению Канцелярии Главной Артиллерии, о назначении священника к Ильинской на Охтинских пороховых заводах церкви // РГИА. Ф. 796. Оп. 22. Д. 416.
3. Подлинные указы Санкт-Петербургского Духовного Правления, об определении на места разных лиц // РГИА. Ф. 796. Оп. 22. Д. 129.

Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 19. Петроградская духовная консистория

4. Исповедная ведомость храма Рождества Св. Иоанна Предтечи в Ямской слободе за 1738 г. // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 112. Д. 13. Ч. 2.

²⁷ Исповедная ведомость храма Рождества Св. Иоанна Предтечи в Ямской слободе за 1746 г. // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 112. Д. 66. Л. 801.

²⁸ Метрическая книга храма Рождества Св. Иоанна Предтечи в Ямской слободе за 1748 г. // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 24. Л. 327.

²⁹ Исповедная ведомость храма Рождества Св. Иоанна Предтечи в Ямской слободе за 1744 г. // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 112. Д. 55. Л. 217 об.

5. Исповедная ведомость храма Рождества Св. Иоанна Предтечи в Ямской слободе за 1741 г. // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 112. Д. 37.
6. Исповедная ведомость храма Рождества Св. Иоанна Предтечи в Ямской слободе за 1744 г. // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 112. Д. 55.
7. Исповедная ведомость храма Рождества Св. Иоанна Предтечи в Ямской слободе за 1746 г. // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 112. Д. 66.
8. Метрическая книга храма Рождества Св. Иоанна Предтечи в Ямской слободе за 1746 г. // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 20.
9. Метрическая книга храма Рождества Св. Иоанна Предтечи в Ямской слободе за 1748 г. // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 24.
10. Метрическая книга храма Св. пророка Божия Или при Охтинских пороховых заводах за 1725 г. // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 770.
11. Метрическая книга храма Св. пророка Божия Или при Охтинских пороховых заводах за 1736 г. // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 3.
12. Метрическая книга храма Св. пророка Божия Или при Охтинских пороховых заводах за 1737 г. // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 5.
13. О наведении счетной комиссией справки и о числившихся в 1727 г при церквях Иоаннопредтеченской в Ямской слободе и Ильинской при Охтинских пороховых заводах священниках // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1560.
14. О назначении благочинных священников для наблюдения за поведением священнослужителей, исполнением ими своих обязанностей // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 2142.
15. О предписании священнослужителей во время торжественных богослужений стоять чинно, не разговаривая // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1564.
16. О разрешении священнику Ильинской церкви при Охтинских пороховых заводах Григорию Михайлову на поездку в город Нарву // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 995.
17. Об определении священников к пороховым заводам, в Абовский гренадерский полк, в Казанскую церковь Тосненского Яма и в артиллерийский полк // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 151.
18. Об определении сына священника Евтихия Ильина в Сергиевскую церковь при Артиллерийской слободе пономарем // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1014.

Опубликованные источники

19. Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии: Вып. 7-й. СПб., 1883. 517 с.

Литература

20. Казанский кафедральный собор // В. В. Антонов, А. П. Аспидов, А. А. Бовкало, прот. П. Красноцветов, В. К. Шуйский; под ред. прот. П. Красноцветова. 2-е изд., доп. и перераб. СПб.: Арт Деко, 2011. 280 с.
21. *Логунова М. О. Печальные ритуалы императорской России.* М.: Изд-во Центрполиграф, 2011. 270 с.
22. *Паничкин А. Ф., прот. Приходское духовенство Санкт-Петербургской епархии в XVIII в.* // Клио. 2016. № 5 (113). С. 155–167.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 1 (6)

2021

Священник Вячеслав Савинцев, иеромонах Александр (Пименов)

**Миссионерская деятельность священника Григория
Калитинкина среди старообрядцев Сапожковского уезда
Рязанской епархии во второй половине XIX в.**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_1_262

Аннотация: В настоящее время одной из проблем Русской Православной Церкви является недостаточно активная миссионерская работа приходских священников. Это относится не только к обращению в Православие из инославных деноминаций или других религиозных групп, но и в полной мере к собственным прихожанам, которые еще окончательно не воцерковились со времен господства атеистической пропаганды. Исправлению этого недостатка может способствовать изучение истории миссионерской деятельности в отдельной епархии. Так, например, в Рязанской епархии с конца XIX по начало XX вв. организацией миссионерской деятельности занималось Братство св. Василия епископа Рязанского, которое оставило богатое наследие исторического материала, в том числе и по деятельности членов своей организации. Одним из активных миссионеров этого общества был священник Григорий Калитинкин. Его биография и отчеты до сих пор остаются неизученными. Он был ревностным миссионером, плодом деятельности которого было обращение нескольких десятков староверов, а также наставника, старообрядца-беспоповца Гурия Свиркина, который стал его незаменимым помощником. Настоящая статья призвана восполнить белое пятно в истории миссионерской деятельности дореволюционного периода в Рязанской епархии, на примере организации приходской миссии членом Братства св. Василия епископа Рязанского священником Григорием Калитинкиным.

Ключевые слова: старообрядчество, Братство св. Василия епископа Рязанского, Сапожковский уезд, беспоповцы, раскол, церковная реформа, Рязанская епархия, миссионерство, священник Григорий Калитинкин, Церковь.

Об авторах: **Священник Вячеслав Александрович Савинцев**

Магистр богословия, старший преподаватель Рязанской православной духовной семинарии.
E-mail: adaniram@mail.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3881-9225>

Иеромонах Александр (Пименов Максим Юрьевич)

Магистр богословия, старший преподаватель Рязанской православной духовной семинарии.
E-mail: doznan10@mail.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1674-5026>

Ссылка на статью: Савинцев В., свящ., Александр (Пименов), иером. Миссионерская деятельность священника Григория Калитинкина среди старообрядцев Сапожковского уезда Рязанской епархии во второй половине XIX в. // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 1 (6). С. 262–268.

* Фотографии предоставлены авторами.

**HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

Scientific Journal

No. 1 (6)

2021

Priest Vyacheslav Savintsev, Hieromonk Alexander (Pimenov)

**The missionary activity of the priest Grigory Kalitinkin
among the Old Believers of the Sapozhkovsky district
of the Ryazan diocese in the second half of the XIX century**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_1_262

Abstract: At present, one of the problems of the Russian Orthodox Church is the insufficiently active missionary work of parish priests. This applies not only to conversion to Orthodoxy from non-Orthodox denominations or other religious groups, but also fully to their own parishioners, who have not yet fully converted to the Church since the reign of atheist propaganda. The study of the history of missionary activity in a particular diocese can help to correct this shortcoming. So, for example, in the Ryazan diocese from the end of the XIX to the beginning of the XX centuries. the organization of missionary activity was carried out by the Brotherhood of St. Basil Bishop of Ryazan, which left a rich heritage of historical material, including the activities of its members. One of the active missionaries of this society was the priest Grigory Kalitinkin. His biography and reports are still unexplored. He was a zealous missionary, the fruit of whose activity was the conversion of several dozen Old Believers, as well as the mentor, the Old Believer-bespopovtza Guri Svirkin, who became his indispensable assistant. This article is intended to fill in a blank spot in the history of missionary activity of the pre-revolutionary period in the Ryazan diocese, by the example of the organization of a parish mission by a member of the Brotherhood of St. Basil Bishop of Ryazan, Priest Grigory Kalitinkin.

Keywords: Old Believers, Brotherhood of St. Basil Bishop of Ryazan, Sapozhkovsky district, bespopovtsy, schism, church reform, Ryazan diocese, missionary work, priest Grigory Kalitinkin, Church.

About the authors: **Priest Vyacheslav Alexandrovich Savintsev**

Master of Theology, Senior lecturer at the Ryazan Orthodox Theological Seminary.

E-mail: adaniram@mail.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3881-9225>

Hieromonk Alexander (Maxim Pimenov)

Master of Theology, Senior lecturer at the Ryazan Orthodox Theological Seminary.

E-mail: doznan10@mail.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1674-5026>

Article link: Savintsev V., priest, Alexander (Pimenov), hieromonk. The missionary activity of the priest Grigory Kalitinkin among the Old Believers of the Sapozhkovsky district of the Ryazan diocese in the second half of the XIX century. *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2021, no. 1 (6), pp. 262–268.

* Photographs supplied by the authors.

Икона свт. Василия Рязанского

Рязанская земля территориально была неравномерно заселена староверами (при этом стоит отметить, что старообрядчество на Рязанщине существует со времени раскола Русской Церкви). До XVIII в. ревнители старого обряда заселяли в основном окраины, однако тайные общины были и уездных городах. В Екатерининское время, с момента послабления уголовного преследования в отношении старообрядцев, они начинают открыто устраивать свои моленные в городах губернии и даже в Рязани. Во второй половине XVIII в. была образована Рязанская губерния, в составе которой было 12 уездов. Наблюдалась следующая картина расселения староверов по уездам, которая в целом сохранялась до начала XX столетия. В губернии проживали старообрядцы трех основных толков (поповцы, беспоповцы и беглопоповцы). Для удобства территориального деления стоит выделить три группы.

К первой — плотно заселенной старообрядцами — относятся Егорьевский и Рязанский уезды. В одном из номеров «Миссионерского сборника» приводится следующее сравнение о заселенности Рязанского уезда: «Если в Гуслицах, по одному сказанию *потому* (так в тексте. — *авт.*) существует много раскольников, что поп Никита странствуя с проповедью раскола, спотыкнулся там и упал, рассыпав более, чем где-либо семян раскола, то равным образом можно думать, что и здесь [Рязанский уезд], в нашей теперь местности, тот же поп Никита уже не споткнулся только, а положительно растянулся и просыпал весь запас своей раскольнической проповеди. На самом деле, начиная с Спас-Клепиков вы не найдете ни одной деревни, а они там очень часты, где бы не было значительного числа раскольников»¹.

Ко второй группе — где старообрядческое население было в меньшинстве — относятся уезды Пронский, Спасский, Сапожковский, Зарайский и Скопинский. В целом, общины ревнителей старого обряда были крепкими, и содержали одну или несколько моленных.

К третьей группе — где общины староверов насчитывали несколько десятков человек — следует отнести Данковский, Михайловский, Касимовский, Рязанский и Рязанский уезды. Раскольники этих мест либо сами посещали моленные, расположенные в значимых старообрядческих селениях, либо выписывали попов на дом, где и собирались все местные ревнители для молитвенного радения.

Из всех уездов губернии привлекает внимание Сапожковский, который, согласно приведенной выше градации, входит во вторую группу. По численности старообрядческого населения он был на четвертом месте (после Егорьевского, Рязанского и Пронского). В основном тут проживали беспоповцы. Выделяются три основных центра консолидации староверия: села Коровка и Чембар, а также в приходе Архангельской церкви с. Путятино². Однако вплоть до второй половины XIX в. организованной миссионерской деятельности в уезде не велось. Исправление положения связано с организацией Братства св. Василия епископа Рязанского³ и с именем местного священника Григория Калитинкина, служившего на приходе с. Кривель Сапожковского уезда.

¹ Известия по епархии // Миссионерский сборник. 1891. № 6. С. 380.

² ГАРО. Ф. 975. Оп. 1. Д. 49. Л. 65.

³ Александр (Пименов), иером., Савинцев В., свящ. К 140-летию создания Братства св. Василия, епископа Рязанского // Рязанский богословский вестник. 2017. № 2. С. 77–93.

Беседа В. Т. Зеленкова с В. Л. Агаповым в деревне Селезневой Рязанской губернии

Священник Григорий родился в 1830 г. в семье дьячка. 12 июля 1852 г. окончил курс обучения в Рязанской духовной семинарии с аттестатом второго разряда. Правящим архиереем свт. Гавриилом (Городковым) 23 мая 1854 г. рукоположен в сан диакона и приписан к приходу Спасской церкви с. Черной Слободы, Сапожковского уезда, где состоял законоучителем при приходском училище с 1855 по 1864 гг. Архиепископом Алексеем (Ржанициным) 2 февраля 1875 г. рукоположен в сан иерея и направлен для служения в приход Димитриевской церкви с. Кривеля Сапожковского уезда. 23 ноября 1877 г. епископом Палладием (Раевым) за примерное усердие по благоустроению приходского храма и продолжительное служение в сане пресвитера был награжден набедренником. В 1885 г. награжден правом ношения скуфьи⁴.

Отец Григорий был ревностным миссионером, всецело отдавался проповеди в среде старообрядцев. Вплоть до его миссионерской деятельности староверы Сапожковского уезда в с. Кривель считали за осквернение своего дома, если православный священник входил в него⁵. О своей миссионерской работе батюшка писал следующее: «В деревне Дмитриевке, принадлежащей к моему приходу, немалая часть поселян принадлежала к беспоповщинскому толку и до того была вооружена ненавистью к приходскому священнику, что считала за осквернение своего дома, если священник по какому-либо поводу взойдет в него. В этой деревне, во главе раскольников, стоял крестьянин Гурий Свиркин, известный начетчик и ревностный пропагандист раскола — во всей округности. Он крестил новорожденных, перекрещивал новоприсоединенных к его расколу, хоронил умерших, брачил сочетающихся супружеством. Два года я сходилась и вел беседу с ним, отыскивая истину, или скорее указывая ее Свиркину, через два года моего сношения с ним — наконец он — первый — отворил для меня двери — не жилища своего, но сердца: стал верить моим словам и учению православной Церкви, а затем оставил раскол и принял православие со всем семейством своим. Теперь и прочие раскольники не гнушаются мною, внимательно слушают меня, когда я в их понятиях восстанавливаю истину православной Церкви. Теперь я беспрепятственно вхожу в дома раскольников и стараюсь непременно в каждом

⁴ ГАРО. Ф. 627. Оп. 240. Д. 22. Л. 160 об.

⁵ Отчет о деятельности Братства св. Василия, Епископа Рязанского, за 1885 год. Рязань, 1886. С. 43.

Начетчик Василий Тимофеевич Зеленков,
Егорьевский уезд

доме о чем-либо поговорить для вразумления их; и они не только не сердятся на меня, но иногда еще скажут и спасибо»⁶.

Из наблюдений отца Григория за местными беспоповцами-старообрядцами выявился любопытный факт. У староверов в питательном рационе было следующее табу: они не ели мясо и картофель, считая, что первая картофелина выросла на могиле блудной девы⁷. Некоторые шли еще дальше — не пили чай и не носили цветных одежд.

У беспоповцев этого уезда, по наблюдениям отца Григория, была одна общая обрядовая особенность. В воскресные и праздничные дни они собирались в своей моленной, совершали несколько земных поклонов, расаживались по своим лавкам, и учиненный человек читал их «святую книгу», которая у староверов называлась «правдой». Они же имели своеобразное отправление крещения и отпевания. Отец Григорий Совету Братства св. Василия сообщал об этом следующее:

«При перекрещивании стариков и старух, а иногда и младенцев, поступают так: большую кадку наливают водой, зажигают три свечи и погружают [крещаемого] с произношением слова: “крещается раб или раба”. Умерших провожают все до могилы; идя перед гробом, поют: “Святой Боже”... и несут жар с ладаном в горшке; по умершем не плачут; по зарытии в землю, полагают несколько поклонов и собираются в дом, где поют и едят довольно»⁸.

Плодом миссионерской деятельности священника Григория было присоединение к Православию 24 человек (с 1881 по 1885 гг.). Епархиальное начальство поощряло такую миссионерскую активность — в 1886 г. за успешную миссионерскую деятельность батюшка был удостоен одобрения от духовной консистории, а также за качественное приходское служение, выявленное при ревизии епархии правящим архиереем⁹.

В 1887 г. отцу Григорию за миссионерскую деятельность было установлено ежегодное денежное пособие от Братства св. Василия в размере 100 рублей¹⁰. Через несколько лет, в 1889 г., его назначают на должность окружного миссионера в Сапожковском уезде во 2 округе¹¹.

Незаменимым помощником священника Григория стал бывший старообрядческий начетчик Гурий Сvirкин, человек умный и одаренный великолепной памятью. Сvirкин стал соратником на миссионерской ниве не только своего патрона, но и других миссионеров уезда¹².

⁶ Цит. по: Там же. С. 42–43.

⁷ Отчет о состоянии и деятельности братства св. Василия рязанского, за 1887 год. Рязань, 1888. С. 49.

⁸ Отчет о состоянии Братства св. Василия, Еп. Рязанского и деятельности Совета оногo в 1883 году. Рязань, 1884. С. 26.

⁹ Епархиальные распоряжения и известия // Рязанские епархиальные ведомости. 1886. № 22. С. 637.

¹⁰ Отчет о деятельности Братства св. Василия, Епископа Рязанского, за 1888 год. Рязань, 1889. С. 9.

¹¹ Официальные епархиальные известия // Рязанские епархиальные ведомости. 1889. № 6. С. 215.

¹² ГАРО. Ф. 975. Оп. 1. Д. 40. Л. 2 об. — 3.

Совет Братства еп. Василия приветствовал умение священников вести публичные беседы со староверами или сектантами, поскольку частные беседы были не столь торжественны, как публичные, и имели характер пастырских внушений к заблудшим чадам, к тому же были менее результативны. Однако Совет не препятствовал ведению индивидуальных бесед со староверами священником Григорием, «который только путем частных разговоров с раскольниками о предметах веры из года в год обращает по несколько лиц в православие, так что в приходе его численность раскольников значительно сокращается»¹³.

Правящий архипастырь епископ Мелетий (Якимов) положительно отзывался о миссионерском методе отца Григория. Владыка писал, что из-за невозможности проведения публичных бесед со староверами «местный священник он же и окружной миссионер о[тец] Григорий Калитинкин избрал другой путь. Он старается подействовать на взрослых через их православных родственников, а на молодое поколение через школу»¹⁴.

Со смертью иерея Григория Калитинкина в 1901 г. миссионерская деятельность на приходах Сапожковского уезда начинает приходить в упадок. После революционных событий 1917 г. она полностью исчезает. Что же касается старообрядчества, то в Сапожковском районе оно существует и в настоящее время.

Организация приходской миссионерской деятельности в настоящее время имеет важное значение, поскольку приобщение к истинной Церкви необходимо не только христианам других деноминаций, но и собственным православным братьям и сестрам. Изучение истории организации миссии на приходах Рязанской епархии может послужить отличным пропедевтическим курсом для подобного рода деятельности.

Епископ Мелетий (Якимов)

Источники и литература

1. Александр (Пименов) иером., Савинцев В., свящ. К 140-летию создания Братства св. Василия, епископа Рязанского // Рязанский богословский вестник. 2017. № 2. С. 77–93.
2. Государственный архив Рязанской области (ГАРО). Ф. 627. Оп. 240. Д. 22. Ведомость о церквях города Сапожка и уезда за 1880 год.
3. ГАРО. Ф. 975. Оп. 1. Д. 40. Сведения о раскольниках и сектантах проживающих в Рязанской епархии (1898 год).
4. ГАРО. Ф. 975. Оп. 1. Д. 49. Отчет о деятельности совета Братства за 1899 год.
5. Епархиальные распоряжения и известия // Рязанские епархиальные ведомости. 1886. № 22. С. 637–641.
6. Известия по епархии // Миссионерский сборник. 1891. № 6. С. 379–382.
7. Отчет о деятельности Братства св. Василия, Епископа Рязанского, за 1885 год. Рязань, 1886. 69 с.
8. Отчет о деятельности Братства св. Василия, Епископа Рязанского, за 1888 год. Рязань, 1889. 71 с.

¹³ Отчет о состоянии Братства св. Василия, Епископа Рязанского, за 1889 год. Рязань, 1890. С. 41.

¹⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1689. Л. 38.

9. Отчет о состоянии Братства св. Василия, Еп. Рязанского и деятельности Совета оногo в 1883 году. Рязань, 1884. 64 с.
10. Отчет о состоянии Братства св. Василия, Епископа Рязанского, за 1889 год. Рязань, 1890. 126 с.
11. Отчет о состоянии и деятельности братства св. Василия рязанского, за 1887 год. Рязань, 1888. 59 с.
12. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 442. Д. 1689. Отчет о состоянии Рязанской епархии за 1897 год.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 1 (6)

2021

Диакон Максим Тарасов

**Миссионерская и благотворительная деятельность
Миссионерского общества
в Петербурге среди евреев (1865–1869)**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_1_269

Аннотация: В статье представлена деятельность по поддержке новокрещенных евреев Миссионерским обществом в Петербурге, функционировавшим в 1865–1869 гг. Для оценки вклада Общества в обращение в Православие еврейского населения вначале кратко характеризуется положение еврейского народа в империи в связи с политикой правительства. Затем дается общий взгляд на масштаб и особенности обращения евреев в Православие. После краткой информации о Миссионерском обществе описывается попытка учредить особое еврейское отделение при нем, а также практическая сторона его деятельности среди новокрещенных евреев. Данные сведения рассматриваются в контексте миссионерской работы среди евреев в Петербурге, а также в свете параллельных событий в истории Миссионерского общества. Анализируются причины внимания к «еврейскому вопросу» деятелей Общества. Делается заключение о незначительном вкладе Миссионерского общества в дело обращения евреев по причине плохой организации структуры в целом.

Ключевые слова: миссионерское общество, Православное миссионерское общество, еврейское отделение, духовная миссия, общественная благотворительность, выкресты, обращение в христианство.

Об авторе: **Диакон Максим Алексеевич Тарасов**

Магистр богословия, аспирант кафедры церковной истории Санкт-Петербургской духовной академии.

E-mail: pack22@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5226-4249>

Ссылка на статью: Тарасов М., диак. Миссионерская и благотворительная деятельность Миссионерского общества в Петербурге среди евреев (1865–1869) // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 1 (6). С. 269–286.

* Фотографии взяты из открытых источников.

**HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

Scientific Journal

No. 1 (6)

2021

Deacon Maxim Tarasov

**Missionary and Charitable activities
of the Missionary Society
in St. Petersburg among the Jews (1865–1869)**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_1_269

Abstract: The article presents the activities to support newly baptized Jews by the Missionary Society in St. Petersburg, which functioned between 1865 and 1869. To assess the contribution of the Society to the conversion of the Jewish population to Orthodoxy, the position of the Jewish people in the empire is first briefly characterized in relation to government policy. Then a general view of the scale and characteristics of the conversion of Jews to Orthodoxy is given. After a brief information about the Missionary Society, an attempt is described to establish a special Jewish branch under it, as well as the practical side of its activities among newly baptized Jews. This information is considered in the context of missionary work among Jews in St. Petersburg, as well as in the light of parallel events in the history of the Missionary Society. The reasons for the attention to the “Jewish question” of the Society’s leaders are analyzed. The conclusion is made about the insignificant contribution of the Missionary Society to the conversion of the Jews due to the poor organization of the structure as a whole.

Keywords: missionary society, Orthodox Missionary Society, Jewish branch, religious mission, public charity, conversion, conversion to Christianity.

About the author: **Deacon Maxim Alekseevich Tarasov**

Master of Theology, postgraduate student of the Department of Church History at St. Petersburg Theological Academy.

E-mail: pack22@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5226-4249>

Article link: Tarasov M., deacon. Missionary and Charitable activities of the Missionary Society in St. Petersburg among the Jews (1865–1869). *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2021, no. 1 (6), pp. 269–286.

* Photographs are taken from open sources.

После присоединения территорий Польши и Крыма в конце XVIII столетия еврейская община Российской империи стала крупнейшей во всем мире. История еврейского народа в имперский период имела как положительные страницы, так и совсем сложные. Однако в целом с годами притеснения как со стороны государства, так и со стороны русского общества усиливались. На этом фоне отдельные евреи считали возможным сменить вероисповедание. Некоторые из них искренне меняли свое мировоззрение и становились членами Православной Церкви или других разрешенных конфессий. Тем не менее, положение новокрещенных оставляло желать лучшего, поскольку от них отворачивались их бывшие друзья, а новые единоверцы не считали себя обязанными помогать православным «из евреев». Поддержкой таких новообращенных евреев и занималось Миссионерское общество в Петербурге¹ в 1866–1869 гг.

Вопрос об обращении евреев в Православие в Российской империи в последнее время все чаще поднимается исследователями. Если в советские годы М. А. Агурский посвятил лишь отдельные статьи биографиям крещенных евреев², то в наше время само их обращение как феномен активно изучается в работах зарубежных³ и отечественных исследователей⁴. Упоминание о деятельности МО в этом направлении были обнаружены нами лишь в бакалаврской работе А. С. Мещаниновой о петербургском приюте для евреев⁵. Основным источником для нас по этой теме является официальный сборник «Записки Миссионерского общества» и отдельные статьи тогдашней периодики⁶. Для более полноценного повествования используются документы из архивов по истории МО из РГИА, ОР РНБ, РГВИА.

Согласно отчетам обер-прокуроров, во второй половине XIX в. в России принимали Православие в среднем 847 евреев в год, в то время как язычников крестило в среднем 3249 в год. Порядка 850-ти обращений в год ставило Россию на первое место по количеству обращенных в христианство евреев на территории всей Европы, при том, что среди европейских протестантов действовали многочисленные специализированные миссионерские общества для обращения евреев. Тем не менее, такая цифра выглядит незначительной на фоне всего еврейского населения. По подсчетам автора статьи «Краткой еврейской энциклопедии», в 1850 г. в России проживало не менее 2350000 евреев, тогда как согласно переписи 1897 г. в империи проживало уже 5189401 евреев⁷.

Правительство Российской империи способствовало обращению евреев в Православие в основном ограничивающими мерами, а иногда даже и насильственными методами, отбирая еврейских детей в армию. Переход российских евреев часто был следствием гражданских выгод, связанных с расширением прав, в частности, с возможностью получить образование, служить на государственной службе и жить за чертой оседлости. Несмотря на меры поощрения для обращенных, переходы не были массовым явлением. Крещение еврея было редким исключением, а не правилом.

¹ Далее в статье Миссионерское общество в Петербурге сокращается — МО.

² Агурский М. С. Еврей-христиане в Русской Православной Церкви // Вестник РХД. № 114. С. 52–72; № 114. С. 117–138; № 116. С. 86–108; *Agursky Mikhail*. Conversions of Jews to Christianity in Russia. *Soviet Jewish Affairs*. Vol. 20. 1990. № 2–3. P. 69–84.

³ См.: *Schainker E. R.* Confessions of the Shtetl: Converts from Judaism in Imperial Russia, 1817–1906. Stanford, 2016. 360 p. (Stanford studies in Jewish history and culture).

⁴ См.: *Герасимова В. А.* Крещенные евреи в России в XVIII в.: особенности социокультурной адаптации: дис. канд. ист. наук. Саратов, 2013. 228 с.

⁵ *Мещанинова А. С.* Благотворительная деятельность Мариинско-Сергиевского приюта для крещаемых и крещеных в православную веру еврейских детей и взрослых евреев-выкрестов (1866–1919): Выпускная квалификационная работа бакалавра. ПИИ, 2019. С. 18.

⁶ Частный приют в С.-Петербурге для присоединения к православной церкви евреев. СПб., 1870. 37 с.

⁷ См. статистику с комментариями: *Чериковер И.* Обращение в христианство // ЕЭБЕ. Т. 11. Стлб. 888–895; Россия. Демография еврейского населения Российской империи (1772–1917) // КЕЭ. Т. 7. Кол. 382–390.

Некоторые евреи предпочитали получить гражданские права, приняв инославное христианство⁸.

Тем не менее, крещение евреев было результатом действия не только социально-экономических факторов, но и духовных, что, естественно, должно было поддерживаться другими христианами. По мнению исследователя Юрия Табака, «существенным различием антиеврейской политики в России от стран Европы является несравненно меньшая роль Русской Православной Церкви в проведении такой политики (в сравнении с Православной Церковью Византии, Католической Церковью раннего и позднего средневековья, и протестантскими деноминациями Западной Европы)»⁹. Вопреки распространенному и усиливающемуся отрицательному отношению ко всем евреям среди российских подданных, деятельные православные миссионеры и церковные иерархи считали своей обязанностью способствовать обращению евреев в христианство, а также поддерживать и защищать тех, кто уже на это решился. В исследуемый нами период в Русской Церкви не было серьезной организованной работы по «мирному» миссионерству среди евреев, и сфера эта лежала на плечах отдельных священников-энтузиастов. Системную работу пытались организовать в разное время митрополит Филарет (Дроздов), архимандрит Макарий (Глухарев), архиепископ Иннокентий (Борисов), а также граф А. Н. Муравьев. Архиепископ Саратовский Иаков (Вечерков), архиепископ Казанский Владимир (Ужинский)¹⁰, архиепископ Симбирский Федотий (Озеров), архимандрит Климент (Можаров), протоиерей Гавриил Чернышевский в разное время вели деятельность среди кантонистов, пытаясь смягчить последствия насильственных мероприятий. Можно упомянуть миссионеров-евреев, принявших христианство: профессора Санкт-Петербургской духовной академии Василия Андреевича Левисона, архимандрита Нафанаила (Кузнецого), Александра Алексева, а также горячих ревнителей православия писателей Якова Брафмана и Савелия Эфрона (С. Литвина), которые, однако же, отличались неумеренной антипатией к своим бывшим единоверцам. Были и другие менее значимые фигуры, в том числе священники, которые на своих небольших приходах проповедовали христианство иудеям.

Впоследствии, в 1906 г., когда национальные отношения в Западной России резко обострились, в «Волынских епархиальных ведомостях» анонимный автор выдвинул обвинения в адрес Православного миссионерского общества: «Приходится удивляться, что в православной стране и при наличии Православного Миссионерского Общества среди евреев распространяют христианство лютеранские миссионеры! <...> Всякий, кто только знаком с деятельностью этих мужей [Александра Алексева, архим. Нафанаила (Кузнецкого)], знает, что они имели огромный успех и что если их дело заглохло с их смертью, то это единственно потому, что оно не нашло себе поддержки со стороны нашего Миссионерского Общества. <...> Если бы Миссионерское Общество посвящало столько же внимания еврейскому вопросу, сколько — судьбам других инородцев, то можно с уверенностью сказать, что по мере того, как евреи обращались бы в христианство, вредная для обеих наций рознь постепенно исчезала бы, пока, наконец, не исчезла бы совсем»¹¹. Такие обвинения были отчасти справедливы, однако попытка МО организовать

⁸ Общий обзор государственной политики в отношении евреев см.: *Клиер Д.* Развитие законодательства о евреях в Российской империи (1772–1881) // *История еврейского народа в России.* Т. 2. М., 2012. С. 23–38.

⁹ *Табак Ю.* Отношение Русской Православной Церкви к евреям: история и современность // *Иудео-христианские отношения.* URL: <http://www.jcrelations.net/721.0.html?L=7.&page=5> (дата обращения 12.09.2020).

¹⁰ Некоторые современные авторы вслед за М. Агурским ошибочно указывают в этом перечне вместо архиепископа Владимира (Ужинского) архиепископа Владимира (Петрова), который не занимался миссией среди кантонистов. См., напр.: *Макимов Г., священник.* Краткий обзор отношений православия и иудаизма. Ч. 2. Православная миссия среди иудеев // *Православие. ру.* URL: <http://www.pravoslavie.ru/28793.html> (дата обращения 12.09.2020).

¹¹ Несколько слов по вопросу о распространении христианства среди евреев // *Волынские епархиальные ведомости.* 1906. № 9/10. С. 326, 328, 330–331.

поддержку новокрещенным евреям была, при этом задолго до начала XX в.

В 1865 г. в Петербурге было создано МО, основной целью которого была поддержка православного миссионерства среди язычников. Негласным инициатором его создания был инспектор Санкт-Петербургской духовной академии архимандрит Владимир (Петров), а учредителями — влиятельные лица Петербурга разных сословий. На протяжении трех лет своей деятельности оно не смогло организовать широкую общественную поддержку духовных миссий из-за начавшихся разногласий с архимандритом Владимиром, тогда уже начальником Алтайской миссии. Такое положение дел привело к падению авторитета организации, внутренним конфликтам, противостоянию с высшим духовенством, а в конечном итоге — к закрытию МО и воссозданию его митрополитом Иннокентием (Вениаминовым) с названием «Православное миссионерское общество» в Москве в 1870 г.

Архимандрит
Владимир (Петров)

Хотя основной целью создания МО в 1865 г. была поддержка православного миссионерства среди язычников, в Петербурге сразу же появилась идея возложить на него организацию системной миссии среди евреев. Устав МО допускал это, так как позволял поддержку миссионерской деятельности среди «других нехристиан»¹². Составитель устава архимандрит Владимир, как указывают его биографы, в период своего инспекторства в академии «крестил несколько евреев»¹³. Хотя более подробных сведений найти не удалось, вероятно, он сочувствовал крещению евреев, потому и оставил возможность МО финансировать это направление. По состоянию на 1867 г. в Санкт-Петербургской семинарии обучалось 5 евреев, в основном из Минска.

Возможно, одним из крещеных им был студент Санкт-Петербургской семинарии П. Д. Дзагилер, который стал инициатором деятельности МО среди новокрещенных евреев. До своего крещения в 1862 г. он был учителем в еврейских школах Минска, где познакомился с Я. Брафманом и также решил присоединиться с детьми к Православию. Сначала Дзагилер крестил и устроил свою 11-летнюю дочь, а сам, по совету Брафмана, решил ехать в столицу. Здесь 16 декабря он был крещен и принят в духовную семинарию, чтобы послужить распространению христианства между своими бывшими единоверцами. После года обучения Дзагилер решил крестить также своего 4-летнего сына, за которым в 1864 г. съездил в Минск и привез его в Петербург. Не зная, где поместить сына, Дзагилер просил благочестивую благотворительницу англиканского вероисповедания Марию Ноевну Бирч, вероятно тоже «из евреев», устроить мальчика. Она была не столько благотворительницей, сколько просительницей, располагающей людьми к пожертвованиям, поскольку не имела значительного состояния. Одновременно с П. Д. Дзагилером к М. Н. Бирч с такой же просьбой обратился и другой студент семинарии, крестившийся еврей Липкин, у которого тоже был сын. Желая помочь двум мальчикам, Мария Ноевна поручила их опеку вдове Екатерине Никифоровне Шереметьевской, для чего была снята трехкомнатная квартира. Это начинание стало фундаментом будущего приюта, для обеспечения которого привлекались благотворители. Постепенно стали искать пристанища не только дети, но и взрослые евреи,

¹² См.: Новое Миссионерское общество в России. СПб., 1865. С. 4.

¹³ Харламович К. В. Архиепископ Казанский Владимир Петров, его жизнь и деятельность // Христианское чтение. 1907. № 9. С. 382.

крещенные и некрещенные. П. Д. Дзагилер стал неформальным наставником оглашенных и новокрещенных в христианской вере. Однако благотворительные средства были непостоянными, и М. Н. Бирч в самом начале 1866 г. объявила, что не может более содержать приют. Тогда, заручившись ее согласием, П. Д. Дзагилер обратился с просьбой о содержании приюта, а также с другими предложениями, к новосозданному МО¹⁴. Согласно сведениям из официального издания МО, в начале 1866 г. семеро новокрещенных евреев обратились к члену совета МО князю Николаю Сергеевичу Голицыну с просьбой «о подаче помощи евреям, изъявившим твердое намерение принять христианство»¹⁵. В совет МО поступали письма от евреев из западных губерний с описаниями притеснений и с просьбами о финансовой помощи.

Изначально в МО не шло речи об активной поддержке миссии среди еврейского населения, поскольку первый совет МО, действовавший с 21 ноября 1865 г., ориентировался на иную основную цель — поддержку противоязыческой миссии в Сибири. Сразу после учреждения они выдали денежные средства архимандриту Владимиру (Петрову) для Алтайской миссии и налаживали сбор пожертвований. Однако инициатор МО архимандрит Владимир в конце года уехал на Алтай на место начальника миссии. Близко знакомый с иркутским миссионерством председатель первого совета епископ Ладожский Герасим (Добросердов) был направлен на Самарскую кафедру и выбыл из МО.

27 февраля 1866 г. проходило первое годовое общее собрание МО, на котором должны были выбрать новый состав совета МО. Обновление состава было неизбежно еще и потому, что большая часть первого совета — были люди высокого чина и звания, у которых было множество других дел. Некоторые светские лица во главе с членом первого совета князем Н. С. Голицыным воспользовались тем, что основные действующие фигуры выбыли, и решили взять бразды правления в свои руки. Благодаря грамотным выступлениям они фактически смогли подтолкнуть собрание избрать совет без духовенства и купечества, так что в руках чиновников и военных оказались ключевые места. Основную роль здесь сыграл князь Н. Голицын со своими друзьями С. А. Бурачком и А. П. Башуцким, о которых стоит сказать несколько слов. Все трое были убежденными христианами, регулярно посещали богослужения и причащались, проявляли огромный интерес, например, пытались учредить при участии архимандрита Феофана (Говорова) церковно-общественный листок при Санкт-Петербургской духовной академии¹⁶. Несмотря на это, они были яркими представителями просвещенческой эпохи. Вместе со стремлением поддерживать Церковь они разделяли пренебрежительное отношение к православному духовенству, считали необходимым настойчиво использовать его как проводника государственных интересов, в особенности при исполнении им миссионерских обязанностей. Еще до описываемых событий, в течение всего 1864 г. эти лица вели работу по созданию крупной церковно-общественной организации — центрального Санкт-Петербургского православного братства. Планировалось, что оно объединит церковные братства миссионерско-апологетической направленности, которые учреждались в разных городах Западного края, и будет всячески содействовать Православной Церкви в отстаивании ее интересов, в особенности в противодействии иноверию и атеизму. Однако инициатива была забракована как церковным, так и светским начальством¹⁷. Тем не менее, многие инициаторы

¹⁴ Алексеев А. О религиозном движении евреев и распространении христианства между ними, с приложением объяснения важнейших мест Св. Писания, свидетельствующих об Иисусе Христе, как лице мессии и наставления, как вести дело миссионерства среди евреев. Новгород, 1895. С. 30–31.

¹⁵ Первый годовой отчет МО. С 27 февр. 1866 г. по 12 февр. 1867 г. // Записки МО. Вып. III. С. 42.

¹⁶ См.: «Зашли бы к ректору, составили бы план...». Письмо А. П. Башуцкого об издании периодического листка при Санкт-Петербургской духовной академии (Вступ. статья, публ. и прим.: М. А. Тарасов) // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2020. № 1 (4). С. 264–272.

¹⁷ См. подр.: Тарасов М. А. Попытка учреждения Санкт-Петербургского Православного Церковного Братства (1864–1865) // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2019. № 1. С. 192–210.

братства вошли в МО и привлекли туда своих единомышленников, так что их группа стала во главе МО и все последующие годы определяла его деятельность и политику¹⁸. Эти лица вместе с единомышленниками впоследствии выдвинули необоснованные обвинения против иностранных миссионеров и привели МО к закрытию. Однако поначалу духовенство не придало большого значения переменам в МО, а присутствовавший на собрании митрополит Исидор (Никольский) возглавил и последующее общее собрание 24 апреля.

Для деятельности по поддержке новокрещенных евреев события на собрании 27 февраля имели ключевое значение. После избрания нового совета сразу же была озвучена идея работы в этом направлении, по итогам чего была создана первая неформальная «еврейская комиссия», которая должна была разработать предложения по формату дальнейшей деятельности. Управленцы МО любили создавать разнообразными формализованные комиссии для решения отдельных вопросов, хотя такая возможность не была прописана в уставе организации. Комиссия состояла из А. П. Башуцкого, Н. В. Варадинова, С. С. Лашкарева, А. И. Максимова и П. Д. Дзагилера. Между прочим, участие в деле Дзагилера дало повод говорить о том, что сами евреи создают отделение. Так, известный миссионер епископ Вениамин (Благодеров), опираясь на публикацию в «Московских ведомостях», упомянул в своем письме от 12 февраля 1866 г. к архимандриту Владимиру, что в Петербурге «среди евреев образуется миссионерское общество для обращения их в христианство»¹⁹.

Заинтересованность МО еврейской тематикой объясняется еще и тем, что большинство петербургских членов МО были по долгу службы и деятельности связаны с западной частью империи. Сложности работы и нужды православных миссионеров Сибири и Дальнего Востока, ради которых МО изначально и было создано, были петербургским деятелем малознакомы, только лишь через отдельные публикации и редкие беседы с миссионерами. Сами члены МО в качестве основных причин необходимости помогать евреям-христианам указывали на трудности в поиске ими восприимчивых, а также особо подчеркивали гнет еврейским обществом евреев-прозелитов: отнятие имущества, изгнание, клевета перед начальством и т. п.²⁰ Важным примером были западные миссионерские общества для обращения евреев²¹, а также деятельность известного лютеранского пастора Рудольфа Фальтина, который обращал многих евреев — и даже раввинов — в христианство в Кишиневе²². Помимо этого, в 1863 г. было создано «Общество для распространения просвещения между евреями в России», которое распространяло «просвещенный иудаизм», «русское еврейство», посредством издательской деятельности²³. Некоторые руководители МО считали, что его создание свидетельствует о расположенности евреев к европейской христианской культуре, а значит, наступило благоприятное время для организованной поддержки новокрещенных евреев. Хотя Н. С. Голицын вслед за некоторыми идеологами

¹⁸ См. подр.: *Тарасов М. А.* Санкт-Петербургское православное церковное братство как предшественник Миссионерского общества в Петербурге (60-е гг. XIX в.) // *Христианское чтение*. 2020. № 2. С. 233–247.

¹⁹ Письма Вениамина, архиеп. Иркутского, к Казанскому архиеп. Владимиру. М., 1913. С. 80.

²⁰ Записки МО. Вып. III. С. 42–43.

²¹ Указывали на следующие общества: Миссионерское общество в Лондоне; Общество для распространения евангелия между евреями; Свободная шотландская церковь; Берлинское Общество для распространения христианства между евреями; Общество для христианского попечения о евреях; Рейнско-вестфальское общество для евреев; Лютеранское миссионерское общество для израильтян в Саксонии и Баварии; Общество друзей Израиля в Базеле, а также указывал на деятельность лютеранского синода в Митаве. См.: *Записки МО*. Вып. III. С. 169–170; РГИА. Ф. 796. Оп. 148. Д. 43. Л. 8 об.

²² Пастор Эрнст Карл Рудольф Фальтин (1830–1918) родился в Риге, в 1852–1855 гг., изучал богословие в Дерптском (Тартуском университете). Привлекал евреев в управительственные движения. См.: *Новый Израиль // Краткая еврейская энциклопедия*. Т. 5. Стб. 757–759.

²³ См.: *Общество для распространения просвещения между евреями в России // Краткая еврейская энциклопедия*. Т. 6. Стб. 49–53.

миссии среди евреев на Западе считал, что такие иудео-просветительские общества, наоборот, нацелены на укрепление среди «русских граждан Моисеева закона»²⁴.

Далее мы рассмотрим административную сторону вопроса — попытку создания особого еврейского отделения, а затем опишем, чем именно занимались комиссии МО по поддержке новокрещенных евреев.

Созданная комиссия инициировала идею самостоятельного *Еврейского отделения*, однако не сформировала конкретных предложений по его устройству. На общем собрании 24 апреля 1866 г., когда был поднят этот вопрос, решили создать официальную *Временную комиссию по вопросу об учреждении при Обществе особого отделения для содействия евреям, имеющим искреннее и твердое намерение обратиться в православие* для разработки полноценного проекта. Комиссия состояла из Н. В. Варадинова, А. П. Башуцкого, П. Д. Дзагилера, С. С. Лашкарева и С. А. Бурачка, который, в итоге, не принимал участия в ее работе (вероятно, потому в его личном фонде в РО ИРЛИ мы не обнаружили ни одного упоминания об этой инициативе). Одновременно с этим на собрании подняли идею по устройству обыкновенных отделений МО на местах, так что инициатива еврейского отделения была частью общего представления о необходимости широкой сети местных филиалов МО. Именно поэтому на собрании не определили, будет ли еврейское отделение находиться в Петербурге или же стоит его создать где-нибудь среди еврейского населения в черте оседлости. С. С. Лашкарев торжественно заявил, что в случае учреждения этого отделения он жертвует ежегодно в течение 4-х лет по 85 руб. на приготовление одного миссионера из евреев²⁵. В этом заявлении раскрывается миссионерская составляющая всей еврейской деятельности МО — это не просто благотворительность в пользу евреев-христиан, а поддержка будущих миссионеров из евреев. Учрежденная временная комиссия не только разрабатывала проект, но и непосредственно оказывала помощь евреям-христианам.

Летом 1866 г. С. С. Лашкарев был отправлен по делам службы в командировку в Северо-Западный край, из-за чего составление проекта еврейского отделения затянулось на полгода. Ему было поручено от совета МО «ознакомиться на месте с теми мерами, которые необходимы и возможны по предмету покровительства, принимающим православие евреям; так равно и о том сочувствии, которое встретить в местных деятелях проектируемое отделение, дабы знать, на какое содействие с их стороны можно рассчитывать, и как организовывать с ними взаимодействие. При этом ему представлено было в случае нужды даже устроить в Вильне отделение МО, или приготовить его устройство»²⁶. В этой ситуации, как и при попытках создания местных отделений (в Киеве, Новочеркасске, Курсе, в Туркестане), совет МО ориентировался на местную светскую элиту, на «деятелей по гражданским ведомствам», а не на духовенство²⁷.

Официальный отчет говорит об успехе поездки С. С. Лашкарева по части привлечения единомышленников. Бывший главный начальник края К. П. Кауфман еще в начале мая 1866 г. в Петербурге заявил свое сочувствие делу и обещал содействие. В Вильно Лашкарев вписал в члены еврейского комитета известного минского миссионера Я. А. Брафмана, который к тому моменту крестил в Минске за короткий период времени до 30-ти евреев. Впоследствии в письме на имя совета Я. Брафман сообщал о многих записавшихся у него в члены отделения, которые собрали более 200 руб. на это дело, и просил дополнительные сборные книжки для новых членов. Он утверждал, что «встретил сочувствие даже в самой среде евреев, во всех классах еврейского населения и ожидает от них пожертвований»²⁸. Митрополит Литовский Иосиф (Семашко) благословил «христианский подвиг и обещал свои молитвы» миссионерским начинаниям МО среди евреев. Архиепископ Могилевский Евсевий

²⁴ См.: Записки МО. Вып. III. С. 173–176.

²⁵ Записки МО. Вып. II. С. 158; Записки МО. Вып. III. С. 43.

²⁶ Записки МО. Вып. III. С. 44.

²⁷ См.: Там же. С. 4, 41.

²⁸ Там же. С. 46.

(Орлинский), который примерно за год до этого был советником архимандрита Владимира (Петрова) при устройстве МО²⁹, выражал свою поддержку в письме на имя совета. Епископ Ковенский Александр (Добрынин) и ректор Виленской семинарии архимандрит Иосиф (Дроздов) сразу записались в члены МО по будущему отделению для евреев, с взносом денежных пожертвований. За время поездки записались также: Н. А. Зубков, В. Д. Левшин, А. В. Рачинский, Н. В. Гоголь, А. И. Забелин, Н. Е. Извеков, Н. А. Зиновьев, Емилия Владимировна Трофимовская. Помимо этих лиц, «изъявили готовность быть членами»: Я. И. Полозов, Ал. Ив. Садоков, В. П. Кулин, Н. Н. Хованский, А. Е. Болванович. Гродненский губернатор И. Н. Скворцов пообещал содействовать. Даже в Варшаве С. С. Лашкарев нашел заинтересованных: Р. И. Брауншвейна, Д. В. Готовцева, А. И. Рыжева, Р. А. Шишкина и др. Сочувствовали миссионерству среди евреев и попечитель учебного округа И. П. Корнилов, супруга губернатора Л. Ф. Панютина и генерал-майор В. О. Ратч, принявшие на себя обязанность быть восприимчивыми при крещении бывшей богатой минской еврейки Ф. И. Полек и ее дочери. Подготовкой евреев к крещению занимались: игуменья Флавиана (Попова) и казначей Антоний в Мариинском женском монастыре г. Вильно, виленский священник протоиерей А. Пизелко, протоиерей Сергей Галахов, священник Михаил Архангельский и Иоанн Покровский, духовенство виленского Свято-Духовского собора и насельники ближайших мужских монастырей. С. С. Лашкарев в конечном итоге перестал записывать в члены отделения вплоть до его открытия, поскольку убедился в огромном сочувствии еврейскому отделению, хотя почти все вышеуказанные лица не планировали вносить членские взносы. Таким образом, миссионерская работа среди евреев была, по мнению инициаторов отделения, весьма востребованной и своевременной на местах, хотя складывается впечатление, что такая отзывчивость была в основном словесной поддержкой людей, к которым С. Лашкарев имел возможность обратиться. Несколько чиновников, некоторые миссионеры и представители духовенства, которые уже занимались обращением евреев, небольшая группа общественных деятелей — все они скорее надеялись на дальнейшую помощь из Петербурга, чем на вовлеченность в то, что происходит в столице. В общей сложности за 1866 г. выразили желание платить взносы в пользу еврейского отделения всего 19 человек³⁰.

Помимо отдельных лиц С. С. Лашкарев смог инициировать контакты и договориться и взаимодействии с созданными в 1865 г. братствами. Члены Свято-Духовского Виленского братства взамен идеи создать в Вильно отделение МО составили свои предложения по взаимоотношениям на пользу принимающих православие евреев, которые было доставлены в совет МО. Члены братства предлагали еврейскому отделению для начала приобрести в Вильно дом-приют, в котором жили бы оглашаемые и крещенные евреи до определения их дальнейшей судьбы в христианском обществе. Были также налажены контакты с Минским Николаевским братством, которое вскоре попросило совет МО устроить в Петербурге среди христиан одну минскую еврейку³¹.

На основании столь положительных донесений С. С. Лашкарева временная комиссия внесла изменения в проект отделения, придав ему широкую автономию. На одном из заседаний проект был рассмотрен советом, причем возникли разногласия, так как часть членов считала необходимым подчинить еврейское отделение совету МО. Вследствие спора А. П. Башуцкий вышел из состава комиссии, остальные же согласились на предлагаемые изменения по ограничению прав отделения. Окончательный вариант положения, текст которого приводим ниже полностью, был составлен к концу 1866 г.:

«Проект Дополнения к уставу Миссионерского общества.

§ 1. При Миссионерском обществе учреждается отделение для содействия евреям, обращающимся к Православию.

²⁹ Об этом: *Ястребов И. И.* Миссионер высокопреосвященнейший Владимир, архиепископ Казанский и Свяжский. Казань, 1898. С. 86–87.

³⁰ См.: Записки МО. Вып. III. С. 24, 44–46, 169.

³¹ Там же. С. 46, 169.

§ 2. Отделение это, по мере своих собственных средств, оказывает евреям, изъяв- шим искреннее и непоколебимое желание принять Православную веру, содействие: а) в приготовлении их через духовных наставников к св. крещению, б) в приискании им воспитателей, в) в попечении и ходатайстве о крещенных.

§ 3. Отделение составляется из лиц православного исповедания, обязавшимся ежегодным взносом в кассу отделения, в каком бы то ни было размере, члены отделе- ния считаются членами-ревнителями Миссионерского общества.

§ 4. Для заведывания делами отделения члены МО в годовом Общем своем собра- нии избирают из числа членов отделения 5 лиц, которые из среды своей избирают Председателя и Казначея.

§ 5. Раз в месяц члены управления делами отделения имеют с Советом МО за- седание по делам о евреях, в котором сообщают Совету сведения о своих действиях и о состоянии кассы, а также представляют на обсуждения и решения предположе- ния по предметам, касающимся отделения по 2 § лит в., и выходящим из предметов программы действий, начертанной Отделению, в приведенном выше § 2. Сведения о своих действиях, и равно и о кассе, управление Отделения печатает несколько раз в год по мере надобности.

§ 6. Сбор ежегодных и единовременных приношений производится тем же поряд- ком, какой указан в Уставе МО, для чего Советом его выдаются управлению Отделе- ния особые сборные книжки.

§ 7. Отделение по делам своим сносится с местными православно-церковными братствами, а где их нет, действует через своих членов»³².

В таком виде положение было единогласно одобрено на общем собра- нии 11 декабря 1866 г.³³ Вероятно, подобное единодушие было обусловлено тем,

Архиепископ
Василий (Лужинский)

что на этом немногочисленном собрании присутствовали только сторонники еврейского отделения. В собрании приняли участие Авраам Сергеевич Норов и член Синода архиепископ Василий (Лужинский). Вероятно, член-покровитель МО владыка Василий стал непосредственно участвовать в жизни МО, поскольку был хорошо знаком с еврейским вопросом по месту своего быв- шего служения в Полоцке, откуда его пере- вели за полгода до этого. Ровно за год до описываемых событий, в конце ноября 1865 г., он ходатайствовал перед Св. Си- нодом о разрешении крестить в Витебске несовершеннолетнюю девочку, еврейку Шейну Лесин, вопреки воле родителей³⁴. Он был заинтересован именно в создании отделения по крещению евреев, о чем сви- детельствует его пожертвование в 50 руб. на поддержку новокрещенных евреев. На собрании владыка был избран главой временной комиссии, которая продолжила свою деятельность в составе Н. В. Варадина- нова, П. Д. Дзагилера и С. С. Лашкарева³⁵.

В самом конце декабря совет МО «узакон- ным порядком» представил Положение

³² РГИА. Ф. 796. Оп. 148. Д. 43. Л. 6–7 об.

³³ Записки МО. Вып. III. С. 46.

³⁴ См.: РГИА. Ф. 796. Оп. 146. Д. 1868. Л. 1–8.

³⁵ См.: Записки МО. Вып. II. С. 157–159; Вып. III. С. 47.

отделения для содействия евреям вместе с объяснительной запиской обер-прокурору Святейшего Синода Д. А. Толстому для корректировки устава организации³⁶. В объяснительной записке приводились следующие аргументы в пользу создания такого еврейского отделения: об этом просят сами страдающие новокрещенные евреи; этому сочувствуют многие церковные и гражданские деятели западного края; в Европе многие деноминации активизируют миссию среди евреев³⁷.

Совет МО помимо отправки проекта в Синод посчитал своим «долгом всеподданнейше донести об этом Ее Величеству Высокой Покровительнице Общества и всеподданнейше испрашивать Всемилостивейшего ее императорского Величества покровительства этому новому христианскому делу МО»³⁸. В изданиях МО неоднократно подчеркивалась, что все важнейшие дела Совет «повергал на Всемилостивейшее воззрение» императрицы Марии Александровны³⁹. Такой порядок взаимоотношений, когда совет по всем важным делам информировал саму императрицу, сложился в силу своеобразного устава МО. Миссионерская организация по определению является структурой с ярко выраженными церковно-религиозными целями, а потому предполагалось тесное сотрудничество МО с духовным ведомством. Однако зависимость организации от Св. Синода была прописана именно как сотрудничество, содействие, без административного подчинения. При этом духовные миссии оказались частично подотчетным МО, которое, в свою очередь, могло обращаться напрямую к высшей власти благодаря высшему покровительству императрицы. Такое положение дел могло привести к потенциальным конфликтам и в дальнейшем обострить отношения МО со Св. Синодом и привести к открытому противостоянию.

Пока проект еврейского отделения находился на рассмотрении у обер-прокурора, на общем собрании 12 февраля прошли выборы в совет МО. Из числа духовенства в состав совета вошли протоиерей Иоанн Янышев и член первого совета профессор Санкт-Петербургской духовной академии И. Т. Осинин. «Члены вновь избранного совета единогласно просили высокопреосвященного Василия принять на себя председательство в совете, на что его высокопреосвященство изъявил свое согласие»⁴⁰. Так вызванный в Св. Синод на «почетный покой» бывший грекокатолический епископ стал председателем совета МО. Каких-либо дополнительных сведений, почему достаточно слабый здоровьем архиепископ Василий вошел в МО, мы не обнаружили. Возможно, это произошло по его собственной инициативе, поскольку он хотел заниматься чем-то еще помимо участия в заседаниях Св. Синода. Может быть, эта идея принадлежала церковному руководству или, напротив, деятелям МО, чтобы направить политику МО в нужное им русло. Так или иначе, владыка стал в каком-то смысле компромиссной фигурой. Однако он не имел существенного

Обер-прокурор Св. Синода
Д. А. Толстой

³⁶ Записки МО. Вып. III. С. 1.

³⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 148. Д. 43. Л. 8–13.

³⁸ Там же. Л. 13.

³⁹ Записки МО. Вып. III. С. 26.

⁴⁰ Там же. С. 156.

вливания не только в Св. Синоде, как говорил о нем митрополит Исидор (Никольский)⁴¹, но и сыграл весьма неоднозначную роль в судьбе МО. Весь 1867 г. секретарь совета МО Е. С. Бурачек составлял бумаги МО от имени незаинтересованного архиепископа, что определило усугубление конфликта между МО и Алтайской миссией.

Ни обращение к императрице, ни участие архиепископа Василия так и не помогли открыть еврейское отделение. В конце февраля 1867 г. в совет поступил отрицательный ответ от обер-прокурора Д. А. Толстого, так как Св. Синод «нашел неудобным» менять устав, который чуть больше года как утвержден высшей властью, а деятельность среди новокрещенных евреев можно проводить и без нового отделения. К тому же открытие специализированного отдела МО «было бы не вполне согласно и с общим характером Устава [МО], в котором, в настоящем его виде, не имеется никаких подобных предполагаемому делений на отделы ни по местностям, населяемым иноверцами, ни по религиям, или исповеданиям»⁴².

Отказ обер-прокурора вынудил совет МО изменить тактику. За несколько недель члены комиссии подкорректировали положение таким образом, чтобы не нужно было изменять устава, и оформить дело простым утверждением общего собрания, как, например, до этого формировались комиссии. Был подготовлен доклад об учреждении при совете *Постоянного комитета для содействия евреям, обращающимся в православие, с особенными денежными средствами, независимыми от средств МО*, ради которого созвали чрезвычайное общее собрание⁴³.

Заседание прошло 12 марта и было полностью посвящено еврейскому отделению. Неожиданно для совета заседание ознаменовалось бурными обсуждениями и горячей полемикой, что с 1867 г. станет обыкновенным делом для собраний МО. Замечания со стороны Св. Синода вдохновили тех лиц, которые изначально были против создания отделения, и они возвысили свой голос. Доклад комиссии многократно прерывали, начинались громкие прения, так что Н. В. Варадинов едва мог прочитать свое письменное заявление о необходимости содействия евреям. Даже член совета А. Д. Крылов, до этого поддерживавший отделение, высказался против него в поддержку главной цели МО. По свидетельствам очевидцев, духовенство в дебатах участия не принимало. Сложилась ситуация, когда большая часть совета хотела учреждение комиссии, а остальные участники — нет. Совет отстаивал необходимость создания этой комиссии желанием разгрузить себя и не отвлекать средств МО от основных целей, так как предполагалось, что у комиссии будет отдельная касса, «особые материальные и нравственные средства». В то время противники комиссии, не исключая самой деятельности среди крещенных евреев, считали ненужным уделять особое внимание данному «побочному обстоятельству», ибо это вредит основному делу — поддержке обращения язычников.

В итоге, несмотря на нарушение принятого регламента, несмотря на то, что сам вопрос трижды одобрялся на предыдущих собраниях, состоялось голосование по вопросу о том, быть ли какой-либо отдельной от совета структуре по деятельности среди евреев. С перевесом в 5 голосов (19 против 14) было решено поручить поддержку новообращенных евреев непосредственно ведению совета, без учреждения отдельной комиссии⁴⁴. Однако такое решение не удовлетворило членов Совета. Считая главной проблемой недостаток пожертвований — которых действительно было мало, — члены совета заявили о создании *особой комиссии из нескольких членов совета с целью изыскания средств для увеличения денежных оборотов Общества*. Эта комиссия через несколько месяцев инициировала размещение сборных кружек

⁴¹ *Савва (Тихомиров), архиеп.* Хроника моей жизни: Автобиографические записки высокопреосвященного Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского: (+ окт. 1896 г.). Т. 3: (1862–1867 гг.). Сергиев Посад, 1901. С. 404.

⁴² РГИА. Ф. 796. Оп. 148. Д. 43. Л. 14 об. — 15.

⁴³ Записки МО. Вып. III. С. 159.

⁴⁴ О заседании см.: Заседание МО 12 сего марта // Народный голос. 1867. № 58. С. 232–233; Письмо к редактору // Народный голос. 1867. № 63. С. 254; МО // Петербургская газета. 1867. № 45. С. 1–2; Общие собрания МО // Записки МО. Вып. III. С. 153–173.

МО на станциях железных дорог⁴⁵. По итогам прений Н. С. Голицын составил небольшую заметку, в которой он заявил о «черных пятнах России», где слабо распространено христианство, среди которых еврейское пятно самое опасное, потому что, по его мнению, плохо подвергается русификации⁴⁶

Несмотря на решение собрания, вопрос не был окончательно закрыт. На следующем собрании, 7 мая, член совета В. А. Васильев вновь поднял этот вопрос, прочитав довольно пространную собственную записку и сетуя на неправомочность и ошибочность предыдущего решения. Хотя Васильев не участвовал в работе еврейских комиссий, его заинтересованность не подлежит сомнению, поскольку именно ему мы обязаны сведениями о еврейской деятельности в официальном издании «Записки Миссионерского общества», где он был редактором 2, 3 и 4 выпусков. Складывается впечатление, что совет не хотел дополнительно заниматься «еврейской деятельностью», а надеялся создать любую дополнительную форму для перераспределения обязанностей. Такая настойчивость привела даже к тому, что среди рядовых членов МО появились некоторые подозрения, что члены совета МО имеют какое-то особое пристрастие, и будто они изначально без согласия М. Н. Бирч взяли под свою опеку новокрещенных евреев из ее приюта⁴⁷. После очередного рассмотрения вопроса с минимальным преимуществом (12 против 11) решение предыдущего собрания было подтверждено. Показательно, что большинство членов голосовало против еврейского отделения из-за нехватки средств для сибирских миссионеров, и на этом же собрании было решено временно приостановить выдачу пособий начальнику Алтайской миссии. Приостановка была обоснована безотчетностью архимандрита Владимира. Для миссии это стало проблемой, поскольку алтайские миссионеры рассчитывали на поддержку МО⁴⁸. Таким образом, как сообщал чуть позднее журнал «Странник», «при нашем миссионерском обществе предполагалось было обратить должное внимание на дело обращения евреев, и в этих видах открыть еврейское отделение, но этому предположению не суждено было осуществиться»⁴⁹.

Записка с призывом к пожертвованиям на еврейскую деятельность⁵⁰ сохранилась в бумагах князя Н. С. Голицына, среди которых почти не осталось документов о его работе в МО. Текст воззвания иллюстрирует взгляды князя и его сторонников на дело поддержки новокрещенных евреев. Автор интерпретирует устав МО таким образом, что не остается сомнений — лично для него миссионерская деятельность на Западе России имеет большое значение, а принципиальной целью миссионерства является инкультурация других народов в российское общество. Помимо этого, одним из элементов инициативы «еврейской деятельности» является стремление наладить взаимоотношения с миссионерско-апологетическими братствами Западного края, что развивает идеи, которые Н. С. Голицын проводил при безуспешной попытке создать центральное Санкт-Петербургское церковное братство в 1864 г.

Непосредственно деятельность еврейской комиссии предполагалась как поддержка тех евреев-христиан, которые впоследствии будут проповедовать другим евреям. Работа комиссии осуществлялась следующим образом. В МО через братство или конкретное

⁴⁵ См.: Записки МО. Вып. IV. С. 327–330; РГИА. Ф. 796. Оп. 147. Д. 1659.

⁴⁶ Записки МО. Вып. III. С. 173–176.

⁴⁷ Оправдательные слова члена совета В. А. Васильева: «Справедливость же того, что сама Бирч обратилась с просьбой об отобрании от нее, бывших на ее попечении новокрещенных, а не без ее согласия это сделано, как некоторые члены думают, могут завидетьствовать: Голицын, Потемкина, Башуцкий» (Там же. Вып. IV. С. 320).

⁴⁸ Там же. С. 315–320.

⁴⁹ Частный приют в С. Петербурге для присоединения к православной церкви евреев. СПб., 1870. С. 5.

⁵⁰ РГВИА. Ф. 292. Оп. 1. Д. 92. Л. 1–1 об.; См.: Тарасов М. А. «Распространение православия между евреями имеет чрезвычайную важность». Один архивный документ об истории еврейского отделения Миссионерского общества в Санкт-Петербурге (1865–1869) // Актуальные вопросы церковной науки. 2020. № 1. С. 69–72.

лицо обращались евреи, желавшие принять христианство и получить поддержку от организации. Иногда обратившемуся необходимо было жилье, потому первым делом им помогали добраться до Петербурга и остановиться где-нибудь в городе, например, в вышеупомянутом приюте. После этого его направляли к священникам, проводившим подготовку оглашенного ко крещению. В этой роли упоминались только «священники Пантелеимоновой церкви оо. Михаил и Павел»⁵¹ (по-видимому, из петербургского храма на современной ул. Пестеля, поскольку недалеко находился дом Т. Б. Потемкиной на Миллионной улице). Затем через личные знакомства искали обеспеченных и знатных жителей, которые согласились бы стать восприемниками. Крещение проходило обычно в домовом храме или на какой-нибудь частной квартире. Одновременно с оглашением проходил поиск места для новокрещенного в каком-нибудь учебном заведении или на временной работе. Средства на оплату обучения выделяли чаще всего тем, кто стал своекоштным студентом духовных семинарий, а тех, кто пожелал учиться в светских заведениях, пытались устроить через личные связи.

Отчеты МО не содержат исчерпывающих сведений о каждом крещенном, потому перечислим все упомянутые случаи. В течение второй половины 1866 г. были крещены еврей Гуманов (восприемники — Н. С. Голицын с женой) и его жена (восприемник — граф А. П. Толстой). Он был устроен вольнослушателем без оплаты в фельдшерское училище при медицинской академии благодаря сочувствию делу президента Медицинской академии П. А. Дубовицкого, жена которого благоволит алтайским миссионерам⁵². Совет академии по предложению президента постановил не требовать за его обучение тридцатирублевого взноса. Жена Гуманова была устроена в женский больничный приют в Петербурге для обучения уходу за больными. При этом «сын Гуманова был удержан евреями на месте жительства, против воли матери, которая сама едва могла уйти от преследования»⁵³. К весне 1867 г. в Санкт-Петербургскую духовную семинарию устроили еврея Сафира (восприемники — А. П. Башуцкий и вдова генерал-майора Троицкого) в счет суммы, пожертвованной С. С. Лашкаревым, хотя поначалу было заявлено, что в семинарии не было свободных вакансий⁵⁴. К марту 1867 г. при поддержке П. Д. Дзагилера было крещено еще 2 еврея, и одна еврейка готовилась к крещению. Восприемником одного из них стал великий князь Николай Николаевич. Молодой еврей Иосия Ривкин, принявший православие, был принят на средства МО в Псковскую семинарию⁵⁵. Принимались на попечение и иногородние евреи, например, из Минска.

Согласно зафиксированным данным, МО успело поддержать около десяти новообращенных евреев. За 1867 г. было израсходовано на содержание евреев по кассовому отчету 843 руб. 68 коп. Примерно столько же было затрачено в 1868 г. В дальнейшем деятельность МО в этом направлении продолжилась и даже обсуждалась на общем собрании 2 июля 1868 г., но сведений о каких бы то ни было решениях выявить не удалось⁵⁶. Несмотря на конфликты в МО, еврейская деятельность осуществлялась вплоть до его закрытия, хотя амбициозные планы членов МО не согласовывались со скромными результатами работы.

Создание «временной комиссии по еврейским делам» позволило ее участникам, в том числе и П. Д. Дзагилеру, получить сборные книги для обеспечения приютских евреев. На это дело поначалу откликнулись «добрые люди всякого звания», в первую

⁵¹ Записки МО. Вып. III. С. 46.

⁵² Отношение митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского Исидора епископу Томскому и Семипалатинскому о пожертвовании 795 руб. 50 коп. М. А. Дубовицкой для новокрещенных Алтайской духовной миссии // В составе Томской губернии. История Республики Алтай в документах Государственного архива Томской области. XIX — начало XX века. Горно-Алтайск, 2004. Документ № 127.

⁵³ Записки МО. Вып. III. С. 47.

⁵⁴ Там же. С. 46–47.

⁵⁵ Там же. Вып. II. С. 3.

⁵⁶ Деятельность. 1868. № 97. С. 385.

очередь столичное духовенство, начиная с митрополита Исидора и заканчивая причетниками. Распоряжалась деньгами сама комиссия, за ее счет была снята большая квартира для приюта в Саперном переулке, в доме Кюнцеля, за 16 руб., а на пропитание каждого взрослого отпускалось по 8 руб. В таком положении приют просуществовал лишь полгода — с июня 1866 г. по январь 1867 г. Средства комиссии оставались скудными, преимущественно из-за общей слабой капитализации МО, при этом в бумагах МО из-за плохого учета нет никаких упоминаний о выделении средств конкретно на этот приют. У Дзагилера, обучавшегося в семинарии, не было достаточно времени для сбора пожертвований. В итоге еврейская комиссия МО предпочла взять под свою непосредственную опеку некоторых взрослых евреев, упомянутых выше, и отступилась от приюта.

Тем не менее, в 1867 г. приютских детей содержали за счет княгини Т. Б. Потемкиной, которая, будучи членом МО, частным образом всегда помогала евреям, как и другим иноверцам, принимающим Православие. В июне она пригласила для непосредственного руководства и религиозного просвещения евреев, ищущих Православия, придворного протоиерея Никандра Брянцева, который независимо от этого приюта еще с 1865 г. готовил евреев ко крещению и приискивал им места и занятия. Т. Б. Потемкина обратилась к совету МО, чтобы ему были переданы сборные и расходные книги в пользу евреев, а вместе с тем были поручены все дела приюта. В дальнейшем, желая расширить деятельность приюта и упрочить его существование, священник Никандр Брянцев смог выпросить у митрополита Исидора, главного попечителя Императорского человеколюбивого общества, причислить приют к этой организации, что и было исполнено 27 августа 1870 г. Император Александр II назначил августейшею покровительницею этого учреждения великую княжну Марию Александровну⁵⁷. Любопытно, что с марта по октябрь 1868 г. членом совета МО был священник И. Н. Полисадов, который служил в Доме воспитания бедных детей этого же Человеколюбивого общества. Благотворителями приюта остались и бывшие члены МО: А. М. Потемкин, Т. Б. Потемкина, княгиня Е. А. Васильчикова, купец В. Ф. Громов и его братья, публицист В. И. Аскоченский. Евреи-христиане, которым помогло МО, в дальнейшем получали помощь от приюта. Таким образом, деятельность по поддержке новообращенных евреев в Петербурге концентрировалась вокруг Мариинско-Сергиевского приюта, который осуществлял свою деятельность, в том числе под покровительством императорской семьи, до 1919 г.⁵⁸

В заключение следует отметить, что идея создания еврейского отделения иллюстрирует попытки частично переориентировать МО на проблемы западных регионов государства, вопреки первоначальной идее поддерживать сибирские миссии. Это послужило дополнительной причиной, почему совет МО легко решился на конфликт с начальником Алтайской миссии архимандритом Владимиром. Совет МО во главе с князем Н. С. Голицыным хотел реализовать идеи, сформированные в проекте Санкт-Петербургского церковного братства — объединить разные церковные братства Западного края миссионерско-апологетической направленности. Была выбрана одна сфера деятельности — поддержка новокрещенных евреев, что было лишь малой частью деятельности, предложенной в проекте петербургского братства. Церковные братства проводили бы миссионерскую работу на местах в черте оседлости евреев, а отделение в Петербурге проводило бы работу по инкультурации новообращенных в христианское общество в столице. Однако еврейское направление миссионерской работы не получило решительной поддержки ни в церковном руководстве, ни в самом МО.

⁵⁷ См.: Малоизвестный приют в Петербурге для новообращенных евреев // Странник. 1868. Апрель. Хроника. С. 11–12; Открытие приюта для крещеных и крещаемых евреев // Домашняя беседа. 1871. № 2. С. 63–71; Протоиерей Никандр Иоаннович Брянцев и его деятельность, в связи с историей Мариинско-Сергиевского приюта. СПб., 1889. 47 с.

⁵⁸ О нем подр.: Мещанинова А. С. Благотворительная деятельность Мариинско-Сергиевского приюта для крещаемых и крещеных в православную веру еврейских детей и взрослых евреев-выкрестов (1866–1919). ВКР бакалавра. ПИИ, 2019. 45 с.

Еврейская деятельность МО вынужденно перенаправила средства и силы от его основного направления — от сибирских миссий, хотя в целом нельзя говорить, что это существенно ослабило финансы МО. В общей сумме реально потраченных средств доля расходов на поддержку новокрещенных составила не более 8 %. Тем не менее, как только с 1870 г. центральная миссионерская организация в рамках ПМО сфокусировалась на миссионерстве среди язычников, дела ее решительно улучшились. Таким образом, критика противников еврейского отделения о разделении сил и финансов МО была отчасти обоснованной.

В миссионерской деятельности показателем ее качества можно считать вовлечение в эту работу самих обращенных. Так, например, значительная часть духовенства Алтайской миссии к началу XX в. была из местного населения, а в Лондонском еврейском миссионерском обществе большинство проповедников среди евреев были сами евреи⁵⁹. В случае же с деятельностью еврейской комиссии МО мы видим, что никакого продолжения подобной работы не было, а лица, получившие поддержку комиссий, не проявили себя на миссионерском поприще несмотря на то, что их брали в семинарии именно как раз для дальнейшего миссионерства. Во всяком случае, нам не известны никакие факты их публичной деятельности. В этой связи говорить об успехе деятельности МО среди новокрещенных евреев как в количественном, так и в качественном отношении не приходится.

Определенную роль сыграла ориентация проекта на благотворительность. На заседании 12 марта 1867 г. указывалось, что «цель учреждения особого комитета ... состоит не в прозелитизме, а в оказании содействия переходящим в православие евреям, которые, будучи отвержены своими родными и обществом, не примкнув к православному обществу, остаются без поддержки и принуждены часто, не приняв еще крещения, обратиться вспять»⁶⁰. Почему в МО не было предложено заниматься непосредственно миссионерской работой? В первую очередь, у МО не было финансовой базы, в то время как системная миссионерская работа требовала серьезных финансовых вложений. Во-вторых, инициаторы проекта хотели избежать каких бы то ни было возражений со стороны петербургских иудеев, либеральной общественности и даже духовенства. Такой подход основывался в том числе на предыдущем опыте Н. С. Голицына с петербургским братством. Одной из причин отказа в учреждении планируемого братства являлся светский характер его руководства. Правительство же считало «духовенство в Петербурге самым обеспеченным и образованным, а потому способным самостоятельно быть охранителем Православия от посягательств иноверцев...»⁶¹. Здесь вновь особенно актуальным для всей истории МО вопрос привлечения к непосредственной работе церковной проповеди мирян.

Религиозно-этническое предубеждение значительной части населения Российской империи, которое на протяжении многих веков определяло отношения к еврейскому народу, не только сохранялось, но и усиливалось в течение XIX в. Несмотря на различные частные попытки организовать «мирное» миссионерство среди евреев, системная работа в этом направлении не поддерживалась общественностью и не поощрялась государством. М. Агурский приводит выразительное сравнение в своей статье, говоря о том, что архимандрит Нафанаил (Кузнецкий) крестил лично около трех тысяч евреев: «Его миссионерская деятельность была мало известна даже при его жизни, главным образом потому, что на нее не обращали внимания, а скорее всего даже смотрели косо. Достаточно сказать, что архимандрит Макарий (Глухарев), крестивший на Алтае 675 инородцев, был прославлен за это на всю Россию. Вообще

⁵⁹ В 1808 г. по инициативе крещеного еврея Иосифа Фрея было основано первое английское миссионерское общество, преимущественно для обращения евреев («London Society for promoting Christianity amongst the Jews»), с течением времени развившееся в колоссальную организацию, огромное большинство деятелей которой — евреи. См.: *Чериковер И.* Обращение в христианство // ЕЭБЕ. Т. 11. Стлб. 886.

⁶⁰ Петербургская газета. 1867. № 45. С. 2.

⁶¹ ОР РНБ. Ф. 573. А. I/60. Л. 171 об.

за крещение 100 инородцев полагался орден. В миссии же Кузнецкого-Нафанаила никто, по-видимому, не был заинтересован. Поэтому она и прошла столь незаметно для Русской церкви»⁶². По мнению некоторых западных исследователей, иерархи Русской Церкви в западных епархиях были более обеспокоены тем, что взаимодействие с евреями может способствовать распространению иудаизма среди крестьян, нежели организацией кампаний по обращению иудеев⁶³.

В таком социальном контексте сужение сферы деятельности центральной миссионерской организации было сознательным шагом. Не зря впоследствии напишут, что «наше православное Миссионерское Общество не только не заботится о распространении христианства среди евреев, но как бы нарочно игнорирует этот вопрос»⁶⁴. Православное миссионерское общество после 1870 г. сконцентрировалось, в основном, на том направлении, которое имело шансы на значительную общественную поддержку — финансировании миссионерства среди язычников.

Источники и литература

1. «Зашли бы к ректору, составили бы план...». Письмо А. П. Башуцкого об издании периодического листка при Санкт-Петербургской духовной академии (Вступ. статья, публ. и прим.: М. А. Тарасов) // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2020. № 1 (4). С. 264–272.

2. Агурский М. С. Евреи-христиане в Русской Православной Церкви // Вестник Русского христианского движения. № 114. С. 52–72; № 114. С. 117–138; № 116. С. 86–108.

3. Алексеев А. О религиозном движении евреев и распространении христианства между ними, с приложением объяснения важнейших мест Св. Писания, свидетельствующих об Иисусе Христе, как лице мессии и наставления, как вести дело миссионерства среди евреев. Новгород: тип.-лит. Губернского Правления, 1895. 201 с.

4. В составе Томской губернии. История Республики Алтай в документах Государственного архива Томской области. XIX — начало XX века. Горно-Алтайск, 2004. 527 с.

5. Герасимова В. А. Крещенные евреи в России в XVIII в.: особенности социокультурной адаптации: дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2013. 228 с.

6. Деятельность. 1868. № 97.

7. Домашняя беседа. 1871. № 2.

8. Еврейская энциклопедия Брокгауза и Ефрона (ЕЭБЕ). Т. 11: Миддот — Община, 1911. 962 стб.

9. Записки Миссионерского общества. Т. I. Вып. I–IV. СПб., 1868. (Вып. I — 1866, 70 с.; Вып. II — 1867, 164 с.; Вып. III — 1867, 207 с.; Вып. IV — 1868, 330 с.)

10. История еврейского народа в России. От разделов Польши до падения Российской империи / Под ред. И. Лурье. Т. 2. М.: Мосты культуры / Гешарим, 2012. 534 с.

11. Краткая еврейская энциклопедия (КЭЕ). Т. 5: Ма'аган-Михаэль — Нюрнбергские законы, 1990. 864 кол.

12. Краткая еврейская энциклопедия (КЭЕ). Т. 6: Обеты — Пять свитков, 1992. 940 кол.

13. Краткая еврейская энциклопедия (КЭЕ). Т. 7: Рааб — Сионисты-социалисты, 1994. 1046 кол.

14. Максимов Г., свящ. Краткий обзор отношений православия и иудаизма. Ч. 2. Православная миссия среди иудеев // Православие. ру. URL: <http://www.pravoslavie.ru/28793.html> (дата обращения 12.09.2020).

⁶² Агурский М. С. Евреи-христиане в Русской Православной Церкви // Вестник РХД. № 115. С. 130.

⁶³ Клиер Д. Развитие законодательства о евреях в Российской империи (1772–1881) // История еврейского народа в России... С. 26.

⁶⁴ Несколько слов по вопросу о распространении христианства среди евреев // Волыньские епархиальные ведомости. 1906. № 9/10. С. 328.

15. Мещанинова А. С. Благотворительная деятельность Мариинско-Сергиевского приюта для крещаемых и крещеных в православную веру еврейских детей и взрослых евреев-выкрестов (1866–1919). Выпускная квалификационная работа бакалавра. СПб.: Петербургский институт иудаики, 2019. 45 с.
16. Народный голос. 1867. № 58; 63.
17. Несколько слов по вопросу о распространении христианства среди евреев // Волыньские епархиальные ведомости. 1906. № 9/10. С. 326–331.
18. Новое Миссионерское общество в России. Список лиц, изъявивших готовность делать ежегодные денежные взносы в пользу Миссионерского общества, высочайше утвержденного 16 июля 1865 г. СПб.: Тип. Дома призрения малолетних бедных, 1865. 8, 72 с.
19. ОР РНБ. Ф. 573. А. I/60.
20. Петербургская газета. 1867. № 45.
21. Письма Вениамина, архиепископа Иркутского (†1892), к Казанскому архиепископу Владимиру (†1897 г.) / Предисл. и примеч. К. В. Харламповича. М.: Тип. П. П. Рябушинского, 1913. 218 с.
22. Протоиерей Никандр Иоаннович Брянцев и его деятельность, в связи с историей Мариинско-Сергиевского приюта (Ведомства Человеколюбивого общества): биографический очерк (с портретом покойного миссионера). СПб.: Типо-литография Р. Голике, 1889. 47 с.
23. РГВИА. Ф. 292. Оп. 1. Д. 92. Статья об оказании содействия евреям, желающим принять православие.
24. РГИА. Ф. 796. Оп. 146. Д. 1868. О дозволении окрестить девицу еврейку Шейну Лесин.
25. РГИА. Ф. 796. Оп. 147. Д. 1659. Об учреждении на главных станциях железных дорог кружек для сбора пожертвований на увеличение средств Миссионерского общества.
26. РГИА. Ф. 796. Оп. 148. Д. 43. О дополнительном проекте к уставу Миссионерского общества по обращению Евреев в Православие.
27. Савва (Тихомиров), архиеп. Хроника моей жизни: Автобиографические записки высокопреосвященного Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского: (+ окт. 1896 г.). Т. 3: (1862–1867 гг.). Сергиев Посад: 2-я тип. А. И. Снегиревой, 1901. 814 с.
28. Странник. 1868. Апрель.
29. Табак Ю. Отношение Русской Православной Церкви к евреям: история и современность // Иудео-христианские отношения. URL: <http://www.jcrelations.net/721.0.html?L=7.&page=5> (дата обращения 12.09.2020).
30. Тарасов М. А. «Распространение православия между евреями имеет чрезвычайную важность». Один архивный документ об истории еврейского отделения Миссионерского общества в Санкт-Петербурге (1865–1869) // Актуальные вопросы церковной науки. 2020. № 1. С. 69–72.
31. Тарасов М. А. Попытка учреждения Санкт-Петербургского Православного Церковного Братства (1864–1865) // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2019. № 1 (3). С. 192–210.
32. Тарасов М. А. Санкт-Петербургское православное церковное братство как предшественник Миссионерского общества в Петербурге (60-е гг. XIX в.) // Христианское чтение. 2020. № 2. С. 233–247.
33. Харлампович К. В. Архиепископ Казанский Владимир Петров, его жизнь и деятельность // Христианское чтение. 1907. № 9. С. 350–384.
34. Частный приют в С. Петербурге для присоединения к православной церкви евреев. [СПб.]: Тип. духов. журн. «Странник», Цenz. 1870. 37 с.
35. Ястребов И. И. Миссионер высокопреосвященнейший Владимир, архиепископ Казанский и Свяжский. Исследование по истории развития миссионерства в России. Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1898. С. 77–416.
36. Agursky Mikhail. Conversions of Jews to Christianity in Russia. Soviet Jewish Affairs. Vol. 20. 1990. № 2–3. P. 69–84.
37. Schinker E. R. Confessions of the Shtetl: Converts from Judaism in Imperial Russia, 1817–1906. Stanford, 2016. 360 p. (Stanford studies in Jewish history and culture).

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 1 (6)

2021

Иеромонах Иоанн (Лудищев)

**К вопросу о преобразовании
Московского Сретенского монастыря
в миссионерскую обитель**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_1_287

Аннотация: Московский Сретенский монастырь, имеющий многовековую историю, в разное время осуществлял различное, в том числе церковно-общественное и миссионерско-просветительское, служение. В первые годы советской власти руководством Русской Православной Церкви была предпринята попытка преобразовать Сретенскую обитель в миссионерский монастырь. По благословению Патриарха Тихона (Беллавина) и решению Священного Синода в 1919 г. настоятелем монастыря был назначен архимандрит, впоследствии архиепископ Гурий (Степанов). Отец Гурий к этому времени был известен как выдающийся миссионер и крупный ученый. Кроме того, именно архимандриту Гурию еще в начале 1919 г. удалось зарегистрировать устав «Общества распространения христианства среди язычников» в Отделе юстиции Московского совета рабочих и красноармейских депутатов. Дальнейшим шагом должно было стать преобразование и развитие Сретенского монастыря именно как миссионерского центра. К сожалению, этого не произошло. Уже осенью 1919 г. отец Гурий был арестован. В дальнейшем попыток вернуться к ранее уже одобренному проекту больше не предпринималось.

Ключевые слова: миссионерская деятельность, Московский Сретенский монастырь, Московский Покровский монастырь, Миссионерский Совет, Священный Синод, Высший церковный совет, Патриарх Тихон (Беллавин), Патриарх Сергей (Страгородский), архиепископ Гурий (Степанов), архимандрит Афанасий (Самбин), бывший епископ Леонид (Скобеев).

Об авторе: **Иеромонах Иоанн (Лудищев Дмитрий Владимирович)**

Наместник Московского Сретенского монастыря, проректор по воспитательной работе Московской Сретенской Духовной Академии.

E-mail: seminary@pravoslavie.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7568-6236>

Ссылка на статью: Иоанн (Лудищев), иером. К вопросу о преобразовании Московского Сретенского монастыря в миссионерскую обитель // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 1 (6). С. 287–294.

* Изображения взяты из открытых источников.

**HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

Scientific Journal

No. 1 (6)

2021

Hieromonk John (Ludishchev)

**On the Question of the Transformation
of the Moscow Sretensky Monastery
into a Missionary Monastery**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_1_287

Abstract: The Moscow Sretensky Monastery, which has a centuries-old history, at different times carried out various ministries, including social and missionary-educational activities. In the first years of the Soviet regime, the leadership of the Russian Orthodox Church made an attempt to transform the Sretensky Monastery into a missionary monastery. With the blessing of Patriarch Tikhon (Bellavin) and by decision of the Holy Synod, Archimandrite, later Archbishop Gury (Stepanov), was appointed the abbot of the monastery in 1919. By this time, Father Gury was known as an outstanding missionary and a prominent scholar. In addition, it was Archimandrite Guriy who, at the beginning of 1919, managed to register the charter of the "Society for the Spread of Christianity among Pagans" in the Justice Department of the Moscow Soviet of Workers' and Red Army Deputies. The next step was to transform and develop the Sretensky Monastery into a missionary center. Unfortunately, this did not happen. In the fall of 1919, Father Gury was arrested. In the future, there were no more attempts to return to the previously approved project.

Keywords: missionary activity, Moscow Sretensky Monastery, Moscow Protection Monastery, Missionary Council, Holy Synod, Supreme Church Council, Patriarch Tikhon (Bellavin), Patriarch Sergius (Stragorodsky), Archbishop Gury (Stepanov), Archimandrite Athanasius (Sambikin), former Bishop Leon (Skobeev).

About the author: **Hieromonk John (Ludishev Dmitry Vladimirovich)**

Administrator of the Moscow Sretensky Monastery, Dean of Students at the Moscow Sretensky Theological Academy.

E-mail: seminary@pravoslavie.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7568-6236>

Article link: John (Ludishchev), hieromonk. On the Question of the Transformation of the Moscow Sretensky Monastery into a Missionary Monastery. *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2021, no. 1 (6), pp. 287–294.

* Images are taken from open sources.

Московский Сретенский монастырь, будучи одной из древних обителей Москвы, за всю свою многовековую историю переживал различные обстоятельства. После секуляризации церковных земель в 1764 г. монастырь был уже практически упразднен¹, однако буквально в последний момент был включен в число заштатных обителей². Чума 1771 г. привела к тому, что в монастыре скончалась вся братия за исключением настоятеля, который во время бедствия проживал в Чудовом монастыре³. В XIX в. Сретенский монастырь, переживший нашествие французов⁴, выполнял роль тюремного монастыря⁵, являлся одним из центров просветительской деятельности в Москве⁶. В начале XX в. при монастыре действовала небольшая церковная школа для мальчиков⁷. Наконец, уже в первые годы советского периода церковные власти планировали преобразовать эту обитель в один из миссионерских центров Москвы и России.

Так, в декабре 1918 г. рассматривался вопрос о передаче Московского Сретенского монастыря в ведение Северо-Американской православной миссии. Святейшим Патриархом Тихоном и Священным Синодом Православной Российской Церкви в постановлении от 23 декабря 1918 г. указывалось, что передача в ведение Северо-Американской православной миссии Московского Сретенского монастыря признается неудобной «в виду тех затруднений, какие от этого возникнут при настоящих обстоятельствах в жизни обители»⁸.

Была предпринята и другая попытка преобразования Московского Сретенского монастыря в миссионерскую обитель, она и является предметом рассмотрения в данной статье.

Настоятелем Сретенского монастыря в последние предреволюционные и первые революционные годы — с 1908 по 1919 гг. — являлся архимандрит Афанасий (Самбикин), сын архиепископа Казанского и Свяжского Димитрия (Самбикина)⁹. В 1918 г. отец Афанасий покинул обитель, отправившись в разрешенный отпуск, однако обратно по неизвестным причинам уже не вернулся.

На время отсутствия настоятеля церковные власти Москвы стали назначать в монастырь управляющих. Так, в феврале 1919 г. Московское епархиальное управление назначило управляющим Сретенским монастырем архимандрита Леонида (Скобева), впоследствии, к сожалению, одного из активных деятелей обновленческого движения¹⁰. Через полгода следующим управляющим Сретенской обителью становится архимандрит, впоследствии архиепископ Гурий (Степанов), который к этому времени был хорошо известен как крупный ученый и выдающийся миссионер¹¹. Именно при отце Гурии была предпринята очередная попытка преобразовать столичный, некогда заштатный монастырь в миссионерскую обитель. Свообразным

¹ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Т. 1. 1762–1772. СПб., 1910. С. 206.

² Иоанн (Лудищев), иером. История Сретенского монастыря в период от учреждения Святейшего Синода до 1786 г. // Сретенский сборник. Научные труды преподавателей СДС. 2010. Вып. 1. С. 226–227.

³ Скворцов Н., прот. Архив Московской Св. Синода Конторы. Материалы по Москве и Московской епархии за XVIII век. 2-й вып. М., 1914. С. 602.

⁴ РГИА. Ф. 832. Оп. 1. Д. 19. Л. 7–7 об.

⁵ Иоанн (Лудищев), иером. Материалы к изучению истории Сретенского монастыря // Сретенский сборник. 2010. Вып. 2. С. 281.

⁶ Там же. С. 391–393.

⁷ ЦИАМ. Ф. 1184. Оп. 2. Д. 15. Л. 6, 10.

⁸ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 8. Л. 175.

⁹ Биографический словарь выпускников Киевской духовной академии: 1819–1920-е гг.: Материалы из собрания проф. протоиерея Ф. И. Титова и архива КДА: в 4 т. Т. 3: Р — Я. К.: Издательский отдел Украинской Православной Церкви, 2019. С. 104.

¹⁰ Бовкало А. А. Леонид (Скобеев), еп. бывш. // Православная энциклопедия. Т. XL. М., 2015. С. 484–485.

¹¹ Зосима (Давыдов), еп. Гурий (Степанов), архиеп. // Православная энциклопедия. Т. XIII. М., 2006. С. 479–482.

Архиепископ Гурий (Степанов)

подготовительным этапом к этому послужили следующие события.

1 ноября 1918 г. Высшим церковным управлением был утвержден новый состав Миссионерского совета при Священном Синоде, во главе которого был поставлен митрополит Владимирский, впоследствии Патриарх Московский и всея Руси Сергей (Страгородский). Владыка Сергей уже занимал пост председателя Миссионерского Совета с 1913 по 1915 гг., сразу после его образования еще в синодальный период. 31 января 1919 г. председатель Миссионерского совета обратился к Святейшему Патриарху, Священному Синоду и Высшему церковному совету с просьбой «об увеличении числа членов Миссионерского Совета приглашением в его состав, применительно к ст. 43 Соборного определения о внутренней и внешней миссии, представителей от разных областей миссионерского дела»¹², поскольку «трехмесячный опыт существования Миссионерского Совета показал,

что установленный Высшим Церковным Управлением, в постановлении от 19 октября (1 ноября) 1918 г., состав сего Совета из пяти лиц представляется недостаточным для выполнения возложенных на Миссионерский Совет задач»¹³. С этой целью митрополит Сергей предложил «пригласить к участию в делах Совета на наступивший 1919 год: а) пребывающего ныне в Москве проректора Казанской Духовной Академии архимандрита Гурия, в качестве представителя от внешней миссии, б) бывшего настоятеля Нью-Йоркского кафедрального собора, ныне ключаря храма Христа Спасителя в Москве протоиерея Александра Хотовицкого, в качестве представителя от противокатолической и вообще противинославной миссии, в) Московского епархиального миссионера протоиерея Иоанна Полянского, в качестве представителя от противораскольнической миссии, и г) члена Священного Собора Николая Дмитриевича Кузнецова, в качестве представителя от церковно-общественных учреждений»¹⁴. Священноначалие не стало возражать и тогда же, 31 января 1919 г., утвердило всех четырех поименованных кандидатов в качестве полноправных членов Миссионерского совета¹⁵.

О том, какова была деятельность архимандрита Гурия в этом служении, можно судить по обстоятельствам события, произошедшего спустя полгода. Так, 3 июня 1919 г. отцу Гурию удалось зарегистрировать устав «Общества распространения христианства среди язычников» в Отделе юстиции Московского совета рабочих и красноармейских депутатов. Учитывая тот факт, что Церковь с января 1918 г. юридически была отделена от государства, это событие можно считать серьезнейшим успехом, даже несколько неожиданным, учитывая контекст и особенности складывавшихся церковно-государственных отношений. Трудно предположить, как действовало бы вновь образованное Общество, если бы оно было утверждено и церковной властью; какие шаги удалось бы предпринять его членам в деле развития миссии в сложнейшее для Русской Церкви время. Как минимум, это было бы значимым прецедентом в эпоху, когда все церковные структуры не только не признавались государством, но и всячески преследовались. Однако проблема заключалась в том, что данное

¹² РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 22. Л. 27.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. Л. 27 об.

¹⁵ Там же. Л. 28.

Общество, напрямую связанное с деятельностью Миссионерского совета, было образовано и утверждено без предварительных консультаций и переговоров с самим Советом.

В постановлении Святейшего Патриарха, Священного Синода и Высшего церковного совета Православной Российской Церкви от 27 июня 1919 г. указывалось, что членом Высшего Церковного Совета А. Г. Куляшевым был сделан доклад «по докладной записке товарища председателя Миссионерского совета при Священном Синоде архимандрита Гурия на имя Святейшего Патриарха о преподании благословения на открытие деятельности вновь учрежденного по его инициативе общества под названием “Общество распространения христианства среди язычников”»¹⁶.

В документе отмечалось, что «товарищ председателя Миссионерского Совета при Священном Синоде архимандрит Гурий, донося Святейшему Патриарху, что Отделом Юстиции Московского Совета Рабочих и Красноармейских Депутатов от 3 июня 1919 года зарегистрирован устав “Общества распространения христианства среди язычников”, представленный им, архимандритом Гурием, и что в настоящее время означенное Общество сорганизовалось при Иноческом Просветительском Братстве, избрав его, архимандрита Гурия, председателем Общества, протоиерея А. А. Хотовицкого и протоиерея Н. И. Смирнова товарищами председателя, Н. М. Ремизова — казначеем, иеромонаха Данилова монастыря Поликарпа — секретарем и заместителем Данилова монастыря архимандрита Герасима — членом Совета, испрашивает благословения Святейшего Патриарха на открытие деятельности указанного Общества»¹⁷.

В своем докладе член Высшего совета и Миссионерского совета А. Г. Куляшев объяснил, «что устав “Общества распространения христианства среди язычников” составлен архимандритом Гурием самостоятельно, без предварительного сношения с Миссионерским Советом, и представлен на регистрацию в Отдел Юстиции Московского Света Рабочих и Красноармейских депутатов также самостоятельно, без уведомления о сем Миссионерского Совета»¹⁸.

Также было отмечено, что «означенный устав ни одним параграфом не определяет своего отношения ни к Высшему Церковному Управлению вообще, ни к Миссионерскому Совету в частности»¹⁹.

При этом указывалось, что «в заседании Миссионерского Совета 28 мая (10 июня) с. г. архимандрит Гурий сообщил о регистрации устава, просил Миссионерский Совет исходатайствовать благословение Святейшего Патриарха на открытие действий названного Общества и на перенесение на него функций Православного Всероссийского Миссионерского Общества»²⁰.

После доклада архимандрита Гурия было принято следующее решение: «Миссионерский Совет, имея в виду, что устав Общества распространения христианства среди язычников составлен без всякого участия Миссионерского Совета, который впервые узнает о предстоящем открытии сего Общества из доклада архимандрита

Московский Сретенский монастырь
в начале XX в.

¹⁶ Там же. Д. 23. Л. 120.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Л. 120–120 об.

¹⁹ Там же. Л. 120 об.

²⁰ Там же.

Гурия, и что перенесение на него функций Всероссийского Миссионерского Общества соединено с большими практическими трудностями, признал какое-либо непосредственное участие Миссионерского Совета в открытии названного Общества нежелательным, предоставив архимандриту Гурию испросить на указанный предмет благословение Святейшего Патриарха непосредственно»²¹.

По всей видимости, упоминаемый устав «Общества распространения христианства среди язычников» разрабатывался среди ближайших учеников и сподвижников епископа Феодора (Поздеевского). Об этом свидетельствуют, прежде всего, названные представители Общества. Так, указанные насельники Даниловского монастыря — наместник архимандрит Герасим (Садковский)²² и иеромонах Поликарп²³ — были верными учениками владыки Феодора (Поздеевского).

К кругу владыки Феодора был близок и сам архимандрит Гурий. В июле 1917 г. он, будучи товарищем председателя Всероссийского съезда ученого монашества в Московской духовной академии, «поддержал идею Волоколамского еп. Феодора (Поздеевского) о создании Всероссийского иноческого церковно-просветительского братства и Высшей церковно-богословской школы при нем»²⁴.

В определении «О монастырях и монашествующих» Поместного Собора 1917–1918 гг. от 13 сентября 1918 г. Собор постановил создать иноческое Всероссийское церковно-просветительное братство для «объединения ученых иноков в целях плодотворного служения Церкви на различных поприщах церковно-просветительской деятельности и для братской взаимопомощи». При братстве должны были существовать академия, печатный орган, типография. Несмотря на сложности времени, часть этого постановления удалось реализовать — Данилов монастырь в Москве стал центром иноческого братства, где действовало высшее духовное учебное заведение²⁵. При этом братстве и было организовано, как сказано, «Общество распространения христианства среди язычников». Ранее, «в январе 1918 г., после декрета советской власти “Об отделении церкви от государства и школы от церкви”, архимандрит Гурий вместе с епископом Феодором (Поздеевским) составил проект устава Высшей церковно-богословской школы и принял деятельное участие в ее организации при Даниловом московском мужском монастыре»²⁶.

Примечательной является и личность священномученика протоиерея Александра Хотовицкого, вошедшего и в состав Миссионерского совета, и в состав вновь созданного «Общества распространения христианства среди язычников». В течение почти двадцати лет он нес служение в Алеутской и Североамериканской миссии, пройдя путь от второго псаломщика в Свято-Никольском приходе в Нью-Йорке до его настоятеля, протоиерея (в сан протоиерея он был возведен в 1901 г. архиепископом Алеутским и Северо-Американским Тихоном, будущим Патриархом)²⁷.

Итоговое решение Патриарха и Священного Синода, принятое 14 (27) июня 1919 г., было следующим: «Принимая во внимание, что новое Общество распространения христианства среди язычников, вызвано к жизни существующим у его учредителей предположением, будто деятельность Православного Всероссийского Миссионерского Общества, которое должно сосредотачивать в себе ближайшее заведывание делами внешней миссии, является в настоящее время, с точки зрения существующих постановлений центральной Советской власти недопустимой, между тем вполне твердых оснований

²¹ Там же.

²² См.: Р. П. Э. Данилов во имя преподобного Даниила столпника московский мужской монастырь. 1917–2007 // Православная энциклопедия. Т. XIII. М., 2007. С. 135–149.

²³ Там же.

²⁴ См.: Зосима (Давыдов), еп. Гурий (Степанов), архиеп.... С. 479–482.

²⁵ См.: Журавский А. В. Вопрос о Братствах православных на Поместном Соборе 1917–1918 гг. // Православная энциклопедия. Т. VI. М., 2003. С. 201–213.

²⁶ См.: Зосима (Давыдов), еп. Гурий (Степанов), архиеп.... С. 479–482.

²⁷ См.: Цыпин В. А., прот. Александр Александрович Хотовицкий // Православная энциклопедия. Т. I. М., 2000. С. 484–485.

к таковым предположениям не имеется, — предварительно выяснить вопрос о возможности возобновления деятельности Православного Всероссийского Миссионерского Общества, до исполнения чего отложить рассмотрение ходатайства архимандрита Гурия о преподавании благословения на открытие деятельности Общества распространения христианства среди язычников. Исполнение по настоящему постановлению возложить на Миссионерский Совет при Священном Синоде»²⁸. Дальнейшие события показали, что Общество, уже утвержденное гражданской властью, так и не было утверждено властью церковной и, разумеется, так и не приступило к исполнению своих обязанностей.

Однако довольно активная церковно-общественная деятельность отца Гурия в этот период обращает на себя внимание. В июле 1919 г. отец Гурий был назначен управляющим Сретенской обители и в этом звании управлял монастырем вплоть до августа того же года. Затем он был назначен настоятелем. За этот период патриарх Тихон дважды служил в Сретенском монастыре в дни престольных праздников в честь Владимирской иконы Пресвятой Богородицы — 6 июля и 8 сентября²⁹.

Скорее всего, именно в начале осени 1919 г. после возможных консультаций и некоторых переговоров на высшем церковном уровне было принято решение о преобразовании Сретенского монастыря в миссионерский. Так, уже 3 октября на заседании Священного Синода под председательством Патриарха Тихона был рассмотрен доклад Московского епархиального совета «о согласии на обращении Сретенского монастыря в миссионерский»³⁰. Тогда же был рассмотрен вопрос о пропавшем архимандрите Афанасии³¹, который решением Синода был уволен от должности настоятеля Московского Сретенского монастыря «в виду продолжительного неприбытия <...> из разрешенного ему в августе 1918 года отпуска»³². В документах 1920 г. как настоятель Сретенского монастыря подписывался уже архимандрит Гурий³³.

К сожалению, принятые решения и назначения не получили своего дальнейшего продолжения и развития. Уже в октябре 1919 г. отец Гурий был арестован и некоторое время находился в Бутырской тюрьме³⁴. После последовавшего вскоре освобождения, 8 февраля 1920 г., он был рукоположен во епископа Алатырского, викария Симбирской епархии. Однако после хиротонии он вынужденно оставался в Москве. Более того, со 2 апреля владыка Гурий управлял Московским Покровским монастырем, который с 1870 г. функционировал и был известен именно как миссионерская обитель.

Можно предположить, что к весне 1920 г. замысел о преобразовании Сретенского монастыря в миссионерский центр был оставлен священноначалием. Также представляется, что к этому времени специфика складывавшихся церковно-государственных отношений показала церковным властям, что активизация или даже простое продолжение дальнейшей миссионерской работы является делом трудным для исполнения. И речь уже шла не о развитии, а о максимально допустимом сохранении всего того, что имелось.

Последовавшие затем события, как видится, только подтвердили это. Летом 1920 г. последовал повторный арест и ссылка епископа Гурия. Дальнейший жизненный путь владыки больше уже не был связан со Сретенской обителью³⁵. Что же касается Сретенского монастыря, то его история продолжалась еще несколько лет, после чего в середине 1920-х гг. обитель была закрыта.

²⁸ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 23. Л. 120 об.–121.

²⁹ Казакевич А. Н., Э. П. Р. Московский в честь Сретения Владимирской иконы Божией Матери ставропигиальный мужской монастырь // Православная энциклопедия. Т. XLVII. М., 2017. С. 411.

³⁰ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 1. Л. 91.

³¹ Там же. Л. 92.

³² Там же. Д. 12. Л. 219.

³³ Иоанн (Лудищев), иером. История московского Сретенского монастыря: 1919–1923 гг. // Сретенский сборник. 2012. Вып. 3. С. 249.

³⁴ Зосима (Давыдов), еп. Гурий (Степанов), архиеп.... С. 480.

³⁵ См.: Иоанн (Лудищев), иером. Жизнеописание святителя Гурия (Степанова): 1919–1937 годы (по архивным материалам) // Сретенский сборник. Научные труды преподавателей СДС. 2013. Вып. 4. С. 204–255.

Источники и литература

1. Биографический словарь выпускников Киевской духовной академии: 1819–1920-е гг.: Материалы из собрания проф. протоиерея Ф. И. Титова и архива КДА: в 4 т. Т. 3: Р — Я. К.: Издательский отдел Украинской Православной Церкви, 2019. 640 с.
2. *Бовкало А. А.* Леонид (Скобеев), еп. бывш. // Православная энциклопедия. Т. XL. М., 2015. С. 484–485.
3. *Журавский А. В.* Вопрос о Братствах православных на Поместном Соборе 1917–1918 гг. // Православная энциклопедия. Т. VI. М., 2003. С. 201–213.
4. *Зосима (Давыдов), еп.* Гурий (Степанов), архиеп. // Православная энциклопедия. Т. XIII. М., 2006. С. 479–482.
5. *Иоанн (Лудищев), иером.* Жизнеописание святителя Гурия (Степанова): 1919–1937 годы (по архивным материалам) // Сретенский сборник. Научные труды преподавателей СДС. 2013. Вып. 4. С. 204–255.
6. *Иоанн (Лудищев), иером.* История московского Сретенского монастыря: 1919–1923 гг. // Сретенский сборник. 2012. Вып. 3. С. 245–326.
7. *Иоанн (Лудищев), иером.* История Сретенского монастыря в период от учреждения Святейшего Синода до 1786 г. // Сретенский сборник. Научные труды преподавателей СДС. 2010. Вып. 1. С. 171–254.
8. *Иоанн (Лудищев), иером.* Материалы к изучению истории Сретенского монастыря // Сретенский сборник. 2010. Вып. 2. С. 244–402.
9. *Казакевич А. Н., Э. П. Р.* Московский в честь Сретения Владимирской иконы Божией Матери ставропигиальный мужской монастырь // Православная энциклопедия. Т. XLVII. М., 2017. С. 406–416.
10. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Т. 1. 1762–1772. СПб., 1910.
11. *Р. П. Э.* Данилов во имя преподобного Даниила столпника московский мужской монастырь. 1917–2007 // Православная энциклопедия. Т. XIII. М., 2007. С. 135–149.
12. РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 1. Деяния (протоколы) Святейшего патриарха и Священного Синода. 1918–1920.
13. РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 12. Постановления патриарха и Священного Синода. 1919 г. Ч. IV.
14. РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 22. Постановления патриарха, Священного Синода и Высшего церковного совета. 1919 г. Ч. I.
15. РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 23. Постановления патриарха, Священного Синода и Высшего церковного совета. 1919 г. Ч. II.
16. РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 8. Постановления патриарха и Священного Синода. 1918 г. Ч. V.
17. РГИА. Ф. 832. Оп. 1. Д. 19. О монастырях и общинах в России. Московские монастыри в 1812 г.
18. *Скворцов Н. А., прот.* Архив Московской Св. Синода Конторы. Материалы по Москве и Московской епархии за XVIII век. 2-й вып. М., 1914. VIII, 811 с.
19. ЦИАМ. Ф. 1184. Оп. 2. Д. 15. Донесения настоятеля монастыря архимандриту о составе братии, приходской школы и о другом.
20. *Цыпин В. А., прот.* Александр Александрович Хотовицкий // Православная энциклопедия. Т. I. М., 2000. С. 484–485.

ВЕСТНИК ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ

Научный журнал

№ 1 (6)

2021

Священник Георгий Безик

Влияние военного командования и военного духовенства на воспитание личного состава Русской армии в Первой мировой войне

DOI 10.47132/2587-8425_2021_1_295

Аннотация: В статье рассматривается проблема влияния военного командования и православного военного духовенства на воспитание личного состава в историческом контексте. Актуальность проблемы обусловлена необходимостью решения ряда вопросов, способствующих объективному, беспристрастному и глубокому пониманию процессов становления и развития религиозной традиции, формирования духовного и нравственного воспитания военнослужащих, сохранения исторической памяти. *Предметом* статьи является специфика влияния военного командования и православного военного духовенства на воспитание личного состава Русской армии в Первой мировой войне; *объектом* — отношения православного военного духовенства и военнослужащих в годы Первой мировой войны. *Цель* статьи — выявить особенности отношений православного военного духовенства и военнослужащих, обуславливающих специфику влияния данных отношений на воспитание личного состава Русской армии в Первой мировой войне. В качестве *методов* исследования используются: анализ (сравнительный, синхронный и диахронный), интерпретация, конкретизация, обобщение, описание, исторический метод. *Новизна* исследования обусловлена тем, что проведен комплексный (учитывающий различные аспекты) анализ, в ходе которого установлено: влияние на воспитание военнослужащих обеспечивалось за счет целого ряда факторов, в том числе передачи особого культурно-генетического кода, раскрывающего православную культуру как бесценный духовный источник о жизни человека в прошлом, настоящем и будущем.

Ключевые слова: православное военное духовенство, воспитание личного состава, военное командование, Первая мировая война, русская армия, боевые действия.

Об авторе: Священник Георгий Иванович Безик

Кандидат военных наук, священник храма прп. Андрея Рублева в Раменках г. Москвы.

E-mail: bezikgeorgii@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5355-2787>

Ссылка на статью: Безик Г., священник. Влияние военного командования и военного духовенства на воспитание личного состава Русской армии в Первой мировой войне // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 1 (6). С. 295–307.

* Фотографии взяты из открытых источников и предоставлены автором.

**HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

Scientific Journal

No. 1 (6)

2021

Priest George Bezik

**Influence of the military command and military clergy
on the Education of the Russian Army personnel
in the First World War**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_1_295

Abstract: The article deals with the problem of the influence of the military command and the Orthodox military clergy on the education of personnel in the historical context. The urgency of the problem is due to the need to address a number of issues that contribute to an objective, impartial and deep understanding of the processes of formation and development of religious traditions, the formation of spiritual and moral education of military personnel, and the preservation of historical memory. The subject of the article is the specifics of the influence of the military command and the Orthodox military clergy on the education of the personnel of the Russian Army in the First World War; the object is the relationship of the Orthodox military clergy and military personnel during the First World War. The purpose of the article is to identify the features of the relations between the Orthodox military clergy and military personnel, which determine the specifics of the influence of these relations on the education of the personnel of the Russian Army in the First World War. The following research methods are used: analysis (comparative, synchronous, and diachronic), interpretation, concretization, generalization, description, and historical method. The novelty of the study is due to the fact that a comprehensive (taking into account various aspects) analysis was carried out, during which it was established that the influence on the education of military personnel was provided due to a number of factors, including the transfer of a special cultural and genetic code that reveals Orthodox culture as an invaluable spiritual source about human life in the past, present and future.

Keywords: Orthodox military clergy, personnel training, military command, World War I, Russian army, military operations.

About the author: **Priest George Ivanovich Bezik**

Candidate of Military Scienc.

E-mail: bezikgeorgii@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5355-2787>

Article link: Bezik G., priest. Influence of the military command and military clergy on the Education of the Russian Army personnel in the First World War. *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2021, no. 1 (6), pp. 295–307.

* Photographs supplied by the author.

Вступление

В теологии¹ существует целый ряд проблем, получивших особую актуальность в последнее время: одна из них находится на пересечении с военно-исторической наукой и связана с выявлением специфики влияния военного командования и православного военного духовенства на воспитание личного состава в историческом контексте. Обусловлен интерес к данной проблеме, в том числе, необходимостью решения вопросов, способствующих объективному, беспристрастному и глубокому пониманию процессов становления и развития религиозной традиции, формирования духовного и нравственного воспитания военнослужащих, а также сохранения исторической памяти (как одного из наиболее значимых на сегодняшний день вопросов, раскрывающих важность и ценность передачи исторических фактов подрастающему поколению²).

К тому же весьма существенным (в рамках рассматриваемой проблемы) является вопрос реабилитации православного военного духовенства, которое за годы существования Российского государства не раз было дискредитировано в глазах не только русского, но и западного общества. В частности, в XIX — начале XX вв. в России осуществлялась активная демонизация священников: представители духовенства становились объектом насмешек и издевательств. Высмеивание духовенства являлось распространенной темой журнальной сатиры: например, в «Новом Сатириконе» была опубликована карикатура, изображавшая стреляющего из пулемета священника с крестом в руке; в качестве пояснения под карикатурой было указано: «В дни революции много пулеметов стояло на колокольнях, откуда и обстреливался восставший народ»³. Бесспорно, понять место подобных образов православного духовенства в массовом сознании русского народа той эпохи и причины их (образов) возникновения можно, но при этом следует учитывать ряд факторов: духовный кризис дореволюционного общества, сложная экономическая и социальная ситуация в стране, значительное влияние западных стран на общие настроения народа и интеллигенции, желание общества идти по «новому» европейскому пути развития и т. д.⁴ Православное духовенство же практически всегда придерживалось исконных русских традиций (патриархальности и самодержавия; традиционной обрядности, использования в богослужениях церковнославянского языка; в мировоззрении — смиренного и безропотного принятия всех тягот и испытаний, как на уровне отдельно взятого человека, так и государства в целом, и др.), видимо, чем и «оттолкнуло» от себя «прогрессивную русскую интеллигенцию».

На сегодняшний день, в условиях, когда Русская Православная Церковь и государство отделены друг от друга и не вмешиваются в деятельность друг друга, как это было в России до начала XX в., весьма важно реабилитировать православное духовенство — полностью восстановить его добрую репутацию, что, безусловно, будет способствовать нахождению определенного баланса, при котором священнослужители,

¹ *Теология* (от греч. Θεός «Бог» + греч. Λόγος «слово; учение, наука») — систематическое изложение и истолкование какого-либо религиозного учения, догмата какой-либо религии, представленное в виде комплекса дисциплин, направленных на изучение, изложение, обоснование и защиту вероучения о Боге, Его деятельности в мире и Его Откровении, а также связанных с Ним учений о нравственных нормах и формах Богопочитания (См.: *Аверинцев С. С. Теология // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; Предс. научно-ред. совета В. С. Стёпин. Т. 4: Т-Я. М.: «Мысль», 2010. С. 35).*

² *Артемьева Е. С. Сохранение исторической памяти как актуальная проблема подрастающего поколения // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2017. № 2 (34). С. 107.*

³ *Акенов В. Народная религиозность и образы духовенства в годы Первой мировой войны и революции // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2019. Т. 37. № 1–2. С. 273–274.*

⁴ *Петрий П. В. Духовные ценности военнослужащих Российской армии: содержание, специфика формирования: учеб. пособие. М.: Воен. ун-т, 1998. С. 24.*

не утрачивая своей независимости, смогут «реализовать заказ на воспитание у военнослужащих духовно-нравственных качеств, традиционных для нашего Отечества»⁵.

Таким образом, возвращаясь к проблеме выявления специфики влияния военного командования и православного военного духовенства на воспитание личного состава, отметим ее многоаспектность и неоднозначность. В связи с этим считаем целесообразным рассмотреть данную проблему в контексте исторического периода Первой мировой войны, анализ которого (периода) обеспечивает раскрытие положительных и отрицательных сторон военного командования, изучение воспитательных мер и установок, которые применялись в ходе военных действий, исследование специфики мероприятий, проведенных православным военным духовенством с целью воспитания личного состава Русской армии, а также в целом определение роли и значения священников для духовного и нравственного воспитания военнослужащих в указанный исторический период. Актуальность проблемы в контексте сегодняшней ситуации также не вызывает сомнения: исследование специфики влияния военного командования и православного военного духовенства на воспитание личного состава Русской армии в Первой мировой войне представляет теологический, религиоведческий, этический, социальный, военно-исторический и, собственно, исторический интерес.

Представляя степень научной разработанности, отметим, что данная проблема рассматривалась многими современными учеными. Так, среди работ, в которых изучаются вопросы деятельности православного военного духовенства в годы Первой мировой войны, выделяются работы А. Голубева⁶, М. Ю. Горожаниной⁷, В. Р. Давлетшина⁸, Л. В. Жуковой⁹, М. И. Ивашко¹⁰, Н. П. Карцевой¹¹, А. А. Кострюкова¹², Т. Г. Леонтьевой¹³ и др. Проблемам духовно-нравственного и религиозного воспитания военнослужащих в годы Первой мировой войны посвящены исследования А. П. Белякова¹⁴, Л. В. Жуковой¹⁵, В. П. Иванова¹⁶, В. И. Пашкова¹⁷, С. Ю. Чимарова¹⁸ и др. Различные аспекты влияния православного военного духовенства на воспитание

⁵ Беляков А. П. Деятельность армейского и флотского духовенства по воспитанию духовных и нравственных качеств военнослужащих (на матер. армии и флота дореволюц. России XVIII — начала XX вв.): автореф. дисс. ... канд. педаг. наук: 13.00.01. Краснодар, 2017. С. 4.

⁶ Голубев А. Русская церковь в годы Первой мировой войны // URL: <http://diletant.ru/articles/19920498> (дата обращения 06.11.2020).

⁷ Горожанина М. Ю. Деятельность Православной Церкви в годы Первой мировой войны // Доклады Академии военных наук. 2006. № 5 (23). С. 255–264.

⁸ Давлетшин В. Р. Военное духовенство в России XVIII — начала XX века и его деятельность по морально-психологическому обеспечению охраны государственной границы: исторический анализ: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2004. 233 с.

⁹ Жукова Л. В. К вопросу об организации мест для богослужений на фронте в годы Первой мировой войны // Исторический журнал: науч. исследования. 2014. Т. 5. № 5. С. 584–591.

¹⁰ Ивашко М. И. Русская Православная Церковь и Вооруженные силы (XVIII — начало XX вв.): историографич. исследование. М.: Росс. акад. прав., 2004. 161 с.

¹¹ Карцева Н. П. Военное духовенство в национальных формированиях Русской армии в 1914–1917 годах // Вестник Пермского ун-та. Сер. История. 2014. № 3 (26). С. 143–148.

¹² Кострюков А. А. Подвиг русского военного духовенства в годы Первой мировой войны // Журнал Московской Патриархии. 2014. № 7. С. 66–72.

¹³ Леонтьева Т. Г. Православное духовенство в годы Первой мировой войны // Россия и современный мир. 2014. № 2 (83). С. 104–119.

¹⁴ Беляков А. П. Духовно-нравственное воспитание военнослужащих в дореволюционной России. СПб.: АППО, 2013. 252 с.

¹⁵ Жукова Л. В. Икона на войне (по матер. Русско-японской и Первой мировой войн) // Исторический журнал: науч. исследования. 2014. Т. 6. № 6. С. 693–710.

¹⁶ Иванов В. П. Становление и развитие системы религиозного воспитания военнослужащих русской армии (XVIII — начало XX века): монография. М.: Ин-т эконо. и культ., 2013. 322 с.

¹⁷ Пашков В. И. Традиции духовно-нравственного воспитания военнослужащих в русской армии конца XIX — начала XX в.: дисс. ... канд. педаг. наук: 13.00.01. М., 2013. 235 с.

¹⁸ Чимаров С. Ю. Русская Православная Церковь и религиозно-нравственное воспитание личного состава армии и флота: 1800–1917 гг.: автореф. дисс. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. СПб., 1999. 44 с.

военнослужащих затрагиваются в работах А. Л. Акулич — возможности психологического влияния¹⁹; А. Г. Баимова — социальные препятствия на пути становления²⁰; В. И. Веремчук — институциональный уровень взаимодействия духовенства и личного состава²¹; К. В. Самохина — с точки зрения духовной модернизации России²² и др.

Таким образом, вопрос воспитания военнослужащих в историческом контексте достаточно активно прорабатывался многими учеными. В то же время проблема выявления специфики влияния военного командования и православного военного духовенства на воспитание личного состава Русской армии в Первой мировой войне на сегодняшний день пока не нашел достойного отражения в работах современных теологов, религиоведов, историков, поэтому целесообразно рассмотреть данную проблему более детально.

Все вышеизложенное и обусловило выбор предмета / объекта исследования, а также постановку цели данной статьи: *предметом* является специфика влияния военного командования и православного военного духовенства на воспитание личного состава Русской армии в Первой мировой войне; *объектом* — отношения православного военного духовенства и военнослужащих в годы Первой мировой войны. *Цель* статьи — выявить особенности отношений православного военного духовенства и военнослужащих, обуславливающих специфику влияния данных отношений на воспитание личного состава Русской армии в Первой мировой войне. Достижение заявленной цели предполагает использование как общенаучных, так и специальных *методов* исследования, среди которых следует выделить: 1) анализ научно-теоретической и учебно-методической литературы по теме исследования; 2) метод понятийного анализа (анализ, интерпретация, конкретизация, обобщение). В исследовании также применены методы синхронного и диахронного анализа исторических и научных фактов, исторический метод, метод сравнительного анализа, описательный метод и т. д.

Основная часть

Отношения православного военного духовенства и военнослужащих в годы Первой мировой войны определялись многими факторами: историческими событиями, реформами²³, общим состоянием военного духовенства, отношением русских солдат и русских офицеров к священникам, религии, вере в Бога. Осложнялись отношения и за счет того, что, с одной стороны, назревал духовный кризис в обществе, появлялись достаточно острые проблемы, связанные с корпоративной сплоченностью в военном духовном ведомстве, единением с паствой и взаимопониманием со светской властью; с другой — менялись представления относительно самой веры в Бога и целесообразности существования института военных священников вообще. Так, например, если на рубеже XIX–XX вв. сложно было представить русского солдата-атеиста, и слова «За Веру, Царя и Отечество» имели особое значение и, безусловно, подразумевали не только воинское послушание или повиновение²⁴, то к концу Первой мировой войны (к 16–18 гг. XX в.) все чаще в обществе возникали призывы

¹⁹ Акулич А. Л. Возможности психологического влияния православия на личностный смысл боевой деятельности офицера: дисс. ... канд. психол. наук: 19.00.14. М., 1996. 215 с.

²⁰ Баимов А. Г. Военное духовенство: социальные препятствия на пути становления // Социодинамика. 2017. Т. 12. № 12. С. 20–26.

²¹ Веремчук В. И. Взаимодействие военной службы и религии на институциональном уровне управления: Социологический анализ: автореф. дисс. ... д-ра социол. наук: 22.00.08. М., 2006. 44 с.

²² Самохин К. В. Первая мировая война и духовная модернизация России (с исп. матер. по тамбовск. крестьянству) // Политика и Общество. 2015. Т. 10. № 10. С. 1313–1326.

²³ Последняя крупная реформа была осуществлена в 1890 г.; 12 июня 1890 г. принято «Положение об управлении церквями и военным духовенством», в соответствии с которым была организована структура православного военного духовенства, сохранившая (структура) свое существование до 1917 г.

²⁴ Кострюков А. А. Военное духовенство и развал армии в 1917 году // Церковь и время. 2005. № 2 (31). С. 145.

Православное военное духовенство в годы Первой мировой войны

к упразднению института военных священников, и даже среди большинства приходских священнослужителей, считавших своих военных собратьев «белой костью», престиж армейских священников также был невысок²⁵. Хотя военное командование, сознавая значимость данного института для воспитания личного состава, пыталось поддерживать его престиж, однако, как отмечает митрополит Вениамин (Федченков), офицерское сообщество упорно не хотело признавать «попов» равными в сложившейся армейской иерархической структуре²⁶.

В годы Первой мировой войны иерархическая структура православного военного духовенства представляла собой четко сложенную и стройную организацию и включала в себя несколько основных уровней: 1) протопресвитер военного и морского духовенства; 2) главные священники округов, куда входили дивизионные благочинные, местные благочинные, бригадные благочинные, гарнизонные благочинные и корпусные благочинные; 3) полковые священники и госпитальные священники²⁷. Соответственно, в качестве начальствующего лица выступал протопресвитер военного и морского духовенства, который назначался с согласия императора по представлению главнокомандующего и военного министра, ходатайствовавшего перед Св. Синодом о назначении. Протопресвитер приравнивался к архиепископу в духовном мире: по делам церковного управления он получал указания только от Св. Синода, по делам военного ведомства — от военного министра²⁸.

Всего, по данным, представленным С. Л. Фирсовым, к 1913–1914 гг. военно-духовное ведомство включало в себя около 730 священников и 150 диаконов; за годы войны

²⁵ Леонтьева Т. Г. Православное духовенство в годы Первой мировой войны... С. 104.

²⁶ Вениамин (Федченков), митр. На рубеже двух эпох. М.: Изд-во «Правило веры», 2004. С. 320.

²⁷ Утигенова А. Р. Военное духовенство на фронтах Первой мировой войны // Всероссийский конкурс на лучшую работу по русской истории «Наследие предков — молодым». URL: <https://ist-konkurs.ru/raboty/2014/1531-voennoe-dukhovenstvo-na-frontakh-pervoj-mirovoj-vojny> (дата обращения 06.11.2020).

²⁸ Поляков Г., прот. Военное духовенство России. М.: ТИИЦ, 2002. С. 278.

число священнослужителей существенно увеличивалось (до пяти с лишним тысяч человек) за счет того, что были мобилизованы на фронт священники из епархий²⁹. Все это не могло не оказать определенного влияния на специфику религиозного воспитания личного состава Русской армии. Именно в данный период, когда возросла острая необходимость введения особого религиозно-нравственного и патриотического подхода к воспитанию военнослужащих, православное военное духовенство наиболее активно начинает проводить воспитательную работу с личным составом по месту прохождения воинской службы (и именно в годы Первой мировой войны институт православного военного духовенства достигает наивысшей точки своего развития). В этом смысле особый интерес вызывает конкретный исторический период: 1916 г., когда была проведена одна из важнейших военных операций, называемая «Брусиловский прорыв» (22 мая — 7 сентября 1916 г.)³⁰, в ходе которой войскам русского Юго-Западного фронта удалось перейти в наступление, сумев прорвать оборону противника в глубину более чем на 70 км³¹. Данная военная операция позволила Русской армии переломить весь ход Первой мировой войны: стратегическая инициатива перешла от Германии и Четверного союза к Антанте.

Влияние военного духовенства на формирование определенных мировоззренческих взглядов личного состава Русской армии в ходе проведения операции «Брусиловский прорыв» в Первой мировой войне было очевидным. Основной акцент в воспитательной работе ставился на формировании духовно-нравственных качеств военнослужащих, способствующих развитию основ государственно-гражданской и национально-гражданской идентичности и определенного мировоззрения и мировосприятия, осуществлению духовно-нравственного развития и воспитания военных, которое предполагает принятие ими моральных норм, нравственных установок, духовных и национальных ценностей, осуществлению работы по укреплению физического и духовного здоровья. При этом воспитательная работа военного духовенства и военного командования в этот период была направлена на становление целого ряда личностных характеристик военнослужащих: любовь к царю, Отчизне, своей маленькой Родине (селу, городу), народу, родным; уважение и принятие ценностей государства и общества; готовность самостоятельно действовать и отвечать за свои поступки не только перед военным командованием, но и всем обществом (народом); полное и безоговорочное послушание и подчинение вышестоящим военным начальникам и др. Таким образом, весь воспитательный процесс личного состава в данный исторический период можно было свести к фразе «За Веру, Царя и Отечество», где вера (церковь, священники, Бог) была напрямую связана с царем и Отечеством, как на физическом, так и трансцендентном уровнях.

Но поскольку военные действия (как наступательного, так и оборонительного характера) связаны с огромным количеством стрессогенных факторов³², не всегда воспитательная работа, проводимая православным военным духовенством, имела положительный результат. В указанный исторический период у большого количества военнослужащих все же отмечался низкий уровень мотивации к принятию тех догм и истин, о которых говорили военные священники. Некоторые военнослужащие, испытывавшие на себе эмоциональные, душевные и психологические потрясения

²⁹ Фирсов С. Л. Православная Церковь и государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России. СПб., 1996. С. 550.

³⁰ Наименование «Брусиловский прорыв» эта военная операция получила лишь в советский период, по одному из авторов плана операции по наступлению — генералу А. А. Брусилову. Изначально операция называлась «Луцкий прорыв» или «Калединский прорыв»: от направления главного удара — город Луцк (современный областной центр Волынской обл. Украины); командовал наступлением на Луцк генерал А. Каледин, который впоследствии стал одним из основателей Белого движения на Дону.

³¹ Брусиловский прорыв // История России. URL: <https://istoriarusi.ru/imper/brusilovskiy-proriv-1916.html> (дата обращения 06.11.2020).

³² Стрессогенные факторы — факторы, вызывающие или стимулирующие стресс.

Наступательная операция Юго-Западного фронта Русской армии летом 1916 г.

но-нравственных ценностей и оправданности результатов военно-наступательной или военно-оборонительной деятельности.

Таким образом, в качестве основного критерия влияния военного командования и православного военного духовенства на воспитание личного состава Русской армии следует выделить мировоззренческую характеристику военнослужащих, которая (характеристика) складывалась не только из тех знаний и религиозного опыта, которые священники передавали своим «воспитанникам», но и ряда факторов: 1) чрезмерных физических и психоэмоциональных нагрузок, связанных с непредсказуемостью военных действий; 2) необходимости преодолевать разные боевые трудности, которые осложняли (и зачастую калечили) жизнь человека; 3) необходимости беспрекословно выполнять приказы военного командования, иметь мужество и стойкость даже перед лицом смерти выполнить задачи, поставленные командованием; 4) непрерывного нервно-психического напряжения, вызываемого длительным нахождением в тяжелой среде; 5) постоянных угроз жизни и здоровью, отрицательных эмоциональных воздействий; 6) необходимости концентрировать свое внимание, быть бдительным, постоянно контролировать и следить за развитием тех или иных ситуаций в рамках боевых действий. Все это, безусловно, оказывало определенное воздействие на специфику формирования мировоззренческих (духовно-религиозных) установок личного состава Русской армии в Первой мировой войне.

Специфика влияния военного командования и православного военного духовенства на воспитание личного состава Русской армии обусловлена и тем, что религиозные знания и опыт, передаваемые священниками, несли в себе особый

(побывавшие в плену или получившие ранения), нуждались в других, более «действенных» (на их взгляд) мерах реабилитации³³: достаточном количестве пищи, необходимых средствах защиты и нападения (оружие, одежда), достойном отношении со стороны командующего состава, должном медицинском оснащении, а также «средствах увеселения» (табак, алкоголь и др.).

Тем не менее, определенная динамичность и напряженность боевых действий, осуществляемых почти полгода в рамках военной операции «Брусиловский прорыв», требовали кардинальных изменений в духовно-нравственном облике военнослужащих. Соответственно, поскольку рассматриваемая проблема включает *деонтологические* аспекты³⁴, то реализация воспитательной работы, направленной на личный состав Русской армии, могла происходить только в глубоком понимании своего священного долга перед Богом, царем и Родиной, с высокой нравственно-этической ответственностью за судьбы людей, с позиции духовно-

³³ Пашков В. И. Традиции духовно-нравственного воспитания военнослужащих в русской армии конца XIX — начала XX в.... С. 117.

³⁴ Деонтология (от др.-греч. δέον «должное») — наука о проблемах морали и нравственности, раздел этики. Зачастую данную науку именуют этикой долга или долженствования, либо этической системой, базирующейся на правилах поведения, так как именно они лежат в основе понятия долга (См.: Максимов Л. В. Деонтология // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-научн. фонд; под ред. В. С. Стёпина. 2-е изд., испр. и допол. М.: Мысль, 2010. С. 216).

Совершение богослужений в годы Первой мировой войны

культурно-генетический код (речь идет об особых признаках принадлежности к русской религиозной культуре), что представляется весьма важным и значительным в контексте развития как национальной, так и общемировой идеи спасения человечества. Именно религиозная культура представляла собой бесценный духовный источник о жизни человека в прошлом, настоящем и будущем, а также о ее (культуре) изменениях на фоне динамики социально-экономических и военных условий. При этом религиозную культуру в целом, а также ее отдельные элементы имеет смысл рассматривать в рамках не только конкретного исторического факта (в частности, «Брусиловского прорыва»), но и понимания того, как она отразилась на мировоззрении народа, его самоидентификации, религиозной и социальной принадлежности³⁵. Безусловно, стремительно происходящие в данный исторический период мировоззренческие изменения деструктивно влияли на социальную структуру народа, приводя, тем самым, к духовному кризису. Нивелирование различий между мировоззрением военного командования и мировоззрением личного состава Русской армии приводило к обострению чувства неуверенности в правильности происходящего, «нормальности» жизни в тяжелых военных условиях, что стимулировало необходимость обращения к такому древнему способу общественной организации, каким являлась религиозная идентичность³⁶, опирающаяся на базовые христианские ценности и идеи.

Одним из средств формирования религиозной идентичности личного состава Русской армии, среди прочих, выступала религиозная обрядовая культура, при помощи которой осуществлялся процесс передачи уже ранее упомянутых «культурно-генетических кодов», содержащих важную духовную информацию, регламентирующую поведение человека не только в мирное время, но и в ходе осуществления военных

³⁵ Давлетшин В. Р. Военное духовенство в России XVIII — начала XX века и его деятельность по морально-психологическому обеспечению охраны государственной границы: исторический анализ... С. 76.

³⁶ Религиозная идентичность представляет собой форму коллективного и индивидуального самосознания, которая образована на основе принадлежности к определенной религии и которая формирует представления о себе и мире при помощи определенных религиозных догм (См.: Крылов А. Н. Религиозная идентичность. Индивидуальное и коллективное самосознание в постиндустриальном пространстве. 3-е изд, доп. и перераб. М.: Изд-во ИКАР, 2014. С. 223).

Благословение солдат на жертвенный подвиг перед боем в годы Первой мировой войны

действий. Религиозная обрядовая культура, транслируемая военным духовенством в годы Первой мировой войны в рамках проведения и организации разного рода богослужений, являла собой некий инструмент, позволяющий формировать межличностные отношения между участниками военных действий (военным командованием и его личным составом), обеспечивающий эффективность совместных действий, придавая им (действиям) определенный смысл, задавая ориентир на духовные и нравственные ценности, регулирующие процессы религиозной идентичности³⁷. Данный инструмент, по сути своей, был предназначен для регулирования поведения каждого военнослужащего в ходе военных действий: принимая свою принадлежность к конкретной культурной группе, военнослужащий одновременно принимал и разделял принятые в данной группе поведенческие стереотипы, нравственные требования и запреты, ценностные и духовные установки³⁸.

Феномен религиозной идентичности личного состава Русской армии довольно сложен и включает в себя массу разнообразных элементов, что позволяет при описании и категоризации его опираться на различные основания, среди которых: 1) основание религиозной принадлежности — военнослужащий воспринимал себя частью религиозной общности, с которой проживает на одной территории; 2) основание социокультурной принадлежности — воспринималось военнослужащим как определенный способ организации жизни, где традиции, обряды, модели поведения транслируются православным военным духовенством; 3) основание языковой общности — в языке отображаются тонкие особенности картины мира; однако здесь речь идет не только о русском языке как таковом, но и о церковнославянском,

³⁷ *Беляков А. П.* Деятельность армейского и флотского духовенства по воспитанию духовных и нравственных качеств военнослужащих (на матер. армии и флота дореволюц. России XVIII — начала XX вв.)... С. 11.

³⁸ *Самохин К. В.* Первая мировая война и духовная модернизация России... С. 1317.

позволяющем «выстроить» (или воссоздать) особое религиозное и духовное пространство³⁹. В соответствии с данными основаниями можно установить, что формирование религиозной идентичности было первостепенной задачей православного военного духовенства, поскольку оно было направлено на решение ряда вопросов, связанных с потребностью человека в понимании себя, с объяснением, для чего он находится здесь, в этих тяжелых условиях. При этом под религиозной идентичностью следует понимать не только отождествление военнослужащими себя с религиозной группой, но и представления о ней (группе) и ее характерных признаках (территории, языке, культуре, интересах), а также аффективно окрашенное отношение к этим представлениям и готовность решительно действовать (защищать, атаковать) во имя них.

Рассматривая особенности отношений православного военного духовенства и военнослужащих, обуславливающих специфику влияния данных отношений на воспитание личного состава Русской армии, следует также отметить, что транслируемая священниками в годы Первой мировой войны религиозная обрядовая культура несла в себе не только духовно-нравственные ценности, нормы, исторически сложившиеся и закрепившиеся способы восприятия действительности с точки зрения христианской культуры, но и объясняла значение коллективных обрядовых действий, что, бесспорно, способствовало сплочению личного состава Русской армии, появлению у военнослужащих чувства принадлежности и сопричастности чему-то большому и важному, имеющему особый ритуальный смысл⁴⁰. Конкретные исторические условия, в которых совершались коллективные обрядовые действия, определяли значимость всей воспитательной работы военного духовенства и ее (работы) ценностно-смысловой нагрузки⁴¹. При этом основной задачей для духовенства было сохранение потребности личного состава Русской армии в наполненном смыслами коллективном действии, в возможности ощутить себя патриотом, имеющим возможность влиять на происходящие события в своем Отечестве. Соответственно, участие в различных религиозных обрядовых практиках способствовало формированию в каждом военнослужащем ценностно-нормативного стержня, основы, регулирующей его поведение в настоящем и будущем.

Заключение

Таким образом, рассмотрев общую специфику влияния военного командования и православного военного духовенства на воспитание личного состава Русской армии в Первой мировой войне, можно установить, что отношения между военными священниками и военнослужащими определялись историческими событиями, реформами, общим состоянием военного духовенства, отношением русских солдат и русских офицеров к священникам, религии, вере в Бога. Кроме того, особую роль играла мотивация к принятию тех догм и истин, о которых говорили военные священники, коей (мотивации) не всегда хватало военнослужащим, постоянно испытывающим на себе тяжелые эмоциональные, душевные и психологические потрясения. В качестве основного критерия влияния военного командования и православного военного духовенства на воспитание личного состава Русской армии была выделена мировоззренческая характеристика военнослужащих, которая складывалась не только из тех знаний и религиозного опыта, которые священники передавали своим «воспитанникам», но и ряда факторов, оказывающих определенное воздействие на специфику формирования мировоззренческих (духовно-религиозных) установок военнослужащих в Первой мировой войне: 1) чрезмерных физических и психоэмоциональных нагрузок, связанных с непредсказуемостью военных действий; 2) необходимости

³⁹ Чимаров С. Ю. Русская Православная Церковь и религиозно-нравственное воспитание личного состава армии и флота: 1800–1917 гг.... С. 35.

⁴⁰ Иванов В. П. Становление и развитие системы религиозного воспитания военнослужащих Русской армии (XVIII – начало XX века)... С. 217.

⁴¹ Фирсов С. Л. Православная Церковь и государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России... С. 335.

преодолевать разные боевые трудности, которые осложняли (и зачастую калечили) жизнь человека; 3) необходимости беспрекословно выполнять приказы военного командования, иметь мужество и стойкость даже перед лицом смерти выполнить задачи, поставленные командованием и т. д.

Особенности влияния на воспитание военнослужащих определялись в том числе и тем, что знания и опыт христианской жизни, передаваемые военным духовенством, несли в себе особый культурно-генетический код, раскрывающий религиозную обрядовую культуру как бесценный духовный источник о жизни человека в прошлом, настоящем и будущем (не только в мирное время, но и в ходе осуществления военных действий). Религиозная обрядовая культура представляла собой инструмент, позволяющий обеспечивать межличностные отношения между участниками военных действий, обеспечивающий эффективность совместных действий, придавая им (действиям) определенный смысл, задавая ориентир на духовные и нравственные ценности, регулирующие процессы религиозной идентичности. Формирование религиозной идентичности было первостепенной задачей православного военного духовенства, поскольку оно было направлено на решение ряда вопросов, связанных с потребностью человека в понимании себя, с объяснением, для чего он находится здесь, в этих тяжелых условиях. Коллективные обрядовые действия определяли значимость всей воспитательной работы военных священников и ее (работы) ценностно-смысловой нагрузки: важным было сохранение потребности личного состава Русской армии в наполненном смыслами коллективном действии, в возможности ощутить себя патриотом, имеющим возможность влиять на происходящие события в своем Отечестве.

Источники и литература

1. *Аверинцев С. С.* Теология // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; Предс. научно-ред. совета В. С. Стёпин. Т. 4: Т-Я. М.: «Мысль», 2010.
2. *Аксенов В.* Народная религиозность и образы духовенства в годы Первой мировой войны и революции // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2019. Т. 37. № 1–2. С. 272–303. DOI: 10.22394/2073-7203-2019-37-1/2-272-303.
3. *Акулич А. Л.* Возможности психологического влияния православия на личностный смысл боевой деятельности офицера: дисс. ... канд. психол. наук: 19.00.14. М., 1996. 215 с.
4. *Артемьева Е. С.* Сохранение исторической памяти как актуальная проблема подрастающего поколения // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2017. № 2 (34). С. 106–110.
5. *Баимов А. Г.* Военное духовенство: социальные препятствия на пути становления // Социодинамика. 2017. Т. 12. № 12. С. 20–26. DOI: 10.25136/2409-7144.2017.12.24933.
6. *Беляков А. П.* Деятельность армейского и флотского духовенства по воспитанию духовных и нравственных качеств военнослужащих (на матер. армии и флота дореволюц. России XVIII – начала XX вв.): автореф. дисс. ... канд. педаг. наук: 13.00.01. Краснодар, 2017. 24 с.
7. *Беляков А. П.* Духовно-нравственное воспитание военнослужащих в дореволюционной России. СПб.: АППО, 2013. 252 с.
8. *Брусиловский прорыв* // История России. URL: <https://istoriarusi.ru/imper/brusilovskiy-proriv-1916.html> (дата обращения 06.11.2020).
9. *Вениамин (Федченков), митр.* На рубеже двух эпох. М.: Изд-во «Правило веры», 2004. 841 с.
10. *Веремчук В. И.* Взаимодействие военной службы и религии на институциональном уровне управления: Социологический анализ: автореф. дисс. ... д-ра социол. наук: 22.00.08. М., 2006. 44 с.

11. Голубев А. Русская церковь в годы Первой мировой войны // URL: <http://diletant.ru/articles/19920498> (дата обращения 06.11.2020).
12. Горожанина М.Ю. Деятельность Православной Церкви в годы Первой мировой войны // Доклады Академии военных наук. 2006. № 5 (23). С. 255–264.
13. Давлетишин В.Р. Военное духовенство в России XVIII — начала XX века и его деятельность по морально-психологическому обеспечению охраны государственной границы: исторический анализ: дисс. ... канд. истор. наук: 07.00.02. М., 2004. 233 с.
14. Жукова Л.В. Икона на войне (по матер. Русско-японской и Первой мировой войн) // Исторический журнал: науч. исследования. 2014. Т. 6. № 6. С. 693–710. DOI: 10.7256/2222-1972.2014.6.14892.
15. Жукова Л.В. К вопросу об организации мест для богослужений на фронте в годы Первой мировой войны // Исторический журнал: науч. исследования. 2014. Т. 5. № 5. С. 584–591. DOI: 10.7256/2222-1972.2014.5.14667.
16. Иванов В.П. Становление и развитие системы религиозного воспитания военнослужащих русской армии (XVIII — начало XX века): монография. М.: Ин-т эконом. и культ., 2013. 322 с.
17. Ивашко М.И. Русская Православная Церковь и Вооруженные силы (XVIII — начало XX вв.): историографич. исследование. М.: Росс. акад. прав., 2004. 161 с.
18. Карцева Н.П. Военное духовенство в национальных формированиях Русской армии в 1914–1917 годах // Вестник Пермского ун-та. Сер. История. 2014. № 3 (26). С. 143–148.
19. Кострюков А.А. Подвиг русского военного духовенства в годы Первой мировой войны // Журнал Московской Патриархии. 2014. № 7. С. 66–72.
20. Кострюков А.А. Военное духовенство и развал армии в 1917 году // Церковь и время. 2005. № 2 (31). С. 143–198.
21. Крылов А.Н. Религиозная идентичность. Индивидуальное и коллективное самосознание в постиндустриальном пространстве. 3-е изд. доп. и перераб. М.: Изд-во ИКАР, 2014. 356 с.
22. Леонтьева Т.Г. Православное духовенство в годы Первой мировой войны // Россия и современный мир. 2014. № 2 (83). С. 104–119.
23. Максимов Л.В. Деонтология // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-научн. фонд; под ред. В.С. Стёпина. 2-е изд., испр. и допол. М.: Мысль, 2010.
24. Паишков В.И. Традиции духовно-нравственного воспитания военнослужащих в русской армии конца XIX — начала XX в.: дисс. ... канд. педаг. наук: 13.00.01. М., 2013. 235 с.
25. Петрий П.В. Духовные ценности военнослужащих Российской армии: содержание, специфика формирования: учеб. пособие. М.: Воен. ун-т, 1998. 64 с.
26. Поляков Г., прот. Военное духовенство России. М.: ТИИЦ, 2002. 536 с.
27. Самохин К.В. Первая мировая война и духовная модернизация России (с исп. матер. по тамбовск. крестьянству) // Политика и Общество. 2015. Т. 10. № 10. С. 1313–1326. DOI: 10.7256/1812-8696.2015.10.12720.
28. Утигенова А.Р. Военное духовенство на фронтах Первой мировой войны // Всероссийский конкурс на лучшую работу по русской истории «Наследие предков — молодым». URL: <https://ist-konkurs.ru/raboty/2014/1531-voennoe-dukhovenstvo-na-frontakh-pervoj-mirovoj-voynu> (дата обращения 06.11.2020).
29. Фирсов С.Л. Православная Церковь и государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России. СПб., 1996. 660 с.
30. Чимаров С.Ю. Русская Православная Церковь и религиозно-нравственное воспитание личного состава армии и флота: 1800–1917 гг.: автореф. дисс. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. СПб., 1999. 44 с.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 1 (6)

2021

Д. А. Карпук

**Материальное положение
научно-богословских журналов
духовных академий
в начале XX столетия**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_1_308

Аннотация: В статье на основании впервые вводимых в научный оборот данных рассматривается история издания и положение научно-богословских журналов четырех духовных академий Российской империи в последние предреволюционные годы. После 1905 г., вследствие ослабления цензурных ограничений, происходит оживление и рост в том числе и церковной периодической печати. Безусловно, это приводит к конкуренции, которую духовно-академические журналы по целому ряду причин не выдерживают, что влечет за собой уменьшение числа подписчиков, тиражей и, как результат, доходов. Увеличивающиеся же расходы ставят журналы духовных академий на грань банкротства и закрытия. В сложившихся условиях периодическим изданиям, являвшимся флагманами отечественной богословской науки, помочь мог только Св. Синод, который пусть и не сразу, но все же вступил на путь оказания систематической государственной материальной помощи духовно-богословским журналам.

Ключевые слова: Святейший Синод, Хозяйственное управление, Санкт-Петербургская духовная академия, Московская духовная академия, Киевская духовная академия, Казанская духовная академия, «Христианское чтение», «Богословский вестник», «Труды Киевской духовной академии», «Православный собеседник».

Об авторе: **Дмитрий Андреевич Карпук**

Кандидат богословия, доцент кафедры церковной истории Санкт-Петербургской духовной академии, главный редактор «Вестника Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии».

E-mail: vsbdba@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3054-387X>

Ссылка на статью: Карпук Д. А. Материальное положение научно-богословских журналов духовных академий в начале XX столетия // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 1 (6). С. 308–324.

**HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

Scientific Journal

No. 1 (6)

2021

D. A. Karpuk

**The Financial Situation
of the Scholarly and Theological Journals
of the Theological Academies
at the Beginning of the 20th Century**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_1_308

Abstract: The author of the article examines, on the basis of new archival data, the history of the publication and the status of the scholarly and theological journals of the four theological academies of the Russian Empire in the last pre-revolutionary years. The years following 1905, due to the weakening of censorship restrictions, witnessed a revival and growth of the press, including of church periodicals. This in turn led to competition, which theological and academic journals could not withstand for a number of reasons, and thus entailed a decrease in the number of subscribers, circulation and, as a result, income. Increasing costs pushed the journals of the theological academies to the brink of bankruptcy and closure. Under these conditions, the periodicals, which were the flagships of Russian theological science, could only be helped by the Holy Synod, which, albeit not immediately, but nevertheless entered on the path of providing systematic state material assistance to the theological journals.

Keywords: Holy Synod, Economic Administration of the Holy Synod, St. Petersburg Theological Academy, Moscow Theological Academy, Kiev Theological Academy, Kazan Theological Academy, Khristianskoe chtenie, Bogoslovskii vestnik, Trudy Kievskoi dukhovnoi akademii, Pravoslavnyi sobesednik.

About the author: Dmitry Andreevich Karpuk

Candidate of Theology, Associate Professor of Church History at St. Petersburg Theological Academy, Editor-in-Chief of the Bulletin of the Historical Society of St. Petersburg Theological Academy.

E-mail: vspbda@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3054-387X>

Article link: Karpuk D. A. The Financial Situation of the Scholarly and Theological Journals of the Theological Academies at the Beginning of the 20th Century. *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2021, no. 1 (6), pp. 308–324.

У каждой из четырех духовных академий в синодальный период был свой научно-богословский¹ журнал: в Санкт-Петербургской — «Христианское чтение» (вышел с 1821 г.), в Московской — сначала «Прибавления к изданию Творений святых отцов» (в 1843–1865, 1871–1872, 1880–1891 гг.)², потом «Богословский вестник» (в 1892–1918 гг.)³, в Киевской — «Труды Киевской духовной академии» (в 1860–1917 гг.)⁴, в Казанской — «Православный собеседник» (в 1855–1917 гг.)⁵. Вне всякого сомнения, эти периодические издания являлись флагманами отечественной богословской науки в XIX–XX вв., несмотря на то, что выходили и другие журналы — такие как, например, «Вера и разум», «Странник», — которые также активно публиковали на своих страницах научно-богословские и церковно-исторические статьи.

Нет особой надобности говорить и доказывать, что богословские журналы довольно специфичны по своему содержанию и не могут иметь большого количества читателей и, как следствие, подписчиков. Вместе с тем, академическим журналам в течение всего XIX в. удавалось существовать за счет самокупаемости. В начале XX в., особенно после 1905 г., когда вследствие отмены цензуры светской и ослабления цензуры духовной количество издаваемой периодики значительно увеличилось, положение академических периодических изданий с каждым годом начало ухудшаться. Несмотря на дефицит и убытки, в течение еще какого-то времени удавалось издавать журналы за счет накоплений прежних лет. Однако к началу 1910-х гг. ситуация ухудшилась настолько, что академические журналы оказались на грани банкротства и закрытия. Закрытие же богословского журнала для любой духовной академии не могло не восприниматься как трагедия. Поэтому Советы каждой из четырех академий стали предпринимать все возможное, чтобы не допустить прекращения издания журналов. И надо сказать, что им это удалось. (Журналы закрылись практически одновременно с самими академиями.) В данной статье на основании выявленных архивных материалов и впервые вводимых в научный оборот данных рассматриваются эти самые попытки профессорско-преподавательских корпораций отстоять свои богословские журналы. Речь идет об обращениях Советов академий через правящих архиереев за помощью в Св. Синод. Особый интерес в данном случае представляет реакция высшего церковного органа на просьбы профессоров и аргументы при одобрении или неодобрении этих запросов.

Первой за помощью, насколько можно судить по имеющимся сведениям, в Св. Синод обратилась корпорация Казанской духовной академии. 22 января 1910 г. архиепископ Казанский Никанор (Каменский) от имени Совета академии передал в Св. Синод просьбу помочь в издании академического журнала «Православный собеседник». Из сопроводительной справки становится известной в общих чертах история издания за предшествующий период.

«Православный собеседник», как журнал, который имел «задачею удовлетворять научным нуждам академии, необходимо должен иметь, по преимуществу, специально-ученый характер», никогда не располагал большим числом подписчиков. Число последних за последние тридцать лет, т. е. с начала 1880-х гг., никогда не превышало 300 человек, что приносило редакции всего около 2.000 руб. годового дохода⁶. Примечательно, что в записке, говоря о подписчиках, с некоторым

¹ В разное время та или иная академия издавала и другие журналы. Так, например, Киевская с 1837 по 1912 гг. издавала «Воскресное чтение», Санкт-Петербургская — с 1875 по 1915 гг. «Церковный вестник» и т. д.

² Андреев Г. Л. Христианская периодическая печать на русском языке 1801–1917 гг. Библиографический словарь: в 3 т. Т. 2: Н — Я. New York, 1998. С. 65.

³ Андреев Г. Л. Христианская периодическая печать на русском языке 1801–1917 гг. Библиографический словарь: в 3 т. Т. 1: А — М. New York, 1998. С. 21.

⁴ Андреев Г. Л. Христианская периодическая печать на русском языке 1801–1917 гг.... Т. 2. С. 165.

⁵ Там же. С. 61.

⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 191. 6 отд. 1 ст. Д. 151. Л. 1.

неодобрением отмечалось, что последние чаще всего желают видеть статьи по современным вопросам и, притом, написанные в научно-популярном или только популярном стиле. Это, в свою очередь, противоречило главным целям и задачам собственно академических изданий. Что же касается 2.000 руб., то на эти средства журнал не мог выходить ни в 1880 г., ни уж тем более в 1910 г.

Именно поэтому архиереи Казанской епархии, вполне сочувственно и даже благожелательно относясь к академическому периодическому изданию, ранее уже предоставили академии право издавать «Известия по Казанской епархии»⁷, обязав при этом все приходы епархии, которых насчитывалось 650, выписывать оба журнала: «Православный Собеседник» и «Известия по Казанской епархии». С одной стороны, приходам, в том числе и бедным, это принуждение обходилось в 8 руб. в год. С другой, благодаря этой мере в кассу редакции ежегодно поступало до 5.000 руб. До тех пор, пока «Известия по Казанской епархии» выходили объемом в 4 листа в месяц, то из этой суммы, за исключением расходов на издание «Известий по Казанской епархии» и 650 экз. «Православного Собеседника» для рассылки по епархии, в пользу академического журнала поступало дополнительно до 1.500 руб. в год⁸.

Однако успех одного журнала впоследствии привел к кризису другого. Активизация церковно-общественной жизни в начале XX в., особенно после революционных событий 1905 г., привела к тому, что необходимо было обсуждать и давать ответы на те многочисленные вызовы и острые вопросы, которые звучали со всех сторон. В итоге, эта самая необходимость обсуждать новые задачи служения духовенства привела к увеличению объема «Известий», который теперь доходил до 8 листов. Все это самым непосредственным образом сказалось на «Православном собеседнике», на который теперь от обязательной подписки по Казанской епархии едва оставалось 500–600 руб. в год⁹. Этой суммы для более-менее достойного издания «Православного собеседника» было недостаточно.

Оказавшись в таких непростых условиях, редакция академического журнала вынуждена была теперь заботиться уже не об улучшении журнала, а скорее о максимальной экономии при его издании. Так, например, в 1909 г. авторам 2/3 от общего количества опубликованных статей не выплачивались гонорары. Это и раньше имело место, но не в таких масштабах. Для вознаграждения оставшихся авторов и сотрудников журнала за целый год в кассе редакции было всего около 419 руб. 70 к. Этой суммы было достаточно для того, чтобы за оригинальные статьи можно было выплатить только по 14 руб., а за переводные — по 7 руб. за лист. С одной стороны, такая ограниченность в средствах не могла позволить редактору журнала проявлять инициативу и приглашать к написанию статей тех или иных — в том числе и новых — авторов, открывать новые рубрики и т. п. Кроме того, редакция журнала не могла, например, «открыть отдел обзора научной богословской литературы, или увеличить отдел журнала, посвященный миссионерским вопросам, хотя миссионерское направление,

Архиепископ Никанор (Каменский)

⁷ См.: Журавский А. В. К истории «Православного Собеседника» // Православный собеседник. 2000. № 1. С. 42–68; Троицкий А., прот. «Известия по Казанской епархии» // Православная энциклопедия. Т. XXI. М., 2009. С. 548–550.

⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 191. 6 отд. 1 ст. Д. 151. Л. 1 об.

⁹ Там же. Л. 2.

как известно, при первоначальном основании журнала было поставлено ему главной задачей»¹⁰. Редактор не мог принимать научные труды, даже предлагаемые бесплатно, в тех случаях, если они были большого объема, поскольку любое увеличение объема журнала автоматически ставило вопрос о том, хватит ли средств на бумагу и типографские расходы. К сожалению, несмотря на все предпринимаемые меры — в том числе и крайне непопулярные, например, отказ выплачивать гонорар, — положение журнала с каждым годом становилось все более бедственным, пока не оказалось совершенно безнадежным.

В такой ситуации Совет академии вынужден был обратиться в Синод за материальной субсидией. При этом, понимая, что, скорее всего, высший церковный орган в связи с дефицитом бюджетных средств ответит отказом, Совет Казанской академии предложил компромиссный вариант решения проблемы. Так, предлагалось т. н. протокольную сумму, которая по действовавшим академическим уставу и штатам 1884 г. выделялась на печатание протоколов Совета и магистерских диссертаций, увеличить с 2.000 руб. до 3.000 руб. и разрешить использовать ее в том числе и на издание журнала. При этом составители записки конкретизировали, что на эти деньги они могли бы печатать не все подряд, а только обширные ученые труды, отчеты об ученых командировках, речи и поучения, произносимые членами академической корпорации по случаю особенных торжеств и по распоряжению академического начальства¹¹.

Хозяйственное управление при Св. Синоде проанализировало сложившуюся ситуацию. В соответствующих справках, предоставленных в Св. Синод, отмечалось, что, во-первых, из синодальных средств на издание журналов при духовных академиях выдача пособий до сих пор не производилась; во-вторых, на экстраординарные расходы по духовно-учебной части на 1910 г. к моменту обсуждения вопроса имелось около 26.000 руб. Исходя из сложившейся ситуации, именно Хозяйственное управление выступило с заключением, согласно которому предлагалось назначить в распоряжение Совета Казанской духовной академии в качестве пособия на издание журнала «Православный собеседник» лишь на текущий 1910 г. и на следующий 1911 г. по 1.000 руб. на каждый год, с отнесением этого расхода в 1910 г. на счет экстраординарного кредита по духовно-учебному капиталу и внесением на 1911 г. в соответствующее подразделение сметы специальных средств Св. Синода. Кроме того, управление рекомендовало Совету академии впоследствии самостоятельно озаботиться изысканием каких-либо способов для увеличения материальных средств журнала. Что же касается 2.000 руб., выделяемых по академической смете на печатание протоколов и магистерских диссертаций, то управление настояло на сохранении за этим ассигнованием его штатного назначения без, соответственно, увеличения до 3.000 руб.¹². Св. Синод своим указом от 24 сентября 1910 г. полностью поддержал предложение Хозяйственного управления, т. е. выделил редакции «Православного собеседника» только 2.000 руб. на 1910 и 1911 гг.¹³. Дальше Совет академии должен был решать материальные вопросы самостоятельно.

Не успело Хозяйственное управление с минимальными для синодального бюджета последствиями решить вопрос с журналом Казанской духовной академии, как в Св. Синод обратилась корпорация теперь уже Киевской духовной академии. Митрополит Киевский Флавиан (Городецкий) в своем представлении на имя Св. Синода от 18 октября 1910 г. сообщил о просьбе Совета подотчетной ему академии выделить пособие в размере 3.000 руб. на издание редакцией академического журнала «Труды Киевской духовной академии» «Библиотеки творений св. отцов и учителей Церкви западных». В представлении сообщалось, что общее собрание наставников академии еще 8 декабря 1909 г. приняло решение напечатать вторым изданием 6, 7 и 8 части

¹⁰ Там же. Л. 2–2 об.

¹¹ Там же. Л. 2 об.

¹² Там же. Л. 3–3 об.

¹³ Там же. Л. 4–6.

творений блж. Августина и 5, 9, 10, 11 и 12 части творений блж. Иеронима, поскольку эти восемь книг «Библиотеки творений св. отцев и учителей Церкви западных, издаваемой при Киевской духовной академии», давно уже распроданы, а заказы на них продолжали поступать в редакцию академического журнала. В записке сообщалось, что в 1910 г. из числа указанных книг три уже были напечатаны, одна находилась в печати, а остальные четыре предполагалось сдать в типографию частью еще в 1910 г., а частью в январе уже следующего 1911 г. Весь расход на предпринятое издание, по предварительным расчетам, должен был составить около 4.000 руб. А поскольку редакция академического журнала не имела никаких свободных средств для покрытия этого «чрезвычайного» расхода, то делопроизводитель редакции журнала, экстраординарный профессор священник Николай Гроссу поставил перед Советом академии вопрос о необходимости обратиться за материальным пособием в Св. Синод. Митрополит Флавиан, через которого, согласно действующим правилам, академии и полагалось обращаться на имя высшего церковного органа, согласился с данной просьбой и выступил ходатаем в деле получения необходимых денежных средств¹⁴.

Митрополит Флавиан (Городецкий)

Хозяйственное управление, которому вновь было поручено рассмотрение данной просьбы, сославшись на ограниченность на тот момент времени средств духовно-учебного капитала, предложило промежуточный вариант. А именно, предлагалось 3.000 руб. выдать не в качестве единовременного пособия, а в качестве ссуды, которую, разумеется, впоследствии необходимо было вернуть¹⁵. Совет академии в обращении от 16 июня 1911 г. за подписью ректора епископа Иннокентия (Ястребова) сообщал Хозяйственному управлению, что издание «Библиотеки» преследует главным образом просветительно-миссионерские цели и что Совет академии, не рассчитывая на доходность второго издания «Библиотеки», не находит возможным просить на это издание ссуду и вновь ходатайствует о выдаче именно единовременного пособия¹⁶.

Для того, чтобы убедить сотрудников церковного финансового ведомства, Совет академии еще 30 марта 1911 г. составил специальную записку, в которой были раскрыты детали издательской деятельности Киевской академии. Во-первых, отмечалось, что выпущенные вторым изданием в 1910 г. книги «Библиотеки» были напечатаны первым изданием — 5-я часть творений блж. Иеронима в 1879 г., 8-я часть — в 1882 г., 9-я часть — в 1883 г. и 6-я часть творений блж. Августина в 1884 г. Каждая из этих книг была издана в количестве 1.200 экз. Во-вторых, первое издание было осуществлено на средства редакции «Трудов Киевской духовной академии». Однако в 1870–1880 гг. академией издавались еще «Киевские епархиальные ведомости» и «Воскресное чтение». Именно за счет этих периодических изданий и покрывались расходы по изданию «Библиотеки». В-третьих, Совет академии сообщал, что с точностью определить, какой доход уже поступил от продажи выпущенных вторым изданием книг «Библиотеки», не представляется возможным, так как в приходо-расходных книгах редакции указывалась общая сумма дохода, поступившая от продажи «Библиотеки». В-четвертых, Правление и Совет академии на издание «Библиотеки» всегда смотрели как на просветительное дело, поддерживающее интересы Русской Церкви вообще.

¹⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 192. Д. 410. Л. 2–2 об.

¹⁵ Там же. Л. 1.

¹⁶ Там же. Л. 3.

Епископ Иннокентий (Ястребов)

Поэтому редакция академического издания весьма часто снабжала бедные монастырские и церковные библиотеки выпусками «Библиотеки творений» по заниженной цене, а нередко — совершенно бесплатно. На основании всего этого Совет продолжал настаивать на выдаче именно единовременного пособия, а не ссуды¹⁷.

Не добившись понимания со стороны Совета академии и редакции «Трудов», Хозяйственное управление со своей стороны рекомендовало данное ходатайство о выдаче пособия на 3.000 руб. на издание «Библиотеки творений св. отцев и учителей церкви западной» отклонить, как «не имеющее прямого отношения к содержанию духовно-учебных заведений»¹⁸. Св. Синод, рассматривавший данное дело 18 июля 1911 г., согласился с мнением управления и ходатайство Киевской духовной академии отклонил¹⁹.

Во всей этой истории с обращением редакции «Трудов Киевской духовной академии» обращает на себя внимание тот факт, что речь шла не о помощи на издание самого журнала, а всего лишь приложений, которыми, по сути, являлись указанные переводы. Безусловно, «Труды», как и прочие академические богословские журналы, практически с самого начала своего издания испытывали определенные финансовые трудности. Однако уже в 1870-х гг. митрополит Арсений (Москвин) разрешил тогдашнему ректору академии архимандриту Филарету (Филаретову) использовать на нужды редакции проценты с капитала, пожертвованного академии по случаю ее 50-летнего юбилея. Кроме того, в разное время на издательские проекты академии осуществлялись, чаще всего от духовных лиц, разного рода пожертвования²⁰.

Дальше в Синод за материальной помощью обратилась редакция «Христианского чтения». Однако поскольку это обращение не было единственным, то история взаимоотношений Санкт-Петербургской духовной академии и Св. Синода будет рассмотрена ниже. Сейчас же обратимся к просьбе четвертой духовной академии — Московской.

Митрополит Московский Макарий (Невский) в представлении Св. Синоду от 29 февраля 1916 г. сообщал, что Совет Императорской Московской духовной академии, рассмотрев доклад редакции академического журнала «Богословский вестник» об ухудшении материального положения издания, признал необходимым ходатайствовать о назначении временной субсидии «Богословскому вестнику» из синодальных средств, хотя бы в размере 4.000 руб. в год. Причины ухудшения положения в записке владыки Макария были изложены довольно подробно. Однако, несмотря на это, Хозяйственное управление после данного обращения затребовало от редакции «Богословского вестника» дополнительные сведения о тираже, количестве подписчиков за последние годы и другую уточняющую информацию. В итоге, картина получилась следующая.

¹⁷ Там же. Л. 4–4 об.

¹⁸ Там же. Л. 1.

¹⁹ Там же. Л. 5.

²⁰ См.: Бурега В. В. «Труды Киевской духовной академии»: история и современность // Богослов.ru. URL: <https://bogoslov.ru/article/2293473> (дата обращения 27.02.2021); Мандзюк-Ильницький В. Н. «Труды Киевской Духовной Академии» — православный богословский журнал (1860–1917 гг.): историко-типологический анализ: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2015. С. 71–81.

Ухудшение материального обеспечения редакции «Богословского вестника» было обусловлено, во-первых, повышением цен на типографские работы и материалы, а также подорожанием бумаги. Так, «вздорожание» типографских работ в 1916 г. уже привело к перерасходу в размере не менее 500 руб. в год. Однако типография Троице-Сергиевой лавры, где и печатался «Богословский вестник» с 1899 по 1917 гг., предупредила редакцию, что «дальнейшее вздорожание материалов и рабочих рук может вынудить типографию вторично поднять расценок, и тогда перерасход редакции по названной статье будет более 1.000 р. в год»²¹. Что касается бумаги, то здесь расходы должны были увеличиться еще больше. Редакция затрачивала бумаги в среднем не менее 550 стоп в год. Вместо прежней цены в 5 руб. за стопу (в 40 фунт.), уже теперь, по заблаговременно сделанным заказам, необходимо было платить около 8 руб. Соответственно, следующие заказы необходимо будет выполнять по еще более высокой цене, как минимум по 10 руб. Редакция отмечала, что, считая перерасход на стопу лишь в 4 руб., т. е. вместо 5 руб. — 9 руб., общий перерасход на бумагу только за один год составит не менее 2.000 руб.²²

Митрополит Макарий (Невский)

Вторая причина ухудшения положения была связана с подпиской. Так, в 1915 г. редакция «Богословского вестника» потеряла всех заграничных подписчиков, в 1916 г. — подписчиков всего Западного, охваченного военными действиями, края. В денежном эквиваленте в каждом случае редакция теряла по 500 руб., т. е. в сумме потери по причине военного времени составили 1.000 руб. И это при том, что ситуация с подписчиками и без того с каждым годом становилась все более бедственной.

Известно, что за десятилетие — с 1905 г. по 1915 г. — тираж «Богословского вестника» с 2.000 экземпляров в 1905 г. сократился до 1.400 в 1915 г., а число подписчиков платных — с 1245 до 813, бесплатных — с 173 до 162. Динамика уменьшения платных подписчиков была следующей: в 1906 г. их было 1.532 (т. е. на несколько сотен больше, чем в 1905 г.), в 1907 г. — 1.141, в 1908 г. — 1.042, в 1909 г. — 978 и, наконец, в 1915 г. — 813. Гонорар за статьи в 1905–1907 гг. составлял 30 руб. за печатный лист, с 1908 г. по октябрь 1909 г. — 25 руб., с октября 1909 г. по 1911 г. — 16 руб., в январе и феврале 1911 г. — 24 руб. и с марта 1911 г. до 1916 г. — 28 руб.

Средства, получаемые редакцией как от подписки на журнал и его продажи за прежние годы, так равно и за печатание протоколов Совета академии и из процентов с капиталов редакции, в 1905 г. составили 11.275 руб., а в 1915 г. — всего только 7.855 руб. Расходы же по изданию «Богословского вестника» в 1905 г. составили 14.645 руб., а в 1915 г. — 14.895 руб. Всего за 10 лет доход от журнала составил 103.998 руб., а расход — 147.468 руб. Как видно, общий перерасход составил 43.470 руб., что в среднем составляет 4.347 руб. дефицита по изданию в год.

Из справки, представленной редакцией «Богословского вестника» в Хозяйственное управление, становится известно, что из 2.000 руб., выделявшихся ежегодно на печатание протоколов и магистерских диссертаций, в действительности в период с 1905 по 1910 г. расходовалось от 818 руб. до 986 руб. в год, а с 1911 по 1915 гг. — от 1.198 руб. до 1.537 руб. в год. Очевидное увеличение расхода с 1911 г. объяснялось введенным

²¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 202. I отд. 2 ст. Д. 256. Л. 1.

²² Там же. Л. 1 об.

в 1910 г. правилом печатания в академическом журнале в полном объеме подробных отзывов профессоров о кандидатских сочинениях студентов. С 1911 г. редакция «Богословского вестника» ежегодно получала субсидию в размере 2.500 руб. из средств Перевринского монастыря²³. Эта сумма тратилась преимущественно на переиздание творений св. отцов. Правда, в той же справке отмечалось, что к 1916 г. и этой суммы было совершенно недостаточно для издательской деятельности²⁴.

На этот раз Хозяйственное управление, с одной стороны, не могло ответить отказом, т. к. до этого уже дало согласие на выдачу пособия редакции «Христианского чтения», о чем будет сказано ниже. С другой стороны, в условиях военного времени дефицит денежных средств стал еще более ощутимым. В соответствующей справке для Св. Синода так и говорилось: «В настоящее время средства духовно-учебного капитала находятся в особенно затруднительном положении, так как, по обстоятельствам военного времени, поступления в этот капитал сократились, расходы же из него чрезмерно возросли. Вследствие крайней дороговизны жизни, сметные ассигнования на содержание духовно-учебных заведений оказываются недостаточными. На покрытие дефицитов по содержанию воспитанников и содержанию зданий духовных семинарий не только обращаются все наличные остатки по другим статьям, но еще требуются доассигнования из духовного учебного капитала часто на сумму до 10.000 р. и более. Неимоверное поднятие цен на дрова увеличило в некоторых духовно-учебных заведениях расход только на покупку дров до размера, превышающего все ассигнование по смете на содержание зданий и хозяйственные расходы тех же заведений»²⁵.

Любопытно, что в качестве заключения Хозяйственным управлением был представлен едва ли не целый трактат о том, как должен выглядеть современный богословский журнал. В заключении прежде всего отмечалось, что назначение временного пособия не может изменить к лучшему положение журнала, жизнь которому, по мнению церковных финансовых чиновников, должна давать именно подписка, являющаяся показателем потребности в журнале и его жизненности. Не улучшая положения журнала по существу, временное пособие в итоге должно будет обратиться в постоянное, при этом журнал, менее завися от подписки, будет все более терять своих подписчиков, обращаясь в сухое специальное издание, малоизвестное за пределами академии. Хозяйственное управление считало, что положение журнала, издающегося при помощи более или менее значительного пособия и имеющего весьма ограниченное число подписчиков, является ненормальным, «так как единственное оправдание такого пособия — пропаганда идей и влияние на общество в известном направлении — здесь отсутствует»²⁶. Как результат, ходатайство редакции «Богословского вестника» предлагалось отклонить, «принимая во внимание крайне затруднительное положение в настоящее время средств духовно-учебного капитала, обязывающее к всемерной бережливости и отказу даже в удовлетворении необходимых потребностей»²⁷.

Примечательно, что на этом Хозяйственное управление не остановилось, а предложило целую программу по оптимизации издательской деятельности Московской духовной академии. Совету академии, в частности, предлагалось, во-первых, сократить число печатных экземпляров журнала применительно к действительному числу подписчиков, во-вторых, сократить число бесплатно рассылаемых экземпляров, в-третьих, сократить и сам объем журнала. Последнее предлагалось сделать за счет

²³ См.: Журналы заседаний Совета Московской Духовной Академии за 1911 год // Богословский вестник. 1911. Т. 2. № 7–8. С. 68–69 (5-я пагин.); Дионисий (Шленов), игум. «Богословский вестник» (1892–2006): история и современность // Богослов.ru. URL: <https://bogoslav.ru/bv/bv> (дата обращения 27.02.2021).

²⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 202. I отд. 2 ст. Д. 256. Л. 1 об.–3.

²⁵ Там же. Л. 2 об.–3.

²⁶ Там же. Л. 3 об.

²⁷ Там же.

протоколов Совета академии, где можно было бы прекратить печатание подробных отзывов профессоров о кандидатских сочинениях студентов. Сократить предлагалось также и научный отдел.

Далее Хозяйственное управление обратилось к положению всех вообще академических журналов, редакции которых, пусть и в разное время, уже обратились в Синод за материальной помощью. Учитывая особую важность следующего пассажа для истории академических богословских журналов, приведем его полностью: «В виду же того, что сокращение подписки на академические журналы и невозможность дальнейшего существования их без дополнительных пособий к подписной плате есть явление общее, от которого страдают все академии, по мнению Хозяйственного управления, представлялось бы благовременным войти в рассмотрение вопроса, не следует ли самое дело издания академических журналов поставить на новых началах, именно так, чтобы все духовные академии объединили свои силы в издании одного большого научно-богословского журнала, издательство которого могло бы быть приурочено к Петроградской или Московской духовной академии; собственно же академические журналы в таком случае издавались бы каждый только для нужд своей академии, ограничиваясь печатанием протоколов и официальных известий»²⁸. Безусловно, предлагаемая мера была довольно радикальной, если не сказать эпохальной, и, одновременно с этим, чрезвычайно болезненной для каждой духовной академии. Пока это было лишь предложением одной синодальной структуры. Многие зависело от того, какое решение примет Св. Синод.

Высший церковный орган рассмотрел данное дело 5 августа 1916 г. (сам указ был издан 15 сентября 1916 г.) и, вполне согласившись с заключением Хозяйственного управления, отклонил ходатайство редакции «Богословского вестника» о выделении пособия в размере 4.000 руб. Совету Московской духовной академии было рекомендовано пойти по пути сокращений, предложенных Хозяйственным управлением. Это с одной стороны. С другой, Синод сделал уточнение, что «в случае невозможности продолжать издание при указанных условиях, Совету академии надлежит обратиться к Московскому епархиальному начальству с просьбою об ассигновании потребной на издание журнала суммы из местных епархиальных средств»²⁹. Очевидно, что члены Синода сгладили слишком резкие предложения Хозяйственного управления. При этом в указе ни слова не было сказано по поводу возможного сокращения общего количества журналов и создания всего лишь одного на базе Петроградской или Московской духовной академии.

Последнее обстоятельство позволяет утверждать, что среди синодальных чиновников и членов Св. Синода отношение к академическим журналам и тому, как они должны были развиваться, оказалось разным. В этом контексте можно обратить внимание на тот факт, что итоговое решение Хозяйственного управления по рассматриваемому вопросу было подписано не обер-прокурором А. Н. Волжиным, как это должно было быть, а его товарищем, т. е. заместителем Николаем Чеславовичем Зайончковским. В этой связи можно предположить, что инициатива по сокращению журналов,

Князь Н. Д. Жевахов

²⁸ Там же. Л. 3 об.-4.

²⁹ Там же. Л. 5 об.

Митрополит Владимир (Богоявленский)

а также довольно специфическое понимание значения академических изданий, принадлежит исключительно Зайончковскому. Учитывая же тот факт, что, согласно имеющейся информации, среди членов Синода у Зайончковского было много недоброжелателей, то и итоговое синодальное решение отчасти было принято в пику заместителю обер-прокурора. О имевших место в это время разногласиях сообщает в своих воспоминаниях князь Н. Д. Жевахов: «Я видел, что, после назначения Н. Ч. Зайончковского, положение А. Н. Волжина окончательно пошатнулось; что высшие сферы от него отвернулись, что идея создания должности второго Товарища Обер-Прокурора не встретила сочувствия ни в церковных кругах, ни среди Синодальных чиновников, и вооружила против него Думу; а Н. Ч. Зайончковский, своею резкостью, вооружил против него Синод...»³⁰. Возможно, в рассматриваемой ситуации были и другие объяснения.

Как бы то ни было, тот факт, что среди членов Св. Синода отношение к академиям и академическим журналам было различным, подтверждается и историей финансирования журнала Санкт-Петербургской духовной академии «Христианское чтение».

Еще 24 сентября 1913 г. митрополит Санкт-Петербургский Владимир (Богоявленский) передал в Св. Синод обращение Совета Санкт-Петербургской духовной академии с ходатайством о выделении редакции «Христианского чтения» необходимого пособия в размере 7.000 руб. Примечательно, что сам митрополит ограничился исключительно передачей ходатайства, без личного присоединения к просьбе, о чем свидетельствует заключительная фраза представления: «Изложенное постановление Совета Императорской Санкт-Петербургской духовной академии долг имею почтительнейше представить на благоусмотрение Святейшего Синода»³¹.

В тексте самого представления содержится информация о докладе ректора академии епископа Анастасия (Александрова) Совету академии относительно бедственного положения журнала «Христианское чтение». Ректор сообщал: «Прежде недостаток средств восполнялся из доходов от подписки на “Церковный Вестник”, с которым “Христианское чтение” имеет общую кассу, и из запасного капитала; теперь эти источники иссякают, и настает неотложная необходимость поставить вопрос о средствах для дальнейшего существования журнала»³². Епископ Анастасий указывал, что рассчитывать на увеличение подписки также не приходится, поскольку количество платных подписчиков неуклонно уменьшалось: с 2.574 в 1906 г. до 647 в 1915 г.³³ Вместе с этим, естественно, уменьшался доход, увеличивался расход, и, как итог, уменьшался тираж: с 3.200 экземпляров в 1906 г. до 1.150 экземпляров в 1915 г.³⁴

По мнению ректора столичной академии, этот процесс был вполне закономерным, а требование некоторых представителей высшей церковной власти идти по пути

³⁰ Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода князя Н. Д. Жевахова. СПб., 2008. С. 148.

³¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 196. I отд. 2 ст. Д. 512. Л. 3–3 об.

³² Там же. Л. 2.

³³ См.: Карпук Д. А. Периодические издания Санкт-Петербургской духовной академии (1821–1917): к 190-летию журнала «Христианское чтение» // Христианское чтение. 2011. № 6. С. 77.

³⁴ Там же.

популяризации, отступая тем самым от строгой научности, абсолютно неприемлемо и совершенно недопустимо: «Рассчитывать на увеличение подписки не представляется возможным не только в виду общего упадка спроса на серьезные журналы, но прежде всего и главным образом потому, что “Христианское чтение”, по своим задачам и основному характеру в качестве академического органа, и не может иметь широкого круга читателей, а сознательная и настойчивая погоня за ними, в интересах увеличения подписки, повела бы к уклонению журнала от стоящих перед ним целей. Журнал “Христианское чтение” должен быть органом для научной разработки и освещения вопросов богословско-философского и церковно-исторического характера, выдвигаемых современными научными требованиями и запросами современной жизни Православной Церкви. Научность должна быть отличительным свойством журнала; он неизменно должен удерживаться на научной высоте и всегда служить развитию богословской науки в русской Церкви. Популяризации научных знаний ради непосредственных практических целей, если и может находить в нем место, то во всяком случае только второстепенное. Если и академические журналы вынуждены будут, ради приобретения средств к существованию, оставить свою позицию научно-богословских журналов первого ранга, то мы лишимся и имеющихся способов для развития богословской науки. Журналы, ставящие себе задачей популяризацию богословских знаний, должны стоять на второй ступени после академических»³⁵.

Очевидно, что эта точка зрения абсолютно не совпадала с той, которую буквально через год выскажет Зайончковский. Вместе с тем, для того, чтобы позиция академии звучала более весомо, епископ Анастасий сослался на «Ученые записки» университетов. По мнению владыки, издание «Христианского чтения» необходимо было поставить таким образом, чтобы избежать «зависимости от случайного количества подписчиков и необходимости стремиться к непрерывному увеличению их под страхом прекращения своего существования»³⁶. Ректору академии, который попытался связаться по этому вопросу с целым рядом университетов, удалось выяснить, что, например, в Новороссийском университете на издание «Записок» ежегодно выделялось по смете 8.000 руб. Кроме того, на издание трудов по юридическому факультету выдавалось дополнительно 1.250 руб., по медицинскому факультету — 1.250 руб., на вознаграждение редактору — 800 руб.³⁷.

При обращении в Св. Синод редакцией «Христианского чтения» была составлена довольно подробная смета, которая включала в себя следующие пункты:

а) издание 120 листов журнала, по 35 руб. за лист (печать, бумага, корректура и брошюровка), составляло 4.200 руб. Отдельно отмечалось, что в это количество листов не были включены журналы Совета, которые печатались по особому соглашению с Правлением академии и оплачивались, как известно, из специально назначенной для этого суммы в размере 2.000 руб.;

б) вознаграждение редактору — 600 руб. (на момент обращения вознаграждение включало 540 руб. жалованья, 100 руб. квартирных и 72 руб. канцелярских);

Епископ Анастасий (Александров)

³⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 196. I отд. 2 ст. Д. 512. Л. 2–2 об.

³⁶ Там же. Л. 2 об.

³⁷ Там же.

в) вознаграждение заведующему конторой, с возложением на него и секретарских обязанностей — 900 руб. (на момент обращения вознаграждение составляло 900 руб. и 500 руб. секретарю);

г) рассыльному — 420 руб.;

д) на наем помещения для конторы — 250 руб.;

Итоговая сумма составила 6.370 руб.

Кроме того, в записке говорилось о выделении кредита на гонорар за публикуемые в журнале статьи. Было рассчитано, что на это потребуется, по тогдашним расценкам (33–24,75 руб. за лист), около 3.000 руб. В противном случае необходимо было испрашивать особое ассигнование на выдачу авторам отдельных отписок их статей в количестве 200 экз., для чего требовалось около 750 руб.³⁸

Совет академии согласился с предложением владыки ректора на заседании, состоявшемся 6 сентября 1913 г., и постановил просить ходатайства митрополита перед Св. Синодом о выделении с начала 1914 г. специальной субсидии на издание «Христианского чтения» в размере не менее 7.000 рублей ежегодно, по составленному заведующим конторой академических изданий расчету.

Хозяйственное управление по данному вопросу сообщило в Св. Синод 12 октября 1913 г., что необходимых средств у него не имеется³⁹. На этом основании 25 октября, когда Синод рассмотрел данный вопрос, был принят проект указа с отрицательным решением. Правда, проект указа так и остался проектом, окончательного решения тогда по каким-то причинам принято не было⁴⁰.

17 января следующего 1914 г. ректор академии епископ Анастасий обратился в канцелярию Св. Синода с просьбой уточнить, какое решение было принято по поводу предыдущего обращения⁴¹. Синодальная канцелярия 27 января вновь отправила запрос в Хозяйственное управление⁴², поскольку к этому времени финансовая ситуация могла измениться. Впрочем, ответ из управления от 10 февраля был неутешительным: «Хозяйственное управление имеет честь уведомить канцелярию Святейшего Синода, что издаваемые при всех духовных академиях журналы не пользуются ежегодным пособием из сумм Св. Синода и что посему, а также вследствие ограниченности средств духовно-учебного капитала, которых едва достает на покрытие сметных расходов по содержанию духовно-учебных заведений, заявленные епархиальными начальствами на сумму 3.118.874 р., назначено по смете 1914 г. только 480.000 р., и за неимением других средств в распоряжении Св. Синода, на счет коих можно было отнести испрашиваемый расход в 7.000 р., назначение ежегодного пособия на издание академического журнала «Христианское чтение» представляется невозможным»⁴³. Вместе с тем отношение церковных бухгалтеров к академической науке на этот раз несколько смягчилось, и в качестве компромиссного варианта управление предлагало выделить из экстраординарного кредита по духовно-учебному капиталу испрашиваемую сумму в размере 7.000 руб. только на 1914 г., с тем, чтобы «Правление академии озаботилось улучшением того же журнала в отношении разнообразия и интереса содержания и таким путем привлекло большее количество подписчиков, дабы расходы по изданию журнала покрывались собственными средствами журнала»⁴⁴.

Любопытно, что, как видно из архивного дела, проект указа Синода от 12 февраля 1914 г. совпадал с предложением Хозяйственного управления⁴⁵. Другими словами, синодальные чиновники готовы были выделить необходимую сумму, пусть и на один год. Однако итоговое решение Св. Синода в виде указа от 25 октября

³⁸ Там же. Л. 3.

³⁹ Там же. Л. 1.

⁴⁰ Там же. Л. 4.

⁴¹ Там же. Л. 5.

⁴² Там же. Л. 6–7.

⁴³ Там же. Л. 8.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же. Л. 9.

1913 г. — 12 февраля 1914 г. было отрицательным. Совету Санкт-Петербургской академии в получении пособия на издание журнала «Христианское чтение» было отказано⁴⁶. Что произошло на заседании Синода и в каком ключе обсуждался этот вопрос, неизвестно.

Как бы то ни было, в 1915 г. редакция «Христианского чтения» через Совет академии и митрополита Владимира вновь обратилась в Синод с просьбой ежегодно в качестве субсидии выдавать не менее 6.000 руб.⁴⁷ На этот раз высший церковный орган пошел навстречу и выдал необходимую сумму (указ от 4–5 декабря 1915 г.⁴⁸), правда, только в качестве единовременного, а не постоянного ежегодного пособия. При этом Синод вновь рекомендовал редакции, да и всей академической корпорации, приблизить журнал к нуждам времени и потребностям читателя, отметив, что «сокращение числа подписчиков на “Христианское чтение” свидетельствует, что журнал, сделавшись специально научным академическим органом, отделился от общества и его жизни, не разделяя его духовных нужд, не удовлетворяет его запросам, почему и потерял интерес для общества, между тем академический орган должен ближайшим образом связывать научно-богословские силы академии с общественною жизнью, отвечая на ее запросы и нужды и руководя ею с точки зрения христианских идеалов, выводов христианской науки и опыта христианской истории»⁴⁹. Разумеется, как именно можно было реализовать эту невероятную — если не сказать, дикую — для академического сообщества идею на практике, Св. Синод уточнять не стал.

Совершенно очевидно, что данная рекомендация далеких от нужд богословской науки чиновников была абсолютно неприемлемой для редакции журнала. С другой стороны, даже если пойти навстречу и оживить журнал за счет уменьшения научной составляющей и увеличения публицистической, изменить отношение читателей к журналу всего лишь за один год в условиях военного времени было решительно невозможно. Поэтому в следующем, 1916 г.⁵⁰ редакция журнала вновь вынуждена была обратиться в Св. Синод за очередным финансовым вспоможением. Ответный указ Синода продемонстрировал, что «лед тронулся», и что в высших эшелонах церковной власти все-таки нашлись люди, которые согласились — или вынужденно смирились — с мыслью о том, что издание академических научно-богословских журналов без постоянного финансирования невозможно⁵¹.

⁴⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 196. I отд. 2 ст. Д. 512. Л. 10; Там же. Оп. 202. I отд. 2 ст. Д. 256. Л. 2 об.; Журналы заседаний Совета Санкт-Петербургской духовной академии за 1913–1914 уч. г. СПб., 1916. С. 66, 250.

⁴⁷ Карпук Д. А. Периодические издания Санкт-Петербургской духовной академии (1821–1917): к 190-летию журнала «Христианское чтение» // Христианское чтение. 2011. № 6. С. 78.

⁴⁸ См.: РГИА. Ф. 796. Оп. 202. I отд. 2 ст. Д. 256. Л. 2 об.

⁴⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 200. I отд. 2 ст. Д. 524. Л. 6.

⁵⁰ К этому времени Петроградская духовная академия вынуждена была расстаться со своим журналом «Церковный вестник», на который Св. Синод также отказался выдавать столь необходимые субсидии. Примечательно, что при непосредственном участии Св. Синода право на издание журнала в 1916 г. было передано Миссионерскому совету. Тогда же Синод нашел 15.000 руб. на финансирование издания на три года (См.: Памятная книжка за 1915 г. Издание общества духовной и материальной взаимопомощи бывших питомцев Императорской Петроградской Духовной Академии. Выпуск VI. Пг., 1916. С. 67).

⁵¹ Некоторые современники довольно жестко относились к равнодушию, которое демонтировало синодальное чиновничество по отношению к издательской деятельности академий: «У нас всюду продолжают наивно верить, что профессора сами где-то найдут средства для печатания своих ученых трудов, что в самом важном для развития науки (в печатании произведений профессорского научного творчества) кто-то должен заменить собой и выручить государство. Недавним переустроителям духовных академий, по-видимому, и в голову не приходило, что ассигнование средств на усиление научной производительности их — весьма важное дело, более, пожалуй, важное, чем открытие новых второстепенных кафедр, заранее обреченных, за общей профессорско-преподавательской скудостью, на бесплодное прозябание» (Памятная книжка за 1915 г.... С. 70).

На этот раз редакция журнала и Совет академии передавали свою просьбу через митрополита Питирима (Окнова). В представлении обстоятельно и даже слишком подробно для подобного рода обращений говорилось о роли и значении «Христианского чтения» в жизни академии, в частности, и отечественной богословской науки, в целом. Отдельно говорилось о тех переводах святоотеческих трудов, византийских историков и т. п., которые были осуществлены усилиями корпорации и опубликованы на страницах старейшего академического журнала. В представлении было особо подчеркнуто, что журнал в 1916 г. отмечает свое 95-летие со дня основания: «Христианское чтение» — старейший из русских духовных журналов: основанный корпорацией С.-Петербургской Духовной Академии по инициативе ректора ее архимандрита Григория, впоследствии митрополита С.-Петербургского, в 1821 году, он существует уже 95-й год и за все время своего издания самым тесным образом связан с жизнью Академии, как высшей богословской школы Православной Русской Церкви, являясь органом ее научно-богословской деятельности. <...> Но, представляя собой историю научно-богословской и просветительской деятельности нашей академии, «Христианское чтение» вместе с тем отражает в себе и историю духовного просвещения в России за целое почти столетие, так как журнал всегда чутко относился ко всем важнейшим движениям в жизни нашего Отечества. Таким образом, журнал «Христианское чтение» органически связан с самым существом Академии и ее жизнедеятельностью, как ее неотъемлемый орган для научной разработки и освещения вопросов богословско-философского и церковно-исторического значения, выдвигаемых потребностями современной жизни Православной Церкви и современным состоянием богословской науки. По этим основаниям прекращение издания «Христианского чтения» нанесло бы жизни академии непоправимый ущерб, лишив ее одного из важнейших способов осуществления ответственного служения Церкви»⁵². Вполне очевидно, что данная аргументация нужна была для того, чтобы убедить Св. Синод выдать необходимое ассигнование.

Наивно полагать, что подробный рассказ о переводах трудов святителя Иоанна Златоуста или преподобного Феодора Студита мог тронуть сердца чиновников Хозяйственного управления, от решения которых и зависело содержание указа Св. Синода. Им нужны были совершенно другие данные. Действительно, в скором времени управление запросило у академии информацию о том, куда были направлены и на что были потрачены 6.000 руб., выданные согласно указу Св. Синода в прошлом 1915 г.

Редакция «Христианского чтения», разумеется, соответствующий отчет предоставила незамедлительно. Из него следовало, что из выделенных 6.000 руб. на уплату за печать и бумагу будет выдано 4.500 руб., в качестве жалованья редактору — 600 руб., рассыльному — 240 руб., заведующему конторой — 360 руб. и 300 руб. — на печатание адресов, приобретение накладных, рассылку бесплатных экземпляров и прочие расходы. Из этих сумм за первую половину 1916 г. уже было израсходовано: на покупку бумаги — 1.542 руб., на уплату типографии — 1.645 руб., на жалованье служащим — 600 руб. и на прочие расходы — свыше 200 руб. Таким образом, никаких остатков не предвиделось и не предполагалось. Скорее даже наоборот, выделенной суммы, при возрастающих расходах на типографию, явно не хватало. Редакция журнала предполагала, что недостаток придется или пополнить из подписной платы, или же сократить и так небольшой объем выходящих номеров журнала. Также из отчета выясняется, что в 1916 г. у журнала было всего 375 платных подписчиков, которые, за вычетом расходов на персылку, приносили редакции около 2.000 руб. Эти деньги назначались на уплату гонорара авторам, в среднем около 25 руб. за лист. Итоговый вывод сводился к тому, что о существовании журнала в 1917 г. без синодального пособия, в размере не меньшем 6.000 руб., не может быть и речи, потому что никаких иных ресурсов у академии уже не было⁵³.

⁵² РГИА. Ф. 796. Оп. 202. I отд. 2 ст. Д. 547. Л. 2–2 об.

⁵³ Там же. Л. 3.

Приведенная информация убедила Хозяйственное управление в необходимости и на этот раз помочь Императорской Петроградской духовной академии. Указ Синода практически слово в слово повторял рекомендации чиновников финансового ведомства. Согласно указу Св. Синода от 12 декабря 1916 г., редакции «Христианского чтения» на издание журнала на 1917 г. в качестве единовременного пособия выделялось 3.000 руб. Естественно, возникает вопрос, почему пособие сократили без малого в два раза?

Весьма любопытная деталь выясняется из отношения Хозяйственного управления и указа Св. Синода. Оказывается, еще 8 октября 1916 г. высший церковный орган обратился в Государственную Думу с представлением за № 31429, в котором, между прочим, испрашивал из государственной казны ежегодное пособие с 1 января 1917 г. на издание журнала «Христианское чтение» в размере 3.000 руб.⁵⁴ Безусловно, с одной стороны, испрашиваемой суммы было явно недостаточно для дальнейшего полноценного издания журнала. И редакции пришлось бы и дальше ежегодно обращаться в Синод за материальной субсидией. С другой стороны, как и отмечалось выше, в Синоде наконец-то осознали, что богословский журнал должен издаваться на регулярной основе за счет, в том числе, постоянного казенного финансирования. Можно предположить, что, если бы не последующие революционные события 1917 г., то Св. Синод решил — или, по крайней мере, попытался бы решить — этот вопрос в таком ключе, чтобы со временем казенным финансированием были обеспечены все академические богословские журналы. Однако, по понятным причинам, этого не произошло.

* * *

Рассматривая историю издания академических журналов в последние предреволюционные годы, нельзя не увидеть, что все они переживали серьезный кризис. И кризис этот был не только финансово-материальным. Самое неприятное заключалось в том, что сокращалось количество подписчиков, и это несмотря на то, что выпускников духовных академий, т. е. потенциальных читателей, с каждым годом становилось все больше. Богословские журналы чаще всего выписывались казенными и церковно-общественными учреждениями: семинариями, духовными училищами, гимназиями, разного рода братствами и обществами. Те, в свою очередь, в условиях увеличения, с одной стороны, количества журналов и газет после 1905 г., и определенной, с другой стороны, скудости бюджетов вынуждены были подходить более избирательно к тому, какие именно журналы выписывать. Нет ничего удивительного, что в условиях оживления церковно-общественной жизни выбор все чаще делался в пользу различного рода церковно-общественных, а не научно-богословских журналов.

Академические же издания, со своей стороны, в погоне за подписчиками никак не могли — как это рекомендовали и даже требовали некоторые синодальные чиновники — идти по пути маргинализации и превращения в церковно-общественные, с налетом желтизны, издания. Академическое служение богословской науке в самом строгом смысле слова оставалось эталоном для всех редакций всех духовно-академических журналов.

Отрадно, что наметившееся противостояние Св. Синода и Советов академий прекратилось так и не успев начаться. Высший церковный орган в кратчайшие сроки, буквально в течение нескольких лет, претерпел эволюцию в своих воззрениях по рассматриваемому вопросу. И если на начальном этапе категорически заявлялось, что пособия выдавать не будут — потому что никогда такого не было, чтобы академическим журналам выдавались пособия, — то на заключительном этапе Синод уже обращается в Государственную Думу с просьбой выделить казенное

⁵⁴ Там же. Л. 1, 4.

обеспечение пусть пока только и для одного издания. Вне всякого сомнения, далее были бы предприняты и следующие шаги, с тем, чтобы финансирование, а значит, и достойное издание журналов всех четырех духовных академий Российской империи поставить на прочную основу.

Источники и литература

1. *Андреев Г. Л.* Христианская периодическая печать на русском языке 1801–1917 гг. Библиографический словарь: в 3 т. Т. 1: А — М. New York, 1998.
2. *Андреев Г. Л.* Христианская периодическая печать на русском языке 1801–1917 гг. Библиографический словарь: в 3 т. Т. 2: Н — Я. New York, 1998.
3. *Бурега В. В.* «Труды Киевской духовной академии»: история и современность // Богослов.ru. URL: <https://bogoslov.ru/article/2293473> (дата обращения 27.02.2021).
4. Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода князя Н. Д. Жевахова. СПб., 2008.
5. *Дионисий (Шленов), игум.* «Богословский вестник» (1892–2006): история и современность // Богослов.ru. URL: <https://bogoslov.ru/bv/bv> (дата обращения 27.02.2021).
6. *Журавский А. В.* К истории «Православного Собеседника» // Православный собеседник. 2000. № 1. С. 42–68.
7. Журналы заседаний Совета Московской Духовной Академии за 1911 год // Богословский вестник. 1911. Т. 2. № 7–8. С. 1–80 (5-я пагин.).
8. Журналы заседаний Совета Санкт-Петербургской духовной академии за 1913–1914 уч. г. СПб., 1916.
9. *Карпук Д. А.* Периодические издания Санкт-Петербургской духовной академии (1821–1917): к 190-летию журнала «Христианское чтение» // Христианское чтение. 2011. № 6. С. 41–89.
10. *Карпук Д. А.* Периодические издания Санкт-Петербургской духовной академии (1821–1917): к 190-летию журнала «Христианское чтение» (окончание) // Христианское чтение. 2012. № 4. С. 24–83.
11. *Мандзюк-Ильницкий В. Н.* «Труды Киевской Духовной Академии» — православный богословский журнал (1860–1917 гг.): историко-типологический анализ: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2015.
12. Памятная книжка за 1915 г. Издание общества духовной и материальной взаимопомощи бывших питомцев Императорской Петроградской Духовной Академии. Выпуск VI. Пг., 1916.
13. РГИА. Ф. 796. Оп. 191. VI отд. 1 ст. Д. 151. Об отпуске пособия на издание журнала «Православный Собеседник».
14. РГИА. Ф. 796. Оп. 192. Д. 410. Об отпуске редакции «Трудов Киевской духовной академии» 3000 руб. на издание «Библиотеки Творений Св. отцев и учителей церкви западных».
15. РГИА. Ф. 796. Оп. 196. I отд. 2 ст. Д. 512. О назначении пособия на содержание журнала С.-Петербургской духовной академии «Христианское чтение».
16. РГИА. Ф. 796. Оп. 200. I отд. 2 ст. Д. 524. О назначении 6 тысяч руб. на издание журнала «Христианское чтение» при Петроградской духовной академии.
17. РГИА. Ф. 796. Оп. 202. I отд. 2 ст. Д. 256. По предложению Хозяйственного Управления от 21 июня 1916 г. за № 20666 о пособии на издание журнала Московской академии «Богословский вестник» и о постановке издания академических журналов на новых началах.
18. РГИА. Ф. 796. Оп. 202. I отд. 2 ст. Д. 547. О назначении Петроградской академии пособия на издание журнала «Христианское чтение».
19. *Троицкий А., прот.* «Известия по Казанской епархии» // Православная энциклопедия. Т. XXI. М., 2009. С. 548–550.

Отчет о деятельности Студенческого литургического общества за 2019–2020 учебный год

В новом учебном году Студенческое литургическое общество продолжило свою деятельность в духовной академии. На 2019–2020 учебный год было много надежд и планов. Одни из них воплотились, а часть была отложена на осень, на начало нового учебного года, в связи с эпидемиологической обстановкой в стране и переходом всех учебных заведений на дистанционное обучение.

Несмотря на это, Студенческое литургическое общество организовало в 2019–2020 учебном году 4 семинара и 3 экскурсии.

Первый семинар «Опыт катехизации на приходе» состоялся 1 октября в профессорской духовной академии. Он был посвящен актуальным вопросам катехизации в приходской деятельности священнослужителя. Тема была выбрана неслучайно: опыт «живой» подготовки людей к принятию таинства Крещения был утерян уже давно и его теперь приходится возрождать, ссылаясь на опыт ранней Церкви, либо искать новые формы катехизации.

В круглом столе приняли участие как преподаватели академии, так и студенты. Председатель Отдела религиозного образования и катехизации Тихвинской епархии протоиерей Евгений Горячев представил доклад на тему «Современная православная катехизация: перечень основных методик и главных проблем». Пример положительного результата длительной катехизации представил настоятель Феодоровского собора протоиерей Александр Сорокин, который выступил с сообщением на тему «Почему Церковь невозможна без катехизации (опыт Феодоровского собора)». Студенты из других Поместных Церквей рассказали о том, как проходит катехизация в Кипрской, Сербской и Грузинской Поместных Церквях.

Следующий семинар был посвящен теме «Миссионерская и литургическая жизнь православной общины в Индии» и состоялся 19 ноября. Выпускник Санкт-Петербургской духовной академии 2019 г. священник Климент Нехайма рассказал о пастырской и миссионерской деятельности

Участники семинара «Опыт катехизации на приходе»,
1 октября 2019 г.

Участники круглого стола «Миссионерская
и литургическая жизнь православной общины
в Индии», 19 ноября 2019 г.

Выступление священника Климента Нехамайа на круглом столе, 19 ноября 2019 г.

Семинар «Частота исповеди в жизни Церкви: история и современная практика Поместных Церквей», 26 ноября 2019 г.

Выступление профессора протоиерея Георгия Митрофанова на семинаре «Великий покаянный канон: история и современность», 18 февраля 2020 г.

на территории, которая исторически никогда не принадлежала миссионерскому полю Русской Православной Церкви. Отец Климент является единственным священником Русской Православной Церкви, который окормляет территорию с населением более миллиарда человек. В ходе встречи он рассказал об особенностях совершения богослужений в своей местности, о миссионерской и катехизической деятельности, которые совершаются им не только в родном городе, но и в различных местах Индии.

Третий семинар — «Частота исповеди в жизни Церкви: история и современная практика Поместных Церквей» — прошел 26 ноября. На семинаре были представлены четыре сообщения. Студент 3-го курса бакалавриата Ангелов Илья проанализировал документ Русской Православной Церкви «Об участии верных в Евхаристии», относительно Таинства Покаяния. Учащиеся Факультета иностранных студентов уделили внимание практике совершения исповеди в своих Поместных Церквях. Орфанос Мнасон из Кипрской Поместной Церкви и Раффуль Маждид из Антиохийской Поместной Церкви рассказали о связи исповеди с Евхаристией, о частоте участия верных в Таинстве Покаяния и времени его совершения, а также о роли духовника в церковной жизни верующих. Паласио Савва поведал собравшимся о практике совершения исповеди в Римско-Католической Церкви.

Последний круглый стол в 2019–2020 учебном году состоялся 18 февраля 2020 г., в преддверии Великого поста, и был посвящен теме «Великий покаянный канон: история

и современность». В начале семинара выступил аспирант кафедры церковно-практических дисциплин чтец Дмитрий Спицын. Он представил историю переводов Великого покаянного канона на русский язык. Профессор протоиерей Георгий Митрофанов рассказал об опыте чтения покаянного канона из Постной Триоди Синодального издания 1915 г. Выпускник академии протоиерей Виталий Головатенко, автор поэтического изложения канона прп. Андрея Критского, представил аудитории историю возникновения этого текста

Чаепитие во время посещения
Александрo-Невской Лавры, 22 октября 2019 г.

и опыт литургического использования поэтического изложения покаянного канона. Студент II курса Церковно-практического отделения магистратуры иеромонах Феофан (Друганов) сравнил несколько текстов одного тропаря из канона на греческом, церковнославянском и русском языках. По результатам встречи был подготовлен краткий материал семинара, опубликованный на сайте академии (<https://spbda.ru/publications/molitsya-tak-nevozmojno-varianty-perevoda-velikogo-kanona-sv-andreya-kritskogo/>).

Помимо семинаров традиционными стали экскурсии, организованные Студенческим литургическим обществом для учащихся Санкт-Петербургской духовной академии. В 2019–2020 учебном году их было три.

Первая экскурсия состоялась 22 октября в Александрo-Невскую Лавру, в стенах которой духовные школы на Неве начинали свою историю. По традиции экскурсия завершилась совместным чаепитием, за которым студенты имели возможность пообщаться с выпускниками академии, принявшими после окончания alma mater в этой прославленной обители монашеский постриг. В свою очередь, выпускники интересовались жизнью академии в настоящее время.

24 декабря Студенческое литургическое общество организовало посещение домового храма в честь святых апостолов Петра и Павла в Санкт-Петербургской Академии постдипломного педагогического образования, в котором настоятелем является профессор Санкт-Петербургской духовной академии протоиерей Георгий Митрофанов. Это мероприятие стало заключительным в 2019 календарном году. После рассказа отца Георгия об особенностях совершения служения в домовом храме учебного заведения состоялось чаепитие. В нем участвовали также двое прихожан, один из которых, профессор П. Е. Бухаркин,

Посещение домового храма в честь святых апостолов
Петра и Павла в Санкт-Петербургской Академии
постдипломного педагогического образования,
24 декабря 2019 г.

является преподавателем Санкт-Петербургской духовной академии. Получилась открытая, живая беседа. Студентов преимущественно интересовали вопросы об устройении приходской жизни и литургические особенности прихода отца Георгия.

Заключительной в учебном году стала поездка в Свято-Троицкую Сергиеву Приморскую пустынь, состоявшаяся 28 января 2020 г. Экскурсию по монастырскому комплексу провел выпускник академии иеромонах Андрей (Бартов). Примечательно, что на протяжении долгих лет наместниками пустыни были ректоры духовной ака-

Экскурсия в Свято-Троицкую Сергиеву
Приморскую пустынь, 28 января 2020 г.

кадемии. После знакомства с монастырем участники экскурсии во время чаепития пообщались с отцом Андреем, который является составителем Молитвенника на русском языке, и задали ему интересующие вопросы о церковно-монастырской жизни.

Таким образом, в 2019–2020 учебном году Студенческое литургическое общество организовало 7 мероприятий. Их количество должно было быть гораздо больше, но из-за эпидемиологической обстановки в стране проведение семинаров и экскурсионных программ стало невозможным.

В новом, 2020–2021 учебном году планируется провести те встречи, которые были запланированы на завершившийся учебный год, и ввести несколько новых форматов для проведения собраний Студенческого литургического общества.

*Диакон Алексей Ремизов,
Антоний Сапрыкин*

Чуриковщина, как одна из мистико-рационалистических сект нашего времени. (История и учение)

Лекция по кафедре сектоведения, прочитанная 12 октября 1956 г.¹

В течение XVIII–XIX вв. в России появилось немало рационалистических и мистических сект. Из последних самой распространённой была появившаяся в нач. XVIII в. хлыстовщина, которая с течением времени разделилась на множество толков с различными оттенками. На почве хлыстовского учения выросли известные в настоящее время секты «иоаннитов», чуриковцев, иннокентиевцев.

Чуриковцы, называемые еще «братцами-трезвенниками», о которых нам надлежит говорить, заимствовали у хлыстов учение о Христе, о перевоплощении Христа, о переселении душ и др. На религиозной доктрине чуриковцев заметно отразилось также влияние и рационалистических сект (в частности, толстовцев и молокан), о чем можно заключить на основании отношения «трезвенников» к Свящ. Писанию, которое они признают источником вероучения, но толкуют по своему соображению.

Поэтому чуриковщину следует отнести к разряду мистико-рационалистических сект.

Основатель секты Ив. Ал. Чуриков происходил из религиозной семьи (род. в 1862 г. в Самарской епархии). Он был малограмотным, но отличался практическим умом. В 1890–93 гг. его постигает ряд несчастий, под впечатлением которых он продаёт своё имущество, говоря, что богатство портит человека, и отправляется в странствование по России. В это время он знакомится с жизнью и учением т. наз. «опрощенцев», толстовцев и хлыстов.

В 1894 г. Чуриков прибыл в Петербург и поселился на Васильевском острове, начал посещать столичные храмы и особенно интересовался службой прот. Иоанна Сергиева (Кронштадтского).

Проживая в столице, Чуриков, будучи человеком наблюдательным, обратил внимание, что в городе обитает множество людей, нужда которых заставила скитаться по ночлежным домам, вокзалам, трактирам; предаваться страшным порокам пьянства, воровства, разврата. Как человек верующий, воспитанный на традициях православной семьи, Чуриков был поражён таким образом жизни христиан и решил заняться обращением грешников на путь покаяния. С этой целью он вступил в «Общий Комитет Трезвости гор. СПб» и начал посещать ночлежные дома, трактиры и т. п. заведения, уговаривая пьяниц оставить вредный порок.

Открытка с И. А. Чуриковым

¹ Текст данной лекции, сохранившейся в личном деле заслуженного профессора протоиерея Василия Стойкова, набрали студенты 3 курса бакалавриата Санкт-Петербургской духовной академии Максим Архипов, Павел Лихолай и Василий Савин (2020–2021 учебный год). Изображения взяты из открытых источников.

Беседы Чурикова с пьяницами имели успех. К нему на квартиру стали приходиться за советом жены пьяниц, пьяницы и др. безнравственные люди. Образовался круг почитателей, которые стали величать Чурикова «дорогим братцем Иоанном, целителем, вождём трезвости» и всюду распространять о нём лестные слухи. Лесть окружавших развила в Чурикове дух самомнения и сектантской гордости (прелести). Он оставил «Комитет Трезвости», перестал посещать публичные места и начал у себя на квартире проводить беседы на евангельские, апостольские, пророческие и житийные темы. При этом к Свящ. Писанию применял аллегорический метод толкования с целью применить толкуемое к своей личной деятельности.

Не желая быть обнаруженным в своих мудрованиях, Чуриков старается официально открыть свои собрания под вывеской «Общества Ревнителей Православной Веры». Но ему это не удаётся. Вместо учреждения «общества» Чурикову предложили (в 1897 г.) отправиться на прежнее местожительство (в Самарскую губернию). Возвратившись на родину, «братец Иоанн» выдаёт себя за единственного обладателя и проповедника Христовой истины, которую он Самим Богом послан возвестить миру; утверждает, что он учитель истинной веры и образец правильной, доброй христианской жизни, проповедник, чудотворец, ходатай пред Богом за весь грешный мир и, подобно Христу, страдалец и чуть-ли не мученик за проповедуемую истину (Свящ. М. Иванов. Секта Чурикова, стр. 8).

В 1898 г. Чуриков снова появляется в Петербурге. Последователи встречают его с большим триумфом. Он окружает себя «сестрицами» и снова начинает проводить запрещённые ему беседы, на которые стекалось немало слушателей.

В 1900 г. Чуриков был направлен в Суздальский Спасо-Евфимиев монастырь для покаяния и исправления. В его отсутствие его последователи тайно проводили свои собрания на Лиговке, Измайловском, Охте, Невском проспекте, Васильевском острове, Екатерининском канале, Петербургской стороне и др. местах. Это наглядно говорит о том, что число почитателей «брата Иоанна» появилось довольно много.

Через несколько месяцев заточения Чуриков возвратился из монастыря и ещё сильнее развил свою деятельность. Под его непосредственным руководством его «братчики» организовывали собрания и проводили беседы в Москве, Омске, Аккермане и др. городах.

Несмотря на широкий размах сектантской пропаганды, Чурикова всё же нельзя было сразу уличить, как явного сектанта. В помещении, где Чуриков проводил беседы, имелись иконы, пред которыми горели лампы. «Братец» начинал говорить всегда только после того, как слушатели пропоют «Отче наш» и «Царю Небесный». Беседы часто прерывались исполнением общеизвестных церковных молитв и песнопений. Чтения из Евангелия, апостольских посланий, пророческих книг и житий святых неизменно сопровождались призывом к покаянию и трезвой, нравственной жизни. На каждой беседе неизменно осуждалось пьянство, блуд, различного рода увеселения. Неоднократно из уст Чурикова можно было слышать грозное: «Покайся», а в ответ несло: «Грешны; прости; дорогой братец; помолись, дорогой братец» и т. п.

На первый взгляд кажется, что в чуриковских собраниях нет ничего предосудительного. Но при ознакомлении с содержанием бесед проливается свет на сектантскую сущность учения Чурикова.

Прежде всего обращает [на себя] внимание своеобразное отношение «вождя трезвости» к тексту Свящ. Писания.

Чуриков никогда не объяснял Писания буквально. О чём бы ни читал он, всё понимал в переносном смысле и старался применить прочитанное для обличения гл. образом пьянства. Его толкования искажали истинный смысл Писания, поскольку основывались не на творениях св. отцов, а на личном понимании.

Такое понимание Св. Писания привело к тому, что Чуриков стал извращать церковные догматы. Из его бесед можно видеть, что он воскресение Христово понимал духовно — как воскресение слова Божия в сердцах людей, которые «были пьяницами и стали трезвыми, были сердитыми и стали кроткими, были слепы и прозрели» (Слово жизни. СПб., 1913, стр. 11).

Вознесение Спасителя, по мнению Чурикова, это вознесение Его учения; царство Божие — это слово Божие (там же, стр. 12). В учении его нет речи о таинствах, он только упоминает о покаянии и причащении, но понимает их в превратном смысле: покаяние — это исцеление через слышание слова Божия; причащение — усвоение учения Христова (там же, стр. 23–27). Поясняя 11-й член Символа веры, Чуриков говорит: «чаю воскресения трезвых через воскресение слова Божия в людях. Они должны ожить во Христе при первой духовной трубе проповедника» (Беседы 1911 г., № 1, стр. 5; № 4, стр. 4; № 16, стр. 5, 6).

Учение Чурикова о Христе носит яркий отпечаток хлыстовских воззрений. «Христос, — говорит он, — придёт таким же образом, как приходил и раньше в людях, как приходил потом в Иоанне Златоусте, Василии Великом, Григории Богослове. Таким же образом он приходил во всех святых, но Его не узнали в них... Он приходил чрез пророков, чрез апостолов, чрез отцов Церкви, чрез Серафимушку, чрез Иоанна Кронштадтского... И чрез всех своих ревнителей... Что делал Христос, то делали и апостолы, то делал и Иоанн Златоуст, и все Христовы ревнители. Христос всегда приходил и всегда будет приходиться чрез своих ревнителей» (Слово жизни, стр. 20). В другом месте он прямо говорит, что Христов было много (Авраам, Моисей, Давид, Даниил и др.). «И все Христы творили великие знамения и чудеса и тем спасали человечество. ... Поэтому можно сказать, — утверждает Чуриков, — что и отец Иоанн Кронштадтский — чудотворец, ... был также Христос, потому что целил людей именем Иисуса Христа» (Беседы. 1911 г., № 16, стр. 9–10).

После таких суждений оставалось только сделать вывод, что и сам Чуриков — Христос, ибо спасает людей от пьянства. Однако у Чурикова не хватило смелости сделать этого, да и не было необходимости. Последователи его сами объявили Христом, о чём особенно ясно и недвусмысленно сказано ближайшим учеником Чурикова, московским «братцем» Дмитрием Григорьевым: «Тот Христос, Которого в Церкви изображают на досках, — гов. он, — был для древних людей и умер, а теперь Христос вновь народился (наш дорогой братец) и ведёт нас к вечному блаженству» (*И. Восторгов*. К вопросу о братцах. Стр. 13).

Если Чуриков умел еще скрывать свои неправославные взгляды под личиной православия, то в беседах московских «братцев» Ивана Колоскова и Дм. Григорьева еретическое учение чуриковцев обнаружилось во всей наготе. Вот слова самого Григорьева: «Вы учитесь, что Христос жил, умер, воскрес и вознесся на небо..., а я знаю, — гордо утверждает он, — что Христос жил, умер и тело Его истлело в земле; дух же его вошел в меня, как и всякого, кто знает и проповедует Евангелие...» (*И. Восторгов*. Стр. 12). Это кощунственное мудрование основывается на учении Чурикова о том, что «Христос» может быть много. Здесь Григорьев только развивает мысль своего учителя-еретика.

Церковное учение о Страшном Суде, воскресении мертвых и будущей жизни московские «братцы» заменили хлыстовским лжеучением о переселении душ, которые, по их мнению, должны скитаться в этом мире, пока судьба их не определится (*И. Восторгов*. Стр. 29). Далее «братцы» говорят, что церковное учение о необходимости покаяния — это обман, что покаяние было нужным только до времени пришествия Христа. Говоря так, они, очевидно, не без умысла скрывали от слушателей свидетельства Свящ. Писания о даровании апостолам власти отпущения грехов (Ин 20:23) и о том, что апостолы по вознесении Христовом проповедовали покаяние и крещение для отпущения грехов (Деян 2:38).

По мнению «братцев», в Церкви богоустановленного благодатного священства нет, имеются только фарисеи, называющиеся монахами, митрополитам, архиереями, архимандритами и т. п. именами (*И. Восторгов*. Стр. 27).

Таинства миропомазания и елеосвящения «братец» Колосков отверг и заменил их своим помазанием обыкновенным маслом, которое якобы должно подавать исцеление (*И. Восторгов*. Стр. 21). При этом он ссылается на пример апостолов (Мк 6:12–13), очевидно, забывая, что он не апостол и не имеет апостольского преемства. Московские «братцы» отвергли также церковное бракосочетание, называя его

благословением для разврата. Вместо брака они проповедовали свободную любовь, основываясь на том, что Господь не осудил блудницу (*И. Восторгов*. Стр. 23–24).

Григорьев утверждал, что Православная Церковь — не богоустановленное общество, поэтому в православные храмы ходить не следует. Истинная церковь, по его мнению, это общество, которое возглавляется не мертвым, но живым «Христом»: в Петербурге — Чуриковым, а в Москве — им (Григорьевым) и Колосковым.

На основании тщательного расследования, произведенного известным миссионером Айвазовым, была установлена хлыстовская сущность воззрения «братцев» — Григорьева и Колоскова, и они были отлучены от Церкви в 1910 г.

Чуриков, узнав, что сектантская деятельность его ближайших учеников разоблачена, поспешил подать Петербургскому митр. Антонию прошение, в котором говорил, что не имеет ничего общего с московскими «братцами», считает себя сыном Церкви и слушателей своих располагает держаться православной веры. Для устранения подозрений он даже просит, чтобы на его беседах присутствовал священник (Церк. Вестн. 1911, № 14–15, стр. 428). Кроме того, по требованию Миссионерского Совета, Чуриков дал письменное исповедание своей веры, в котором говорил, что верует так, как учит Церковь и как это учение изложено в Катехизисе митр. Филаретом. Затем ему было предложено написать более подробное и конкретное исповедание, что он и сделал с большой готовностью (Слово жизни. Стр. 43–50).

Ни письменное изложение веры, ни устные заявления Чурикова пред духовной властью не обнаруживали в нем сеятеля сектантства, он казался вполне православным.

И хотя многие видели в Чурикове хитрого сектанта, лицемерно скрывавшего свои убеждения, некоторые церковные авторитеты в деятельности «братца» не подозревали ничего опасного для православной веры. Таким был петербургский епархиальный миссионер Д. И. Боголюбов, который даже на страницах церковной печати старался зачитать Чурикова, основываясь на его письменных исповеданиях (*Боголюбов*. Три документа. Церк. Вестн. 1911, № 14–15).

Но лицемерие «вождя трезвости» было скоро обнаружено. Вопреки устным заявлениям Чуриков проявил враждебное отношение к Церкви и священству. Он просил митр. Антония посылать на беседы священников. Однако он всякий раз отклонял намерение присутствовавших пастырей говорить что-либо для исправления его заблуждений и неправильных толкований Писания. А в июне 1912 г. один из посланных на беседу иереев был избит «трезвенниками» в присутствии самого Чурикова (Слово жизни. Стр. 52–57).

Отмечая этот факт, следует сказать, что Чуриков старался прямо не высказываться ни против Церкви, ни против иерархии, ни против православных христиан, но строил свои беседы так, что слушатели невольно воспитывались в духе вражды к православию.

Здесь уместно вспомнить тактику, принятую сектантами-рационалистами для борьбы с Церковью. В 1908 г. в Харькове сектанты открыли курсы для так наз. «молодых проповедников Евангелия», к которым был направлен призыв в следующих словах: «... Если вы начнете с критики форм, обрядов и традиций православия, то народная масса, веками сжившаяся с этими традициями, ... выгонит вас...». Поэтому, «вооружившись библейскими текстами, смело и беспощадно обличайте вековые и традиционные пороки жрецов... Читайте народу пророческие обличения ложных учителей. Например, *Иез 34:3–6*... К этим словам пророка вам не надо присоединять какого-либо толкования (слушатели сами сделают вывод) ... Внушайте народу, что жрецы — народные обманщики, в своих выгодах они скрывают учение Христова — *Мф 23*» ... (*Д. Боголюбов*. Новейшая тактика сектантской пропаганды в православных приходах. Церк. Вестн. 1911, № 47, стр. 1464–1468).

Знал ли Чуриков о тактике харьковских сектантов, трудно сказать, но нет сомнения в том, что он пользовался именно таким методом для сеяния плевел на церковной ниве.

И в этом мы убеждаемся на основании его бесед, из которых для наглядности приведем несколько выдержек. «Так и теперь многие говорят, — замечает

он, — мы Христовы, мы православные христиане. Если бы вы были Христовы, то делали бы дела Христовы» (Беседы. 1911 г., № 10, стр. 3).

Прочитав Тит 1:10: «Ибо есть много непокорных, пустословов и обманщиков» ..., Чуриков совсем бессвязно бросает гневное обличение: «Они пустословы, а не бого-словы, они подобны фарисею, гордившемуся своею святостью. Таковые развращают целые дома, уча тому, чему Бог не учил» (Беседы. 1911 г. № 15, стр. 5).

«Они только называются православными, а занимаются распутством и говорят: “Бог простил блудницу и меня простит”. Нет не простит» (Бес. 1911 г. № 18, стр. 12).

«Я взял выдержку из книги Левит (гл. XIV), — говорит он в другом месте, — о том, что священникам было поручено врачевать людей, но они передали врачевство светским врачам, а сами стали исполнять одни только обряды» (Беседы. 1911 г. № 18, стр. 7).

Из этих слов без пояснения видно, к чему клонит Чуриков. Поэтому слушатели без всякого труда делали заключение, что ни Церковь, ни таинства, ни священники не нужны, ибо у православных пастырей нет благодати; что эта благодать почивает только на «братце», ибо он врачует недуги людей. Да и сам «братец» говорил: «Я чудеса творю, исцеляю больных, и всякий истинный посланник Божий должен чудеса творить» (*Иером. Вениамин. Подмена христианства. СПб. 1912 г. стр. 23, 21*).

Но на самом ли деле совершал чудеса этот лжеучитель? Действительным можно признать только то, что под его влиянием многие пьяницы и блудницы оставили свои пороки. Что же касается «чудес» и «исцелений», то они основаны исключительно на ложной славе, которую ему создали его слепые почитатели. Читая беседы Чурикова, можно видеть, что на его слова: «Христос сказал, Христос спас, совершил чудо, исцелил», толпа «сестриц» и «братчиков» в мундирах швейцаров выкрикивала: «Это ты, наш дорогой братец, сказал; ты нас спас, ты нас исцелил» (*Подмена христианства, стр. 20*). Заражаясь этими, далеко не безвозмездными, криками «сестриц» и «братчиков», слушатели и считали Чурикова чудотворцем, целителем. И многие из них доверчиво приходили к «братцу», испрашивали молитв и благословения, получали «целительное маслице», отказывались от врачебной помощи, вследствие чего иногда умирали, запустив болезнь (*Слово жизни. Стр. 75*).

Но Чуриков об этом ничего не знал или не хотел знать. Люди, окружавшие его, постоянно твердили ему, что он великий чудотворец, которого несправедливо преследуют церковники по зависти. Принимая лесть за правду, Чуриков дошел до предела гордыни и духовной прелести, что обнаружилось в кощунственном применении к себе слов Евангелия, относящихся к Спасителю. Так, он начал распространять свои портреты за собственноручной подписью «Братец Иоанн Самарский. См. от Иоанна Г. 8. 48 и Г. 10. 20».

Открывая Евангелие на этом месте, читаем: «Кто от Бога, тот слушает слова Божии. Вы потому не слушаете, что вы не от Бога (Ст. 47). На это иудеи отвечали и сказали Ему: Не правду ли мы говорим, что Ты самарянин и что бес в Тебе? (Ст. 48). Иисус отвечал: Во мне беса нет; но я чту Отца Моего; а вы бесчестите Меня».

«Многие из них (иудеев) говорили: Он одержим бесом и безумствует; что слушаете Его (Ст. 20). Другие говорили: Это слова не бесноватого; может ли бес отверзаты очи слепым».

Из этого видно, что Чуриков прямо поставил знак равенства между словами: самарянин и самарский, а под отвергшими Спасителя иудеями понимал православных, которые не вразумляются «чудесами» «учителя трезвости».

Все эти мудрования в сочетании с антицерковными выпадами Чурикова заставили Епархиальные власти обратиться на него серьезное внимание. В начале 1913 г. Миссионерский Совет призвал Чурикова для увещания. На основании его писем и изданных в 1911 г. бесед миссионер Айвазов обличил его сектантскую деятельность, после чего Совет обратился к Чурикову с предложением прекратить беседы. Чуриков запротестовал и с различными угрозами на устах ушел. Теперь уже не было сомнения в том, что Чуриков — опасный сектант, враждебно настроенный к Церкви. Поэтому Миссионерский Совет с целью ограждения православных от чуриковских заблуждений издал

Открытка с подписью
«Братец Иоанн Самарский»
См. от Иоанна Г. 8. 48 и Г. 10. 20»

сборник под названием «Слово жизни о чуриковцах» (СПб., 1913 г.), в котором с достаточной, убедительностью доказывалось, что учение Чурикова опасная ложь, прикрываемая авторитетом Свящ. Писания.

Но нашлись апологеты Чурикова и московских «братцев». Это были Столыпин, Громогласов, Линдеман и другие. Они утверждали, что «братцы» — это народные санитары, особенно одаренные вожди трезвости и христианской нравственности. Их не следует обвинять в неправославном учении, ибо «братцы» — не ученые догматисты, а только лишь учителя добродетельной жизни. И как бы в противовес и опровержение «Слова жизни» издали в Москве в 1913 г. «Сборник речей о трезвенническом движении». Это еще лишний раз укрепляло самомнение Чурикова, хотя он и до этого без всякого смущения продолжал развивать свою деятельность. При материальной помощи своих почитателей он в том же 1913 году построил на ст. Обухово молитвенный дом, а около станции Вырица — целый поселок, где организовал коммуну, под именем «Новый Иерусалим», известную еще под названием «Комму-

на-бич» (См. Ис. 28, 18). Это был своеобразный сектантский монастырь, в котором чуриковцы, беспрекословно подчиняясь своему «братцу», исполняли различные работы по хозяйству: обрабатывали поле, ухаживали за скотом, работали в мастерских, вывозили продукцию для продажи на петербургских рынках. Членам коммуны запрещалось употреблять мясо, вино; пение светских песен, чтение книг, кроме Библии и житий; употребление лекарств и пользование врачами.

После Октябрьской Революции (1917 г.) Коммуна была официально зарегистрирована как «Общество трезвости братца Иоанна Чурикова». До 1927 г. Чуриков еженедельно выезжал для бесед на ст. Обухово, а с этого времени и до 1931 г. его деятельность сосредоточилась исключительно в Вырице. Для распространения своего учения он посылал лично испытанных проповедников в районы Ленинградской и других областей. У него была организована целая сеть так называемых «агитпропов», где проводились беседы, прославляющие Чурикова, как Христа и целителя, раздавалось «маслице» и беседы «братца Иоанна», принимались пожертвования для благоустройства «земного рая» — «братцевой» коммуны. Кроме этих «агитпропов», после революции были созданы молодежные ячейки под названием «Чуртрезвомол», через которые привлекалась молодежь.

В настоящее время чуриковцев еще много в Ленинградской области, особенно в поселке Вырица. Но у них нет такой прочной организации, как при Чурикове. Они теперь и не собираются открыто для проведения своих бесед. Однако чуриковцев можно обнаружить по некоторым признакам, особенно в разговоре. В обращении друг с другом они стараются употреблять уменьшительные и ласковые слова. На упреки, относящиеся к ним, обычно ехидно улыбаются. Они очень любят рассказывать о своей бывшей порочной жизни и «чудесном» избавлении от пороков по молитвам «дорогого братца Иоанна». Многие из чуриковцев по-прежнему Чурикова считают «христом», поэтому почти каждая сектантская семья имеет у себя его портрет (с надписью «Братец Иоанн Самарский. См. от Иоанна Г. 8, 48 и Г. 10, 20»).

Чуриковщина и теперь, как и раньше, отвергает все церковные установления, начиная с обрядов и кончая таинствами. Но в этом отношении среди чуриковцев заметно разделение. Одни из них не посещают православных храмов, хотя Чуриков не запрещал этого. Другие изредка ходят в храм, отвергая, однако, церковные таинства. Есть и такие, которые, вопреки основному положению «трезвенников», требующему полного воздержания от вина, изъявляют желание причащаться Св. Таин. Некоторые из них, которых, правда, немного, совсем оставили секту и являются членами православных общин.

Последнее обстоятельство порождает надежду, что заблудшие постепенно возвратятся в Церковь, а чуриковщина отойдет в область предания. Однако не нужно самоуспокаиваться. Бдительность по ограждению православных общин должна быть постоянной, ибо чуриковщина, как секта тайная, еще довольно живуча.

В заключение этого краткого очерка следует сказать, что сектанты часто для привлечения последователей употребляют соблазнительную приманку. Такой приманкой у Чурикова был призыв к трезвой, нравственной жизни. Но под прикрытием этого призыва он сеял плевелы, которые заглушали истину. После этого неопытные в духовной жизни и неискующие в учении Христовом поддавались влиянию лжеучителя, и он мог вести слепых почитателей, куда сам хотел.

Но если бы христиане всегда помнили предсказания Спасителя о лжепророках, то не попадали бы так легко в пагубные сети ереси. Господь сказал: «Берегитесь, чтобы кто не прельстил вас. Ибо многие придут под именем Моим и будут говорить: я Христос, и многих прельстят» (Мф 24:4–5). «Тогда если кто скажет вам: вот здесь Христос или там, — не верьте. Ибо восстанут лжехристы и лжепророки и дадут великие знамения и чудеса, чтобы прельстить если возможно и избранных» (Мф 24:23–24).

К числу этих лжехристов несомненно принадлежит Чуриков и его московские «братцы» и их последователи.

Чуриковцы, подобно всем древним и новым еретикам, претендуют на обладание истиною. Но истина только в Церкви. Всякие религиозные искания вне Церкви приводят к пагубным последствиям: ереси, духовной прелести, кощунственной гордыни и погибели. Поэтому «не должно у других искать истины, которую легко заимствовать от Церкви. Ибо в нее как бы в богатую сокровищницу апостолы положили все, что принадлежит истине, так что каждый желающий может принимать от нее питье жизни. Она есть дверь жизни» (*Св. Ириней Лионский. Против ересей, Кн. III, гл. IV*).

Источники и литература

1. Боголюбов Д. И. Три документа. Церк. Вестн. 1911.
2. Вениамин, иером. Подмена христианства. СПб., 1912.
3. Восторгов И. К вопросу о братцах. М., 1911.
4. Иванов М., свящ. Секта Чурикова, и ее происхождение и учение. Ленинград, 1955.
5. Плотников К. История и обличение русского сектантства. Петроград, 1916.
6. Пругавин А. С. Братцы и трезвенники. М., 1912.
7. Слово жизни о чуриковцах. СПб., 1913.
8. Чуриков И. А. Беседы за 1911, 1912 гг. Изд. Трегубова.

Разбор окружного послания Ксеноса

Лекция по кафедре расколоведения, прочитанная 7 декабря 1956 г.¹

Иларион Георгиевич Кабанов (Ксенос)

австрийское священство, начало которому положил греческий митр. Амвросий (1846).

Таковыми людьми в основном были последователи т. наз. дьяконова согласия, не разделявшие господствовавшего в расколе мнения о Православной Церкви и требовавшие принимать приходящих от нее не через миропомазание, как делали другие раскольники, а через покаяние.

Таким был и Иларион Георгиевич Кабанов, автор Окружного Послания, называвший себя убогим Ксеносом.

Воспитанный на понятиях дьяконовцев, при своем светлом уме, обширной начитанности и горячем религиозном чувстве, он глубоко скорбел о душепагубных заблуждениях своих братьев-старообрядцев, державшихся ложного учения о Православной Церкви, от которой заимствовали свою иерархию. Видя, что это учение противоречит Свящ. Писанию и Преданию и подрывает основы австрийского священства, Ксенос решил очистить старообрядчество от нечестивых мудрований, не имея, однако, намерения соединить его с Церковью и, тем более, признать его виновным перед Церковью.

Первые раскольники — старообрядцы, отличались крайне отрицательным отношением к Православной Церкви. Они прямо заявляли: «Нынешняя церковь несть церковь, тайны божественные не тайны, крещение не крещение, архиереи не архиереи, писания лестна, учение не праведное и вся скверна и не благочестна» (Материалы для ист. раск. т. II, стр. 70).

С разделением раскола на поповщину и беспоповщину этот взгляд на Православную Церковь стал отличительной чертой беспоповцев. Но и большинство старообрядцев, принадлежащих к беглопоповщине, а затем (1846 г.) принявших белокриницкую иерархию, придерживались того же мнения, что и беспоповцы, и вместе с ними считали, что антихрист уже явился, и греко-русская церковь заражена его скверною, что она поэтому не имеет благодати, а под именем Иисуса она верует в иного бога-антихриста.

Люди, не омраченные до конца тьмою раскола, замечали явное противоречие, в какое впадали поповцы, проповедуя, что Православная Церковь верует в антихриста, и в то же время принимая от этой Церкви сначала беглых попов, а затем и ав-

¹ Текст данной лекции, сохранившейся в личном деле заслуженного профессора протоиерея Василия Стойкова, набрали студенты 3 курса бакалавриата Санкт-Петербургской духовной академии Иван Леликов, Савва Кравец, Евгений Тимофеев, Иоанн Турагин и Кирилл Шевелев (2020–2021 учебный год). Изображения взяты из открытых источников.

Как человек, знающий церковные каноны, Ксенос постарался осуществить свое решение через старообрядческих епископов, убедив их подписать и издать в 1862 г. составленное им Окружное Послание.

Окружное Послание впервые было напечатано в 1864 г. в г. Яссах. Другой раз оно было издано в Коломые в 1876 г. Оно помещено также в Чтениях в Общ. Ист. и древностей за 1865 г. (кн. 3).

Мы пользуемся текстом этого Послания, изданным проф. Н. Субботиным в 1893 г. в Москве.

При издании Окружного Послания историк раскола пользовался яским и др. печатными изданиями, а также некоторыми списками, что дало их в подстрочных примечаниях. Последнее обстоятельство и дает основание при выборе текста Окружного Послания для его разбора остановиться именно на издании Н. Субботина.

Из пособий по теме следует отметить:

1. Статьи прот. Боголюбова в ЖМП (1946 г. № 3 и 7)².
2. Воспоминания о Ксеносе в «Братском Слове» за 1884–85 гг.
3. Труды проф. Е. Голубинского. К нашей полемике со старообрядцами. М. 1905 г.³
4. Св. Дим. Рост. Розыск отраскольнической братской вере. М. 1847.⁴
5. Н. И. Ивановского. Окружники и противокружники. Казань. 1882.⁵
6. Н. И. Ивановского. Руководство по ист. и обл. старообрядческого раск. Каз. 1880.⁶
7. Свящ. И. Козлов. В помощь миссионеру. Петроград. 1915.⁷
8. Материалы для ист. раскола, изд. проф. Субботина, т. II, т. V, т. VI.⁸
9. Монастырев М. Историч. очерк австрийского священства. Казань. 1877.⁹
10. Парфений иеромонах. Разбор Окр. Посл., составленного лжеархиепископом австрийско-поповщинской секты Антонием с сотрудниками. М. 1863 г.¹⁰
11. К. Плотников. История Русского раскола старообрядчества. СПб., 1914.¹¹
12. Н. Субботин. Новый раскол в расколе. М. 1867.¹²

² См.: Боголюбов Д., прот. О вожденном церковном мире (братское обращение к старообрядцам, приемлющим священство) // Журнал Московской Патриархии. 1946. № 3. С. 22–25; Его же. Братский ответ старообрядцам, вопрошающим о Белокриницкой иерархии // Журнал Московской Патриархии. 1946. № 7. С. 31–34.

³ См.: Голубинский Е. Е. К нашей полемике со старообрядцами: Дополнения и поправки к полемике относительно общей её установки и относительно главнейших частных пунктов разногласия между нами и старообрядцами. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Имп. о-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1905. 260 с.

⁴ См.: Дмитрий Ростовский, свт. Розыск о раскольнической брынской вере, о учении их, о делах их, и изъявление, яко вера их неправа, учение их душевердно и дела их небогоугодна. М., 1847.

⁵ См.: Ивановский Н. И. Окружники и противокружники в согласии старообрядцев, приемлющих австрийское священство // Православный собеседник. 1881. Ч. 3. № 11. С. 171–207.

⁶ См.: Ивановский Н. И. Руководство по истории и обличению старообрядческого раскола с присовокуплением сведений о сектах рационалистических и мистических. Казань: Тип. Имп. Ун-та, 1886–1887.

⁷ См.: В помощь миссионеру, пастырю и ревнителю православия: пособие по новейшей полемике с расколом, изложенное по предметам в алфавитном порядке / Оленецкий епархиальный миссионер-священник И. Козлов. Петроград: Тип.-литогр. Петроградской одиночной тюрьмы, 1915. 571, [2], XVII, [3] с.

⁸ См.: Материалы для истории раскола за первое время его существования: Т. 1–9 / Под ред. Н. Субботина. М.: Братство святого Петра Митрополита, 1874–1894.

⁹ См.: Монастырев М. Я. Исторический очерк австрийского священства после Амвросия. Казань: Тип. Имп. Ун-та, 1877. 330, II с.

¹⁰ См.: Парфений (Агеев), игум. Разбор «Окружного послания», составленного лжеархиепископом австрийско-поповщинской секты Антонием с сотрудниками. М., 1863.

¹¹ См.: Плотников К. Н. История русского раскола, известного под именем старообрядчества. 7-е изд., испр. и доп. СПб., 1914. 206, III с.

¹² См.: Субботин Н. И. Новый раскол в расколе. М.: Унив. тип., 1867. 27 с.

Послание адресовано «возлюбленным чадам единыя, святыя, соборныя, апостольския, древлеправославно-кафолическия, церкве, всем и повсюду пребывающим, хранящим и соблюдающим догматы правыя веры и предания святых Апостол и святых и богоносных отец, пастырей и учителей вселенских».

По содержанию Послание можно разделить на четыре части: 1) вступительную, 2) полемическую, 3) вероучительную, 4) заключительную.

В первой части Послание призывает «последовати учению божественных писаний и хранить священные каноны и предания святых Апостол и святых отец, иже на седми вселенских и девяти поместных соборах в различныя времена собравшихся на истребление богомерзских ересей и на утверждение правых велений».

После этого призыва делается предостережение, что некоторые под видом защиты древлецерковного благочестия «составляют богопротивного мудрования свитки и лжесловесных учений тетради, и дающие им под именем святых благовидная названия, развращают правое учение святыя церкви... и влекут в смерть».

Перечислив десять таких тетрадей, автор послания называет их ложными и баснословными сочинениями, в которых проповедуется прекращение священства и новоблагодатного закона, утверждается, что последний антихрист уже пришел и восседает на престолах алтарей Православной Церкви. Все эти нелепые мудрования, говорится в Послании, злонамеренно посеяны беспоповцами и неприметно вкрадываются в «христоименитыя люди», под которыми здесь следует разуметь понимать старообрядцев, признающих белокриницкую иерархию.

Ввиду того, что «душепагубное учение» беспоповцев проникает в среду «христоименитого достояния», послание и ставит своей целью оберечь «стадо Христовых словесных овец» от этого вредного учения.

В этой части Послания внимание привлекает утверждение Ксеноса, что виновниками сеяния антицерковного учения являются только беспоповцы. Но это далеко не так. Хотя перечисленные им тетради и составлены беспоповцами, однако мудрования, там изложенные, восприняты ими от первоучителей раскола, а не вымышлены ими. Еще протопоп Аввакум, поп Лазарь, инок Авраамий, соловецкие челобитчики и др. вожди раскола, чтимые и беспоповцами и поповцами, учили о прекращении благодатного священства (См. Материалы для ист. раск., т. V, стр. 225; т. VII, 427–433; 89); о царствовании антихриста, осквернившего Православную Церковь; и о том, что под именем Иисуса Церковь верует в антихриста. Об этом свидетельствуют как их собственные сочинения (Там же, т. VI, § 6; т. V, стр. 229–230), так и постановление Большого Московского Собора (1666–1667 гг.), осудившего лжемудрования расколоучителей (см. Материалы для ист. раск. т. II). Этим именно первых расколоучителей и необходимо считать действительными сеятелями ложного учения в среде старообрядцев. На них-то и основаны нелепые воззрения беспоповцев, от них, а не от беспоповцев, заимствовали последователи австрийского священства «душепагубное учение». Поэтому следовало вместе с беспоповцами осудить и первых расколоучителей и поповцев. Ксенос сознавал это, однако свои обличения он направил только против беспоповцев потому, что опасался указывать прямо на всех старообрядцев, чтобы не отвратить их от Послания. Поповцев, зараженных тем же вредным учением, что и беспоповцы, он наз. даже «христоименитыми людьми, христоименитым достоянием», желая расположить их к принятию Послания. Однако такое лестное наименование не соответствовало внутреннему содержанию и идеологии поповщины.

Это положение особенно ярко подтверждает то обстоятельство, что поповцы с большим негодованием встретили появление Окружного Послания и прилагали все усилия к тому, чтобы уничтожить его.

Во второй части Послания приводится содержание беспоповщинских тетрадок и опровергается содержащееся в них лжеучение.

Тетрадки эти следующие:

1) Апокалипсис седмитолковый, в котором четвероконечный крест называется образом антихриста, имя Иисус приписывается тоже противнику Христа, наконец, говорится об истреблении священства во всей вселенной.

Ксенос называл это учение богоборным, несогласным с церковным учением и Свящ. Писанием, крестохульным, еретическим, душепагубным и ложным. На основании веских аргументов он доказывает, что этот лжеименный Апокалипсис «составлен не от Иоанна Богослова, но от некоего вседержастного баснословца, и есть лесоплетенная выдумка от беспоповцев на погибель душам христианским выпущенная».

2) Книга Евстафия Богослова, «истее же рещи, площадного суеслова». В ней утверждается, что антихрист уничтожит веру, надежду, любовь и все церковные таинства. Учение это основано на неправильном понимании пророчества Даниила (гл. 7), заключает в себе противоречие, по словам Ксеноса, и является еретическим мудрованием.

3) Третья тетрадь содержит ложное толкование Амфилохия на 2-ю песнь Моисея. Толкование это отвергается, как несогласное с Писанием.

4) Слово от старчества, где в виде диалога излагается учение о том, что «священнический и иноческий чин до конца истребится и прочая ложная соплетения, ... слуху благоразумных отвратительная».

5) Пятая тетрадь содержит неправильное толкование «десяти перст и десяти рогов» зверя, виденного Даниилом. Это видение лжетолковник объясняет в применении к Русскому государству, но такое объяснение не согласно с толкованием св. отцов, на что справедливо указывает Ксенос.

6) О бражнике, т. е. о том, что бражник по смерти, стоя у врат рая, порицал Давида, Соломона, ап. Петра и Иоанна Богослова, за что и попал в рай. Ксенос замечает, что рассказ этот составлен не на основании Евангельских бесед, как утверждает автор тетрадки, а выдуман каким-то кощунником и может служить только поводом к «растленной жизни».

7) О винном сотворении.

8) О бульве.

В первой из них говорится, что бес научил человека «хмельное питие варити». Во второй налагается тяжкое запрещение на тех, кто употребляет в пищу картофель. На основании Писания и Предания Ксенос доказывает, что Творцом всех растений, в том числе винограда и картофеля, является Бог, а потому их плоды можно употреблять.

9) О духовном антихристе, сочинение, содержащее различные богопротивные хулы, которых, по словам Ксеноса, «не лесть есть и писанию предати».

10) Десятая тетрадь назначает время и день кончины мира и второго пришествия Христова, вопреки слов Самого Спасителя.

Сделав разбор и опровержение 10-ти тетрадок, Ксенос говорит, что эти и др. подобные им сочинения, составленные наглыми невеждами, являются ложными и чуждыми Церкви, а потому всецело отвергаются.

Как ни бессмысленны указанные тетрадки, но они имели большое распространение среди старообрядцев, и автору Послания пришлось употребить немало усилий, чтобы учение тетрадок было осуждено.

Между беспоповцами и поповцами всегда существовала непримиримая вражда. Вражда эта еще больше усилилась со времени принятия поповщиной белокрыницкой иерархии. Между теми и другими постоянно разгоралась острая полемика гл. образом по догматическим вопросам. В пылу полемики очень часто беспоповцы и поповцы, возражая друг другу, становились на сторону Православной Церкви, особенно в учении о таинствах (поповцы) и преемственной иерархии (беспоповцы). Однако это объяснялось увлечением. До Окружного Послания старообрядчество не решалось хотя бы в каком-либо отношении оправдывать Православную Церковь. Опровергая беспоповские тетрадки, Окружное Послание впервые официально заявляет, что господствующая в России Церковь, веруя во Иисуса, поклоняется не иному богу, не Антихристу. Эта осторожная мысль в третьей части Послания выражена в положительной форме и более решительно. Так что с отрицанием беспоповщинских воззрений тесно связывался вопрос о признании Православной Церкви истинной. Вот почему, порицая

беспоповцев за их тетрадки, Окружное Послание, по существу, затрагивало интересы поповцев и подрывало основы раскола в целом.

В несомненности такого вывода нас убеждает рассмотрение третьей части Послания, где для утверждения старообрядцев излагается положительное учение о тех истинах, которые извращены в беспоповщинских тетрадках.

Предлагаемое поповцам учение изложено в 10-ти статьях или главах.

В первой главе говорится, что православно-кафолическая церковь, священство и приношение бескровной жертвы пребудут до «скончания века», по обещанию Господа: «созижду церковь Мою, и врата ада не одолеют ей» (Мф 16:18).

В этом изложении учения о вечности Церкви и священства заметна явная недоговоренность. Автор не объясняет, каким образом это учение увязывается с теми несомненными историческими фактами, которые свидетельствуют, что в течение 180-ти лет старообрядчество не имело преемственной иерархии, точнее — не имело епископа, без воли которого, по правилам апостольским (Пр. 39), никакие священнодействия в Церкви не могут совершаться (см. также Симеон Сол., т. II, стр. 92).

Впоследствии некоторые раскольнические писатели (напр. Механиков, Усов и др.) различными случайного характера фактами из истории Древней Церкви старались обосновать законность временного существования Церкви без епископа. Но в данном случае Ксенос счел более благоразумным не затрагивать этого вопроса, служившего предметом сильных нападок беспоповцев.

Вторая глава, можно сказать, является самым замечательным местом во всем Послании. Здесь с возможной обстоятельностью доказывается, что Русская и Греческая Церковь содержат такую же веру, как и старообрядцы. Греко-русская церковь так же верует во Св. Троицу; в Сына Божия, воплотившегося для искупления рода человеческого; почитает праздники двенадцатые и в честь угодников Божиих; поклоняется древним изображениям с надписанием, лобзает святые и чудотворные иконы и мощи святых. Ради такой веры, говорит далее Ксенос, крещение и хиротония, совершаемые в Русской Церкви, принимаются без повторения.

Таким образом, Православная Церковь вполне оправдана со стороны догматического учения. Несмотря на это, далее автор силится доказать наличие «важных и благословенных» причин, дающих основания для существования раскола. Причины эти усматриваются в том, что патриарх Никон изменил «древлецерковные предания»; что собор греко-русских иерархов в 1667 г. произнес «ужаснейшую клятву и анафему на содержащих древняя святоцерковная предания»; что пастыри издали «бренные книги», где порицали имя «Исус» и двуперстное сложение; что, наконец, Русская Церковь, употребляя троеперстное сложение, содержит противоречивое учение. Вслед за этим делается замечание, что если Русская Церковь отвергнет порицания полемических книг, «соборне оставит своя новодогматствования» и возлюбит «старожительность», последуя древним преданиям, то старообрядцы без всякого увещания станут с ней общаться.

Отыскивая причины отделения раскольников, автор явно противоречит первоначальному утверждению, что Православная Церковь не погрешает в догматах. О каких «новодогматствованиях» может быть речь, если Церковь исповедует вместе со старообрядцами, как говорит сам Ксенос, одну и ту же веру.

Причины, указанные в Послании, никак не могут быть названы «важными и благословенными», как не имеющие отношения к существу догматов веры. Патриарх Никон не нарушил церковного предания, а только исправил богослужебные книги и обряды.

Большой Московский Собор произнес клятвы не на содержащих древнее святоотеческое предание, а на непокорных раскольников, которые за исправление обрядов обвинили Церковь в ереси, провозгласили ее безблагодатной, зараженной антихристовой прелестью. Кроме того, фактическое отделение раскольников произошло до произнесения соборных клятв (см. Изъяснение Св. Синода, 1886, стр. 8).

Относительно резких выражений в полемических книгах следует заметить, что они вызваны дерзкими порицаниями раскольников Православной Церкви

и появились уже после возникновения раскола, что эти выражения принадлежат отдельным лицам и не могут повреждать православия Церкви.

Третья глава трактует об имени «Исус», которое будто бы «от древних святых предводников вначале на словенский язык переведется. И тако писашеся и произношашеся до лет Никона» ...

Это утверждение достойно удивления, тем более, что автор Послания, хорошо знакомый с древними церковно-славянскими памятниками, несомненно знал о существовании древнейших славянских рукописей XI в. — Евангелии Остромира и Изборника Святослава, где имя Христово пишется «Иисус» (*Е. Голубинский*. К нашей полемике со старообрядцами. М., 1905, стр. 234). Далее Ксенос говорит, что произносимое в греко-русской церкви имя «Иисус» содержится в некоторых древних книгах: Библии острожской печати 1581 г.; Беседах Апостольских, изданных в Киеве Захарием Копыстенским в 1623 г. и Малом Катихизисе Петра Могилы (1645 г.). Однако тут же замечает, что такое произношение несогласно с церковным преданием и является нововведением. А потому патр. Иосиф при издании М. Катихизиса велел печатать «Исус», не произнося при этом хулы на имя «Иисус».

Следуя патр. Иосифу и предыдущим четырем патриархам, мы, говорит Ксенос, не вводим, но и не поносим этого имени, подобно беспоповцам, и в то же время отвергаем богопротивные ругательства на имя «Исус», содержащиеся в Розыске, Пращице и др. книгах.

Это последнее заявление нельзя назвать справедливым. Как можно суждения св. Димитрия Ростовского и Питирима Нижегородского, авторов Розыска и Пращицы, ставить в один разряд с мудрованием беспоповцев. Только предубежденный в указанных сочинениях может найти «богопротивные ругательства на имя Христово».

Правда, в одном из своих сочинений (Устав, гл. 5) Ксенос несколько мягче относится к полемическим книгам. Он уже не говорит о ругательствах, а только утверждает, что имя Спасителя «предано поношение дерзостным и нелепым толкованием». Толкование, на которое намекает Ксенос, находится в Розыске, где св. Димитрий Ростовский говорит, что слово «Исус» в переводе с греческого означает «равноухий». Однако сразу же после этого филологического объяснения он замечает: «Но не буди нам тако нарицати Христа Спасителя нашего», и тем самым отводит всякие обвинения, несправедливо возводимые на православного иерарха (см. Розыск, М., 1847, стр. 46). Поэтому только лжеучение беспоповцев об имени «Исус», как имени антихриста, можно назвать богопротивным.

В четвертой главе излагается учение о кресте.

После вольного распятия Христова Церковь, говорится здесь, почитает восьмиконечный крест, сделанный из дерева, золота, серебра, меди и др. металлов с изображением плоти Спасителя и без этого изображения. Церковь принимает и семиконечный, или водружальный крест, который поставляется под престолом. Так же и крест четвероконечный от времён апостольских почитается крестом Христовым и не является знаменем богопротивника антихриста, как злоумудрствуют беспоповцы. Этот крест изображается при крестном знамении в маслопомазании, миропомазании, пострижении волос, в благословении рукою и свечами, на диаконских, священнических и архиерейских одеждах, на покровцах. Изображение четвероконечного креста имеет благодатную силу, как о том свидетельствует водосвятная молитва крещения: «да сокрушатся под знаменем воображения креста Твоего вся сопротивныя силы». О почитании четвероконечного креста свидетельствует 73 пр. VI Вс. собора, которое повелевает изглаживать сделанное на земле изображение креста, чтобы не попиралось «наше победное оружие».

Ввиду такого ясного церковного учения, необходимо почитать всякое начертание креста Христова и не допускать его изображения на земле, на полях, на коврах и др. попираемых ногами предметах.

Таково учение о кресте Окружного Послания. Как видно, учение это изложено в церковном духе и коренным образом отличается от беспоповщинского отношения к четвероконечному кресту.

В пятой главе порицается «дерзостное ругательство» беспоповцев на Евхаристию греко-русской церкви и таинства, совершаемые «по древлецерковному преданию в православно-кафолической церкви», т. е. в австрийском согласии. Поскольку это ругательство заключается в беспоповщинских тетрадах, то их повелевается сжигать.

В приведенных суждениях заметно стремление не столько защищать Евхаристию Православной Церкви, сколько отстоять действительность белокриницкой иерархии. Беспоповцы отрицательно относились не к таинствам, как таковым, а к их совершителям. Они отрицали законность белокриницкой иерархии, а потому вполне естественно не могли признавать и таинств, совершенных лицами, которые, по их мнению, на то не имели никакого права. Такое воззрение беспоповцев, по словам Послания, пагубно для поповщины австрийского соглашения, но, тем не менее, вполне справедливо.

Шестая глава повелевает молиться, по завещанию ап. Павла, за придерживащие власти и на проскомидии из числа семи просфор пятаю приносить за их здравие и долголетие.

Это место Послания, можно сказать, явилось его «ахиллесовой пятой». С точки зрения закоренелого раскольника, в Послании содержится немало нечестивых мыслей. Но чтобы призывать молиться за еретиков и гонителей, которыми у старообрядцев считались власть имущие, это было верхом беззакония и нечестия. В главе седьмой вторично завещается избегать «кривосказательных учений» и следовать церковному учению, переданному от св. отцов.

В главах 8-ой, 9-ой и 10-ой последовательно вкратце излагается церковное учение о пророках Илии и Енохе, которые чувственным образом придут перед кончиной мира и получают не только пророческий, но и мученический венец; об антихристе, который в течение трех с половиной лет будет царствовать и предавать мучению христиан; наконец, о неизвестности дня кончины мира и второго пришествия Христова. Положительное учение об этих истинах здесь изложено в противовес беспоповщинским лжемудрованиям о тех же предметах, содержащихся, гл. образом, в пятой, девятой и десятой тетрадах.

Четвертая и последняя часть Послания содержит призыв «хранить все заповеди Божия и предания церковные неизменно, свято и нерушимо, и удаляться всяких ересей и раздоров и иностранных обычаев...»

В конце послания значатся подписи четырех старообрядческих епископов (Онуфрия, Антония, Пафнутия и Варлаама) и нескольких священнослужителей.

После краткого обзора содержания и критических замечаний на отдельные пункты учения Окружного Послания можно сделать некоторые выводы. Прежде всего необходимо отметить, что вероучение рассматриваемого памятника весьма близко к учению Православной Церкви и существенным образом отличается от беспоповщинской доктрины и от воззрений первоучителей раскола.

Учение Послания о том, что священство вечно, вполне справедливо. Неверно только утверждение, что это вечное священство пребывает в старообрядческом обществе, как об этом сказано выше. Удовлетворительным можно также считать учение о кресте, о пророках Илии и Енохе, об антихристе, кончине мира и втором пришествии Христа. В заслугу Послания следует поставить открытое и сознательное осуждение беспоповщинских тетрадок.

Совсем не такое отрадное впечатление производит статья об имени Христовом. Здесь Ксенос прямо-таки разделился надвое. С одной стороны, он твердо стоит на старообрядческой основе и отстаивает имя «Исус», с другой — он не решается отвергнуть и имя «Иисус», но ложно утверждает, что оно является нововведением.

Еще большей непоследовательностью и противоречиями отличается взгляд Ксеноса на причины отделения старообрядцев от Православной Церкви, как отмечено ранее.

Ксенос также не совсем справедлив, когда всю вину за нелепые мудрования возлагает всецело на беспоповцев. При этом нужно учесть, что он в Послании не мог

изложить свой подлинный взгляд на тот или иной предмет и поэтому вынужден был об одном умолчать, а о другом сказать неясно.

Свободно излагать свои убеждения автор Послания не мог потому, что те мудрования, против которых он восставал, были при-сущи даже представителям белокриницкой иерархии.

В своих знаменитых вопросах от 1864 г. Иоасафу и Илии в ответ на т. наз. «анафемскую буллу» митр. Кирилла Ксенос в числе хульников имени Христова прямо называет еп. Софрония и Конона, а также нескольких стародубских и гуслицких попов (Бр. Сл. 1884, т. I, стр. 305). В прошении (1861 г.) к еп. Онуфрию, заместнику белокриницкой митрополии, он говорит вообще, что зловерные мудрования, словесно и письменно проповеданные некоторыми

членами новоучрежденной иерархии, служили и служат камнем преткновения и соблазна (Монастырев, Историч. очерк австр. свящ. Казань 1877, прил. № I). Как видно, Ксенос виновниками антицерковного учения признавал и поповцев, но не решался об этом говорить в Окружном Послании.

В указанных вопросах к Иоасафу и Илии находится небезынтересное заявление Ксеноса: «Поелику клятца Христос неразрушенной быти (церкви) от неправомыслящих и непоколебимей быти от самого ада благоволите разрешити вопрос сей и уверити Святым Писанием: где от лет Никона патриарха и до пришествия к нам Амвросия митрополита обретались они апостольские преемники, раздающие чрез рукоположение благодатные дары. Или весьма прекратится Богоучрежденная иерархия. Аще прекратится, то како восстановися» (Бр. Сл. 1884, т. I, стр. 303).

Эти слова прямо бросают вызов всей поповщине австрийского согласия и подвергают небезосновательному сомнению действительность белокриницкой иерархии. Конечно, в Послании этого сомнения нельзя было высказать, ибо тогда невозможно было надеяться, что Окружное Послание принесет пользу старообрядчеству, в интересах которого действовал Ксенос. К тому же Ксенос, воспитанный на трудах раскола, был истым старообрядцем. Поэтому в его суждениях ревность по защите «старожитности» выступает на передний план в ущерб истине.

Указанные обстоятельства и объясняют недостатки Послания, его неясности и противоречия.

С изданием Окружного Послания среди раскольников произошли весьма большие волнения.

Еще в момент своего появления оно было встречено с недоверием. Епископа Антония Шутова, беспоповца по убеждениям, Ксеносу и др. пришлось не раз умолять на коленях, чтобы он поставил свою подпись под Посланием (Монастырев, стр. 91). Этот факт без объяснений говорит об отношении Антония к Посланию, которое он хотя и подписал, но никогда не отстаивал. Даже больше того, старался им пожертвовать ради своего благополучия, как увидим в дальнейшем.

Когда Окружное Послание было подписано старообрядческими архиереями и священнослужителями, оно стало известным всему старообрядческому миру.

Истые раскольники-поповцы, крепко державшиеся учения своих предков, сразу же восстали против Послания. Они говорили, что в нем все является нововведением и ересью, они не соглашались с уступками в пользу Православной Церкви, для них был неприемлем взгляд Послания на имя «Иисус», на четвероконечный

Митрополит Белокриницкий
Амвросий

крест, а требование молиться и вынимать частицу из просфоры за еретиков, т. е. православных, возмущало их совесть.

Раньше всех выразили свое недовольство калужские старообрядцы. Они говорили, что с принятием Послания не будет никакого различия между старообрядцами и православными и тогда не из-за чего отделяться от никонианской церкви. В Стародубье сильным противником Окружного Послания явился поп Григорий, который стал рассылать письма в Москву и другие места, убеждая старообрядцев не принимать Послания.

Из представителей высшей иерархии прежде других открытым врагом Послания оказался еп. Софроний, в 1856 г. лишенный сана, но затем получивший в управлении епархии Оренбургского края, где и начал распространять нелепые слухи о Послании, называя его «еретическим нововведением и предательством великорусской церкви» (Плотников).

Софроний и поп Григорий жаловались самому митрополиту Кириллу, преемнику Амвросия, и просили его от имени московских старообрядцев прибыть в Москву. Кирилл, несмотря на преклонный возраст, не замедлил исполнить просьбу. В начале 1863 г. он уже был в Москве и стал на сторону противников Окружного Послания. Первым долгом он выслал из Москвы своего наместника Онуфрия, издавшего Послание, прекратил отношения с русскими старообрядческими епископами, которые были несогласны с ним и объявив, что сам вступает в управление Русской Церковью, а затем в феврале 1863 года издал грамоту «объявление об уничтожении Окружного Послания», под которой, кроме него, подписались Софроний и Антоний Шутов.

Эта грамота вызвала сильное противодействие со стороны приверженцев Окружного Послания и явилась причиной возникновения двух враждебных партий — окружников и противоокружников. Недовольные Кириллом епископы и миряне стали требовать его выезда обратно в Белую Криницу. Кирилл вынужден был подчиниться этому требованию.

Для укрепления позиций окружников Ксенос написал обширное сочинение под заглавием «Омышление православных христиан о грамоте, названной “Объявление об уничтожении Окружного Послания”», где основательно опроверг кирилловскую грамоту.

Но вскоре на имя епископов от некоторых старообрядцев было получено заявление о том, что многие из-за Окружного Послания не доверяют церковным учителям и потому его необходимо уничтожить. В ответ на это заявление было составлено соборное определение, в котором доказывалось, что изданием Окружного Послания подписавшие его не были намерены делать какие-либо уступки в пользу Православной Церкви. Кроме того, указывалось, что каждый может относиться к Посланию по своему усмотрению, но это не успокоило противников.

В это время Кирилл составил в Белой Кринице Собор, на котором утвердил акт против Окружного Послания. Деяния Собора были представлены находящемуся в ссылке Амвросию, который, не зная ничего ни об Окружном Послании, ни о волнениях в расколе, утвердил их своей подписью. Узнав об этом, московские окружники отправили к Амвросию послов. Те разъяснили ему смысл Окружного Послания, рассказали о незаконных действиях Кирилла в Москве и убедили отказаться от подписи под актами белокрыницкого Собора. Кроме того, Амвросий написал два послания: одно на имя Антония с благодарностью за издание Окружного Послания, другое — на имя Кирилла с осуждением за обман и с угрозой запрещения, если белокрыницкие акты не будут уничтожены.

Чтобы не попасть в неловкое положение, Кирилл поспешил распространить грамоту, в которой высказал подозрение в подлинности послания Амвросия. После этого вражда между окружниками и противоокружниками еще более усилилась.

Во главе окружников стал двуличный Антоний Шутов, возведенный Собором епископов на московскую кафедру. Противоокружники решили также добиться поставления в Москву своего епископа, послушного им во всем. Узнав об этом, Антоний

в феврале 1864 г. издал объявление о том, что он подтверждает определение Кирилла об уничтожении Окружного Послания. Однако это не успокоило противников. По их настоянию Кирилл рукоположил и послал в Москву еп. Антония Второго. Появление второго епископа в Москве имело печальные последствия для белокриницкой иерархии. Между двумя Антониями началась сильная вражда, которая обнаружила догматическое разделение между окружниками и противниками.

Начало этому разделению положил Софроний. Живя на Урале, он в 1864 г. стал утверждать, что в Окружном Послании заключается 120 ересей. Опровергая Послание, он говорил: «господствующая ныне в России церковь верует во иного бога — Иисуса Христа, рожденного осмью годами позже Спасителя мира Иисуса Христа; под именем Иисуса следует разуметь сына погибели-антихриста».

Некоторые из московских поповцев, возмущенные этим учением, обратились к Кириллу с просьбой высказать о нем свое мнение. Невежественный митрополит подтвердил это учение и послал в Москву две грамоты: одну, названную Ксеносом «анафемской буллой», на имя Антония Шутова, в которой все защитники Окружного Послания подвергались отлучению, как еретики; а в другой — предоставлялись все права московского епископа Антонию 2-му.

Грамоты Кирилла породили новые споры между обеими партиями. Камнем преткновения неизменно являлось Окружное Послание, которое противники во что бы то ни стало хотели уничтожить, и вопрос о пребывании в Москве двух епископов, вопреки церковным канонам. Не раз составлялись Соборы с целью умиротворения враждующих, но всегда Соборы эти заканчивались взаимными анафемами и еще большим разделением.

Окончательный разрыв между окружниками и противниками произошел в 1868 г., когда в Белой Кринице состоялся так называемый «Вселенский Собор» под председательством самого Кирилла. После обычных споров из-за Окружного Послания окружники объявили, что не помирятся с противниками до тех пор, пока те не откажутся от своих еретических мудрований, и уехали обратно в Россию. Заграничные же епископы-окружники (Аркадий Славский и Аркадий Заслужский), в целях примирения партий, решились пожертвовать Окружным Посланием и подписали грамоту, в которой Окружное Послание уничтожалось и проклиналось, а оба Антония признавались законными епископами. Но против такой уступки решительно восстали русские окружники, и дело кончилось тем, что противники и окружники обособились в отдельные общества, стали считать друг друга еретиками и переходящих к тем или другим принимать 3-им чином, т. е. через отречение от ересей.

Этим, конечно, не заканчивается история разделений в расколе. Можно было бы привлечь еще немало фактов, но и приведенных достаточно для определения значения рассмотренного нами Окружного Послания по его действиям в расколе.

К приведенным фактам нелишне добавить, что в конце концов Кирилл стал на сторону окружников, а некоторые окружники, в том числе и Онуфрий, под влиянием волнений из-за Окружного Послания присоединились к Православной Церкви на правилах единоверия, сложив с себя священные степени, полученные в австрийском согласии.

Все сказанное, надеюсь, дает основание сделать следующее краткое заключение.

Окружное Послание преследовало ясную цель — очистить старообрядчество, признающее белокриницкую иерархию, от пагубных лжеучений и тем упрочить его существование. Однако оно не достигло этой цели. Окружное Послание послужило не только раскрытию внутреннего содержания старообрядчества, оно в расколе произвело раскол и расшатало основы белокриницкой иерархии.

С одной стороны, оно показало, что среди раскольников имеются люди здравомыслящие; но с другой — оно обнаружило, что множество старообрядцев, в том числе и представители иерархии, по-прежнему отстаивают вероучение первых расколочителей. Противники Окружного Послания сознавали, что если они примут Послание,

то тогда нет никаких «благословных вин» к отделению от Православной Церкви. Защитники же Послания считали, что если греко-русскую церковь не признать истинной, то тогда никак нельзя доказать действительности белокриницкой иерархии, которая получила свое начало от греческого митрополита.

По причине того, что первый вывод был более очевидным и менее выгодным для раскола, как о том свидетельствует заявление калужских поповцев, в расколе и появилось отчаянное противодействие Окружному Посланию.

Раздоры, споры, взаимные анафемы окружников и противокружников, наконец, окончательное разделение между ними, наглядно показывает, насколько жизненно важны для раскола были вопросы, затрагиваемые Посланием. И нужно сказать, что и до настоящего времени вопросы эти остаются для старообрядцев неразрешенными и не могут быть разрешены в положительном для них смысле (см. статьи прот. Д. Боголюбова, ЖМП, 1946, №№ 3 и 7).

Таким образом, Окружное Послание поставило перед старообрядческим расколом дилемму, разрешить которую можно или отвергнув белокриницкую иерархию, или же осудив раскол в целом.

Исторический образ Яна Гуса (в связи с 550-летием со дня смерти)

Актовая речь 9 октября 1965 г.¹

6 июня с. г. исполнилось 550 лет со дня смерти Яна Гуса, великого и славного сына чешского народа. 550 лет тому назад Ян Гус был осужден Констанцским Собором и сожжен на костре. Много времени прошло с тех пор. Годы опадали, как листья, но они не унесли с собой памяти о человеке, который смысл и цель своей жизни видел в борьбе за правду Христову. Благодарный родной ему народ сквозь века пронес, как знамя свободы и независимости, имя Яна Гуса и сберег чувства симпатии и уважения к нему. По давней традиции 6 июня в Отечестве Гуса зажигаются костры в память его мужественной смерти. День 6 июня стал национальным праздником. Празднование этой даты в нынешнем году ознаменовалось особыми торжествами в Чехословакии, где христиане и вся общественность широко отмечали юбилей. В юбилейных торжествах приняли активное участие представители разных исповеданий, в том числе и Православной Церкви.

Ян Гус

Совет нашей академии тоже решил отметить знаменательную годовщину. Так как юбилей приходился на время летних каникул, то на своем последнем заседании прошлого учебного года Совет постановил посвятить Яну Гусу актовую речь в нынешний день.

Жизнь и деятельность Яна Гуса всегда рассматривалась с разных точек зрения. Одни обращают основное внимание на проявление патриотизма в высказываниях Гуса о свободе и независимости Чехии. Другие делают акцент на его выступлениях против социальной несправедливости. Протестантские богословы усматривали в реформаторских идеях Гуса задатки всех принципов, которые нашли радикальное выражение у реформаторов позднейшего времени. Православных богословов неизменно интересовало отношение учение Яна Гуса и гуситов к Восточной Церкви.

Все эти точки зрения нашли свое отражение в обширной литературе. И настоящий доклад не имеет своей целью их рассматривать. Здесь будет идти речь о самой личности Яна Гуса, о его деятельности, в которой обнаружили наиболее характерные черты его личности.

* * *

Свое яркое и многоплодное, хотя и непродолжительное, служение Ян Гус проявил главным образом в Праге в качестве магистра университета и проповедника Вифлемской часовни.

¹ Текст данной актовой речи, сохранившейся в личном деле заслуженного профессора протоиерея Василия Стойкова, набрали студенты 3 курса бакалавриата Санкт-Петербургской духовной академии Кочергин Аким, Пигилёв Диомид и Рычков Александр (2020–2021 учебный год). Изображения взяты из открытых источников.

Совсем юным пришел Гус в Пражский университет, который тоже был еще молодым, но видным центром просвещения. Основанный в 1348 г. Карлом IV, королем чешским и императором немецким, по образцу Парижского и Оксфордского университетов, Пражский университет в научном отношении стоял очень высоко и поэтому привлекал к себе многочисленных слушателей из разных стран Средней Европы. Он славился своими профессорами — магистрами богословия и философии, докторами права и медицины, которые читали свои лекции на разных факультетах. Эта высшая пражская школа подобно другим была самостоятельной корпорацией, государством в государстве; она имела независимое управление, пользовалась своей юрисдикцией и не признавала над собой никакой власти, кроме папы и короля, и то в том только смысле, что они должны охранять и поддерживать университет.

Университетский курс дал Гусу обширные познания с тем, конечно, богословско-схоластическим оттенком, которым отличалось все средневековое научное направление. Он прекрасно владел латынью и отлично усвоил все тонкости схоластического мышления. Он так был искусен в схоластических диспутах, неизменно практиковавшихся в университете, что мог впоследствии легко парировать казуистические обвинения самых замечательных парижских и оксфордских богословов своего времени.

Будучи бедным сиротой, Ян Гус испытал много материальных трудностей, однако, несмотря на это, не только закончил учение, но вскоре получил и первую научную степень. В 1393 году, когда Гусу было около 22 лет, он уже является бакалавром, а через три года напряженной самостоятельной работы он — *magister in artibus*, магистр так называемых свободных наук, преподававшихся на философском факультете. В начале преподавательской деятельности магистры не имели права читать свои собственные лекции. Для чтения предлагались труды известных авторов. Для этой цели Ян Гус переписал пять философских трактатов Дж. Виклифа, сочинения которого читались в университете и ранее, с 1389 г. Так как идеи Виклифа имели известное влияние на Яна Гуса, то следует сказать несколько слов об этом знаменитом английском философе-богослове XIV века.

Джон Виклиф

Дж. Виклиф (1320–1384) был профессором Оксфордского университета и приходским священником. Кроме философских ему принадлежал и ряд богословских трактатов, в которых он выступал как религиозный реформатор. Сущность его богословских воззрений выражена в «Диалоге», «Триалог», трактате «О Церкви» и др. Опираясь на одно только Священное Писание и отрицая всякий авторитет Предания, он с помощью своего философско-богословского абстрактного мышления развивал религиозно-реформаторскую систему. Порицая весь современный ему церковный строй, он предлагает реформу Церкви с устранением всех установившихся в ней порядков. Усматривая главную причину порчи церковного устройства в мирском направлении жизни духовенства, в его богатствах и земельных владениях, наконец, в соединении светской власти с духовным званием, он отвергает иерархию, кроме пресвитерства и диаконаства. Далее он порицает монашество, восстает против индульгенций; учит о предопределении, отрицает почитание святых, таинства, в Евхаристии не признает пресуществления. От священников он требует прежде всего честной и деятельной жизни и основной их обязанностью считает проповедание Слова Божия, причем указывает, чтобы толкование Священного Писания было чуждо схоластическому остроумию и отвечало запросам жизни и пониманию народа.

Ян Гус познакомился с богословскими сочинениями Виклифа позже, чем с философскими, и из первых заимствовал далеко не все (хотя враги и называли его виклифистом). Он не отвергал Предания, иерархии, таинств, почитания святых. Гусу импонировали в сочинениях Виклифа его отрицательное отношение к порокам и светским преимуществам духовенства, его рассуждения о проповедании Слова Божия. Однако, в этих вопросах Ян Гус имел и другие примеры. Против пороков с увещательными обличениями выступали Бернард Клервоский, аббатиса Гильдегарда (XII в.) и др. мистики. Особенно усилились протесты против различных злоупотреблений в XIV веке, когда представители францисканского и доминиканского орденов в своих проповедях, произносимых на народном языке, требовали от всех членов Церкви покаяния, очищения и исправления жизни в духе Евангелия. Как увидим далее, чешский проповедник требовал того же. Но в сочинениях Яна Гуса мы видим и такие положения, которые приближают его к оппозиционным стремлениям, возникшим в XIV в. в Парижском университете. В связи с так называемым «великим расколом» и его отрицательными для церковной жизни последствиями, этот университет в лице своих верных деятелей указывает на необходимость реформы «в главе и в членах». Самыми яркими выразителями данного направления были канцлер университета Жерсон, считавшийся самым ученым мужем в Европе, кардинал Пьер д'Альи, Николай Клеманжис и др. В своих трактатах Жерсон предлагает начала новой системы церковного устройства, которые стремились привести в действие Соборы XV в. — Пизанский, Констанцский и Базельский. Он со своей энергией восстает против отступлений, громит злоупотребления пап и духовенства. Указывая на то, что папа как человек может ошибаться, он признает высший авторитет и непогрешимость в делах веры только за Вселенским Собором.

Ян Гус не делает последнего вывода, но он тоже считает, что римский первосвященник может заблуждаться, и поэтому послушание ему не может быть безусловным.

Большое влияние на Гуса оказали труды по толкованию Священного Писания католического богослова XII в. Петра Ломбарда, которые он тщательно изучал в 1398–1402 гг., готовясь к степени бакалавра богословия. В это же время он познакомился с «Триалогом» Виклифа, привезенным из Англии Иеронимом Пражским, искренним другом Яна Гуса, разделившим впоследствии его участь.

В 1401 г. Ян Гус принимает сан священника и затем получает назначение к часовне Вифлеемских младенцев в качестве проповедника. Эта часовня была открыта в 1391 г. специально для проповеди на чешском языке. Своею проповеднической деятельностью Гус сразу же снискал себе всеобщую известность во всех классах чешского общества, и из проповедника маленькой часовни вскоре превратился в учителя всей Чехии. Его проповеди переписывались и читались во всех уголках королевства. Среди его многочисленных постоянных слушателей была и королева София, избравшая его своим духовником. Его с большим вниманием слушали и вельможи, и бедняки, ремесленники и крестьяне. А между тем он не обладал каким-нибудь особым даром красноречия. Он не искал и той популярности, которая искусственно создается стремлением приспособиться к слушателям и выступать в роли панегириста. Наоборот, невзирая на лица, он прямо заявлял, что ни от кого из слушателей или читателей не ищет ни похвалы, ни выгоды, и безбоязненно обличал пороки общества.

На этом поприще Гус не был первым. И до него в Чехии раздавалась обличительная проповедь против мирян и клира. История сохранила имена Конрада Вальдгаузена (†1309), Яна Милича (†1374) и Матея из Янова, которые во второй половине XIV в. боролись за чистоту нравов в Чешском королевстве. Ян Гус был достойным продолжателем их дела. Деятельность предшественников в какой-то мере подготовила народ к восприятию его обличений и наставлений. Но он обладал и особыми личными качествами, нравственной безупречностью, которые делали его проповедь весьма действенной.

В 1404 г. Гуса назначают синодальным проповедником, и ему вменяется в обязанность дважды в год во время епархиальных собраний духовенства произносить

проповедь, имеющую отношение к практическим вопросам церковной жизни. Эту обязанность он исполнял три года и за этот период произнес семь проповедей, направленных главным образом против злоупотреблений положением и недостойного поведения своих собратьев. Одновременно он проповедует в своей часовне и принимает активное участие в университетских делах.

В ученой среде Гус тоже пользуется заслуженным уважением. Его избирают деканом философского факультета, а затем и ректором. Ректорский год (1302–1303) был особенно напряженным для Гуса, так как он обязан был присутствовать на всех диспутах, промоциях, творить суд над провинившимися членами корпорации. Но он не оставляет и научных занятий, продолжая усиленно работать над изучением трудов упомянутого выше Петра Ломбарда. А между тем в Чехии стали распространяться богословские трактаты Виклифа, которые переписывались и магистрами, и студентами. В связи с этим в 1403 г. состоялось пленарное собрание университета для обсуждения взглядов Виклифа. Из его сочинений было избрано 45 параграфов, несогласных с учением Католической Церкви. Во время их разбора оказалось, что многие придерживаются некоторых положений английского богослова. Сам Ян Гус только указывал, что параграфы составлены необъективно, т. к. извлечены из сочинений Виклифа с искажениями. При голосовании большинство голосов, очевидно, принадлежало немцам, имевшим в университете три голоса, чехи же имели только один.

Влияние Виклифа не ограничивалось университетской средой. Состояние церковных дел в Чехии было таковым, что его трактаты в части обличения злоупотреблений клира не могли не вызвать сочувствия. Вскоре и епархиальная власть должна была употребить меры против распространения сочинений Виклифа. В университете снова был возбужден тот же вопрос, но теперь уже со стороны чешской нации, т. к. на нее косвенно ложилась тень обвинения в виклифизме. Чехи во главе с Гусом в 1408 г. постановили: 1) запретить чтение «Диалога», «Триалога» и книги «О св. Дарах», и 2) не преподавать и не защищать 45 параграфов Виклифа «в их еретическом, греховном или соблазнительном значении».

В этом же 1408 г. пражские клирики подали королю Вацлаву жалобу на Яна Гуса за его обличительные проповеди. Вацлав ответил: «Когда Гус обличал нас — мирян, вы молчали, теперь же будьте довольны тем, что слышите», и оставил жалобу без последствий. Это не понравилось ни жалобщикам, ни архиепископу, которого недовольные клирики настроили против Гуса как возмутителя спокойствия в епархии. Вскоре архиепископ Збынек воспользовался обстоятельствами, чтобы предать Гуса проклятию. В это время французская оппозиция во главе с Жерсоном и кардиналом Пьером Д'Альи вела подготовку к Пизанскому Собору с целью положить конец «великому расколу», волновавшему Римскую Церковь с 1378 года с притязаниями антипапы. И поскольку ни римский папа Григорий XII, ни авиньонский Бенедикт XIII не были заинтересованы в созыве Собора, то требовалось объявить нейтралитет по отношению к обоим. Парижский университет и французский король пришли в этом вопросе к соглашению и склонили на свою сторону Вацлава. Оставалось еще договориться с пражским архиепископом и университетом. Однако Збынек остался верным присяге, которую он давал Григорию XII, а в университете немцы, обладая большинством голосов, поддержали его. В ответ на это Вацлав в 1409 году издает Кутногорский декрет, которым предоставляет чехам 3 голоса, а в городском управлении 16 мест из 18. Немцы были возмущены, протестовали, но безуспешно. Ян Гус выступил за нейтралитет и стал защищать декрет, указывая на законное право чехов быть хозяевами в своей стране. Архиепископ Збынек расценил нейтралитет Гуса как измену папе и потому предал его проклятию. А недовольные декретом немцы, оставляя Прагу, обвиняли Гуса в том, что он является виновником их изгнания. Однако, все эти обвинения не соответствовали действительности. Ян Гус основательно доказывал, что он, относясь с уважением к папе Григорию, и в мыслях не имел нарушать присягу, а в отношении к немцам никогда не питал вражды. После массового ухода немцев Гуса вторично избирают ректором на 1409–10 учебный год. В это время

он читает приготовленные ранее лекции о четырех книгах Сентенционария П. Ломбарда. Из лекций видно, что они почти целиком согласны с учением Католической Церкви. В них очень мало уклонов в сторону Виклифа. Останавливаясь на содержании этих лекций, В. Флайшганс замечает: «Гус правоверен как редкий из его современников»².

И тем не менее в 1409 г. пражские клирики подали жалобу, в которой обвинили его в виклифизме. Насколько эти обвинения справедливы, видно из того, что когда Гус был вызван к инквизитору ереси, то полностью оправдался от клеветы и наветов своих противников. Но это не спасло его от преследования, на нем по-прежнему тяготело проклятие, которое наложил на него Збынек. Видя, что Гус не подчиняется его власти и продолжает проповедовать, Збынек направляет посольство к новому папе Александру V, избранному на Пизанском Соборе, и добивается особой буллы, запрещающей проповедь вне соборов, приходских и монастырских церквей. Вскоре после объявления в Праге буллы папа умер, и на его

Бальтазар Косса

место в 1410 г. вступил кардинал-легат Бальтазар Косса под именем Иоанна XXIII, который особой грамотой уведомил о своём избрании Пражский университет. Ян Гус с друзьями направляет ему апелляцию, указывая в ней, что булла Александра V вызвана ложным доносом. Збынек в это же время направляет в Рим жалобу на Гуса за неподчинение, называя его зачинщиком и защитником виклефизма. Результаты не замедлили сказаться — курия вызывает обвиняемого к ответу, а Збынек издает т. наз. «аггравацию» (усиление проклятия) до оправдания в Риме. На защиту Гуса выступил король Вацлав, королева София и пражское дворянство. Король пишет папе и кардиналам послания, в которых указывает на несправедливые действия архиепископа; успокаивает Римский престол уверениями, что в Чехии нет ереси; настоятельно требует, чтобы снова была разрешена проповедь в часовнях, чтобы все королевство было очищено от подозрения в ереси, а клеветники присуждены к наказанию. Вацлав не отпустил Гуса в Рим из-за опасного пути. Сам Гус обращается к папе и кардиналам с просьбой освободить его от поездки в Рим. «Твердо надеясь на милосердие верховного наместника Иисуса Христа, — пишет он, — и будучи силен сознанием своей невинности, преклоняю колена и прошу ваши святительства избавить меня от личной явки. Я готов пред целым университетом, перед всеми прелатами и всею моею паствою исповедать словом и писанием веру мою и отдать в ней полный отчет при огне инквизиции»³.

Однако просьба не была удовлетворена, и Гусу было объявлено в 1411 г. отлучение за неявку. Этим отлучением, быть может, все и закончилось бы, т. к. осенью 1411 г. Збынек умер и с его смертью преследование вифлеемского проповедника прекратилось. Но в том же году Иоанн XXIII объявил особой буллой крестовый поход против Владислава, короля Неапольского, и обещал всем полное отпущение грехов за участие в походе. По всей Европе началось продажа индульгенций, в 1412 г. волна отпущения докатилась и до Праги. Ян Гус сразу же в своих проповедях выступил против индульгенций, а затем назначил и публичный диспут о крестовой булле. Не желая доводить дело до диспута, папские легаты решили уговорить Гуса отказаться от своего намерения. Но в ответ на их вопрос, намерен ли он повиноваться апостольским

² Флайшганс В. Ян Гус. М., 1916. С. 253.

³ Новиков Е. Гус и Лютер. М., 1859. С. 22.

постановлениям (т. е. папской булле), он ответил: «... от всего сердца готов я исполнить апостольские заповеди и беспрекословно им повиноваться. Но я называю заповедями апостольскими учение апостолов Христовых и поскольку приказание римского первосвященника согласовались бы с заповедями и наставлениями апостольскими, по правилам закона Христова я намерен повиноваться им с полнейшей охотой. Если же я замечу в них что-либо противоречащее, не послушаюсь, даже если бы вы представили мне перед глазами огонь, приготовленный для сожжения моего тела».

Диспут состоялся. Перед всеми собравшимися на обсуждение крестовой буллы Иоанна XXIII Гус, следуя П. Ломбарду, говорил, что отпущение грехов принадлежит только Богу, священники же имеют право лишь объявлять о прощении, а не даровать его или, тем более, продавать. Если бы индульгенции действительно имели силу, то не было бы надобности ни в литургии, ни в таинствах, ни в постах, ни в других спасительных средствах. Эти же мысли он высказывал в университете, с проповеднической кафедры, в своих письмах к разным лицам. Новый архиепископ, по настоянию клира и папских легатов, предпринял решительные меры против Гуса, осудив на синоде его взгляды в шести параграфах, последний из которых, между прочим, гласит: «мнение, что папа не имеет права раздавать индульгенции и призывать к войне, есть заблуждение». Когда в Риме стало известно о пражских событиях, то оттуда последовало подтверждение прежнего отлучения с угрозой реактивации (нового усиления проклятия), а затем (в случае неповиновения) и интердикта на все места, где бы Гус ни появился. Пораженный этим проклятием, Гус апеллирует на решение Иоанна XXIII к Самому Иисусу Христу, наивысшему Судии. Эта апелляция, прочитанная впоследствии на Констанцском Соборе, возбудила громкий смех кардиналов, а между тем она исполнена глубокого религиозного настроения. 1412–1414 годы Гус проводит в изгнании, продолжая в это время проповедовать и занимаясь литературной деятельностью. В эти годы он написал «Великое толкование» (на Символ веры, заповеди блаженства и молитву Господню), трактаты «О симонии», «О Церкви», «О 6-ти заблуждениях», составил «Постиллу», состоящую из 59 проповедей на воскресные евангельские чтения. Основным трудом Яна Гуса является трактат «О Церкви», в котором изложены его богословские взгляды. В этом труде он учит о предопределении, следуя блж. Августину, о том, что основание Церкви — не ап. Петр и папы, а Христос, что власть ключей получил не ап. Петр с приемниками, а Церковь. Здесь же он говорит, что папским буллам следует верить не безусловно, а лишь постольку, поскольку они не противоречат Писанию. И если папа ошибается, то неповиновение ему есть послушание Христу. Интердикт называет сетью антихриста, порицает также и другие жестокие меры наказания, противоречащие духу Евангелия. На основании этого сочинения на Констанцском Соборе Гусу были предъявлены 26 параграфов обвинения.

Собор Констанцкий был создан в 1414 г. Иоанном XXIII по настоянию Сигизмунда, короля Венгерского, с целью положить конец расколу, т. к. несмотря на низложение Пизанским Собором, Григорий XII и Бенедикт XIII продолжали считать себя папами. На этот-то Собор и был призван Ян Гус, чтобы дать ответ за свои убеждения. Прежде чем отправиться в Констанц, изгнанник возвращается в Прагу и особыми объявлениями приглашает обвинителей публично высказаться против него. Он обязывается всем отвечать на местном пражском синоде и на Констанцском Соборе и защищаться «согласно с правилами св. Отцов»⁴.

Но обвинителей не оказалось. Тогда Гус является к верховному инквизитору Чехии с просьбой объявить, не находит ли он ереси в его учении. В ответ на это инквизитор при многих свидетелях заявил: «Я много и часто беседовал с Гусом, ... присутствовал много раз при его проповедях, и, заводя с ним разговор о Св. Писании и разных предметах веры, никогда не открыл в нем ни малейшего заблуждения»⁵.

⁴ Там же. С. 79.

⁵ Там же. С. 81.

В удостоверение правоты инквизитор выдал Гусу особое свидетельство. После этого Ян Гус, сопровождаемый чешскими дворянами, не дождавшись даже охранной грамоты, которую обещал ему король Сигизмунд, отправился в путь. Проезжая через многие немецкие города, он, к удивлению своему, не обнаруживает недоброжелательства к себе немцев, от которых он мог ожидать проявления неприязни. В своих письмах, посланных с пути в Чехию, он неоднократно говорит о радушии, с каким принимали его и священники, и магистры, не считавшие зазорным общаться и беседовать о вере с обвиненными в ереси. Так, в частности, в письме из Нюрнберга он пишет: «... все магистры и граждане остались мною довольны». «Все, что мы слышали от тебя, магистр, — сказали они, — совершенно согласно с истинной верой. И мы много лет проповедовали и хранили то же учение. Если не будет против тебя других улик, то ты, без сомнения, с честью вернешься с собора»⁶.

Но враги Гуса, не ответив на его вызов в Праге, поспешили в Констанц, чтобы к его приезду создать как раз эти «другие улики». Они подкупили свидетелей, внушали участникам Собора, что Ян Гус — опасный еретик, которому ни в чем нельзя верить. Вскоре после его прибытия в Констанц они распространили ложный слух о его бегстве. И пользуясь этим слухом, добились того, что Гус, прежде предъявления ему обвинений, был заключен в тюрьму, несмотря на полученную им охранную грамоту Сигизмунда. Более полугода протомился он в тюрьме, ожидая суда над собою. Физические силы оставили его, но уверенность в правоте не поколебалась. Находясь в заключении, Гус готовится к защите на Соборе, пишет послания в Чехию и даже составляет небольшие трактаты для своих тюремных сторожей («О покаянии», «О грехе», «О браке»).

В конце 1414 г. в Констанц прибыл Сигизмунд, принявший недавно императорскую корону, и стал настойчиво требовать освобождения Гуса. Но его убедили, что он не обязан сдерживать своего слова, данного еретика. Поэтому оказались безуспешными и ходатайства чешских дворян, направленные Сигизмунду в защиту Яна Гуса.

Весной 1415 г. был низложен Иоанн XXIII, обвиненный в различных преступлениях. Узнав об этом, Гус в одном из писем своим друзьям обращается к противникам, осуждавшим его за непокорность этому папе, со следующими словами: «Отвечайте... разглашавшие некогда, что папа — бог земной, что он имеет право продавать святиню... что он глава св. Церкви, управляющий ею безгрешно, что он сердце её, животворящее её духовно; источник приснотекущий, откуда вскипает всякая добродетель и правда; что он солнце Церкви святой; что он самое надежное прибежище всякой души христианской. И вот глава посечена мечом, бог земной связан, грехи его разглашены, источник иссяк, солнце затмилось, сердце извлечено и повержено. И стоит всемирное христианство без папы... управляемое одной Главою Церкви, Иисусом Христом, Кормчим премудрым, направляющим её ко благу; животворящим сердцем, дарующим жизнь благодатную; источником неиссякаемым, орошающим ее семью дарами Духа Святаго, прибежищем неоскудным, к которому обращаюсь и я, недостойный, в твердой надежде, что Он управит, оживит и упасёт душу мою; что, избавив меня от грехов и от бремени временной жизни, воздаст мне бесконечную радость»⁷.

Справедливости ради необходимо отметить, что Гус не был упорным противником папской власти. Его высказывания против папы, в данном случае против низложенного Бальтазара Коссы, основывались не на отрицании прав римского епископа, а на том нравственном принципе, которым он неизменно руководствовался при оценке людей, какое бы положение они ни занимали. Так, в письме, относящемся к 1413 г., он признает папу наместником Христа в Римской Церкви и главою, но при условии, если папа живет и «управляет по закону Христову»⁸.

После продолжительного процесса над Бальтазаром Коссой Собор осудил Виклифа и его учение. Этот соборный акт, по существу, уже предreshал и участь Гуса, даже

⁶ Там же. С. 85.

⁷ Там же. С. 126–127.

⁸ Вознесенский А. Послание магистра Иоанна Гуса. М., 1905. С. 110.

несмотря на то, что последний не разделял догматических заблуждений английского богослова. Для обвинения в виклифизме достаточно было и тех положений, касающихся церковного строя, которые Гус заимствовал из его богословских трактатов.

Следующее постановление Собора запрещало, под угрозой отлучения, причащение мирян из чаши (Кровью Христовою). Сила этого постановления оказалась также против Гуса, т. к. на запрос своих друзей, можно ли причащать мирян под обоими видами, он из своего заключения отвечал утвердительно. Письмо было перехвачено и приложено к актам обвинения.

Сохранились достоверные свидетельства о том, что участники Собора составили два проекта своего решения по делу Гуса. Один проект предусматривал церковное наказание через пожизненное заключение в монастырь, если Гус откажется от своих взглядов. В противном случае, по второму проекту, непокорного передавали в руки мирской власти для наказания как еретика через сожжение на костре.

Об этих готовых приговорах Гус узнал от своих друзей, присутствующих на соборных деяниях, но они не поразили его, не повергли его в уныние. Он и ранее предугадывал, какого можно ожидать к себе отношения со стороны тех, кого он обличал за симонию и другие злоупотребления. Еще в 1413 г. он писал: «Я знаю уже о том, какое постановление обо мне приготовили доктора и прелаты... дабы провести свой хитрый замысел для получения большинства голосов и составить о мне заключение: “ты — еретик!” Они рассуждают в этом случае так. Всего, что установила св. Римская церковь, т. е. папа с кардиналами, нужно держаться как вероопределения. И вот папа со своими наперсниками установил индульгенции. Следовательно, этого нужно держаться как вероопределения. Однако ты, Гус, проповедовал противное сему; следовательно, ты должен отказаться от своих учений или в противном случае будешь предан на сожжение»⁹.

После долгих месяцев ожидания, допросов, очных ставок со свидетелями и лже-свидетелями Гус, наконец, предстает перед Собором с его многочисленными участниками — кардиналами, архиепископами, епископами, докторами права, магистрами богословия и пр. Разбору делу Гуса было отведено три соборных заседания — 5, 7 и 8 июня. Но ранее публичного суда сочинения обвиняемого были рассмотрены особой комиссией из 50 человек. По словам Гуса, комиссия относилась к нему крайне пристрастно: делая выписки из показания, явно ложные, вызванные не стольким недоразумением, сколько личною неприязнью к обвиняемому, оставляла без всякой проверки. Защищаться против обвинений ему дозволялось только письменно. Несмотря на все это, он все же сумел доказать, что значительная часть обвинений является или намеренным искажением его слов, или даже просто вымышлена по личным побуждениям противников.

Ненамного лучше обстояло дело и на соборных заседаниях. Когда Гус защищался от клеветы, ему не давали говорить, когда же умолкал, противники со злорадством кричали: «Видите, он молчит, значит он сам сознается в своих заблуждениях, и ему нечего сказать». На соборных заседаниях зачитывались даже статьи обвинения, по которым он оправдался ранее перед комиссией. И тем не менее, находясь в таком невыгодном положении, Гус мужественно защищался. Так, он весьма убедительно доказал, что ему ложно приписывают учение о реманенции в Евхаристии. Эта победа Гуса, очевидно, навела обвинителя на мысль, что, если и далее дело пойдет так, обвиняемый может оправдаться, а им самим придется отвечать за притеснения невинного человека. Его стали склонять к отречению от заблуждений, на что Гус ответил: «Я готов принять наставление Собора. Но заклиная вас Богом живым не принуждать меня поступать против совести и отречением правды подвергать себя вечному осуждению... когда приписывают мне положения, которых защищать мне в голову не приходило, как могу я клятвенно отречься от них?»¹⁰.

⁹ Там же. С. 108.

¹⁰ Новиков Е. Гус и Лютер. М., 1859. С. 151.

Сожжение Яна Гуса в 1415 г.

Так закончилось соборное слушание дела Гуса, но ему еще не раз предлагали подписать формулу отречения. Гус отвечал отказом и готовился к казни, которая теперь уже была неизбежна. Как предсмертное завещание звучат слова одного из последних его писем в Чехию: «Прошу вас, — обращается он к пастве своей, — твердо держаться правды Божией, которую я возвещаю вам... на основании Слова Божия и творений святых отцов Церкви. Если же слышал от меня что-либо противное слову Божию..., то прошу не держаться такового. Также прошу не подражать мне, если кто-нибудь усмотрел во мне что-либо легкомысленное в образе жизни, в словах или делах, но молить Бога об отпущении моих грехов»¹¹.

6 июля 1445 года был зачитан окончательный приговор, в тот же день Гус был отведен за город и сожжён на костре. «Он шел на смерть, как на веселый пир, — говорит о Гусе кардинал Эней Сильвий (впоследствии папа Пий II), — ни один вздох не вылетел из его груди, нигде не обнаружил он не малейшего признака слабости. Среди пламени до последнего издыхания возносил он молитву к Богу»¹².

Так закончил земное поприще знаменитый исповедник, который мужеством своим вызывал уважение не только у своих последователей, но и у противников.

Говоря о том, что Констанцкий Собор осудил Гуса как еретика, было бы несправедливо утверждать, что все члены Собора одобряли принятую большинством меру наказания. Беспристрастные свидетели всего того, что происходило на Соборе, не могли не убедиться в злонамеренности обвинителей, а потому высказывались за дарование свободы Гусу, как непричастному ереси. Неудивительно поэтому, что католические богословы в настоящее время стремятся пересмотреть костанцский процесс

¹¹ Вознесенский А. Послание магистра Иоанна Гуса. М., 1905. С. 176.

¹² Серебрянский Н. Ян Гус — его жизнь и учение // Псковские епархиальные ведомости. 1915. № 13–16. С. 239, 298.

над Гусом. В этом отношении представляет интерес капитальный труд бельгийского бенедиктинца Павла де Вогта, вышедший в 1960 г. под названием «Ересь Яна Гуса». Автор склонен считать, что постановление Собора о Гусе неверно, главным образом по двум причинам: «Гус осужден на тех заседаниях, которые проходили без папы, а потому и не имеет канонической силы и в сочинениях Гуса нет радикальных отступлений от католического учения»¹³.

Не касаясь вопроса, насколько основательны аргументы автора, можно утверждать, что само появление труда говорит о многом. В особенности если принять во внимание, что в этом году, в связи с юбилеем, некоторые из богословов Римско-Католической Церкви направили в курию обращение с просьбой отменить несправедливое осуждение чешского реформатора, потому что, говорили они, нельзя дольше терпеть, чтобы «и в будущем оставалось позорное клеймо осуждения на Констанцском соборе, которое могло быть ошибочным». Подписавшие это обращение, составленное др-м Otto Tegeter, ведущим архивариусом констанцской библиотеки, желают, чтобы дело Гуса было снова пересмотрено церковным судом надлежащим образом «с целью оправдать Гуса от обвинений, чтобы его высоко-нравственная жизнь и его мужественная смерть могли быть безукоризненным примером для всех христиан, включая римских католиков»¹⁴.

* * *

Все сказанное выше позволяет сказать, что в деятельности Яна Гуса особенно ярко проявились его проповеднические дарования. Даже его сочинения на латинском и чешском языках имеют гомилетический характер и часто представляют систематизацию того, что он говорил в проповеди. Основное содержание его вдохновенных речей — требование нравственного исправления.

Будучи глубоко убежденным в необходимости претворения в жизни Христова учения и стремясь к действительному осуществлению евангельских заветов, он был проникнут исключительной религиозной настроенностью, под влиянием которой все затрагиваемые им вопросы — не только церковные, но и национальные, общественные — переносились на почву нравственную. И состоятельность или несостоятельность того или иного положения неизменно доказывалась соответствием или несоответствием последнего духу религиозно-нравственных требований Христова учения. Гус обычно прибегал к таким именно приемам нравственной оценки спорных вопросов и в сочинениях на чешском языке, предназначенных для широкого круга читателей.

Вторую отличительную черту вифлеемского проповедника составляет сильно развитое в нем национальное чувство — любовь к своему народу, к родному языку, к религиозным чешским обычаям и преданиям. Это чувство делало его близким народу, и народ отвечал на него взаимной любовью и преданностью.

Особенно подкупала слушателей простота, искренность и непосредственность проповедника. Обличия других, Гус не боялся публично каяться и в своих недостатках. Так, порицая богатых за их пренебрежительное и высокомерное отношение к бедным, он говорит, что и сам некогда спешил воздать честь знатному человеку, но потом познал свой грех и теперь ценит людей не по их внешнему положению, а по нравственному достоинству. Восставая против привязанности духовенства ко всему мирскому, обличитель признается, что и он в юные годы мечтал стать священником с целью прилично одеться, сытно жить и иметь почет.

Характерной чертой морального облика Яна Гуса является его постоянство, твердость характера, непоколебимость. Он любил одну только правду. Познав ее из учения Христова и ощутив ее как высочайшее благо, которым по долгу своему считал себя

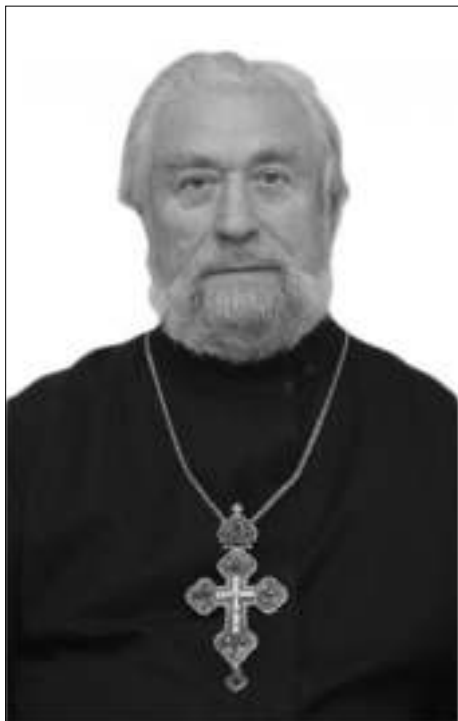
¹³ Kaňák M. Husovo jubileum a římskokat. církev // «Český zápas». 1965. № 27–28. С. 5.

¹⁴ Там же. С. 5.

обязанным делиться со всеми, он неизменно держал ее. За правду он готов был отдать свою жизнь, о чем он неоднократно говорил, а затем доказал своим мужественным исповеданием на Соборе и бесстрашной смертью на костре.

Прошло 500 лет со дня смерти Яна Гуса, но образ самоотверженного проповедника не потускнел. Дым констанцского костра не скрыл от взоров беспристрастия чистоты намерений и обличителя пороков. Вдохновенным, мужественным, бесстрашным борцом за правду представляется нам Ян Гус на основании исторического свидетельства о нем и его собственных сочинений. Правдой он жил, за правду страдал, за правду и умер. Поэтому уместно будет речь о нем закончить его словами: «Верные христиане, слушайте правду, учитесь правде, любите правду, действуйте по правде, храните правду, защищайте правду...».

Протоиерей Адриан Андреевич Должиков (18 мая 1937 — 8 октября 2019)

Протоиерей
Адриан Должиков

Протоиерей Адриан Андреевич Должиков родился в 1937 г. в поселке Новоалександровка Краснодонского района Луганской (тогда Ворошиловградской) области в семье рабочих. Отец — Андрей Павлович Должиков, мать — Анисия Яковлевна Должикова. В 1944 г. поступил в первый класс Краснодонской средней школы № 29, в которой окончил 9 классов. В 1954 г. переехал на постоянное местожительство в г. Одессу. В период с 16 августа 1954 г. по 31 мая 1955 г. обучался в счетоводно-бухгалтерской школе на курсах по подготовке бухгалтеров промышленных предприятий Одесского областного учебного комбината УПК ЦСУ СССР. По итогам обучения была присвоена квалификация бухгалтера промышленных предприятий. В 1955 г. поступил в 10-й класс средней школы № 2, после окончания которой в 1956 г. поступил в Одесскую духовную семинарию. Прислуживал за богослужением у митрополита Херсонского и Одесского Бориса (Вика). Обучаясь в семинарии, в 1960 г. окончил курсы шоферов-профессионалов в г. Краснодоне Луганской области, в 1961 г. — государственные заочные курсы стенографии в г. Москве. Кроме того, в 1954–1957 гг. трудился бухгалтером Свято-Никольской церкви г. Одессы.

В 1959–1963 гг. обучался в Ленинградской духовной академии, которую окончил со степенью кандидата богословия за курсовое сочинение «Книга правил св. апостол, святых Соборов Вселенских и Поместных и св. отец 1839 г. (история, состав, текст)» (научный руководитель — доц. П. П. Игнатов). В 1963–1964 учебном году являлся профессорским стипендиатом. Также ему было поручено преподавать историю и разбор русского сектантства в 1 классе семинарии. По окончании стипендиатского года назначен преподавателем в семинарии и академии по кафедре истории и разбора русского сектантства. В 1964–1975 г. читал курс по общей истории Церкви, истории Славянских Православных Церквей. Одновременно с преподавательской деятельностью в 1962–1966 гг. трудился на должности помощника заведующего академической библиотекой. В 1967–1968 гг. — классный наставник, в 1968–1970 гг. — помощник инспектора. С 11 января 1973 г. по 31 мая 1974 г. был экономом Ленинградской митрополии и Ленинградских духовных академии и семинарии.

В 1965 г. вступил в брак с Анной Терентьевной Беловол. 18 января 1969 г. митрополитом Ленинградским и Новгородским Никодимом (Ротовым) был рукоположен во диакона в Свято-Троицком соборе Александро-Невской лавры, 15 февраля того же года владыка Никодим рукоположил его во пресвитера в Николо-Богоявленском кафедральном соборе. 22 апреля 1973 г. был удостоен сана протоиерея.

В 1971–1974 гг. служил в Свято-Троицком соборе, затем в Князь-Владимирском соборе. В 1975 г. был назначен на патриаршее подворье в Токио, в 1977 г. — в Бейрут,

где был представителем Патриарха Московского и всея Руси при Антиохийском патриаршем престоле. В 1980 г. вновь стал служить в Князь-Владимирском соборе. С 1981 по 1991 гг. — настоятель храма праведного Иова на Волковском кладбище. В 1991–1992 гг. был настоятелем возрождающейся колпинской церкви Вознесения Господня, затем, с 1992 по 1996 гг. — штатным священником храма святой Екатерины поселка Динамо. С 1996 г. — настоятель Свято-Георгиевского храма на Средней Рогатке.

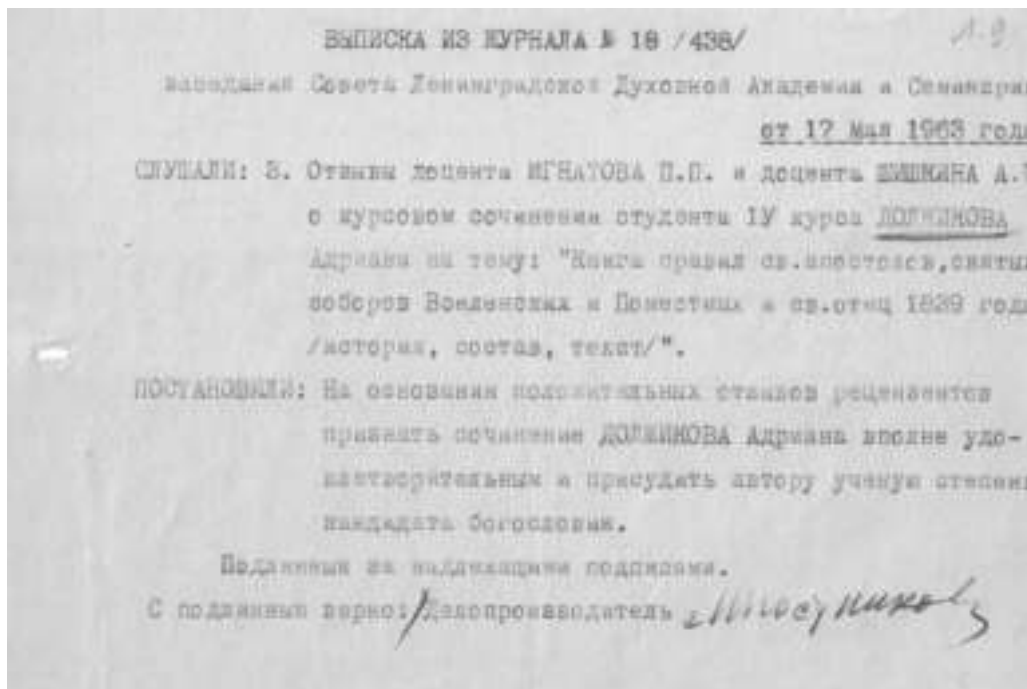
В 2001 г. был отправлен за штат по состоянию здоровья с благословением совершать богослужения в храме святого Георгия Победоносца в Купчине. В 2005 г. стал штатным священником храма. В 2013 г. вновь отправлен за штат по состоянию здоровья с сохранением права служения в Свято-Георгиевском храме. Был женат, имел троих детей.

Скончался отец Адриан 8 октября 2019 г., на 83-м году жизни.

А. А. Должиков

Чин отпевания 11 октября совершил настоятель храма святого Георгия Победоносца в Купчине и благочинный Фрунзенского округа протоиерей Алексей Исаев в сослужении протоиереев Алексея Ширяева, Сергея Шведа, иерея Василия Ильина

Выписка из Журналов заседаний Совета Ленинградских духовных академии и семинарии о присуждении А. А. Должинову степени кандидата богословия

и духовенства храма. В прощальном слове отец Алексей напомнил о любви духовенства, прихожан и всех присутствовавших к новопреставленному: «Отец Адриан всю жизнь посвятил служению Богу и людям: молитве за нас, пастырскому наставлению, любви. И сейчас мы провожаем его в жизнь вечную и совершаем молитву о нем Богу, прося милости и прощения всех его прегрешений».

Похоронен отец Адриан в поселке Александровская Пушкинского района у храма Казанской иконы Божией Матери.

Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Варсонофий (Судаков) благословил в храмах и монастырях епархии внести в синодик для поминовения об упокоении имя протоиерея Адриана Должикова¹.

¹ Протоиерей Адриан Должиков // ИА «Вода Живая». URL: <http://globus.aquaviva.ru/people/dolzhiikov-adrian> (дата обращения 02.12.2020); Отошел ко Господу протоиерей Адриан Должиков // Санкт-Петербургская Епархия. URL: <http://mitropolia.spb.ru/news/parishes/?id=165147> (дата обращения 02.12.2020).

Протоиерей Александр Васильевич Кудряшов (2 августа 1936 — 27 июня 2020)

Протоиерей Александр Васильевич Кудряшов родился 2 августа 1936 г. в Чернигове в семье рабочего. Отец, Василий Федорович — инвалид труда 1 группы. Мать 10 мая 1946 г. за многодетность (10 детей) была награждена орденом «Материнская слава». А. В. Кудряшов в 1944 г. поступил в Черниговскую среднюю школу № 4 имени Куйбышева, которую окончил в 1954 г. С 1 сентября 1954 г. по 30 апреля 1956 г. обучался в Киевской духовной семинарии. Далее был принят в Ленинградскую духовную семинарию, в которой обучался с 5 сентября 1957 г. по 20 ноября 1958 г. С 20 ноября 1958 г. по 17 января 1962 служил в армии. С 22 марта 1962 г. по 4 июня 1962 г., после демобилизации, работал токарем на Черниговском заводе автошестерен. Уволен по собственному желанию в связи с поступлением в Ленинградскую духовную семинарию.

В 1962 г. вновь поступил в Ленинградскую духовную семинарию. В период с 1963 по 1964 гг. обучался в Ленинградской духовной академии, которую окончил со степенью кандидата богословия за представленное курсовое сочинение «Религиозно-нравственные основания борьбы за мир против войны и неустойчивости земной жизни». В характеристике по окончании академии отмечалось следующее: «Он хороших способностей, прекрасно знает и любит богослужение, долгое время исполнял обязанности иподиакона. Характер имеет живой; очень общителен, разговорчив, почти никогда не унывающий, имеет практическую смекалку и к любому делу, связанному с Церковью, относится серьезно».

В 1963 г. вступил в брак с Несмеяновой Валентиной Ивановной. 10 декабря 1963 г. в праздник Знамения Божией Матери в духовной академии был рукоположен

Протоиерей Александр Кудряшов

Прошение диакона Александра Кудряшова
об утверждении темы кандидатской диссертации

округа, с 1 июня 1996 г. — Царскосельского благочиннического округа, с 1 июня 1998 г. — Петродворцового благочиннического округа. С 2011 г. — почетный настоятель и духовник благочиния.

С 1972 по 1981 гг. и с 1998 по 2009 гг. в Санкт-Петербургских духовных школах преподавал церковно-славянский язык в первых и вторых классах семинарии. С 29 августа 2005 г. по 27 апреля 2009 г. занимал должность проректора по воспитательной работе Санкт-Петербургской духовной академии.

На занятиях по церковно-славянскому языку главное внимание обращалось на чтение учащимися текста и на то, чтобы чтение было четким, ясным, внятным, со смысловыми остановками, без тщеславия, смущения и робости, для того, чтобы способствовать молитвенному настроению молящихся. Ставилась задача, чтобы воспитанники семинарии свободно могли читать любой текст. Также обращалось внимание на произношение всех ектений, на чтение Апостола и Евангелия, на чтение текста Октоиха, требника, канонов двунадесятых праздников и Псалтири, на все тропари, ирмосы, догматики — как на особую красоту церковно-славянского богослужения. Из грамматики, в основном, более подробно касались склоняемых частей речи, глагола и некоторых особенностей церковно-славянского синтаксиса. Поздравляя в 2013 г. отца Александра в связи с 50-летием служения в священном сане, ректор академии епископ Петергофский Амвросий (Ермаков) тогда отметил: «Ваша преподавательская деятельность была посвящена церковнославянскому языку. Студенты вспоминают Вас как очень ответственного преподавателя, который с готовностью

в сан диакона. 4 ноября 1967 г. в Князь-Владимирском соборе в праздник Казанской иконы Божией Матери был рукоположен в сан пресвитера митрополитом Никодимом (Ротовым). В 1972 г. был удостоен сана протоиерея, в 1980 г. — креста с украшениями, в 1990 г. — митры, в 1992 г. — права служения Божественной литургии с отверстыми Царскими вратами до «Херувимской песни», в 1996 г. — права служения Божественной литургии с отверстыми Царскими вратами до «Отче наш».

Был клириком Никольского собора, ключарем Свято-Троицкого собора Александроневской лавры, настоятелем храмов, благочинным, секретарем епархиального управления. Так, с 1 февраля 1992 г. по 1 мая 1998 г. являлся секретарем Санкт-Петербургского епархиального управления. С 11 августа 1996 г. — настоятель собора святых апостола Петра и Павла г. Петродворца. Являлся благочинным: с 1 марта 1990 г. — Пригородного Ленинградского благочиннического

делился не только своими обширными знаниями, но и жизненным опытом. Но главной чертой, за которую Вас ценили воспитанники Академии, была Ваша отеческая любовь, которая чувствовалась даже в Вашей строгости».

Во время преподавательской деятельности в академии отец Александр был награжден несколькими орденами: святого равноапостольного князя Владимира III степени (1986), святого благоверного князя Даниила Московского III степени (1999), преподобного Сергия Радонежского III степени и преподобного Серафима Саровского III степени. Труды и заслуги отца Александра отмечены наградами Русской Православной Церкви и других Поместных Церквей. Кроме того, в 1988 г. был награжден Патриаршей грамотой в связи с 25-летием священнослужения, в 1996 г. — Патриаршей грамотой в связи с 275-летием основания и 50-летием возрождения Санкт-Петербургских духовных школ, в 1999 г. — в связи с 35-летием священнослужения медалью св. блгв. великого князя Александра Невского и орденом Казяцкого войска Запорожской Украины, в 2001 г. почетной медалью «За жертвенное служение» Общероссийского движения «Россия Православная», в 2002 г. — ведомственной медалью «За отличие в службе» Железнодорожных войск Российской

Отпевание протоиерея Александра Кудряшова

Федерации, в 2002 г. — медалью железнодорожных Российских войск и др.

25 марта 2018 г. в связи с 50-летием служения в пресвитерском сане был удостоен патриаршей награды — второго наперсного креста с украшениями. Был женат, имел десятерых детей. Все сыновья стали священниками, дочери — замужем за священниками; священнослужителями стали и двое внуков

Скончался отец Александр 27 июня 2020 г., на 84-м году жизни.

В связи с кончиной протоиерея Александра Кудряшова целый ряд иерархов выразили свои соболезнования.

Соболезнование в связи с кончиной протоиерея Александра Кудряшова митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Варсонофия (Судакова):

«Со скорбью узнал об отшествии в путь всея земли верного труженика Церкви Христовой протоиерея Александра Кудряшова. Примите мои искренние соболезнования.

За более чем полвека служения Господу Иисусу Христу почивший многое сделал для развития церковной жизни северной столицы.

В условиях атеистических гонений он ревностно трудился на приходах Ленинграда, проповедуя Слово Божие и призывая людей ко спасению.

Пользуясь уважением правящих архиереев и духовенства, он многие годы исполнял послушания благочинного и секретаря епархии, был инспектором в нашей духовной академии, передавая будущим священнослужителям свой богатый пастырский и жизненный опыт.

С его именем связано начало возрождения приходской жизни многих храмов города на Неве, в том числе Петропавловского собора Петергофа, где он десятилетия был настоятелем.

Отец Александр был не только ревностным пастырем, но и замечательным семьянином, созидал свою малую церковь в любви к Богу и ближним. Его сыновья и дочери стали священнослужителями и матушками, многие из них трудятся на приходах епархии, подражая примеру благочестивого родителя.

Со дня моего назначения на петербургскую кафедру почивший неизменно нес послушание ответственного по подготовке и освящению храмов епархии, несмотря на преклонный возраст, являя неутомимую энергию и усердие.

До последних дней он стоял у престола Господня, был жизнерадостным и рассудительным.

В памяти духовенства отец Александр останется верным сыном Церкви Христовой, человеком горячей веры и любви к ближним, который свое счастье видел в служении Богу.

Да упокоит всещедрый Господь новопреставленного протоиерея Александра в селениях праведных и сотворит ему вечную память!»¹

¹ Соболезнования в связи с кончиной протоиерея Александра Кудряшова // Санкт-Петербургская епархия. URL: <http://mitropolia.spb.ru/docs/soboleznovanie-v-svyazi-s-konchinoy-protiierey-aleksandra-kudryashova> (дата обращения 01.12.2020).

Соболезнование митрополита Петрозаводского и Карельского Константина (Горянова), Главы Карельской митрополии, председателя Синодальной богослужебной комиссии, на имя митрополита Варсонофия:

«Со скорбью в сердце воспринял известие о кончине почётного настоятеля собора святых апостолов Петра и Павла в Петергофе протоиерея Александра Кудряшова.

Протоиерей Александр Кудряшов внес большой вклад в возрождение Православия и духовно-нравственное воспитание жителей города святого апостола Петра. Долгие годы он исполнял послушания благочинного и секретаря епархиального управления, был инспектором и преподавателем Ленинградской, а затем и Санкт-Петербургской Православной Духовной академии, передавая будущим священнослужителям богатый пастырский и жизненный опыт. Горячая вера, молитвенный настрой, жертвенная любовь к Церкви и пастве, ревность к Славе Божией снискали почившему отцу Александру глубокое уважение клириков и паствы. Все, что он делал, было посвящено единому на потребу — живой проповеди о Христе Распятом и Воскресшем.

Вознося молитвы ко Господу об упокоении его души в селениях небесных, выражаю искреннее соболезнование Вам, дорогой Владыка, родным и близким новопреставленного. Мысленно даю последнее целование почившему и выражаю надежду, что по слову Спасителя он услышит желанный глас: «... добрый и верный раб! в малом ты был верен, над многим тебя поставлю; войди в радость господина твоего» (Мф 25:21). Да сотворит Господь новопреставленному рабу Своему вечную память!»²

Соболезнование архиепископа Верейского Амвросия (Ермакова), наместника Московского Сретенского монастыря, на имя митрополита Варсонофия:

«Прошу Вас принять сердечные соболезнования в связи с кончиной одного из старейших клириков Санкт-Петербургской митрополии и преподавателей Петербургской духовной академии — протоиерея Александра Кудряшова, и передать мое сочувствие протоиерею Павлу Кудряшову и многочисленным родным почившего, священнослужителям и прихожанам Петропавловского храма в Петергофе.

Совместное служение и общение с отцом Александром оставили навсегда в моем сердце самые теплые и добрые воспоминания. Его вера, молитва, оптимизм, радость и энергия всегда были опорой для многих людей, знавших его.

Он доверился Богу и стал многодетным отцом, немало трудов положил на возрождение Петропавловского собора и возрождение в нем духовной жизни, много лет посвятил воспитанию и образованию духовенства нашей Церкви.

Господь призвал его из этого мира в мир иной, в котором он встретится с любимыми родителями и несколько лет тому назад ушедшей супругой, но главное — он увидит, верю, лицом к лицу Того, Кому посвятил и служил всю свою жизнь. Господь да упокоит новопреставленного отца Александра в селениях праведных и сотворит ему вечную память».

Соболезнование епископа Тихвинского и Лодейнопольского Мстислава (Дячина):

«С чувством глубокой печали узнал о земной кончине протоиерея Александра Кудряшова — почетного настоятеля собора Святых апостолов Петра и Павла в Петергофе, мудрого наставника, всецело посвятившего себя служению Господу, педагога с большим духовным опытом, воспитавшего не одно поколение священнослужителей.

Отец Александр был добрым пастырем. Он проявлял любовь там, где, казалось бы, невозможно любить, нес мир и утешение в места, где царила тревога и скорбь.

² Соболезнование митрополита Константина в связи с кончиной протоиерея Александра Кудряшова, почётного настоятеля собора святых апостолов Петра и Павла в Петергофе // Информационный отдел Петрозаводской и Карельской епархии. URL: http://eparhia.karelia.ru/news2020.07.01_1593590088 (дата обращения 01.12.2020).

К нему за советом обращались самые разные люди, и для всех он находил слова наставления и поддержки. Все это происходило потому, что неизменно освящалось его крепкой верой, душевной широтой и добротой. В Евангелии сказано, чтобы мы готовились к встрече с Господом, потому что она может быть внезапной (Мф 24:44). Отец Александр сам пришел ко Христу. Мы верим, что он готовился к этой встрече своей жизнью и трудами и будет отечески милостивно принят в Его вечные обители. Именно такие чувства вызывает молитва о душе покойного.

Да упокоит Милостивый Бог новопреставленного приснопамятного верного Своего труженика протоиерея Александра, а нас помилует и спасет его молитвами».

Соболезнование губернатора Санкт-Петербурга А. Д. Беглова на имя митрополита Санкт-Петербургского Варсонофия:

«Выражаю Вам, духовенству и прихожанам Петро дворцового округа, родным и близким отца Александра Кудряшова глубокие соболезнования в связи с его кончиной.

Почетный благочинный Петро дворцового округа протоиерей Александр более полувека посвятил пастырскому служению, возрождению храмов и просвещению верующих.

Отец Александр заслужил признание светской власти Санкт-Петербурга и благодарность многочисленных прихожан. Его неутомимые труды отмечены высокими наградами Русской Православной Церкви.

Светлая память отцу Александру».

Отпевание протоиерея Александра Кудряшова состоялось 30 июня 2020 г. в соборе апостолов Петра и Павла в Петергофе. Божественную литургию совершили наместник Свято-Троицкой Александро-Невской лавры епископ Кронштадтский Назарий (Лавриненко) и епископ Петергофский Силуан (Никитин) в сослужении благочинного Петро дворцового округа Санкт-Петербургской епархии, настоятеля собора апостолов

Отпевание протоиерея Александра Кудряшова

Отпевание протоиерея Александра Кудряшова

Петра и Павла в Петергофе протоиерея Михаила Терюшова, духовенства Санкт-Петербургской митрополии. Среди сослуживших также были сыновья отца Александра протоиерей Андрей Кудряшов, протоиерей Павел Кудряшов и внук почившего диакон Феодосий Кудряшов.

Перед панихидой в своем слове епископ Назарий, в частности, отметил: «Отец Александр был открытым человеком даже в самые сложные времена. А времена, в которые он жил, были не простыми. Сейчас времена другие, и как только мы почувствовали небольшое стеснение, сразу тяжело это переживаем. А раньше давление на священнослужителей было непрекращающимся. Мы скорбим, нам будет не хватать отца Александра, но знаем, что обрели молитвенника в Царствии Небесном. Пусть Господь проводит его в путь, и пусть этот путь будет легким. Почивший заслужил, чтобы Господь Своей милостью покрыл все то, что он как человек соделал на земле, а мы сугубо помолимся, чтобы Господь простил его грехи вольные и невольные. Проводим в последний путь всея земли дорогого нашего друга, отца, учителя и просто прекрасного человека. Говорят, что не бывает незаменимых людей. Нет, все-таки они есть, он во многом будет незаменимым и примером великого служения Господу, людям, Церкви Христовой».

По окончании богослужения было совершено отпевание новопреставленного.

Вначале епископ Петергофский Силуан зачитал соболезнование митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Варсонофия.

Затем ректор академии обратился к молящимся с архипастырским словом, в котором обратил внимание на то, что протоиерей Александр был тесно связан с деятельностью духовной школы на Неве, и является примером ответственного исполнения священнического служения Христу и людям: «Более пятидесяти лет отец Александр проповедовал Евангелие на петербургской земле. Его путь был тесно переплетен с Санкт-Петербургскими духовными школами, где он в разное время был и учащимся, и преподавателем, и проректором по воспитательной работе, ревностно исполняя все послушания, возложенные на него Священноначалием. Надеемся, что пример

протоиерея Александра будет воспринят следующими поколениями священно- и церковнослужителей в реализации своих талантов, в исполнении своего священнического призвания. Сотворим в своем сердце глубокую благодарность трудолюбивому делателю на ниве Христовой. Вечная ему память и вечный покой».

Далее был совершен чин отпевания. Протоиерей Александр Кудряшов был погребен на Северном кладбище Санкт-Петербурга³.

³ Состоялось отпевание бывшего преподавателя и проректора по воспитательной работе СПбДА протоиерея Александра Кудряшова // Patriarchia.ru. URL: <http://eparchia.patriarchia.ru/db/text/5657883.html> (дата обращения 01.12.2020); Состоялось отпевание протоиерея Александра Кудряшова // Санкт-Петербургская епархия. URL: <http://mitropolia.spb.ru/news/parishes/?id=179384> (дата обращения 01.12.2020); В Петергофе простились с протоиереем Александром Кудряшовым // Санкт-Петербургская Духовная Академия. URL: <https://spbda.ru/news/v-petergofe-prostiliss-protoiereem-aleksandrom-kudryashovym/> (дата обращения 01.12.2020).

**Заслуженный профессор
протоиерей Аркадий Васильевич Иванов
(29 января 1925 — 14 июля 2020)**

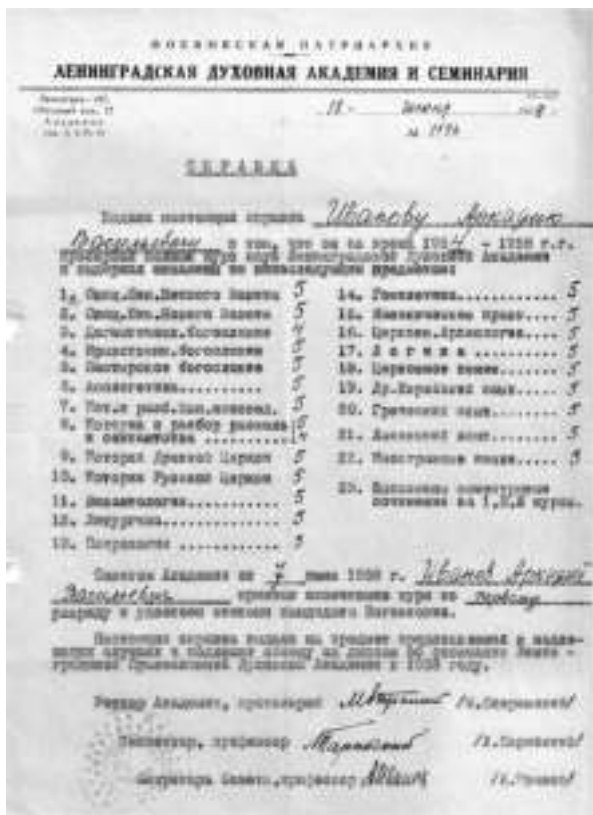
Протоиерей Аркадий Васильевич Иванов родился 29 января 1925 г. в Ленинграде в семье рабочих. Родители — Василий Иванович и Феодосия Яковлевна — работали на прядильно-ниточном комбинате. Семья была религиозной. Мама происходила из старообрядческой семьи, но в юности оставила раскол и перешла в Русскую Православную Церковь. По просьбе матери св. прав. Иоанн Кронштадтский перевел в Православие бабушку Анну Сергеевну, после чего Православие приняли все члены семьи, кроме деда Иакова, оставшегося в расколе. А. В. Иванов рано начал посещать и прислуживать в храме. Большое влияние в юности на него оказал протоиерей Борисоглебского собора в Ленинграде Николай Селезнев, которого он часто навещал перед войной как своего духовника. Впоследствии отец Аркадий об этом вспоминал следующее: «Образ жизни в нашей семье всегда был христианский. До осени 1939 г. воскресенья и праздники были рабочими днями, а выходные были 6, 12, 18, 24 и 30 числа каждого месяца. Поэтому в возрасте 5–6 лет я ходил в церковь в праздничные дни один, а родители были на работе. Недалеко от нашего дома был храм Шестаковской Божией Матери и при нем женский монастырь. Вспоминаю, что в 1931 и 1932 гг. на клиросе пели монашки, и среди них были очень молодые, 15 или 16 лет. Настоятелем был наш духовник прот. Николай Селезнев. Когда в 1933 г. началось массовое закрытие церквей, в нашей семье никакого кризиса веры не было. Мама очень любила говорить о Боге, о Церкви, о спасении и даже о последних временах, и я с детства на всю жизнь запомнил многое из того, что она мне говорила».

В 1933–1941 гг. обучался в 8-й школе Смольнинского района Ленинграда, окончил 8 классов. В 1941 г. отец погиб на фронте, мать умерла весной 1942 г. во время блокады Ленинграда. Сам А. В. Иванов едва не умер от дистрофии (3 месяца не мог ходить). В 1942 г. окончил курсы инвентаризаторов, работал электромонтером на Варшавском вокзале.

В феврале 1943 г. был мобилизован в армию, где прослужил свыше 7 лет. В 1943 г. находился в обороне Ленинграде и служил рядовым в различных пехотных частях (48 стрелковый полк 36-й дивизии, 389 стрелковый полк, 108 погранполк МВД). С января 1944 г. в составе войск Ленинградского фронта участвовал в ликвидации блокады Ленинграда и наступлении в южном направлении. Летом 1944 г. в составе части из-под Пскова был переброшен в Западную Украину, где в составе погранвойск нес службу по охране и обороне государственной границы СССР до окончания войны в 1945 г. В 1946 г. окончил военную школу сержантского состава и служил до 1950 г. в пограничных войсках, демобилизован в звании старшины. Награжден медалями «За оборону Ленинграда», «За победу

Протоиерей
Аркадий Иванов

Справка об окончании
Ленинградской духовной академии

шения дисциплины». В 1958 г. окончил академию со степенью кандидата богословия за представленное курсовое сочинение «Жизнь и деятельность Русской Православной Церкви за 1917–1957 гг.».

В 1958 г. женился на Тамаре Александровне, родители которой также погибли во время войны. Отец погиб в оборонительных боях под Ленинградом в 1941 г., мать участвовала в оборонных работах, рыла окопы, добывала торф, работала на заводах. Умерла преждевременно, оставив сиротами двух несовершеннолетних дочерей.

1 сентября 1958 г. А. В. Иванов назначен помощником инспектора, классным наставником в 1 классе Ленинградской духовной семинарии, с сентября 1959 г. ему было поручено преподавание латинского языка, с января 1962 г. — чтение лекций по Ветхому Завету в академии. В сентябре 1965 г. был освобожден от должности помощника инспектора. В 1966 г. утвержден в звании доцента, в 1996 г. удостоен звания профессора, в 2011 г. присвоено звание заслуженного профессора. С сентября 2012 г. не преподавал по состоянию здоровья.

17 мая 1961 г. рукоположен в сан диакона епископом Лужским Алексием (Коноплевым), 4 ноября 1961 г. рукоположен в сан священника митрополитом Ленинградским и Ладужским Гурием (Егоровым). В 1968 г. возведен в сан протоиерея, в 1978 г. награжден крестом с украшениями, в 1990 г. — правом ношения митры, в 1996 г. — правом служения с отверстыми Царскими вратами до «Херувимской», в 2003 г. — правом служения с отверстыми Царскими вратами до «Отче наш».

Удостоен многих церковных наград, в том числе ордена равноап. кн. Владимира III ст. (1986), ордена свт. Макария I и II степеней (2020, 2005), ордена свт. Иннокентия II

над Германией», «30 лет Советской Армии и Флота», а также нагрудным знаком «Отличный пограничник». Как участник Великой Отечественной войны в 1986 г. награжден орденом «Отечественной войны» II степени. В 2003 г. награжден медалью «В память 300-летия Санкт-Петербурга».

После демобилизации приехал в Москву. В 1950–1954 гг. обучался в Московской духовной семинарии. В 1954 г. поступил в Ленинградскую духовную академию. В характеристике, выданной инспектором Московской духовной семинарии, отмечалось: «При очень хороших способностях Иванов Аркадий отличается редкостным трудолюбием, прилежанием и усидчивостью. Его отношение к своим обязанностям и образу поведения серьезное. Глубоко религиозен и прилежен к церковным службам. С товарищами обращение ровное и любовное. Был старостой класса и заслужил уважение со стороны своих соклассников. Его авторитетное слово удерживало последних от нару-

ст. (2010), ордена прп. Серафима Саровского III ст. (2015), ордена прп. Сергия Радонежского I ст. (2015)¹. В 1985 г. был удостоен юбилейной грамоты патриарха Московского и всея Руси Пимена, в 1995 г. — юбилейной грамоты патриарха Московского и всея Руси Алексия II, в 2005 г. — юбилейной Патриаршей грамоты «В память 60-летия Победы в Великой Отечественной войне», в 2012 г. — юбилейной медали «В память 200-летия победы в Отечественной войне 1812 г.».

Годы преподавания в духовной школе отец Аркадий посвятил воспитанию в будущих пастырях Церкви любви к Священному Писанию, обучил многие поколения священнослужителей; его научная деятельность была посвящена исагогике Ветхого Завета и экзегетике ветхозаветных мессианских текстов. Так, в юбилейном адресе в год 75-летия отца Аркадия в 2000 г. отмечалось: «Почти четыре десятилетия Вы возглавляете кафедру Священного Писания Ветхого Завета и во всеоружии научных знаний в этой области приобщаете своих питомцев к усердному изучению Священного текста. За это время под Вашим руководством написано множество дипломных и кандидатских работ, которыми внесен существенный вклад в сокровищницу герменевтики и экзегетики, в раскрытие догматического и морального аспекта богодухновенных книг. Очень важно при этом, что, используя современные научные изыскания, Вы твердо стоите на православных экзегетических установках и святоотеческой традиции. Можно с уверенностью сказать, что Вами подготовлена плеяда молодых преподавателей-ветхозаветников, которые успешно трудятся в богословских школах не только России, но и во многих странах ближнего и дальнего зарубежья».

Скончался отец Аркадий 14 июля 2020 г., на 96-м году жизни.

Соболезнование в связи с кончиной заслуженного профессора Санкт-Петербургской духовной академии протоиерея Аркадия Иванова выразил Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл:

«С печалью воспринял известие о кончине заслуженного профессора Санкт-Петербургской духовной академии протоиерея Аркадия Иванова.

Почивший пастырь прожил долгую и насыщенную различными событиями жизнь. Промыслом Божиим в юные годы отцу Аркадию выпал нелегкий жребий встать в строй защитников Отечества, он участвовал в обороне Ленинграда и прорыве блокады Северной столицы. Его ратные усилия были оценены высокими государственными наградами.

Сразу же по завершении службы отец Аркадий поступил в Санкт-Петербургские духовные школы, где напитывал свою душу словесами Божественной мудрости,

Отпевание заслуженного профессора
протоиерея Аркадия Иванова

¹ Отошел ко Господу заслуженный профессор Санкт-Петербургской духовной академии протоиерей Аркадий Иванов // Patriarchia.ru. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5663381.html> (дата обращения 03.12.2020); Отошел ко Господу протоиерей Аркадий Иванов // Санкт-Петербургская епархия. URL: <http://mitropolia.spb.ru/news/culture/?id=179716> (дата обращения 03.12.2020); Преставился ко Господу заслуженный профессор Академии — протоиерей Аркадий Иванов // Санкт-Петербургская Духовная Академия. URL: <https://old.spbda.ru/news/prestavilsya-ko-gospodu-zasluzenny-professor-akademii-protoiery-arkadiy-ivanov/> (дата обращения 03.12.2020).

Погребение заслуженного профессора
протоиерея Аркадия Иванова

а после окончания образования и защиты диссертации стал преподавателем и на протяжении многих десятилетий передавал свои знания новым поколениям студентов — будущим труженикам Виноградника Христова.

В моей памяти запечатлелся светлый образ почившего священнослужителя, с которым Господь судил мне трудиться на ниве духовного образования. Знакомая студентам со Священным Писанием Ветхого Завета, он стремился раскрывать перед их мысленным взором все многообразие мессианских

пророчеств, свидетельствующих о воплощении Слова Божиего, готовил юные души к свидетельству об истине Святого Православия.

Возношу молитвы Милостивому Богу, дабы Он упокоил верного служителя своего протоиерея Аркадия во обителях небесных, где нет ни болезни, ни печали, ни воздыхания, сопричел его “к духам праведников, достигших совершенства” (Евр 12:23), и сотворил ему вечную и блаженную память»².

18 июля 2020 г. в Свято-Троицкой Александро-Невской лавре ректор Санкт-Петербургской духовной академии епископ Петергофский Силуан (Никитин) совершил Божественную литургию и чин отпевания новопреставленного протоиерея Аркадия Иванова. Его Преосвященству сослужили клирики Санкт-Петербургской митрополии. По окончании отпевания погребальная процессия направилась на Никольское кладбище монастыря, где по совершении заупокойной литии состоялось погребение отца Аркадия³.

² Патриаршее соболезнование в связи с кончиной заслуженного профессора СПбДА протоиерея Аркадия Иванова // Patriarchia.ru. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5663534.html> (дата обращения 03.12.2020).

³ Состоялось отпевание заслуженного профессора Санкт-Петербургской духовной академии протоиерея Аркадия Иванова // Patriarchia.ru. URL: <http://eparchia.patriarchia.ru/db/text/5666261.html> (дата обращения 03.12.2020); В Петербурге простились с протоиереем Аркадием Ивановым // Санкт-Петербургская Духовная Академия. URL: <https://spbda.ru/news/v-peterburge-prostilis-s-protoiereem-arkadiem-ivanovym/> (дата обращения 03.12.2020).

Протоиерей Лев Львович Церпицкий (13 мая 1948 — 25 апреля 2019)

Протоиерей Лев Львович Церпицкий родился в семье потомственного священника в деревне Залужье Столбцовского района Минской области Белорусской ССР. С юных лет воспитывался православным христианином. Вместе с братом, будущим митрополитом Новгородским Львом, часто бывал в Псково-Печорском монастыре, оставившем неизгладимый след в становлении будущего священника.

В 1966 г. окончил среднюю школу в г. Витебске, одновременно в 1962 г. получил среднее музыкальное образование. В период с 1966 по 1967 гг. работал в г. Витебске на фабрике «КИМ». С 1967 по 1971 гг. обучался в Белорусском физкультурном институте, окончил 3 курса, а затем в период с 1971 по 1973 гг. служил в рядах Советской Армии. После демобилизации работал в Рижской дистанции погрузо-разгрузочных работ.

По рекомендации митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима в 1974 г. поступил в Ленинградскую духовную семинарию, которую закончил в 1977 г. В 1976 г. был пострижен во чтеца. В 1977 г. был зачислен на I курс Ленинградской духовной академии. В 1978 г. вступил в брак с Таисией Яковлевной Ильич, в котором родилась дочь Ольга.

17 сентября 1978 г. принял сан диакона. Свое диаконское служение проходил в кафедральном Николо-Богоявленском соборе г. Ленинграда. 4 декабря 1979 г. был рукоположен во пресвитера и направлен на служение сначала в Спасо-Преображенский собор г. Ленинграда, а потом в храм святого великомученика Димитрия Солунского г. Ленинграда, где снискал уважение и любовь прихожан.

За время обучения в духовных школах проявил себя с положительной стороны. Для написания под научным руководством архимандрита Августина (Никитина) курсового сочинения избрал тему по кафедре Истории западных исповеданий «Реформационная деятельность Жана Кальвина»¹.

В 1990 г. назначен на должность настоятеля Спасо-Преображенского собора г. Выборга, который являлся тогда единственным храмом в Выборгском районе. Отец Лев приложил много усилий для восстановления духовной, богослужebной и пастырской жизни как в соборе, так и на всей территории Выборгской земли. Практически сразу же начались реставрационные работы в соборе: срочная замена изношенной кровли, укрепление фасадов. Благодаря трудам отца Льва было восстановлено внутреннее убранство собора, расчищены старинные росписи, установлен новый иконостас и иконные киоты, приобретена богослужebная утварь и все необходимое для проведения богослужebний. При храме была открыта воскресная школа, ряд воспитанников которой сейчас служат в священном сане, также стараниями настоятеля был создан хор.

Протоиерей Лев Церпицкий

¹ Архив СПбДА. Личное дело Л. Л. Церпицкого.

Зачетная книжка Льва Львовича Церпицкого

Отец Лев стремился поддерживать рабочие отношения с городскими и районными властями, результатом чего стало строительство и открытие новых храмов как в городе, так и в районе. Сейчас на территории Выборгского района действует 27 храмов.

В 2008 г. протоиерею Льву Церпицкому было присвоено звание «Почетный гражданин муниципального образования «Выборгский район» Ленинградской области».

В 2013 г. в соответствии с определением Священного Синода была образована Выборгская епархия, город Выборг стал кафедральным городом Выборгской епархии, а Спасо-Преображенский собор — кафедральным храмом. Правящим архиереем епархии стал епископ Выборгский и Приозерский Игнатий (Пунин). В лице протоиерея Льва владыка Игнатий обрел мудрого помощника и доброго друга. Все ресурсы собора протоиерей Лев предоставил под нужды епархиальной жизни: до 2017 г. в храме размещался кабинет правящего архиерея, секретаря епархии, канцелярия и бухгалтерия. Также отец Лев значительно повлиял на формирование теплых отношений между светской властью Выборгского района и Выборгской епархией.

Протоиерей Лев Церпицкий три десятилетия совершал свое служение на Выборгской земле. За это время он снискал глубокое уважение, любовь и доверие жителей города и района. Благодаря таким талантам как отеческая любовь, образованность, мудрость и деликатность отец Лев смог привести многих в лоно Православной Церкви. В лице протоиерея Льва жители Выборгского района, в том числе главы муниципальных образований, руководители различных государственных структур, иных учреждений и организаций обретали мудрого наставника, верного друга и помощника.

Совместными трудами епископа Игнатия и протоиерея Льва Церпицкого была проведена реставрация внешних фасадов и кровли Спасо-Преображенского собора — объекта культурного наследия регионального значения. Еще одним совместным проектом стала масштабная реконструкция комплекса «Дворца наместника», где разместилось здание Епархиального управления. Одно из зданий комплекса было

реконструировано под нужды Спасо-Преображенского собора — воскресной школы и библиотеки.

Высокой оценкой трудов пастыря стало награждение протоиерея Льва епархиальными и общецерковными наградами: орденом святого князя Даниила Московского III степени, орденом преподобного Серафима Саровского III степени, орденом преподобного Серафима Саровского II степени. Также он был многократно отмечен знаками внимания правительства Ленинградской области².

Ночью в Великий Четверг, 25 апреля 2019 г., протоиерей Лев Церпицкий отошёл ко Господу. Отпевание было совершено в Великую субботу, 27 апреля, в Варлаамо-Хутынский монастырь Новгородской епархии. Чин отпевания возглавил митрополит Новгородский и Старорусский Лев, брат почившего, в сослужении епископов Выборгского и Приозерского Игнатия, Боровичского и Пестовского Ефрема, духовенства Новгородской и Санкт-Петербургской митрополий. Погребение отца Льва состоялось на монастырском погосте³.

² См.: Протоиерей Лев Львович Церпицкий // ИА «Вода живая». URL: <http://globus.aquaviva.ru/people/tserpitskiy-lev> (дата обращения 09.12.2020); Отошел ко Господу протоиерей Лев Церпицкий, настоятель Спасо-Преображенского кафедрального собора Выборга // Санкт-Петербургская епархия. URL: <http://mitropolia.spb.ru/news/mitr/?id=159464> (дата обращения 09.12.2020); Отошел ко Господу протоиерей Лев Церпицкий, настоятель Спасо-Преображенского кафедрального собора г. Выборга // Выборгская епархия Русской Православной Церкви. URL: <https://eparchiya-viborg.ru/news/5111-otoshel-ko-gospodu-protoierej-lev-cerpickij-nastojatel-spaso-preobrazhenskogo-kafedralnogo-sobora-gvyborga.html> (дата обращения 09.12.2020).

³ Совершено отпевание протоиерея Льва Церпицкого // Санкт-Петербургская Епархия. URL: <http://mitropolia.spb.ru/news/av/?id=157472> (дата обращения 09.12.2020).

Митрополит Исидор (Николай Васильевич Кириченко) (25 мая 1941 — 8 августа 2020)

Митрополит Исидор (Кириченко)

Митрополит Исидор (в миру Николай Васильевич Кириченко) родился 25 мая 1941 г. в поселке Веймарн Кингисеппского района Ленинградской области в семье рабочих. В 1949 г. поступил в Пустомержскую среднюю школу. Во время обучения Николая в 8-м классе у его дяди, священника Илии Педосенко, проживавшего в городе Сумы (УССР), умерла супруга. В середине учебного года Николай Кириченко переехал в город Лебеденин, где его дядя получил новый приход, и стал прислуживать в церкви. К сожалению, здесь не было возможности продолжать школьное обучение. В мае 1958 г. Николай перешел в Сумский кафедральный собор, где нес послушание иподиакона у епископа Евстратия (Подольского). В августе того же года Николай вернулся на родину, желая поступить в Ленин-

градскую духовную семинарию, но не был принят в связи с несовершеннолетием. Поэтому он пошел в 9-й класс Веймарнской заочной школы. Одновременно с этим трудился на различных временных работах. Кроме того, в течение всего года посещал и принимал участие в богослужениях в Крестовоздвиженском храме села Ополье, где настоятелем служил протоиерей Игорь Ранне¹.

Именно отец Игорь и написал характеристику, необходимую при поступлении в духовную семинарию, в следующем, 1959 г. Отец Игорь, отметив, что постоянным прихожанином Николай стал только с августа 1958 г., обозначил следующие его качества: «Не пропуская ни одной службы, он всегда с любовью, в меру сил своих, помогает на клиросе в чтении и пении, а в настоящее время, когда тяжело болен наш псаломщик, Никола Кириченко почти полностью заменяет его. Он глубоко религиозен, серьезен, вдумчив, всегда вежлив и тактичен, ко храму и богослужению относится с благоговением. Всегда с готовностью исполняет любое поручение. Читает по-славянски грамотно. В разговорах часто интересуется религиозными вопросами, много читает духовной литературы»².

Итоговое суждение отца Игоря было вполне комплементарным, и, согласно ему, по своему душевному складу и нравственным качествам Николай являлся достойным кандидатом для поступления в духовную школу.

Вступительные экзамены в семинарию в 1959 г. проходили 3 и 4 сентября. Николай Кириченко успешно написал диктант и изложение, а также сдал молитвы, церковно-славянский язык и пение. По итогам испытаний на основании решения Совета академии он был принят в 1 класс Ленинградской духовной семинарии³. Время поступления Николая Кириченко в семинарию совпало с началом новых гонений на Русскую Православную Церковь. Гонения не могли не затронуть и духовные школы. «Власти всячески пытались отсеять семинаристов. Узнавали в канцелярии адреса поступающих и сообщали по месту жительства: “Задержать!” Самым верным способом был военкомат. Если ты был военнообязанным, то призывали

¹ Архив СПбДА. Личное дело: игумен Исидор (Кириченко). Л. 7–7 об.

² Там же. Л. 6.

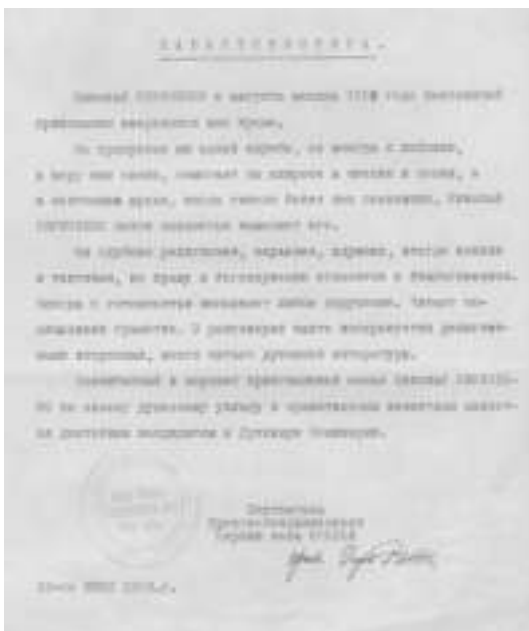
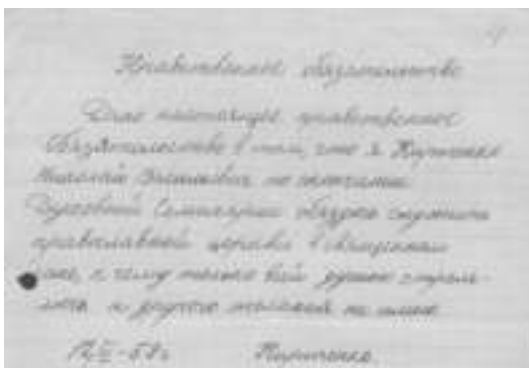
³ Там же. Л. 17.

с любого курса. Николай военнообязанным не был, а вот многие ребята, подавшие документы и получившие вызовы, не прибыли на экзамены, а пошли вместо этого в армию»⁴.

Ректором Ленинградских духовных академии и семинарии во время поступления Николая являлся выпускник Санкт-Петербургской духовной академии 1913 г. протоиерей Михаил Сперанский. В это же время в академии преподавали инспектор профессор Лев Николаевич Парийский, знаменитый и «очень строгий и требовательный, потому что любил свой предмет»⁵ профессор Николай Дмитриевич Успенский, А. Ф. Шишкин и др. По воспоминаниям митрополита Исидора, молодые приметливые семинаристы обратили внимание, что многие преподаватели носили «крылатые» фамилии: протоиереи Владимир Сорокин, Ливерий Воронов, Виктор Голубев, Богдан Сойко, протодиакон Андрей Чижов⁶.

Во время обучения Николай настолько хорошо изучил церковный устав, что однокурсники его называли «ходячим типиконом»⁷. 9 октября 1962 г. в праздник св. ап. и ев. Иоанна Богослова в академическом храме Николай был пострижен во чтеца. Чин хиротесии совершил епископ Выборгский Никон (Фомичёв)⁸.

По воспоминаниям владыки, ближе к концу обучения в семинарии многое его однокурсники нашли себе невест, а некоторые даже женились и приняли сан. Николай же, как не служивший в армии, был младше почти всех. Поэтому он стал задумываться о продолжении учебы. И именно в это время произошла беседа с инспектором академии Л. Н. Парийским, который спросил его: «Николай, вот Вы заканчиваете семинарию. И что собираетесь дальше делать?» — «Лев Николаевич, я сейчас в какой-то растерянности пребываю...» — «Невесты

⁴ Божией милостью смиренный. М.: Троицкое слово, 2006. С. 28.

⁵ Там же. С. 29.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Архив СПбДА. Личное дело: игумен Исидор (Кириченков). Л. 33.

у тебя нет?» — «Пока нет» — «Я бы рекомендовал тебе идти в академию»⁹.

Действительно, после окончания семинарии в 1963 г. Николай поступил в духовную академию. Будучи студентом III курса академии, Николай, по согласованию с доцентом А. М. Матфеевым, представил на утверждение Совета Академии тему курсового сочинения по кафедре нравственного богословия «Брак и девство по учению св. Евангелия». Тема была утверждена 9 июня 1966 г.¹⁰

28 декабря 1966 г. Николай подал прошение на монашеский постриг, в котором написал, что желает послужить Церкви Христовой и спасти свою душу в монашеском звании и что подходит к этому осознанно¹¹. После этого состоялись беседы с тогдашним ректором академии епископом Михаилом (Мудьюгиным) и митрополитом Никодимом (Ротовым):

«И вот, на последнем курсе, в декабре он подал прошение на монашеский постриг. Владыка

Михаил, ректор, стал отговаривать:

– Николай, в наше время монаху так тяжело! Найди себе невесту, женись!

Видя стойкость молодого человека, он сказал:

– Ладно, передам прошение митрополиту Никодиму.

Через какое-то время Николая вызвал митрополит Никодим.

– Ты из нашей епархии? Ну, и что ты хочешь?

– Да вот, Ваше Высокопреосвященство, хочу быть монахом.

Он задал несколько вопросов, хотя перед этим уже навел справки и даже беседовал с отцом Игорем Ранне. При этом очень пристально смотрел на студента, взвешивая не то только то, что он говорил, но и как. И вдруг, без всякого перехода, сказал:

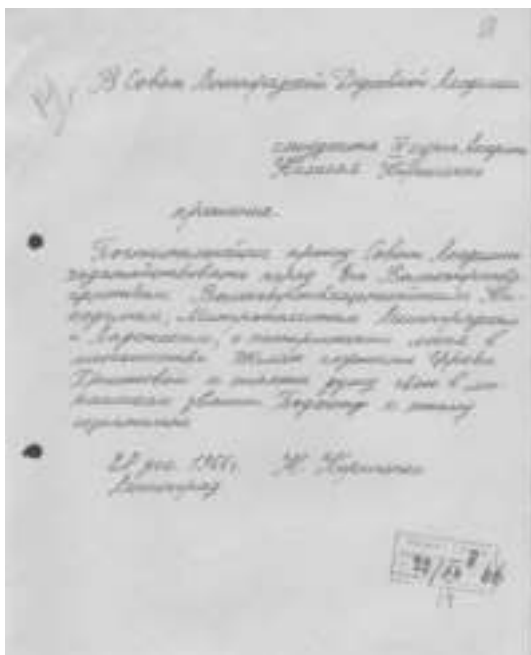
– Мне нужно сейчас ехать в Швейцарию, а вот числа 5–6 января я тебя постригу.

Николай растерялся:

– Так скоро? Владыка, у меня и одежд монашеских еще нет, я не успею!

– Молись, чтоб Господь просветил одеяния души твоя, а об этих одеждах я сам позабочусь»¹².

Действительно, постриг с наречением имени Исидор был совершен митрополитом Никодимом уже 5 января 1967 г. в Успенской церкви при покоех

⁹ Божией милостью смиренный... С. 31.

¹⁰ Архив СПбДА. Личное дело: игумен Исидор (Кириченко). Л. 55.

¹¹ Там же. Л. 58.

¹² Божией милостью смиренный... С. 34–35.

митрополита Ленинградского и Ладожского¹³. Еще через месяц, 5 февраля, он был рукоположен в сан иеродиакона в Александро-Невской церкви города Красное Село Ленинградской области¹⁴. Иерейская хиротония состоялась в праздник Благовещения Пресвятой Богородицы того же 1967 г. в кафедральном Николо-Богоявленском соборе¹⁵. Обе хиротонии совершил митрополит Никодим.

Первоначально предполагалось, что после священнического рукоположения молодой иеромонах с 10 апреля 1967 г. будет проходить практику в Николо-Богоявленском кафедральном соборе¹⁶. Однако практически сразу это решение было изменено и отец Исидор указом митрополита Никодима за № 12 от 9 апреля 1967 г. был назначен настоятелем Крестовоздвиженского храма в селе Ополье Кингисеппского района Ленинградской области¹⁷.

В том же 1967 г. иеромонах Исидор окончил Ленинградскую духовную академию. Монашеский постриг, назначение на приход и переживания, «связанные с вступлением в иноческую братию с посвящением, при очень слабом здоровье о. Исидора не позволили ему докончить начатую кандидатскую работу»¹⁸. В характеристике, данной на отца Исидора как на выпускника Ленинградской духовной академии, отмечалось следующее: «Человек он кроткий, незлобивый, никому, никогда, ничем не досадивший, очень любит церковное богослужение и во все время своего обучения постоянно помогал настоятелю Крестовоздвиженской церкви села Ополье Ленинградской области: читал, пел, прислуживал в алтаре. Теперь и он сам настоятельствует в этом храме»¹⁹.

К празднику Святой Пасхи 1969 г. отец Исидор был награжден наперсным крестом. С 12 марта 1970 г. по 20 апреля 1971 г. служил настоятелем Покровского храма в село Козья Гора Сланцевского района Ленинградской области. С апреля 1971 г. по сентябрь 1975 г. служил в Георгиевском

¹³ Архив СПбДА. Личное дело: игумен Исидор (Кириченко). Л. 62.

¹⁴ Там же. Л. 65.

¹⁵ Там же. Л. 71.

¹⁶ Там же. Л. 69.

¹⁷ Там же. Л. 72.

¹⁸ Там же. Л. 73.

¹⁹ Там же.

Архиерейская хиротония

храме г. Старая Русса Новгородской области. К Святой Пасхе 1973 г. митрополитом Никодимом возведен в сан игумена.

1 сентября 1975 г. указом митрополита Никодима за № 45 игумен Исидор был назначен преподавателем богослужебной практики в Ленинградской духовной академии, а также благочинным академического храма святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова.

Новое назначение было сопряжено с исполнением целого ряда довольно ответственных послушаний. В течение учебного года в академическом храме ежедневно совершались богослужения в соответствии с требованиями церковного устава. В седмичные дни студенты академии и воспитанники семинарии совершали богослужения чередными группами, состоящими каждая их двух учащихся в священном сане и 13–15 человек, не имеющих сана. Вечерня и утренняя начинались в 18 час., а литургия – в 6 час.

На каждое чередное богослужение отец Исидор выдавал уставщику группы рапортничку, в которой указывалось кому что читать, пономарить и т. п. Разумеется, в этой рапортничке необходимо было указывать отсутствовавших. По окончании каждой службы отец Исидор там же в храме указывал на ошибки в чтении, пении, пономарстве, если таковые имелись, и учил как их исправить. Для духовенства отец Исидор вел в алтаре Богослужебный журнал, в котором указывалось расписание служб. Кроме того, отец Исидор на каждый месяц составлял расписание чтецов на воскресные и праздничные дни. На первую и Страстную седмицы Великого поста разрабатывал особое расписание.

Игумен Исидор, пользовавшийся большим уважением и авторитетом среди учащихся, регулярно проводил беседы со студентами и воспитанниками на темы, касающиеся поведения в храме, введения в круг пономарских обязанностей и т. п. Также он помогал духовнику академии исповедовать студентов, принимал присяги от назначенных к рукоположению во диакона и пресвитера.

В 1977 г. отец Исидор был награжден палицей. 12 июня 1977 г. возведен в сан архимандрита. С 18 июня 1977 г. в связи с возведением в сан епископа и назначением на Архангельскую и Холмогорскую кафедру был освобожден от занимаемой должности в академии²⁰.

²⁰ Там же. Л. 87.

Наречение во епископа состоялось 18 июня 1977 г. 19 июня 1977 г. за Божественной литургией в храме Иоанна Богослова Ленинградской духовной академии состоялась хиротония во епископа, которую возглавил митрополит Никодим.

В 1985 г. присвоен титул епископа Архангельского и Мурманского. В 1987 г. назначен епископом Краснодарским и Кубанским. В 1989 г. возведен в сан архиепископа. В 1994 г. присвоен титул «Краснодарский и Новороссийский». 22 февраля 2001 г. возведен в сан митрополита. 3 апреля присвоен титул «Екатеринодарский и Кубанский». С 2008 г. — председатель Высшего общецерковного суда.

Скончался владыка Исидор 8 августа 2020 года, на 80-м году жизни, после непродолжительной болезни от осложнений, вызванных коронавирусной инфекцией.

Соблезнования в связи с кончиной митрополита Екатеринодарского и Кубанского Исидора выразил Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл:

«С глубокой скорбью воспринял весть о кончине Преподобного Исидора, митрополита Екатеринодарского и Кубанского.

Вся жизнь почившего архипастыря была связана с ревностным служением Господу и Его Святой Церкви, которой он посвящал свои силы и таланты, ради блага которой трудился многие годы на самых различных поприщах. Сразу по окончании средней школы, несмотря на необычайно трудные обстоятельства бытия Русской Православной Церкви, терпевшей притеснения и гонения от богоборческой государственной власти, будущий владыка принял судьбоносное решение поступить в Ленинградские духовные школы. Во время обучения он сподобился принести монашеские обеты и был рукоположен во иерейский сан блаженной памяти митрополитом Никодимом (Ротовым).

Со тщанием трудясь на разнообразных послушаниях, почивший неизменно стремился являть себя достойным делателем Виноградника Христова, и Господь, видя доброе произволение его сердца, доверил ему стать преемником апостолов. Более сорока лет владыка Исидор совершал высокое епископское служение, окормляя вначале народ Божий на Архангельской земле, а затем, на протяжении 33 лет, заботясь об утверждении Православия на Кубани. Многие были сделаны водительством усопшего архипастыря: возрождены и построены новые храмы и монашеские обители, восстановлена полнокровная епархиальная жизнь. Эти непростые труды владыка успешно сочетал с важным и ответственным послушанием председателя Высшего общецерковного суда.

Возношу молитвы Щедродателю Богу, дабы Он с любовью принял душу новопреставленного Своего служителя митрополита Исидора, вселил его во обители небесные, идеже праведные упокоются, и сотворил ему вечную память!»²¹

Свои слова соболезнования выразил и ректор Санкт-Петербургской духовной академии епископ Петергофский Силуан (Никитин):

«Глубокой скорбью в сердцах преподавателей и воспитанников Санкт-Петербургской духовной Академии отозвалось известие о кончине ее выдающегося выпускника митрополита Екатеринодарского и Кубанского Исидора.

Многолетние архипастырские труды и заботы на благо Святой Православной Церкви и нашего Отечества украшают имя новопреставленного Владыки — плодотворного и верного делателя на Ниве Христовой. С самых юных лет он посвятил себя величайшему и труднейшему послушанию — послушанию Церкви и народу Божию, не убоясь испытаний и грядущих скорей избранного им пути священнослужения.

Обучаясь в стенах Ленинградских духовных школ в тяжелые времена богоборчества, новопреставленный архипастырь явил добрые плоды благочестия, старания, трудолюбия и евангельской простоты. Будучи благочинным академического храма святого апостола Иоанна Богослова, он усердно заботился о чинности, молитвенности и красоте богослужения.

В этом же святом храме он сподобился благодати архиерейского служения, и теперь возле святого Престола, на который 43 года назад во время хиротонии склонилась его глава под святительскими дланями, совершаются горячие молитвы о водворении его в селениях праведных.

В непростые советские годы владыка Исидор стал носителем искреннего благочестия и веры, служил оплотом гонимой Церкви, а в наше время — возглавил возрождение православия во вверенной ему Екатеринодарской и Кубанской епархии.

От лица преподавателей, сотрульников и студентов Санкт-Петербургской Духовной Академии приношу глубокие соболезнования всем братьям-сослужителям, родным и близким, а также духовным чадам новопреставленного святителя.

Бог милости, щедрот и человеколюбия да дарует всем скорбящим об утрате благодатное утешение, а новопреставленному своему служителю митрополиту Исидору простит все прегрешения вольные и невольные и примет в Небесное Царствие.

Душа его во благих водворится и память его в род и род!»²²

Отпевание новопреставленного митрополита Екатеринодарского и Кубанского Исидора состоялось 10 августа 2020 г., в праздник Смоленской иконы Божией Матери, в Екатерининском кафедральном соборе г. Краснодара. Божественную литургию возглавил управляющий делами Московской Патриархии, первый викарий Патриарха Московского и всея Руси по г. Москве митрополит Воскресенский Дионисий (Порубай). Его Высокопреосвященству сослужили временно управляющий Екатеринодарской епархией митрополит Ставропольский и Невинномысский Кирилл (Покровский), архиепископ Майкопский и Адыгейский Тихон (Лобковский), архиепископ Пятигорский и Черкесский Феофилакт (Курьянов), епископ Новороссийский и Геленджикский Феонокт (Дмитриев), епископ Тихорецкий и Кореновский Стефан (Кавтарашвили), духовенство Ставропольского края, Краснодарского края, Республики Адыгея. На богослужении присутствовали представители краевой и городской администраций, казаки, прихожане храмов Кубанской митрополии. Митрополит

²¹ Патриаршее соболезнование в связи с кончиной митрополита Екатеринодарского и Кубанского Исидора // Патриархия.ru. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5674025.html> (дата обращения 10.12.2020).

²² Епископ Петергофский Силуан. Соболезнование в связи с кончиной митрополита Екатеринодарского и Кубанского Исидора // Санкт-Петербургская Духовная Академия. URL: <https://spbda.ru/publications/episkop-petergofskij-siluan-soboleznovanie-v-svyazi-s-konchinoj-mitropolita-ekaterinodarskogo-i-kubanskogo-isidora> (дата обращения 10.12.2020).

Исидор был погребен в Воскресенском приделе Екатерининского кафедрального собора г. Краснодара²³.

Воспоминаниями о новопреставленном иерархе Церкви поделились сотрудники и преподаватели Санкт-Петербургской Духовной Академии: проректор по культуре Е. М. Гундяева, первый проректор, заслуженный профессор протоиерей Василий Стойков, а также руководитель богослужebной практики архимандрит Софроний (Смук).

«С приснопоминаемым владыкой Исидором я познакомилась, будучи ещё школьницей. Мой старший брат Николай вместе с ним учился в Ленинградской духовной академии. Они не были очень близки, но были в тёплых дружеских отношениях. Николай много мне рассказывал о будущем митрополите Исидоре, в то время ещё Коле Кириченко. Он был замечательным человеком, скромным, почтительным, организованным и стремящимся всегда делать добро. Даже выражение его лица говорило об этом, оно было будто бы просветлённым.

Помню, Коля Кириченко невероятно нежно относился к своей матери — он был примером того, как надлежит почитать своих родителей. Однажды он даже отказался от одного серьёзного послушания, чтобы быть рядом с мамой, потому что она болела. Конечно, он понёс за это незначительное дисциплинарное взыскание, но был убеждён, что поступил правильно, потому что родители — это святое.

Когда Коля принял постриг и сан, он стал благочинным академического храма. У него в алтаре всегда был порядок, диаконы знали, что на богослужение никогда нельзя опаздывать. Он был хорошим администратором. Затем митрополит Никодим отправлял его служить в приходы, например, в Ополе и Козью Гору.

По прошествии времени я встречалась с владыкой, уже будучи взрослым человеком. Кроме того, мы разговаривали по телефону, и я рассказывала ему о студентах, которые приехали к нам учиться из Краснодарской епархии. Владыка интересовался, какие у них успехи, как они себя ведут. У меня остались только самые тёплые воспоминания об этом светлом, духовном и доброжелательном человеке. Вечная память приснопамятному митрополиту Исидору», — проректор по культуре, декан факультета церковных искусств Е. М. Гундяева.

«Да, я хорошо знал владыку Исидора, общался с ним, и когда он был преподавателем, и когда был епископом, и когда стал митрополитом. Он был человеком добрейшей души, благорасположенным к людям, скромным и очень внимательным. Никогда не кичился своим положением, был непосредственным, общался со всеми так, как общаются с друзьями, очень сердечный был человек. В то время, когда он был благочинным академического храма апостола Иоанна Богослова, то очень усердно занимался богослужebной практикой, относился ко всему внимательно, добросовестно исполнял свои обязанности, любил богослужение. У него с детства была заложена любовь к богослужению.

Помню, когда мы с женой приехали в Краснодарский край на отдых, владыка заботился о нас, как отец. С поезда нас встретил человек из епархиального управления с огромным букетом роз, потом на машине отвёз к владыке, который нас принял, накормил обедом, а затем показал великолепный собор, семинарию, рассказал о жизни епархии, какие приходы были при нём открыты, какие храмы были построены. Потом по благословию владыки нас отправили в санаторий на берегу моря. Поселили в хорошие апартаменты и поручили местному священнику регулярно приносить в номер свежие фрукты, воду и всё, что было нужно.

Когда отдых подошёл к концу, мы вернулись в Краснодар. Владыка вновь нас принял, мы с ним пообщались и пообедали. И когда он отправлял нас в Петербург, то повелел, чтобы нам дали целый ящик черешни. Матушка спросила: «Куда нам

²³ Состоялось отпевание митрополита Екатеринодарского и Кубанского Исидора // Патриархия.ru. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5675057.html> (дата обращения 10.12.2020).

столько?”. Он говорит: “Съедите. Дома ещё будете есть, в поезде раздадите”. Это сугубо семейный эпизод. Он характеризует доброту и сердечность владыки Исидора. Мы всегда вспоминаем о нём. Ещё в воскресенье я поминал его о здравии и даже не знал, что он уже стоит перед престолом Всевышнего», — первый проректор, заслуженный профессор протоиерей Василий Стойков.

«В 1976 году я поступил в Ленинградскую духовную семинарию. В то время игумен Исидор (Кириченко) был руководителем богослужебной практики, а также благочинным академического храма апостола Иоанна Богослова. При нём были образованы богослужебные группы из числа студентов — череды. В каждой группе был свой регент и свой уставщик. Богослужебные группы совершали ежедневные службы суточного круга согласно расписанию. Студенты в священном сане тоже совершали ежедневные службы согласно своему графику. Все чередные богослужения проходили под контролем отца Исидора.

Студенты семинарии и академии любили и уважали отца Исидора. В свою очередь, он с любовью и почтением относился ко всем студентам, особенно к тем, кто в священном сане. В то время в общежитии академии проживало много священников и диаконов. Отец Исидор регулярно напоминал всем о воскресных и праздничных богослужениях, акафистах Пресвятой Богородице, совершаемых по средам вечером.

Мне вспоминается один эпизод, связанный с покойным владыкой. В конце мая 1978 года небольшая группа студентов академии была направлена на экскурсию в Соловецкий монастырь, который тогда был в разорении. Мы прибыли самолётом в Архангельск, где нас с радостью встретил епископ Исидор. Он организовал нам переправу на пароме на Соловецкий остров. После экскурсии мы возвратились в Архангельск, и владыка уделил нам много времени. Он сопровождал нас во время экскурсий и побывал с нами в Холмогорах.

Владыка Исидор долго управлял Архангельской епархией, а затем был переведён на Кубань. Но и на юге владыка Исидор долго и самоотверженно служил Церкви Христовой, там и почил 8 августа 2020 года. Да упокоит с миром Бог душу верного Своего раба митрополита Исидора», — руководитель богослужебной практики архимандрит Софроний (Смук)²⁴.

Д. К.

²⁴ В память об ушедших. Митрополит Екатеринодарский и Кубанский Исидор (Кириченко) // Санкт-Петербургская Духовная Академия. URL: <https://spbda.ru/publications/v-pamyat-ob-ushedshih-mitropolit-ekaterinodarskij-i-kubanskij-isidor-kirichenko> (дата обращения 10.12.2020).

Заслуженный профессор протоиерей Василий Иванович Стойков (22 апреля 1929 — 20 сентября 2020)

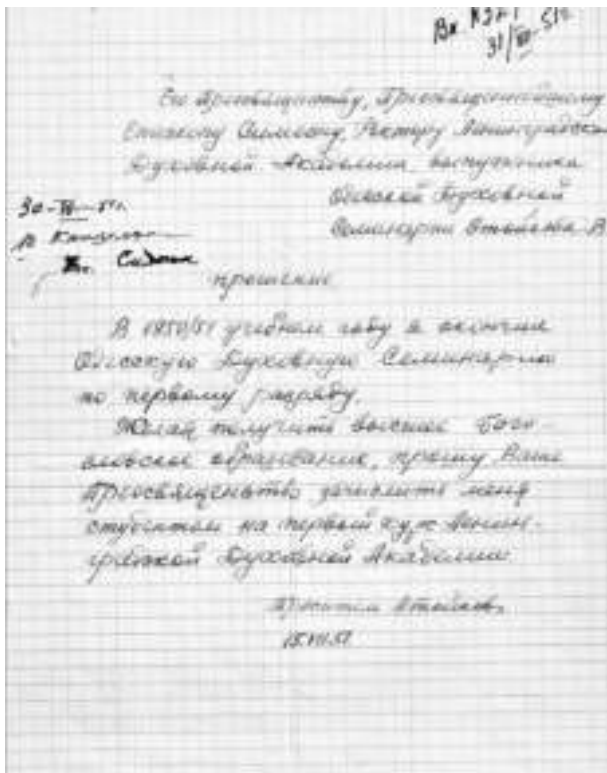
Протоиерей Василий Иванович Стойков родился 22 апреля 1929 г. в селе Ольшанка Кировоградской области Украины, в рабочей семье. В 1946 г. окончил Ольшанскую семилетнюю школу. В 1947 г. окончил одногодичную ветеринарную школу Министерства Совхозов в с. Роскошное Одесской области, после чего работал при Ольшанской ветлечебнице.

С 1948 по 1951 г. обучался в Одесской духовной семинарии, поступив сразу на второй курс. После окончания семинарии был направлен для продолжения духовного образования в Ленинград, со следующей характеристикой: «За время учения в семинарии Стойков всегда был лучшим учеником, отличником учебы и поведения. Он служил примером для всей семинарии. Редкие способности Стойкова уже вполне развиты и поражают своей многогранностью. Настроение Стойкова благоговейное».

В 1951 г. поступил в Ленинградскую духовную академию, где он также всегда был в числе первых. Средний балл по итогам всего курса обучения составил 4,875. Выше с баллом 4,9 были только иеромонах Иоанн (Снычев) и В. Шоломицкий. В 1955 г. окончил академию со степенью кандидата богословия за диссертацию на тему: «Юрий Иванович Венелин и его значение в деле национального возрождения болгар» (рецензенты: иеромонах Леонид (Поляков) и П. П. Игнатов). Решением Совета академии от 20 июня 1955 г. был оставлен в качестве профессорского стипендиата по кафедре Византологии и Истории Славянских Церквей с поручением его руководству профессора А. И. Макаровского. Таким образом, отец Василий не только застал, но и обучался непосредственно под руководством преподавателей-выпускников и профессоров дореволюционной Санкт-Петербургской духовной академии. Тем самым, можно утверждать, была обеспечена преемственность школы.

Заслуженный профессор протоиерей Василий Стойков

Прошение о поступлении
в Ленинградскую духовную академию

Князь-Владимирского собора Ленинграда. С 11 июня 1997 г. являлся настоятелем храма святителя Иоанна Милостивого города Отрадное Кировского района Ленинградской области.

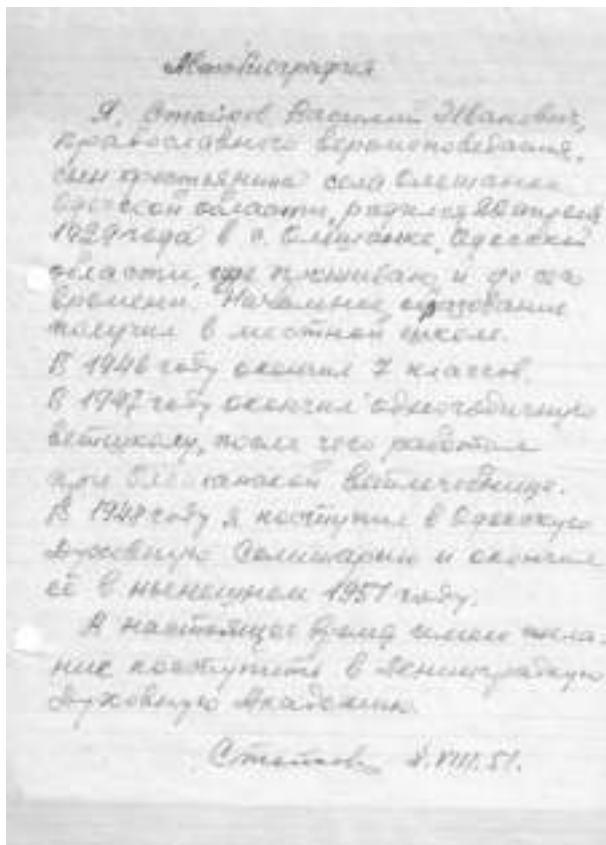
В 1955 г. постановлением Учебного комитета при Священном Синоде, утвержденным указом от 25 августа 1955 г. Патриарха Алексия I, отцу Василию было поручено чтение лекций по Истории Славянских Церквей на III курсе академии. Необходимость готовиться к лекциям, рецензировать сразу три кандидатских диссертации сказались на занятиях отца Василия как стипендиата. Впрочем, даже несмотря на большую занятость, ему удалось составить 225-страничный конспект лекций по Болгарской Православной Церкви с момента учреждения и вплоть до XIX в. В своем отчете по итогам стипендиатского года отец Василий кратко, но довольно аргументированно проанализировал наиболее важные работы по истории Православия в Болгарии, умело выделяя в изученных им монографиях как сильные, так и отрицательные стороны.

26 декабря 1956 г., после прочтения двух пробных лекций — «Чуриковщина, как одна из мистико-рационалистических сект нашего времени (История и учение)» и «Разбор окружного послания Ксеноса», отец Василий был утвержден в звании доцента. 9 октября 1975 г. ему присвоено звание профессора. Указом Патриарха Алексия II от 26 декабря 1996 г. утвержден в звании заслуженного профессора. 28 декабря 2018 г. Ученый совет Санкт-Петербургской духовной академии присвоил протоиерею Василию Стойкову звание Почетного доктора (*honoris causa*) в связи с 90-летием со дня его рождения. 21 мая 2019 г., в день памяти апостола и евангелиста Иоанна Богослова, в актовом зале академии епископ Петергофский Серафим (Амельченков) вручил отцу Василию диплом Почетного доктора (*honoris causa*). 10 декабря 2019 г. за Божественной

Еще в период обучения в академии, 20 марта 1955 г., рукоположен в сан диакона митрополитом Ленинградским и Новгородским Григорием (Чуковым) в Николо-Богоявленском соборе Ленинграда. 5 июня 1955 г. в Никольском же соборе рукоположен в сан пресвитера. К празднику Пасхи в 1956 г. был награжден набедренником, в 1960 г. — наперсным крестом, в 1967 г. — палицей, в 1973 г. — крестом с украшениями, в 1976 г. — митрой. 9 октября 1990 г. был удостоен права служения с отверстыми Царскими вратами до «Отче наш». В мае 2019 г. Патриархом Московским и всея Руси Кириллом награжден правом ношения второго креста с украшениями. С момента хиротонии служил в академическом храме св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова. Кроме того, во время отпусков епархиального духовенства по распоряжению правящих архиереев служил в соборах и храмах города и области. С 1983 по 1987 г. — настоятель

литургией епископ Силуан (Никитин), согласно указа Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, наградил отца Василия правом ношения докторского креста.

В течение 65-ти лет отец Василий в разное время преподавал в духовных академии и семинарии сектоведение, историю раскола, литургику, практическое руководство для пастырей, догматическое богословие, патрологию, гомилетику, аскетику. В рамках занятий по гомилетике отец Василий особое внимание уделял развитию у студентов навыков правильно и свободно излагать свои мысли. С этой целью им предлагались, например, устные и письменные пересказы евангельских зачал, составление нравственных приложений, разбор проповеднических образцов. В последние годы на кафедре церковно-практических дисциплин отец Василий преподавал курс «Христианская этика и аскетика». Составил курс лекций по Истории Славянских Церквей, патрологии,

Автобиография

посobie по сектоведению и литургики. Являлся научным руководителем и рецензентом многих кандидатских и дипломных работ выпускников академии, выступал в качестве оппонента на защитах магистерских и докторских диссертаций. Так, в 1974 г. рецензировал работу архиепископа Михаила (Чуба) «Святой священномученик Мефодий и его богословие», представленную на соискание ученой степени магистра богословия; в 1976 г. представил отзыв на магистерскую диссертацию «Богослужение часов по древним спискам Византийского Евхологиона» иеромонаха Михаила Арранца, профессора Папского Восточного института. Отец Василий регулярно служил в академическом храме, проповедовал, проверял десятки, иногда даже сотни студенческих сочинений и проповедей ежегодно.

Одновременно с преподавательской нагрузкой отец Василий нес различные административные послушания. Так, в 1960 г. во время летнего отсутствия ректора и инспектора академии отец Василия временно исполнял обязанности ректора. 31 августа 1973 г. единогласно избран секретарем Ученого совета Ленинградских духовных академии и семинарии. Эту должность занимал до 1976 г. С сентября 1976 г. по 31 декабря 1982 г. временно исполнял обязанности инспектора, при этом регулярно проводил воспитательские совещания, беседовал с классными наставниками и дежурными помощниками по вопросам воспитания и дисциплины, проводил индивидуальные беседы с учащимися, планировал культурно-просветительские мероприятия, посещал лекции и экзамены. В 1980-х гг. возглавлял кафедру церковно-практических дисциплин. С 1987 г. — исполняющий обязанности проректора по учебной части ЛДАиС, в 1990 г. утвержден в должности. С 12 августа 1992 г. — исполняющий обязанности

Протоиерей Василий Стойков

ректора духовных школ, 19 июля 1993 г. утвержден в должности. 17 июля 1996 г. назначен проректором Санкт-Петербургских духовных академии и семинарии по учебной работе, 1 сентября 2009 г. — первым проректором.

С 1976 г. принимал участие в работе Комиссии Священного Синода Русской Православной Церкви по вопросам христианского единства и межцерковных сношений. Выполнял поручения Отдела внешних церковных сношений Московской Патриархии. В 1970-х гг. принимал участие в заседаниях редколлегии «Богословских трудов». С 1994 г. являлся членом Богословской комиссии. В 1976–1984 гг. — член Комиссии Всемирного Совета Церквей по участию церквей в развитии. Участвовал в работе Комиссии Священного Синода по вопросам христианского единства и межцерковных отношений. В 70-х годах был участником многочисленных христианских собеседований и конференций представителями Католической, Англиканской и Лютеранской Церквей, где выступал с докладами на различные темы.

В составе официальных делегаций Русской Православной Церкви посетил Шотландию (1960), Финляндию (1974, 1978), Италию (1976, 1981), ФРГ (1976, 1981, 1987, 1989), ГДР (1976, 1980, 1988), Швейцарию (1977, 1984), Англию (1977, 1980), Кубу (1978), Болгарию (1978, 1989), США (1979), Чехословакию (1979, 1988), Бельгию (1983, 1988), Венгрию (1983, 1987) и др. Принимал участие в различного рода конференциях и богословских встречах, которые проходили в Москве, Киеве, Минске, Одессе и др. Член Поместного Собора Русской Православной Церкви 1990 г. 17 мая 1996 г. удостоен звания академика Академии Гуманитарных наук.

Протоиерей Василий Стойков активно публиковал в «Журнале Московской Патриархии» как обзорные статьи, посвященные тем или иным богословским встречам и собеседованиям, так и научные статьи (Первое собеседование богословов Русской Православной Церкви и Союза Евангелических Церквей в ГДР. 1975. № 3. С. 50–57; № 4. С. 66–68; На праздновании 100-летия освобождения Болгарии от османского ига. 1978. № 2. С. 58–59; № 3. С. 51–57; Малоизвестное слово с именем святого Астерия Амасийского. 1971. № 2. С. 77–79 и др.). Кроме того, отец Василий публиковал свои статьи в журналах «Вестник Русского Западно-Европейского Патриаршего Экзархата», «Христианское чтение», «Голос Православия», «Церковь и время», различных сборниках докладов и др.

Регулярно выступал с актовыми речами: «Исторический образ Яна Гуса» (9 октября 1965 г.), «Почитание свв. Кирилла и Мефодия в Болгарии» (9 октября 1969 г.), «Актовая речь, посвященная памяти заслуженного профессора СПбДА Н. Д. Успенского (к 100-летию со дня рождения)» (9 октября 2000; опубликовано в «Христианском чтении». 2000. № 19. С. 21–38); «Из воспоминаний о былом (реквием)» (9 октября 2006; опубликовано в «Христианском чтении». 2006. № 27 С. 145–161). Отец Василий активно занимался переводами. Так, в библиотеке Санкт-Петербургской духовной академии имеются в машинописном виде следующие его переводы с болгарского языка: *Сабев Т.* Церковно-календарный вопрос. ЛДА, 1970; *Николай, еп. Макариопольский.* Евхаристический эпиклезис как богословская проблема. ЛДА, 1971 (123 с.); Кирилл, Патриарх Болгарский / Сборник, посвященный его памяти (1901–1971). ЛДА, 1971

(117 с.). В 1970 г. осуществил перевод работы профессора Тодора Сыбева «Церковно-календарный вопрос» (София, 1968). Тогда же составил библиографический список трудов (более 70 наименований на разных языках), посвященных святителю Григорию Паламе и его богословским взглядам. На основании этого списка в библиотеке был составлена специальная картотека. Безусловно, указанные работы — только малая часть того наследия, которое оставил отец Василий.

Имел множество церковных и светских наград: орден святого Климента Охридского II степени (1977, Болгария); орден святого равноапостольного князя Владимира II степени (1977); орден преподобного Сергия Радонежского II степени (1986); орден Гроба Господня (1987); орден святителя Софрония Врачского II степени (Болгария); орден святого Даниила Московского III степени (2000); орден святителя Макария, митрополита Московского II степени (2009); орден преподобного Серафима Саровского II степени (2014); медаль «В память 300-летия Санкт-Петербурга» (2003); медаль святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова (III степени, 2015 г.; I степени, 2016 г.); юбилейная медаль святого равноапостольного князя Владимира (2015). В 2005 г. Патриархом Московским и всея Руси Алексием II награжден Патриаршей грамотой. В 2009 г. Патриархом Московским и всея Руси Кириллом награжден Патриаршей грамотой в связи с празднованием 200-летия академии.

Вплоть до последних дней, несмотря на свой преклонный возраст, отец Василий продолжал преподавать в своей родной академии, активно участвовать во всех мероприятиях, посещая заседания Ученого Совета, Воспитательского совещания, заседания кафедры церковно-практических дисциплин и кафедры богословия, различного рода круглые столы и конференции, проводимые академией, сочетая высокое призвание пастыря и педагога, являя яркий пример непоколебимой верности Церкви. Господь судил отцу Василию пройти путь от преподавателя до заслуженного профессора, пройти через все степени послушания на административном поприще Санкт-Петербургских духовных школ — от рядового классного наставника семинарского курса до ректора. На этом пути отец Василий всегда проявлял ответственность, владение проблематикой жизни школы, знание ее истории и традиций. Отец Василий стяжал богатый опыт пастыря и педагога, с одной стороны, а с другой — любовь и уважение коллег, сотрудников и учащихся Санкт-Петербургских духовных школ.

Скончался отец Василий Стойков 20 сентября 2020 г., на 92-м году жизни.

Епископ Петергофский Силуан выразил соболезнование матушке Нине Стойковой, всем родным и близким, а также духовным чадам новопреставленного:

«С болью в сердце воспринял известие о смерти заслуженного профессора, первого проректора Санкт-Петербургской духовной академии протоиерея Василия Ивановича Стойкова. Масштаб личности этого пастыря Божия и наставника будущих служителей Церкви столь велик, что для осознания понесенной Духовными школами Северной столицы потери должно пройти немалое время. Отец Василий окончил Ленинградскую духовную академию в 1955 году, он общался с профессорами, окончившими и даже преподававшими ещё в Императорской Санкт-Петербургской духовной академии. Среди них был непосредственно учитель, как его называл отец Василий, его научный руководитель профессор протоиерей Василий Верюжский, преподававший в дореволюционной академии историю Поместных Церквей. Именно в рамках этой дисциплины в первые годы и даже десятилетия специализировался сам отец Василий, занимаясь разработкой курса лекций по истории Болгарской Православной Церкви, осуществляя многочисленные переводы богословских и церковно-исторических трудов с английского, болгарского и других языков. К сожалению, значительная часть этих трудов так и осталась в рукописи или машинописи ввиду того, что в советский период у профессоров академии было не так много возможностей для публикации своих статей, докладов, переводов, особенно в сравнении с нынешним временем. Впрочем, даже несмотря на довольно стесненные условия, отец Василий опубликовал не один десяток своих статей

и проповедей. Благодаря этим и многим другим научно-исследовательским трудам отца Василия можно назвать человеком, через которого Господь осуществил связь времён и не дал погасить пламя церковной науки и культуры, представителями которой были выдающиеся учёные и преподаватели, составлявшие цвет духовной высшей школы столицы Российской империи. Так, он сохранял и передавал традицию давно ушедшей, казалось бы, эпохи. Шестьдесят пять лет своей жизни отец Василий отдал преподаванию в Ленинградских, затем в Санкт-Петербургских духовных академии и семинарии. В течение этих десятилетий отцу Василию довелось преподавать самые разные богословские дисциплины, такие как сектоведение, история старообрядческого раскола, литургики, практическое руководство для пастырей, догматическое богословие, патрология, гомилетика, аскетика.

Однако отец Василий был не только педагогом, профессором, ученым, но и администратором. Так уж получилось, что ему довелось пройти путь не только от профессорского стипендиата до заслуженного профессора, но и от рядового классного наставника семинарского курса до ректора славной Санкт-Петербургской духовной академии, причем в один из самых сложных периодов не только в истории духовной школы, но и всей страны. И тогда, в 1992–1996 гг., удалось сохранить академию, несмотря на серьезные испытания и тяжелейший экономический кризис.

За эти десятилетия он, в разной степени, оказал влияние на становление сотен и сотен священников и архипастырей, выпускников духовных школ города на Неве. Так, он будто связывал собой разные поколения воспитанников наших академии и семинарии, потому что все они, вне зависимости от возраста и сана, либо учились с ним вместе, либо слушали его лекции. Шестьдесят пять лет своей жизни отец Василий был священником, и мы едва ли когда-то узнаем, сколько раз он совершал Бескровную Жертву и скольких людей привёл к Богу. Трудно поверить, что всё высказанное относится к жизни и трудам одного человека, но это так. Сегодня, когда Господь призвал его в Небесную обитель, «идеже праведные упокоются», его земная жизнь превращается в нашу молитвенную память о нём. Я выражаю самые искренние соболезнования семье, близким новопреставленного отца Василия и всей большой семье воспитанников и сотрудников Санкт-Петербургских духовных школ, потому что смерть отца Василия является болью для каждого из нас.

Отпевание протоиерея Василия Стойкова
в Свято-Троицком соборе Александро-Невской лавры, 23 сентября 2020 г.

Отпевание протоиерея Василия Стойкова

Помолимся Владыке Христу, чтобы Он принял душу раба Своего протоиерея Василия и сотворил ему вечную и блаженную память»¹.

Отпевание протоиерея Василия Стойкова 23 сентября 2020 г. в Свято-Троицком соборе Александро-Невской лавры по окончании заупокойной Божественной литургии совершил митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Варсонофий. Его Высокопреосвященству сослужили епископ Тихвинский и Лодейнопольский Мстислав и ректор Санкт-Петербургской духовной академии епископ Петергофский Силуан. За богослужением молились наместник Александро-Невской лавры епископ Кронштадтский Назарий и настоятельница Воскресенского Новодевичьего монастыря г. Санкт-Петербурга игумения София (Силина).

Митрополит Варсонофий зачитал соболезнование Святейшего Патриарха Кирилла, а также произнес краткое слово, в котором отметил: «Протоиерей Василий Стойков родился на Украине в Кировоградской области, затем приехал учиться в город на Неве, с которым и была связана вся его дальнейшая жизнь. Он служил в нескольких храмах, в том числе в Князь-Владимирском соборе, последние годы — в Тихвинской епархии, был ее духовником. Всю свою энергию, всю свою любовь, все свои таланты он отдал Санкт-Петербургским духовным школам, воспитав многих священнослужителей, которые сегодня молятся об упокоении его души. Они благодарны ему за полученные воспитание и образование. Отец Василий показал пример беззаветного служения Церкви. Нынешние пастыри должны брать пример с таких священнослужителей, которые прошли трудное богоборческое время и остались верными Христу и Церкви. Наш долг — брать пример с его жизни и молиться о его душе»².

¹ Епископ Петергофский Силуан. Соболезнование в связи с кончиной протоиерея Василия Стойкова // Санкт-Петербургская Духовная Академия. URL: <https://spbda.ru/publications/episkop-petergofskij-siluan-soboleznovanie-v-svyazi-s-konchinoj-protiiereya-vasiliya-stojkova> (дата обращения 10.12.2020).

² Митрополит Варсонофий совершил отпевание протоиерея Василия Стойкова // Санкт-Петербургская епархия. URL: <http://mitropolia.spb.ru/news/mitropolit/?id=181815> (дата обращения 10.12.2020).

Протоиерей Василий Стойков был погребен на Никольском кладбище Александро-Невской лавры. Заупокойную Божественную литургию в Свято-Троицком соборе обители возглавил епископ Кронштадтский Назарий, которому сослужили епископ Тихвинский Мстислав и епископ Петергофский Силуан³.

Соболезнование Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла в связи с кончиной заслуженного профессора Санкт-Петербургской духовной академии протоиерея Василия Стойкова:

«С печалью узнал о кончине протоиерея Василия Стойкова, заслуженного профессора и первого проректора Санкт-Петербургских духовных школ.

Вся жизнь почившего была связана со служением Господу и Его Церкви. Окончив в далеком 1955 году Ленинградскую духовную академию, отец Василий посвятил себя трудам на преподавательском поприще в родной alma mater. За долгие 65 лет им было воспитано не одно поколение священнослужителей, в благодарной памяти которых он навсегда останется добрым и внимательным пастырем, замечательным педагогом и благоговейным делателем нивы Божией, всецело отдававшим себя порученному ему ответственному послушанию. С неизменной теплотой вспоминаю наши с ним совместные труды в мою бытность преподавателем и ректором Академии.

В разные годы протоиерею Василию довелось совмещать преподавание с обязанностями секретаря Ученого совета, инспектора и проректора по учебной работе. Несколько лет почивший нес и ректорское служение.

Возношу молитвы ко Владыке жизни Христу о упокоении души новопреставленного протоиерея Василия. Человеколюбивый и Милостивый Господь да простит ему всякое согрешение вольное и невольное, вселит во обители небесные, идеже несть печаль, ни болезнь, ни вздыхание, и сотворит ему вечную память»⁴.

Воспоминаниями о новопреставленном поделились люди, которые не один год своей профессиональной деятельности провели рядом с ним в духовных школах: нынешний ректор академии епископ Петергофский Силуан (Никитин); ректор академии с 2008 по 2018 гг. митрополит Тверской и Кашинский Амвросий (Ермаков); заслуженный профессор, ректор академии с 1987 по 1992 гг. протоиерей Владимир Сорокин; руководитель богослужебной практики, первый проректор академии архимандрит Софроний (Смук); настоятель Свято-Троицкой Сергиевской Приморской пустыни архимандрит Николай (Парамонов) и заведующая канцелярией духовной академии О. И. Пономарёва.

Ректор Санкт-Петербургской духовной академии епископ Петергофский Силуан.

– Отец Василий был человеком простым и искренним, без какого-либо профессионального клерикального лоска. Это был настоящий православный батюшка, в котором всё говорило об искренней любви к Церкви, академии и народу Божьему. Я видел его в академических коридорах и аудиториях, на заседаниях Учёного и Воспитательского советов, за обеденным столом, мне доводилось ездить к нему в храм в Отрадное. Он всегда был одинаково ровным, собранным и корректным: у него не было никакой искусственности, напускного благочестия и пафосности.

Мне очень сложно более-менее целостно описать профессиональные способности и дарования отца Василия, по причине совсем небольшого времени работы с ним в академии. Однако несомые им в течение жизни церковные послушания говорят о нем как о человеке крайне даровитом, а о его трудах — как многоплодных. Его

³ Митрополит Санкт-Петербургский Варсонофий совершил отпевание заслуженного профессора СПбДА протоиерея Василия Стойкова // Patriarchia.ru. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5694940.html> (дата обращения 10.12.2020).

⁴ Патриаршее соболезнование в связи с кончиной заслуженного профессора СПбДА протоиерея Василия Стойкова // Patriarchia.ru. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5693952.html> (дата обращения 10.12.2020).

Погребение протоиерея Василия Стойкова на Никольском кладбище

таланты были крайне разносторонни: преподаватель, настоятель, духовник, хороший хозяйственник и администратор.

Отец Василий обладал феноменальной памятью и искусством выбирать правильное решение. Во всём у него была какая-то основательность, которая, возможно, была связана с жизненной осторожностью и дипломатичностью. При этом он отличался крайней органичностью, целостностью и простотой. Будучи уже в преклонных годах,

Погребение протоиерея Василия Стойкова

Погребение протоиерея Василия Стойкова

отец Василий сохранял феноменальную работоспособность: так, он всегда знакомился с содержанием периодических изданий академии, следил, чтобы коллеги аккуратно заполняли учебный журнал. Опоздания или моменты, которые нарушают трудовую дисциплину, едва ли имели место в его жизни. Отец Василий был крайне скромен в быту, его можно по справедливости назвать аскетом, и подтверждением этому — факт, что в своем почтенном возрасте он пользовался общественным транспортом.

Отца Василия любила паства. К пустому колодцу народ не ходит. Последний раз у него в храме я был на праздник иконы Божией Матери «Животворящий Источник» на Светлой седмице. Тогда я увидел, как он совершал молебен. Я молился в алтаре, но видел его общение с паствой. Казалось бы, он там уже служил не одно десятилетие и вроде бы всё должно быть быстро и лаконично: послужили молебен, воду освятили, всех окропили и разошлись. Но отец Василий сказал классическую академическую проповедь, примерно на полчаса. В ней он подробно вспоминал историю «Животворящего Источника». Удивительно то, что это было очень неспешно, размеренно, спокойно и обстоятельно. Поколение отца Василия отличается в положительном смысле от большинства сегодняшних священнослужителей чувством осознания своего особого внутреннего достоинства — они смотрят на себя не как на личность, а в первую очередь как на священнослужителей, с полным отказом от самолюбования и собственного пиара. Своим видом, своим поведением они свидетельствовали, что быть священнослужителем — это одновременно и серьёзно, и прекрасно, а потому всегда должно быть величаво.

Мне запомнился один случай, когда я у отца Василия спросил по поводу диалога с лютеранами ГДР (один из наших студентов захотел взять тему магистерской диссертации по лютеранскому богословию). Я рассказал, какие в этой области есть интересные моменты, какие темы ещё до конца не раскрыты. Он ответил только: «Да, я понял». На следующий же день он привёз мне несколько сумок литературы на данную тему. В последнее время, когда отец Василий бывал в академии,

он говорил, что хотел бы передать духовным школам часть своей библиотеки. И вот, редкий случай — отец Василий воспользовался академической машиной... И только потому, что с ним поехали сотрудники библиотеки, чтобы привезти книги.

В нем была какая-то умилительная непосредственность и искренность. Я пытался неформально общаться с такими людьми. Однажды, 10 декабря, на «Знамение», мы собрали академических «старцев», среди них были: отец Богдан Сойко, отец Василий, ещё подъехали некоторые... Они вспоминали старую академию 60-х годов. Отец Василий помнил не только 60-е, но и 50-е годы, даже последних обновленцев — ленинградских ренегатов из духовенства. При этом у него были очень сдержанные, весомые характеристики, но крайне объективные. Не было такого, чтобы отец Василий сказал какую-то скабрёзную шутку, осудил кого-то или сплетничал. Как собеседник, он был интересен именно своей объективностью.

Я жалею, что было мало времени и возможностей беседовать и встречаться с ним. Да упокоит Господь его душу.

Митрополит Тверской и Кашинский Амвросий, ректор Санкт-Петербургской духовной академии в 2008–2018 гг.

— Когда я был назначен в Санкт-Петербургскую духовную академию ректором, отец Василий Стойков был проректором по учебной работе. Тогда было два проректора: по учебной и по воспитательной работе. Воспитанием занимался протоиерей Александр Кудряшов, уже тоже почивший, а учебной работой — отец Василий. Он не владел компьютером и всю работу делал от руки. Но все его таблицы, расписания занятий, документы, необходимые в то время, всегда были очень выверенными, точными, продуманными и не имели практически никаких ошибок. В то время в духовной академии не было компьютера даже в приёмной ректора, а в канцелярии не было интернета. Многие документы составлялись вручную.

Через какое-то время, когда мы начали компьютеризировать академию в рамках подготовки к лицензированию и аккредитации, стало понятно, что отцу Василию уже сложно справляться со своей работой. Он с пониманием к этому отнёсся и передал свои полномочия отцу Димитрию Юревичу. Затем проректором по учебной работе стал отец Владимир Хулап. Оба преемника благоговели перед отцом Василием. Для них он был непререкаемым авторитетом, прежде всего — духовным.

В отце Василии меня всегда поражали его способность работать и его ответственность. Когда проходили защиты выпускных работ, он, если присутствовал в комиссии, обязательно внимательно прочитывал каждую работу. Отец Василий читал работу, делал пометки, во время защиты задавал весьма квалифицированные вопросы. Он никогда не стремился кого-то «завалить», либо, наоборот, «вытянуть»; он всегда был объективен. При этом, если у него возникали вопросы по существу работы, какие-то недоумения, либо он что-то хотел для себя прояснить, то отец Василий никогда не пренебрегал этой возможностью и эти вопросы задавал.

Отец Василий был человеком молитвы. Очень скромным и смиренным. Несмотря на его весьма почтенный возраст и то, что я ему годился почти во внуки, он всегда с подобающим в церковной среде уважением относился ко мне и как к ректору, и как к архиерею. Это никоим образом не мешало мне прибегать к его педагогическому, житейскому и духовному опыту. Мне никогда не было неловко с ним советоваться, потому что я знал, что этот человек прошёл очень непростой жизненный путь и обладает большой мудростью.

Случалось, что он радовался как ребенок. Например, когда после двадцати двух лет борьбы исторический комплекс Санкт-Петербургской духовной академии был возвращён Церкви. Он вспоминал, как во время его ректорства делались попытки вернуть здание академии: ходили крестным ходом, студенты даже занимали часть помещений, ночевали и устраивали молебны там. Однако потом их оттуда «выдавили». Я помню его глаза, улыбку и неподдельную лучезарную радость, его счастье, когда мы подписали акт о передаче этого здания в храм Двенадцати апостолов.

Вспоминается, с каким воодушевлением отец Василий молился за первой службой в этом храме.

Отец Василий рассказывал о том, в какие непростые годы ему пришлось занять должность ректора. Он никогда не хотел возглавлять академию. Настолько, что он никогда не позволял себе поселиться в покоях ректора и практически не работал в ректорском кабинете. Но то послушание, которое ему было дано, он выполнял честно и ответственно. Насколько мог, пытался повлиять на непростую ситуацию, в которой оказались Ленинградские духовные школы в 90-е годы. Это было реально голодное время — не было средств даже на покупку еды для студентов. Отцу Василию приходилось брать в долг продукты на базе, а потом, по мере возможностей, долги отдавать. Несколько раз, как он говорил, Учёный совет обращался в Патриархию с просьбой поддержать финансирование духовной академии, но времена тогда были непростые для всей Церкви. Академия не всегда могла платить преподавателям зарплату, и многие трудились не за деньги — просто не оставляли родную школу. Такую ситуацию отец Василий, как ректор, очень тяжело переживал. Я не знаю, как прошли бы этот сложный путь другие, но он прошёл его достойно.

Шестьдесят пять лет провёл отец Василий в духовной академии. Однажды, во время Актового дня, я встречал гостей и спрашивал у них, в каком году кто из них закончил академию. Тогда отец Василий подошёл ко мне и с улыбкой сказал: «А я, владыка, уже более шестидесяти лет здесь нахожусь». Меня это потрясло. Ведь большинство из нас даже не приблизились ещё к этому рубежу своей жизни.

Отец Василий обладал острым аналитическим умом. Очень много читал, и мне кажется, что именно эта постоянная умственная деятельность и позволила ему до своих последних дней быть в прекрасной интеллектуальной форме, сохранять великолепную память и способность к размышлению. Меня неизменно поражала его способность читать большие и сложные книги. Например, в Московской духовной академии был издан фундаментальный научный труд Жана Клода Ларше «Исцеление духовных болезней». Отец Василий взялся прочитать эту книгу для того, чтобы определить, полезна ли она для обучения будущих священников. Он её не просто прочёл, но проработал, и нашел книгу весьма полезной для священников и студентов. Отец Василий написал мне о своих замечаниях, причем сделал это исходя из своих внутренних побуждений, — я не мог настаивать на том, чтобы он брал на себя столь большой труд. В его письме говорилось о том, что книга должна стать настольной для студентов духовных школ и молодых священников, при этом рекомендовалось её переработать и значительно сократить. Вообще отец Василий часто писал мне письма, причем всегда от руки. Чаще всего он поздравлял с церковными и личными праздниками. В этих письмах много его размышлений, переживаний, слов благодарности, мыслей о современной жизни духовной академии.

Отец Василий умел заботиться о здоровье. Дважды в год он обязательно ложился в больницу на профилактику. Это было его годовым режимом, и я уверен, что такое отношение к своему здоровью — прекрасный пример для тех, кто-либо совсем о нем не думает, либо наоборот, заикливается на нем.

Отец Василий был человеком доброжелательным и общительным, внимательным к людям. Всегда поздравлял с личными и церковными праздниками сотрудников академии и даже студентов, которых знал. Знаю, что если он вдруг не успел кого-то поздравить лично, то потом, спохватившись через пару дней, всегда приходил и поздравлял.

Отец Василий подлинно был человеком Церкви. Он никогда не позволял себе о ком-то плохо говорить, кого-то жёстко критиковать. Был очень достойным человеком в этом смысле, и очень достойно себя вёл: благородно, сдержанно, смиренно. Он был настоящим христианином, и это главное. Ведь когда пастырь учит свою паству с амвона тому, в чём он сам не имеет навыка, в чём он сам не может быть примером и образцом, слова теряют свою силу. Слова отца Василия были не просто правильными, выверенными, подтверждёнными Священным Писанием или цитатами святых

отцов. Это были слова человека, который жил так, как говорил. Он был скромным пастырем. До последних дней он служил в храме Тихвинской епархии, приезжая туда либо на общественном транспорте, либо на такси — у него не было своего автомобиля.

Образ доброго, скромного, в меру строгого, умного и благородного человека навсегда останется в моей памяти и сердце. Есть люди, забыть которых невозможно. Среди них — отец Василий Стойков. Я верю, что дорогой батюшка в Царствии Отца Небесного будет вспоминать и о тех людях, которых он встречал на своём жизненном пути. Верю, что вспомнит и помолится обо мне.

Ну а мы, находящиеся пока в земной юдоли, должны сохранить память о таких людях, как отец Василий, и просить у Бога милости для них и упокоения вместе с праведниками. Верю, что небесная пристань, к которой так стремился отец Василий в своём земном странствии, приняла его.

Протоиерей Владимир Сорокин — настоятель Князь-Владимирского собора Санкт-Петербурга, заслуженный профессор Санкт-Петербургской духовной академии, в 1987–1992 гг. — ректор.

— Первое наше знакомство с отцом Василием состоялось, когда я поступил в академию. Он был моим преподавателем. Потом мы с ним подружились и стали общаться более тесно: дружили семьями, ходили в гости, конечно же, вместе преподавали в академии.

Отец Василий — представитель старой школы духовенства, которую прежде всего характеризовала честность, открытость и обязательность. Сейчас таких людей становится всё меньше. Он был из той когорты, из которой происходили такие люди, как ныне здравствующий Патриарх Кирилл, покойный Патриарх Алексий II, митрополит Никодим (Ротов) и многие другие, уже ушедшие из этой жизни. Все они, как и отец Василий, стремились привить человеку церковность, научить его слушать, передать ему традиции.

Отец Василий преподавал в академии очень долго — 65 лет. К преподаванию он всегда подходил крайне обстоятельно и ответственно. Он превосходно владел своим предметом — аскетикой. Это был, действительно, его предмет: он очень хорошо знал святых отцов и их мнение по вопросам внутренней жизни человека. К тому же, отец Василий не преподавал аскетику как академический предмет, он ей жил: он всегда предпочитал ходить пешком или пользоваться общественным транспортом, в целом был очень скромным человеком. Всегда хотел что-то человеку дать, угостить его чем-то, особенно если это было выращено своими руками.

У него во всём была мера: он никогда не перегружался в еде и питии, не злоупотреблял ничем (и своим положением в том числе). У него всё было очень взвешенно. Я не видел его сильно эмоционально возбуждённым и не помню случая, чтобы отец Василий с кем-то поссорился: он либо мудро промолчит, либо своё мнение подкрепит весомыми аргументами. Он конструктивно подходил к вещам, с которыми имел дело. Именно из-за такой рассудительности и спокойствия, в какой-то мере даже невозмутимости, он был замечательным администратором.

И то, что его сейчас не стало — это огромная, невосполнимая утрата для нашей Церкви. Он был представителем целой эпохи, которая проходит. Я очень надеюсь, что Господь примет Своего верного раба в «селения праведные», где этот добрый труженик Христов упокоится и не будет испытывать нужды и печали. Царство ему Небесное.

Архимандрит Софроний (Смук) — преподаватель, первый проректор Санкт-Петербургской духовной академии, руководитель богослужебной практики.

— Протоиерея Василия Стойкова я знал за несколько лет до моего прибытия в Санкт-Петербургскую, тогда Ленинградскую, духовную академию в 1976 году. Он в то время был инспектором академии и преподавал гомиетику. После кончины бывшего ректора протоиерея Михаила Сперанского, отец Василий был

первенствующим священником в академическом храме апостола и евангелиста Иоанна Богослова.

Протоиерей Василий Стойков сменил на должности ректора протоиерея Владимира Сорокина в 1992 году. Отец Василий любил студентов, а также почтительно относился к профессорам, преподавателям и всем сотрудникам нашей академии, за что все его очень любили, почитали и уважали.

Много лет отец Василий был проректором по учебной части, преподавая в это время пастырское богословие и аскетику. Он произносил речи в академическом храме и актовом зале по случаю особых торжеств нашей духовной школы. Также отец Василий принимал активное участие в заседаниях Учёного совета и воспитательского совещания, был заведующим и активным членом кафедры церковно-практических дисциплин, был председателем первой ставленнической комиссии после её учреждения в академии.

Отец Василий проходил и пастырское служение, совмещая его со своими преподавательским и административным послушаниями: он был настоятелем собора Князя Владимира. Много лет — и даже до своей кончины — он был настоятелем прихода в поселке Отрадном.

Протоиерей Василий Стойков за свое многолетнее пастырское, богословское и административное служение Святой Православной Церкви был удостоен многих высоких наград. Верим и надеемся, что отец Василий получит награду от Бога, которая выше всех земных наград.

Упокой, Господи, душу раба Твоего, новопреставленного протоиерея Василия! Аминь.

Архимандрит Николай (Парамонов), настоятель Свято-Троицкой Сергиевой Приморской пустыни.

— Отец Василий обладал редким природным смирением и кротостью, удивительной выносливостью и трудолюбием. За четыре дня перед его смертью я позвонил ему на сотовый телефон и спросил о здоровье — он уже находился в больнице. Отец Василий сказал, что кашля нет, температуры нет, давление хорошее, чувствует себя прекрасно; спрашивал о наших общих знакомых и монастырских делах. Расстались мы очень тепло. А потом неожиданно пришло известие о том, что он отошел ко Господу.

Конечно, мы вспоминаем его труды на разных поприщах в академии. Преподаватели говорили так: «Когда отец Василий был ректором, это было самое лучшее время в духовных школах». Даже несмотря на то, что это была смутная эпоха «перестройки». Однако отец Василий умудрялся и в это время доставать продукты для студентов: звонил разным архиереям — выпускникам наших школ; договаривался с другими христианами. И духовные школы выжили.

Отец Василий принимал активное участие во многих интересных проектах. Когда я высказал ему мысль о том, что хорошо было бы организовать монастырь для ребят, которые не поступают в семинарию, но очень хотят поступить и где-то подготовиться к этому, то он предложил Сергиеву пустынь. Здесь в то время была спецшкола МВД. Он дал мне телефон начальника политотдела, а после выступил активным защитником того, что епархии необходим этот монастырь и что не нужно отказываться от помещений, которые отдаёт государство.

В 1991 году мы с группой молодых преподавателей задумали создать вечерние богословско-педагогические курсы, которым в следующем году исполнится уже 30 лет. Надо сказать, что очень много людей их закончило, среди них около 50-ти священников. Отец Василий был пламенным защитником и ходатаем курсов перед правящим архиереем; он писал докладную записку о том, чтобы эти курсы открылись.

Также отец Василий принимал активное участие в том, чтобы вернулось историческое здание Санкт-Петербургской духовной академии на Обводном канале, д. 7. Все его сердечные устремления были направлены на это. Ведь в историческом здании

учились наши патриархи, св. прав. Иоанн Кронштадтский; отсюда вышли многие святители, причисленные к лику святых мученики. В то время студенты занимались в семинарии (Обводный канал, д. 17), а здание академии было занято индустриально-педагогическим техникумом. И вроде бы его руководство согласилось часть здания передать нам, но это решение так и не было полностью реализовано. Началось противостояние, которое длилось более 10-ти лет, пока не вмешался Святейший Патриарх, и здание бывшей духовной академии наконец-то передали законному владельцу. Конечно же, в этом огромная заслуга отца Василия.

Я имел счастье девять лет быть у него ассистентом по аскетике и гомилетике. Отец Василий милостивно предоставлял мне возможность спрашивать студентов; советовал, как вести опросы и т. д. Я вспоминаю, был один очень плохо подготовленный студент. Я не знал, откуда он прибыл, и с нетерпением пытался выяснить, что же он знает, уже даже не столько по билету, а вообще. Этот молодой человек говорил только общие фразы, наподобие «треба багато молитися, та багато хреститися» ... Я уже иссяк, а отец Василий мне говорит на ушко: «Отец Николай, это единственный православный на Львовщине, давайте его отпустим с троечкой».

Отец Василий был неутомим и в том, что многие считают преподавательской рутинной – в проверке ученических работ. Он всегда это делал усердно. Однажды отец Василий сломал ногу и попал в больницу. Узнав об этом, я принёс ему передачку и свою книгу «Шёл к Богу человек», которая только вышла. И, как отец Василий потом рассказывал, даже лёжа на вытяжке, он внимательно её читал. Наверное, это естественно для человека, который постоянно занимается проверкой работ: ему было скучно просто так лежать в палате.

Студенты смотрели на него как на учёнейшего старца, который всё знает по своему предмету и прекрасно осведомлен в науках. Когда отец Василий был ректором, он обходил аудитории, в которых сдавались экзамены; инспектировал, как всё проходит, как преподаватели ведут себя, какая обстановка, и во всё вникал очень подробно. По первости, когда человек поступал в семинарию, он в отце Василии видел молчаливого кроткого человека. Но потом впечатление менялось, становилось понятно, что это человек огромного опыта. Говоря об отце Василии, на память приходят слова святителя Игнатия Брянчанинова: «Я очень завидую людям, которые при всех превратностях судьбы сохраняют мирный и спокойный дух». Вот таким был отец Василий. Это какое-то природное смирение и спокойствие. Конечно, его уход для нас – огромная скорбь и утрата. Царство ему Небесное.

Ольга Ивановна Пономарёва — заведующая канцелярией Санкт-Петербургской духовной академии.

– Отца Василия я впервые увидела в 1980 году, когда поступала на Регентское отделение. Это был статный, красивый священник, он казался очень строгим, суровым даже. Мои опасения подтвердились чуть позже. Во втором классе у нас у всей группы был конфликт с преподавателем по вокалу. Отец Василий в то время был инспектором академии. Тогда нас первый раз вызвали к нему «на ковёр». Как это было тогда страшно! Он ещё сидел с таким невозмутимо строгим лицом и слушал всё очень внимательно. После, конечно, он пожурил нас, чтобы мы себя так больше не вели и отпустил. В итоге нам объявили по выговору и на этом дело завершилось. А мы так перепугались и думали, что нас всех отчислят!

Однако отца Василия отличала не только строгость. На всех постах, которые ему пришлось занимать, он был крайне внимательным и рассудительным. Отец Василий никогда не принимал решений второпях. Он меня назначил заведующей канцелярией, поэтому приходилось много общаться с ним по разным вопросам. Часто про то или иное прошение он говорил: «Пусть отлежится. Бумага должна полежать!» А после, рассмотрев вопрос со всех сторон, обстоятельно, он уже принимал решение.

Это качество очень пригодилось в то время, когда ему пришлось возглавить академию. Он стал и. о. ректора в 1992 году. В это время на счету академии было пусто,

абсолютный ноль. Постоянно из-за мизерных зарплат увольнялись преподаватели. Но он нашёл силы и возможности спасти академию, сохранить её от закрытия. Из-за того, что его много кто знал, в академию постоянно приходили посылки, в том числе и из-за границы: то с продуктами, то с книгами. И он всегда старался из этого выделит что-то сотрудникам, как-то порадовать коллег.

Всю свою жизнь отец Василий преподавал аскетику. У него преподавание этого предмета было очень органичным, оно сливалось с его собственной жизнью. У отца Василия не было разделения: вот это академическая сторона жизни, а вот это — личная. У него всё было цельным: и преподавательская деятельность, и приходское служение, и семейная жизнь. И поэтому рядом с ним всегда было душевно. Он умел создать очень семейную, тёплую атмосферу: то печеньем угостит, то фрукты принесёт из своего сада. Он был превосходным садовником! Научил меня в своё время, как правильно надо обрезать яблони. И когда у него уже не было своих яблок, я угощала отца Василия плодами с деревьев, за которыми ухаживала по его совету. Он всегда очень радовался тому, что смог помочь кому-то. У него всегда было это стремление — помогать и творить добро для людей. Особенно, если какая-либо нужда появлялась у преподавателей академии, то отец Василий всегда спешил на помощь, никогда не боялся просить за человека. И это спасало очень многих.

С того момента, как он переступил порог академии, и до последнего вздоха он был предан нашим духовным школам. За это время он сменил множество административных постов, постоянно преподавал. Он был усердным молитвенником. Наверное, именно это позволило ему на протяжении долгого времени — 65 лет! — так продуктивно работать и преподавать. Сейчас, когда его уже не стало, я надеюсь, что Господь примет его душу в райские селения, а мы обретём ещё одного молитвенника и ходатая за нас⁵.

⁵ В память об ушедших. Друзья и коллеги о заслуженном профессоре Академии протоиерее Василии Стойкове // Санкт-Петербургская Духовная Академия. URL: <https://spbda.ru/publications/v-pamyat-ob-ushedshih-druzya-i-kollegi-o-zasluzhennom-professore-akademii-protoieree-vasilii-stojkove> (дата обращения 10.12.2020).

**«Не будут забыты, не будут утрачены и не растворятся
в безвестности судьбы, труды и достижения
наших предшественников».**

**По поводу публикации автобиографии
профессора П. С. Смирнова¹**

Уважаемая редакция «Вестника Исторического общества»!
Уважаемый Дмитрий Андреевич!

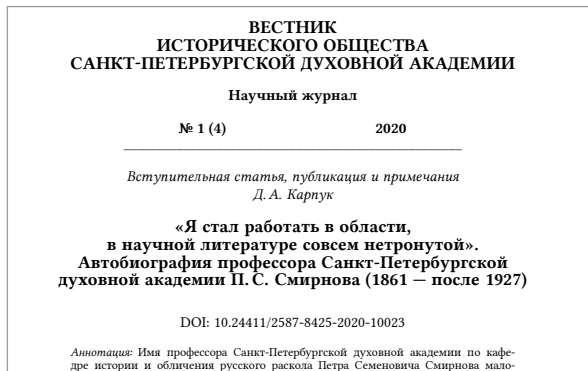
Меня зовут Александр, и я являюсь родственником профессора Санкт-Петербургской духовной академии П. С. Смирнова по линии его родной сестры Анны Семеновны. В настоящее время проживаю в городе Озёры Московской области.

К сожалению, о Петре Семеновиче мы сохранили «крупницу» информации, а также фотографию, датированную 1912 г., которую он прислал своей сестре. Большое спасибо за публикацию

«Автобиографии» П. С. Смирнова², с которой я ознакомился с большим интересом. Для нас было неожиданным узнать, кем он на самом деле являлся. Мне почетно знать, что мой предок достиг такого положения.

Изначально мы искали информацию о П. С. Смирнове как о чиновнике, государственном служащем высокого ранга. Дело в том, что, со слов моей бабушки, он был дворянин и имел чин действительного статского советника. Узнав же, что он был профессором академии, я никак не понимал, как с этой информацией можно было связать чин действительного статского советника. Ведь не могла же моя бабушка выдумать это. И вот в автобиографии, опубликованной в «Вестнике Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии», я прочел, что П. С. Смирнов получил чин действительного статского советника. Из других источников я узнал, что этот чин дополнялся статусом дворянина. Таким образом, слова моей бабушки подтвердились. К сожалению, из поколения в поколение передавалось очень мало информации о наших предках. Я практически ничего не знаю о его сестре Анне Семеновне, прямым потомком которой и являюсь.

Поэтому для меня тоже было бы ценным и важным, если бы нашлась его рукопись, в которой он вел подробную автобиографию³. Ту часть автобиографии, которая сохранилась, он составил кратко, последовательно и грамотно описав важные моменты жизни. П. С. Смирнов — пример и образец человека, который своими стараниями

¹ В редакцию журнала поступило следующее письмо от родственника профессора Санкт-Петербургской духовной академии П. С. Смирнова. В настоящее время на основании полученных сведений (переписка продолжается) ведется работа по поиску более детальной информации о Петре Семеновиче Смирнове и его родственниках.

² «Я стал работать в области, в научной литературе совсем нетронутый». Автобиография профессора Санкт-Петербургской духовной академии П. С. Смирнова (1861 — после 1927) (Вступ. статья, публ. и прим. Д. А. Карлук) // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2020. № 1 (4). С. 273–296. (Прим. ред.).

³ Там же. С. 283. (Прим. ред.).

и устремлениями добивался успеха, развивался, преодолевал трудности. Жизнь, как видно, оказалась для него не такой простой. Но понимаю, что прожил он ее достойно, и занял почетное место в памяти не только близких ему по родству потомков, но и в памяти Отечества.

Со своей стороны, постараюсь принять участие в поиске упомянутой рукописи П. С. Смирнова. К. А. Васильев — старший брат моего прадеда. Судьба Кузьмы Алексеича Васильева и его потомков для меня тоже мало известна. Сообщаю Вам, что в 30-е годы его племянник, которому была передана рукопись, был репрессирован. В этом случае гарантий и шансов, что рукопись сохранилась, очень и очень мало. О том, что он был репрессирован, я узнал из рязанской книги памяти жертв политический репрессий.

К. А. Васильев — старший сын Анны Семеновны Васильевой (Смирновой), сестры П. С. Смирнова. Но был ещё и младший Петр, потомком которого я и являюсь. Анна Семеновна с сыновьями жила в районе села Озерки, ныне подмосковный город Озеры. В революционные годы, преодолевая множество перипетий, семьи разделились и разъехались в разные города. Была ли какая связь между ними, мне неизвестно. До революции он был священником и служил в небольшой церкви где-то под Озерками. За эту деятельность, думаю, он и был осужден, но уже под Рязанью.

Выражаю Вам благодарность за кропотливый труд! Спасибо Вам за интерес к истории, порой утраченной и сокрытой! Благодаря Вам и Вашим коллегам, выполняющим схожую миссию, не будут забыты, не будут утрачены и не растворятся в неизвестности судьбы, труды и достижения наших предшественников!

Учредитель журнала:
Религиозная организация – духовная образовательная организация высшего образования
«Санкт-Петербургская Духовная Академия Русской Православной Церкви»

Журнал учрежден 15 мая 2017 года

Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии

№ 1 (6), 2021

Научный журнал

ISSN 2587-8425 (Print)
ISSN 2687-0800 (Online)

Главный редактор журнала: Дмитрий Андреевич Карпук,
кандидат богословия, доцент Санкт-Петербургской духовной академии.

Официальный сайт журнала
<https://scientific-journals-spbda.ru/herald-historical-society>
Электронная почта журнала: vspbda@yandex.ru

Адрес Издательства СПбДА:
191167, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, 17.
Тел.: +7 812 612 40 44, доб. 339.
Эл. почта: izdatspbda@gmail.com

Главный редактор Д. В. Волужков
Корректор А. М. Чуб
Верстка Н. Н. Пимшина
Дизайн обложки Юлия Гринько

Подписано в печать: 05.05.2021. Дата выхода в свет: 19.05.2021.
Формат 70 x 100 / 16. Гарнитура: Linux Libertine.
Объем: 26,5 а.л.
Свободная цена.

Отпечатано в ООО «Аргус СПб»
198320, Красное Село, ул. Свободы д. 57.
Заказ № 48. Тираж 250 экз.